

С.И. МИЦКЕВИЧ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОСКВА

1888—1905

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА 1940

ПОСВЯЩАЮ МОСКВЕ

*«Единственной, себе в истории соперницы не зная,
ты простишь и до того пожара
Грядущего, в котором все империи мира должны
погибнуть!».*

В а й р о н — «Бронзовый век».
(Перевод К. А. Тимирязева).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя политически сознательная жизнь началась в середине 80-х годов.

Это было интересное время — время крушения и разложения народничества и появления на русской почве первых ростков марксизма.

Я встречался с последними могиканами революционного народничества — с якобинцем П. Г. Заичневским, каракозовцем П. Ф. Николаевым, народовольцем М. В. Сабунаевым, народником-романтиком Н. Н. Златовратским, казанскими революционными народниками последней формации, либеральными или критическими, как они себя называли, народниками — Н. Ф. Анненским и В. Г. Короленко.

Знал я самых первых марксистов в России — П. Н. Скворцова, Н. Е. Федосеева, Л. Б. и Г. Б. Красиных. Имел счастье встречаться с В. И. Лениным в период его первых устных и литературных выступлений. Принимал участие в дискуссиях молодых марксистов с народниками. Участвовал в первых марксистских кружках Нижнего-Новгорода (ныне город Горький) и Москвы. Был одним из инициаторов создания первой московской группы для марксистской работы среди московских рабочих. Наша группа положила основание первой московской рабочей социал-демократической организации — московского «Рабочего союза». Близко стоял я также к работе первой нижегородской социал-демократической организации и оказывал ей посильное содействие в выработке методов работы и доставкой литературы.

Я поддерживал связь с виленской организацией, ездил по конспиративным делам в Вильно и ознакомился с работой этой организации. Со славной работой «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководимого Лениным и игравшего такую огромную роль в истории нашей партии, мне не пришлось лично познакомиться, так как

в Петербурге я тогда не бывал. С этой работой «Петербургского союза», кроме того, что мне рассказывали Ленин и другие петербуржцы до моего ареста, до меня доходили сведения в тюрьме.

Я описал все это в первой книге моих мемуаров «На грани двух эпох». В ней я старался показать также, под какими идеологическими влияниями я, рядовой русский интеллигент, рос, как во мне произошел перелом от народничества к марксизму.

Будучи по своему образованию и профессии врачом, я коснулся в своих записках медицинской учебы в Московском университете и постановки русской земской медицины, причем я останавливался по преимуществу на общественно-политической стороне этих вопросов.

Во второй книге мемуаров «Революция» я описываю постепенный подъем революционного движения в Москве накануне первой революции, бурный расцвет его и славную работу московской большевистской организации в течение 1905 года. Заканчиваю описанием Московского вооруженного восстания — этой высшей точки подъема нашей первой революции.

Вспоминая то, что было в начале моей сознательной жизни, и сопоставляя с тем, что мы переживаем сейчас, поражаешься, какие грандиозные перемены произошли в течение одного полустолетия, в течение одной человеческой жизни.

Тогда — разрозненные, малочисленные интеллигентские группки, осколки разгромленного царизмом народничества, группки изолированные, совершенно не связанные с массами. О марксизме на русской почве тогда не было и слышно.

С тех пор прошло только пятьдесят с небольшим лет. За это время появились первые ростки марксизма, первые вспышки рабочего движения, первые марксистские организации, являвшиеся зародышем пролетарской партии. Выступает на самой заре марксизма в России Ленин. Под его гениальным руководством слагается большевистская партия в непримиримой борьбе с другими партиями и течениями. Рабочий класс, руководимый партией большевиков, становится гегемоном революционного движения. Происходят три революции. В результате третьей — победоносной пролетарской социалистической революции — власть переходит в руки диктатуры пролетариата; создается государство рабочих и крестьян. Проходит затем трехлетняя гражданская война — победоносная для Республики Советов. Образуется Союз Советских Социалистических Республик. Начинается грандиозное строительство по заветам Ленина, под руководством коммунистической партии и ее гениального вождя товарища Сталина. Две сталинские

пятилетки в корне изменили облик нашей страны: создана громадная промышленность, единоличное прежде крестьянство, распыленное и беспомощное, становится зажиточным колхозным крестьянством, применяющим на своих полях передовую земледельческую технику. Вошла в жизнь Сталинская Конституция, самая демократическая в мире. Могучая Красная Армия, оснащенная передовой военной техникой, стоит на страже нашей страны и ее социалистических достижений, готовая разгромить всякого нападающего врага.

Страна из культурно отсталой становится страной передовой культуры, передовой науки, техники и искусства, оплотом культурного прогресса всего человечества.

Из страны национального угнетения, из «тюрьмы народов», СССР становится страной братского единения ее многочисленных народностей.

Ныне социалистическая система хозяйства уже окончательно победила в нашей стране, и мы идем далее — вперед к коммунизму.

Всесоюзная коммунистическая партия, огромная массовая организация, является ведущей секцией Коминтерна, под руководством которого мировой пролетариат готовится к всемирной коммунистической революции.

Таков путь за пятьдесят лет!

Москва, 1 мая 1939 года.

КНИГА ПЕРВАЯ

НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА
К МАРКСИЗМУ

ГЛАВА I

ДЕТСТВО

Я родился 6 (18) августа 1869 года в городе Яранске, Вятской губернии. Отец мой был офицером резервного батальона, одна рота которого стояла в Яранске. Мать — дочь яранского купца Носова. И. Д. Носов в то время был одним из крупнейших купцов Вятской губернии, имел розничные магазины в нескольких городах губернии и вел, кроме того, крупную торговлю хлебом и льном, отправляя их в Рыбинск и Петербург. Сам он был неграмотный; его отец и он сам — крепостные помещика Владимирской губернии — были офенями (коробейниками), потом расширили торговлю и выкупились за большую сумму на волю еще до освобождения крестьян. Мать моя вышла за офицера против воли родителей; ее прочили выдать замуж за какого-нибудь крупного купца, а она захотела выйти за «нищего», за какого-то захудалого офицера; за это отец лишил ее приданого, и мы всегда жили на скромное жалование армейского офицера. Нас было четверо детей, я был старшим. Мать была простая, малограмотная женщина, так как тогда провинциальные купцы еще не учили своих дочерей, а сыновья их в лучшем случае учились в уездном училище. Отец был не совсем заурядный обыватель. Он выделялся из общей среды некоторой идейностью. Сам он происходил из среды мелких чиновников Подольской губернии. Во время севастопольской кампании (1854—1856 гг.) он поступил в армию рядовым, потом так и остался служить в армии, очень медленно подвигаясь по лестнице чинов, как офицер из рядовых. Что выделяло его из окружающей среды, так это щепетильная честность. Надо сказать, что честность была совсем не в почете у тогдашних обывателей и, в частности, в военной среде. Я уже не говорю об интендантстве¹, которое представляло собой спешуюся шайку воров, особенно раз-

¹ Так называлось ведомство по снабжению армии.

нудывавшуюся во время войн (сапоги на картонных подошвах, гнилое сукно, негодный провиант и т. п.); заведующие хозяйством и приемщики в полках старались не отставать от своих учителей-интендантов и тоже хорошо наживались. Все это знали, и никто этого не осуждал, — напротив: все завидовали удачникам и относились к ним с особым почтением¹. И вот представьте, что в этой среде появляется щепетильно-честный человек, не берущий никаких взяток. К нему относятся все знакомые, как к чудаку, родные и жена часто поругивают, сослуживцы настроены недоброжелательно и сторонятся: мешает другим воровать. Так было с моим отцом. Всю службу он прошел на нестроевых должностях: был казначеем, заведующим хозяйством резервного батальона, потом полка и почти за двадцать пять лет службы не нажил ни гроша. Мы, дети, часто были свидетелями, как он выгонял поставщиков и подрядчиков, приносящих дары; при этом он очень раздражался и волновался, такой уравновешенный, спокойный во всех других случаях жизни.

Когда мне было пять с половиной лет, отца перевели в Вятку, но там мы прожили только около года, и отца вновь перевели в город Либаву на Балтийском море².

Отец был переведен в Либаву по просьбе командира 113-го пехотного полка полковника Измайльского, сослуживца отца по Вятке. Отец был назначен заведующим хозяйством полка.

Жизнь в Либаве (1876—1878 гг.) я уже помню отчетливо. Я рано научился читать и очень любил рассматривать и читать статейки в «Живописном обозрении». Тогда началась подготовка общественного мнения к намечавшейся русским правительством войне с Турцией. В 1875—1876 годы восстали герцеговинцы против турецкого владычества. Это восстание инспирировалось русским правительством, которое решило им воспользоваться для интервенции под предлогом освобождения единоплеменных и единоверных славян от турецкого ига. Я очень интересовался повстанческой борьбой в горах Герцеговины, рассматривал иллюстрации и читал описания этой борьбы.

Вскоре Сербия начала войну с Турцией под предлогом поддержки герцеговинцев. В России объявлен был набор добровольцев, отправляющихся на помощь сербам. Все окружающие говорили об освободительной войне в защиту славян.

В апреле 1877 года Россия объявила Турции войну. Лозунгом этой войны, прикрывающей захватнические цели русского

¹ Пишу об этом не только по впечатлениям детства: у меня было три брата офицера, и потому я довольно близко знал военную среду через братьев и их знакомых.

² Тогда уездный город Курляндской губернии, ныне входит в состав Латвийской ССР.

самодержавия, было освобождение славян. Патриотическое воодушевление охватило общество. Все только и говорили об этой войне, об освобождении братьев-славян¹. Я очень живо интересовался войной: переход русских войск через Дунай, взрыв турецких броненосцев, взятие турецких крепостей, переход через Балканы, защита Шипкинского перевала — все это наполняло восторгом мое детское патриотическое сердце.

Лето 1877 года мы жили в лагерях под Ригой, где стояли все четыре полка двадцать девятой дивизии и артиллерийская бригада. Военные учения, маневры происходили на моих глазах и доставляли немало удовольствия.

Осенью этого года я поступил в частную приготовительную школу некоего Темпеля. В то время в Либаве не было русских школ², и хотя я уже умел читать и писать по-русски, но по-немецки я был еще совсем неграмотный. Младший приготовительный класс вела жена Темпеля. Нас училось немного, дело шло по-домашнему, в комнатах квартиры Темпеля. За год овладел немного немецким языком. В следующем году я учился уже в настоящей школе.

Преподавание вел сам Темпель; помню его строгую фигуру с линейкой в руках. Эта линейка не оставалась в бездействии: он пускал ее постоянно в дело для поднятия дисциплины и прилежания учеников.

Но недолго пришлось мне обучаться в этой школе. В октябре (1878 г.) мой отец, который уже несколько лет болел тяжелым туберкулезом легких, поехал лечиться на юг, в город Ямполь, Подольской губернии, где у него жила сестра; она была замужем за единственным в Ямполье врачом. Отец взял меня с собой; мать и три младших брата остались в Либаве. Ямполь был захолустный украинский городок, вроде гоголевского Миргорода.

В декабре приехала в Ямполь мать с братьями, отцу стало хуже, и он скоро умер. Смерть отца, которого я очень любил, тяжело на меня подействовала, и я много лет вспоминал его. После смерти отца мы оказались в очень тяжелом положении: отец не дослужил нескольких месяцев до двадцати пяти

¹ Как известно, добровольческое движение в 1876 году и даже война 1877—1878 годов встретили сочувствие у большей части русских революционеров: некоторые революционеры пошли добровольцами на войну. Только «Набат», орган русских «якобинцев», писал, что лучшим исходом войны было бы поражение России: это развязало бы русскую революцию.

² В это время руссификаторская политика не коснулась еще Прибалтийского края. Преподавание в том крае во всех школах, от низших до высших (Дерптского университета), велось на немецком языке. Это резко изменилось с конца 80-х годов, при Александре III, когда было введено преподавание во всех школах на русском языке.

лет, и семье поэтому не полагалось никакой пенсии. Через несколько месяцев матери удалось выхлопотать все-таки небольшую пенсию — девятнадцать рублей в месяц. Она отвезла меня в Вильно, в семью Измаильских, которые захотели меня взять к себе и подготовить к поступлению в гимназию. За это время полковник Измаильский вышел в отставку, и они переселились в Вильно.

В Вильно я опять попал в обстановку, резко отличающуюся от ямпольской. Это был большой город, старая столица Литвы. Там я учился у сестры Измаильской, только что кончившей Смольный институт. В это время я пристрастился к чтению, и особенно нравились мне исторические романы и исторические сборники.

В мае приехала моя мать и увезла меня в Москву. Она ехала с моими братьями в Яранск. Дед смилостивился над своей блудной дочерью, вышедшей замуж без его благословения, и принял ее к себе. В Москве мы жили с братьями на Чижовском подворье, на Никольской. Но мать с братьями уехали скоро в Яранск, а я остался у дяди Ф. И. Носова, который определил меня в подготовительную школу Сорокина, на Поварской (ныне ул. Воровского), для подготовки в военную гимназию. Я, как сын офицера, был зачислен кандидатом с августа в Нижегородскую военную гимназию. В подготовительной школе я проучился два месяца.

Москва того времени была мало похожа на современную Москву. Большинство домов в центре были двухэтажные, трехэтажные попадались редко, а четырехэтажных я не помню. Трамваев, и даже конок, еще не было; от центра к заставам ходили лишь линейки — длинные экипажи, запряженные парой лошадей, в них помещалось восемь-десять человек, которые сидели вдоль экипажа спиной друг к другу; линейки отправлялись в путь, когда соберется достаточно пассажиров. Автомобилей и велосипедов тогда еще также не существовало. Телефоны не были еще изобретены. Улицы освещались тусклыми керосиновыми фонарями. Электрические лампочки появились только в конце 80-х годов. Водопроводов в домах, а также канализации и центрального отопления не было. Граммофоны и кинотеатры появились в самом конце 90-х годов. Об аэропланах и радио не мечтали еще самые пылкие фантазеры. Так изменилась техника жизни за шестьдесят лет!

ГЛАВА II

В ВОЕННОЙ ГИМНАЗИИ — КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ. В МЛАДШИХ КЛАССАХ

К 1 августа 1879 года дядя повез меня в Нижний-Новгород сдавать экзамен в Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназию. Вспоминается большой зал (актовый) с большим

портретом Александра II посредине. В этом зале через шесть лет, в 1885 году, я держал выпускной экзамен, а еще через сорок шесть лет, в октябре 1931 года, выступал на собрании курсантов пехотной школы имени Сталина, которая помещалась тогда в этом здании, в дни сорокалетнего юбилея нижегородской партийной организации.

На экзамене я заявил, что я подготовлен ко второму классу, но мне ответили, что по возрасту я могу поступить только в первый (мне только что исполнилось десять лет). Я выдержал по всем предметам на двенадцать (в военных гимназиях была двенадцатибалльная система), только по какому-то одному получил десять. Дядя пошел к директору, тот разрешил попробовать держать во второй класс. И курьезно, что я получил по всем предметам двенадцать баллов, и меня приняли во второй класс. В классе я оказался таким образом на один год моложе самого младшего ученика.

Военно-учебные заведения были лучшими учебными заведениями царской России того времени. Во главе военного министерства стоял самый либеральный министр Александра II — Д. А. Милютин, в то время как министром народного просвещения был крайний реакционер, крепостник Д. А. Толстой, впоследствии, при Александре III, министр внутренних дел, вдохновитель злейшей реакции. Толстой насадил в гимназиях «классицизм» — языки греческий и латинский, в таких размерах, что они подавляли все другие предметы и доводили учеников до отупения. Милютин в Государственном совете неизменно боролся против этой системы.

Толстой был противником высшего женского образования и не разрешал женские врачебные курсы, а Милютин открыл таковые при Военной Медико-хирургической академии, и т. п.

Конечно, и военные гимназии готовили верных слуг царя и отечества, но делали они это более умело, чем школы министерства просвещения, где ученики проникались ненавистью к древним языкам и ко всей школе, а через них и ко всему политическому режиму.

Обращение с воспитанниками в военных гимназиях было хорошее, вежливое, на «вы» с первого класса, никаких унижающих наказаний не применялось; был у нас карцер, но за шесть лет моего учения никто в нем не сидел. Не было мелочного сыска и надзора, как это практиковалось в средне-учебных заведениях министерства народного просвещения, где для этого были заведены надзиратели со специальными шпионско-полицейскими функциями, ябедничество и доносы не поощрялись. В военных гимназиях мало было чисто военного духа, фронтовые занятия были поставлены слабо, формально. Сам директор, штабной генерал-майор И. И. Ордынский, не имел военной выправки и, несмотря на свои генераль-

ские погоны, аксельбанты и красные лампасы, имел какой-то совсем штатский вид; он запросто приходил в залы, где мы проводили время между занятиями, к нему подходили воспитанники со своими заявлениями и просьбами, он беседовал с ними, гуляя по залу.

Учителя у нас были более квалифицированные, чем в других учебных заведениях: они после окончания высшего учебного заведения должны были пройти еще двухгодичные педагогические курсы при военном министерстве, прежде чем принимались на место учителя. Хорошо было поставлено преподавание математики, физики, химии, естествознания, космографии, новых языков. Программы по этим предметам были значительно обширнее, чем в классических гимназиях. Химия там совсем не преподавалась, а если кто-либо у себя дома занимался все-таки химическими опытами, то он подвергался дознанию в лучшем случае гимназического начальства, а то и жандармского, для выяснения, не занимается ли он приготовлением взрывчатых веществ. Благодаря такой системе воспитания и обучения воспитанник был доволен, любил свою школу и не так легко проникался оппозиционными и революционными настроениями, а ведь это первое, что нужно для будущего защитника престола.

Вот в такое учебное заведение я и попал. Меня одели в мундирчик с красными погонами и с медными пуговицами и определили во второй класс.

Несмотря на то, что товарищи относились ко мне неплохо, я чувствовал себя в школе очень одиноко, очень скучал о семье, о матери и братьях, которые жили теперь в городе Яранске, в трехстах пятидесяти верстах от Нижнего. С Яранском не было ни железнодорожной, ни паровой связи. Я как-то трудно сходился с моими одноклассниками и только через некоторое время ближе сошелся с Витей Киселевым, самым младшим после меня в классе. Мы дружили с ним до самого выпуска и после, до самой его смерти (в 1923 г.), и все время учения соревновались с ним: то он был первым учеником, то я.

В нашем отделении оказался хороший воспитатель. Обязанность воспитателя состояла в наблюдении за успехами и поведением учеников; отстающим он помогал или приспособлял в помощь отстающему хорошего ученика, сносился с родителями учеников — вообще, что называется, вел свое отделение. У нас таким воспитателем был Н. Г. Вучетич, по национальности черногорец, по образованию естествовед, детский писатель; его рассказы для детей: «Красный фонарь», «Митина нива» и др. были в свое время очень популярны. Он очень хорошо к нам относился, беседовал с нами, читал нам; он же преподавал естественную историю и преподавал инте-

ресно — на живых цветах; а мы собирали гербарии и коллекции жуков и бабочек. Но, к сожалению, он скоро ушел из гимназии. В следующих классах воспитателем уже был чинуша-формалист—статский советник Гирш.

В первые два года моего учения в гимназии у меня развилась в очень сильной степени религиозность; может быть, в ней я находил утешение в своем одиночестве, в своей тоскливости об умершем отце, по семье. Я читал много религиозных книг — евангелие, жития святых, много молился, соблюдал посты, что было не так просто, так как в школе посты не соблюдались и нас кормили всегда скоромным. Целых семь недель «великого поста» я ел только хлеб с чаем или квасом. Это вызывало насмешки со стороны учеников, которые в массе к религии относились чисто формально, но я стойчески переносил эти насмешки, считая, что я терплю за свою веру. Я мечтал после окончания учения пойти в какую-нибудь деревню учителем или священником, чтобы помогать бедным крестьянам и учить их. Это я прочитал рассказ о некоем благочестивом пасторе, который посвятил свою жизнь религиозному просвещению и обучению крестьян хозяйству и ремеслам, и решил идти по стопам этого пастора.

Учился я хорошо по всем предметам, за исключением рисования и физкультурных предметов — гимнастики, фронты и танцев. Особенно я не любил и саботировал танцы, за что учитель часто грозился меня наказать, но дело обходилось как-то благополучно. Вообще физкультурное воспитание было поставлено в школе хорошо, и на него обращалось большое внимание. Поощрялись также всякого рода подвижные игры — в «лапту», в «городки», в «попа», в «свайку», в «чижа», в «свечи» (подавание большого мяча ногой вверх), катание на коньках¹. Такое воспитание хорошо влияло на здоровье; я до поступления в школу часто хворал, со времени же поступления ни разу не хворал, и этой закалки хватило на всю жизнь: первый раз я заболел и лег в больницу, когда мне исполнилось шестьдесят четыре года.

Так прошел первый год моей учебы. С великой радостью поехал я домой на каникулы на целых три месяца.

Была большая радость увидеть мать и братьев, с которыми я расстался в Москве ровно год назад. Жили они летом на фабрике, в версте от города. Собственно это была бывшая фабрика, и представляла она из себя жилой дом в саду, затем очень большой зеленый двор, вокруг которого было расположено несколько одноэтажных и двухэтажных домов и несколь-

¹ Теперешние игры — футбол, волейбол, теннис и т. п. — не были еще известны, только крокет начинал входить в моду, да и то несколько позже.

ко амбаров. Тут была некогда полотняная ручная фабрика, но она уже давно закрылась, дома стояли заколоченными, а амбары служили для упаковки и склада льна и кудели, которые закупались Носовым на сельских ярмарках и свозились сюда для сортировки и упаковки, а затем отправки в Козьмодемьянск, а оттуда по Волге до Рыбинска, а затем по Мариинской системе через Петербург за границу.

Фабрика особенно оживлялась в дни, когда привозили с сельских ярмарок кудель. Двор фабрики наполнялся гурьбой девиц из окрестных деревень, в ярких платьях, которые трепали, чесали и сортировали кудель, распевая песни. Я тогда совсем не подозревал еще о существовании рабочего вопроса и на всю эту работу смотрел только, так сказать, с эстетической точки зрения. Во время этих работ на фабрику приезжал ежедневно из города для наблюдения за ходом работ мой дед, восьмидесятилетний крепкий старик в длинном кафтане и в высоких сапогах. Этот бывший крепостной крестьянин — теперь глава купеческой фирмы, ворочающей сотнями тысяч. Он отправлялся смотреть, как идет работа. Там он любил поиграть с девицами, и я был свидетелем, как гурьба девиц окружала его и старалась свалить на кучу кудели; после долгой борьбы его валили и забрасывали охапками кудели. Вот с какой стороны воспринималась мною жизнь в то время!

Мимолетно и беззаботно промчались три месяца, и опять мне надо собираться и ехать в это скучное, холодное, казенное заведение. Начался новый учебный год.

Во время этого учебного года произошло важное событие: 1 марта 1881 года был убит Александр II. Уже и раньше я слышал о покушениях на него: осенью 1879 года был произведен взрыв царского поезда под Москвою, в феврале 1880 года произошел взрыв в самом царском дворце. По получении этих известий нас выстраивали, наш директор произносил речь, топал ногами, кричал, что нужно растоптать этих злодеев, покушающихся на «помазанника божия». Но ради чего, во имя чего они покушались, никто нам не объяснял. После речи нас вели в церковь, где служили благодарственный молебен за «чудесное» спасение царя. Но 1 марта 1881 года «чуда» не произошло, и царь был убит. Служили уже панихиду, а после нее — молебен о благополучии вновь восшедшего на престол царя. Мы были подавлены: вопрос, за что убили, оставался неразрешенным, но он оставался.

Прошел и этот учебный год. Опять я поехал на каникулы в Яранск. Каникулы пришлось провести в городе, но радовала перспектива переезда нашей семьи с осени в Нижний, так как и младшим братьям надо было поступать или готовиться к поступлению в военную гимназию.

Поехали в августе все вместе в Нижний. С этого времени мне стало гораздо легче: в субботу после уроков меня отпускали домой до понедельника — утра, отпускали еще в среду до следующего утра; если к этому добавит отпуска в неродные праздничные среди недели дни, на рождественские и пасхальные каникулы, то, в общем, я уже жил дома, пожалуй, не меньше, чем в школе. Я повеселел, физически развернулся, стал охотнее принимать участие в физкультурных занятиях и в играх, и религиозность моя стала не столь напряженной.

Скажу еще о зрелищных впечатлениях ученика средней школы того времени.

Нынешние школьники и даже дошкольники очень часто посещают кино, театры; к окончанию десятилетки городской школьник посетит сеансы кино не одну сотню раз, много раз побывает в цирке, театре, концертах. Не то было, когда мы учились. Кино, конечно, еще совсем не было. В Нижнем был театр, но нам было запрещено его посещение; один или два раза до окончания курса я побывал все-таки в театре, на галерке, переодевшись дома в штатскую одежду. Помню, видел пьесу Островского «Не все коту масленица». Один раз ездил в гости к дяде в Москву, там видел в Большом театре «Жизнь за царя» (ныне «Иван Сусанин»), которая произвела большое впечатление на меня. Раз в год, 30 августа, в царский день, нас водили всей школой в цирк на ярмарке, но он меня не заинтересовал, и в старших классах я уже не ходил туда. Приезжал еще в Нижний и давал концерты знаменитый в то время светский хор Славянского. Я его слушал один или два раза. В корпусе раза два в год ставились концерты и маленькие пьески своим хором и своими любителями. Вот и все мои зрелищные впечатления за время школьной жизни.

Некоторой заменой зрелищ служили церковные службы. Церковное пение тогда процветало. В Нижнем было несколько хороших хоров, но особенно выделялся хор, содержавшийся купцом Рукавишниковым, певший в Троицкой церкви на Старой Сенной. Он имел всероссийскую известность: знатоки спорили, который хор лучше — Рукавишниковский или императорская капелла, которую оценили как лучшую в Европе приезжавшие в Петербург композиторы Берлиоз и Лист. В мое время в этом хоре пели тенор Кошиц и бас Трезвинский, которые потом были первыми солистами Московского Большого театра. Хор исполнял такие песнопения русских композиторов (Бортнянского, Чайковского и др.), которые вследствие их «светскости» были запрещены для исполнения в церквях, но богатому купцу Рукавишникову это сходило с рук. Я был усердным слушателем этого чудесного хора.

Много читал я в это время. Но что? Книги доставал только

из школьной библиотеки, а в ней не было даже русских классиков, кроме «избранных» произведений Пушкина, Гоголя и «Записок охотника» Тургенева, но были исторические романы Лажечникова, Загоскина, А. К. Толстого («Князь Серебряный»), были сочинения Майн-Рида, Фенимора Купера, Жюль-Верна. Доставал я еще у знакомых иллюстрированный журнал «Ниву» и там читал тоже исторические романы — графа Салиаса, Вс. Соловьева и т. п. Однажды, уже в пятом классе, мне попала в руки книга «Догматическое богословие» профессора духовной академии архимандрита Макария. Автор излагал другие вероучения, в том числе деизм и даже атеизм, и с ними полемизировал, доказывая преимущества перед ними учения православной церкви. Но надо отдать справедливость автору: другие учения он излагал настолько объективно, что они получались убедительнее православия. Особенно понравился мне тогда деизм. Первое сомнение в истинности православия внушил мне архимандрит Макарий.

В 1882 году, когда я учился в пятом классе, военные гимназии были вновь переименованы в кадетские корпуса. Давала себя знать усилившаяся при Александре III дворянско-крестьянская реакция. Военный министр Милотин подал в отставку (вместе с министром внутренних дел Лорис-Меликовым и министром финансов Абазой) в знак протеста против реакционного манифеста Александра III, написанного Победоносцевым. Вместо Милотина был назначен генерал Ванновский, человек безличный и ничтожный, солдафон по тогдашнему выражению, и начались «реформы» в армии и военно-учебных заведениях.

В кадетских корпусах были усилены фронтальные занятия, введены для старших классов лагерные сборы и преподавание некоторых военных предметов в ущерб общеобразовательным. «Возрасты» были переименованы в роты, возглавляемые ротными командирами, штатские воспитатели заменялись военными.

Вскоре нас посетил новый начальник военно-учебных заведений генерал Махотин. Он смотрел наши фронтальные занятия, ходил по классам, зашел и в наш класс на урок русского языка, смотрел тетради, посмотрел мою тетрадь по сочинениям, почерк мой не понравился, — «куриный почерк», — затем придрался неосновательно к некоторым выражениям. В мою защиту осмелился возражать генералу наш почтенный старичок учитель Кильчевский. Генерал рассердился. Вообще он остался недоволен нашим корпусом, распекал нас, но выражал надежду, что мы исправимся. Мы кричали: «рады стараться», а надо было кричать: «постараемся исправиться». Все это было учтено в его грозной резолюции, которую нам прочитали в виде приказа по корпусу. Даже наши очень невзыскатель-

ные кадеты нашли нового начальника слишком солдафоном и бурбоном, что означало на нашем языке: человек грубый, ограниченный. Вскоре нашего директора Ордынского сменили. Вместо него прислали Завадского, сурового с виду и бравого генерала. При его появлении в роте раздавалась команда: «Смирно! Во фронт!» Все замирали, вытянув руки до швам, директор торжественно шествовал по залу.

ГЛАВА III

В СТАРШИХ КЛАССАХ КАДЕТСКОГО КОРПУСА. ПЕРЕЛОМ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. РАЗРЫВ С ВОЕНЩИНОЙ

Перешел в шестой класс, в «старший возраст», или в первую роту, как теперь он назывался. Что было здесь нового? Здесь библиотека была значительно богаче, чем в младших классах. В ней были русские классики; правда, не полностью, с выбором, но все же в ней были сочинения Гоголя, Льва Толстого (без «Анны Карениной»), Гончарова (без «Обрыва»), Тургенева (без романа «Отцы и дети»), Григоровича; был Белинский, но Добролюбова не было; конечно, не было Писарева, который в это время был изъят из всех библиотек.

Я набросился на эти книги. Прежде всего мне попался в руки роман Тургенева «Рудин». Это был первый серьезный роман, который мне пришлось читать. Он произвел на меня большое впечатление. Не все, правда, я в нем хорошо понял, но вот как понял его тогда: Рудин — умный, образованный человек, он проповедует какие-то высокие идеи, но сам в тогдашней крепостной России не может найти поля для работы. Разочарованный, уезжает за границу и там, в Париже, сражается на баррикадах вместе с восставшими рабочими и геройски погибает. Я делаю вывод: такой высокообразованный, благородный человек сражается вместе с революционерами, значит, они не злодеи, как все кругом меня говорят о революционерах, а напротив — они борются за что-то высокое, хорошее. Так, благодаря роману «Рудин», была пробита, пока еще небольшая, брешь в моем консервативно-монархическом мировоззрении.

Следующий роман Тургенева, который я прочитал после «Рудина», был «Новь». Впечатление этот роман произвел на меня огромное: он до основания потряс мое традиционное, казалось, столь прочно заложенное мировоззрение; он его не только потряс, но он его почти совсем разрушил. Для меня многое вдруг стало ясным и понятным. Я понял, что есть два мира: мир богатых — помещиков, фабрикантов, представляемый Калломийцевым, Сипягиным, хозяевами фабрик, охраняемый полицией, армией, а значит, и царем, и мир угнетенных

бедняков — крестьян и рабочих, а революционеры — это и есть лучшие люди, которые хотят просветить крестьян и рабочих и поднять их на революцию против их угнетателей. Как сильная личность, как смелый борец, мною был воспринят Маркелов. Его решительность, прямолинейность, его смелый призыв крестьян к бунту, его отказ отвечать на допросе у губернатора — все это чрезвычайно импонировало молодому читателю. Очень понравились мне также Остроумов и Машурина: они были целиком преданы великому делу, и ничто их не могло утратить. Нежданов привлекал своей искренностью и благородными порывами, но вызывал сожаление своими противоречиями и слабостью. Я понял, что все эти революционеры представляют собою нечто единое: это небольшой отряд какой-то большой организации, которой руководил таинственный Василий Николаевич. Неудача поднять крестьян не воспринималась мною тогда как катастрофа всего движения. Думалось: нельзя сразу раскачать темное крестьянство, надо идти туда и упорно работать.

Мир, противостоявший миру революционеров, мир Калломицевых, Сипягиных, показался мне ненавистным. Сипягин особенно противен был своими лисьими повадками. Соломин не произвел особенного впечатления. Долгое время я был под сильным впечатлением прочитанного. Резко менялось мировоззрение, все пересматривалось с новых точек зрения — и религия, и отношение к царю, отношение к военной службе, к которой меня готовило военно-учебное заведение. Зачем я пойду на военную службу? Чтобы сражаться за царя и отечество, подавлять бунты крестьянские? И тогда стало зреть во мне решение — не идти на военную службу, искать другой деятельности, какой, я еще ясно не осознал. Современному молодому читателю трудно представить, что значит коренная ломка мировоззрения, этого ему не приходится проделывать, и ему трудно понять, что я переживал тогда. Еще раз в жизни пришлось мне это пережить через шесть лет, когда в 1890 году рушилось мое народническое мировоззрение и я стал марксистом. Это — незабываемые моменты!

Весь этот перелом в моем мировоззрении я переживал очень одиноко: не с кем было поделиться своими мыслями — ни среди наших учеников, ни среди кого-либо вне корпуса; подходящих знакомых у меня не было. Мой приятель Витя Киселев, правда, в общем понимал меня: он был способный мальчик, много читал, но он был какой-то апатичный — юный старичок, что вызывалось, вероятно, его болезненностью.

В общем, среда наших учеников была крепкая консервативная среда, мало склонная к политическим увлечениям, не расположенная также к теоретическим умствованиям. У нас распространен взгляд, что ряды офицерства царской армии

последних десятилетий заполнялись дворянством. Это верно по отношению к гвардии, но неверно для офицерства армейской пехоты. Военная служба в армейской пехоте не являлась привлекательной для высшего и среднего дворянства ни со стороны материальной, ни со стороны служебных перспектив. Офицерство низших и средних чинов до полковника являлось довольно замкнутой, недворянской в своей массе кастой; оно самопополнялось офицерскими детьми, учившимися на казенный счет в военно-учебных заведениях, но был прилив и со стороны — через вольноопределяющихся и юнкерские училища. Этим путем шли дети мелких чиновников, дети лавочников и хозяйчиков-ремесленников и т. п. Из них выходили офицеры, так сказать, второго ранга, имевшие меньше преимуществ по службе, чем окончившие военные училища, но и те и другие имели очень мало шансов подвинуться дальше подполковника. Полковники и генералы были главным образом гвардейцы или штабные. Чин полковника давал уже звание потомственного дворянина. Дети этих полковников и генералов учились в пажемском корпусе в Петербурге, откуда выходили в гвардию. Таким образом над кастой офицерства была каста дворянского генералитета. Была среди наших учеников небольшая прослойка детей нижегородского поместного дворянства; главная масса их училась в нижегородском дворянском институте, имевшем программу и права классических гимназий, откуда окончившие шли преимущественно в университет, на юридический факультет, так как гражданская служба тогда считалась выгоднее военной. В кадетские корпуса дворяне отдавали преимущественно своих менее способных детей, боясь, что они не справятся с классической премудростью. Так, у нас учились отпрыски феодального нижегородского дворянства — Жадовские, Демидовы, Паниютины, Брянчаниновы, князя Чегодаевы. Они составляли у нас особую прослойку, выделявшуюся среди более простецкой и «бурбо-нистой» массы своими более «изящными» манерами, белыми перчатками и умением кое-как болтать по-французски. По окончании военного училища и трех лет обязательной военной службы после него они обычно выходили из военной службы и поступали в земские начальники или служили по земским выборам.

Седьмой класс дал довольно много для моего развития не только через самостоятельное чтение, но и через классные занятия.

Преподавателем физики и космографии был у нас в седьмом классе Иван Петрович Долбня. Это был самый выдающийся из наших преподавателей и лучший лектор из всех, которых мне пришлось слышать в моей жизни (не сравниваю его с политическими ораторами). О нем мы много слышали и

раньше, но до сих пор он преподавал в других классах математику и физику. Он был крупный ученый, его работы по высшей математике печатались в журнале французской Академии наук; в 90-х годах он был приглашен на кафедру высшей математики Горного института в Петербурге, был потом его директором и умер в 1912 году на этом посту. Тогда, когда он пришел к нам, это был пылкий молодой ученый. Придя первый раз в наш класс, он сказал нам: вот вам выданы учебники по физике Краевича и по космографии Малинина, так я вам советую их заложить в стол подальше и ни разу их не открывать: они не стоят того, чтобы тратить на них время. Так он поступил и с учебниками по математике и преподавал математику по своей системе, придерживаясь системы лучших французских учебников математики Бертрана и Серрэ. В нашем классе он читал обширный курс физики — учение о свете и электричестве; математические вычисления играли главную роль в его курсе, причем, например, учение об интерференции и дифракции света, обычно излагавшееся в высших учебных заведениях на основе высшей математики, он излагал по своей системе при помощи низшей математики. Мы усердно записывали его лекции по физике, а его лекции по космографии были литографированы и розданы нам. У нас образовалась из лучших учеников группа горячих поклонников нового учителя, с энтузиазмом занимавшаяся. Надо сказать, что он интересовался такими только учениками. К плохим же он относился довольно пренебрежительно, на почве чего у него иногда возникали конфликты. Так, в нашем классе он однажды сказал: «Сегодня я думаю заняться охотой на ослов; такой-то — к доске». Наш класс не привык к такому обращению. Долбне сходили с рук такие выходки там, где он вел преподавание, начиная с младших классов, но у нас все насторожились, услышав эти слова, а вызванный ученик — лентяй, но не глупый и смелый юноша — сначала несколько опешил, а потом выпалил: что это вы ругаетесь, Иван Петрович, вы сами после этого дурак. Вышел большой скандал, не помню его последствий, но престиж Долбни после этого несколько снизился в нашем классе.

В выданных нам литографированных записках его по космографии заметно было, что в конце почти половина тетради была вырезана. Оказалось, что раньше, в более либеральное время, Долбня читал еще не входящий в программу курс геологии, которую он, как горный инженер, знал прекрасно. Но потом начальство запретило этот курс и изъяло записки по нему. В одной тетради этот курс по недосмотру не был вырван. И вот я прочитал по этой тетради увлекательный курс об истории развития земли. Эти курсы космографии и геологии окончательно разрушили мои религиозные предрас-

судки, и с тех пор я стал атеистом и пока еще не вполне сознательным сторонником естественно-научного материализма.

Посчастливилось мне в этом году получить толчок и в понимании истории, который мне дал тот же Долбня. Случилось это так: заболел наш учитель истории Гирш, и на время его болезни вызвался замещать его Долбня, человек всесторонне образованный. Гирш нам читал трафаретно, скучно, по реакционному и бездарному учебнику Иловайского, задавая по нему «отсюда и досюда». Совсем другое услышали мы на лекциях Долбни: это были не уроки, а именно лекции, и притом блестящие. Проходили мы как раз эпоху французской революции. И вот пред нами прошли картины «старого порядка», борьба с ним сначала идеологическая — энциклопедистов, а потом и политическая — «третьего сословия», буржуазии. Красиво, образно и с большим подъемом Долбня нарисовал драматически развертывающуюся картину великой революции. Его политические симпатии не шли дальше умеренного либерализма, и его любимый герой был Мирабо. Но, несмотря на это, сильный толчок интереса к истории дали мне несколько его лекций.

Был у нас еще интересный учитель — Агафоник Иванович Кильчевский. Это был уже почтенный старичок, о котором я уже упоминал в связи с его защитой моего сочинения перед генералом Махотиным. Он был во многом противоположностью Долбне: спокойный, тихий, невозмутимый, опытный и умный педагог. Он не ставил отметок, не задавал уроков, кроме сочинений и письменных работ, не признавал никаких наказаний, даже выговоров, выставляя только обязательную отметку за четверть года по письменным работам ученика. Вел он нас с четвертого класса. По программе этого класса надо было пройти большой и скучнейший курс древнего и нового церковно-славянского языка. Он поставил этот курс по-научному, на основе сравнительного языкознания, сравнивая форму древнего и нового славянского языка, польского, русского. Мне казалось это интересным, но большинство решительно этим не интересовались, скучали на уроках и для развлечения устраивали всякие, иногда жестокие проказы над добряком-учителем, благо — это не грозило решительно никакими последствиями для проказников. Кильчевский никогда не терял присутствия духа и своего спокойно-ласково-учительного тона и часто очень умно парировал насмешки. С пятого класса, когда предмет стал интереснее, — перешли к сочинениям, чтению и разбору образцов литературы, — и издевательства над учителем уменьшились, а в шестом и седьмом классах очень полюбили его уроки и его самого. Его курс в последних двух классах был очень интересен, мы также забывали о наших учебниках и,

слушая, записывали, что говорил учитель. Интересно разбирал он Пушкина, Гоголя, давал нам читать статьи Белинского; в последнем классе мы далеко вышли из рамок официальной программы, которая кончалась Гоголем. Он говорил о послегоголевском периоде русской литературы, знакомил нас немного и с классиками иностранной литературы, писали мы изложения шекспировских трагедий, потом разбирали их в классах. Все это давало немало пищи для моего развития.

Это либеральное отношение Долбни и Кильчевского к программам было последним отзвуком либерализма военных гимназий в том смысле, о каком я выше говорил, — в последующие годы их скрутили, заставили преподавать по установленным программам.

А между тем продолжалось и мое самостоятельное чтение. Однажды принес мне Витя Киселев из дому «Отцы и дети» Тургенева.

Наше начальство своим чутьем педагога-консерватора учло боевое демократическое влияние этого романа и изъяло его из нашей библиотеки.

Базаров произвел на меня сильнейшее впечатление. Воспринят он был мною как герой-борец. То, что казалось несимпатичным в нем — отношение к женщинам, к родителям, — это прощалось ему, думалось, что и у великих людей бывают недостатки. В некоторых случаях нравилась сама его непосредственность: например, в случае с дуэлью. Казалось, так и следовало поступить, чтобы проучить зазнавшегося аристократа Павла Кирсанова. Ответ Базарова Аркадию, что ему нет дела до того, что мужики будут в будущем хорошо жить, объяснялся тем, что это он сказал из чувства противоречия Аркадию, когда ему надоели его «красивые речи». Ведь по всему видно было, что он любил и понимал народ, и ведь он говорил в другой раз Аркадию: «Мы драться хотим», «нам других ломать надо», «для нашего дела нужны дерзость и злость». Узнав о революционерах из «Нови», я заключил из этих слов, что и Базаров тоже принадлежит к революционной партии, а во имя чего же борются революционеры, как не во имя блага народа. Базаров меня окончательно укрепил в моем решении порвать с военщиной и итти по другому пути — по пути Рудина, героев «Нови», Базарова. Этими произведениями Тургенев дал мне сильный толчок по направлению к революции, к революционному народничеству. И надо сказать, что не на одного меня производил он такое влияние. Можно смело сказать, что романы Тургенева с конца 50-х до конца 90-х годов являлись для молодых читателей обычно первыми толчками, разбивающими старое, косное мировоззрение и ведущими к критике существующего строя и к протесту против него.

Критические статьи Добролюбова и Писарева по поводу этих романов уясняли то, что было получено читателем путем художественного восприятия.

Весной мы сдали выпускные экзамены и на полтора месяца пошли в лагери. Это были первые лагери по новому уставу кадетских корпусов. Лагери помещались на берегу Оки, сей-час же за женским монастырем. В лагерьх занимались военными учениями в поле, военной гимнастикой, топографической съемкой местности, стрельбой в цель, сборкой и разборкой ружья и «словесностью», то есть учили устав воинской службы. Все это меня мало интересовало, так как решение уйти от военной службы все сильнее зрело во мне.

Но этот уход был связан с препятствиями, которые не так-то легко мне было преодолеть. Дело в том, что все окончившие кадетские корпуса механически переходили в военные училища (из них два пехотных были в Петербурге и одно, Александровское, в Москве) и через два года выпускались оттуда подпоручиками с двумя годами старшинства. Бывали в Петербурге еще военно-инженерное и артиллерийское училища с трехгодичным курсом. Туда поступали кадеты, окончившие курс с высшими баллами по математике. После окончания военного училища обязательно было отслужить три года и только после этого можно было выйти в запас. Можно было и не поступать в военные училища, но на это надо было согласие родителей. Вот в этом-то и было у меня препятствие. Мать моя и по семейной традиции и по материальным соображениям была решительно против моего ухода с военной службы; ведь через два года, учась на казенный счет, я был бы уже самостоятельным человеком и мог быть поддержкой семье, материальное положение которой после смерти деда стало, как говорится, напряженным. А тут вдруг не хочу идти в военное училище. Что дальше будет — неизвестно, а пока я становлюсь лишней обузой для нее. Разговоры об этом были для нее и меня очень тяжелыми, и я пока их отложил, решив поехать в августе в Петербург и посмотреть военные училища и там уже решить, что делать. Я знал, что решительный момент зачисления на действительную военную службу — это присяга, которая принималась юнкерами восьмого сентября, а до этого можно было выйти из училища.

Я записался в инженерное училище.

А пока я решил не тужить и вторую половину лета хорошо провел со своим приятелем, окончившим в этом же году реальное училище, Ваней Грецовым. Я уже дружил с ним три года. Он был наш сосед, брат учителя начального училища. Он был старше меня года на три. Это был веселый, смелый юноша. Привлекало меня к нему то, что он любил природу,

и мы с ним, начиная с ранней весны, по праздникам и на каникулах отправлялись на Волгу или Оку, ловили рыбу, ездили на лодке. Последний год завели охотничьи ружья и стреляли весной и осенью уток, ходили на зайцев в лес на Моховые горы. В те годы окрестности Нижнего еще были совсем пустынными: вверх по Оке, километра через два выше плашкоутного моста, начинались уже совсем безлюдные берега Оки, пустынно было и за Волгой, на Моховых горах был большой сосновый лес, в котором можно было бродить целый день, не встретив ни одного человека. Иногда мы ездили на лодке на Моховые горы на ночевку, запаслись арбузом, белым хлебом и воблой, жгли костры, ловили рыбу, варили уху. Много прелести было в этих поездках. По общественным интересам мы были с Грецовым прямыми противоположностями: я мечтал порвать с военной службой, он ее очень идеализировал и мечтал быть военным, что и выполнил, поступив вольноопределяющимся, потом пошел в юнкерское училище, а затем всю жизнь служил офицером.

Так подошел к концу август, и мы все, окончившие в этом году наш корпус, вновь собрались в нем с тем, чтобы отправиться в Москву или Петербург в военные училища. Собралось шестьдесят молодцов, веселых, радующихся своему переходу на следующий этап своего пути, который сулил им скорый уже выход в самостоятельную жизнь. Все, без тени сомнения, верные сыны престола и отечества. Только я затесался среди них отщепенцем, который думал, что без престола, пожалуй, и совсем можно обойтись, а отечество надо переделывать на новое — народное, демократическое. Витя Киселев вследствие физических недостатков не мог пойти на военную службу, и он в начале августа, выдержав конкурсный экзамен, поступил в Технологический институт в Петербурге и уже учился там. Я позавидовал ему.

Приехав в Петербург, я узнал, что не попал в инженерное училище — нехватало одного балла по математике, и меня определили в Константиновское военное пехотное училище. Первое впечатление при поступлении в училище было тяжелое: казарменная атмосфера и дисциплина резко отличались от сравнительно либеральных порядков корпуса. К довершению неприятности меня назначили старшим по классу, как имеющего высшие выпускные баллы. Я должен был рапортовать своему ротному и каждому преподавателю при приходе его в класс о том, что все обстоит благополучно, и о наличном составе класса; на мне лежала ответственность за порядок в классе.

В ближайший праздник я пошел в город. Петербург после нашего провинциального Нижнего произвел на меня сильное впечатление. Невский проспект был очень красив и оживлен.

Зашел к Киселеву, который снимал комнатку на Литейном проспекте. Он рассказал о студенческой жизни и занятиях в институте. Не хотелось от него возвращаться в свою казарму, уйти из которой я решил теперь во что бы то ни стало. Подал рапорт об увольнении.

Ротный командир капитан Троицкий вызвал меня и отвечивал от ухода с военной службы. Он говорил, что мне открыта военная карьера, могу выйти в гвардию (на училище давались четыре вакансии в гвардию, их брали лучшие ученики), оттуда могу перейти в генеральный штаб. Но я стоял на своем. Он сказал в заключение, что это будет зависеть от согласия моей матери, которую он и запросит.

Я со своей стороны послал ей письмо, в котором писал, что окончательно решил выйти из училища, и просил ее, чтобы она не препятствовала этому, угрожая, что если она не возьмет меня, то я откажусь от принятия присяги и меня отдадут под суд. С нетерпением стал ждать ответа. Тем временем знакомился со своими новыми товарищами. Попадались среди них более развитые, с большими умственными интересами, чем наши аракчеевцы; кое с кем разговорились более откровенно.

Интересно отметить, что как раз среди этого курса Константиновского училища в следующем году была раскрыта довольно большая революционная организация — «милитаристов», ставившая своей целью революционную работу среди армии, чтобы произвести политический переворот. Организация охватывала все военные училища Петербурга, но была особенно сильна в Константиновском училище. Надо сказать, что из наших аракчеевцев ни один не был замешан в организации. Это была последняя волна народофильского революционного движения среди офицерства. Мне в этом движении не пришлось принять участие: была получена телеграмма от матери о ее согласии взять меня из училища, и я был тотчас же отпущен.

Я был несказанно рад. Пошел к Киселеву. Пожил у него дня два, посмотрел Питер — Эрмитаж, Исаакиевский собор, поговорили, читали «Сказки» Щедрина в нелегальном литографированном издании, которое было озаглавлено «Сказки для детей изрядного возраста». Простились. Я поехал в Нижний.

Еще два слова о кадетском корпусе.

После моего ухода из корпуса, то есть после 1885 года, усилившаяся реакция дала себя знать и на школьных порядках корпуса.

Военные школы вошли в общую колею школ периода крепостнической реакции.

ГЛАВА IV

ПОДГОТОВКА К «АТТЕСТАТУ ЗРЕЛОСТИ». ПОД ЗНАКОМ НАРОДНИЧЕСТВА

Итак, в сентябре 1885 года я возвратился в Нижний-Новгород уже вольным человеком. Сдал свою форму в корпус, облачился в штатское, никому уже не был обязан отдавать честь и становиться во фронт. Чувствовал себя, как освобожденный из тюрьмы. В семье, правда, было не очень хорошо: мать тяжело переносила мой уход с военной службы, братья смотрели с укором. Я очень любил мать, и на мне ее переживания сказывались нелегко, но как-никак решительный шаг, определивший всю мою дальнейшую жизнь, был сделан.

Я задаю сейчас себе вопрос: чем обусловлено было мое тогдашнее, уже определенно выявившееся революционное настроение, под влиянием которого я сделал нелегкий тогда для меня шаг — выход из военной службы? Ведь никто на меня не влиял в этом направлении, наоборот: все влияние школы, семьи, знакомых было диаметрально противоположным. Каких-либо классовых обид, угнетения я не ощущал. Семья наша жила очень скромно, но голода, нужды я никогда не испытывал. В школе меня тоже не угнетали, не оскорбляли, напротив: школа дала немало для моего образования и развития (математика, космография, физика, естествознание, география, русская литература).

Прочитал я три-четыре романа Тургенева, они дали мне определенный толчок к революции. Эти же романы читали ведь и все мои шестьдесят одноклассников, и на них они совсем не повлияли в том направлении, в каком на меня.

Я попытаюсь дать объяснение этому явлению.

Разночинная интеллигенция того времени представляла собой угнетенную социальную группу как политически, так и экономически. Где, как и в чем могла она проявить себя? Литература была в железных тисках цензуры. В то время, о котором я пишу, то есть в середине 80-х годов, не было после закрытия «Отечественных записок» и «Дела»¹ ни одного радикального журнала или газеты. Да и вообще журналов и газет было мало, и выходили они ничтожными тиражами. Литераторам приходилось туго; они бедствовали, часто спивались, случалось, сходили с ума. На правительственной служ-

¹ «Отечественные записки» — левонароднический ежемесячный журнал; с 1869 года выходил под редакцией Некрасова, Салтыкова-Щедрина и Елисеева. Деятельное участие принимал в нем публицист Н. К. Михайловский. «Дело» — радикально-демократический журнал. Одним из руководителей его был соратник Чернышевского — Н. В. Шелгунов. Оба журнала были закрыты правительством в апреле 1884 года «за крайне вредное направление».

бе разночинцу не пойти дальше средних ступеней, — все сколько-нибудь высокие должности были привилегией высшей дворянско-бюрократической касты. Промышленность, транспорт, торговля очень мало использовали труд интеллигентного разночинца. На фабриках, например, обычно директором был немец или англичанин, а мастера также были иностранцы, русским техникам купцы не доверяли; Соломины («Новь») были еще редким явлением. На водном, например, транспорте интеллигенты почти не работали, там обходились малограмотными людьми, подростками на самом производстве; капитаны и машинисты были очень часто немцы. В торговле и подавно обходились своими «молодцами». Земства и города в это время еще слабо развивали культурную деятельность и поглощали мало интеллигенции.

И получилась такая картина. В стране, включая Польшу и Прибалтийский край, было всего девять университетов, пять высших технических и три сельскохозяйственных учебных заведения¹. Окончившие университет врачи, юристы, филологи еще кое-как устраивались, а вот инженеры, агрономы, как ни мало их было, с трудом находили работу по своей специальности и часто должны были искать заработка на правительственной или частной службе не по специальности. Еще хуже обстояло, конечно, с женской интеллигенцией: той уже все пути были закрыты. А. И. Засулич-Успенская в своих мемуарах пишет о том, как она, будучи курсисткой, искала заработка по шитью и как была рада, когда удавалось найти работу, оплачиваемую по пятнадцати копеек в день.

Высшие женские курсы, открытые в 70-х годах только в Петербурге и в Москве, во второй половине 80-х годов были закрыты, и высшего женского образования совсем не стало в России.

И вот эта социальная группа — разночинная интеллигенция — жила в крепостнической стране, в которой крестьянство было в полукрепостнической кабале у помещика и помещичьего государства, было бедно, некультурно.

Промышленность страны развивалась слабо, господствовали варварские формы первоначального накопления, разорявшие страну, подрывавшие ее производительные силы (кабаль-

¹ В Петербурге — Технологический институт, Институт гражданских инженеров, Горный институт, Институт путей сообщения; в Москве — Высшее (кажется, с начала 90-х гг.) техническое училище. Сельскохозяйственное: в Петербурге — Лесной институт; в Москве — Петровская сельскохозяйственная академия; в Ново-Александрии (в Царстве польском) — Сельскохозяйственный институт. Окраины были в отношении высшего образования совсем обездолены: в Средней Азии не было ни одного высшего учебного заведения, равно, как на всем Кавказе и Закавказье. Во всей Азиатской России был один университет — Томский, основанный только в 1884 году; не было ни одного вуза на всем Урале.

ные формы эксплуатации крестьян, ростовщичество, варварское сведение лесов и т. п.).

Только уничтожение самодержавно-крепостнического строя, уничтожение дворянского землевладения и передача дворянских земель крестьянству могли спасти крестьянство от окончательного разорения, вырождения и вымирания и дать крестьянству и всей стране возможность прогрессивного развития, В этом перевороте и строительстве после него, конечно, интеллигенции принадлежала бы огромная организующая и культурная роль.

Во имя этой перспективы и шла борьба передовых отрядов разночинной интеллигенции в 60—80-х годах. Объективно это была борьба за «американский путь развития страны». Вся передовая литература того времени была выразителем и часто руководителем этой борьбы.

Тургенев был ярким и художественно сильным выразителем настроений этой разночинной интеллигенции. В своих романах от «Рудина» до «Нови» он давал типы этой интеллигенции и остро ставил вопросы, ее волнующие, потому он и оказывал сильнейшее влияние на читателей-интеллигентов моего времени¹. Вот и я подвергся этому сильному и острому влиянию, и не только я, а из той же группы (военной) подверглись революционному влиянию, как оказалось, немало моих сверстников в других корпусах.

Наши нижегородцы, учившиеся в тихом, захолустном тогда городе, были более отсталыми по сравнению с другими, и передовые идеи эпохи действовали только на более чуткие единицы. Вот и все.

Первое время в Нижнем я был очень одинок, у меня не было ни одного знакомого, с кем бы я мог посоветоваться, поговорить. В голове у меня еще все было неясно: ведь я не читал еще ни одной книги о русской революции, не имел понятия о программах революционных партий — коротко: я еще не знал, что надо делать, у меня были только неопределенные стремления, почерпнутые из прочитанных мною романов. Записался в городскую библиотеку. Тогда во всем Нижнем была

---

¹ *Роль Тургенева*, как писателя, сыгравшего своими произведениями огромную роль в течение ряда десятилетий, встает особенно ярко теперь, в известном отдалении от его эпохи. В то время как другие писатели того времени забыты и их стараются оживить только литературоведы, — Тургенев жив до сих пор: его романы до сих пор нельзя читать без волнения. И это несмотря на то, что он сам по своим политическим взглядам не принадлежал к революционно-демократическому крылу интеллигенции, а был умеренным либералом. Но художественные образы его произведений — реалистических, чутко, правдиво воспроизводящих жизнь — действовали так, что в результате, говоря словами народовольческой прокламации, выпущенной ко дню похорон Тургенева, «он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений».

одна библиотека, но библиотека недурная. Правда, только в прошлом, 1884, году она подверглась основательной чистке. Правительство одновременно с закрытием радикальных журналов в апреле 1884 года издало циркуляр, по которому много журналов и книг было изъято из публичных библиотек: все радикальные журналы за прежние годы, «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки», «Дело» и сочинения Писарева, Лаврова, много романов с радикальной тенденцией, как русских, так и переводных, книги по истории, философии и т. д., но для чтения все же кое-что осталось.

Чуть ли не первой книгой, которую я взял из библиотеки, был правительственный отчет о процессе по делу 1 марта 1881 года. Эта книга дала мне очень много. Она познакомила меня с революционерами уже не из романов, а из действительной жизни, дала представление об их целях и путях. Образ Желябова, его геройское поведение на суде произвели сильнейшее впечатление. Желябов определил в своей речи на суде прежде всего свое отношение к религии. Он сказал, что он отрицает православие, но сущность учения Иисуса Христа признает и полагает, что она заключается в том, что следует бороться за правду, за права угнетенных и слабых, и если нужно, то за них и пострадать. Такова моя вера, сказал Желябов. Такое истолкование христианства, характерное для народничества, нашло во мне тогда полный отклик. В своей заключительной речи Желябов изложил вкратце историю народнического революционного движения: «хождение в народ», создание организации «Земля и воля» и, наконец, «Народной воли», ее цели и тактику. Речи Желябова, выступления Перовской, Кибальчича много уяснили мне, многое сделали понятным. Надо признать, что правительственный отчет о процессе первоапрельцев, несмотря на его неполноту и урезки, производил сильное противоправительственное воздействие. «Народная воля» — вот то знамя, под которым надо бороться, думал я по прочтении этого отчета. Надо читать, учиться, чтобы уяснить себе до конца, что и как надо делать сейчас. И я продолжал читать. Прочитал Некрасова. Его стихи, поэмы потрясали, захватывали. Особенно сильно действовали: «Песня Еремушке», «Размышления у парадного подъезда», «Рыцарь на час», «Кому на Руси жить хорошо?» Некрасов стал моим любимым поэтом. Любовь к народу, к крестьянину, жалость к его доле и стремление помочь ему — вот, что внушали стихи Некрасова. В этом же направлении действовали сочинения Глеба Успенского, его страстные искания, как помочь народу в его бедствиях, найти выход из тяжелого положения, в котором после «освобождения» он оказался. Тогда в «Русских ведомостях» печатались его

«Письма с дороги», в которых он описывал свои впечатления от поездок по России и Сибири; крайне болезненно переживал он впечатления от безотрадных картин тогдашней российской действительности. Все это сильно действовало и на читателя его статей. Читал еще Достоевского, Писемского, Гончарова.

Но я не ограничивался только чтением беллетристики. Я проштудировал с составлением конспекта «Происхождение видов» Дарвина. Эта книга заложила первые основы моего материалистического мировоззрения. В этом же направлении действовали статьи Спенсера.

По истории я прочитал тогда Дрепера «Историю умственного развития Европы», Бокля «Историю цивилизации в Англии» и несколько томов «Всемирной истории» Вебера.

Начал я тогда читать и газеты. Раньше мне попадала в руки только официозная газета «Новое время», — «Чего изволите?», как называл ее Щедрин. Доставал я еще у знакомых газету «Свет», ультрареакционную. В читальне библиотеки я познакомился с московской газетой «Русские ведомости». Это была единственная, как говорились тогда, «порядочная» газета. Внутренняя жизнь России в ней освещалась с точки зрения самого умеренного либерализма, да и это едва терпелось правительством, и газета была под постоянной угрозой закрытия. О других государствах можно было высказываться свободнее, чем и пользовалась газета, и ее иностранный отдел был особенно интересен. Корреспонденции из Берлина, Парижа, Лондона давали интересный материал о рабочем движении, которое во второй половине 80-х годов начало везде возрождаться после реакции, наступившей вслед за подавлением Парижской Коммуны. Местная газета «Нижегородский биржевой листок», выходившая два или три раза в неделю, представляла собой полное ничтожество. В ней помещалась только хроника городских происшествий да передовицы на тексты из священного писания. Ее редактором-издателем был малограмотный хлебный торговец Жуков.

Осталась в памяти небольшая читальня городской библиотеки, где на столе были разложены газеты столичные и провинциальные. За столом сидело самое большее пять-шесть человек. Почти каждый день заходили туда три посетителя. Один — плотный, красивый, темный шатен с кудрявой головой и окладистой бородой, лет тридцати пяти; такое умное, вдумчивое лицо. Вторым — молодой, нервный, худой блондин с бородкой — входя, здоровался с первым. Третий — с длинными волосами, в синих очках и высоких сапогах; он ни с кем не говорил, держался в стороне. Эти три посетителя меня очень интриговали. Я думал, что это должно быть из местных «нигилистов». Особенно таинственное впечатление

производил третий. Через некоторое время я познакомился с двумя первыми и узнал, кто был третий. Первый был — В. Г. Королево, второй — А. И. Богданович, потом известный публицист. О третьем мне сказали, что это некий Розанов — шпион, которого в Нижнем все знали...

Много газет прочитал я в этой читальне: новый мир открывался передо мной. Там прочитал я весной 1886 года подробный судебный отчет о Морозовской стачке и нашуемшую статью реакционных «Московских ведомостей» — «Судебный салют рабочему вопросу», протестовавшую против оправдания присяжными участников стачки.

Из этого отчета я впервые познакомился с рабочим вопросом в России и узнал подробности об этой знаменитой стачке.

Никогда я не читал так много, как в эту первую зиму после выхода из корпуса. Я только этим и занимался. Я решил вначале держать экзамен в Технологический институт и занимался часа два в день математикой для подготовки к экзамену. Но чем больше я читал народническую литературу, тем менее смысла представлялось мне идти в Технологический институт. Надо идти в деревню. Но в качестве кого? Одно время я думал пойти в Петровскую академию, чтобы выйти оттуда агрономом. Но как агроном мог подойти к крестьянину? Земская агрономия тогда только что нарождалась в одной-двух губерниях, и о ней ничего не было еще слышно, а агроном, служащий у помещика, чем мог быть полезен крестьянину? Такие сомнения мучили меня тогда. В это время попалась мне в газетах заметка о враче, вольно практикующем в деревне, что было тогда большой редкостью. Эта заметка явилась для меня откровением: вот, думал я, лучший способ быть полезным деревне, подойти к крестьянину, завоевать его доверие. Эта мысль целиком меня захватила; я решил сделаться врачом и пойти в деревню лечить и просвещать крестьянина. Главная цель была — революционное просвещение; на лечение я смотрел только как на путь, по которому я подойду к крестьянину. Но чтобы сделаться врачом, надо поступить на медицинский факультет университета, а для этого надо сдать на так называемый аттестат зрелости, то есть сдать экзамен при классической гимназии за ее курс. Курс кадетского корпуса был по некоторым предметам одинаков с курсом гимназий, по некоторым (математике, физике, естествознанию) больше курса гимназий; вся трудность этого экзамена для меня была в древних языках, которых у нас не преподавали вовсе. Латинский язык в гимназиях начинался с первого класса, а греческий — с третьего, причем каждому предмету отводилось по пять-шесть часов в неделю. На выпускном экзамене не только требовалось свободно переводить *à livre ouvert* (без словаря)

латинских и греческих классиков (Цезаря, Тита Ливия, Саллюстия, Цицерона, Вергилия, Горация, Геродота, Ксенофонта, Гомера, Фукидида), но и обратно — с русского языка переводить их на язык подлинника (разумеется, только прозаиков). За одну-две ошибки в переводе с русского ставили двойку, особенно экстернам, то есть не ученикам данной гимназии, а держащим со стороны. К экстернам относились особенно строго и в некоторых гимназиях их вообще не пропускали.

Предстояло преодолеть всю эту премудрость, да еще создавая, что все это ни к чему не нужно и впредь мне не понадобится. На это надо было ухлопать не менее двух-трех лет при упорном каждодневном труде часов по пяти-шести. Но решение мое было твердое, и приходилось все это преодолевать. Я пригласил себе на помощь известного тогда в Нижнем репетитора Н. В. Ливанского, и он ежедневно занимался со мной полтора часа, да самостоятельно я занимался еще не менее четырех-пяти часов. Так продолжалось два с половиной года, до сдачи экзаменов весной 1888 года.

Учась сам, я вскоре достал несколько уроков по репетированию отстающих учеников кадетского корпуса, имел и другие уроки. Они оплачивались по пятнадцати-двадцати рублей в месяц, и я стал зарабатывать до пятидесяти-шестидесяти рублей в некоторые месяцы, что по тем временам было немало, если принять во внимание, что в Нижнем комната с полным содержанием стоила пятнадцать-двадцать рублей в месяц. Я оплачивал теперь матери свое содержание, платил своему учителю и откладывал еще на учение в университете.

Несмотря на предстоящие мне трудности и одиночество, которое я переживал в первые месяцы в Нижнем, я не падал духом, настроение было подъемное: была уверенность, что я стал на правильный путь, что на этом пути я найду разрешение «проклятых» вопросов современности.

Настали рождественские каникулы. Приехал Киселев. Он познакомил меня с московским студентом А. А. Рождественским, а тот повел меня знакомиться с местной революционной интеллигенцией. Центром ее в Нижнем в это время было семейство Метлиных. К ним я и пошел с Рождественским. С большим интересом и волнением шел я к Метлиным: вот, наконец, я увижу революционеров, о которых я читал до сих пор только в романах или в отчете о политическом процессе. На краю города, в конце Канатной улицы, жили они в маленьком доме своего отца, нижегородского мещанина, служившего приказчиком у рыбного торговца¹.

¹ На Канатной улице жил в детстве Максим Горький, в доме своего деда. На этой улице жили небогатые нижегородские мещане, обычно в своих маленьких домишках. Максим Горький, как известно, уехал в 1884 году из Нижнего в Казань учиться.

В этот домик я и вошел с Рождественским в один холодный декабрьский зимний вечер. Там мы застали целое общество, как оказалось, почти целиком всю нижегородскую революционную колонию того времени. Была скромная вечеринка. Пили чай, беседовали, пели под аккомпанемент старинных клавикордов. Пели песни: «Дубинушку», некрасовскую «Укажи мне такую обитель», «Из страны, страны далекой», студенческую, с припевом:

Проведемте, друзья, эту ночь веселее,
Пусть вся наша семья соберется теснее.

В этой песне между прочим есть такой куплет:

Выпьем мы за того,
Кто «Что делать?» писал,
За героев его,
За его идеал.

Впервые я услышал пение революционных песен. Сильно подействовало оно на меня.

Перезнакомился со всем обществом. Вот кто там был: два брата Метлины — Василий Иванович и Иван Иванович. Они были московскими студентами-юристами, исключенными из университета и высланными на родину осенью 1884 года за демонстрацию на Страстном бульваре против реакционной газеты «Московские ведомости» и ее редактора Каткова. Оба они были народовольцами. Особенно сильное впечатление произвел на меня Иван Иванович. Вышесреднего роста, сухой, с красивым интеллигентным лицом, он всем своим обликом производил впечатление человека глубоко идейного. Мне казалось, что вот это настоящий революционер, всецело живущий вопросами революции. Его старший брат, Василий Иванович, полный и благодушный, с несколько обывательским видом, не произвел на меня такого впечатления, как его брат. У них были еще две сестры — младшая, тогда еще гимназистка седьмого класса, и старшая, Александра Ивановна; она училась в Москве на акушерских курсах и имела типичный вид «нигилистки»: стриженная (тогда стриглись женщины только «нигилистки»), с папироской в зубах. Надо сказать, что в это время выходили уже из моды «нигилистические манеры» 60-х и 70-х годов как среди женщин, так и среди мужчин (длинные волосы, синие очки, плед), но у Александры Ивановны эти манеры были особенно подчеркнуты. В гостях был высланный тоже за демонстрацию на Страстном бульваре студент Петровской сельскохозяйственной академии Губарев. Его фамилия вызывала ассоциацию с вождем русской революционной эмиграции, выведенным Тургеневым под этой фамилией в «Дыме», но нижегородский Губарев оказался очень

скромным человеком и ни в каком отношении не претендующим на роль вождя. Другой гость — Иван Васильевич Духовской, владелец небольшого книжного магазина, кстати единственного тогда в Нижнем. Он был слепой, притом очень талантливый музыкант. Когда Короленко писал своего «Слепого музыканта», то он много беседовал с Духовским, стараясь проникнуть в психологию слепого музыканта. У Духовского хранилась нелегальная библиотечка, которой я вскоре стал широко пользоваться. Третий гость — Егор Иванович Орлов, с длинными темными волосами, с темной бородой, в черных очках и с очень мрачным видом. Это был сын крестьянина села Лыскова, бывший семинарист, ездивший работать к известному профессору Петровской академии Энгельгардту, оставившему академию «по независящим обстоятельствам» и севшему на землю в своем имении в Смоленской губернии¹. Я потом подружился с Орловым. Он переживал тогда тяжелое время разочарования в революции; впоследствии он поступил в Московский университет и весь отдался науке, был профессором химии в Харькове; ныне в Москве. Наконец, четвертый гость был столяр Китаев. Он принадлежал к нижегородской народвольческой организации начала 80-х годов, возглавлявшейся А. А. Карелиным². Эта организация была ликвидирована жандармерией, и ее глава находился в то время в ссылке. Обломком этой организации и был столяр Китаев; в это время он был владельцем небольшой мастерской с двумя-тремя рабочими и фактически отошел от революции. После этого вечера я близко сошелся с Метлиными, а Иван Иванович стал со мной вскоре заниматься древними языками, так как Ливанский меня мало удовлетворял.

Через Метлиных я познакомился с В. Г. Короленко и А. И. Богдановичем, которых я раньше встречал в городской читальне. Короленко жил тогда только год в Нижнем по возвращении из Якутской ссылки и не стал еще центром, вокруг которого группировалась нижегородская передовая интеллигенция. Жил он тогда довольно одиноко. В одном своем письме, написанном весной 1886 года, то есть приблизительно в то время, когда я с ним познакомился, он писал: «Нам тут живется вообще серо. Теперь же вдобавок мы проводили трех членов нашей семьи в разные стороны, а потому страдаем в усиленной степени. Нижний — город не из лучших, в смысле среды — купеческий и мало интеллигентный».

В это время он уже начинал входить в известность: его рассказы — «Сон Макара», «Соколинец», «В дурном обще-

¹ Энгельгардт, «Письма из деревни».

² А. А. Карелин был потом присяжным поверенным; во время революции 1917 года он объявил себя анархистом и в 1917 и 1918 годах был членом ВЦИК от анархо-коммунистов.

стве», «Слепой музыкант» — появились уже в печати. Начал он писать и корреспонденции из местной жизни в столичных и провинциальных газетах. Короленко со мной был приветлив, расспрашивал о моих намерениях, но в высказываниях был сдержан. Это расхолаживало: мы подходили тогда к людям прямо с вопросом — что делать? — а он как-то избегал ответа на этот вопрос; в словах его чувствовался какой-то скептицизм. Познакомился я тогда и с Ангелом Ивановичем Богдановичем, петербургским студентом, высланным по народо-вольческому делу, но тот показался мне слишком мрачным и необщительным. Как я узнал, он в это время переживал кризис народо-вольческого мировоззрения и был близок к самоубийству. Встретив его два-три года спустя, я нашел его совсем другим. Тогда он увлекался борьбой с местным дворянством и администрацией совместно с Короленко путем корреспонденций. Еще позже он стал редактором журнала «Мир божий», где вел публицистический отдел.

Эта небольшая группка и представляла собой в то время в Нижнем почти всех, кто сколько-нибудь был связан с революционным движением. Вся эта группка не представляла какой-либо оформленной организации, не вела какой-либо революционной работы. Это были просто люди одной идеологии, одного настроения; они часто виделись между собой, беседовали, делились новостями и слухами, — например, по поводу ареста на границе народо-вольца Сергея Иванова, процесса народо-вольца Лопатина и т. п. Никаких идеологических связей с окружающей средой у этой группы не было, они были как бы «чужестранцами» в своем родном городе, как назвал их Чirikов в своей повести «Чужестранцы».

О подобных людях в то время в Казани М. Горький пишет в «Моих университетах»: «Те, кого я уважал, кому верил, — странно одиноки, чужды и — лишние среди большинства. в грязенькой и хитрой работе муравьев, строящих кучу жизни». И в другом месте («Сторож»): «Мне казалось, что интеллигенты не сознают своего одиночества в маленьком грязном городе, где все люди чужды и враждебны им, не хотят ничего знать о Михайловском, Спенсере и нисколько не интересуются вопросом о том, насколько значительна роль личности в историческом процессе».

Вышеприведенная оценка оторванности от жизни маленькой интеллигентской группки сделана была мной, конечно, впоследствии, а тогда я был в очень приподнятом настроении от того, что мне удалось познакомиться со столь интересными людьми.

У Духовского я стал брать книги. Прочитал Лаврова «Исторические письма»; принцип отдания долга народу укрепил мои стремления пойти «в народ».

Статьи Добролюбова — «Темное царство», «Луч света в

темном царстве», «Когда же придет настоящий день» — глубоко запечатлелись, показывали воочию крепостнический гнет, который чувствовался еще во всех областях русской жизни, побуждали на борьбу с этим гнетом. Его письма из Италии, которая переживала тогда период революционной борьбы за национальное освобождение, были полны горячим сочувствием к этой борьбе и между строк призывали к борьбе за политическое освобождение России.

Полные блеска и таланта статьи Писарева — «Базарои», «Реалисты», «Мыслящий пролетариат» и др. — возбуждали энтузиазм. К Писареву привлекало его горячее отстаивание прав человеческой личности, человеческого разума, науки, смелое низвержение устаревших авторитетов. Но к некоторым его статьям молодежь уже тогда относилась критически: не шла за ним в отрицании Пушкина, художественного значения романа Льва Толстого «Война и мир» и искусства вообще.

Особенно запечатлелись статьи Чернышевского о революционных движениях в Европе и его роман «Что делать?». Конечно, для того времени идеи Чернышевского о равноправии женщин, об их праве заниматься самостоятельным трудом были уже не совсем новы. Они вошли уже до известной степени в жизнь. Идея кооперативных мастерских уже устарела. Но личность Рахметова, хотя и схематично обрисованная, сны Веры Павловны, в которых начертана картина будущего, коммунистического строя, и общий революционный дух, которым проникнут этот роман, все это производило сильнейшее впечатление.

Трагическая судьба Чернышевского, его двадцатилетнее заключение на каторге, а потом в далекой Виллойской тюрьме, вызывала глубокое сочувствие к нему и возмущение против правительства. В то время Чернышевский после этого заключения не был сразу освобожден, а только переведен в ссылку поближе, в Астрахань. Авторитет Чернышевского и любовь к нему среди революционной интеллигенции были тогда очень велики.

Прочитал я первый том сочинений Лассалья (издания 1872 г.). Личность Лассалья, его блестящие речи на суде увлекали. Авторитет Лассалья стоял очень высоко тогда среди народофильской интеллигенции. По статьям Лассалья я знакомился с немецким рабочим движением 60-х годов. Увлекался романами Шпильгагена; в его романе «Один в поле не воин» в лице Лео изображен Лассаль, его борьба с либералами, его связь с королевским двором, что казалось тогда клеветой либералов на Лассалья¹. В романе «Фон Гогенштейн»

¹ Впоследствии стало известно, что Лассаль действительно вел переговоры с главой прусского правительства Бисмарком и заключил с ним тайное соглашение.

ны» изображена революция 1848 года — разгром крестьянами дворянских замков. О революции 1848 года я прочитал еще Иоганна Шерра «Комедия всемирной истории». С французской революцией познакомился по Минье и Луи Блану; с Парижской Коммуной — по книге Ланжеле и Корье. Познакомился с несколькими работами Прудона, но он не произвел большого впечатления. Прочитал несколько русских «тенденциозных» романов: Решетникова «Подлиповцы» и «Где лучше», Слепцова «Трудное время», Омуровского «Шаг за шагом», Станюковича «Без исхода» и «Два брата», Шеллер-Михайлова «Лес рубят, щепки летят», Засодимского «Хроника села Смурина». Большое богатство хранилось в библиотеке И. В. Духовского¹. Прочитал я в это время «В чем моя вера» и «Евангелие» Льва Толстого, которые тогда ходили по рукам в гектографированном виде. Но толстовщина не затронула меня. Реакционность принципа «не противься злу насиліем» была мне ясна. Прочитал почти все романы Золя, переведенные на русский язык, а также Виктора Гюго; особенное впечатление произвели его «Отверженные» и «93-й год». Бальзака мы тогда не читали, он не был в чести у радикальной интеллигенции, и я не прочитал тогда ни одного его романа. Довольно много читал Салтыкова-Щедрина. Его критика современных порядков производила впечатление, но не удовлетворяло отсутствие у него положительных идеалов, то, что он не давал ответа на вопрос — что делать?

Подводя итог моему чтению за эти годы, могу сказать: да, великое дело книга, огромную силу воздействия на человеческую психику имеет она. Некрасов в своей поэме «Саша» так характеризует действие книги:

В наши великие трудные дни
Книги — не шутка. Укажут они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,
Но не научат любить глубоко.

Мне кажется, что книги могут действовать сильнее: они могут при известных условиях дать и силы на благое и научить любить глубоко.

В результате этого чтения я стал правоверным народником: я думал тогда, что крестьянская община и рабочая артель — эти исконные формы организации народного труда — должны стать основой будущего, социалистического строя. Капитализм их разлагает, разрушает, надо всячески задерживать

¹ Указанные книги я прочитал за три года жизни в Нижнем-Новгороде; перечисляю их здесь, чтобы не возвращаться к этому впоследствии.

его развитие. Надо «пойти в народ», то есть в крестьянство, стараться поднять его на борьбу за воплощение в жизнь выше-названных основ.

На всю жизнь от этого чтения остались любовь к трудящемуся люду и ненависть к его поработителям и угнетателям, но через некоторое время другие книги указали мне на ложность народнических путей в борьбе за счастье трудящихся, они вместе с тем показали истинные пути, ведущие к этой цели, но об этом позже...

Пришло лето 1886 года. Я продолжал свои занятия древними языками, но занимался несколько меньше, чем зимой. Возобновил свои поездки по Волге, которую страстно любил. Купил себе лодку; на ней мы совершали поездки по Волге и Оке; на ночевках ловили иногда рыбу с плотов. Компанию составляли мне мои братья и соседи — два брата Капраловы. Во время ночевки заводил беседы с рыбаками, бурлаками, матросами, стремился «сблизиться с народом».

Метлины получили разрешение поступить в Ярославский юридический лицей и осенью уехали туда. Приехали новые люди, — это были: Иван Осипович Силантьев и Алексей Иванович Добронравов, исключенные из владимирской семинарии за какой-то протест. Силантьев, сын крестьянина, был романтически настроенный народник, писал рассказы и лирические стихи; один его рассказ был где-то напечатан, поэтому он считал себя литератором из народа. Впоследствии он оказался сугубо мирным, умеренно либеральным человеком, служил в земской, потом в правительственной статистике. Его товарищ Добронравов был совсем не похож на него. Сын сельского пономаря, умершего, когда Алексей Иванович был еще мальчиком, он вырос в большой нужде; его старшая сестра вышла замуж за слесаря, и он часто жил у них и потому стал близок к рабочей среде. Это был решительный, глубоко демократически и революционно настроенный человек. После исключения из семинарии он решил поступить в университет и тоже готовился на аттестат зрелости. Он сдал его в шуйской гимназии в 1887 году и поступил в Московский университет, на юридический факультет, но в том же году был исключен за участие в студенческих волнениях и опять приехал в Нижний, полный рассказов об этих волнениях, а также о своих знакомствах с рабочими железнодорожных мастерских Брестской дороги, которые он завел через своего зятя, слесаря. Вновь он поступил в Московский университет вместе со мной, в 1888 году.

Силантьев и Добронравов жили вместе, обычно на каком-нибудь чердачке, почти без мебели; я с ними очень сдружился. Добронравов после отъезда Метлина занимался со мной по древним языкам, и я часто бывал у них. Оба они

были большими поклонниками писателя Н. Н. Златовратского, с которым они были близко знакомы по городу Владимиру. Под их влиянием я прочитал все произведения Златовратского. Думаю, что Златовратский не был вполне правильно оценен критикой. Создалось мнение, что он «обсахаривал мужика». А между тем его «Устой», по моему мнению, являлись реалистическим художественным произведением, в котором были представлены разные слои деревни: беднота, маломощные середняки, зажиточные «хозяйственные» мужички и разные типы кулаков; была представлена драматическая борьба этих групп, на которые расслоилась тогдашняя русская деревня.

Почти одновременно с ними приехал из Казани в Нижний А. В. Чекин. Это был активный революционный работник, приехавший в Нижний как агент революционного народнического центра, находившегося тогда в Казани. Я с ним быстро сошелся, он казался мне олицетворением идеала революционера, у которого нет никаких интересов, кроме интересов революции. Это был наиболее сохранившийся тип революционного народника, какого только мне пришлось встретить. Сомнения и разочарования, какие переживало большинство революционных народников, тогда еще совсем не коснулись его. «Аким Васильевич Чекин, превосходный пропагандист, человек поразительной душевной чистоты...», — так характеризовал его Максим Горький («Былое», № 32, стр. 220), участвовавший в Казани, а потом в Нижнем в кружке, которым руководил Чекин. Жил он чрезвычайно скромно; когда в Нижнем организовалась земская статистика, он брал оттуда работу за нищенское вознаграждение. Он был летами старше всех нас, ему было в это время двадцать семь лет, что считалось тогда очень солидным возрастом для революционера.

Чекин был сын плотовщика-мещанина города Макарьева, Костромской губернии. Он самоучкой подготовился в учительскую семинарию. Там вступил в народнический кружок и был вскоре исключен из семинарии, потом ходил в офенях, торгуя книжками по деревням и ведя пропаганду; случайно избегнув ареста, он обосновался затем в Казанской губернии в качестве сельского учителя, заводил там кружки среди крестьян и деревенской интеллигенции; за это был выгнан из учителей и жил в Казани грошовыми уроками. Он мне рассказал, что существует народническая организация, которая ведет революционную пропаганду в народе путем организации пропагандистских пунктов, состоящих из кружков деревенской интеллигенции — врачей, фельдшеров, учителей, волостных писарей и передовых крестьян; иногда даже молодые попы, принимавшие ранее участие в семинарских кружках, бывают участниками этих деревенских кружков. Среди

крестьян устраиваются артели. Пропаганда ведется по преимуществу устная и с помощью легальных книг, но среди более надежных людей распространяются и нелегальные брошюры, которые гектографируются и печатаются организацией¹. У Чекина всегда можно было найти нелегальные брошюры вроде «Царь-голод», «Кто чем живет», «Хитрая механика»; у него же я достал печатный сборник (без заглавия и обложки) с изложением программы социалистов-народников и с другими статьями. Сборник этот интересен для характеристики того кризиса, который переживало революционное народничество в конце 80-х годов². Ему уже чужды иллюзии об общине как основе будущего, социалистического общества, он уже не отрицает начала победного шествия русского капитализма, он «целиком» признает теорию Маркса... для Запада. А каковы же выводы? Вот в чем резюме этих выводов³: «В основе той программы, которая может быть названа «народнической» в широком смысле этого слова, лежит стремление обеспечить трудящейся рабочей массе, которая понимается под словом «народ», условия существования, настолько полного и всестороннего, насколько это возможно на существующей ступени развития общественной жизни. Главная посылка этой программы заключается в том, что каждое поколение само по себе имеет право на возможную долю счастья и удовлетворения всех своих потребностей, и потому стремления к этой доле счастья вполне законны, *хотя бы они и замедлили окончательное разрешение социальных противоречий для будущих поколений*» (курсив мой, — С. М.)

И прав товарищ Сергиевский в оценке этой программы. «Нужно ли говорить, — пишет он, — о том глубоком нравственном и идейном разладе, который не мог не быть у народников, теоретически принявших формулу Маркса, но не видящих иного выхода, как только в безнадежной борьбе с неотвратимым историческим процессом. Такой разлад предопределяет или отход от социализма и углубление в либерально-культурную работу в деревне без перспектив в более

¹ Казанская народническая организация была преемницей «чернопередельцев» начала 80-х годов. Термин «чернопередельцы» в это время уже не употреблялся: преемники их направления, которые долгие всего, повидимому, сохранились в Казани и Среднем Поволжье, назывались народниками и противопоставляли себя народольцам, которые главным методом своей политической работы считали в этот период террор; впрочем, только в теории, на практике же террористических актов в то время, то есть после покушения 1 марта 1887 года, не было (исключение — покушение Мелкова-Качурихина в 1891 году на казанского губернатора).

² Об этом сборнике см. статью Сергиевского в «Историко-революционном сборнике», т. III, стр. 148—243, 1926 г. Там же перепечатаны основные статьи этого сборника.

³ Указанная статья Сергиевского, стр. 182—183.

или менее отдаленном будущем, куда и отхлынула в действительности народническая интеллигенция в качестве просветителей-народников или опрошенцев-толстовцев, или решительный переход к социал-демократизму».

Разумеется, когда я в то время читал этот сборник, эти мысли не приходили мне в голову, и я воспринимал его непосредственно, как последнюю мудрость революционной мысли.

Любопытно, что этих казанцев-народников за их приятие экономического учения Маркса звали даже другие и они сами марксистами, но характер этого «марксизма» ясен сам собой, и когда, через три-четыре года, на общественной арене появились настоящие марксисты, то им пришлось жестоко бороться с этими псевдомарксистами, о чем я расскажу ниже.

Дела свои казанская организация вела очень конспиративно, и полиции так и не удалось ее раскрыть. Об этой организации в литературе до последнего времени ничего не было, и только после опубликования в № 10 журнала «Каторга и ссылка» за 1930 год статьи «Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани» (1875—1892 гг.) стало известно о характере этой организации и о личном составе ее руководящего центра. Этот центр был в Казани, около него группировались кружки студентов университета, ветеринарного института, семинарии и духовной академии; была также довольно значительная группа среди офицеров. Участники кружков после окончания учебных заведений разъезжались по Поволжью и создавали на местах ячейки организации. Бывали съезды представителей местных групп. В таком виде организация, создавшаяся в 1884 году, просуществовала до 1889 года, после которого начался ее распад; окончательно прекратила она свое существование около 1892 года. Большинство ее членов стали просто культурниками в духе либерального народничества; впоследствии, при оживлении революционного движения, они распределились по партиям эсеров, энесов и кадетов. Небольшая часть определилась уже в начале 1890-х годов как марксисты (Е. В. Барамзин и некоторые другие).

Как видно из этой статьи и краткой автобиографии А. В. Чекина, которую он по моей просьбе прислал из Тифлиса (в 1933 г.), это та самая организация, в которой участвовал Горький, работая в булочной Деренкова и в лавке Ромаса в селе Красновидове.

В то время Чекин не назвал мне ни одного имени, ни одного пункта работы, дал только общую обрисовку задач и целей организации. Его принципом конспирации было говорить только то, что необходимо знать данному лицу для работы. Мы прозвали его в шутку «великим конспиратором». Приехав в

Нижний, он стал плести сеть своей организации, заводя кружки среди интеллигенции.

Стал и я участвовать в кружках с осени этого года. Первый кружок, в котором я принял участие, образовался по моей инициативе из гимназистов и гимназисток, с которыми я познакомился в семье моего бывшего учителя А. И. Кильчевского. С его семьей я познакомился вскоре после окончания корпуса. Старшая дочь его, Ольга Агафониковна, была тогда в седьмом классе. Я с ней подружился, и дружба наша продолжалась потом много лет, хотя мы и редко виделись, до ее тяжелой болезни, а затем и до смерти, незадолго до мировой войны. Из знакомых Ольги Агафониковны и образовался наш первый кружок. В него входили несколько учеников и учениц старших классов гимназии. Из членов этого кружка упомяну М. Н. Соболева, сына видного чиновника, впоследствии профессора политической экономии в Томском, потом в Харьковском университетах; при советской власти работал в Госплане, ныне (в 1939 г.) — персональный пенсионер. Другой член кружка — Д. П. Рузский, впоследствии видный профессор механики и директор Киевского политехникума; далее И. А. Базанов, сын богатого крестьянина, впоследствии тоже профессор Томского университета; А. В. Второв, сын мелкого лавочника, будущий активный участник народовольческой организации.

Слушал наши чтения и споры в кружке и младший сын Кильчевского, Владимир, тогда еще гимназист четвертого класса, впоследствии кооператор-эсер.

Начали мы чтение со статьи Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» Революционным энтузиазмом насыщена была эта статья. Но по-разному восприняли ее члены кружка. Завязались горячие споры, которые увели нас далеко от статьи. Заспорили, что важнее и плодотворнее: легальная земская культурная деятельность, или революционная работа. Я и Второв не отрицали пользы культурной работы, но выше и важнее считали революционную работу; другие, наоборот, в легальной культурнической работе видели центр своей будущей деятельности.

Вообще члены нашего кружка — дети директора гимназии, крупного акцизного чиновника, деревенского кулака — склонялись больше к умеренному легальному либерализму. Меня и Второва поддерживали только Ольга Агафониковна да еще одна гимназистка из мелкой разночинной среды. Старика Кильчевского мы иногда вовлекали в наши споры, он старался «мудро» примирить спорщиков.

Кружок у Кильчевских просуществовал года полтора. Однажды Кильчевского вызвали к жандармскому генералу Познанскому или дали понять другим образом, что собрания

молодежи, бывающие у него, бросают на него тень в политическом отношении. Пришлось их ликвидировать.

Еще до ликвидации этого кружка я стал принимать участие в другом кружке. Привлек меня туда Второв. В него входило человек десять, преимущественно дети мелких чиновников. По настроению он был более демократичный и революционный, чем кружок у Кильчевских. Когда я вошел в кружок, там читали и разбирали «Что такое прогресс?» Михайловского. Из участников его отмечу Л. Я. Александрова, Е. И. Пискунова и Н. З. Васильева.

Л. Я. Александров — краснощекий, цветущий, симпатичный юноша, потом активный участник студенческих организаций и волнений. Был исключен из Московского университета, кончил в Дерптском, стал там марксистом, служил потом во владимирском земстве, принимал участие в социал-демократическом «Северном рабочем союзе», по делу которого был сослан.

Н. З. Васильев происходил из революционной семьи. Его старший брат, Захар Захарович, был народовольцем, жил на нелегальном положении, усиленно разыскивался полицией, но так и не был найден; о его дальнейшей судьбе не знаю. Сестра его, Анна Захаровна, была также народоволкой, в то время курсисткой, впоследствии учительницей. Сам Николай Захарович — очень умный и искренний человек, но выделялся уже тогда своим скептицизмом, и он вместе со своим приятелем Е. И. Пискуновым вносили своим скептицизмом некоторый диссонанс в настроение кружка.

Я недолго пробыл в этом кружке, так как он распался весной, по окончании курса гимназии несколькими членами кружка. С некоторыми членами кружка у меня завязались дружеские отношения, которые продолжались потом в университете.

Скажу еще здесь, о моих знакомствах в это время среди народных учителей.

У Вани Грецкова, о котором я говорил в предыдущей главе, был старший брат Александр Дмитриевич — скромный, но хороший, всецело преданный своему делу учитель начального училища. Я сблизился с ним и часто бывал у него в школе, присутствовал несколько раз на уроках. Я удивлялся, каких больших успехов добивается он в своей трехклассной школе, как грамотно пишут и как хорошо решают арифметические задачи его ученики, оканчивающие школу. Через него я познакомился с несколькими нижегородскими учителями начальных школ. Даю краткую характеристику тогдашнего народного учителя.

В 70-х годах революционные народники часто пользовались должностью народного учителя для пропаганды; в учи-

тельских семинариях было немало революционных народнических кружков, из которых выходили такие пропагандисты. В то глухое реакционное время (вторая половина 80-х гг.) учительство подвергалось жестокой чистке: мало-мальски «неблагонадежные» элементы безжалостно удалялись, и встретить в это время революционно настроенного учителя было трудно. Преобладающим типом народного учителя был чистый культурник-просветитель, преданный своему делу, смотрящий на него, как на миссию просвещения народа.

Работать учителю было нелегко: это был самый низший, политически и материально самый угнетенный слой разночинной интеллигенции. Особенно это относится к сельским учителям, над которыми считало своим долгом наблюдать и помыкать все деревенское начальство: инспектор народных училищ, урядник, волостной старшина, поп, попечитель школы — обычно помещик или кулак. Получал учитель пятнадцать-двадцать рублей в месяц, жил в одиночестве, без книг, а созовет он к себе двух-трех товарищей, его обвинят в «неблагонадежности». Учить его заставляли только технике грамоты и счета, даже объяснительное чтение по хрестоматии не рекомендовалось.

И вот при таких условиях народные учителя все же несли нелегкое бремя и способствовали по мере сил просвещению и подъему культуры среди городского населения и крестьянства.

В последующий период политического оживления, в 90-х и 900-х годах, народные учителя политически активизировались, создавали профессионально-политические организации, но об этом я скажу в свое время.

ГЛАВА V

НОВЫЕ ЛЮДИ. ВИДИМОСТЬ ОЖИВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДПОЛЬЯ

Студенческие волнения и демонстрации в университетских городах имели всегда результатом наплыв высланных участников их в Нижний. Так, после демонстрации в память двадцатипятилетия смерти Добролюбова, в ноябре 1886 года, из Петербурга выслали в Нижний несколько человек. После боковых арестов петербургских студентов, последовавших за покушением на Александра III 1 марта 1887 года, приехало несколько петербургских студентов.

Особенно много высланных приехало в Нижний после студенческих волнений, которые охватили несколько университетов в декабре 1887 года. Среди высланных преобладали студенты-казанцы; было их человек пятнадцать-двадцать, — молодая, жизнерадостная, революционно настроенная публика.

Из них помню двух братьев Кларков, двух братьев Севастьяновых, Станкевича, Знаменского. Нижегородское подполье оживилось. Начались оживленные собрания с горячими спорами между народовольцами и народниками. В Казанском университете, повидимому, дольше, чем в других центрах, сохранились упомянутые, довольно определенно обособленные фракции. Сильнее была представлена фракция народников, имевшая в Казани свою старую оформленную организацию. Народники группировались около Чекина, а народовольцы вокруг Станкевича и В. И. Кларка. Старые наши кружки перегруппировались; некоторые члены кружков пошли к народовольцам, другие — к народникам. Я бывал и в кружке Станкевича, и в кружке Чекина.

В кружке Чекина занятия шли по обширной программе.

Вот приблизительно первый цикл этой программы, разделявшейся на две части: политико-экономическую и изучение русской действительности.

По первой части читали следующие книги: 1) Иванюков, «Краткий курс политической экономии», 2) его же, «Основы экономической политики от Адама Смита до нашего времени», 3) «Политическая экономия Милля с примечаниями Чернышевского», 4) Шеффле, «Сущность социализма», 5) Лассаль, «Речи и статьи» 6) Маркс, «Манифест коммунистической партии».

По второй части: 1) Головачев, «Десять лет реформ», 2) Коркунов, «Русское государственное право», 3) Ефименко, «Обычное право», 4) Пругавин, журнальные статьи о русских сектах, 5) Лохвицкий, «Обзор современных конституций».

У народовольцев читали: Лавров, «Исторические письма», Михайловский, «Что такое прогресс?» и «Герои и толпа», историю французской революции, статьи из журнала «Дело» за 1881 год Льва Тихомирова (под псевдонимом Кольцов) и Русанова. Первый доказывал, что главным фактором человеческой истории является политический фактор, а Русанов доказывал, что экономический. Народовольцы полагали, что Тихомиров правильно решает вопрос. При занятиях в кружках и при индивидуальном чтении рекомендовалось пользоваться популярными тогда указателями систематического чтения: один в издании Распопова (Одесса), другой — изданный в Челябинске в 1883 году; оба указателя были в числе запрещенных книг.

Кружки конспирировали друг от друга, и между ними были некоторые элементы фракционной вражды. Я не считал себя фракционно определившимся. Я тогда думал, что систематическая пропаганда в народе, которую вели народники, необходима: без поддержки широких слоев народа успешная

революция невозможна, но, с другой стороны, и террористические акты я считал полезными для устрашения правительства и для агитационных целей. Впрочем, не я один был вне фракций; фракционность наблюдалась преимущественно среди казанцев.

Да оно и понятно: примкнуть к определенной фракции значило политически вполне определиться, приступить к действию, а к этому-то и не располагало тогдашнее состояние народничества. И действительно: какие перспективы открывало оно? У него уже не было наивно-беззаветной веры 70-х годов, что народ уже готов к революции, стоит только бросить туда искру. Эта вера толкала тогда сотни и тысячи молодежи идти в народ, звать его на революцию. Но иллюзия эта была скоро разбита: выяснилось, что интеллигенция не знала народа, а народ не понял ее и остался глухим к ее призывам. Тогда народники решили совершить революцию без народа, путем индивидуального террора, но и эта идея потерпела крах: после ряда террористических актов, после убийства Александра II не только не произошло революции, но, напротив, наступила длительная реакция 80-х годов, а последующие террористические попытки только подчеркивали бессилие и вред этого метода борьбы; а в дальнейшем не было и попыток, и осталась одна болтовня о терроре. Часть народников осталась верна старым традициям народничества 70-х годов и говорила, что надо идти в народ с революционной пропагандой, но это «хождение в народ» выродилось в мелкую, крохоборческую работу, как у казанских народников. Революционеры в это время преимущественно «пущали революцию промеж себя», как иронизировали тогда скептики.

Все это мною тогда отчетливо не сознавалось, но чувствовалось подсознательно, — отсюда пассивность, неопределенность, «внефракционность».

Временами вся колония¹, без различия фракций, собиралась вместе по какому-нибудь случаю. Помню такое собрание для встречи нового года (1888) в квартире супругов Знаменских, и около этого же времени другое собрание по случаю приезда Е. Н. Чирикова и чтения им своей «Оды Александру III», за которую он сидел в тюрьме в Казани, а теперь, до решения дела, был выпущен из тюрьмы и выслан в Нижний. В обоих случаях собиралось человек тридцать—тридцать пять. Получилась видимость оживления революционного движения, особенно по сравнению с тем, что было в Нижнем два года

¹ Я употребляю здесь слово «колония», хотя термин этот не употреблялся тогда среди нижегородского подполья; он употреблялся только в ссылке в Сибири и на севере, но по существу группа нижегородских политиков, местных и высланных, представляла собою такую же «колонию», как и сибирские ссыльные.

назад. Я высказал эту мысль одной народоволке, возвратившейся из сибирской ссылки (не помню ее фамилии). Она мне сказала, что, по ее мнению, старые направления уже мертвы, что она тогда скажет, что народилось что-то новое, когда придут новые люди и скажут гордо нам, старикам: вы уже отжили и никуда не годитесь, а вот мы несём в жизнь новую истину, которая победит. И она была права: это не было еще оживление, это были последние вспышки замиравшего народнического движения. И действительно: через несколько месяцев это оживление спало.

Настоящего оживления революционного движения пришлось ждать еще несколько лет.

Между тем приближалось время экзамена. Занятия мои по древним языкам значительно продвинулись вперед. Я уже начинал довольно свободно читать латинских и греческих классиков и начал даже увлекаться этим чтением.

Но надо сдавать экзамен. Возник вопрос, где сдавать. В нижегородской гимназии экстернов в течение ряда лет проваливали. Добронравов в прошлом году, один из семи державших, выдержал при шуйской гимназии, и он советовал мне держать при этой гимназии. Я на это тем охотнее пошел, что в последнее время в Нижнем мне стало трудно заниматься: развелось много знакомых, которые часто ко мне заходили и мешали заниматься. Было много собраний, кружков и т. п. Словом, как теперь бы сказали, общественная работа моя шла в ущерб учебе.

И я поехал месяца на полтора перед экзаменами в Шую, где у меня не было ни одного знакомого, чтобы целиком отдаться подготовке к экзаменам.

Шуйская гимназия была небольшая: кончало всего восемь учеников и два экстерна — я и еще один, без древних языков. Начались экзамены. На первом экзамене — в письменной работе, переводе с русского на латинский (*extemporalia*) — я сделал одну ошибку: вместо сослагательного наклонения употребил изъявительное; это с моей стороны была простая описка: одно наклонение от другого отличалось только одной буквой. И вот за опущение этой одной буквы я получил двойку, что почти определяло провал всех моих трудов за два с половиной года. Но вывели другие предметы и четверка по устному латинскому. И вот я признан достойным получить аттестат зрелости — предмет больших и долгих трудов. Отпраздновав получение аттестата веселой попойкой с шуянами, я поехал в Нижний.

Это лето мы жили на даче на Волге, в сорока семи верстах ниже Нижнего, в селе Кадницах.

Кадницы населены сплошь волгярами, которые в качестве штурвальных и лоцманов работали на пароходах; землю свою

они сдавали окрестным крестьянам, а на огородах работали исключительно женщины. Жили очень зажиточно.

Лето быстро промелькнуло, и я стал собираться в Москву — в университет, на медицинский факультет. В последнее время у меня был большой соблазн поступить на историко-филологический факультет, так как я много читал по истории, да и чтение латинских и греческих классиков в подлинниках тягивало в изучение истории. Но мои народнические взгляды и устремления еще были сильны, и я решил поступить все же на медицинский факультет.

ГЛАВА VI

В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. НА ПЕРВОМ КУРСЕ. АПОГЕЙ РЕАКЦИИ. ВСТРЕЧИ С ЗАЙЧЕВСКИМ

С большими надеждами ехал я в Москву в университет. Думалось, что в большом университетском городе идейная и революционная жизнь должна идти живее, чем в нашем провинциальном городе. Но действительность в первое время сильно разочаровала меня... Приехав в Москву, мы, группа студентов-нижегородцев, восемь человек, поселились вместе, «коммуной». В «коммуне» жили два студента второго курса — Второв и Александров, и шесть студентов-первокурсников — Пискунов, Васильев и др. Жили в центре студенческого квартала, в районе Бронных улиц и Козихинских переулков, весь этот район носил название «Козихи»¹. Быстро вошли в студенческую жизнь. Что представляла она в этот год?

Студенческая жизнь после декабрьских «беспорядков» прошлого, 1887 года, результатом которых всегда бывали исключение и высылка наиболее активных элементов студенчества, была в периоде затишья, реакции.

Да и вообще в этом году в России политическая и общественная реакция дошла до своего апогея. Силы революции были разбиты; покушение на жизнь Александра III 1 марта 1887 года и последовавшие за ним репрессии еще более придавили общественное настроение. Правительство торжествовало свою победу. В официальном отчете о революционном движении читаем: «Становилось очевидным, что к началу 1888 года революционная партия подверглась жестокому кризису и находилась в полном расстройстве». А осенью этого же года идейный вождь народовольцев Лев Тихомиров издает в

¹ Есть в столице Москве
Один шумный квартал,
Он Козихой Большой
Прозывается.

От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Там студенты толпами
Шатаются.

(Из студенческой песни.)

Париже брошюру «Почему я перестал быть революционером?», пишет царю о своем раскаянии и просит разрешения вернуться на родину, после чего переходит в лагерь крайней реакции — в редакцию «Московских ведомостей». Большой разброд и смущение произвело это событие и в без того разрозненных кругах русских революционеров. Частым явлением стал в этот период отход не только старых революционеров от революции, но и либералов от либерализма. «Поумнел», — вот ходячее выражение для этих отходящих. Литература того времени полна картин этого разброда и отхода размагниченного интеллигента от революции, от прогрессивного общественного движения. Особенно яркое отражение нашел этот процесс в сказках Салтыкова-Щедрина «Либерал», «Премудрый пискарь» и др., в романах Боборыкина «Поумнел», «На ущербе», в повестях Чехова «Скучная история», «Хмурые люди», «Тоска», в его пьесе «Иванов». Надсон написал стихотворение «Нет, я больше не верую в ваш идеал и вперед я гляжу равнодушно»; вскоре он умер от злейшей чахотки. Гаршин написал символические рассказы «Красный цветок» и «Attalea princeps», в последнем он изобразил растущую в оранжерее пальму, тянущуюся к свету, к солнцу, своим ростом разбивающую стеклянную крышу оранжереи и гибнущую от мороза; автор вскоре покончил самоубийством. Щедрин умирал в одиночестве и писал свои скорбно-гневные статьи «Приключение с Крамольниковым», «Имя рек умирает» и др. Писатель Николай Успенский зарезался на Смоленском рынке в Москве, а Глеб Успенский начинал сходить с ума. Лев Толстой выступил с проповедью опрощения, непротивления злу насилем.

Журнальная и газетная литература после закрытия в 1884 году «Дела» и «Отечественных записок» влачила жалкое существование, окрасившись в цвет мещанского либерализма и грешового оппортунизма.

Эта политическая и общественная реакция отразилась и на студенчестве. Среди него господствующим настроением в это время был аполитизм, скептическое отношение к революционным программам.

«Без догмата» было лозунгом многих молодых студентов того времени. Увлекались стихами Бодлера («Цветы зла»), появившимися около того времени русскими символистами — Мережковским, Фофановым, Минским («Я цепи старые свергаю, молитвы новые пою»), романом Бурже «Ученик», в котором тоже выведен человек без моральных принципов, романом Сенкевича «Без догмата», Флобером.

Студенты-радикалы, как тогда называли революционно настроенных студентов, были в этом году в ничтожном меньшинстве, разрознены, без объединяющей в захватывающей

идеологии; старая народническая идеология явно отмирала. Ликвидаторские настроения, как это называлось позже, отразились и на нашей «коммуне». Проводником этих настроений был студент-филолог третьего курса Василий Иванович Ашмарин. Он был родом из глухой Чувашии, из города Курмыша, окончил нижегородскую гимназию. В вопросах общественности, морали он был полный отрицатель, приверженец принципа «ничто не запрещено, все позволено», первый ницшеанец, которого я встретил. Это в теории, а на практике это был чуткий, отзывчивый человек, готовый всегда дритти на помощь товарищу. Резкой критике подвергал он теории прогресса Лаврова, Михайловского, увлекался Бурже, Бодлером, декадентами. Ашмарин умер совсем молодым от диабета.

Надо сказать, что и на всех нас общая атмосфера этого года влияла и толкала к переоценке ценностей. Только один А. В. Второв был непоколебим в своих народолюбческих убеждениях, хотя нередко стал он запивать, что служило у него признаком тяжелого настроения, неудовлетворенности. Еще из таких стойких могу отметить А. И. Добронравова, который вновь был принят в университет, на юридический факультет; жил он у своей сестры и зятя, рабочего Брестских железнодорожных мастерских. С ним я побывал у писателя Н. Н. Златовратского, который жил тогда в Москве, на Патриарших прудах. Златовратский производил обаятельное впечатление искреннего народника-романтика, несколько путаного в своих воззрениях, но глубоко верившего в конечную победу народной крестьянской революции и торжество народнических идеалов. У него я познакомился с несколькими рабочими тех же Брестских мастерских: Лазаревым, писавшим рассказы из рабочего быта, один или два его рассказа были напечатаны, кажется, в «Русском богатстве», Серовым, Нуждиным, Камневым. Беседовали с рабочими, пили чай, и на этом как-то все кончалось.

На журфиксах у Златовратского вообще бывало много публики. Там я встречал В. А. Гольцева — редактора «Русской мысли», главу тогдашних московских либералов, А. С. Пругавина — исследователя русского раскола и сектантства, В. Ф. Орлова — бывшего нечаевца, тогда толстовца. Толстовцев вообще у Златовратского бывало немало, бывал и сам Лев Толстой, но мне его встретить не удалось. Беседы иногда бывали шумные, но беспорядочные.

Из студентов-радикалов познакомился я с несколькими сибиряками — Сапожниковым, Антоновичем, братьями Кусковыми, Яновским. Среди сибиряков встречались тогда более определенно революционно настроенные студенты; они воспитывались у себя в Сибири в кружках под руководством политиче-

ских ссыльных. Сибирское землячество считалось наиболее радикальным.

Но вообще-то землячества в этом году влачили довольно жалкое существование. Нижегородское землячество после «беспорядков» раскололось. Одна часть, консервативная, как мы ее называли, хотела ограничить деятельность землячества только взаимопомощью; другая, радикальная часть, считала это сужением задач землячества и полагала, что землячество часть своих средств должно направлять на помощь политической ссыльным и заключенным, активно участвовать в студенческой общественной жизни.

В консервативную фракцию землячества вошли М. Н. Соболев и И. А. Базанов из кружка у Кильчевских, в нее же входил и Н. А. Рожков (впоследствии историк, бывший одно время социал-демократом большевиком, а после революции 1905—1907 годов — меньшевиком). Наша «коммуна» целиком вошла в радикальную часть землячества. Союза землячеств в этом году не существовало, по крайней мере он ничем себя не проявлял.

Для характеристики того времени могу сказать, что за первый год моей жизни в Москве я не видел ни одного нелегального издания; все мои поиски какой-либо революционной организации были тщетны.

В этом году Московский университет посетил министр народного просвещения Делянов, который пользовался общей ненавистью студенчества. При нем в 1885 году был введен новый реакционный университетский устав¹, повышена плата за учение с двадцати пяти до ста рублей в год, и недавно, в 1887 году, после 1 марта, он выпустил циркуляр, затрудняющий доступ в гимназии лиц «низших» сословий: была в гимназиях повышена плата за учение, введена норма для евреев, разрешено принимать только таких детей, которые «находятся на попечении лиц, могущих предоставить им необходимые для занятий удобства». Министр в своем докладе царю выразил уверенность, что «при соблюдении этих правил гимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и подобных людей, детям коих вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию». По случаю его приезда студенты хотели устроить ему какую-нибудь враждебную демонстрацию. Но поговорили в кулуарах между лекциями, пустили по аудиториям писанные рукой листовки и этим ограничились: не созрело пока настроение для общих выступлений.

¹ Устав 1884 года заменил сравнительно либеральный устав 1863 года: отменил выборность ректора и деканов, последние признаки корпоративных прав студенчества, вводил инспекцию с полицейскими функциями, форму для студентов и повышение платы за учение.

Я упомянул выше о «кухаркиных детях», кстати скажу здесь о социальном составе тогдашнего студенчества. Преобладающим типом были разночинцы, дети мелких и средних чиновников, земских и городских служащих, мелкого и среднего купечества, редко из духовного звания. Дети высших слоев, крупного чиновничества и дворянства шли больше в Училище правоведения в Петербурге, в лицей «наследника-цесаревича» в Москве, но были и в университете, хотя и в небольшом количестве. Держались они обыкновенно своей компанией, в землячествах не участвовали, отличались и своей одеждой: носили так называемые николаевские шинели, сюртуки на белой шелковой подкладке («белоподкладочники»), мундиры с золотым галуном¹. Прожиточный минимум для студента был двадцать рублей в месяц. Получавшие двадцать пять рублей и более жили уже недурно, и таких было не очень много; получавшие двадцать рублей (таких было большинство) жили кое-как, едва сводя концы с концами; получавшие меньше жили плохо. Достать уроки или другие занятия в Москве было нелегко, стипендии назначались преимущественно с третьего курса. Бедные студенты ютились в углах или жили бесплатно в Ляпинском общежитии. Существовало «Общество пособия недостаточным студентам», которое вносило плату или часть платы за учение недостаточных студентов, платило за обеды в Ляпинскую столовую, а впоследствии открыло свою столовую на Бронной. Но средства «Общества» были невелики, и оно не могло удовлетворить всех желающих. Давало оно помощь взаимобразно, с условием возврата, хотя бы после окончания университета, но возврат ссуд поступал очень туго. Оказывали некоторую помощь и землячества, но средства у них были ничтожные. Немало студентов исключались за невзнос платы.

Вспоминая о первом годе университетской жизни, не могу не вспомнить о посещениях Третьяковской галереи. Студенчество того времени очень любило и ценило эту галерею, бывшую тогда еще частной собственностью ее собирателя, московского купца П. М. Третьякова. Помню то громадное впечатление, которое произвела на меня в первое мое посещение галерея вообще и некоторые картины в особенности. Наибольшее впечатление произвели картины Репина — «Бур-

¹ Статистические данные, хотя и относящиеся к более позднему времени, подтверждают мои наблюдения. В. И. Орлов в статье в журнале «Классовая борьба», № 7—8 за 1934 год, приводит такие данные о составе московского студенчества за 1904 год: 20,6% — сыновья мелких и средних чиновников, 18,8% — мещан, 16,9% — купцов и почетных граждан, 5,7% — крестьян, 4,9% — духовного звания, 2,6% — дети лиц свободных профессий, 1,7% — дети мелких и средних офицеров, 16,4% — дворян, из них две трети были дети земских служащих или лиц свободных профессий.

лаки», «Крестный ход», «Арест пропагандиста», «Возвращение ссыльного», «Убийство Иваном Грозным своего сына»; картины Перова — «Суд Пугачева», «Крестный ход на пасхе»; Сурикова — «Казнь стрельцов», «Боярыня Морозова»; и всего сильнее запечатлелись антивоенные картины Верещагина — «Раненый», «Панихида», «На Шипке все спокойно», «Апофеоз войны»¹. Много раз после этого я посещал эту галерею, вплоть до настоящего времени (1939 г.), и каждый раз эта замечательная галерея радовала и волновала меня.

Картины этой галереи сильно действовали на ряд поколений в революционном, антимилитаристском и антирелигиозном направлении. Так они действовали на нас, так оценивали их воздействие критики того времени, как консервативные, так и радикальные.

Увлекалось студенчество и театром. Тогда в Москве было только три постоянных театра: два «императорских» — Большой и Малый, и только что открывшийся первый частный театр Корша в Богословском переулке; открылся было еще один на средства какого-то мецената — театр драматической артистки Горевой, но вскоре закрылся.

Я не был записным театралом, поэтому у меня сохранилось сравнительно мало театральных воспоминаний. Скажу только, что Большой театр был прекрасно поставлен. Были выдающиеся силы: бас Трезвинский, баритон Хохлов, тенора Преображенский и Кошиц. Оркестр и балет стояли на большой высоте. Шли оперы: из русских — «Жизнь за царя», «Князь Игорь», «Руслан и Людмила», «Майская ночь», «Демон». «Русалка», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», из иностранных — «Лоэнгрин», «Тангейзер», «Пророк», «Гугеноты», «Роберт-Дьявол», «Фауст», «Риголетто», «Африканка», «Трубадур», «Травиата».

Большим постом, когда театральные представления на русском языке не разрешались, в Москву на гастроли приезжала итальянская опера. Помню, в один год приехали сразу две итальянские оперы. Одна — во главе с мировыми тогдашними знаменитостями — тенором Мазини и певицей Марчеллой Зембрих; другая — во главе с солистом «его величества» Н. Н. Фигнером (братом В. Н. Фигнер, которая тогда отсиживала свою бессрочную каторгу в Шлиссельбурге) и певицей Ванзанд. Приезжали еще на гастроли тогдашние знаменитости — тенор Таманьо и певица Альма Фострем.

Любимым театром московской интеллигенции и студенчества был Малый театр. Там в это время играли две знамени-

¹ Не ручаюсь, что все перечисленные картины были уже в Третьяковской галерее во время моего первого посещения галереи в зиму 1888—1889 года. Может быть, некоторые из них я видел в последующие посещения, но это не меняет существа дела.

тые артистки — Федотова и Ермолова. Более совершенной, более впечатляющей игры мне не приходилось видеть. Из актеров выделялись Горев и Южин. Шли русские пьесы «Ревизор», «Горе от ума», пьесы Островского, Шпагинского, Потехина; из иностранных помню Шиллера «Дон Карлос» и «Мария Стюарт», Гете «Эгмонт», Шекспира «Отелло».

Студенты обычно заполняли верхние места (галерку) и своим отношением к пьесе и актерам определяли их успех или провал.

В театре Корша шли современные бытовые пьесы и новые иностранные; помню между прочим постановку пьесы «Ученик», переделку из романа Бурже под тем же заглавием.

На рождественские каникулы, которые продолжались целый месяц, я уехал в Нижний. Там я достал недавно вышедшую за границей брошюру Льва Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?» Тяжело она на меня подействовала. Думалось, если вождь народовольчества, который знал и испытал всесторонние условия борьбы с самодержавием, теперь разочаровался в успехе этой борьбы и пошел на примирение с ним, то где же эти силы, которые могли бы вновь начать более успешную борьбу? То, что я видел в Москве, те ликвидаторские настроения, которые захватили большую часть студенческой молодежи, действовали удручающе. Тяжелые сомнения овладевали мной... Но жизнь шла своим чередом.

Вскоре после возвращения в Москву у меня произошла интересная встреча, выделившаяся ярким пятном на фоне безвременья этого года.

Был у меня знакомый в Москве солдат А. И. Орлов, брат моего нижегородского приятеля Е. И. Орлова, отбывавший воинскую повинность в Москве, в Хамовнических казармах. Раньше он был земским статистиком в Курской губернии. Однажды приехал он в нашу «коммуну» и предлагает мне и Пискунову пойти познакомиться с приехавшим на короткое время в Москву его знакомым, старым революционером-«якобинцем» П. Г. Заичневским. Разумеется, мы с радостью согласились.

Петр Григорьевич Заичневский—автор знаменитой прокламации «Молодая Россия», вышедшей в Москве в 1862 году, в начале 60-х годов студент Московского университета, стоял вместе с Аргиропуло во главе революционно-социалистического кружка, который печатал и распространял запрещенные сочинения (Герцена, Фейербаха, Бюхнера и др.). Потом была выпущена и упомянутая прокламация. Автор ее, впрочем, не был раскрыт. Заичневский за участие в этом кружке был осужден на каторгу. Отбыв каторгу и поселение, он через десять лет возвратился на родину, но потом был снова арестован и со-

слан. Возвратившись из второй ссылки, он жил в Орле и продолжал революционную работу, создавая новую заговорщическую организацию и подбирая для нее членов в Москве, Орле, Курске, Смоленске. Для этой цели он приехал в Москву в феврале 1889 года.

Мы пришли к Заичневскому в номер гостиницы «Торговое подворье», на Никольской. Там мы встретили, кроме него, М. П. Ясеневу (потом по мужу Голубеву), его ученицу и активную участницу возглавляемой им организации, впоследствии большевичку, умершую в 1936 году. Заичневский произвел на меня сильное впечатление. Подумать только: перед нами был революционер начала 60-х годов, современник Чернышевского, бывший вместе с ним на каторге. Он имел очень импозантный вид — высокий, с красивой седеющей шевелюрой. Расспрашивал он нас о студенческих настроениях, изъявил желание посетить нашу «коммуну». На другой день мы пригласили к себе еще несколько человек. Собралось человек двенадцать-пятнадцать. Пришел Заичневский. Он был «в ударе», много и с подъемом говорил. Рассказывал о своей деятельности в 1861—1862 годах, сказал, что он автор прокламации «Молодая Россия», и прочитал ее наизусть. Заявил, что он и теперь держится тех же взглядов: надо создать крепкую, строго централизованную революционную организацию из передовой интеллигенции и военных. Эта организация должна поставить себе целью при подходящих условиях захват государственной власти и создание временного революционного правительства, которое немедленно должно провести революционные меры: передать землю крестьянским общинам, а фабрики, заводы и торговые предприятия — государству, и только после этого можно созвать Учредительное собрание, в которое отнюдь не следует допускать приверженцев старого порядка. Эту ошибку — ожидания реформ от Учредительного собрания, сказал он, допустило временное правительство во время французской революции 1848 года. Мы не должны повторять этой ошибки. Действовать при перевороте надо решительно и беспощадно по отношению к врагам; образцом при этом надо взять террор якобинцев 1793 года, но еще в более усиленной мере. Свое направление он называл якобинством. Мы спросили его, как он относится к «Народной воле». Он ответил, что он не примкнул к этой партии, потому что коренным образом расходился с ней во взглядах на индивидуальный террор, который больше дезорганизует не правительство, а самую революционную партию, которая его применяет. Он рассказывал нам еще о Чернышевском, которого встретил на каторге; он его очень высоко ценил. Из русских революционеров он высоко ставил Ткачева, которого считал своим единомышленником; из европейских революцио-

перов выше всех ставил французского революционера-заговорщика Бланки. Мы прослушали его речь с огромным вниманием и долго были под ее впечатлением.

Через некоторое время Заичневский приехал еще раз в Москву. На этот раз я познакомился у него с курсисткой Романовой, ее братом, московским юнкером. Заичневский рекомендовал мне поддерживать связь с кружком юнкеров через Романову.

После отъезда Заичневского я познакомился еще с несколькими лицами из его группы: с кружком юнкеров из Алексеевского юнкерского училища, с Леонидом Петровичем Арцыбушевым — служащим в каком-то коммерческом деле, великим фантазером; у него был брат — Василий Петрович, друг Заичневского, впоследствии известный социал-демократ большевик, умерший в Уфе в первые дни после Февральской революции; я много слышал о нем, как о выдающемся революционере, но мне не пришлось лично встретиться с ним. Познакомился еще с сестрами Русановыми; они были из Орла, родины Заичневского, и в их семье был настоящий культ Заичневского. Их брат Русанов был в это время эмигрантом-народовольцем, в свое время тоже был «якобинцем». Бывал я несколько раз у Орлова и его товарища Троеперстова в Хамовнических казармах. Покупали ведро пива и подолгу, до поздней ночи, беседовали за пивом в помещении «писарской команды» с писарями, товарищами Орлова по службе. Но как-то ничего определенного не получилось из этих бесед.

Идеи Заичневского, его стройная схема создания централизованной революционной партии, захват власти, социалистический переворот — все это было грандиозно. Но где реальные силы для этого? Кружок юнкеров, Арцыбушев, сестры Русановы, да и вся студенческая молодежь того времени не очень импонировали и казались мало пригодными для такого великого дела; появлялось сомнение в реальности надежд на успешную революцию, опираясь на эти силы... Я поддерживал связь с группой, но не примкнул к ней всецело, не считал себя ее членом.

Начинания Заичневского и на этот раз кончились быстрым и полным провалом. Этой же весной, в мае, перед моим отъездом в Нижний на каникулы, ко мне зашел Орлов и сообщил, что арестован Заичневский и много других лиц; возможно, что меня и Пискунова вызовут на допрос, и он нам дал совет, что показывать на допросе: признать случайное знакомство с Заичневским через Орлова, но отрицать конспиративный характер этого знакомства. Подавленный этим известием, я уехал в Нижний...

Отмечу еще, что многие заичневцы впоследствии сделались большевиками. Я уже упоминал о двух — В. П. Арцыбушеве

и М. П. Ясеновой-Голубевой; упомяну еще об А. И. Орлове, который тоже впоследствии стал большевиком и умер как герой, расстрелянный белыми 28 апреля 1918 года вместе со своим отрядом красных казаков, вышедших из Ростова-на-Дону в экспедицию под командой казака Подтелкова против белых казаков. Эта казнь описана во втором томе романа Шолохова «Тихий Дон», где приведен полный список всех расстрелянных и повешенных в этот день. Там значится и фамилия старого большевика Орлова, ошибочно названного не Александром, а Алексеем.

Оценивая теперь ретроспективно идеи Заичневского, полагаю, что в них следует признать отражение крестьянского движения начала 60-х годов, той революционной ситуации, которая сложилась тогда, а также идей французского утопического социализма (бланкизма); в них было то здоровое революционно-демократическое ядро, о котором Ленин говорил такими словами: «...марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»¹.

В свое время основоположники научного социализма отнеслись с интересом к прокламации Заичневского: в брошюре, написанной Энгельсом и Лафаргом при участии Маркса «L'alliance de la Democratie socialiste», вышедшей в 1873 году, они назвали прокламацию «Молодая Россия» манифестом русской радикальной партии и отметили, что «этот манифест давал точный и ясный ответ о внутреннем положении страны, состоянии различных партий, о положении печати и, провозглашая коммунизм, признавал необходимость социальной революции»². Но эти идеи Заичневского в обстановке реакции конца 80-х годов, когда не было массового революционного движения, представляли из себя чистейшую утопию, только отвлекавшую революционно настроенную молодежь от поисков реальных путей к подъему революционного движения.

ГЛАВА VII

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ НА ПЕРВЫХ ДВУХ КУРСАХ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

По приезде в Москву осенью 1888 года облеклись мы в студенческую форму и пошли в университет на Моховой. Неприятно было облекаться опять в форму, которую я с таким удовольствием скинул три года назад. Форма в университе-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 166.

² Б. П. Козьмин, «П. Г. Заичневский и «Молодая Россия», стр. 127—128, изд. Политкаторжан, 1932 г.

тах была введена по уставу 1884 года; до этого студенты с 1863 года не носили формы. Вводилась форма постепенно, только для вновь поступающих, так что студенты, поступившие в университет до 1885 года, ходили в партикулярном платье. В этот год только студенты-медики пятого курса пользовались этой привилегией. Приятно было видеть старого студента в плеле, с длинными волосами, — последних «нигилистов» уходящей эпохи. За порядками в университете и поведением студентов наблюдал инспектор студентов, от него же в значительной степени зависели назначение стипендий и освобождение от платы. Внешняя строгость режима в этом году была, по свидетельству старых студентов, заметно смягчена после пощечины инспектору Брызгалову в прошлом году, последовавших за этим волнений и ухода Брызгалова. Заменявший его С. В. Добров был другим человеком — тактичным, старавшимся ладить со студентами, не связанным с охранкой, по крайней мере столь открыто и цинично, как это было при Брызгалове. На каждом факультете в помощь инспектору был субинспектор, и на каждом курсе — педель. Педель отмечал посещение лекций, которое, по новому уставу, было обязательным, но правило это не соблюдалось строго, и на юридическом факультете, например, посещение лекций было очень слабое. Медики посещали лекции более аккуратно, но тоже не всех профессоров. Педеля наблюдали также за соблюдением формы, за малейшее нарушение которой они тащили студента к субинспектору для воздействия, но главной задачей их было наблюдать за тем, чтобы студенты не устраивали сходок и совещаний. Они были связаны с охранкой и давали, повидимому, туда характеристики студентов, чем-либо выдававшихся по своей общественной активности. По виду педеля были похожи на жандармских унтер-офицеров или тюремных надзирателей — препротивные типы.

Учились мы в университете как «отдельные посетители», выражаясь тогдашним официальным языком. Никаких признаков корпоративности не оставил новый устав, но старосты на курсах терпелись и до известной степени признавались администрацией. Через них студенты входили в сношения с профессорами о порядке занятий, о распределении студентов по группам для практических занятий и т. п. На нашем курсе старостой сразу же был выбран Илья Сергеевич Вегер, впоследствии видный большевик и ответственный работник, здравствующий до сего дня (1939 г.). Он был уже тогда «старый студент», с большой бородой, исключавшийся ранее за «беспорядки» и вновь принятый на первый курс. Он был женат, что было исключительной редкостью в то время; для женитьбы студенту надо было получить особое разрешение, кажется, попечителя округа. Вегер пробыл у нас старостой почти

два года, до нового исключения из университета за участие в «беспорядках» 1890 года.

В академическом отношении Московский университет переживал или, вернее, доживал свой «золотой век». Профессора, выдвинутые эпохой реформ 60-х годов, внесли обновление в старые университеты, и это обновление к 80-м годам достигло своего расцвета. Правда, со второй половины 80-х годов под влиянием усиливающейся реакции и рожденного ею нового устава 1884 года этот «золотой век» был уже на ущербе: появились признаки упадка, усилившиеся в последующие годы.

Я буду здесь говорить более подробно о медицинском факультете, о других факультетах буду касаться лишь мимоходом и, прежде всего, обрисую академическую учебу на двух первых курсах.

Итак, мы двести пятьдесят поступивших студентов-медиков¹, приступили к занятиям.

Главным предметом на первых двух курсах была анатомия. Профессором анатомии был Д. Н. Зернов, большой знаток предмета и хороший лектор. По его учебнику анатомии учились много поколений студентов-медиков. Он считался либералом, что проявлялось между прочим в том, что на торжественных актах в университете он никогда не появлялся в мундире, а всегда в черном сюртуке, без всяких лент и орденов. Более существенно было то, что во время студенческих волнений первые сходки обычно собирались в анатомическом театре, очевидно потому, что Зернов не доносил о них полиции. Базой занятий по анатомии был анатомический театр. Этими занятиями руководил прозектор Тихомиров, образованный и высококультурный человек, впоследствии профессор анатомии, кажется, в Казанском университете. Анатомия, в общем, проходила очень основательно.

Нельзя этого было сказать о физиологии, которую преподавал прозектор Мороховец. Лекции читал он небрежно, несерьезно, пересыпая их пустыми анекдотами. Наши ближайшие преемники были более счастливы, чем мы: в Московский университет перешел из Петербурга знаменитый И. М. Сеченов. Я слушал несколько его лекций. Они отличались от лекций Мороховца, как небо от земли. Его книгу «Рефлексы головного мозга» мы усердно читали. Физику блестяще читал европейски

¹ На медицинском факультете было около тысячи двухсот студентов, а общее число студентов в университете в это время было около трех с половиной тысяч. Главная масса была на юридическом факультете, физико-математический (с естественным отделением) и историко-филологический были малочисленны. Общее число студентов в Москве было не более (скорее менее) пяти тысяч. Кроме университета, высших учебных заведений в Москве было только два: Петровская сельскохозяйственная академия и Высшее техническое училище. В настоящее время в Москве насчитывается до девяносто тысяч студентов.

известный А. Г. Столетов, славившийся также своей строгостью на экзаменах. Зоолог профессор А. П. Богданов, дарвинист, вел преподавание на принципиальной высоте. Ботанику у медиков преподавал профессор Горожанкин. Несколькую раз посетил лекции по ботанике профессора К. А. Тимирязева, который читал естественникам. Это были лекции первоклассного ученого: прекрасное изложение, научность, огромная эрудиция. Блестяще читал гистологию Бабухин, умевший оживить эту сухую науку.

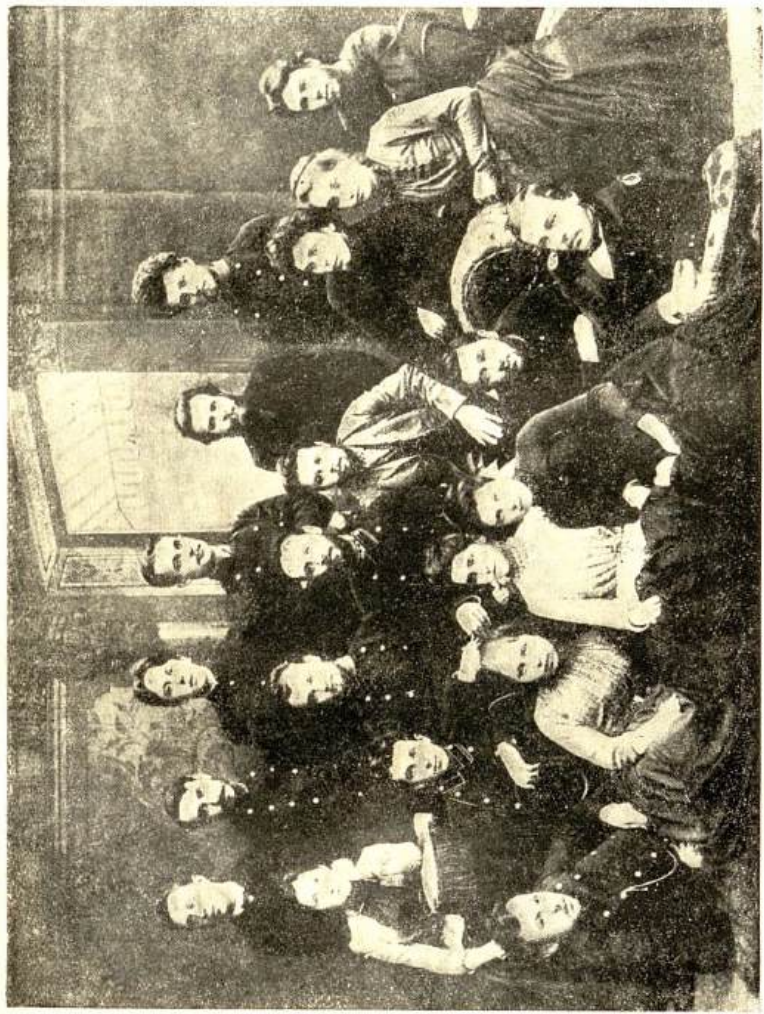
Посещал я иногда интересные лекции на других факультетах: слушал Д. Н. Анучина по антропологии; посетил несколько лекций по политической экономии А. И. Чупрова, тогда самого популярного и самого либерального профессора на юридическом факультете. Особенно сильное впечатление производили лекции историка В. О. Ключевского; слушать его собирались студенты со всех факультетов. Надо сказать, что юридический факультет в это время лишился своих лучших профессоров — С. А. Муромцева и М. М. Ковалевского. Министр Делянов проводил свой принцип — «лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом». С его точки зрения, даже такие умеренно-либеральные профессора, как вышеупомянутые, «растлевали умы молодежи», а потому их выгоняли, а на их место ставили людей «со средними способностями».

Г Л А В А VIII

ЛЕТО 1889 ГОДА В НИЖНЕМ — ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА К НАРОДНИЧЕСТВУ ЛИБЕРАЛЬНОМУ. ВСТРЕЧИ С А. М. ПЕШКОВЫМ — МАКСИМОМ ГОРЬКИМ. НА ДОПРОСЕ

Приехав в Нижний на летние каникулы, я застал там много нового. Высланные в Нижний казанские студенты построились кто куда. Многие из них поступили на службу в парходное общество «Зевеке» или в земскую статистику. Прежнего революционного настроения у них было мало заметно: они как-то поуспокоились.

В парходных обществах, равно как и вообще в других транспортных, торговых, промышленных и страховых учреждениях, чуждались настоящей интеллигенции, обходились малоквалифицированными кадрами или иностранцами. Но с конца 80-х годов в этом отношении стал замечаться перелом. Так, в Нижнем в парходство «Зевеке» был принят брат В. Г. Короленко — Илларион Галактионович, потом зять его — Лошкарев, а за ним и ряд высланных из Казани студентов. Эта публика была гораздо интеллигентнее старых служащих,

Екатеринославское студенческое землячество (четвертый слева, во втором ряду, —
А. Н. Винокуров; крайний справа, в том же ряду, — И. С. Вегер)

П. Г. Заичневский

Д. Н. Жбанков

она лучше работала и была, безусловно, честной. Эти преимущества были скоро оценены, и пароходные общества стали охотно брать на службу эту интеллигенцию. Впоследствии это стало широко практиковаться. Например, в транспортно-страховом обществе «Надежда», к которому перешло пароходство «Зевеке», почти все места были заняты бывшими ссыльными и поднадзорными. Некоторые из них впоследствии достигли высших командных постов — директоров в пароходных обществах, — например, М. Г. Григорьев в «Пароходном обществе по Волге», или Р. А. Штюмер в «Пароходном обществе братьев Каменских». Начало этого процесса в это же время отмечает и Максим Горький в рассказе «Сторож»: «Группу — человек шестьдесят собрал в городах Волги некто М. Е. Ададуров, делец, предложивший правлению Грязе-Царицынской железной дороги искоренить силами таких людей невероятное воровство грузов. Они горячо взялись за это дело...»

Интеллигенцию стали все больше использовать земские и городские самоуправления, начавшие в эти годы расширять свою культурную деятельность. Так, нижегородское земство, по примеру других земств этого времени, решило организовать почвенное и статистическое обследование губернии. Для почвенного обследования был приглашен петербургский профессор Докучаев, который при помощи своих учеников, Н. М. Сибирцева и других, поставил это дело в Нижегородской губернии. Для статистического обследования в 1887 году был приглашен Николай Федорович Анненский, побывавший в свое время в тюрьме и ссылке, впоследствии известный публицист, вместе с В. Г. Короленко редактор-издатель журнала «Русское богатство»; его жена Александра Никитична — сестра известного революционера П. Н. Ткачева. Анненский подобрал себе сотрудников преимущественно из бывших ссыльных и поднадзорных — братьев Кисляковых, М. А. Плотникова, О. Э. Шмидта, Д. И. Зверева и др. Летом 1889 года был особенно большой наплыв новых статистиков, так как в это время широко развернулись подворные обследования крестьянского хозяйства в губернии.

Надо сказать, что земская статистика сыграла немаловажную роль в общественной жизни страны в период с конца 80-х годов до 1905 года, причем роль ее двоякая. Во-первых, в смысле познания хозяйственной структуры страны. Известно, какое значение придавал Ленин этой статистике, несмотря на ряд дефектов, указанных им же: «... наша земская статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки»¹, — писал он. Известно также широкое использо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 266.

вание им данных этой статистики в его книге «Развитие капитализма в России» и в ряде статей по аграрному вопросу. Вторых, статистики, все люди политически активные, вносили большое оживление в культурную и политическую жизнь губерний, где они работали. Большинство статистиков были люди народнически настроенные, а позже, в конце 90-х и начале 900-х годов, среди них появилось уже немало и марксистов (П. П. Румянцев, А. Д. Цуриупа, А. И. Свидерский, П. Н. Лепешинский, В. Н. Соколов и ряд других), но марксисты, за исключением П. П. Румянцева, не допускались к руководству земской статистикой, которое до конца оставалось в руках народников или кадетов.

В. Г. Короленко в Нижнем постепенно все более выдвигался на арене местной жизни. Он становится с появлением в печати каждого своего рассказа все более известным писателем. Даже царь Александр III обратил внимание на него и дал в 1889 году свое заключение: «Личность Короленко весьма неблагонадежная, а не без таланта». Кроме таланта беллетристического, у него стал проявляться талант публициста и журнального работника. Он стал помещать корреспонденции о местной жизни в казанской газете «Волжский вестник», в «Русских ведомостях» и в журнале «Русская мысль». У кружка Короленко возникло было намерение издавать свою газету, но тогда это не удалось: разрешение не было дано, и только в 1896 году прогрессивной нижегородской интеллигенции удалось получить в свои руки газету «Нижегородский листок». Корреспонденции Короленко стали важным фактором местной жизни. Он и его соратник в этой области А. И. Богданович провели шумевшую тогда кампанию в столичных и казанских газетах против нижегородских дворянских воротил — Зыбина, Андреева, Панютина, разоблачили их громадные злоупотребления и хищения в Александровском дворянском банке. В результате разоблачений Панютин, директор банка, был посажен в тюрьму (там умер от тифа), а предводитель дворянства и председатель нижегородской уездной земской управы реакционер Андреев принужден был уйти в отставку¹; вместо него председателем управы был избран прогрессивный деятель А. А. Савельев.

Большую сенсацию производили корреспонденции Короленко в «Русских ведомостях» против нижегородского губернатора Баранова за его противозаконные порки во время ярмарки, а также за организацию судебно-медицинской камеры для разбора ярмарочных дел помимо суда. Деятельность Короленко в голодный 1891—1892 год по устройству столовых в голо-

¹ Впрочем, дело о них вскоре было прекращено по «высочайшему повелению». Андреев получил очень хорошее казенное место, а судебный следователь, который вел это дело, был уволен.

дающих местностях и борьба его с лукояновским дворянством общеизвестны и запечатлены в его замечательных очерках, собранных в книге «Голодный год», и в его дневнике¹.

Вокруг Короленко группируется постепенно вся местная прогрессивная интеллигенция. Тут земские и городские деятели — А. А. Савельев², А. В. Баженов (председатель губернской земской управы), А. С. Гацисский (городской деятель), В. А. Горинов (городской голова); тут и либеральные адвокаты — Н. А. Ланин, С. С. Баршев, И. В. Богоявленский (впоследствии нижегородский голова); тут и врачи — П. П. Кащенко, С. Я. Елпатьевский; тут и журналисты и писатели — А. И. Богданович, А. А. Дробышевский, А. И. Иванчин-Писарев, А. М. Пешков (Максим Горький), Каронин-Петропавловский, М. А. Плотников, С. Д. Протопопов; тут, наконец, целая плеяда статистиков во главе с их шефом Н. Ф. Анненским. Они часто собираются на журфиксах у Короленко, у Анненского, у писательницы Мысовской, где читаются рефераты и устраиваются дискуссии. Я несколько раз бывал на этих рефератах. Помню доклад Анненского о народничестве революционном (он называл его наивным) и народничестве современном — критическом. К этому последнему направлению он причислял себя. Это было то народничество конца 80-х и 90-х годов, которое Ленин называл либеральным народничеством или, в других местах, мещанским радикализмом.

Тогда революционные народники называли это направление «культуртрегерством». Лозунгом этого направления в данное время была легальная культурная работа. Это прекрасно выражено в таких словах Короленко, сказанных им несколько позже и приведенных Максимом Горьким в его очерке о Короленко: «Этим путем (то есть революционным, — С. М.) ничего не достигнешь. Астыревское дело — хороший урок, оно говорит нам: беритесь за черную легальную работу, за будничное культурное дело! Самодержавие — большой, но крепкий зуб, корень его ветвист и врос глубоко, нашему поколению этот зуб не вырвать. Мы должны сначала раскатать его, а на это, по-моему, требуется не один десяток лет легальной работы». В другом месте, в письме к нижегородскому врачу В. Н. Золотницкому, уже в 1921 году, Короленко пишет: «Н. Ф. Анненский, как и я, тоже делал в Нижнем куль-

¹ В этой главе я не держусь строго хронологической даты — лета 1889 года, но беру года два-три, во время которых происходила описываемая эволюция народнической интеллигенции.

² А. А. Савельев — видный нижегородский прогрессивный общественный деятель — был председателем уездной, потом губернской земской управы с 1890 по 1908 год, гласным городской думы, членом первых трех Государственных дум, в которых состоял членом фракции конституционно-демократической партии. Отец видного коммуниста, члена Академии наук, М. А. Савельева, умершего в 1939 году.

турное дело, не вмешиваясь деятельно в революционную технику. Мы считали, что пробуждение гражданского самосознания в обществе и народе является очередной задачей времени. Кампания против дворянского банка и кампания «в голодный год» имела именно это значение, хотя жандармы (Познанский) и придавали нашей деятельности значение технически революционное. Истина состояла в том, что я просто держался независимым гражданином и не прекращал связи с товарищами, в том числе и с революционерами. Правда, что у меня находили приют и гостеприимство проезжающие через Нижний-Новгород и поселяющиеся в нем «неблагонадежные лица». Правда также, что мои литературные произведения всегда были проникнуты оппозиционным настроением, что я служил центром кружка столь же «неблагонадежных» корреспондентов, который сознательно поставил себе целью дискредитировать «дворянскую эру» и в этом смысле сделал довольно много¹. Этими двумя цитатами очень правильно охарактеризована деятельность в Нижнем кружка Короленко и Анненского.

Бывшие революционеры часто говорили тогда: надо выходить из подполья, надо брать в свои руки влиятельные места. И действительно: постепенно они становились заметным фактором местной жизни. Они переставали уже быть столь оторванными от местной жизни, как я выше характеризовал, они переставали быть «чужестранцами», они вступили как бы в блок с местными людьми, блок демократов и либеральных народников с умеренными буржуазными либералами и прогрессистами. Впоследствии, в революцию 1905—1907 годов, этот блок дифференцировался до известной степени: более правые элементы ушли в кадетскую партию, некоторые даже в октябристы, более левые — в народные социалисты и реже в социалисты-революционеры и социал-демократы, а многие остались без партийного оформления, говоря, что они «левее кадетов», но, за неимением такой подходящей партии, остаются беспартийными.

Во всяком случае этот блок сыграл свою роль в оживлении местной жизни, и Нижний-Новгород 1889-го и следующих годов уже не был таким глухим в культурном отношении городом, каким он был в первой половине 80-х годов. Вот как характеризует это явление нижегородский старожил доктор В. Н. Золотницкий, учившийся в средней школе в Нижнем в 70-х годах, в вышеупомянутом сборнике о Короленко: «Когда я приехал летом 1892 года в Нижний, то был поражен резкой переменой физиономии города и обилием ин-

¹ «Нижегородский сборник памяти В. Г. Короленко», стр. 42, Нижний-Новгород, 1923 г.

теelligentных работников. Здесь было довольно много обществ, велись народные чтения, открывались воскресные школы, лекции. На моих народных чтениях по охране здоровья среди слушателей я видел много рабочих, чтения привлекали много народа, город из малокультурного, купеческого, каким я знавал его прежде, превратился в более культурный город...»

Это явление не было только местным, нижегородским, оно было явлением общероссийским. Процесс этот происходил по всей России в большей или меньшей степени: земства, города, просветительные общества начинают заметно расширять свою работу с конца 80-х годов, и это происходило несмотря на реакционные реформы земского и городского самоуправления, 1890—1892 годов, несмотря на множество рогаток, которые ставила администрация всяким культурным начинаниям. Выросла за эти годы также провинциальная печать. Вот что писал об этом Короленко: «Несмотря на все репрессии и на систематические преследования, провинциальная печать даже в эти годы тяжелого давления, навалившегося на все проявления общественной жизни, росла, ширилась, привлекала живые силы и таланты, не находившие другого исхода. Сквозь все преграды, сквозь цензуру и административные стеснения всякого рода она прокладывала себе дорогу неудержимо и неуклонно. Загнанная и бессильная земская оппозиция находила в ней естественного, хотя порой строптивного, союзника, и сама крепла, а широкая городская демократия получала наглядные уроки партизанской борьбы за право со всевозможными угнетателями. И торжествующие «господа положения» нередко ощущали на себе жестокие удары этой задавленной и слабой печати...»¹.

Все это объясняется тем, что с конца 80-х годов в России стала быстро развиваться промышленность; этот рост продолжался все 90-е годы. Еще в апрельской книжке за 1889 год чуткий публицист Н. В. Шелгунов писал: «Возьмите любой номер любой русской газеты, и вы почувствуете даже некоторое смущение от массы известий, указывающих на наши промышленно-экономические успехи... Развитие внутренней промышленности и торговли идет с невиданной до сих пор энергией и быстротой... Рядом с этим растут народные школы, расширяется издательство народных книг, размножаются народные чтения и т. д. Нужно быть слепым, чтобы не видеть этих успехов, созданных исключительно ростом нашего промышленно-экономического развития».

Этот рост промышленности требовал и обуславливал известное повышение культурного уровня населения, стимулировал органы самоуправления, земские и городские расши-

¹ Сборник — Короленко «Воспоминания о писателях», Москва, 1934 г.

рять свои мероприятия по санитарии, медицине, народному образованию, статистике, дорожному делу. Но даже и этой скромной культурной деятельности ставилось много препон со стороны самодержавно-крепостнического правительства, что и вызывало известную оппозиционность органов самоуправления (в разной степени на разных этапах истории с 1865 до 1917 г.), в особенности же их служащих-интеллигентов, так называемого «третьего элемента».

Ленин об этом явлении говорит так:

«Третьему элементу в сословной монархии нет места. А если непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самым ростом капитализма и вызывает потребность в «интеллигентах», число которых все возрастает, то неизбежно надо ожидать, что третий элемент будет стараться расширить узкие для него рамки»¹.

Рост промышленности создавал также спрос на интеллигентский труд — на инженеров, архитекторов, служащих страховых обществ, водного и железнодорожного транспорта, адвокатов.

Все эти обстоятельства, то есть усиление спроса на интеллигентский труд со стороны общественных учреждений и со стороны промышленности, и повели к увеличению кадров интеллигенции; разночинная интеллигенция нашла свое место в развивающемся буржуазном обществе, а это изменило и ее политическое настроение, сделав его из революционно-народнического мелкобуржуазно-радикальным или буржуазно-либеральным.

Конечно, объяснение этого перелома в настроении интеллигенции того времени и его неизбежности пришло впоследствии, а тогда я тяжело переносил этот отход бывших революционеров на новые позиции. Я, несмотря на мои сомнения, был чужд этим новым позициям, и это мешало мне ближе подойти к кружку Короленко и Анненского.

В это время я познакомился в Нижнем с рядом более или менее выдающихся лиц, надеясь найти у кого-либо разрешение волнующих меня вопросов. Но увы! Нигде такого разрешения я тогда не нашел. Познакомился я с известным тогда народническим писателем Карониным-Петропавловским, который, возвращаясь из ссылки, жил некоторое время в Нижнем. Это был искренний, чуткий, но тяжело ушибленный жизнью, совсем больной человек. От него веяло каким-то мрачным отчаянием².

Конечно, не он мог помочь мне в моих сомнениях и исканиях. Познакомился с другим видным революционером-народ-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 316.

² Вскоре, в 1892 году, он умер.

ником Иванчиным-Писаревым, который, тоже возвращаясь из ссылки, жил одно время в Нижнем. Иванчин-Писарев был известен своим «хождением в народ», а потом как один из редакторов «Народной воли». С большими надеждами я шел к нему, но он был сух и сдержан, не хотел, повидимому, раскрывать своего тогдашнего «кredo»¹. Он ведь тоже сменял свои революционные вехи на вехи «Русского богатства», вехи, близкие к либеральным. Только от возвратившегося из ссылки А. А. Карелина веяло более живым революционным духом.

Зашел я и к своему старому знакомому Чекину.

Чекин, казалось, остался твердым в своих революционных взглядах и резко порицал новое среди радикальной публики направление — «культуртрегерство». Но я заметил и в нем какую-то подавленность. Да и немудрено было: как я узнал потом, казанская народническая организация переживала в это время большой идейный кризис. После отпечатания того сборника, о котором я упоминал, она уже не знала, что ей больше печатать, и решила хорошо устроенную и прекрасно законспирированную типографию за ненадобностью... утопить в реке. Это потопление типографии было символом похорон старой революционно-народнической идеологии. Немудрено, что Чекин чувствовал себя в это время подавленным. Впоследствии он сам ушел в культурничество и отошел от активной революционной работы.

У Чекина я познакомился с Алексеем Максимовичем Пешковым. Он тогда только что приехал из Казани, где жил некоторое время с Чекиным и занимался в его кружке. Приехав в Нижний, он поселился с Чекиным, где я его и встретил. Чекин сказал: «Вот познакомьтесь — это интересный человек — выходец из народа, Пешков». Передо мною был высокий молодой человек, в синих очках, с длинными волосами, в черной рубашке и поддевке, в высоких сапогах. Разговорились. Я поделился своими невеселыми впечатлениями о настроениях московского студенчества. Чекин рассказал, что эти настроения существуют и среди нижегородских недавних революционеров, ныне отрицающих революционные пути и считающих, что теперь всего важнее скромная культурная работа культуртрегеров, как тогда говорили. Пешков давал реплики, из которых видно было, что он вполне разделяет отрицательное отношение Чекина к вновь объявившимся культуртрегерам. Реплики Пешкова были резки и характерны: они выражали пренебрежение к неустойчивости интеллигенции.

В течение этого лета я часто виделся с Чекиным и А. М. Пешковым, беседовали, гуляли вместе по верхней набережной Волги — по Откоосу. Алексей Максимович очень

¹ *Кredo* — исповедание веры — изложение своих убеждений.

любил гулять по Откоосу, откуда открывался обширный вид на Заволжье, один из красивейших русских видов.

Характерная фигура Алексея Максимовича на Откоосе обращала на себя внимание.

Мы, трое, чувствовали себя единомышленниками, правозверными народниками. Возможно, что у А. М., как и у меня, нарождалось в глубине сознания сомнение и критическое отношение к народничеству, но, это таилось еще глубоко и не обнаруживалось в наших беседах. Свое отношение к народникам в период 80—90-х годов, а также и свое отношение к их критикам А. М. выразил в своем очерке о Короленко. Он пишет там:

«Порою и все чаще молодежь грубовато высмеивала «хранителей заветов героической эпохи», людей чудаковатых, но удивительно чистых. Они казались мне почти святыми в увлечении «народом» — объектом их любви, забот и подвигов... Я видел, что они раскрашивают «народ» слишком нежными красками, я знал, что «народа», о котором они говорят, нет на земле...» В последних, приведенных мною словах чувствуется то критическое отношение к народничеству, которое начало, повидимому, уже зарождаться у А. М., но оно еще не проявлялось в разговорах с близкими ему народниками, которые казались ему «почти святыми».

Как-то, зайдя к Чекину, я застал у него, кроме А. М., еще троих человек. Один из них что-то читал, остальные внимательно слушали. Я сообразил, что попал на занятия кружка; в то время к этим занятиям относились очень серьезно, и не полагалось при них присутствовать людям, не участвующим непосредственно в данном кружке; поэтому я, заглянув в комнату, сейчас же затворил дверь и ушел. Чем же занимались в этом кружке? Конечно, они занимались по той программе кружков Чекина, которую я привел в главе V, — она была трафаретна. Горький в том же очерке о Короленко так характеризует занятия в кружках того времени: «Солидные люди, которых я искренно уважал, дважды в неделю беседовали со мной о значении кустарных промыслов, о «запросах народа и обязанностях интеллигенции», о гнилой заразе капитализма, который никогда — никогда! — не проникнет в мужицкую, социалистическую Русь».

Во время моего свидания с Горьким осенью 1928 года в Москве я вспоминал с ним о Чекине и о кружке, в котором он участвовал. Он очень тепло отзывался о Чекине, сказал, что живет он теперь в Тифлисе, дал мне его адрес. Он помнил мой приход во время занятий кружка и назвал мне трех лиц, участников этого кружка, но, к сожалению, я забыл их фамилии.

Алексей Максимович служил в то время письмоводителем

у присяжного поверенного Ланина, получая пятнадцать-двадцать рублей в месяц за свою работу. Припоминается мне в связи с его заработком один разговор с ним. Мы встретились на улице. Я был одет в обычный штатский костюм. А. М., встретив меня, сказал: «Вот какой франт! Где и за сколько вы купили такой костюм?» Я ответил, что купил его несколько лет назад в Блиновском пассаже за пятнадцать рублей. А. М. сказал: «Вот какая дороговизна! А я мечтаю все себе купить пиджак, так как мой патрон говорит, что мне надо придеться. Вот собираюсь пойти на Балчуг и поискать там пиджак рубля за три».

За это время моего знакомства с А. М. запечатлелся во мне его характерный образ — то несколько мрачный, то протестующий, то насмешливый и пренебрежительный по отношению к обывательской интеллигенции, то восторгающийся чем-либо.

А. М., как известно, уехал из Нижнего весной 1891 года, бродил по югу России, по Крыму, по Кавказу, жил в Тифлисе. В Нижний возвратился после полуторагодичного отсутствия в октябре 1892 года. За это время А. М. напечатал свой первый рассказ «Макар Чудра» в тифлисской газете, но в Нижнем об этом, повидимому, никто не знал, так как он скрывал это от самых близких людей. За этот период его жизни в Нижнем (1892—1893 гг.) я видел его, помнится, только один раз. Как-то, встретив Чекина, я спросил его об А. М. Он махнул рукой и сказал: отошел от нас А. М., знается теперь больше с культуртрегерами — с Метлиными. О братьях Метлиных я говорил в главе IV. В 1886 году они поступили в Ярославский Демидовский юридический лицей, там примкнули к народовольческой организации, были арестованы, сидели довольно долго в тюрьме, потом поселились опять в Нижнем. К этому времени они сменили революционные народнические вехи на вехи либерально-народнические и были яркими проповедниками культурнической работы. Предполагать, что А. М. стал их единомышленником, у меня не было оснований: его рассказы, начавшие скоро печататься в местных и столичных газетах, полны революционно-романтических настроений, столь далеких от культуртрегерства, но к Метлиным его могла привлечь их образованность, культурность, интерес к литературе.

Однажды, зайдя к Метлиным, я застал у них А. М. Шла беседа о Чехове. Как известно, народническая критика того времени в лице публициста Н. К. Михайловского относилась холодно к Чехову, обвиняя его в объективизме, в том, что в его рассказах отсутствовали общественные оценки. А. М. был решительно не согласен с такой оценкой Чехова. Он говорил, что, напротив, он высоко ценит Чехова, как тон-

кого и глубокого знатока психологии «маленьких людей». Для примера он разобрал довольно детально небольшой и, казалось, такой незначительный рассказ Чехова «Поцелуй». Я с удивлением слушал А. М. и думал, как он вырос за те два с половиной года, как я его не видал, какое у него знание литературы и тонкость литературной оценки, какая самостоятельность мысли и уверенность речи. Я не знал тогда, что он уже был начинающим писателем, но могло ли мне притти в голову тогда, что этот обитатель Нижнего, «самоучка» Пешков, письмоводитель адвоката — будущий великий русский писатель Максим Горький и что сам Нижний-Новгород будет назван в честь своего знаменитого гражданина его именем — городом Горьким, и вся Нижегородская область будет названа Горьковской областью?

Однако возвращаюсь к лету 1889 года.

Этим летом я впервые прочитал первое для меня произведение К. Маркса «Манифест коммунистической партии», который достал в гектографированном издании у Чекина. О Марксе я знал и раньше. Он был в большом почете у радикальной русской интеллигенции с начала 70-х годов, когда на русском языке вышел первый том его «Капитала». Маркса мы знали как великого европейского социалиста, который доказал неизбежность социалистической революции на капиталистическом Западе. Но мы были тогда убеждены, что все это не имеет приложения к крестьянской России, которая идет совсем другими путями. Вследствие неприложимости учения Маркса к России, по тогдашним понятиям, я и не интересовался особенно сочинениями Маркса, тем более, что его «Капитала» и не было в библиотеке у Духовского. Прочитал его «Манифест», но он не произвел тогда особенного впечатления; очевидно, я не понял всей глубины содержания этого знаменитого произведения.

В это же лето я принял, так сказать, свое первое жандармское крещение в нижегородском жандармском управлении, куда я был вызван в качестве свидетеля по делу Заичневского. Явился я к десяти часам утра. Меня тотчас же позвали в кабинет к генералу Познанскому¹. Познанский был уже старым, обрюзгшим человеком. Он сказал мне, что ждет приезда представителя прокурорского надзора, без которого не может начать допрос, но он хочет мне в частном порядке дать совет во время допроса говорить поменьше, новых людей не запутывать и, если я что-либо плохо помню, то лучше просто сказать, что не помню.

Я был очень удивлен таким предисловием. Приехал вско-

¹ Это был тот самый Познанский, который осенью этого же года допрашивал Максима Горького и которого Горький описал в очерке о Короленько и в рассказе «Музыка».

ре товарищ прокурора Сергиевский, которого я встречал у Кильчевских, и начался допрос, который прошел очень гладко, так как все ответы были раньше мною подготовлены по согласованию с Орловым. После допроса я, очень удивленный советами Познанского, спросил у одного осведомленного в нижегородских делах человека, что это значит. Он мне сказал, что Познанский выслужил уже все сроки службы, мало ему интересуется и самостоятельно не возбуждает дел, а ведет только дела по запросам других жандармских управлений, и старается показать, что в его губернии все благополучно, и действительно — мы теперь знаем, что Познанский доносил в департамент полиции: «Все сословия губернии по-прежнему глубоко преданы государю императору, проникнуты беспредельной благодарностью за все... и в политической благонадежности населения губернии сомневаться невозможно». Полная пассивность населения в это время, отсутствие каких-либо попыток к революционному протесту давали основание Познанскому писать так.

Конечно, Познанский не был бездеятелен; сыск за нижегородцами, состоящими под гласным и негласным надзором, велся настойчиво и назойливо, хотя, надо сказать, не очень умело: жандармы ходили по квартирам поднадзорных, выспрашивали прислугу, ходили не совсем переодетые по пятам поднадзорных. На их назойливость поднадзорные нередко жаловались Познанскому и губернатору, а они были между собой на ножах, и после этих жалоб надзор становился иногда менее нахальным. Слежка за Короленко и отзывы, даваемые Познанским в департамент полиции о нем и его кружке, описаны в литературе¹.

ГЛАВА IX

НА ВТОРОМ КУРСЕ. НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОДЪЕМА.
СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ ВЕСНОЙ 1890 ГОДА. В БУТЫРСКОЙ
ТЮРЬМЕ

К 1 сентября 1889 года приехал я в Москву. Мои сбережения от уроков приходили к концу, и мне надо было сугубо экономить, чтобы иметь возможность жить и учиться в Москве этот год. Пришлось поселиться в бесплатном студенческом общежитии, «Ляпинке», устроенном в доме купца Ляпина на Большой Дмитровке и содержимом на его счет. Общежитие помещалось в трехэтажном доме, против теперешнего театра Немировича-Данченко. Комнаты общежития были разделены тонкими деревянными перегородками, не достигающими до потолка, так что громкий разговор, пение в одной

¹ «Былое», № 13 за 1918 год.

комнате были слышны во всем этаже. А народ жил там шумный, нередко устраивались попойки с пением; особенно шумливы были художники, учившиеся в Строгановском училище. Для курсисток¹ было особое общежитие в Замоскворечьи — «женская Ляпинка», содержащая тем же Ляпиным. Во дворе нашей «Ляпинки» в отдельном здании помещалась столовая, в которой за пятнадцать копеек отпускались обеды для студентов. Жить, а тем более заниматься в Ляпинке было трудно: во-первых, четверо в одной комнате, а во-вторых, слышны разговоры и шум из всех других комнат.

В «Ляпинке» я завел несколько интересных знакомств, по преимуществу среди студентов первого курса, с кружком земляков одного из южных городов; в него входил З. Г. Френкель², студент-медик первого курса, его товарищ Голяка и еще несколько студентов. Они начали читать «Капитал» Маркса. Познакомился с группой тверяков; среди них выдавался своим революционным настроением и костюмом под фабричного рабочего М. А. Дьяков, сын тверского либерала-земца; он хорошо пел фабричные частушки под гармонь³. Помню еще вятича Ложкина, студента-естественника. С ним прочитали мы только что вышедший тогда в русском переводе роман Беллами «Через сто лет». В этом утопическом романе действие происходит в Северной Америке, в которой в 2 000 году установился социалистический строй, живо изображенный в романе. Думалось, что это так, вероятно, и будет; и в Америке, как передовой промышленной стране, вероятно, в первой установится социалистический строй, а это уже повлияет на более отсталые страны. Этот роман действовал очень бодряще на нас.

Да и вообще надо сказать, что в московском студенчестве с этой осени повеяло каким-то свежим ветерком: не было уже такой беспринципности и упадочности, как в прошлом году; студенты первого курса принесли с мест больше революционных настроений, появилось много кружков, оживилась жизнь землячеств; они объединились в союз и образовали союзный совет из представителей каждого землячества. Появились гектографированные листки с описанием Якутской

---

¹ В то время в Москве не было высшего учебного заведения для женщин. Были только двое женских фельдшерских курсов: Екатерининские — при СтароЕкатерининской (ныне Бабушкинской) больнице, и двухгодичные Марьиные — при Марьиной больнице (ныне больница имени Достоевского). Были еще педагогические курсы, так называемые «коллективные уроки», при «Обществе воспитательниц и учительниц».

² Впоследствии санитарный врач, видный кадет, член первой Государственной думы; при советской власти — организатор и первый директор Коммунального музея в Ленинграде.

³ Впоследствии земский врач, социал-демократ большевик, умер на Кубани в 1920 или 1921 году.

бойни и Кариийской трагедии, происшедших в этом году; эти истории поднимали протестующее и негодующее настроение. То же самое происходило в этот год и среди петербургского студенчества, как это отметил публицист Н. В. Шелгунов в статье, написанной им незадолго до смерти. И хотя это настроение ни во что определенное в Москве еще не вылилось, но уже чувствовалось, что худшие времена общественного упадка остались позади.

Это время характерно значительным оживлением рабочего движения в Западной Европе. В Англии появился более боевой «новый тредьюнионизм» и была успешно проведена под руководством социалиста Джона Бернса большая стачка докеров, во время которой организовался союз докеров, до тех пор совершенно неорганизованных. Во Франции усилилось социалистическое движение во главе с Гэдом и Полем Лафаргом.

Летом 1889 года, во время всемирной Парижской выставки, состоялся первый после долгого перерыва международный социалистический конгресс, на котором было восстановлено Интернациональное общество рабочих (II Интернационал). На этом конгрессе было постановлено праздновать Первое мая, как интернациональный праздник рабочих. Германская социал-демократия одержала большую победу: на выборах весной 1890 года она собрала больше миллиона голосов, и под напором растущего рабочего движения пал «исключительный закон против социалистов». Обо всем этом мы в общих чертах узнавали из «Русских ведомостей», и вести эти поднимали настроение.

В октябре умер в Саратове великий русский социалист Н. Г. Чернышевский. Союзный совет московских землячеств решил по этому случаю организовать демонстрацию; для этой цели была использована форма церковной панихиды. По зову союзного совета собрались четыре-пять сотен студентов на панихиду, заказанную «по рабу божью Николаю» в церкви Дмитрия Солунского, которая помещалась на Тверском бульваре, на углу Тверской улицы (теперь улица Горького). После панихиды «молящиеся» вышли из церкви и пошли по Тверскому бульвару (теперь Пушкинскому) и Никитской по направлению к университету с пением «Вечная память» и «Вы жертвою пали». Подойдя к университету, обратились с просьбой к инспекции открыть университетскую церковь и отслужить в ней панихиду. Надеялись собрать здесь большую массу студентов. Но инспекция разрешения не дала, и на этом демонстрация закончилась.

На похороны Чернышевского в Саратов был послан союзным советом делегат от московского студенчества для возложения венка на гроб. Делегатом был представитель ниже-

городского землячества А. В. Второв, который с успехом выполнил свое поручение и сказал речь на могиле.

По случаю смерти Чернышевского в «Русских ведомостях» была помещена статья, в которой говорилось, что хотя Чернышевский и был государственный преступник, но он своими долговременными страданиями искупил свою вину. Эта статья была отправлена делегация с протестом против этой статьи. В редакции сказали, что редакцией иначе поступить не могла: газета имела уже предостережения, и ей было объявлено, что ее закроют при первом прегрешении. Была дилемма, чтобы сохранить газету: или ничего не сказать про Чернышевского, или сказать то, что было в этой статье. Редакция выбрала второе.

В этом году у студенчества была большая потребность в демонстративных выступлениях и пользовались для этого всякими предлогами. Шел большой спор, не использовать ли для этого панихиду, которая традиционно служилась по Александру II в день его восшествия на престол 19 февраля, совпадающий с годовщиной подписания манифеста об освобождении крестьян. Многие считали, что предлог был уж слишком неудачный. Не помню, состоялась ли эта демонстрация; я по крайней мере не ходил на эту панихиду.

В эту зиму в Москву часто приезжал и жил Сабунаев, народовец, привлекавшийся по делу Лопатина в 1884 году, бежавший из ссылки и живший нелегально. Он задался целью восстановить организацию «Народной воли» и создавал группы в Москве, Ярославле, Костроме, Нижнем и других городах. Меня познакомил с ним Второв, деятельно работавший в сабунаевской группе. Сабунаева я видел и беседовал с ним несколько раз. Он любил напускать на себя большую таинственность и конспиративность. Мне он как-то мало импонировал, казался несравненно мельче Заичневского. Я в эту организацию не вошел, оказывал ей только разные конспиративные услуги.

Осенью 1890 года Сабунаев, а с ним и все участники его группы были арестованы, в том числе и А. В. Второв¹. Организация была в корне разрушена. Это была последняя попытка возродить «Народную волю», как всероссийскую организацию.

---

¹ А. В. Второв сидел по этому делу в доме предварительного заключения и в «Крестах» около двух лет. После окончания срока поселился в Нижнем, где принял опять участие в группе народолюбцев, поставившей себе целью пропаганду среди рабочих. Группа провалилась летом 1896 года. Отбыв тюремное заключение по этому делу, он вновь поселился в Нижнем и больше уже не принимал участия в революционном движении, жил частными уроками и умер от туберкулеза в 1924 году.

Отмечу еще знакомство с П. Ф. Николаевым. Он отбыл каторгу и ссылку по каракозовскому делу. Не имея права жительства в Москве, он жил под Москвой, в городе Рузе, часто наезжая в Москву. Николаев в то время увлеклся американским социологом Лесли Уордом; большую статью с изложением его теории он поместил в журнале «Русская мысль». Поместил также статьи об «Экономическом материализме» и о Лафарге. В политическом отношении это был живой и активный человек. Я присутствовал на одном докладе П. Ф. Николаева о Чернышевском, организованном студентом-народовольцем М. И. Молчановым (потом известный профессор-невропатолог) в классе городского училища (у Триумфальных ворот), в котором учительницей была его невеста. Николаев был на каторге вместе с Чернышевским, и его доклад был посвящен воспоминаниям о совместной их жизни на каторге, а также характеристике значения Чернышевского.

Николаев во всех своих высказываниях развивал мысль о необходимости всем оппозиционным и революционным направлениям слить свои силы и сосредоточить их на одном пункте — свалить самодержавный режим, добиться конституции. Это был господствующий лозунг момента среди радикальной и либеральной интеллигенции¹. В этом духе издавался нелегальный журнал того времени «Самоуправление», в 1888 и 1889 годах его вышло четыре номера. Николаев принимал деятельное участие в «Самоуправлении». В 1894 году на этой платформе образовалась «партия народного права». Николаев вместе с Натансоном были главными организаторами этой партии, которая просуществовала, правда, очень короткое время и была вскоре разгромлена без остатка.

Заичневский, Сабунаев, Николаев — это все были «последние могикане» старой революционной рати. Они делали последние попытки возродить движение на старой, утопической основе, но время для них прошло, и попытки эти были обречены на неудачу.

Наступала новая эпоха, нужны были новые люди, новые идеи, новые методы работы, базирующейся на иной классовой основе. Мы инстинктивно чувствовали, что старое уже мертво, но нового, живого, идущего ему на смену, мы еще не видели, не понимали.

Чтобы закончить характеристику моих связей в эту зиму, упомяну еще о кружке толстовцев. Это были студенты братья Н. В. и В. В. Черняевы; у них я познакомился с Новоселовым и Анохиным — виднейшими толстовцами того времени. У Черняевых бывал и Л. Н. Толстой, но мне не пришлось его

¹ Я говорю здесь, конечно, о тех кругах интеллигенции, чрезвычайно малочисленных в то время, в которых еще сохранялись политические интересы.

встретить у них; я его нередко видел только на улице: бодро и с виду сердитого старика, в высоких сапогах, в простом пальто и картузе. Черняевы занимались в это время изданием на гектографе сочинения Толстого «Крейцера соната». Она была запрещена, и печатать ее было преступлением, за которое братья Черняевы и были вскоре арестованы. Они оба кончили потом самоубийством.

Новоселов впоследствии стал противником Толстого и черносотенцем, а Анохин был потом тульским городским головой, октябристом.

На рождественские каникулы я в этом году не поехал, так как имел в то время урок в Москве.

Участвовал в праздновании «Татьянина дня» — дня основания Московского университета, 12 января; был в актовом зале, где читался годовой отчет университета, а вечером пошел в ресторан «Эрмитаж» на Трубной площади. В этом первоклассном ресторане в обычные дни допускались лишь люди вполне прилично одетые, да и цены там были недоступны студентам, но в Татьянин день этот ресторан становился центром студенческого празднования: ковры и скатерти со столов снимались, цены понижались. Все помещения были тесно набиты студентами, профессорами, адвокатами, писателями. На стол один за другим влезают ораторы. Льются речи. При мне говорил известный московский либерал Виктор Гольцев, за ним профессор-глазник А. Н. Маклаков, потом его сын, тогда студент-естественник третьего курса, В. А. Маклаков. Все речи на один манер — иносказательные, с метафорами о грядущей заре, рассвете, о светоче, о вечных идеалах правды и справедливости и т. п. Популярных профессоров качали. Пели «Гаудеамус» и другие студенческие песни. Наговорившись и наслушавшись, напевшись и напившись, расходились...

После «святок» (рождественских праздников) с возобновлением занятий настроение нарастало, в воздухе запахло «беспорядками». Первыми начали волноваться студенты-петровцы: пошли сходки, предъявлены были какие-то требования начальству Академии. Вмешалась полиция, было арестовано около ста пятидесяти студентов.

Студенчество университета заволновалось. Союзный совет решил организовать «беспорядки», по аудиториям были распространены воззвания, призывающие студентов собраться на дворе университета для протеста против ареста петровцев и требования отмены университетского устава 1884 года.

Около полудня 7 марта на дворе старого здания университета собралась студенческая сходка — человек пятьсот-шестьсот. Из толпы выделился человек с окладистой русой бородой — это был студент-иркутянин Сапожников.

Он сказал сильную речь о придавленности студенчества, всего общества и народа и о необходимости поднять борьбу как против нового университетского устава, так и против политического бесправия студенчества и всего народа.

После него говорил еще студент-сибиряк Антонович на ту же тему. Но не успел он кончить свою речь, как во двор въехал отряд конных жандармов. В течение нескольких минут мы были окружены со всех сторон. Мы ждали, что нас станут разгонять и бить. Большинство осталось на своих местах. Когда мы были окружены, то раздалась команда — всем выходить со двора. Вышли на Моховую; там образовались шпалеры из конных жандармов. На улице была большая толпа. Некоторые студенты протискивались сквозь цепь жандармов и присоединялись к арестованным. Нас погнали в Манеж. Туда оказались загнанными около четырехсот студентов. В Манеже нас оставили в покое, заперев двери и поставив у дверей караул.

В Манеже митинг возобновился, говорились речи. Речи перемежались пением, настроение у всех было бодрое, повышенное. Надвигался вечер. С наступлением сумерек нас стали вызывать, формировать в группы, человек по пятьдесят-шестьдесят, и уводить одну группу за другой под сильным конвоем полиции и жандармов в Бутырскую пересыльную тюрьму. В Бутырках нас разместили в больших камерах для пересыльных. Нас всех (около четырехсот человек) поместили в одном коридоре, двери камер не запирались, и мы были предоставлены самим себе. С утра начался митинг. Кроме выступавших на сходке в Манеже ораторов, выступали и другие. Признанным политическим лидером оказался Сапожников. Старостой для переговоров с тюремной администрацией был избран И. С. Вегер, его в шутку прозвали ректором Бутырской академии. Подъем настроения продолжался.

К вечеру настроение еще более поднялось, когда мы узнали, что сегодня в университете состоялась новая сходка, которая заявила о своей полной солидарности с арестованными накануне. Их также арестовали и пригнали вечером в Бутырки, около ста человек. Поместили их в другом коридоре, и мы с ними сносились, только перекликаясь через окна.

На следующий день привели еще группу — человек семьдесят. В этот же вечер администрация тюрьмы вызвала — сначала Сапожникова, а потом еще человек пять-шесть из проявивших себя наиболее активно (Антоновича, Аргунова, Вегера и еще кого-то).

Помню, Вегера на руках с пением донесли до двери. Вызванные больше не явились обратно, их поместили где-то отдельно. Это тяжело повлияло на оставшихся: были взяты от нас наиболее активные и революционно настроенные люди.

Масса оказалась без вождей, к которым она успела уже привыкнуть и которых успела полюбить. Настроение на другой день как-то упало, разбилось на течения. Выдвинулись новые лидеры, настроенные более умеренно. Политический уровень выступлений был снижен.

В Бутырках мы просидели семь дней. Все эти семь дней прошли в нескончаемых собраниях, спорах, беседах, которые продолжались далеко за полночь. Люди сблизились, узнали друг друга. Заведено было много знакомств, связей, которые потом пригодились в дальнейшей общественной и революционной работе. Правительство невольно сделало хорошее дело, собрав вместе в тюрьме более пятисот политически активных студентов и предоставив им возможность беседовать, знакомиться, влиять друг на друга и организоваться. На воле ничего подобного не удалось бы сделать. Арестованные прошли краткосрочный курс политического обучения.

Следует отметить, что на этих собраниях не было ни одного марксистского выступления: марксизм еще не выявился на московской общественной арене. Это произошло на полтора-два года позже.

Кроме бесед и собраний, устраивались и развлечения — пение хоровое и сольное, декламация, рассказывание анекдотов, игры, вплоть до чехарды.

Через семь дней нас стали вызывать и объявлять приговоры. Всего было исключено из университета и выслано из Москвы человек сто. Остальные отделались дисциплинарными университетскими взысканиями и остались в университете.

Меня на этот раз большие репрессии миновали.

Студенческие волнения всколыхнули всю массу студенчества. Получив первое боевое крещение и сплотившись в тюрьме и во время высылки, студенты стали более интенсивно работать на общественной арене.

Эти волнения всколыхнули немного и либеральные слои общества. Пошли сборы в пользу арестованных и высланных. Денег было собрано немало.

Эти студенческие волнения можно считать первым всплеском волны нового общественного подъема, пришедшего на смену реакции 80-х годов. Этот подъем особенно усилился, когда через некоторое время выступил новый класс — пролетариат, который вскоре стал гегемоном революционного движения.

Интересно отметить, что среди сидевших в это время в Бутырках были следующие студенты, впоследствии ставшие большевиками: А. Н. Винокуров — бывший председатель Верховного суда СССР, И. С. Вегер — видный большевик, И. А. Давыдов — ныне профессор, коммунист, и, наконец, автор этих строк.

После окончания волнений перед союзным советом землячеств, сильно потрепанным после арестов и высылки, встал вопрос о посылке делегации на всемирный студенческий конгресс, назначенный во Франции, в Монпелье, по случаю шестисотлетия университета в этом городе. Выбор пал на А. И. Добронравова и еще одного студента.

На съезде оба представителя выступили с речами, в которых развернули картину политического гнета, царившего в России над университетами, и запрещения каких бы то ни было студенческих организаций. По приезде в Россию оба были исключены из университета за свои выступления на съезде. Добронравов поехал в третий раз в Нижний и жил там, как и прежде, перебиваясь уроками. Весной 1891 года он внезапно заболел туберкулезом уха, с уха болезнь перешла на мозг, и через несколько дней Добронравов умер.

Мне в качестве представителя нижегородского землячества пришлось хоронить его и говорить на могиле речь. Незадолго до смерти он сблизился с кружком нижегородских марксистов, о котором я скажу ниже.

Я уверен, что, останься он жить, при его уме, боевой натуре и пролетарской психологии, из него вышел бы марксист-большевик.

ГЛАВА X

ЛЕТО 1890 ГОДА В НИЖНЕМ. ЧТЕНИЕ КНИГИ «НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ» ВЛЕХАНОВА. Я СТАНОВЛЮСЬ МАРКСИСТОМ. НА ТРЕТЬЕМ КУРСЕ

Летом, по приезде на каникулы в Нижний, у меня после подъема, который я пережил во время студенческих волнений и сидения в Бутырках, наступила некоторая реакция.

Продумывая все выступления в Бутырках, я сознавал, что определенного ответа на вопрос, что делать, я не получил. И чувство неопределенности и сомнений не оставляло меня.

Подведу здесь краткий итог моего жизненного и книжного опыта за пять лет, последовавших после окончания корпуса.

Под влиянием еще смутных для меня революционных народнических идей я порвал с военщиной и стал готовиться к революционной работе. Познакомился почти со всей народнической литературой: с Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым, Лавровым, Михайловским, В. В. (В. П. Воронцовым), Успенским, Златовратским. Познакомился в общих чертах с историей европейских революций и европейским социализмом по Прудону, Лассалю, Шеффле. Познакомился и с живыми носителями революционных идей разных оттенков: с яковинцем Заичневским, каракозовцем Николаевым, народовольцами Сабунаевым, Иванчиным-Писаревым, народником-романтиком

Златовратским, революционным народником Чекиным, с толстовцами, с «критическими» народниками нового типа — Анненским, Короленко, видел много радикальной молодежи в Нижнем и в Москве, сам уже участвовал в двух, хотя и скромных, но все же революционных демонстрациях, посидел, хотя и немного, в тюрьме, был привлечен к жандармскому дознанию, пока в качестве свидетеля; словом, немного понимал революционного пороха. Но в результате я был еще на распутии. Твердо определившихся взглядов на вопросы революционной теории и практики у меня тогда не было: были обрывки взглядов, поиски, колебания, сомнения. Старики-революционеры казались последними могиками революционного прошлого, оно не возбуждало уже пылкого энтузиазма, как это было раньше: его критиковали со всех сторон.

Под таким впечатлением я пошел к Чекину поискать у него новинок нелегальной литературы. Увидел у него «Наши разногласия» Плеханова, женевское издание группы «Освобождение труда». С интересом взял эту книгу. О группе «Освобождение труда», заграничной группе русских социал-демократов, я уже слышал в разговорах. Народовольцы и народники относились к ней совершенно отрицательно, но надо было самому познакомиться с новым направлением. Книга «Наши разногласия» вышла в Женеве в 1885 году, а в 1890 году она была еще самой свежей новинкой для Нижнего. В Москве я тоже не видал и не читал этой книги, хотя по жандармскому «Обзору важнейших дознаний», с которым я познакомился, конечно, уже после Октябрьской революции, теперь знаю, что она попала в руки жандармов при обыске у студента Московского университета Аркадия Ивановича Рязанова в 1889 году. В Казани ее читали, как новинку, на собрании, описанном Горьким в его книге «Мои университеты», в 1887 году или в начале 1888 года. Вот с какими затруднениями и опозданием проникала в Россию тогда зарубежная марксистская печать.

С огромным интересом читал я эту книгу.

Плеханов подверг в ней сокрушительной критике основы народнических взглядов на общину, на кустарные промыслы, на развитие и значение русского капитализма, на заговорщическую деятельность и стремление к захвату власти, опирающиеся на интеллигенцию, указал на грядущую роль и значение нарождающегося русского рабочего класса, опираясь на который только и можно произвести революцию. В заключительной главе он писал:

«Итак, «русский социализм», как он выразился в партии «Народной воли», до тех пор останется чуждым великим задачам европейского социализма, пока не покинет своего промежуточного положения между анархизмом Бакунина и блан-

кизмом Ткачева, то есть пока не признает бесплодности теоретических построений г-на Тихомирова... Тогда наш социализм перестанет быть «русским» и сольется со всемирным социализмом Маркса, Энгельса и отчасти Лассалля.

Его сторонники поймут тогда, что:

1) коммунистическая революция рабочего класса не может вырасти из нашего мещанско-крестьянского социализма;

2) по внутреннему характеру своей организации сельская община стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим, формам общежития;

3) при переходе к этим последним ей предстоит не активная, а пассивная роль;

4) инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс,

5) освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий...

Итак, возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России».

По вопросу о роли рабочего класса по отношению к крестьянству он писал:

«Только силы нарождающегося пролетариата могут послужить связующим звеном между крестьянством и социалистической интеллигенцией. Через них и с их помощью социалистическая пропаганда проникнет во все закоулки деревенской России...

А когда придет час окончательной победы рабочей партии над высшими сословиями, то опять-таки она возьмет на себя инициативу социалистической организации национального производства. Под ее влиянием — а при случае и давлением — сохранившиеся сельские общины начнут переходить в высшую, коммунистическую форму»¹.

Я был весь охвачен этими новыми идеями, потрясен до глубины своего сознания и чувства. Я переживал нечто подобное тому, что переживал шесть лет назад, когда рушилось во мне традиционное православно-монархическое мировоззрение и я воспринимал новое, революционное мировоззрение, но теперь это было значительно сознательнее и глубже.

Русский рабочий класс — вот куда надо было идти, вот куда надо нести светоч социализма. Он совершит ту полити-

¹ Как известно, Плеханов впоследствии придавал все меньше значения революционной роли крестьянства, и в некоторых своих работах он совсем сбрасывал его со счета. Напротив, он стал преувеличивать революционную роль русской буржуазии.

ческую и социалистическую революцию, базу для которой тщетно старались найти Чернышевский, Заичневский, Желябов и другие революционеры 60-х и 70-х годов...

После «Наших разногласий» я перечитал вновь «Манифест коммунистической партии» и теперь уже понял его по-иному. Новое, огромное впечатление он произвел на меня. Я начинал понимать основы великой теории Маркса, я становился марксистом — и уже на всю жизнь...

Я вступил в новую полосу своей жизни. Она счастливым образом совпала с новой эпохой русского революционного движения: кончался тридцатилетний период мелкобуржуазного крестьянского социализма и начиналась новая эпоха, эпоха роста русского рабочего движения — русского пролетарского социализма...

Но прошло после этого знаменательного для меня лета еще немало времени, прежде чем я сумел приступить к практической работе по проведению в жизнь великих принципов революционного марксизма.

Осенью я уехал в Москву, ни с кем не поделившись своими новыми мыслями, переживаниями: они были столь значительны и дороги для меня, и вместе с тем я еще чувствовал себя столь нетвердым в своих новых взглядах, в умении их защитить, что мне не хотелось никому говорить о них, хотелось продумать их пока одному, укрепиться в них, овладеть вполне учением Маркса и только тогда выступить... Словом, я еще находился в «утробном» периоде, не родился еще как марксист.

Приехав в Москву, я старался найти «Капитал» Маркса в переводе Лопатина и Даниэльсона, изданный в 1872 году; он был вскоре после выхода изъят из продажи и библиотек и в это время был большой библиографической редкостью; мне так и не удалось тогда его найти. Читал, что попадало под руку, достал где-то историю Англии Маколея и с большим интересом прочитал ее.

В общественной студенческой жизни было в том году затишье, как бывало обычно на следующий год после волнений, — затишье, но не упадок: продолжалась внутренняя работа, было много кружков.

Весной (1891 г.), правда, была студенческая демонстрация по случаю смерти публициста Н. В. Шелгунова. Я был в это время на пасхальных каникулах в Нижнем, а потому об этой демонстрации помню только по рассказам товарищей. Студенты решили отслужить демонстративную панихиду по умершему в церкви Ивана Богослова, на Тверском бульваре, но поп отказался служить. Собралась на бульваре большая толпа, запели «Вечную память» и «Вы жертвою пали». Прискакала конная полиция и стала разгонять демонстрантов. На другой день

толпа студентов вновь собралась на этом месте, опять разогнали, арестовывали...

В Петербурге на похоронах Шелгунова состоялась большая демонстрация, в которой приняли впервые участие рабочие, члены марксистских кружков Бруснева и Красина. От рабочих был возложен на гроб венок с надписью: «Указателю пути к свободе и братству». Шелгунов был знаком с первыми петербургскими марксистами и в своей статье, появившейся в апрельском номере «Русской мысли» уже после его смерти, он, единственный из легальных русских публицистов, приветствовал тогда марксистскую молодежь такими пророческими словами: «Девяностые годы будут формировать людей, уже совсем не похожих на восьмидесятников. Теперешняя молодежь начинает с изучения общественных фактов, из которых как логический вывод должно уже последовать само собой: что делать? *Движение это, нужно надеяться, для 1900-х годов создаст поколение деятелей, каких Россия еще не выставляла* (курсив мой, — С. М.). Движение это составляет очень крупное и страдное явление теперешней умственной жизни Петербурга».

Москва в этом отношении несколько отставала тогда от Петербурга; группы марксистской молодежи появились здесь несколько позже; но одиночки уже зарождались.

ГЛАВА XI

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ НА ТРЕХ СТАРШИХ КЛИНИЧЕСКИХ КУРСАХ

Преподавание на старших клинических курсах медицинского факультета было поставлено значительно лучше, чем на первых двух. Это был период расцвета клинического преподавания в Московском университете, особенно на четвертом и пятом курсах.

Начну с помещения клиник.

Клиники до 1890 года находились в старом здании на Рождественке. С 1890 года начался переход клиник во вновь отстраиваемые здания на Девичьем поле.

Каждый год мы начинали занятия во вновь отстроенных зданиях.

Правительство не отпустило средств на постройку клиник, и они строились на средства московских меценатов — фабрикантов Морозовых, Хлудовых, Базановых. Они строились по последнему слову тогдашней больничной техники под руководством профессора Эрисмана и вот уже в течение полстолетия успешно выполняют свои функции.

На четвертом курсе все кафедры были заняты крупнейшими светилами тогдашней русской медицинской науки.

Ведущую кафедру курса — факультетскую терапевтическую клинику — возглавлял Григорий Антонович Захарьин, высокоталантливый клиницист-терапевт. Читал он блестяще, его разборы больных, его лекции запоминались на всю жизнь. В мое время Захарьин был уже стариком (профессор с 1862 г.), его научная деятельность приближалась к концу, и конец его был совсем не блестящим. Дело в том, что Захарьин наряду с достоинствами высокоталантливого терапевта имели немало крупных недостатков. Центром внимания его медицинской работы была частная практика среди московских купцов, ей отдавал он преимущественно свои силы и свое внимание. У него была установлена такса⁷ для частных приемов: в его приемной — пятьдесят рублей за совет, а на дому больного — сто рублей. Ходило много анекдотов о его причудах и ломаниях. В мое время Захарьин приобрел уже себе крупное состояние врачебной практикой и имел огромный доходный дом на Кузнецком мосту. Его ассистенты и ординаторы имели ту же установку — на частную практику, и хотя Захарьин третирует их, как свою прислугу, но им перепали жирные крохи с его стола, и они были, повидимому, довольны своим положением. Но никто из них не проявил себя талантливым ученым и врачом. Сколько-нибудь уважавшие себя и способные люди не шли к Захарьину «в услужение», и у него не оказалось таким образом прямых его продолжателей, если не считать более раннего его ученика профессора А. А. Остроумова. В политическом отношении Захарьин — лейб-медик (придворное звание) и тайный советник — был воинствующим реакционером, по позднему выражению — ярым черносотенцем.

Наш курс, недовольный постановкой дела в его клинике, подал ему докладную записку, в которой корректно изложил свои пожелания. Захарьин был вне себя от обиды: мальчишки, студенты, осмелились учить его, знаменитого клинициста и тайного советника. Свой ответ на записку во время лекции он закончил так: дело свое я буду делать так, как делал, и либеральничать не намерен. Мы зашикали, и большинство ушли с лекции.

На этот раз инцидент был исчерпан. Но это было не первое выступление общественности против Захарьина. За год перед этим (в 1890 г.) против стяжательства «захарьинцев» было выступление в медицинской литературе. Захарьин был очень обижен. Московские профессора-медики поднесли Захарьину адрес, в котором протестовали против «неблаговидных попыток печати» его дискредитировать и выражали ему «глубочайшее уважение и искреннюю признательность».

Только пять профессоров и два прозектора осмелились отказать подписать этот адрес; в их числе были: Н. В. Склифасовский, Ф. Ф. Эрисман, А. А. Бобров и П. И. Дьяконов. Студенты устроили овации не подписавшим адрес профессорам.

Впоследствии студенты не раз выступали против Захарьина. В результате в 1896 году он принужден был уйти из университета. Так бесславно закончилась его долголетняя профессорская деятельность.

Кафедру факультетской хирургической клиники занимал профессор Н. В. Склифасовский, пользовавшийся славой лучшего русского хирурга того времени. Он был прекрасным лектором, несколько, правда, высокопарным, и любил пересыпать лекцию латинскими выражениями и поговорками. Тон в клинике был корректный и культурный, выгодно отличался от тона захарьинской клиники. По своим политическим взглядам Склифасовский был либерал.

Детской клиникой заведывал Нил Федорович Филатов — неподражаемый лектор и клиницист.

Гинекологическую клинику вел В. Ф. Снегирев — пионер в России по лапоротомиям (вскрытие брюшной полости), смело, широко и с большим успехом введивший их в русскую хирургическую практику. Он был одним из немногих московских профессоров, упоминавших о будущей нашей работе в земских условиях: почти все профессора, как бы сговорившись, совершенно игнорировали тогдашнюю общественную медицину и имели в виду исключительно частную практику.

Кафедрой нервных болезней ведал профессор А. Я. Кожевников; его лекции и разборы больных можно назвать классическими по научной обоснованности, детальности и глубине анатомического анализа. Его можно назвать основателем московской школы невропатологии.

Приват-доцент Л. С. Минор читал курс по нервным болезням вне клиники, в Яузской больнице. Лекции Минора отличались тонкостью анализа и выявляли его большую эрудицию. По своим научным данным он вполне мог бы занимать кафедру в любом университете, но его еврейское происхождение закрывало для него при царском режиме эту дорогу.

Кафедру гигиены занимал Ф. Ф. Эрисман, швейцарский гражданин, доктор швейцарского университета; он женился на русской студентке, обучавшейся в Швейцарии, вместе с ней поехал в Россию и здесь стал основоположником русской гигиены и санитарии. Он был организатором знаменитого обследования фабрик и заводов Московской губернии, принятого московским земством в начале 80-х годов и проведенного им и врачами А. В. Погожевым и Дементьевым. Ре-

зультаты этого обследования были впоследствии популяризированы Дементьевым в его известной книге «Фабрика. Что она дает населению и что она у него берет», вышедшей в свет в 1893 году. Эрисман был также организатором первой московской городской лаборатории по анализу пищевых веществ. Он единственный из профессоров-медиков говорил на своих лекциях о социальной гигиене; говорил он и об общественной и, в частности, земской медицине. Вообще он довольно резко выделялся среди московской медицинской профессуры с ее установкой на частную практику, политический консерватизм и в лучшем случае умеренный либерализм. Он недолго смог проработать в России, в 1896 году он вынужден был оставить университет и уехал в Швейцарию, где примкнул к социал-демократической партии.

Интересной фигурой был профессор психиатрии Сергей Сергеевич Корсаков, один из основоположников русской психиатрии, в частности земской, создавший новую клинику с системой открытых дверей для самых беспокойных душевнобольных. Его лекции с демонстрацией больных были исключительно интересны. Это была боевая натура, большой общественник. В политическом отношении он после Эрисмана был самым левым из профессоров-медиков. Он страдал болезнью сердца и умер в возрасте сорока двух лет (в 1900 г.). Ведущей клиникой пятого курса была госпитальная терапевтическая клиника, руководимая профессором А. А. Остроумовым. Вторая медицинская звезда после Захарьина в Москве, его младший современник и ученик, он был, в общем, его последователем и продолжателем, что не мешало ему быть с Захарьиным на ножах как в личных, так и в общественных взаимоотношениях.

У Остроумова в клинике была совсем другая атмосфера, чем у Захарьина; со стороны профессора клинике уделялось гораздо больше внимания, а ассистенты и ординаторы отдавали много внимания занятиям со студентами. Итти в ординаторы к Остроумову не считалось зазорным, как это было по отношению к Захарьину, и состав его ординаторов был гораздо выше захарьинского как в научном, так и в общественном отношении. Попадались среди них и лица, настроенные революционно; таким был, например, доктор Н. А. Кабанов, примыкавший тогда к народолюбцам, впоследствии профессор и автор многих научных работ и популярных медицинских книг.

В общем, в мое время медицинское образование было в Москве поставлено неплохо, но большими недостатками преподавания были его преимущественная установка на частную практику, почти полное игнорирование вопросов профилактики, социальной гигиены, общественной медицины. Эти недо-

статки со стороны студенчества, настроенного преимущественно народнически (до середины 90-х гг.), восполнялись до некоторой степени чтением литературы и каникулярной работой в земских больницах, часто под руководством известных земских врачей. В результате недурно построенная учеба плюс идеи «служения народу», «отдания долга народу» создавали тип земского врача, преданного своему делу, достаточно квалифицированного и часто специализировавшегося постепенно в какой-либо отрасли медицины, не понижая своего универсализма. Об этом типе мне придется еще говорить впоследствии.

Между прочим из нашего выпуска (1893 г.) вышло впоследствии немало профессоров медицины.

Этот расцвет медицины, который я обрисовал выше, являлся одной стороной общего подъема русской культуры в 60-х годах. Этот период характеризуется расцветом литературы — Лев Толстой, Тургенев, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Успенский, Помяловский, Решетников и ряд других; публицистики — Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев; живописи — Крамской, Перов, Суриков, Репин и другие «передвижники»; музыки — Мусоргский, Бородин, Чайковский, Римский-Корсаков, Цезарь Кюи («могучая кучка»); науки — Менделеев, Бутлеров, Тимирязев, Сеченов, Мечников, братья А. О. и В. О. Ковалевские, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, Ключевский и многие другие.

В начале 60-х годов несколько молодых врачей были посланы за границу для занятий. Европейские биологические науки, и в частности медицина, переживали в это время период коренной ломки. Работы Дарвина, Пастера, Вирхова произвели переворот в естествознании и медицине. Русские молодые естествоиспытатели и врачи приобщились к этому живому научному движению. Из их числа и вышли вышеприведенные светила медицины. Реакция 80-х годов и следующих за ними угнетающе действовала на все стороны культурной жизни, в том числе и на университетскую науку: наиболее выдающиеся профессора, согласно вышеприведенному дялиновскому принципу, удалялись постепенно из университетов — Менделеев, Тимирязев, Ковалевский, Виноградов, Муромцев, Эрисман; другие деградируют; на смену более талантливым идут менее талантливые: Бабухина сменил Огнев, Склифасовского — Спизарный, Корсакова — Сербский и т. д., а равных Захарьину, Остроумову, Филатову, Эрисману некого назвать. И понятно, почему: наиболее талантливые, инициативные студенты участвовали в революционном или по крайней мере студенческом движении, исключались, превращались в «неблагонадежных» и не могли быть поэтому оставлены при университете для подготовки к профессорскому званию; другие просто не

хотели идти в услужение и холопствовать у разных Захарьиных; еврей, будь они хоть семи пядей во лбу, не оставались совсем при университете и не допускались к занятию профессорских кафедр.

И чем дальше, тем хуже: в 1911 году министр «народного просвещения» Кассо производит радикальную «чистку» профессуры, которая вызывает протесты и массовый уход из университета всей прогрессивной профессуры. Медицинская наука, изгоняемая из университетов, находит порой приют в городских и земских самоуправлениях: там, в городских и земских больницах, вырабатываются выдающиеся хирурги, терапевты, санитарные врачи, невропатологи (Вейсброд, Обух, Хрущев, Тезяков, Сысин, Кашченко, Яковенко и ряд других). Только при советской власти все выдающиеся врачи, независимо от их национальности, привлечены к научной, лечебной, профилактической и широкой общественной медицинской работе; выдвигаются из низов новые, молодые таланты, создается множество научно-исследовательских институтов во главе со Всесоюзным институтом экспериментальной медицины (ВИЭМ). Медицинские институты для подготовки врачей растут численно и привлекают в свои стены студентов из рабочих, крестьян и интеллигенции всех национальностей, населяющих Советский Союз, преподавание в них ставится на правильных основаниях. Положение врачей и постановка медицинского образования коренным образом улучшаются после исторического выступления товарища Сталина на семнадцатом съезде партии. Пристальное внимание партии и правительства обращено на фронт медицины, — при этих условиях быстрый рост и пышный расцвет советской медицины обеспечены.

ГЛАВА XII

ЛЕТО 1891 ГОДА. ЗНАКОМСТВО В НИЖНЕМ С ПЕРВЫМИ МАРКСИСТАМИ П. Н. СКВОРЦОВЫМ и М. Г. ГРИГОРЬЕВЫМ. ПОЕЗДКА В ВЯТСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Во время летних каникул этого (1891) года в Нижнем мне удалось, наконец, познакомиться с марксистами. Мои знакомые гимназистки рассказали мне, что к ним в седьмой класс поступила одна гимназистка из Казани — Валя Григорьева. Она считает себя марксисткой, ее брат сидит в тюрьме по делу казанского марксистского кружка Федосеева. Мне очень захотелось с ней познакомиться, что мне скоро и удалось на одной большой прогулке молодежи на лодках по Оке. Григорьева рассказала мне много интересного. Она знала в Казани Федосеева, в кружке которого был ее брат, и относилась к нему с обожанием. В это время Федосеев и ее брат

М. Г. Григорьев отбывали срок заключения в петербургской тюрьме, и она ждала брата в Нижний в августе. Рассказала еще мне, что в Нижнем живет уже немолодой литератор-марксист П. Н. Скворцов, который тоже был привлечен по кружку Федосеева, но отделался высылкой в Нижний. Обещала меня с ним познакомить, а также с петербургскими студентами-марксистами, высланными из Питера за шелгуновскую демонстрацию. Я был вне себя от радости. Я уже буду не одиночкой-марксистом, которому не с кем поделиться своими мыслями, сомнениями, я буду в кругу своих единомышленников, с которыми можно будет скоро приступить к практической работе.

Вскоре Григорьева меня познакомила с Павлом Николаевичем Скворцовым и братьями Красиными.

В лице П. Н. Скворцова я встретил уже немолодого (ему было тогда тридцать пять — тридцать шесть лет), сложившего марксиста¹. Его статьи печатались с 1886 года в «Юридическом вестнике». Кроме того, у него в рукописях были две большие публицистические статьи: одна против тогдашнего народнического корифея В. В. (В. П. Воронцова), и вторая против народнических публицистов — Михайловского, Кареева.

Знакомство со Скворцовым дало мне тогда очень много. Я много с ним беседовал, прочитал его напечатанные статьи, а также все рукописные, которые были более значительны, чем печатные. Он снабдил меня первым томом «Капитала» (у него было их три экземпляра), который я взял с собой в Москву и штудировал всю зиму.

Вскоре же я познакомился с братьями Красиными — Леонидом Борисовичем и Германом Борисовичем. Оба они были высланы из Петербурга после демонстрации на похоронах Шелгунова и жили на даче в тридцати верстах от Нижнего, в Растяпине, где жило тогда и много других высланных студентов. Особенно большое впечатление произвел на меня Леонид Борисович — молодой, красивый студент (ему было тогда двадцать лет). Каким-то особым воодушевлением, умом и энергией веяло от него. Мне приходилось его наблюдать во время споров с народниками. Он говорил горячо, с большим подъемом, сильно и убедительно аргументируя. Маркса он знал уже тогда хорошо. Про него говорили, что он пять раз прочитал «Капитал». На нижегородскую молодежь он производил сильное впечатление, и думается, именно он дал тол-

¹ Конечно, теперь я не считаю П. Н. Скворцова ортодоксальным революционным марксистом. Здесь, не ставя себе целью подробный разбор взглядов П. Н. Скворцова, я буду говорить о моем тогдашнем восприятии его личности и взглядов, а в дальнейшем укажу и на некоторые его теоретические и тактические ошибки.

чок к обращению к марксизму большой группы нижегородской молодежи, из которой вышло потом немало деятелей нашей партии. Красин производил впечатление и на противников, с ним не согласных. После одного такого диспута та народоволка, которая отрицала оживление в 1887 году, на мой вопрос: как она думает, не пришло ли теперь то новое, что оживит нашу жизнь, — отвечала: «Да, я вижу, начинается что-то большое». Но не все относились так чутко к новому направлению. Наоборот, оно было встречено очень враждебно сторонниками старых взглядов; его не понимали, его извращали, на него клеветали.

Рядом с Леонидом — Герман Борисович Красин был менее заметен, но производил впечатление серьезного, вдумчивого человека. П. Н. Скворцову, человеку несколько кабинетному, больше нравился Герман Борисович, которого он считал более глубоким и серьезным. Я же при всех моих симпатиях к Герману Борисовичу больше ценил Леонида за его боевой темперамент.

Красины рассказали мне, что в Петербурге уже есть марксистские кружки среди студенчества, особенно среди технологов, что имеются связи и среди рабочих. Такие сведения поднимали настроение, воодушевляли.

В августе приехал брат Вали Григорьевой — Михаил Георгиевич Григорьев, отбывший десятимесячное тюремное заключение в Петербурге в «Крестах». Я пошел с ним познакомиться. Жили Григорьевы на Острожной улице, в маленьком мезонине. С ними жила их мать, портниха, и содержала своим ремеслом себя и дочь. Григорьев как бы набрался энергии в тюрьме, соскучился по делу и рвался к практической работе. Выражение «брызжащий энергией и воодушевлением» вполне подходило к нему. У него я познакомился и с братом Александром, тоже недавно возвратившимся из ссылки по народовольческому делу¹.

Встретил я там еще рабочего Абрама Григорьевича Гуревича², высланного из Риги за участие в народовольческом рабочем кружке. Гуревич был первый рабочий-революционер, с которым мне пришлось встретиться, если не считать столяра Китаева, о котором я уже упоминал; но Китаев был, во-первых, ремесленник, а во-вторых, когда я с ним познакомился, он уже отходил от революции. Гуревич же, молодой, бодрый, энергичный, был еще в начале своей революционной работы. Он участвовал в Риге в кружке того типа народовольческих

¹ А. Г. Григорьев окончил жизнь большевиком. Он был расстрелян вместе со своей женой в 1920 году в Семипалатинске бандой Анненкова.

² А. Г. Гуревич осенью 1892 года уехал на родину в Витебск отбывать воинскую повинность; после окончания военной службы работал в Швейцарии, учился и получил звание инженера. В советское время работал инженером в Москве, умер в 1935 году.

рабочих кружков конца 80-х годов, которые являлись переходными к марксизму, и Григорьеву не стоило большого труда сделать из него марксиста. Оказывается, с Гуревичем Григорьев познакомился еще в прошлом году в нижегородской тюрьме, когда он отправлялся в «Кресты», а Гуревич пересылался по этапу в Нижний. Он условился с Григорьевым встретиться в Нижнем, когда тот возвратится из «Крестов». Гуревич это время не потерял даром: он, работая в Сормове, а потом на Курбатовском заводе, заводил связи с рабочими. По приезде Григорьева он передал ему эти связи: познакомил с ним рабочих Курбатовского завода — Якова Пятибратова, Михаила Громова, Мухина, Алексея Ивановича Парфенова и еще нескольких; вскоре в Нижнем образовался первый марксистский рабочий кружок. Так осенью 1891 года было заложено основание нижегородской рабочей марксистской организации; с тех пор работа эта не прекращалась, и этот год можно считать годом начала марксистской работы в Нижнем-Новгороде.

Итак, приехав в Нижний на летние каникулы в этом году, я не знал еще ни одного марксиста, а к концу каникул уже познакомился с целой группой марксистов. Все мы, кроме Скворцова, были молодыми людьми, почти однолетками, двадцати — двадцати двух лет.

Нас было немного — единицы, но все мы переживали боевое воодушевление: мы овладевали великим учением Маркса, которое давало нам разрешение «проклятых» вопросов, давало ответ на роковой вопрос — что делать. Мы были полны энергии и желанием бороться и работать, основательно овладеть великим учением Маркса и нести это учение в рабочий класс и в интеллигентскую молодежь. Собирались мы несколько раз у Скворцова, беседовали, спорили. Скворцов казался нам тогда большим авторитетом, и мы поучались у него марксизму и внимательно читали его статьи.

П. Н. Скворцов был одним из первых русских марксистов. По его словам, он к марксизму пришел самостоятельно, независимо от литературы группы «Освобождение труда», в 1883 году, прочитав первый том «Капитала» Маркса. Мещанин посада Колпино, около Петербурга, он при поддержке какой-то благотворительницы окончил уездное училище, потом в 1876 году окончил учительскую семинарию в Петербурге и участвовал добровольцем в войне Сербии против Турции; потом жил в Петербурге. Учитель так из него и не вышел: не было у него никаких педагогических способностей, как он сам говорил про себя.

Он перебивался мелкими заработками, много читал по экономике, выучился немецкому языку, чтобы в подлиннике читать сочинения Маркса и Энгельса. В 1884 году он был при-

влечен по какому-то политическому делу, по которому приговорен был к трем годам гласного надзора, который отбывал в Твери. Здесь около него сгруппировался кружок, в котором читали «Манифест коммунистической партии» и «Капитал». В 1887 или в 1888 году Скворцов переехал в Казань, где получил небольшой заработок по земской статистике и где он продолжал свою пропаганду марксизма. М. Г. Григорьев, участник кружка Федосеева, называет Скворцова учителем Федосеева по марксизму; А. А. Санин подтверждает это. Несомненно, он помог кружку Федосеева определиться. Летом 1889 года федосеевский кружок был арестован; привлечен был к этому делу и Скворцов, но он легко отделался и переехал в Нижний, где также работал в земской статистике.

Горький в своем очерке о Короленко так описывает его с легким оттенком юмора:

«Это был поистине человек «не от мира сего». Аскет, он зиму и лето ходил в легком пальто и худых башмаках, жил впроголодь и при этом еще заботился о «сокращении потребностей» — питался в течение нескольких недель одним сахаром, съедал его по две осьмих фунта в день — не больше и не меньше. Этот опыт «дешевого, рационального питания» вызвал у него общее истощение организма...

Небольшого роста, весь какой-то серый, а светлоголубые глаза улыбаются улыбкой счастливицы, познавшего истину в полноте, недоступной никому, кроме него. Ко всем иначеверующим он относился с пренебрежением, жалостливым, но не обидным. Курил толстые папиросы из дешевого табака, вставляя их в длинный, вершков десяти, бамбуковый мундштук, — он носил его за поясом брюк, точно кинжал».

К этому надо прибавить, что Скворцов был аскетом и «сокращал потребности» не из какого-либо принципа, а потому, что относился «к инакомыслящим» с пренебрежением, которое их настолько обижало, что они неохотно давали ему работу и притом наихудше оплачиваемую, что, конечно, возмущало Скворцова и еще более враждебно настраивало его против «инакомыслящих».

Скворцов с 1886 года начал помещать свои статьи в «Юридическом вестнике». Это были первые и, пожалуй, единственные марксистские статьи о русской действительности в легальной печати вплоть до 1895 года. По этим статьям учились первые русские марксисты. В них он указывал на рост русского капитализма, на то, что сельское хозяйство уже подпало под власть законов капиталистического хозяйства, которые изучены Марксом. Что надо признать «жестокий факт», что крестьянство не представляет однородную массу, а состоит из богатых и бедных; но крайности богатства и нище-

ты сглаживаются тем, что между ними существуют одновременно промежуточные группы, которые в одну сторону при-мыкают к богатым, а в другую — к бедным», что «общинное землевладение несколько не помешает превращению крестьянина в пролетария, не гарантирует ему удовлетворения необходимых потребностей. Но ведь нашим реакционерам (то есть народникам, — С. М.) до всего этого дела нет: им нужен предлог для удержания экономической эволюции, им нужно повернуть назад колесо истории, назад, в сторону мелкой промышленности, мелкого землевладения», что «тот исторический процесс отделения производителя от средств производства и существования, который в Англии совершался пять столетий, совершается у нас гораздо быстрее. Таким образом Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу западно-европейских наций и для этого предварительно преобразовывает своих крестьян в пролетариев». Он доказывал далее, что и другой кит народнической веры — кустарные промыслы — тоже капитализируются и что кустарь превращается постепенно в наемного рабочего. Он писал, что «помочь крестьянину и рабочему можно только устранением препятствий, которые мешают развитию рабочего класса», и приводил тут цитату из Маркса: «Подобно всей остальной континентальной Европе нас мучит не только развитие капиталистического производства, но и недостаточность этого развития. Кроме современного зла, нас угнетает еще целый ряд унаследованных бедствий, проистекающих из прозябания старых, переживших себя способов производства со всеми сопровождающими их, противными духу времени, общественными и политическими отношениями»¹.

Кроме статистико-экономических работ, помещавшихся в «Юридическом вестнике», у Скворцова было написано, как я уже упоминал, несколько других работ. В большой работе против В. В. (В. Воронцова) он разбирает и разбивает основное произведение В. В. — «Судьбы капитализма в России». Эту свою работу Скворцов написал еще в конце 80-х годов и, по воспоминаниям Санина, читал ее в марте 1889 года в Казани «на частном собрании, главным образом учащейся молодежи»². Читал он ее неоднократно и на собраниях в Нижнем. Другая его статья была чисто публицистическая — против Михайловского, Кареева. Все попытки его напечатать эту статью в то время окончились неудачей. Я лично несколько раз вел переговоры об этой статье с соредактором Муромцева в «Юридическом вестнике» Н. А. Каблуковым,

¹ Цитирую по статьям Скворцова.

² Брошюра А. Санина «Самарский вестник» в руках марксистов», стр. 59, изд. Политкаторжан, 1934 г.

который раньше принимал экономические статьи Скворцова. Но Каблуков сказал мне, что она не может быть помещена и по цензурным условиям и потому, что редакция не разделяет взглядов Скворцова. Только через несколько лет эта статья, очевидно, переделанная и сокращенная, «направленная зараз и против Кареева и против Струве», была помещена в марксистском «Самарском вестнике» (№№ 59 и 60 за 1897 г.)¹. Мысли, развиваемые Скворцовым в его статьях, были новы, в русской легальной печати они появились впервые и сильно взволновали тогдашнее либерально-народническое общество, они создали много врагов Павлу Николаевичу, которые его ругали и высмеивали, стараясь представить его каким-то ненормальным чудачком, они же привлекли к нему симпатии вновь нарождающихся русских марксистов.

У Горького есть чрезвычайно характерное описание выступления Скворцова среди народников и враждебного отношения их к нему. Приведу его здесь:

«В 90 или 91 году в Н.-Новгороде у адвоката Щеглова Павел Скворцов, один из первых проповедников Маркса, читал свой доклад на тему об экономическом развитии России. Читал Скворцов невнятно и сердито, простудно кашлял, задыхался дымом папиросы. Слушали его люди новые для меня и крайне интересные: человек пять либеральных адвокатов, И. И. Сведенцов, старый, угрюмый народоволец-беллетрист, много писавший под псевдонимом Иванович, благожелательный барин, революционер А. И. Иванчин-Писарев, Аполлон Карелин, длинноволосый, как поэт Фофанов, Н. Н. Фрелих, о котором знали, что он тоже революционер. Было и еще несколько таких же солидных людей, с громкими именами, с героическим прошлым.

Когда Скворцов кончил читать, на него почти все закричали, но особенно яростно брат казненного Степана Ширяева, Петр, человек бородатый, с лицом алкоголика. Грубо кричал Сведенцов, ему вторил Егор Васильевич Барамзин, тяжело переживавший в то время свой отход от народничества к марксизму. Скворцов огрызнулся во все стороны, размахивая длинным камышовым мундштуком, но сочувствующих ему в гостининой не было, его не слушали, забивали криками, уже оскорбляли. Сведенцов, сказав что-то очень сильное, проклинаящее, парадно отошел в угол, в облаке синего дыма, а навстречу ему из угла поднялся плотный человек, седоватый, с красным лицом и в костюме более небрежном, чем на всех остальных».

Это был Н. Ф. Анненский, который выступил в защиту человеческой мысли: «Человеческая мысль, стремясь разрешить

¹ См. брошюру Санина.

загадки жизни, имеет право ошибаться», — сказал он между прочим¹.

С такой враждебностью встречали народники выступления первых марксистов; в лучшем случае им только давали право ошибаться.

Ценил Скворцова и интересовался им и В. И. Ленин. В 1893 году он заехал в Нижний для свидания со Скворцовым и имел с ним продолжительную беседу, о чем я расскажу ниже. Когда Ленин и Потресов организовали в конце 1894 года первый марксистский сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», то к нему был привлечен и Скворцов, и его большая работа, представляющая собою сводку его статей, «Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям», была помещена первой в этом сборнике. Этот сборник, как известно, был сожжен царской цензурой, и только около ста экземпляров его было спасено. Впоследствии, в 1899 году, в «Научном обозрении» появилась статья Скворцова, в которой он подверг критике книгу Ленина «Развитие капитализма в России». Ленин ответил статьей «Некритическая критика»², помещенной тоже в «Научном обозрении». В этой статье он доказал всю вздорность критики Скворцова, выявил неправильные методы группировок крестьянских хозяйств в его работах и неправильность его утверждения, что, чем меньше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дороже они ее получили бы, тем быстрее шло бы развитие капитализма в России. Ошибки Скворцова в его взглядах на методы пропаганды среди рабочих и по вопросу о пути развития рабочего движения мы и сами стали скоро замечать.

Все это так. Но все же, несмотря на свои ошибки, Скворцов сыграл свою роль в самый ранний период русского марксизма (1886—1895 гг.).

Описывая лето 1891 года, не могу не вспомнить мою поездку на свою родину, в город Яранск. Поехал я на пароходе по Волге, Каме и Вятке, поехал, как всегда в то время, в третьем классе, на палубе. Побывал в Казани. Повидал реку Каму, ее несколько мрачную красоту, проехал по Вятке, показавшейся после Волги и Камы такой тихой, захолустной. Доехал до слободы Кукарки (ныне город Советск), а оттуда поехал сухим путем до Яранска (70 верст). В Яранске я нашел свою родню в состоянии экономической деградации. Когда-то мощный торговый дом «И. Д. Носов с сыновьями», шумевший на всю Вятскую губернию, после смерти деда рас-

¹ Из статьи Горького — «Н. Ф. Анненский», в сборнике «Максим Горький о писателях», стр. 207, изд. «Федерация».

² В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 503—524, статья «Некритическая критика».

пался. Три сына его разделились, разорились и опустились к этому времени до степени второразрядных купцов уездного городка. Подтверждалось на них правило о недолговечности русских купеческих династий, обычно кончавших свое существование на третьем поколении. После смерти сыновей деда (моих дядей) их дети занимались мелкой торговлей или пошли в приказчики и служащие других фирм.

В этот приезд в Яранск я познакомился несколько с жизнью края. Познакомился с председателем уездной земской управы, прогрессивным местным купцом, он мне рассказал кое-что о местном земском хозяйстве. Поездил по уезду со знакомым судебным следователем, пожил на винокуренном заводе у своего двоюродного брата, служившего на этом заводе, побродил по окрестностям.

Яранский уезд, как и вся Вятская губерния (ныне Кировская область), представлял собой интересный край: в нем почти не было крепостного права; огромное большинство его крестьян были так называемые государственные крестьяне. Они владели тем же количеством земель, что и до реформы 1861 года.

Ни в городе, ни в уезде не было дворян-землевладельцев, задававших тон местной жизни в других местностях России. Общий характер жизни здесь был более демократичный, было меньше крепостнических пережитков, чем в остальной России, крестьянин был зажиточнее, держал себя независимее и с большим достоинством, чем в дворянских губерниях; крестьянско-купеческие земства были более прогрессивными, чем дворянские, и большой процент доходов своих употребляли на народное образование и медицину. В последующие годы Вятская губерния известна была сравнительно с другими губерниями высоким процентом учащихся в средних учебных заведениях. Земства почти во всех уездных городах устроили реальные училища и женские гимназии, в которых плата за учение была невысока и в которых были стипендии и общежития для детей местных крестьян. Лучшие ученики, кончившие земские начальные школы, направлялись в гимназии и реальные училища на земские стипендии. Но всеми этими культурными благами пользовалось только русское население, многочисленные же в Вятской губернии нацменьшинства («инородцы», как назывались они тогда) — черемисы (ныне марийцы), вотяки (ныне удмурты) и татары — были лишены всех этих культурных воздействий и оставались на очень низкой ступени культуры.

У меня, как у юного марксиста, возникал тогда вопрос: что будет с этим крестьянством при политической свободе и как потом это крестьянство перейдет к социализму? На первый вопрос я отвечал себе так: политическая свобода, демо-

кратический строй будут завоеваны пролетариатом совместно с попутчиками при помощи революции в политических центрах государства. При демократическом строе крестьянство окраин будет развиваться по фермерскому типу и даст хороший рынок для промышленных центров.

Второй же вопрос, как оно придет к социализму, оставался нерешенным, и долго он оставался в таком положении. Плехановское решение, приведенное мною выше, было слишком общее и неопределенно. Только впоследствии Ленин и Сталин дали гениальное решение этого вопроса.

Интересное пребывание мое в Яранске было омрачено надвигающимся ужасным неурожаем, охватившим в тот год весь восток и юг России. Поля и в Яранском уезде стояли жутко черными, с редкими колосьями, а время жатвы приближалось... Под тяжелым впечатлением этого надвигающегося бедствия уехал я тогда из Яранска.

После этого в Яранск я попал только через двадцать восемь лет, весной 1919 года, в качестве члена комиссии ВЦИК по укреплению тыла прифронтовой полосы. И эти мирные места, отстоявшие за многие сотни верст от всяких границ, захватила гражданская война, и фронт Колчака проходил недалеко от Вятки. В Яранском уезде вспыхивали то и дело кулацкие восстания. В грозе и буре под руководством коммунистической партии решался крестьянский вопрос социалистической революцией.

ГЛАВА XIII

НА ЧЕТВЕРТОМ КУРСЕ (1891—1892 гг.). ГОЛОД В РОССИИ. ОЖИВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. МАРКСИСТЫ В НИЖНЕМ — ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И РАБОЧИЕ. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С МАРКСИСТАМИ В МОСКВЕ. ЛИБЕРАЛЬНО-НАРОДНИЧЕСКИЙ КРУЖОК МОСКОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. ДОКТОР Д. Н. ЖБАНКОВ И ДРУГИЕ. МОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ СРЕДИ НИХ. ДРУГИЕ ВСТРЕЧИ. ЗНАКОМСТВО С РАБОЧИМИ

К 1 сентября я поехал в Москву, захватив с собой для штудирования первый том «Капитала». Зима 1891—1892 года была знаменательным временем как для истории русской общестственности, так и лично для меня.

Волна общественного оживления, начавшая обозначаться, как я уже писал, с осени 1889 года, значительно поднялась в этот год под влиянием вестей о голоде, охватившем почти все черноземные губернии России. Для меня этот год был годом интенсивной учебы, как медицинской, так и марксистской. Я основательно штудировал «Капитал», медленно, но неуклонно, в течение всего учебного года, усваивая главу за главой этой великой книги. На всю жизнь запечатлелись эти великие ис-

тины, этот метод мышления; они легли в основу моего мировоззрения и моего подхода ко всем явлениям общественной жизни. Появилась потребность к выявлению себя как марксиста, стремление к практической работе.

Особенно укрепили меня в этом стремлении впечатления от нижегородской поездки на рождественские каникулы. Среди нижегородской радикальной интеллигенции в это время было большое оживление.

Нижегородская губерния была в числе голодающих; особенно сильно поражены были ее южные уезды. Губернатор Баранов и дворяне-крепостники сначала единым фронтом старались представить дело так, что никакого голода нет, а есть только некоторый недород и что не требуется никакой частной помощи. Прогрессивная же общественность во главе с Короленко и Анненским на основании статистических данных и сведений от земских корреспондентов доказывала, что размеры голода громадны, что необходима экстренная помощь правительства и разрешение частной инициативы в борьбе с бедствием. Губернатор под влиянием разных соображений через некоторое время переменял фронт, пошел против своих же ставленников — лукаюновских земских начальников и предводителя дворянства, стал настаивать на увеличении ссуды и разрешил частную помощь. Разгорелась горячая полемика по этим вопросам в столичной прессе. Все это прекрасно описано у Короленко в его «Голодном годе». Кстати сказать, мне кажется, что это одно из лучших произведений, по которому можно составить конкретное представление о пережитках крепостничества в дореволюционной «порезформенной» деревне, особенно, если дополнить это произведение выдержками из его дневника по этому вопросу.

Это возбуждение, вызванное голодом, совпало с той борьбой, которую с осени 1891 года открыла против народников сложившаяся к тому времени в Нижнем марксистская группа: П. Н. Скворцов, М. Г. Григорьев, братья Красины и примкнувшая к ним значительная группа учащейся молодежи — гимназистов, реалистов, семинаристов. Рефераты, прочитанные Скворцовым, сильно взбудоражили народническую публику; марксисты выступали и на рефератах Анненского, Елпатьевского и других народников. На этих собраниях бывал и я. Выступали Скворцов, Красин, Гольденберг. Переписка бывала горячая. Вопрос шел о том, как относиться к голоду и как голод отразится на судьбах российского капитализма. Спор был запальчивый, горячий и достаточно беспорядочный. Народники обвиняли марксистов, что они рады голоду, что бессердечно относятся к голодающим, говорили, что марксистам следует идти помогать фабрикантам и кулакам обезземеливать народ и тому подобные бессмыслицы, воспроизве

денные через некоторое время в статьях Михайловского, Кривенко и др. Марксисты в долгу не оставались и обвиняли народников в утопизме, мелкобуржуазности, прекраснородушии и т. п. Обычной темой этих споров был также вопрос о роли личности в истории, о закономерности исторического процесса. В рассказе Вересаева «Поветрие», написанном в 1897 году, очень живо и правильно изображен такой спор между народниками и марксистами.

Л. Б. Красин так описывает эти нижегородские собрания того времени:

«В Нижнем, кроме В. Г. Короленко, жил Н. Ф. Анненский, известный статистик, блестящий представитель отживавшего тогда уже свой век народничества, а с ним целая плеяда более молодых статистиков, все сплошь тоже народники. В качестве высланных студентов и нам был открыт доступ в круг этой радикальной интеллигенции. С первой же встречи выяснилось непримиримое расхождение взглядов, и вся нижегородская интеллигенция разделилась на два лагеря — народников и марксистов. Выступала от марксистов обыкновенно молодежь: мы с братом, М. Г. Григорьев и др. Но мы нашли большую идейную поддержку в лице одного из самых ярких по тем временам марксистов — Павла Николаевича Скворцова, автора замечательных статей в «Юридическом вестнике» и блестящей критической монографии, разбивавшей в пух и прах «Судьбы капитализма в России» — книгу, бывшую библией тогдашнего народничества. Наши словесные турниры со стариками и с самим Анненским привлекли на нашу сторону почти всю нижегородскую молодежь, и из тогдашних нижегородских гимназистов и гимназисток, присутствовавших на этих прениях, вышло потом немало работников нашей партии. Мне приходят на память имена М. А. Сильвина и И. П. Гольденберга»¹.

Можно сказать, что эти дебаты нижегородских марксистов и народников являются хорошей иллюстрацией к некоторым мыслям Ленина, которые он высказывал в своих «Друзьях народа» в 1894 году.

В это время Ленин писал: «...главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»².

И далее: «... деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый, русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализ-

¹ Сборник «Л. Б. Красин», стр. 109—110 и 35—36, ГИЗ, 1928 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 167.

му; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм»¹.

Мы ясно чувствовали, что мы — представители двух разных миров, двух разных систем, и отсюда горячность, страстность и резкость в спорах.

В это время в Нижнем вокруг Скворцова и Григорьева, братьев Красиных начала расти совсем молодая марксистская поросль: почти вся сколько-нибудь способная и живая молодежь старших классов среднеучебных заведений Нижнего подверглась в эти годы (1891—1893) марксистскому влиянию, из нее вышло много работников нашей партии. Многих из них я знал близко. Они значительно отличались от молодежи участников кружков второй половины 80-х годов, которых я описал выше. Тогда было время упадка и разложения народничества, теперь было время подъема молодого революционного класса — пролетариата и его молодых идеологов — марксистов-интеллигентов. Они были бодрь, жизнерадостны, полны боевого воинствующего настроения. Все они много читали, много учились; особенно усердно изучали они экономику России по земским статистическим сборникам, изучали и критиковали народнические книги и статьи и поражали своих уже сравнительно пожилых противников и своей самоуверенностью и своей начитанностью.

Более выдающимися из них были Иосиф Петрович Гольденберг, Михаил Александрович Сильвин и Анатолий Александрович Ванеев. И. П. Гольденберг — тогда ученик реального училища, красивый, эффектный юноша, хороший оратор и полемист. Удачно выступал в спорах с народниками и скоро начал заниматься в рабочих кружках. В 1893 году он по окончании реального училища уехал учиться в Бельгию. Оттуда он стал писать очень интересные корреспонденции в газету «Русские ведомости» о бельгийском рабочем движении, которое переживало тогда свой героический период борьбы путем всеобщей забастовки и демонстраций за всеобщее избирательное право.

По окончании курса возвратился в Россию; принимал активное участие в партийной, революционной работе, стал видным публицистом; на пятом, Лондонском партийном съезде, на котором он участвовал как делегат петербургской большевистской организации, был избран членом ЦК от большевистской фракции (Гольденберг-Мешковский); умер в 1922 году членом ВКП(б).

М. А. Сильвин — тогда гимназист, тоже очень способный юноша — очень остроумно, резко полемизировал с народниками, доводя их до бешенства. Окончив курс гимназии в

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 165.

1893 году, он поступил в Петербургский университет; там он работал в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» вместе с Лениным. Потом видный работник партии, в 1904—1905 годах — член ЦК, партийный литератор (литературный псевдоним — М. Таганский). После 1907 года отошел от партийной работы.

А. А. Ванеев, способный самоучка, пищик нотариуса, подготовился в седьмой класс реального училища. Окончив его в 1893 году, он поступил в Петербурге в Технологический институт, тоже работал в «Союзе борьбы», был близок к Лениным, умер в ссылке от чахотки.

Выдавался еще реалист Кузнецов, юноша очень энергичный, экспансивный и самолюбивый. Сын богатого местного купца, он по окончании реального училища уехал за границу, в Швейцарию, там познакомился с Плехановым; в 1895 году возвратился в Нижний и принял деятельное участие в пропаганде среди рабочих. Арестованный летом 1896 года, он вскоре же дал подробные показания о всей организации, «не щадя ни себя, ни других», причем приписал себе руководящую роль в организации, каковой в действительности он не имел. Жандармы ему поверили, назвали всю организацию «кузнецовским кружком». После отбытия четырехлетнего гласного надзора в Уфимской губернии он поселился в Симбирске. В 1907 году он был выбран в Государственную думу, примкнул в ней к социал-демократической фракции (к меньшевистской части ее). Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

В этих же кружках принимали участие А. И. Пискунов, брат Е. И. Пискунова, о котором я упоминал, тогда ученик Нижегородского дворянского института, потом видный работник нижегородской и московской партийных организаций; умер большевиком в 1924 году; далее гимназисты Б. Д. Фридман и Франк, потом, в 1894—1896 годах, будучи студентами Московского университета, принимали участие в пропаганде среди московских рабочих; реалист Г. И. Сергеев — потом видный нижегородский социал-демократ меньшевик; гимназист Н. А. Вигдорчик, потом работал в киевской социал-демократической организации, участвовал в числе девяти лиц на первом съезде партии в Минске в 1898 году, впоследствии меньшевик-ликвидатор, врач и писатель по вопросам социального страхования.

В женских кружках принимали участие сестры Чачины — Ольга Ивановна и Екатерина Ивановна, обе остались большевичками до конца жизни. О. И. умерла в 1919 году, Е. И., по мужу Пискунова, жива до сих пор (1939 г.), член ВКП(б).

Из института благородных девиц в кружках принимали участие три сестры Невзоровы, потом — активные партийные работницы; все они остались навсегда большевичками: по

мужьям — З. П. Кржижановская, С. П. Шестернина и А. П. Лозовская.

Отдельно стоял марксистский кружок семинаристов, в который входило пять-шесть человек во главе с М. Ф. Владимирским. М. Ф. Владимирский — потом видный партийный и советский работник.

Таким образом во всех среднеучебных заведениях Нижнего в то время были марксистские кружки, за исключением только кадетского корпуса.

Несколько позднее в этих кружках приняли участие гимназисты В. И. и С. И. Яхонтовы (В. И. Яхонтов, потом видный член нашей партии, был членом коллегии Наркомюста РСФСР, умер несколько лет назад) и семинарист В. А. Десницкий, впоследствии член ЦК партии (1905—1907 гг.), в 1917 году вместе с Горьким редактировал «Новую жизнь», теперь — профессор литературы в Ленинграде, беспартийный.

Гимназистки М. П. и О. П. Иваницкие; М. П., потом видная работница нижегородской партийной организации, умерла большевичкой после Октябрьской революции. Ее сестра, О. П., была впоследствии членом нижегородского и бакинского, а в 1905—1906 годах Московского комитета партии, ныне беспартийная.

Я перечислил здесь только тех молодых нижегородцев-марксистов того времени, кого я тогда или после знал, но знал я далеко не всех.

Познакомился я тогда у Григорьева с несколькими рабочими, кроме уже упомянутого Абрама Гуревича, — с Пятибратовым и Парфеновым. Но из-за конспирации тогда не рекомендовалось вести знакомства с рабочими никому, кроме тех, которые вели непосредственно с ними занятия, а потому мне, как временно приезжавшему в Нижний, не пришлось близко познакомиться с тогдашними нижегородскими рабочими. Но чтобы дать более цельное представление о тогдашней нижегородской марксистской группе, считаю нужным привести здесь характеристику виднейших рабочих из воспоминаний М. Г. Григорьева, который был первым организатором марксистских кружков в Нижнем-Новгороде и воспоминания которого отличаются вообще большой точностью. Вот что он пишет¹: «На Острожной, в доме Чекуристов, осенью 1891 года состоялась моя первая встреча с настоящими рабочими, и этой встречей была положена основа организации первого социал-демократического кружка в Нижнем-Новгороде.

Первым пришел Абрам Гуревич (о нем я уже упоминал, — С. М.) с Яковом Пятибратовым. За ними поодиночке приходи-

¹ См. его воспоминания в журнале «Пролетарская революция», № 4, 1924 г.

ли Михаил Громов, Мухин, Парфенов, пожилой рабочий, фамилия которого я, к сожалению, уже позабыл, и еще двое молодых рабочих. Все рабочие были с Курбатовского завода, и притом все до одного были особо квалифицированными.

После предварительной беседы, в продолжение которой мы могли друг с другом освоиться, я повел речь о классовой розни, о роли рабочего класса, об организации за границей рабочих в политические партии и о том, как живут за границей сознательные рабочие. Время пролетело незаметно, все гости оживились, посыпались вопросы, причем особенной любознательностью выделялись Яков Пятибратов и Алексей Парфенов. †

Опыт удался, и необходимость дальнейших встреч сделалась очевидной, причем было найдено, что было бы удобнее, если бы я ходил к ним, а не они ко мне. Алексей Парфенов для собраний предложил свою квартиру в доме своей матери в фабричной слободке.

И много раз после этого ходил я с Гольденбергом в фабричную слободку, в дом Парфеновой, где и велись нами систематические занятия с ядром кружка рабочих на Курбатовском заводе.

От такого ядра марксистские идеи расходились не только по Курбатовскому заводу, но и далеко за его пределы.

Яков Пятибратов-Роганов. Он — один из немногих рабочих, которые, получив серьезную теоретическую подготовку, не бросали станка. Имея небольшой природный недостаток — шепелявость, он все же этим не стеснялся и свободно высказывал свои убеждения, играя в рабочих кружках весьма видную роль (он здравствует до сих пор, 1939 год, член ВКП(б), — С. М.).

Если Абрам Гуревич был тем, кто предоставил связи с рабочими, то Яков Пятибратов был главным помощником в деле ведения занятий в рабочих кружках. Усилиями Пятибратова удалось закрепить марксистские идеи в головах многих рабочих не только Курбатовского завода, но и ряда типографий и заводов в Нижнем, а затем и в Самарской губернии, откуда эти идеи, как лавина, распространились вширь и вглубь. П. Н. Скворцов с особенной любовью относился к Я. Пятибратову.

Алексей Парфенов — другой рабочий, один из помощников в деле пропаганды марксистских идей среди рабочих. Весьма скромного вида и ординарной наружности, в нем чувствовалась какая-то особенная сила, которая заставляла и мать его и молодую жену охотно предоставлять свою квартирку для рискованных собраний.

Когда нам понадобилось иметь на Канавинском химическом заводе своего механика, нами туда был перемещен Парфенов,

и он вполне удовлетворял инженера Круковского в техническом отношении; в момент ожидавшегося у Круковского обыска предоставил свою кладовую, не зная вовсе, что обыск у Круковского был по распоряжению из Москвы, а не по местным делам, участие в которых Парфенова также было довольно значительным. Где теперь Парфенов и что с ним случилось, мне неизвестно.

Нельзя не упомянуть еще об одном видном в то время рабочем — Михаиле Громе. Талантливый токарь, он обладал необычайной смелостью, и нам приходилось много затрачивать сил на доказательства необходимости для него выдержки. Он, кстати сказать, умело поддерживал какое-то знакомство с одним из жандармов, от которого и узнавал о предполагавшихся обысках.

Получив сведения о предстоящем у инженера Круковского обыске, он немедленно же кинулся предупредить об этом Круковского. Это было как раз в то время (весна 1894 г.), когда сообщение Нижнего с Канавиным по льду было уже прекращено вследствие начавшегося ледохода, а лодочное движение еще было опасным. Громов видел, как на берегу начали собираться для переправы на другую сторону жандармы, и он, опасаясь, чтобы жандармы его не опередили, схватил стоявшую на берегу чью-то лодочку и на ней махнул на другую сторону, несмотря на отчаянные окрики береговой речной полиции.

Переправа эта сошла для него благополучно. Он задолго до жандармов успел перебраться в Канавино на завод Высоцкого и Гоца и там не только предупредил о предстоящем обыске Круковского, но и успел препятать шрифту от него к Парфенову.

Из ряда других рабочих, среди которых были и многосемейные и которые так же бесстрашно не только посещали кружковые собрания, но и руководили развитием своих товарищей на заводе, выделялся еще уже пожилой рабочий Мухин».

Так описывает Григорьев тогдашних нижегородских рабочих-марксистов.

Я уехал тогда из Нижнего (в январе 1892 г.) под впечатлением всего виденного и слышанного в подъемном настроении, но мне вместе с тем было досадно, что в Москве, в большом университетском городе, я не знаю ни одного марксиста-интеллигента, не имею связи с рабочими. Решил искать этих связей и прежде всего выступать везде, где можно, с изложением своих марксистских взглядов. Я почувствовал, что почва у меня под ногами крепнет и что я могу уже приступить к практической работе.

Прежде всего я стал высказывать свои взгляды в частных

беседах с некоторыми студентами, с которыми встречался в университете или в землячестве. Так, я разговорился как-то со своим однокурсником-рязанцем С. К. Ивановым, с которым сидел вместе в Бутырках в 1890 году. Оказывается, что он тоже знаком с марксистскими идеями, и сам относится к ним с интересом и сочувствием. После нескольких бесед со мной он принес мне брошюру Энгельса «Развитие научного социализма», издание группы «Освобождение труда». Эта статья Энгельса очень много дала мне для понимания сущности научного социализма и исторического материализма. Потом он принес мне свежую четвертую книжку журнала «Социал-демократ» со статьями Плеханова «Всероссийское разорение» (отклик Плеханова на голод) и его же статьей «Русский рабочий в революционном движении», со статьей Аксельрода о германской социал-демократии и рядом других интересных статей. Большую радость почувствовал я, читая этот толстый революционный марксистский журнал. Какая пропасть, думал я, лежит между этим революционным журналом и толстыми легальными журналами того времени, до чего мизерными показались они мне. Радовало, что вот и русские социал-демократы настолько сильны, что издают такие солидные, хорошо оформленные книги, с таким богатейшим содержанием, и эти книги доходят сюда, в Москву, несмотря на все препоны.

Через Иванова я достал также книги Туна «История революционного движения в России» и Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». По этим книгам я ознакомился с историей русского революционного движения, главным образом с историей русского революционного народничества.

Через Иванова я познакомился, наконец, с целым кружком московских марксистов. Более близкое знакомство и мое сближение с этим кружком произошло в следующий учебный год (1892—1893), а потому я отложу пока рассказ об этом кружке, а теперь остановлюсь на других встречах в весеннем полугодии 1892 года.

Прочитав «Капитал» Маркса и вышеназванную марксистскую литературу, я решил выступить с изложением своих взглядов. Первый случай для выступления представился мне в одном либерально-народническом кружке, который я порой посещал в течение последних двух лет. Опишу сначала этот кружок.

Самой колоритной фигурой этого кружка был нижегородец доктор Дмитрий Николаевич Жбанков. Внебрачный сын крепостной крестьянки и ее барина, он пережил тяжелое детство — обычный удел таких детей. Он все же получил образование, окончил нижегородскую гимназию, а затем в 1879 году Медико-хирургическую академию в Петербурге. Восприняв там народнические взгляды той эпохи, он на всю жизнь

остался типичным семидесятником — народником-культурником, и притом ярым поклонником Писарева. Народничество свое он проявлял и в образе крайне скромной домашней жизни и обстановки, и в своей одежде — ходил всегда в блузе, подпоясанной поясом, только в торжественных случаях надевал сверху пиджак. Из-за этого его костюма выходили нередко недоразумения: его не хотели пускать, например, на торжественные собрания Пироговского общества, на общественные обеды в рестораны и т. п. Фанатик общественной медицины, он крайне резко относился к частной практике и к врачам-практикантам. Не имея определенных политических взглядов, только демократически настроенный, он не принадлежал никогда к политическим партиям; по существу либеральный народник, он тем не менее не любил либералов и пренебрежительно называл их орган «Русские ведомости» «рабскими ведомостями». Начал он свою врачебную работу в качестве земского врача в селе Большом, Рязанской губернии, причем не ограничивался только лечением, но и обследовал условия жизни населения, результатом чего явилась его печатная работа «Село Большое». Эти обследования жизни населения и сближение его на этой почве с крестьянами показали администрации подозрительными, и он был уволен через два года работы в рязанском земстве. Около года был без работы, потом получил место врача в Костромской губернии. Здесь он продолжал свои санитарно-бытовые обследования, результатом чего явились новые работы; потом он обследовал, будучи заведующим медико-статистическим бюро губернского земства, Смоленскую губернию. Эти работы его ценил Ленин и использовал их в своей знаменитой книге «Развитие капитализма в России»¹. Проработав шесть лет в Костромской губернии, почувствовал, что практически земским врачом он не может быть, так как не может производить даже самых малых хирургических операций, а они были неизбежны в земской практике. В это время Пироговское общество врачей предприняло большую работу по составлению земско-медицинских сборников, представляющих собой детальное описание состояния земской медицинской организации во всех земских уездах России. Жбанкову было предложено вести эту работу, он переехал в Москву (в 1889 г.), чтобы ею заняться. С этого времени он стал душой Пироговского общества, и ни один Пироговский съезд не проходил без его активного участия. На всех этих съездах, до девятого съезда в 1904 году, он был наиболее левым, будирующим элементом, вносил предложения о возбуждении ходатайств о возобновлении высшего женского медицинского образования, об организации помощи

¹ В. И. Ленин, Соч., т. III, Указатель имен.

голодающим крестьянам, об отмене телесных наказаний, смертной казни и т. п. В то время, о котором идет речь, Жбанков приехал в Москву, и я через одного моего сокурсника-нижегородца, его родственника, познакомился с ним и довольно близко с ним сошелся. Около Жбанковых стал постепенно группироваться кружок московской интеллигенции, сначала преимущественно нижегородцы, а потом и другие.

Перечислю некоторых участников этого кружка: во-первых, Г. Х. Херсонский, учитель, умеренно либеральный по своим взглядам. Его сестра Мария Хрисанфовна Свентицкая, очень живой человек, впоследствии известный педагог, основательница первой в Москве гимназии для совместного обучения мальчиков и девочек. Ее муж — инженер. Учитель гимназии Д. Д. Галанин. Приват-доцент университета А. А. Кизеветтер, потом известный профессор русской истории, член ЦК кадетской партии, ныне белоэмигрант. Санитарный врач московского земства А. В. Погожев, участник вместе с Эрисманом и Дементьевым известного обследования московских фабрик и заводов в первой половине 80-х годов, большой знаток вопросов социальной политики, впоследствии организатор при Московском университете кабинета по социальной политике. Наконец, И. П. Герасимов, тоже московский учитель, впоследствии товарищ министра народного просвещения при либеральном министре народного просвещения И. И. Толстом в 1905—1906 годах.

Собирались они обычно по субботам по очереди друг у друга. Кроме «больших», на этих «субботниках» бывала учащаяся молодежь, иногда человек до десяти. Молодежь, как обычно полагалось тогда, выступала всегда левее старших и любила поспорить. В зиму 1891—1892 года кружок этот откликнулся на дело помощи голодающим, установив взимание со своих членов ежемесячного подоходного налога в пользу голодающих; на эти деньги была устроена столовая в голодающей местности. Вот в этом кружке я и выступил в феврале или марте 1892 года с изложением своих взглядов для пробы сил.

Произошло это так. Сначала я сказал Жбанкову о своем намерении выступить и кратко изложил ему сущность своих взглядов. Его они очень удивили, но так как он был большой любитель всяких дискуссий и споров, то охотно, как председательствующий на этот раз хозяин дома, способствовал моему выступлению. Он с шуточкой заявил, что у Сергея Ивановича «вызвездило в голове» и он хочет поделиться с нами своими новыми взглядами. Я выступил приблизительно в таком духе: ваш кружок, собирая пожертвования для крестьян, делает полезное, но очень маленькое дело. Центр внимания сейчас надо направить не на крестьянство, а на рабочий класс: крестьянство — класс прошлого; под влиянием капитализма

крестьянство неизбежно расслаивается на крестьянскую буржуазию и на пролетариат; класс будущего, класс революционный, который выведет Россию из реакционного тупика и произведет революцию, — это рабочий класс. Вот туда-то и надо направить теперь все силы интеллигенции для революционной и культурной работы.

Мое выступление шло решительно вразрез с прочно установившимися в этом кружке либерально-народническими взглядами, и понятна была их бурная реакция против меня. Пропорили и прокричали до поздней ночи. После этого мне еще не раз приходилось выступать в этом кружке, и всегда реакция на эти выступления была та же, что и в первый раз. Особенно выводили из себя публику мои резкие отзывы о корифеях либерального народничества. Я как-то назвал, помню, Джаншиева за его книгу «Великие реформы» и Иванюкова за книгу «Падение крепостного права» либеральными болтунами; досталось же мне тогда.

Несколько лет назад я встретился с одним научным работником. Он спросил меня, не знаю ли я Д. Д. Галанина. Я сказал, что знал лет сорок назад. Ну, тогда, сказал он, я вас знаю с детства, хотя и никогда не видел. Я, сказал он, мальчиком жил у Галанина и наслышался о вас тогда, там постоянно ругали какого-то Мицкевича... Признаться сказать, мне было приятно слышать, что такое впечатление я производил на либеральную публику. Конечно, я не надеялся их убедить, но выступал потому, что, во-первых, для меня самого были полезны эти дискуссии, а во-вторых, там была молодежь, которая с большим интересом прислушивалась к этим спорам.

И из этой молодежи впоследствии вышли хорошие революционеры. Уже ближайшим летом двое из них — студенты Н. Х. Херсонский (брат Г. Х. Херсонского) и Д. В. Тихомиров — занялись пропагандой: читали в кружке сельских учителей и учительниц в селе Ельне, Нижегородского уезда, «Наши разногласия» и сами определились как марксисты, работая впоследствии в нашей партии; по той же дороге пошла и сестра Тихомирова Мария Вячеславовна, поныне член ВКП(б). Две сестры Лосевы, курсистки, тоже стали марксистками и остались большевичками до сих пор; одна по мужу Е. Н. Ванеева, а другая А. Н. Первухина. Некоторые из этой молодежи пошли по другому пути и стали потом эсерами, как В. Е. Павлов и его две сестры.

Но эти споры имели влияние и на кое-кого из старших: жена Жбанкова с большим пониманием, чем другие, отнеслась к моим взглядам, а М. Х. Свентицкая отнеслась и с нескрываемым интересом и сочувствием; впоследствии она оказывала революционерам-марксистам активное содействие, о чем мне еще придется говорить.

В этот весенний семестр 1892 года у меня было много интересных встреч. В московском подполье было несомненное оживление: образовалось много групп, выпускались подпольные листки и брошюры. Мой знакомый по Бутыркам студент П. И. Кусков рассказал мне, что образовалась группа «Босяки». Эта группа возлагает главные надежды на огромную армию босяков, образовавшуюся вследствие катастрофического разорения русской деревни: это элемент бунтарский, его легко поднять на революцию. Кусков же принес мне гектографированную брошюру, где обосновывалась программа этой группы. Авторство этой брошюры приписывалось П. Ф. Николаеву.

Виделся я также в это время с одним студентом, который называл себя марксистом-террористом. Говорил, что вполне разделяет положения Маркса, считает его приложимыми и к русской действительности; расходится с русскими социал-демократами только в том, что в настоящее время надо на первый план поставить террористическую борьбу за завоевание хотя бы минимальной политической свободы, и только после этого уже следует главное внимание обратить на пропаганду среди рабочих. Встречался я тоже с П. М. Кашинским, державшимся приблизительно таких же взглядов. За настоящих марксистов я их тогда не признал, и у меня не явилось желания установить с ними какие-либо связи.

Между тем в это время (как я узнал, впрочем, значительно позже) переехал из Петербурга в Москву только что окончивший технологический институт инженер М. И. Бруснев, организатор рабочих кружков в Петербурге, с целью вести пропаганду среди московских рабочих. В своих воспоминаниях, помещенных в журнале «Пролетарская революция» (1923 г., № 2/14), он называет кружок Кашинского социал-демократическим, хотя еще и не отрешившимся от некоторых народо-вольческих взглядов на политическую борьбу. Далее он пишет, что, «кроме группы Кашинского в Москве, повидимому, социал-демократическое направление не пользовалось расположением, вернее, было вовсе неизвестно». Оно было вовсе неизвестным Брусневу, а между тем в это время в Москве уже были марксисты более ортодоксальные, чем Кашинский, как одиночки (вроде меня), так и целые группы, как кружок Г. М. Круковского, Григория Мандельштама и А. Н. Винокурова и кружок рязанцев, о которых я скоро расскажу более подробно. Эти марксисты, неизвестные Брусневу, уже в то время не пошли бы на объединение с такими лицами, как Кашинский и Егупов¹, на платформе, первый параграф кото-

¹ Егупов, студент-народовец, проявлял большую энергию по сплочению революционных групп. После ареста в апреле 1892 года вскоре стал выдавать всех, кого знал или о ком слышал.

рой гласил: «Убежденные социалисты-революционеры, мы стремимся к созданию боевой социал-революционной организации...», и далее: «Мы глубоко убеждены, что при современном соотношении общественных сил в России политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического политического террора, осуществляемого на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной партии, при дружном содействии всех живых сил страны. Партия должна быть создана на почве широкой пропаганды идей социализма, в связи с пропагандой политического террора среди демократической интеллигенции, среди рабочего пролетариата и отчасти среди сектантов-рационалистов». Правда, Бруснев пишет, что на собрании, на котором была положена основа будущей организации, он возражал против этой программы, но все же вошел в эту организацию. Что вышло бы дальше из этой организации, неизвестно, так как через несколько дней после этого собрания, 26 апреля 1892 года, все участники его были арестованы. В этих же воспоминаниях Бруснев пишет, что «наше направление в это время еще не проникало в Нижний, и что Красину первому пришлось его проповедывать». Что это не совсем так, видно из того, что я писал раньше о Нижнем.

Однажды пришел ко мне студент П. И. Кусков и принес несколько десятков экземпляров печатной прокламации «Письмо к голодающим», под которым стояла подпись: «Мужичкине доброты», и рассказал, что образовавшаяся в Москве группа народолюбцев решила повести широкую агитацию среди голодающих крестьян, печатать прокламации и рассылать их по адресам сельских учителей и крестьян. Принес он и адреса, по которым должны быть разсланы эти прокламации, объяснив, что прокламация эта напечатана в большом количестве и мобилизованы все силы для ее рассылки. Я охотно согласился, надписал адреса и побросал конверты с прокламациями в почтовые ящики. Часть прокламаций, разсланных тогда из Москвы, была перехвачена полицией, а что часть их дошла по назначению, можно судить по статье Короленко «Земли, земли!» («Голос минувшего», № 1, 1922 г.). Короленко в это время ездил по голодающим местностям Нижегородской губернии и видел крестьян, на имя которых были получены эти прокламации и которых таскали по этому поводу к станочному.

Через несколько дней после этой рассылки я узнал об аресте писателя Н. М. Астырева и целой группы лиц; я узнал, что именно Астыреву приписывается авторство этой прокламации, а его группе — печатание и рассылка. Но ни Кусков, ни я не были тогда ни арестованы, ни обысканы. В связи с делом Астырева на нашем курсе был арестован студент А. С. Роза-

нов, тогда уже становившийся марксистом, о чем я узнал впоследствии. Розанов этот играл впоследствии значительную роль в нижегородской марксистской организации.

Но все эти встречи не удовлетворяли меня: я стремился тогда завязать связи с рабочими и начать среди них пропаганду марксизма. Завязать связи с рабочими в то время было не так просто. Метод, которым пользовались часто в 70-х годах народники, — разговоры и знакомство в трактирах, — не применялся в мое время. Москва была наводнена шпионами, и разговоры в трактирах обрекали бы на верный и скорый провал.

Раздумывал, как найти связи с рабочими. Встречал я у Н. Н. Златовратского рабочих Брестских (Смоленских) железнодорожных мастерских¹, но связи с ними у меня утерялись, и я не знал, как их найти. Знал я еще зятя А. И. Добронравова, тоже слесаря из этих мастерских, но А. И. предупреждал меня, что его зять очень боится всяких революционных связей, и я не хотел его напугать. Но вот однажды, в феврале или марте 1892 года, меня отыскала как раз сестра Добронравова и пригласила на поминки по нем в день годовщины его смерти. Я пошел к ним и познакомился там с помощником машиниста на Брестской дороге Сергеем Ивановичем Прокофьевым и слесарем железнодорожных мастерских Иваном Алексеевичем Семеновым. Они знали хорошо Добронравова, участвовали в кружке, который он вел, и ухватились за знакомство со мной. Я, конечно, тоже был чрезвычайно рад этому знакомству.

Через несколько дней я зашел к С. И. Прокофьеву. Он занимал со своей семьей — с матерью, сестрой и братом — отдельную, небольшую, очень чистенькую квартирку в одном из Тишинских переулков у Сенной площади (ныне Краснопресненского района). Это была вполне культурная семья: сестра его училась на акушерских курсах, брат — в железнодорожном техническом училище, в комнате была книжная полка с книгами: сочинения Глеба Успенского, Златовратского, Засодимского, Решетникова, Левитова.

Сам С. И. Прокофьев, молодой человек, лет двадцати двух, окончил начальную школу, потом начал готовиться на звание народного учителя, но смерть отца помешала дальнейшей учебе. Он писал красиво и вполне грамотно, много читал народной литературы; был знаком со студентами, участвовал в кружке А. И. Добронравова, где читал и кое-что из народовольческой нелегальной литературы. У него уже был два раза обыск, и один раз его вызывали на допрос в жандарм-

¹ Брестской, или Смоленской, железной дорогой тогда называлась Александровская, ныне Западная железная дорога.

ское управление. Его приятель и сверстник Семенов, подстать ему, двоюродный брат Семенова, учился в Комиссаровском среднетехническом училище. Около них был кружок рабочих на почве саморазвития, общего чтения и общей библиотеки, которую они сообща собирали. В складчину они выписывали газету «Русские ведомости» и особенно внимательно следили по ним за рабочим движением на Западе. Беседа с ними была интересна и оживленна. Я познакомил их в общих чертах с марксизмом, противопоставляя его народофильству и народничеству вообще. Познакомил с основами программы русской социал-демократии по Плеханову. Почва была подготовлена, и мои собеседники легко и быстро меня понимали и проявили горячий интерес к нашим беседам. Я достал у студента Иванова для них один из сборников «Социал-демократ». Он произвел на них большое впечатление, и из бесед по поводу его мне стало известно, что они хорошо поняли его содержание.

Вот что вспоминает Прокофьев по поводу знакомства со мной:

«У Никифорова я встретился с Сергеем Ивановичем Мицкевичем. Знакомство с С. И. и разговоры с ним дали моим мыслям новое направление. Я стал знакомиться с капиталистическим строем и научным социализмом. Стал читать «Капитал» Маркса, Каутского и другие книги. С. И. мне помогал в понимании их. Он мне их объяснял, выяснял и направлял меня. Через С. И. я познакомился с Александром Николаевичем Винокуровым. Это знакомство меня сильно возбуждало: я чувствовал, что я попал в самую точку.

В знакомстве с С. И. и А. Н. я видел не простое знакомство, а почувствовал в них настоящих друзей рабочих и таких, которые готовы положить свою голову за то дело, за которое взялись»¹.

В это время произошло событие, которое произвело на нас большое впечатление. Это была первомайская лодзинская забастовка, охватившая все фабрики города Лодзи (в Царстве польском, входившем тогда в состав Российской империи) и проходившая очень бурно. Были вызваны войска, которые стреляли; было много убитых и раненых. Понятно впечатление, которое произвели эти события на нас. Мы рассуждали: если возможно такое большое рабочее движение, охватившее, очевидно, широкие массы польских рабочих, то почему оно невозможно в коренной России; ведь полицейский режим

---

¹ «На заре рабочего движения в Москве», стр. 109, изд. Политкаторжан, 1932 г.

в Польше еще более суров, чем в остальной России, и все же возможна там революционная работа среди рабочих,—возможна, значит, она и в Москве. Но как приступить к такой работе, которая бы захватила широкие рабочие массы, мы еще не знали.

Не пришлось мне в это время развить свои связи с рабочими, так как вскоре, в середине мая, я уехал из Москвы на заработок — оспопрививание во время летних каникул.

ГЛАВА XIV

НА ОСПОПРИВИВАНИИ В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ. ЗЕМСКИЙ
ВРАЧ С. Н. КОРЖЕНЕВСКИЙ. ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА
В 90-х ГОДАХ

Мой однокурсник Масленников, тверяк, предложил мне поехать с ним на оспопрививание в Старицкий уезд, Тверской губернии, откуда он получил приглашение подобрать еще несколько студентов для этой цели. Я охотно принял это предложение: отчасти для заработка (сто рублей за полтора месяца работы плюс пятьдесят рублей разъездных), отчасти потому, что перспектива побродить по деревням и поближе познакомиться с крестьянским бытом показалась мне очень заманчивой. Наскоро окончив свои дела с зачетами, я 15 мая уехал вместе с Масленниковым в город Старицу, на его родину. В Старице мы с ним пробыли один день, побывали в управе, получили инструкции и детрит, а также предупреждение быть очень осторожным в беседах с крестьянами, так как полиция едва согласилась разрешить студентам заниматься оспопрививанием и, несомненно, установит за нами тщательное наблюдение.

На другой день мы с Масленниковым выехали в село Берново, где был земский медицинский пункт с больницей. Берновским медицинским участком заведывал врач Степан Николаевич Корженевский. Мы приехали прямо к нему. Он жил в отдельном доме, недалеко от больницы, со своей семьей. На участке своем он работал уже лет шесть. Участок был большой, с радиусом верст в двадцать пять, отдельные селения отстояли от центра даже на тридцать пять верст, в участке было около двухсот деревень. При враче были фельдшер и акушерка. Кроме того, в участке было четыре-пять фельдшерских пунктов. Первые два-три дня мы решили бывать в амбулатории на приемах врача, чтобы хоть немного ознакомиться с населением и с подходом к нему врачебного персонала. Амбулаторные приемы были большие — человек по пятьдесят-шестьдесят, а в праздничные дни до ста и более больных. Корженевский был очень популярен, особенно как глазник, и к нему ехали больные не только из его участка, но и с сосед-

них, иногда очень отдаленных. Выходного дня у медицинского персонала не было. Правда, было объявлено, что по понедельникам нет амбулаторного приема, но в этот день производились операции стационарным больным, число которых доходило до пятнадцати-двадцати. Особенно много было глазных операций: снятий катаракт и пластических операций на веках при трахоме. Но приходилось принимать в этот день и амбулаторных больных в экстренных случаях, а также не знавших о том, что по понедельникам нет приема. Отказа в приеме никогда не бывало. Рабочий день медицинского персонала начинался в восемь часов утра и продолжался до шести-семи часов вечера, не считая экстренных вызовов и обращений по вечерам и ночам. Лекарства приготавливались этим же медицинским персоналом. Это было обычным типом, как я потом убедился, работы земского медицинского персонала. Жалованья врач получал сто рублей в месяц при бесплатной квартире и отоплении, фельдшера тридцать — тридцать пять рублей в месяц. Какая-либо частная практика и вообще плата за медицинские советы земскими врачами в сельских участках принципиально отвергалась.

Через два-три дня выехали на оспопрививание. Мы разделили врачебный участок приблизительно поровну: я взял сто пять деревень. Деревни были небольшие и расположены очень близко одна от другой, на расстоянии одной-трех верст, самое большое расстояние между деревнями в моем участке было шесть верст. Ввиду этого, я решил обойти свой район пешком. Начинал я свою работу рано утром, часов с шести, и продолжал до захода солнца, отдыхал во время еды и переходов между деревнями: за день обходил и прививал оспу в трех-пяти деревнях, в зависимости от их размеров; прививал всем детям и желающим взрослым. Такое поголовное привитие оспы впервые было произведено в этой местности. Ранее оспопрививанием занимались участковые фельдшера и «оспенники» из местных крестьян. Среди населения оказалось много непривитых. Население, привыкшее уже к медицинской помощи, охотно соглашалось на привитие оспы; только в нескольких отдаленных деревнях кто-то распустил слухи, что будут ходить «скубенты» (студенты) по деревням и портить детей, и в этих деревнях не хотели было давать прививать оспу. Пришлось убеждать. Когда я стал говорить, что нас послал для этого доктор Степан Николаевич, то меня прервали: «Степан Николаевич послал! Так ты бы сразу так и сказал: если послал Степан Николаевич, так, значит, плохого тут нету».

Дальше я обыкновенно с этого и начинал, и дело шло без помех. Насколько популярно было среди населения имя С. Н. Корженевского, я убедился еще из такого случая: к одной крестьянке приехала в гости ее родственница из дру-

гого уезда и рассказывала при мне ей о своих болезнях, что она много лечилась и что ни врачи, ни «бабки» ей не помогают, и она решила поехать к отцу Ивану Кронштадтскому, популярному тогда «чудотворцу». А собеседница говорит ей: «Зачем тебе ехать к Ивану Кронштадтскому? У нас есть свой Иван Кронштадтский — доктор Степан Николаевич, он тебе лучше поможет».

Кроме оспопрививания, приходилось нередко давать и медицинские советы и прописывать рецепты, по которым больные получали лекарство у ближайшего участкового фельдшера. Пройдя четыре курса медицинского факультета и проработав в течение прошлого лета в нижегородской губернской земской больнице, я уже разбирался в простых случаях и помогал обращающимся ко мне, как умел; в более сложных случаях я советовал обратиться в больницу в Берново. Крестьяне относились ко мне хорошо, с доверием, особенно видя, что я не езжу, как барин, а хожу пешком с котомкой за плечами из деревни в деревню, останавливаясь в первой попавшейся избе, питаюсь вместе с хозяевами, «чем бог послал». Крестьяне охотно беседовали со мной; я их расспрашивал об их житье-бытье, вел разъяснительные беседы, но от агитационных речей воздерживался, помня предупреждение о настороженности местной полиции. Крестьяне этого уезда жили по преимуществу отхожими промыслами, работали на фабриках в Твери или ходили на заработки главным образом в Петербург в качестве маляров, штукатуров, плотников. Основной доход давал этот заработок на стороне. Хозяйство в деревне было подсобным; в нем работали по преимуществу женщины, дети и старики. Недород прошлого года, поразивший двадцать губерний, не коснулся Тверской губернии, так что кричащей бедности не было заметно. Помещичьи хозяйства в моем районе мне не попадались. Бывшие помещичьи хозяйства были или распроданы, или сданы в аренду крестьянам, а леса проданы тверским фабрикантам, преимущественно Морозовской тверской мануфактуре.

Помехой в моей работе были «храмовые» праздники. Когда я приходил в села и деревни, где был храмовой праздник, то заставлял картину поголовного пьянства — пили старики, женщины, поили детей, поили всех присутствующих; большого труда стоило мне отстоять право не пить водку при настоячивых упрашиваниях, а потом чуть не при насильном вливании ее. Праздник продолжался обычно не менее трех дней и захватывал одновременно все деревни данного прихода. Иногда я принужден был уходить из этой местности до окончания праздника, чтобы потом вернуться снова сюда. В течение месяца при интенсивной работе мне удалось обойти все сто пять деревень моего района и привить в них оспу. Я возвратился в Берново, чтобы сообщить о своей рабстве врачу. От-

дохнув там дня два, я вновь поехал в свой район, чтобы выяснить результат прививки.

На этот раз я уже ездил: нанял лошадей у какой-то старушки и объехал мой район дней за десять-двенадцать. Прививка оказалась очень успешной, и крестьяне остались довольны моей работой. При этой поездке мне говорили, что вслед за мной многие деревни объехал урядник и расспрашивал крестьян, о чем я беседовал с ними.

Окончив эту поездку, я приехал в Берново и жил там еще несколько дней, составляя отчет о своей работе и посещая приемы Степана Николаевича. Кроме своей чисто лечебной деятельности, он вел и санитарно-просветительную работу, ведя беседы со своими больными о санитарно-бытовых вопросах. Эти беседы не были бесследны, в чем я убедился хотя бы из отношения населения к оспопрививанию, а также из разговора о чудесах Ивана Кронштадтского.

С. Н. Корженевский не представлял какого-либо исключения среди земских врачей, напротив, это был хотя и выдающийся, но все же типичный земский врач.

В настоящее время у нас господствует самое превратное представление о земской медицине, и я считаю полезным дать здесь хотя бы самое краткое описание состояния земской медицины в 90-х годах прошлого века.

Земское самоуправление по положению 1864 года было введено в течение второй половины 60-х годов в тридцати четырех губерниях Европейской России (из пятидесяти губерний, не считая Финляндии, Кавказа и Польши). Земство получило от дореформенных «приказов общественного призрения» медицинскую часть в самом плачевном положении. В губернских городах и в большинстве уездных были больницы. Но что это были за больницы? Народ называл их «морилками» и шел туда в самых крайних случаях — умирать. В уездах был обычно один врач, так называемый «уездный лекарь», в городах полагался еще «городовой врач», по обыкновению эти обязанности совмещались. На этом единственном враче в уезде лежали все медико-полицейские функции и заведывание городской больницей. Для крестьян врачей не полагалось; для помещичьих крестьян вообще не было медицинской помощи, а для государственных и удельных были учреждены сельские фельдшера, причем их было очень мало и уровень их квалификации был крайне низкий.

Земства начали реформировать доставшуюся им медицинскую часть, или, вернее, совершенно заново ее создавать. Уезды были разделены на участки, вначале обыкновенно на два-три, в них строились больницы, приглашались врачи, фельдшерский и акушерский персонал.

Расходы земств на медицину быстро росли: с двух милли-

онов рублей в 1871 году они дошли до восемнадцати миллионов в 1895 году¹. Число земских врачебных участков в земских губерниях дошло до двух тысяч, число земских врачей — до двух тысяч пятисот (из них женщин-врачей около пяти процентов), самостоятельных фельдшерских пунктов — две тысячи пятисот, фельдшерского и акушерского персонала — до восьми тысяч. Благодаря идейной тяге народнической интеллигенции к работе среди народа, нашлось достаточное количество идейных земских врачей, отдававших все свои силы этой работе. Они сумели подойти к населению и скоро переломили то недоверие и боязнь, которые народ питал к дореформенным лекарям. И правильно сказано в указанном сборнике, что, «как только среди крестьян явился земский врач с душевной готовностью оказать помощь в болезнях, то они не замедлили отнестись к нему с доверием и в такой степени занять все его время, что часто он едва успевал наскоро пообедать и несколько часов соснуть». И далее говорится: «В короткий сравнительно промежуток образовалась в России совершенно новая корпорация земских врачей со своими особыми профессионально-общественными целями, стремлениями и задачами». И надо сказать, что эта корпорация, не оформленная, но фактически сложившаяся и очень активная, много содействовала прогрессу земской медицины.

В земствах постепенно вошло в обыкновение созывать губернские съезды врачей. На этих съездах трактовались вопросы улучшения постановки медицинского дела в губернии, проведения в жизнь оздоровительных мероприятий, борьбы с эпидемиями, улучшения условий жизни трудящихся масс. Таковы вопросы, занимавшие съезды врачей. На съездах принимался ряд конкретных пожеланий, обращаемых к земствам. Врачи постепенно добились организации в большинстве земств коллективных органов — уездных и губернских санитарных советов, куда наравне с земскими гласными входили врачи данного земства. Эти советы подбирали медицинский персонал в своих губерниях и уездах. Случалось, что врачи в случае неудовлетворения земствами их требований поддерживали их коллективным уходом из уезда, и врачебные места, оставленные этими врачами, объявлялись на некоторое время под бойкотом. Кроме того, врачи сумели создать нечто вроде всероссийского объединения под флагом Пироговского общества врачей, созывавшего периодически (года через три) Пироговские съезды врачей, на которых широко ставились вопросы общественной медицины и санитарии. Пироговские съезды свои постановления имели обыкновение формулировать в виде «ходатайств» к правительственным учреждениям, но

¹ «Русская земская медицина», Москва, 1899 г.

правительство обычно оставалось глухим к этим «ходатайствам»: 80 процентов их не имело никаких результатов, большинство их осталось даже без ответа. И, наконец, девятый Пироговский съезд в 1904 году демонстративно постановил не возбуждать более никаких ходатайств перед правительственными учреждениями. Но это был уже канун революции 1905 года.

В результате работы земств и врачей — работы прогрессивной русской общественности — создана была земская общественная медицина — оригинальный тип лечебно-санитарной организации, не известный в Западной Европе.

В неземских губерниях (пятнадцать губерний Европейской России, Кавказ, Польша, Сибирь, Средняя Азия), где медицинской помощью ведали правительственные учреждения, медицинская помощь сельскому населению была организована значительно хуже. Она стала вводиться гораздо позже, только в конце 80-х годов, число участков по отношению к населению и пространству было значительно меньше (раза в два-три), и они работали менее интенсивно, более бюрократически.

Правительство вообще нисколько не помогало земствам в их медицинской работе и никак ее не объединяло, — напротив: оно ставило ей много препятствий. Прежде всего, оно препятствовало какому-либо объединению земской работы, боролось против быстрого увеличения земских смет (закон 1900 г. о предельности земского обложения), нередко не утверждало приглашенных земствами врачей, пыталось изъять у земств право управления лечебницами (лечебный устав 1893 г.) и т. д.

В результате разъединенности земств и отсутствия общих норм положение медицины и медицинского персонала в различных земствах было очень различно. Хуже оно было в реакционно-дворянских, лучше в либерально-дворянских и крестьянско-буржуазных земствах. В реакционных земствах не были организованы коллегиальные врачебно-санитарные советы, и подбор врачей производила сама управа.

В общем результате земская врачебная работа и борьба, которую пришлось вести врачам, нелегко им давалась: часть врачей опускалась, запивала, нередко бывали самоубийства врачей. Вересаев в «Записках врача» приводит факт, что за 1889—1892 годы десять процентов смертей среди земских врачей падает на самоубийства, и, конечно, это колоссальный процент. И тем не менее текучесть земского персонала была в общем невелика, особенно в передовых земствах. Я знаю много случаев, что врачи в течение двадцати-тридцати лет сидели на одном участке, пользуясь большой любовью и уважением населения.

Что касается вспомогательного медицинского персонала, то первое время он пополнялся преимущественно плохо подготов-

ленными, так называемыми ротными фельдшерами. Но постепенно они заменялись более подготовленными учениками земских и городских фельдшерских и акушерских школ. Среди них было также немало людей, беззаветно и идейно отдававших своему делу. Женщин среди них был значительно больший процент, чем среди врачей.

В политическом отношении земские врачи в этот период (первая половина 90-х гг.) были неактивны в связи с общим политическим застоем этого времени. По своим взглядам они были в большинстве либеральные народники, в редких случаях революционные народники, но и в последнем случае их политическая работа сводилась к заведению немногих связей среди учителей и отдельных передовых крестьян. В следующие годы, начиная с начала 900-х годов, в связи с общим политическим оживлением, земский медицинский персонал значительно политически активизировался, полевел, но об этом я расскажу в свое время. В то позднейшее время мне пришлось в другой обстановке встретиться и с С. Н. Корженевским, а пока я с ним распрощался и уехал в Нижний.

ГЛАВА XV НА ХОЛЕРЕ

Приехал я в Нижний в начале июня. Еще по дороге дошли до меня вести о появлении холеры в низовьях Волги, о погромах врачебных холерных пунктов в Астрахани, Саратове, Хвалынске, убийствах врачей и фельдшеров. Погромы эти были вызваны нелепейшими распоряжениями администрации, вызывавшими панику и вместе с тем крайнее озлобление населения, направившееся на ни в чем не повинный врачебный персонал. Началось с задержки в карантине десятков судов на Каспийском море, на девятифутовом рейде близ Астрахани. Пароходы были задержаны без доставки провианта и пресной воды на место карантина. Началась массовая гибель людей от холеры, от голода и жажды¹...

А дальше... «Всюду администрация брала дело в свои руки, — писал Короленко, — высылала возражателей и недовольных, приглашала «покорных» гласных и врачей лишь в качестве слепых исполнителей и затем принудительно осуществляла «указания науки» чисто полицейскими мерами, совершенно не считаясь с самыми ясными и законными требованиями жизни. Стоило врачам в Самаре и Саратове указать на то, что квас надо варить из кипяченой воды, как все квасные посудины на пристанях внезапно, точно бурей, были опрокину-

¹ Эти холерные ужасы описаны Короленко в очерках «В холерный год», в III томе Собрания сочинений, изд. Маркса, 1914 г.

ты полицией, и тысячи бурлаков вынуждены были пить грязную воду прямо из волжских затонов, как будто она была кипяченая, и всюду, где строился холерный барак, перед населением вставал призрак принудительного, при содействии полиции, водворения в это учреждение даже сомнительных больных и заболевших другою болезнью...

Результаты всем еще памяты: в Астрахани, в Дубровке, в Царицыне, в Саратове, не считая мелких городов и поселков, население жгло холерные больницы и бараки. В одном месте фельдшера облили керосином и зажгли, докторов и сиделок убивали, в Саратове убили реалиста Пемурова, который заступился за санитаря».

Нижний тоже лихорадочно готовился к встрече непрошенной азиатской гостью. Это совпало с подготовкой к всероссийской нижегородской ярмарке, которая открывалась 15 июля и которая вызывала огромное скопление народа в Нижнем. Обычно население города было тысяч шестьдесят-семьдесят; во время же ярмарки, говорят, доходило до полумиллиона. Приходила масса судовых рабочих, грузчиков, строителей; жили они все в плохих условиях, ели что и где попало. Несомненно, что среди них надо было ждать особенного развития холеры, среди них можно было ждать и взрыва бунтов и погромов.

Большое развитие холеры как раз накануне ярмарки могло серьезно подорвать ярмарку. Администрация поэтому приняла решительные меры, чтобы не допустить паники и бунтов. Борьбу с холерой возглавил губернатор Баранов, о котором я уже упоминал в связи с методами борьбы с голодом: захватить в свои руки распоряжение всеми средствами борьбы с холерой, что по закону было предоставлено органам городского и земского самоуправления; устранить фактически эти органы от распорядительных и контрольных функций, но привлечь их и общественность к совещаниям, широко допуская гласность и в этих совещаниях и в информации о принимаемых мерах борьбы. Получалась даже либеральная внешность действий губернской администрации, под которой царили бесконтрольность в расходовании средств, широкие хищения всей барановской клики. Борьба с холерой обошлась городу и земству в колоссальную по тому времени сумму.

Барановым были выпущены воззвания, в которых он грозил зачинщиков и подстрекателей повесить немедленно на месте, а участников беспорядков жестоко наказать. И вместе с тем в этих воззваниях говорилось, что принудительно никто не будет помещен в бараки, и давались наставления, как уберечь себя от холеры; дополнительно было объявлено об организации на ярмарке и пристанях дешевых столовых, чайных, баков с кипяченой водой и т. п.

Эти предупредительные мероприятия и гласность повлияли на население, и начавшаяся паника, выразившаяся было в нелепых слухах и бегстве приехавших на ярмарку рабочих, быстро прекратилась, и ярмарка прошла почти нормально.

Когда я приехал в Нижний, то там уже начался набор врачей и студентов для борьбы с эпидемией. Я записался в земские отряды. От земства возглавлял борьбу с холерой доктор П. П. Кашенко. Через несколько дней он вызвал меня к себе и сказал, что Баранов потребовал прикомандировать к нему одного студента для поручений по борьбе с холерой, и он решил послать меня. Перспектива работать при Баранове была неприятна и тяжела для меня. Я пробовал уклониться, но Кашенко сказал: раз взялись за борьбу с холерой, то придется работать там, где в данное время необходимо, а потому отказываться от какой-либо, даже самой неприятной, работы не следует. Пришлось пойти к Баранову. Он принял меня очень любезно, предложил поселиться у него во дворце и быть всегда вблизи него, чтобы днем и ночью он мог меня позвать и дать поручение. Обязанности мои состояли в разъездах по холерным баракам, по амбулаториям и в информации Баранова о всем происходящем. Он и сам часто везде бывал и возил меня с собой. Дела у меня в общем было немного, но тяготило близкое соприкосновение с этим «помпадуром». Он любил шум и блеск. За обедом у него собиралось большое общество: высшие чины губернской администрации, представители города и земства, иногда какой-нибудь приезжий петербургский чиновник. Баранов руководил беседой, любил пошутить, похвалиться. Не стеснялся говорить о своих «подвигах» во время русско-турецкой войны, хотя было общеизвестно, что вследствие ложного сообщения об этих «подвигах» он был предан суду и исключен из морской службы. Когда ему говорили, что он не бережет себя и ездит по холерным баракам, он говорил, что его ничто не берет, что вот и турки в него стреляли, и революционеры три раза стреляли, но пуля его не берет. Любил он также подчеркнуть, что его незаконные порки на ярмарке удостоились «высочайшего одобрения».

Надо сказать, что во время холеры в этом году он никого не выпорол; только распространителей слухов о том, что в бараках мортят больных, он послал работать в бараки в качестве санитаров, чтобы они сами убедились во вздорности распускаемых слухов. К политическим выслаемым и поднадзорным он, в общем, относился не плохо и, будучи на ножах с жандармским генералом Познанским, иногда оказывал им некоторое заступничество, когда Познанский прижимал кого-нибудь и притесняемый обращался на него с жалобой к губернатору. Так пришел к нему высланный семинарист Троицкий с

жалобой на то, что Познанский не разрешает ему давать уроки. Баранов сказал ему: «Ну, я ищу учителя к своим детям, давайте им уроки, ко мне он не придерется», и Троицкий получил хороший урок. Через некоторое время такую же штуку он проделал с пришедшим к нему высланным студентом Деспамесом. Бедняга был так умилен, что через некоторое время принял православие, и Баранов был у него на крещении «крестным отцом». Короленко, который его хорошо знал, так как его одиннадцатилетнее пребывание в Нижнем все время прошло при губернаторе Баранове, так его характеризовал в «Голодном годе»: «...человек даровитый, фигура блестящая, но очень «сложная», с самыми неожиданными переходами настроений и взглядов»,—и резче в другом месте: «Баранов мог произносить хлесткие речи и делать прямо эпические (в щедринском смысле) глупости на рокамболевской подкладке». А Кони характеризовал его коротко и ясно — «трагикомический шарлатан». Вот у какого помпадуря пришлось мне работать.

Недели через две у меня оказалось очень мало дела, так как борьба с холерой вошла в обычные рамки и эпидемия стала несколько ослабевать. Тогда я обратился с просьбой назначить меня куда-нибудь на пункт. Баранов сказал: «Вот ко мне обратился директор Сормовского завода с просьбой прислать врача для заведывания открываемым при заводе холерным баракком, и я решил послать вас». Я охотно принял это предложение и с радостью поехал в Сормово.

Там еще не было случаев холерного заболевания, но их ждали со дня на день, атмосфера была напряженная. Я принялся устраивать холерный барак на берегу Волги. Кроме заводского барака, в Сормове был еще земский барак, который был уже устроен и которым заведывал доктор Рожанский, опытный казанский врач.

Мы условились с ним никого из заболевших не принуждать ложиться в барак и лечить желающих на дому, причем Рожанский усиленно рекомендовал лечить холеру горячими ваннами или горячей баней, если больной захочет лечиться дома. Через короткое время меня позвали к первому больному, рабочему, заболевшему холерой. Я посоветовал взять больного в барак, но собралась большая толпа, которая вела себя довольно угрожающе и не хотела давать отправить больного в барак. Тогда я велел немедленно затопить баню и положить больного на жаркий пол, применил также все другие соответствующие меры, как-то: высокие теплые клизмы с танином, подкожное вливание физиологического раствора, впрыскивание камфары. Больному на другой день стало лучше. Этот первый случай произвел перелом в настроении, и дальше дело пошло уже гладко; больные охотно и с доверием ложились в барак, который быстро наполнился.

Я был в бараке один с фельдшером. Пришлось работать день и ночь, без перерыва. Две недели я не раздевался и спал урывками на кушетке в кабинете врача. На мое счастье, холера в Сормове протекала в более легкой форме, чем в Нижнем, и смертность у меня в бараке была очень небольшая, но силы мои истощались. Через две недели прибыл мне в помощь еще один студент. Мы стали дежурить через день, да и холера стала быстро убывать; через месяц уже перестали появляться новые случаи заболевания холерой, и барак был закрыт в конце августа. Сормовская заводская администрация была очень довольна сравнительно благополучным исходом эпидемии, и директор завода Воронцов взял с меня слово, что я приеду работать к ним на будущий год с весны, так как ожидалось, что холера вспыхнет и в будущем году с наступлением тепла. Я охотно обещал это сделать: кроме интересной работы, это сулило и хороший заработок. Кстати: платили нам на холере неплохо по тому времени — сто пятьдесят рублей в месяц, а сормовская администрация заплатила мне даже двести рублей в месяц.

Начало занятий на двух последних курсах медицинского факультета отсрочили в этом году до 1 ноября, и у меня было еще свободного времени месяца два, а я так разохотился на холерной работе, что взял еще место на пароходе, где были обязаны на время эпидемии иметь врача или студента.

Я и поступил на большой американский пароход «Миссисипи», который курсировал между Нижним и Астраханью, и успел сделать на нем три рейса. На пароходе работать было легко и интересно. Интересна была собственно сама поездка в Астрахань и обратно, медицинская же работа была небольшая и случайная: холерных больных было совсем немного, мы их везли до первого холерного барака и сдавали туда. На пароходе я подружился с машинной командой, вели разговоры, беседы. Одного масленщика, немца-колониста, я совернул на революционный путь, но больше встретиться с ним мне не пришлось. Дочитывал и конспектировал при этой работе еще первый том «Капитала».

ГЛАВА XVI

НА ПЯТОМ КУРСЕ. ЗИМА 1892—1893 ГОДА. ПЕРВЫЕ МОСКОВСКИЕ МАРКСИСТЫ. РАСШИРЕНИЕ СВЯЗЕЙ С РАБОЧИМИ

Около 1 ноября приехал я в Москву. Пошел к своим знакомым марксистам. Они в это время были усиленно заняты переводами марксистской литературы с немецкого. Переводы эти потом пускались по рукам в рукописях. Я набросился на эти марксистские статьи и за год много перечитал.

Расскажу об этом первом московском марксистском круж-

ке или, вернее, группе, так как группа состояла из нескольких кружков в собственном смысле этого слова. Скажу прежде всего, почему я называю эту группу *первой московской марксистской группой*.

Как известно, имя Маркса и его сочинения, главным образом первый том «Капитала», были популярны среди русских народников 70-х и 80-х годов. «Капитал» был издан в России в 1872 году издательством Полякова, тесно связанным с чайковцами. Это был первый перевод «Капитала» на иностранный язык. С тех пор имя Маркса не сходило со страниц легальных и нелегальных русских журналов. Часто имя Маркса и его учение популяризировались в нелегальных брошюрах для рабочих и крестьян («Сказка о копейке», «Сказка-говоруха», «Царь-голод»). Известно приветствие, посланное Марксу, как революционному вождю, партией «Народной воли». Некоторые группы конца 70-х и начала 80-х годов называли себя даже марксистами; так это было с некоторыми группами лавристов в Петербурге и Москве. Казанские народники конца 80-х годов называли себя тоже марксистами, как я уже упоминал. Все они неправильно понимали Маркса: одни признавали его экономическое учение, но не признавали историко-философских и политических выводов из него; другие признавали и то и другое, но с эклектическими «поправками», совершенно извращавшими его учение; третьи готовы были целиком признавать его учение, но только для Западной Европы и Америки, а для России считали его неприложимым; четвертые признавали его приложимым и для России, но... только через некоторое время: дайте нам сначала пошатнуть самодержавие посредством террора, добиться от него хотя бы кудой конституции, а там пожалуйста, ведите пропаганду среди рабочих, организуйте их в социал-демократическую партию.

Из множества отзывов о Марксе и его учении приведу только два мнения лидеров народничества в начале 80-х годов — Лаврова и Тихомирова. Лавров, эклектик и идеалист, считал себя тем не менее марксистом, и вот, что он пишет в № 3 «Вестника народной воли» за 1884 год: «Марксизм—самое замечательное философско-историческое построение, которое выработано за последние полвека. Имя Карла Маркса настолько вплетено в борьбу классов нашего времени, что для беспристрастной оценки его учения еще не могло настать время!» И далее: «Я твердо убежден, что нынешняя программа деятельности русских революционеров может быть совершенно определена и точно связана с этими существенными основами научного социализма, несмотря на внешние различия постановки задач, которые кажутся многим такими огромными». Значит, по его мнению, всех русских революцио-

В. И. Ленин

П. Н. Скворцов

Л. Б. Красин

И. П. Гольденберг

М. Ф. Владимирский

неров того времени, когда уже появилась группа «Освобождение труда», можно примирить и слить в одну партию, так как различия между ними только внешние. А Лев Тихомиров писал в том же «Вестнике» № 4 за 1885 год: «Маркс открыл тайну европейской революции. Его слова являются откровением для пролетария и страшным *memento mori* (помни о смерти) для буржуа. Но на русских буржуа и революционеров он производит не то впечатление... Маркс, вообще хорошо знакомый с Россией, видел близость русской революции, но он не претендовал на объяснение исторического развития русского общества... для Европы он не только великий ученый, но и политический вождь. У нас он не имеет этого последнего значения». Просто и ясно!

В частности, в Москве имя Маркса было хорошо известно в начале 80-х годов. Группа молодых экономистов, оставленных при университете, — Чупров, Иванюков, — признавала экономическое учение Маркса. Иванюков в своей диссертации, которую он публично защищал при Московском университете в 1881 году, целиком солидаризировался с экономическим учением Маркса, но отмежевывался от революционных выводов, которые делает из его учения «улица». На этом диспуте выступил из публики студент-медик пятого курса П. П. Викторов с блестящей речью против Иванюкова. Он доказывал, что, наоборот, так называемая «улица», то есть революционный пролетариат, понимает и истолковывает правильно Маркса и не отделяет экономической части его учения от революционно-социалистической, а рассматривает их как нечто целое¹. И все-таки, несмотря на такое выступление, Викторов был не марксист, а лаврист, каковым он и считал себя всю жизнь (умер в Москве в 1929 г.).

Большую работу по ознакомлению с марксизмом провела в первой половине 80-х годов группа московских «милитаристов» и ее отпрыск — «Общество переводчиков и издателей». Эта группа издала в 1884 году литографским способом сочинение Плеханова «Социализм и политическая борьба», Энгельса «Научный социализм» и «Анти-Дюринг», Маркса «Наемный труд и капитал», «Гражданская война во Франции» и «Манифест коммунистической партии», Аксельрода «Письмо к товарищам».

Казалось бы, это была марксистская группа, но... главной и ближайшей своей задачей она ставила не организацию рабочего класса в социалистическую партию, а работу среди военных, организацию военного заговора с целью захвата власти, — установка чисто бланкистского типа. Характерно

---

¹ См. об этом выступлении П. П. Викторова в «Пролетарской революции», № 6—7 за 1923 год.

еще следующее: из этой большой группы не вышло потом ни одного марксиста, ни одного социал-демократа, а вышли народовольцы, эсеры, либералы. Только В. Т. Роспопин написал впоследствии две-три статьи экономического характера в марксистском духе, но он вскоре, еще в 80-х годах, умер. Да еще Циммерман стал марксистом после ссылки во второй половине 90-х годов, в это же время он был народовольцем. Этому обстоятельству, то есть что члены группы не были впоследствии марксистами, я придаю большое значение, ибо кто прочно стал ортодоксальным марксистом, тот не так легко отходил впоследствии от марксизма. Примеры, конечно, такого отхода бывали, но у отходивших всегда можно было отметить и в то время, когда они считали себя марксистами, элементы неортодоксальности, элементы уклонов от ортодоксии. Это можно сказать и об Аксельроде, и о Плеханове; у последнего такие элементы уклонов можно было отметить во все периоды его работы.

Подводя итог отношений народников к марксизму, мы приходим к выводу, что все оттенки народничества, несмотря на свои утверждения, что они признают в той или иной мере учение Маркса, никогда его правильно не понимали, всегда извращали и по существу всегда были противниками марксизма; отвлекали революционные силы на ложные и вредные для революции пути — то на путь индивидуального террора, то на путь военного заговора, и даже когда они работали среди рабочих, то они, хотя и давали рабочему революционный толчок, но и отвлекали его в то же время от его прямой задачи — работы по созданию социалистической рабочей партии.

Марксистские группы, возникавшие в 80-х годах в России, не были свободны от народнических пережитков. Это можно сказать как о петербургской группе Благоева, так и о группе Бруснева, о котором я уже упоминал.

В Москве, после провала «милитаристов» осенью 1884 года, в течение 80-х годов мне неизвестно ни одной марксистской или даже марксистскообразной группы; о них не упоминается ни в «Обзоре важнейших дознаний», ни в мемуарах. В «Обзоре» упоминается за это время только несколько раз о марксистской литературе, отобранной при обыске. Так, в 1884—1885 годах у нескольких рабочих была найдена программа группы «Освобождение труда»; у Варенцовой в 1887 году было отобрано сочинение Энгельса «Научный социализм», но Варенцова тогда, по ее же словам, была еще народоволкой; у А. И. Рязанова¹ в 1889 году была отобрана

¹ Аркадия Ивановича Рязанова, о котором мне еще придется говорить, не надо смешивать с Д. Б. Рязановым (Гольдендахом), исключенным из партии за измену партии.

книга «Наши разногласия» Плеханова, которая послужила толчком для него, чтобы стать марксистом.

И вот только в самом начале 90-х годов, в 1891—1892 годах, в Москве образуется настоящая марксистская группа, применившая целиком, без оговорок, учение Маркса—Энгельса к русской действительности. Конечно, это не был еще марксизм-ленинизм в позднейшем, большевистском понимании. Но наша московская группа имела счастье подвергнуться и влиянию В. И. Ленина во время его посещений Москвы в январе и летом 1894 года и прежде всех ознакомиться с его первым произведением, формулировавшим первые основы ленинизма.

Во всяком случае эта группа полностью и целиком признавала, что Россия встала на тот же путь капиталистического развития, как и другие капиталистические страны Европы и Америки, и что этот путь приводит ее к тем же последствиям, то есть что у нас уже образовался класс пролетариев, который начал пока еще стихийную борьбу с капиталистами, и наша ближайшая задача — пойти в эту пролетарскую массу с пропагандой идей революционного марксизма, чтобы помочь ей организовать рабочую социалистическую партию, задача которой повести систематическую борьбу с капиталистами и защищающими самодержавие, сбросить самодержавие, бороться за осуществление так называемой программы-минимум, а затем повести борьбу за осуществление программы-максимум — социализма, который может быть осуществлен только при посредстве диктатуры пролетариата. О крестьянстве полагали в общих чертах, что пролетариат должен вести за собой крестьянство, но о каких-либо подробностях аграрной программы тогда еще не говорилось. В этом вопросе было больше всего неясностей для группы, и только Ленин впоследствии дал четкое разрешение этого вопроса.

Не имела группа тогда еще определенных взглядов и на методы пропаганды и агитации среди рабочих и на способы вовлечения рабочего класса в экономическую и политическую борьбу, на способы и формы создания партии пролетариата. Все эти вопросы разрешены были впоследствии, но группа уже избавилась полностью от народнических предрассудков: решительно отрицала общину и артель, как основы социалистического переустройства общественного строя, так же решительно отрицала индивидуальный террор, как метод политической борьбы, резко отмежевалась от всяких народнических группировок, чувствовала себя стоящей против них — на резко противоположных принципиальных позициях.

Как же создавалась эта группа и кто входил в ее состав?

Едва ли не самыми первыми определившимися марксистами в Москве были Григорий Николаевич Мандельштам и Григорий Моисеевич Круковский.

Г. Н. Мандельштам учился во второй московской гимназии. В 1887 году, не кончив курса, он вышел из восьмого класса и уехал в Париж, нелегально перейдя границу. В Париже поступил на медицинский факультет и познакомился с русскими эмигрантами, близко интересовался европейским рабочим движением; присутствовал на первом конгрессе II Интернационала летом 1889 года, но вскоре должен был уехать из Парижа в связи с арестами среди русских эмигрантов-террористов. Из Парижа он возвратился в Москву уже определившимся марксистом. Здесь он принял участие в кружке студентов, большей частью из окончивших вторую и третью гимназии. В кружок входили: Г. М. Круковский, кончивший в это время Высшее техническое училище, Н. Н. Шатерников, А. С. Розанов, Виктор Ванновский, К. К. Чекеруль-Куш, Я. А. Берман и др. Этот кружок работал в 1889—1890 и 1890—1891 учебные годы. В кружке изучали Маркса и русскую экономику. Под влиянием Г. Н. Мандельштама кружок стал принимать все более определенное марксистское направление. Из этого кружка особенно выделился Г. М. Круковский, который вместе с Г. Н. Мандельштамом усиленно изучал марксистскую литературу на немецком и французском языках. «Капитал» Маркса они одновременно читали на обоих языках и сличали французский и немецкий тексты.

Из этого кружка вышло несколько марксистов. Кроме Круковского и Мандельштама, — В. Ванновский — участник первого съезда нашей партии, Я. А. Берман — публицист-философ, умерший, будучи членом ВКП(б), несколько лет назад, А. С. Розанов — будущий (в 1894—1896 гг.) руководитель первой нижегородской марксистской организации. К зиме 1891—1892 года этот кружок распался: некоторые его члены окончили университет или техническое училище и разбрелись. Круковский получил место инженера на нефтеперегонном заводе Слиозберга за Даниловской заставой. В ноябре 1892 года он был по оговору Егунова арестован.

Г. Мандельштам и Н. Н. Шатерников сблизилась с кружком А. Н. Винокурова, который выделился из общего екатеринославского народнического кружка, определившись в 1891 году как кружок марксистский. В начале 1892 года они поселились «коммуной» на Площихе в составе Г. Н. Мандельштама, А. Н. Винокурова, его жены П. И. Винокуровой, К. К. Чекеруль-Куш, его жены Н. Куш и Я. Н. Шатерникова. Эта «коммуна» уже в апреле 1892 года подверглась полицейскому обыску в связи с распространением астыревских прокламаций, и Г. Н. Мандельштам (у него нашли много марксистской литературы) и Н. Н. Шатерников были арестованы. Мандельштам после нескольких месяцев тюремного заключения был выслан в Орел, а Шатерников вскоре умер. Осталь-

ные остались пока целы, и около них стали группироваться московские марксисты. Весной и особенно с осени 1892 года я сблизился с Винокуровым, сблизился с ним и брат Г. Н. Мандельштам, Мартын Николаевич, известный большевик под фамилией Лядов, который незадолго перед тем приехал в Москву из Митавы, где учился в реальном училище, и поступил конторщиком на небольшой заводик, которым заведывал Круковский.

Около А. С. Розанова образовался кружок его и моих однокурсников-медиков в составе И. И. Стеллецкого, К. Ю. Блюменталя и А. Н. Слетова, изучали «Капитал» Маркса и переводили брошюру Каутского «Экономическое учение К. Маркса». Кружок этот посещали Круковский и Мандельштам. Этот кружок распался после ареста Розанова (в ноябре 1892 г. по делу Астырева), выданного, повидимому, тоже Егуповым, который оговаривал всех, кого он знал и о ком слышал. Виктор Ванновский был арестован в апреле 1892 года по делу Бруснева и Егупова, с группой которых он поддерживал связь. Таким образом ряд первых марксистов был арестован и выслан из Москвы, прежде чем они успели начать работу. Полиция недурно вела свое дело!

Остановлюсь еще несколько на характеристике Круковского и Г. Мандельштама.

Как я уже упомянул, Круковский поступил инженером на нефтеперегонный завод, конторщиком к нему поступил М. Н. Лядов. В своих воспоминаниях Лядов¹, характеризуя Круковского в это время (то есть конец 1891 г.), передает такой разговор с ним: «Вечером после первого же дня работы я накинулся на Круковского. Как может он, человек, изучавший марксизм, так хорошо знающий про жизнь и борьбу заграничных рабочих, мириться со скотским положением, в котором живут и работают рабочие на подчиненном ему заводе. Он довольно спокойно мне ответил, что все это в порядке вещей. Россия — страна с недоразвитым капитализмом — находится еще в периоде первоначального накопления. Пролетариата настоящего еще нет, и нам, марксистам, долго еще придется ждать, чтобы создалась условия, при которых может сложиться классовое сознание рабочих, которое приведет их к борьбе. Марксистам сейчас активно вмешиваться в совершающийся процесс не приходится. Их дело — пока накапливать знания и терпеливо ожидать, пока доведенный до отчаяния пролетариат, все более пополняемый разорившимся крестьянством, вступит в стихийную массовую борьбу. Вот тогда наши знания и понадобятся, и мы преподнесем ему опыт западно-европейской классовой борьбы, дадим ему воз-

¹ «На заре рабочего движения в Москве», стр. 45, 1932 г.

возможность избежать ошибок, проделанных рабочими Запада. А пока, чем хуже, тем лучше...» Но на этой стадии пассивности он оставался недолго; уже встретивший его осенью 1892 года А. Н. Винокуров не слышал от него таких разговоров. Вскоре он был арестован тоже, повидимому, поговору Егупова, просидел два-три месяца в тюрьме и был выслан в Нижний-Новгород; там он уже деятельно работал в местной марксистской организации, занимался с рабочими и написал превосходную популяризацию первого тома «Капитала», которою и мы, москвичи, пользовались для пропаганды среди рабочих, сначала в рукописном виде, под заглавием «Беседы по политической экономии»¹, потом они издавались несколько раз в гектографированном виде.

Г. Н. Мандельштам был человек иного склада: он весь кипел революционной энергией. Наблюдавший кипучую общественную жизнь и рабочее движение в Европе, он не мог, конечно, высказывать такие взгляды, каких, хотя и кратковременно, держался Круковский. Он всегда рвался к революционной работе. Высланный в 1893 году из Москвы в Орел, он организовал там марксистские кружки среди интеллигенции и рабочих, наезжал часто в Москву и выступал здесь в дискуссиях в кружках и на студенческих вечеринках. В этих дискуссиях он удивлял своей большой эрудицией и умением удачно и остроумно формулировать свои мысли. Брат Григория, Мартын Николаевич Мандельштам-Лядов, вступил в марксистские ряды около этого же времени. Исключенный из четвертого класса второй московской гимназии с «волчьим билетом» за оскорбление инспектора, он окончил немецкое реальное училище в Митаве и по отбытии воинской повинности осенью 1891 года приехал в Москву; здесь его взяли в обработку его брат Григорий и Круковский, и скоро он сделался марксистом, отдаваясь этому учению с революционным пылом и энтузиазмом. По условиям своей жизни и работы ему больше других приходилось сталкиваться с рабочими, и он с самого начала стал совмещать изучение теории с практикой работы среди рабочих. О нем мне еще придется не раз говорить, а теперь хочу отметить, что вся семья Мандельштамов — замечательная семья. Отец у них был московским купцом, но разорился и умер, оставив без всяких средств большую семью. Росли они в большой бедности, и борьба за существование была у них нелегкой. Из этой семьи вышли четыре брата революционера-большевика. Кроме двух упомянутых, были еще Н. Н. Мандельштам (умер в 1931 г., будучи членом Московского комитета ВКП(б)), А. В. Ман-

¹ Напечатана в книге «Литература Московского рабочего союза», 1932 г.

дельштам (умер тоже большевиком в 1930 г.) и еще один брат, которого я не знал лично. Мартын Николаевич Лядов с тех пор и поныне (1939 г.) член ВКП(б).

Кроме вышеуказанных марксистов, одновременно в Москве сложился еще так называемый рязанский кружок марксистов, выделившийся из рязанского студенческого землячества. Землячество это было одним из передовых землячеств в конце 80-х годов. Тогда оно было в своем большинстве народо-вольческого направления. Но в 1890 году среди него стали выявляться марксисты, прежде всего Аркадий Иванович Рязанов и Иосиф Александрович Давыдов. А. И. Рязанов, сын рязанского наборщика, вначале при помощи какого-то благотворителя, а позже (с четвертого класса) сам зарабатывая уроками, окончил гимназию и поступил в Московский университет, который и окончил в 1890 году по юридическому факультету. Много занимался политической экономией и социологией. Чтение «Наших разногласий» Плеханова в 1889 году дало ему толчок по направлению к марксизму. Его близкий товарищ И. А. Давыдов, тоже рязанец, сын отставного николаевского солдата, учился в рязанской гимназии, в таких же приблизительно условиях, как и Рязанов; поступил затем в 1889 году в Московский университет; после «беспорядков» 1890 года был исключен из Московского университета и поступил в Дерптский. Но в Москву он приезжал часто на каникулы и подолгу жил здесь у своей сестры, бывшей тогда женой А. И. Рязанова. В Москве он часто выступал в землячестве и на других студенческих дискуссиях, нередко вместе с Рязановым. Под их влиянием из народо-вольческой группы рязанского землячества выделился марксистский кружок в составе: В. А. Жданова, его сестры С. А. Ждановой, С. К. Иванова (моего однокурсника), который меня и познакомил с марксистами, Н. Н. Лебедевой и других. К ним прикнюл студент-филолог Д. П. Калафати из Николаева, впоследствии делегат на втором съезде партии. Около Рязанова и Давыдова образовался ряд кружков, из которых потом вышло немало марксистов. Могу назвать Лосицкого (потом известного экономиста), Дурново, Кирпичникова, Смирнову. Последние трое потом принимали участие в московской рабочей организации. В зиму 1892—1893 года, когда я сблизился с вышеперечисленными лицами, они представляли организационно неоформленную марксистскую группу, имевшую в некотором роде два центра: первый — это квартира Винокуровых, где собирались более, так сказать, практически настроенные элементы, поставившие своей ближайшей задачей работу среди рабочих, — это два брата Мандельштама, супруги Винокуровы и я; другим центром была квартира Рязановых. Там группировались теоретики, работавшие главным образом сре-

ди интеллигенции. Но все мы были близко знакомы друг с другом, часто бывали друг у друга, и разногласий между нами не было.

В эту зиму московские марксисты были лихорадочно заняты переводами с немецкого и отчасти с французского марксистской литературы. Переводами занимались братья Мандельштамы, Круковский, Винокуров, Рязанов, Давыдов, Калафати. Редакторами преимущественно были Рязанов и Винокуров.

Немецкую марксистскую литературу, а также отчасти и русскую, в издании группы «Освобождение труда», мы получали из немецкого магазина Лидера-Поста в Петровских линиях. Владелец магазина посредством взяток чиновникам и других махинаций умел обходить цензурные рога́тки и пускать в обращение по двойной цене довольно значительное количество запретной в России марксистской литературы. Мы, насколько возможно, пользовали этот источник, пока полиция не прониюхала этот путь и не пресекла его.

Года за два было переведено большое количество марксистской литературы¹. Переведены были: сочинения Энгельса «Анти-Дюринг», «Положение рабочего класса в Англии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Жилищный вопрос» и «Теория и практика бакунистов»; далее — Каутского «Эрфуртская программа» и «Восьмичасовой рабочий день»; Либкнехта «Знание — сила»; Бебеля «Женщина и социализм» (отдельные главы); Блоса «История французской революции» и «История германской революции 1848 года»; Лориа «Экономические основы социального строя» (отдельные главы); Лафарга «Религия капитала», «Развитие собственности» и «Экономический материализм»; Жюля Гэда «Коллективизм»; Гауптмана «Ткачи»; Вильчевского «Родовое общество» (с польского).

Кроме этих произведений, был переведен ряд брошюр из немецкой популярной серии «Рабочая библиотека»: Макса Шиппеля «Профессиональные рабочие союзы» и «Экономические перевороты и развитие социализма»; Кампфмейера «Борьба немецких типографчиков» и «Кустарная промышленность Германии»; Краузе «Опыт истории антисемитского движения».

Лично я не занимался переводами: я был много занят в университете, пятый курс которого я проходил в эту зиму, а переводчиков находилось и без меня достаточно, но я с жадностью читал все эти переводы, которые в рукописях пускались по рукам, а в подлиннике я читал тогда немецкий марк-

---

¹ Об этом подробнее в книге «Литература Московского рабочего союза». Материалы и документы, стр. 29—30, изд. «Московский рабочий», 1930 г.

систский теоретический журнал «Die Neue Zeit», который мы тоже получали довольно регулярно.

Вторым делом московских марксистов в это время была устная пропаганда марксизма среди московской интеллигенции, которая велась как в небольших кружках, так и на более широкой арене путем докладов и выступлений в землячествах и на студенческих вечеринках, часто устраиваемых в Москве в это время. Устраивались эти вечеринки на студенческих квартирах, снимаемых «коммуной», или на квартирах либеральных обывателей, или в школах, представляемых для собраний сочувствовавшими учителями, иногда в особых помещениях, сдаваемых под балы, свадьбы и тому подобное. Снимались эти помещения тоже под предлогом свадьбы большей частью фиктивной какой-нибудь студенческой пары, билеты на них распространялись по рукам среди интересующейся публики за небольшую плату; на вечеринках устраивались танцы и буфет; особая комната отводилась для разговоров. Вот на таких-то вечеринках в эти годы (1892—1894) все чаще стали выступать марксисты. Выступали Рязанов, Давыдов, Г. Мандельштам, Винокуров, Калафати. Я в эту зиму выступил в нижегородском землячестве с рефератом, выступал один-два раза в прениях и на других вечеринках, но в общем старался избегать выступлений среди интеллигенции и центр своей работы все более переносил в рабочую среду.

Первые выступления марксистов были встречены московской интеллигентской публикой очень враждебно. Против них была направлена вся тяжелая артиллерия тогдашней московской радикальной интеллигенции. В это время было особенно заметное оживление среди нее. Тогда как раз стала организовываться новая группировка, так называемая «партия народного права». Несколько старых народников — П. Ф. Николаев, Натансон, Тютчев, А. И. Богданович и др., наблюдая наступающее оживление общественной жизни, решили его использовать для возобновления революционной работы и объединить в одной организации все революционные и оппозиционные элементы интеллигенции, выставив главной целью организации борьбу с самодержавием, отодвинув пока на второй план социальные вопросы. Как тогда говорили о них, они решили до поры, до времени «спрятать в карман» свой социализм. К этой организации были привлечены и московские либералы, как-то: Гольцев, редактор «Русской мысли», и П. Н. Милюков, тогда молодой историк, приват-доцент Московского университета. В течение 1893 и начала 1894 года¹ среди московской интелли-

¹ В апреле 1894 года «партия народного права» была разгромлена, взята ее типография в Смоленске и арестованы почти все ее деятели. Больше о ней не было слышно.

генции и студенчества эта группа вела оживленную агитацию. К этой же организации примыкала и образовавшаяся в это время среди студентов «группа народовольцев», в которой деятельное участие принимал Виктор Чернов, будущий вождь эсеров, тогда молодой студент юридического факультета. Вся эта публика почувствовала в нарождающемся марксизме своего сильного врага и яро выступала против наших ораторов. Они и бессознательно, не понимая нас, и сознательно, не желая понять, взводили на нас всякие небывлицы и прежде всего то, что мы отвлекаем интеллигенцию от политической борьбы, тогда как мы на самом деле ставили себе задачей как раз вовлечь в политическую борьбу самый революционный (тогда еще революционный в потенции) класс — пролетариат, который, возглавляя все демократические элементы страны, только и сможет свергнуть царское самодержавие. Вот на эти темы — о политической борьбе, о судьбах русского капитализма, об особых путях исторического развития России, о роли личности и, в частности, о роли интеллигенции в истории — и шли тогда горячие словесные битвы марксистов с выступавшими против них единым фронтом народниками, народовольцами, народоуправцами.

Наша публика на всех этих диспутах не давала себя в обиду, держалась уверенно и решительно переходила от обороны к нападению. Помню диспут Милокова со студентом Калафати. Милоков старался доказать, что история России идет не тем путем, каким шла история Европы, что у нас не было феодализма, государство слагалось другими путями, не было борьбы классов, роль правительства была определяющей и создающей сословия в интересах государства. Эта надклассовость правительства особенно проявилась в освобождении крестьян, которое правительство провело в интересах государства, как целого. Калафати, много работавший как раз по русской истории, выступил с критикой этих взглядов Милокова. Он доказывал, что феодализм в несколько иных формах был и у нас, что русское самодержавие сложилось в борьбе с крупными феодалами, опираясь тоже, как и в Европе, на мелкое дворянство и на города, на Москву, на города северной Руси, как это видно из движения, во главе которого встал нижегородский купец Минин в Смутное время; что касается освобождения крестьян, то оно было произведено под давлением роста торговли и промышленности, а также и под страхом крестьянских бунтов, и притом оно было проведено так, что крестьяне были ограблены в интересах дворян-помещиков и их государства.

Как-никак мы, марксисты, были вооружены великой марксистской теорией, с высоты которой было не так-то трудно парировать удары народников и либералов. Мы были в бое-

вом, приподнятом настроении и с увлечением отдавались борьбе, уверенные, что мы победим наших противников и поведем за собой радикальную интеллигенцию. Наши тогдашние успехи в пропаганде среди рабочих, о чем я скажу ниже, давали нам еще большую уверенность в наших победах.

Хотя выступления марксистов были в то время только устными и притом в сравнительно узких кругах Петербурга, Москвы и некоторых больших городов, но легальная либерально-народническая печать всполошилась: появилось несколько статей в журналах против марксизма и новых русских марксистов. Нас высмеивали, извращали, называли «марксятами» и т. п. Полемика была на невысоком идейном уровне, наибольшей высоты она достигла в статьях Михайловского в «Русском богатстве». Но, чтобы показать современному читателю, насколько мизерен был этот уровень, приведу несколько наиболее характерных цитат из тогдашних статей Михайловского. Первая его статья, в которой он упомянул о русских марксистах, появилась в октябрьской книжке «Русского богатства» за 1893 год. В этой статье он употребил такое выражение: «Марксисты прямо настаивают на необходимости разрушить нашу экономическую организацию, обеспечивающую трудящемуся самостоятельное положение в производстве». Против этого утверждения протестовало несколько марксистов в личных письмах к Михайловскому, так как печатно протестовать было негде, ибо либерально-народническая печать упорно не давала места на своих страницах ни одной марксистской статье.

Ему писали харьковские марксисты (Липкин-Череванин), писал Н. Е. Федосеев¹. Михайловский тогда обрушился на марксистов в большой статье, появившейся в № 1 «Русского богатства» за 1894 год. В этой статье он продолжал свою полемику и свое извращение марксизма.

Так, излагая взгляды «господ марксистов», он писал, что они утверждают, что Маркс доказал, что, «если бы не то, что враги рабочих, а даже сами они не пожелали бы собственного благополучия, оно придет к нам помимо их воли, в силу имманентных законов исторической эволюции, и на развалинах саморазлагающегося капитализма водворится объединенный пролетариат».

Далее Михайловский объясняет причину успеха марксистов тем, что «ни для кого не тайна и никто не оспаривает, что уровень нашей умственной и вообще духовной жизни сильно понизился. Понизился уровень знаний, критической мысли, энергии восприимчивости, потускли идеалы, выступили разо-

---

¹ Их письма теперь напечатаны: Череванина — «Былое», № 23 за 1924 год, а Федосеева — «Пролетарская революция», № 1 за 1933 год.

чарования, образовалась некоторая пустота... и вот в эту пустоту вторгается немецкая марксистская литература: ясно, просто, логично, в четверть часа можно целую философию истории усвоить с гарантированной научностью. Притом для всех удобно: кто не хочет думать, для того уже все удумано, все разжевано и в рот положено, остается только проглотить; кто не хочет ничего делать, за того историческая необходимость все сделает; кого смущают «бедность и несовершенство жизни», тот узнает, что все это на пользу человечества и даже именно народа, того самого, который нищенствует и голодает; кому нужно непременно новое слово — вот оно, еще пятьдесят лет тому назад сказано».

В этой же статье Михайловский делит русских марксистов на три категории: 1) активные марксисты — это те, которые активно насаждают капитализм; 2) марксисты-зрители, которые спокойно созерцают процесс капитализации, и, наконец, 3) марксисты пассивные, которые желают только «облегчить муки родов», «хотя бы только итти следом за неизбежным процессом родов и, не интересуясь народом, на земле сидящим, сосредоточивают свое внимание и надежды на тех, кто историческим процессом уже отлучены от средств производства».

И вот приходилось читать такие пошлости и не иметь возможности на них ответить печатно. Приходилось ограничиваться только устными выступлениями на собраниях. Писем мы не писали, считая это делом совершенно бесполезным. Исчерпывающий и уничтожающий ответ Михайловский получил несколько позже — от Ленина и Плеханова, о чем я скажу в свое время.

В это время я расширял и свои знакомства среди рабочих. Прокофьев и Семенов, о которых я говорил выше, познакомили меня постепенно с другими рабочими. Прежде всего с Дымовым, который работал раньше тоже в Брестских мастерских, а в это время переехал работать в Петербург и приехал на пасху в Москву. Это был молодой, но очень развитой рабочий, много читавший и уже несколько оторвавшийся от рабочей массы, на которую он смотрел как-то пренебрежительно, говоря, что ее трудно раскатать на какое-нибудь дело. Приходилось убеждать его, что надо работать, несмотря на трудности, в рабочей массе, стараться ее поднять до себя, а не смотреть сверху вниз. Другого типа человек был рабочий Константинов, уже цемолодой, участвовавший еще в 70-х годах в Петербурге в кружках лавристов. Он регулярно читал «Русские ведомости», прочитывал иногда вслух рабочим корреспонденции о европейском рабочем движении. В кружках он не участвовал, хотя созывал иногда своих приятелей и вел с ними беседы, но тут вступалась его жена и кричала: «Уходите, уходите, черти, вы царя убить хотите, вот вас всех за-

берут за это», и разгоняла этими криками собравшихся. Рабочий Немчинов тоже уже ранее был затронут народнической пропагандой и был замечен железнодорожными жандармами в сборе денег весной 1892 года в пользу арестованных служащих на Брестской дороге — Бруснева и других. Он был с виду очень скромный, даже простоватый человек, но с большим пропагандистским пылом, причем очень умело подходил к самым серым рабочим массам. О нем мне еще придется говорить. Слесарь Миролюбов с завода Грачева был обработан нами (Прокофьевым и мною); сначала он был религиозным парнем, но под влиянием бесед и нескольких прочитанных брошюр эта религиозность скоро исчезла у него, и он стал умелым и притом очень осторожным пропагандистом; сам подобрал кружок рабочих на своем заводе и стал с ними сообща читать даваемые нами брошюры.

Первое время я просто беседовал с моими новыми знакомыми рабочими по поводу прочитанных ими брошюр или статей из газет. Беседы не были систематическими. Постепенно у нас образовался кружок. Вот как описывает Немчинов первый рабочий кружок, в котором я занимался:

«На квартире Прокофьева нас собралось четверо: сам Прокофьев, Александр Баранцевич, Николай Антонович Миролюбов и я. С одним только Миролюбовым я не был знаком, он был с завода Грачева, находящегося на Пресне.

Баранцевича я знал хорошо еще до совместной работы в железнодорожных мастерских, так как мы с ним жили у одного и того же хозяина и в одно время. Завязался между нами разговор, мы горячо стали обмениваться мнениями и взглядами на наше рабочее положение, на возможности его изменения к лучшему, на тяжелую и опасную работу, которая предстоит нам на этом пути. Но все мы были молоды, стоявшая перед нами цель толкала всю нашу волю к действию. За этими разговорами время до прихода нашего руководителя прошло незаметно. Это был еще молодой человек, лет двадцати четырех, среднего роста, с легко пробивающейся бородкой и с серыми искрящимися глазами,—это был Сергей Иванович Мицкевич. Он просил нас не прерывать нашу беседу, потому что хотел послушать, о чем мы говорим. Поговорив немного, мы приступили к делу. Мицкевич начал излагать нам экономические обоснования нашей заработной платы, прибавочной стоимости, прибыли работодателя и причины их падения и подъема. Лектор читал по рукописи, но многое передавал и своими словами; после лекции происходил обмен мнениями. Я думаю теперь, что мы были неплохими учениками; многие из высказанных лектором мыслей бродили в наших головах, но не могли оформиться в стройную, последовательную систему. Из членов кружка, продолжавшего и дальше собирать-

ся, только мне было двадцать восемь лет, остальным товарищам не свыше двадцати пяти лет. Продолжая занятия в нашем кружке, мы организовали кружки из других товарищей-рабочих своих железнодорожных мастерских»¹.

В это время мы чувствовали большую нужду в популярной марксистской литературе для рабочих, но ее было очень мало в нашем распоряжении: всего по нескольку экземпляров брошюр издания группы «Освобождение труда», полученных через немецкий магазин. Вот эти брошюры: Дикштейна «Кто чем живет», Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих», «Речь Петра Алексеева», «Первое мая 1891 г. — четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге», «Чего хотят социал-демократы», «Речь коммунара Варлена перед судом». Вот, кажется, и все. К этому мы добавляли рукописные переводы немецких брошюр из серии «Рабочей библиотеки», Либкнехта «Знание — сила», отдельные главы из сочинения Бебеля «Женщина и социализм», Каутского «Труд и капитал». Но рукописные брошюры не могли читать малограмотные рабочие, для них они читались вслух более грамотными.

Большим успехом пользовались еще тетрадки с наклеенными вырезками из «Русских ведомостей» о европейском рабочем движении.

Весной 1893 года я поехал на пасхальные каникулы не в Нижний, как обыкновенно, а в Рязань, куда переехала моя мать с двумя братьями, окончившими военное училище и служившими в Рязани офицерами в Болховском полку.

В Рязани я встретил много знакомых студентов, тоже приехавших на каникулы, в том числе несколько человек из марксистского кружка рязанцев: В. А. Жданова, С. К. Иванова, его сестру, К. А. Боголюбова. Познакомился я также с Н. Л. Мещеряковым, в то время еще народовольцем, потом искровцем и большевиком.

Злостью дня тогда было появление книги Николая—она (Даниэльсона) «Очерки нашего пореформенного хозяйства», в которой он при помощи массы цифр доказывал, что русский капитализм беспочвенен, что он ведет только к разорению России и что единственный выход для России — это повернуть на другой путь; но какие силы могли повернуть ее на этот другой путь, он не указывал. Много оживленных разговоров и бесед было по поводу этой книги.

Другим крупным событием, о котором мы тогда узнали, была большая победа немецких социал-демократов при выборах в рейхстаг: они получили один миллион восемьсот тысяч голосов из семи миллионов пятисот тысяч всех голосовавших.

¹ Воспоминания Немчинова в сборнике «На заре рабочего движения в Москве», стр. 161, 1932 г.

Тогда мы ждали близкого социалистического переворота в Германии, который должен был оказать большое влияние и на Россию. А в России в то время тоже зародился марксизм, как показали выступления марксистов в Москве; начиналась работа среди рабочих в Москве, Петербурге, Нижнем-Новгороде и других городах. О Петербурге мы узнали это из брошюры «Первое мая 1891 г. — четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге», выпущенной группой «Освобождение труда» в Женеве и недавно нами полученной в Москве. Все это создавало у нас радостное, приподнятое настроение и стремление скорее приступить к активной работе среди рабочих.

ГЛАВА XVII

ЛЕТО 1893 ГОДА. ОПЯТЬ НА ХОЛЕРЕ. ВСТРЕЧА С
В. И. УЛЬЯНОВЫМ-ЛЕНИНЫМ

Недолго после Рязани побыв в Москве, я 15 мая поехал на холеру в Нижний, на Сормовский завод.

В свободное время из Сормова я ездил в Нижний—к Григорьеву и Скворцову. От них я узнал нижегородские новости. За год, как я не был в Нижнем, организация значительно выросла: увеличилось число связей среди интеллигенции и среди рабочих. В марте отметили десятилетие смерти Маркса собраниями и докладами по кружкам рабочим и интеллигентским; всего участников собраний марксистских кружков оказалось до девяносто человек.

Моим соседом по Сормову оказался Г. М. Круковский, высланный из Москвы. Он управлял небольшим заводиком горного масла, расположенным около Сормовского вокзала в Канавине. В помощь для заведения связей среди рабочих организация дала ему машинистом А. И. Парфенова, рабочего с Курбатовского завода. Вместе с ним они и работали в Канавине. Круковский писал в это время свои «Беседы»—популярную книгу Маркса. Я часто бывал у него этим летом.

Однажды застал у него П. Н. Скворцова, и мы долго беседовали о дальнейших судьбах рабочего движения. Насколько неясны для нас были еще тогда формы будущего рабочего движения, показывает та перспектива, которую нарисовал нам Скворцов: постепенно будет увеличиваться число рабочих, изучающих Маркса; они будут привлекать в кружки по изучению Маркса все новых членов; современем вся Россия покроется такими кружками, и у нас образуется рабочая социалистическая партия. Что она будет делать и как бороться, это представлялось неясным.

Я пытался завести связи с рабочими, но это было нелегко при моем положении врача. В Сормове в то время было около

тысячи рабочих, многие из них были старожилками на заводе, имели свои домики, были консервативно настроены. Познакомился через жену директора, которая занималась там небольшой культурной работой, с несколькими молодыми и довольно развитыми рабочими, но они увлекались пением в церковном хоре, и я не сумел к ним подойти с той стороны, с которой хотелось. У нижегородских марксистов тогда не было еще связей в Сормове. Тот кружок, который завел там еще в 1890 году Гуревич, рассеялся, и связи порвались. Парфенову с заводика гарного масла тоже не удалось завести тогда связи в Сормове. Только уже позже, в 1894 году, такие связи завелись через чертежника Гевардовского.

В августе этого года мне пришлось познакомиться с Владимиром Ильичом Ульяновым; он тогда еще не был известен под именем Ленина. Произошло это так. В одну из своих поездок из Сормова в Нижний я зашел к П. Н. Скворцову и у него застал незнакомого человека, оживленно беседовавшего с ним и Григорьевым. Познакомившись, я узнал, что это Владимир Ильич Ульянов. В Нижний он заехал по пути из Самары в Петербург, куда собрался совсем перебраться на житье, заехал, чтобы познакомиться с П. Н. Скворцовым, которого он знал по его статьям в «Юридическом вестнике», да и раньше слыхал о нем в Казани. Ильич расспрашивал о марксистской работе в Нижнем и Москве. Мне сказал, что в Москву переезжает его сестра Анна Ильинична со своим мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым, посоветовал познакомиться с ними и указал, как их найти в Москве. А сейчас, добавил он, я заеду по пути во Владимир, чтобы повидаться с Н. Е. Федосеевым, который сидит во Владимире в тюрьме, но которого должны выпустить на-днях. Как известно, с Федосеевым ему не пришлось тогда увидаться, так как освобождение его из тюрьмы задержалось на некоторое время.

Скворцов и Григорьев, которые хорошо знали Федосеева, говорили, что это замечательный человек, подающий большие надежды, много работающий. Только что получена была его работа в виде большой рукописи на тему падения крепостного права в России. В этой работе он полемизирует против книги профессора Иванюкова на эту же тему, против его внеклассовой либерально-народнической точки зрения на крестьянскую реформу и сам дает основательный марксистский анализ борьбы классовых интересов, выявившихся при проведении этой реформы и обусловивших ее половинчатый, компромиссный характер, обездоливший крестьянство и максимально обеспечивший интересы помещиков. Удивляло в этой работе большое обилие материалов, использованных Федосеевым: тут и четырехтомник Скребицкого, изданный за границей и представляющий собой сводку работ центральной

А. И. Елизарова

Д. И. Ульянов

Г. Н. Мандельштам

Г. М. Круковский

А. И. Рязанов

Н. А. Давыдов

и губернских редакционных комиссий по подготовке Положения 19 февраля, тут и официальные материалы, тут и мемуары деятелей реформы, тут и использование соответствующей беллетристики, как, например, «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина.

Удивительно было, что такая основательная ученая работа была сделана молодым человеком двадцати трех лет, исключенным из восьмого класса гимназии и с тех пор непрерывно находящимся в тюрьмах и ссылках. Материалы для работы доставляла ему его преданный друг и невеста — Мария Германовна Гофенгауз. Эта работа его осталась неоконченной и бесследно погибла после его смерти.

В беседе нашей с Ильичом мы касались многих вопросов: мы рассказали ему о наших знакомых марксистах в Москве и Нижнем, о нашей начавшейся работе среди рабочих, говорили о перспективах этой работы. Помню, что Ильич особенно подчеркивал необходимость создания прочных организаций, установления связей между городами. Для поддержания постоянной связи между Петербургом и Москвой он и дал мне адрес своей сестры в Москве, к которой он собирался время от времени приезжать и тогда видаться с москвичами. Говорили еще о рабочем движении на Западе, о борьбе с народниками, о перспективах развития капитализма в России и т. п., но подробностей беседы не припомню.

Было у всех нас какое-то приподнятое настроение: нас, марксистов, было тогда еще очень мало в России, но мы предчувствовали, что будущее принадлежит нам...

Так беседовали мы с Ильичом несколько часов, пока не пришло время ехать ему на вокзал. Он произвел на нас очень хорошее впечатление: чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина его суждений. Интересно отметить, что уже тогда проявилась его черта будущего организатора нашей партии — собирательство всех наличных революционно-марксистских сил, установление связей между марксистами, разбросанными в разных городах.

ГЛАВА XVIII

ОСЕНЬ 1893 ГОДА. НОВЫЕ СВЯЗИ: ЕЛИЗАРОВЫ, Е. И. СПОНТИ.
ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРВОЙ МОСКОВСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ ГРУППЫ
ДЛЯ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ СРЕДИ РАБОЧИХ. ПОЕЗДКА
В НИЖНИЙ. РАБОТА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В 1894—1896 ГОДЫ

В начале сентября я поехал в Москву, имея в виду готовиться к выпускным государственным экзаменам, которые в этом году по причине холеры были отложены до 1 ноября.

В Москве я первым делом пошел по указанию Ильича по-

знакомиться с Анной Ильиничной¹ и Марком Тимофеевичем Елизаровым, служившим в Управлении Курской железной дороги. С ними же жил тогда и брат Владимира Ильича — Дмитрий Ильич Ульянов², студент первого курса медицинского факультета. Я сразу сблизился с этой милой семьей и с тех пор поддерживал всю жизнь с ней дружеские отношения. Они оказывали нам за все время моей работы в Москве очень существенное содействие и передали мне ряд связей; у них же я встречал не раз Владимира Ильича. Анна Ильинична занималась переводами. Так она перевела с немецкого драму Гауптмана «Ткачи», которую мы издали на гектографе; драма эта имела большой успех у рабочих. Она написала также популярное изложение книги Дементьева «Фабрика»; эта брошюра ходила по рукам рабочих в рукописях. У них я познакомился с одним железнодорожным служащим — Окуличем, который имел связи среди рабочих. У Окулича же я вскоре познакомился с приехавшим из Вильно Евгением Игнатъевичем Спonti.

Спonti сыграл видную роль в московской организации, потому я остановлюсь несколько на нем. Спonti в 1887 году окончил военное училище и был направлен в чине подпоручика в Троицкий полк в город Вильно. Здесь он вступил с некоторыми своими товарищами по полку в кружок, которым руководил Иогихес Тышко, будущий вождь польской социал-демократии. В этом кружке Спonti стал марксистом. В 1889 году он был исключен из военной службы «за неисполнение приказаний начальства», после чего решил нигде не служить и целиком отдаться революционной работе. Он имел эту возможность, так как владел участком земли, который ему давал дохода шестнадцать рублей в месяц, на что он и жил. Сначала он начал заниматься с кружком польских ремесленников, потом около двух лет ездил и ходил по России. Его похождения по России, по его рассказам, напоминают по своему характеру путешествия Максима Горького, с которыми они почти совпадают хронологически (1890—1892 гг.).

---

¹ А. И. Елизарова в последующие годы (1895—1898) играла крупную роль в Московской партийной организации, она была центром связей организации: восстанавливала связи после провалов, связывала вновь приезжавших в Москву работников между собой и с рабочими; переводила с немецкого пропагандистские брошюры и сама писала популярные брошюры для рабочих и т. п. В 1898 году она вошла в состав первого Московского комитета, образовавшегося после первого съезда Российской социал-демократической рабочей партии (в Минске).

Умерла в 1935 году, оставаясь всю жизнь верным и преданным партийным работником — членом ВКП(б).

² Д. И. Ульянов, тогда уже юный марксист, организовал вскоре студенческий марксистский кружок, а затем стал работать и среди рабочих. В ноябре 1897 года, будучи на пятом курсе, был арестован по делу «Московского рабочего союза».

В 1892 году он возвратился в Вильно и продолжал здесь работать среди ремесленников. Но эта работа его мало удовлетворяла по своему масштабу, и он решил перебраться в центр русской промышленности—в Москву, что он и осуществил в августе 1893 года. Виленцами он был направлен к Окуличу, который и познакомил его с несколькими рабочими и со мной.

Спonti мне показался очень интересным человеком. Он много ездил по России, имел уже некоторый опыт работы среди рабочих, был знаком с польским и еврейским рабочим движением.

Я решил его ввести в наш кружок, для чего вскоре представился случай.

В конце сентября мы сговорились собраться у А. Н. Винокурова, который, как человек семейный, снимал отдельную квартиру на Пятницкой, в Большом Овчинниковском переулке. Собиралось нас шестеро: Винокуров, его жена Пелагея Ивановна, учившаяся тогда на акушерских курсах, М. Н. Лядов, С. И. Прокофьев, Спonti и я. К этому времени у каждого из нас были уже связи с рабочими. Винокуров занимался с Прокофьевым и Семеновым с Брестской железной дороги, кроме того он познакомился с наборщиками из типографий Кушнарера и Синодальной. Около Пелагеи Ивановны складывался кружок из ее однокурсниц, которые начали заводить знакомства среди работниц, занимаемая в воскресных школах. У меня были знакомства, о которых я говорил в прошлой главе. Два-три кружка были у Лядова. Он познакомился с кружком рабочих на заводе Вейхельдта, у Курского вокзала¹. Среди этих рабочих особенно выдавались Константин Бойе и Саша Хозецкий. Другой кружок у него был на ткацкой фабрике Михайлова в Замоскворечье; этот кружок был организован ткачом Федором Поляковым, который имел, кроме того, большие знакомства среди московских текстильщиков. Спonti, который недавно приехал в Москву, тоже имел уже знакомства через Окулича среди рабочих. Собравшись в этот вечер у Винокурова, мы подытожили свои связи с рабочими; они оказались для начала немалыми. Перед нами вставал вопрос, что же делать нам дальше с нашими связями, с нашими кружками.

Спonti рассказал нам, как ведется пропаганда в Польше. Там есть центральная группа, строго законспирированная, которая ведет все рабочее дело в Польше. Эта центральная группа имеет около себя ряд рабочих кружков, через которые она ведет широкую агитацию, распространяя среди рабочих популярные агитационные брошюры и прокламации. Для

¹ Где теперь клуб имени Кухмистерова.

образца он привез в Москву переводы на русский язык нескольких таких брошюр, это были: «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочий день», «Рабочая революция» и «О конкуренции». Первые три были в рукописях, а последняя в литографированном виде. Брошюры эти были очень хороши — популярны, агитационны и очень доступны даже для малограмотных рабочих.

В Вильно, рассказал он, тоже ведется значительная работа, преимущественно среди еврейских ремесленников, так как там нет больших фабрик и заводов: через виленцев можно наладить получение нелегальной литературы, так как у них есть связи с границей.

Обменявшись мнениями по поводу сообщенных Спонтни сведений, мы решили создать в Москве организацию для постановки систематической пропаганды и агитации среди московских рабочих. Центральной группой решили считать присутствовавшую на этом собрании шестерку. Решено было хранить в тайне образование нашей группы, решительно никому не говорить ни о создавшейся группе, ни тем более о ее составе. Имевшиеся у нас связи среди марксистской интеллигенции и прежде всего кружок Рязанова, Давыдова, Калафати и др. решили и впредь использовать для переводов литературы и привлекать желающих из них к занятиям в рабочих кружках, но пока никого не вводить в центральный руководящий кружок; в него постановили вводить кого-либо только по единогласному решению всех членов шестерки. Решили мы также возможно шире заводить связи с рабочими, организовывать кружки, держать друг друга в курсе своих связей с рабочими, передавать их тем, кому из нас удобнее вести в данном районе, и т. д. Для обслуживания литературой рабочих решили усилить получение популярной нелегальной литературы из немецкого магазина; переделать привезенные Спонтни брошюры для русских рабочих и стараться наладить их воспроизведение тем или другим способом. Наметили также завести правильную связь с виленцами, чтобы через них получать из-за границы литературу.

Так создалась первая московская марксистская организация для пропаганды и агитации среди рабочих. Это было 28 сентября (старого стиля) 1893 года.

До сих пор оформленной организации у нас не было; был только круг знакомых марксистов-интеллигентов, были у отдельных лиц знакомства и кружки среди рабочих. Теперь такая организация создалась. С этого момента началась в Москве организованная марксистская революционная работа среди рабочих. С этого времени, вплоть до Февральской революции 1917 года, не прекращалась эта подпольная революционная марксистская работа. Сколько ни было провалов, как ни ста-

ралась полиция вырвать с корнем эту организацию, но ей это не удавалось никогда: после провалов разорванная цепочка немедленно восстанавливалась. Борьба временами затихала и глубоко уходила в подполье, но никогда не прерывалась совсем. Поэтому эту «шестерку», образовавшуюся в сентябре 1893 года, можно считать первой зачаточной ячейкой московской партийной организации. Характерно, что из шести членов ее трое до сих пор (1939 г.) состоят членами ВКП(б) — Винокуров, Лядов и я, а четвертый — С. И. Прокофьев — умер в 1936 году, состоя тоже членом партии.

Лядов в своих воспоминаниях¹ относит образование этой руководящей группы к весне 1893 года и считает в числе ее членов, кроме перечисленных, еще К. Бойе и Ф. Полякова, но то и другое неверно. Во-первых, о времени образования и составе этой группы одинаково вспоминали я, Винокуров и Прокофьев. Место ее образования — квартира Винокуровых в Большом Овчинниковском переулке. Это установлено тоже нашими общими воспоминаниями, а Винокуров в этом переулке жил с осени 1893 года. С Бойе я познакомился позже — в 1894 году, а Полякова я первый раз увидел в Бутырской тюрьме весной 1897 года. Возможно, что Бойе и Поляков были кооптированы в руководящую группу уже после моего и Винокурова ареста, в декабре 1894 года, когда остался на свободе Лядов.

Любопытно отметить, что образование этой группы совершилось под наружным наблюдением филеров (шпионов) московской охранки. Дело в том, что Винокуров был под довольно пристальным наблюдением охранки: он долго был членом союзного совета московских землячеств. В 1892 году, весной, в совместной с ним квартире были арестованы по астыревскому делу Шатерников и Григорий Мандельштам. Последний, высланный в Орел, часто нелегально наезжал в Москву и постоянно бывал у Винокурова. Осенью 1892 года были арестованы его близкие знакомые — Круковский и Розанов; к тому же он был хорошо знаком с А. С. Серебряковой, известной московской провокаторшей, о которой я расскажу ниже подробнее. Лядов и я тоже были на учете охранки. Итак, за нами следили, и вот, что значит в филерской записи от 28 сентября 1893 года²:

«28 сентября Винокуровых посетил Григорий Мандельштам. В четыре с половиной часа дня А. Н. Винокуров зашел к Каляфати и И. Павлицкому, от них он пошел к С. И. Мицке-

¹ «На заре рабочего движения в Москве», стр. 161.

² Филерская справка находится в Архиве революции и внешней политики в деле Московской судебной палаты за № 28, 1896 года, в трех томах «По обвинению лекаря С. И. Мицкевича и других в преступлениях, предусмотренных ст. 250, 252 и 384 (кружок социал-демократов)».

вичу, с коим затем и вышел, сопровождаемый еще мещанином Костромской губернии С. И. Прокофьевым; около университета Мицкевич отделился, и Прокофьев с Винокуровым пошли на квартиру к последнему, куда скоро явились Мартын Мандельштам (то есть Лядов), а потом и С. Мицкевич, который в 11 часов вечера вышел с С. Прокофьевым; распрощавшись, пошли по домам: С. Мицкевич — в дом Гириц,⁶ а С. Прокофьев — в дом Кудрявцева по Трындинскому переулку». Таким образом донесения филеров отмечают пять лиц, присутствовавших на этом собрании: хозяев квартиры А. Н. и П. И. Винокуровых и троих гостей — С. И. Мицкевича, М. Н. Мандельштама-Лядова и С. И. Прокофьева; шестое лицо — Е. И. Спonti, присутствовавший на собрании, не был отмечен филерами, так как, повидимому, был им еще неизвестен, как недавно прибывший в Москву. Конечно, филеры не знали, что это было за собрание, ибо если бы они знали, то не прервали бы вскоре наблюдения за Винокуровыми и всеми нами, что видно из отсутствия выписок филеров в деле с декабря 1893 года по ноябрь 1894 года и из книги Менъщикова «Охрана и революция» (т. I, стр. 245 и 246), в которой читаем:

«26 апреля 1893 года под наблюдение московских филеров вступили А. Н. Винокуров и его жена Пелагея Ивановна. Осенью (октябрь и ноябрь) слежка за ними сделалась хронической; она установила, что к числу ближайших знакомых Винокурова и его жены принадлежат: И. Давыдов, сестра его и ее муж А. Рязанов, а также Гр. Мандельштам, С. И. Мицкевич, З. И. Серебрякова, И. Немолякин, М. Н. Корнатовская и, наконец, сама А. Е. Серебрякова, которая нашла нужным почтить самолично рождение нового члена московской революционной семьи.

Благодаря своей «мамочке» (то есть А. Е. Серебряковой, — С. М.) охранное отделение знало, что квартира Давыдовых (то есть А. И. Рязанова, А. Д. Давыдовой и И. А. Давыдова, — С. М.) являлась школой экономического материализма; было известно также, что Мицкевич старался обзавестись связями среди рабочих и даже приобрел таковые в мастерских Московско-Брестской железной дороги, пользуясь содействием помощника машиниста С. И. Прокофьева.

Но Бердяев в это время был занят народовольцами, на которых надеялся пожать лавры, и поэтому молодой социал-демократии особого внимания не уделял.

Между тем отдельные признаки указывали на то, что интерес революционной интеллигенции к пролетариату и само рабочее движение стихийно и самочинно начинали расти в геометрической прогрессии.

Нельзя сказать, чтобы охранное отделение этого не заме-

чало, но сразу приспособиться к новой обстановке оно не могло. У него не было достаточной агентуры для всестороннего освещения революционного движения, рост которого направлялся вглубь и вширь».

Но как бы то ни было, несмотря на некоторую осведомленность охранного отделения о нашей работе среди интеллигенции и рабочих, нам удалось после нашего первого организационного собрания в сентябре 1893 года проработать еще около двух лет.

Правда, я и Винокуровы проработали тогда в Москве после этого только один год и два с небольшим месяца, но Лядов и другие интеллигенты проработали один год и десять месяцев, а рабочий центр, о котором я скажу ниже, почти два года. Но и за это сравнительно короткое время мы развернули большую работу среди московских рабочих и интеллигенции, пустили такие корни вширь и вглубь, что охранке не удавалось уже никогда вырвать эти корни.

После организации группы работа наша закипела. Мы перерабатывали польские брошюры, привезенные Спonti, применительно к русским условиям, переписывали и распространяли их, к переписке приспособили студентов и курсисток, а впоследствии и некоторых служащих, имевших хороший почерк. Круковский прислал из Нижнего свои «Беседы», представляющие очень популярное, доступное для рабочих изложение экономической теории Маркса¹. Эти «Беседы» мы положили в основу занятий в наших кружках. Для вводной беседы А. Н. Винокуров написал брошюру «Откуда взялись капиталисты и рабочие», в которой нарисовал картину первоначального накопления за границей и в России. Поставлена была задача организовать издание листков и брошюр на гектографе. Прежде всего поставили у себя гектограф студенты В. А. Жданов и С. И. Потехин, причем опять филеры отмечают, что Калафати передал гектограф Жданову 3 декабря 1893 года (Меньшиков, т. I, стр. 247).

Усиленно стали мы покупать и заказывать нелегальную литературу группы «Освобождение труда» в немецком магазине. Но этого было мало. Через Спonti заказали виленской организации доставить транспорт литературы из-за границы. Распределили для занятий кружки между собой и поставили в нескольких кружках правильные занятия по одному разу в неделю. Усиленно и успешно расширяли наши связи на фабриках и заводах.

Наше настроение значительно поднялось. Мы чувствовали себя уже не одиночками, работающими на свой риск и страх,

---

¹ Напечатаны в книге «Литература Московского рабочего союза», изд. «Московский рабочий», 1930 г.

но членами организации, работавшей по известному плану и ставившей себе определенные задачи. Мы вышли, наконец, из «утробного периода» на «свет божий» для широкой революционно-марксистской работы. Это был новый, третий перелом в моей жизни. В это время я поддерживал и расширял мои знакомства в Брестских железнодорожных мастерских, вел там кружок, о котором я уже упоминал. Имел также немало встреч и бесед среди интеллигенции. Выступал раз на одной большой студенческой вечеринке в Грузинах против культурников, которые говорили, что, конечно, вести революционную работу среди рабочих надо, но прежде надо поднять их культурный уровень, обучить грамоте, выпускать легальные популярные книги, работать в воскресных школах и т. д. Эту точку зрения отстаивал студент В. П. Кащенко, впоследствии известный профессор-дефектолог. Я возражал, говоря, что революционную работу надо начинать сейчас же, использовать для нее все культурные возможности, что неграмотные рабочие, затронутые пропагандой, стремятся научиться грамоте и учатся читать на нелегальных брошюрах, каковые случаи уже были в нашей практике.

19 декабря 1893 года, окончив сдачу государственных экзаменов, я получил диплом врача. После восьми лет работы (три года подготовки к аттестату зрелости и пять лет университета) я достиг своей цели. Конечно, я чувствовал известное удовлетворение и даже радость по случаю окончания университета, но та цель, ради которой я стремился к диплому врача, — пойти в деревню для культурнической и революционной работы среди крестьян, — теперь отпала. Мои устремления за это время радикально изменились. Теперь на первом плане стояла для меня революционная работа среди городских рабочих, работа, которой я решил целиком отдаться, и звание врача для этой работы уже не являлось для меня чем-то необходимым; мне нужен был только небольшой заработок, чтобы жить и чтобы он отнимал возможно меньше времени, все же остальное время отдавать своей основной работе.

С такими мыслями я ехал после окончания экзаменов в Нижний, где решил побывать, чтобы немного отдохнуть после экзаменов, повидаться с нижегородцами и поделиться с ними нашими новыми методами работы.

В Нижнем я собрал руководящую группу марксистов — П. Н. Скворцова, М. Г. Григорьева, Г. М. Круковского и высланного из Казани марксиста Н. В. Сигорского. Перед ними я изложил нашу новую точку зрения на работу среди рабочих, что надо переходить от пропаганды к агитации при помощи агитационных брошюр и листовок. Я привез, чтобы показать им, наши переделки польских брошюр.

До этого времени работа в Нижнем была чисто кружковая. В кружках изучалась марксистская литература. Агитировать на заводе рабочим, участвовавшим в кружках, не рекомендовалось, чтобы не привлечь внимания полиции и не провалить кружковых занятий.

На этом собрании, о котором я говорю, на меня обрушился Скворцов. Он сказал, что все эти брошюры и листки — вульгаризация марксизма, а потому они вредны; надо изучать Маркса в подлиннике, и он не считает рабочего социал-демократом, прежде чем он не проштудирует «Капитала» Маркса. Его поддерживал Сигорский, который заявил, что это — возвращение к старым и осужденным уже историей агитационным приемам «Народной воли», что эта гектографическая пачкотня представляет уже пройденный этап и не выдерживает критики с точки зрения конспирации; для занятий с рабочими достаточно легальной литературы и устных бесед в кружках.

Но не все отнеслись так узко доктринерски к моим словам: Григорьев и Круковский поддержали меня и сказали, что, конечно, надо постепенно переходить к этому методу работы в Нижнем.

Вскоре после этого собрания в Нижний приехал высланный из Москвы А. С. Розанов; он был арестован в Москве в ноябре 1892 года и провел это время частью в тюрьме, частью под «особым надзором» в Ливнах и в Москве. За это время он окончательно определился как марксист и решил целиком отдаться революционной работе среди рабочих. Он отнесся к большому интересу и сочувствием к моим сообщениям.

А. С. Розанов сыграл видную роль в первой нижегородской организации и был после ареста в 1894 году Круковского и высылки в мае того же года Григорьева в Самару признанным руководителем организации до ее провала в июне 1896 года. Григорьев пишет о нем в своих воспоминаниях: «В лице А. С. Розанова мои друзья и наше дело нашли все-сторонне образованного с глубоким умом и неутомимой энергией работника»¹.

Нижегородская организация была в постоянной связи с московской и постепенно перешла к агитации; так, из дела видно, что 19 октября 1894 года были разбросаны в Нижнем и Сормове прокламации. После этого прокламации уже неоднократно появлялись в Нижнем.

В этот приезд в Нижний я был на встрече нового года на вечеринке в квартире либерального адвоката С. С. Баршева. На вечеринке присутствовало большое количество нижегородской интеллигенции и учащейся молодежи. Развернулись

¹ После ареста в 1896 году и ссылки в Архангельскую губернию на три года А. С. Розанов уже не играл активной роли в революционном движении.

горячие бои между марксистами и народниками. Другая рабочая вечеринка происходила в это время где-то в Канавине, присутствовало человек двадцать рабочих; она прошла очень оживленно, говорились речи, чувствовалась горячая вера в торжество рабочего дела.

В начале января 1894 года я уехал в Москву. Больше мне не пришлось бывать в Нижнем в этот период.

О дальнейшей работе первой нижегородской организации до ее провала в 1896 году я знал, отчасти поддерживая деятельную связь с ней через нижегородцев-студентов в течение 1894 года, а потом из рассказов ее участников и из литературы.

За последующие два с половиной года (то есть до сентября 1896 г.) в Нижнем была проделана большая революционная марксистская работа. Кружки были на всех заводах, мельницах и типографиях. Выпускались прокламации, которые разбрасывались и расклеивались по городу, а также распространялась в довольно большом количестве нелегальная литература, которая доставалась через Москву и Петербург. Организация через студентов-нижегородцев вообще была хорошо связана с Москвой, Питером и Ярославлем (в последнем — со Стопани). С лета 1894 года среди нижегородских рабочих стал работать также народовольческий кружок во главе с народным учителем, потом статистиком Н. В. Романовым. Этот кружок, сначала горячо дискуссировавший с марксистами, в процессе работы среди рабочих все больше стал склоняться к марксизму и в 1896 году вел переговоры о слиянии с социал-демократами и вместе с ними праздновал маевку 1896 года. В тюрьме народовольцы Н. В. Романов и И. В. Цветков уже вполне определились как марксисты и впоследствии были видными работниками большевистских организаций. Из народовольческих рабочих того времени особенно следует отметить А. К. Петрова и М. А. Богаева, которых я знал впоследствии коммунистами.

А. К. Петров проявил большую энергию в пропагандистской работе среди нижегородских рабочих, стал потом марксистом и до конца своей жизни состоял в рядах ВКП(б). Написал интересные воспоминания о своей работе в Казани и Нижнем¹.

М. А. Богаев начал работать с 1892 года в первом рабочем кружке в Иванове, переехал в Нижний весной 1894 года, но продолжал работать одновременно в Нижнем и Иванове, часто наезжая в Иваново из Нижнего. Жандармы характеризовали его в 1897 году так: «Богаев представляет собой выдающуюся в политическом отношении личность как по своей

¹ «Пролетарская революция», № 6—7 за 1923 год.

энергии и отважности, так и обширности его сношений с лицами противоположительного направления». Можно вполне согласиться с этой характеристикой. После отбытия трехлетней ссылки в Оренбурге, где он тоже продолжал революционную работу, уже став марксистом, он в 1901—1903 годах сыграл большую роль как профессионал-революционер в организации и работе «Северного рабочего союза» — областной социал-демократической организации, которая охватывала Владимирскую губернию с городом Иваново-Вознесенском, Ярославскую и Костромскую губернии. В этом районе он побывал чуть ли не на каждой фабрике за этот период. Потом — снова тюрьма и ссылка в Сибирь¹.

Летом 1896 года, после большого собрания за Волгой в районе Сормова, на котором присутствовало до ста человек, нижегородская организация подвергается разгрому одновременно с народовольческой. Пятьдесят человек арестовываются. 7 сентября следует еще ряд арестов. Всего привлекается к делу по марксистской организации семьдесят два, а по народовольческой — шестнадцать человек. Основные работники после полуторагодового тюремного заключения были приговорены к трем-четырем годам ссылки. Несколько человек, как Кузнецов, Марышев, Колин, оказались предателями. Кузнецов, например, 13 августа 1896 года, то есть через два месяца после ареста, подал заявление о своем полном раскаянии и отказе от прежних убеждений, с клятвой никогда не заниматься нелегальной деятельностью и обещанием все подробно рассказать, только бы его скорее освободили из тюрьмы. И действительно, в целом ряде показаний он рассказал все самым подробным образом. Но большинство арестованных с честью выдержало свое первое тюремное испытание.

В то время как в Нижнем шла эта работа, питомцы первых нижегородских марксистских кружков работали в других городах: Сильвин, братья Ванеевы, сестры Невзоровы работали в Петербурге вместе с Лениным; Вигдорчик — в Киеве, был представителем от Киева на первом съезде партии в Минске; в Москве работали М. Ф. Владимирский, А. И. Пискунов, Лакур, я и некоторые другие; в Риге работали студенты-нижегородцы Марышев, Степанов, Горячев — среди рабочих Балтийского завода. И. П. Гольденберг в это время учится в Бельгии, пишет интересные корреспонденции о рабочем движении из Бельгии в «Русские ведомости» и готовится к своей будущей политической работе; рабочие Пятибратов, Шишкин, Лукомский, Беляевский переезжают в Самару и там вме-

¹ В 1905 году Богаев работал в Москве как организатор боевых дружин, в 1906—1908 годах он опять в Нижнем, где я и познакомился с ним. Затем вновь ссылка в Архангельскую губернию. Доселе (1939 г.) он член ВКП(б) с революционным стажем с 1892 года.

сте с Григорьевым закладывают основание первой самарской рабочей марксистской организации.

Г. М. Круковский недолго прожил после нашей последней встречи. Осенью 1894 года он получил приговор по своему московскому делу — шесть месяцев тюремного заключения. В тюрьме он заболел острым туберкулезом и вскоре после освобождения умер.

Так погиб в самом начале своей работы один из первых русских марксистов, человек талантливый, подававший большие надежды.

М. Г. Григорьев тоже недолго поработал в Нижнем после моего отъезда. Весной 1894 года он был выслан из Нижнего под гласный надзор в Самару, где при помощи вызванных им из Нижнего нескольких рабочих заложил основание первой самарской марксистской организации; она провалилась одновременно с нижегородской летом 1896 года.

П. Н. Скворцов после провала 1896 года отходит от практической работы; элементы доктринерства и кабинетности, бывшие у него всегда, дают себя знать все более, и он замыкается совсем в своем статистическом кабинете. Пробовал писать, но уже неудачно. После Октябрьской революции В. И. Ленин вспоминал о нем несколько раз и выражал желание его отыскать. Я узнал в конце 1922 года, что он находится в приюте для инвалидов в Смоленской губернии; поехал и отыскал его там, уже слепого и дряхлого старика, привез в Москву, где он был помещен в доме ветеранов революции. Там и умер 4 июня 1931 года.

Аресты 1896 года нанесли тяжелый удар нижегородской организации: вся верхушка организации была изъята. Организованная работа прекратилась года на два, но осталась «периферия» организации — отдельные интеллигенты и рабочие. Работа постепенно начинает оживать, и уже в 1898 году начальник нижегородского жандармского управления доносит департаменту полиции об усилении революционной марксистской работы в Сормове и Нижнем. «Вероятно, — пишет он, — в недалеком будущем придется свести счеты с вновь возникающим в Нижнем преступным обществом, более серьезным, чем организованный Кузнецовым кружок». Главные руководители этой новой, слагающейся организации были тоже участники первых марксистских кружков, — это сормовские рабочие Петр Заломов (прототип героя повести М. Горького «Мать»), Михаил Громов, интеллигенты А. И. Пискунов, Е. И. Пискунова и др.

Но их работа далеко выходит за рамки моих воспоминаний первого периода. Хочу здесь только подчеркнуть, что из всего рассказанного мною о Нижнем видно, какую значительную роль в истории нашей партии сыграли первые нижегородские

марксистские кружки и воспитанные в них нижегородцы-марксисты. Однако пора мне возвратиться к прерванному этой исторической экскурсией рассказу.

ГЛАВА XIX

ВЫСТУПЛЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА В МОСКВЕ И НИЖНЕМ.
МОЯ ПОЕЗДКА В ВИЛЬНО. ВИЛЕНСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

12 января 1894 года я возвратился в Москву. Здесь шли разговоры о недавней дискуссии на вечеринке приехавших из Питера — известного литератора В. В., автора «Судьбы капитализма в России», и выступившего против него петербуржца-марксиста. От А. И. Елизаровой я узнал, что здесь недавно был Владимир Ильич, который с большим успехом выступил против В. В., а теперь он проехал в Нижний. Я таким образом с ним разбехался и не был на его выступлениях ни в Москве, ни в Нижнем. Мне было очень досадно. Анна Ильинична рассказала мне тогда подробно об этом выступлении Ильича; этот рассказ она потом изложила в своей статье¹, в которой пишет:

«Я помню дебаты, принявшие скоро горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, невысокого роста, плотному, с лысиной, блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде в «красном углу», стал возражать Владимир Ильич.

Помню, что брат, тогда двадцатитрехлетний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов, заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово. Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но так же вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне, и враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно, если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили

¹ «Пролетарская революция», № 2(14) за 1923 год.

за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, стушевался.

Диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которых Владимир Ильич переубедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах».

М. П. Голубева об этом выступлении вспоминает: «Впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили как о новой звезде, появившейся на горизонте — одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой — что, мол, из этого будет».

Это выступление отмечено и в летописях охранки. Начальник московского охранного отделения Бердяев сообщает 20 января 1894 года наблюдения своих агентов за И. А. Давыдовым, который приезжал на каникулы из Юрьева в Москву:

«Вследствие отношения от 18 прошлого декабря за № 7271 имею честь уведомить департамент полиции, что студент Юрьевского университета Иосиф Давыдов за время проживания в Москве вращался исключительно среди лиц политически неблагонадежных. Кроме пассивного его участия на чисто студенческом вечере 12 сего января, агентуре известно, что он с увлечением дебатировал 9 числа сего месяца на конспиративно устроенной сыном коллежского асессора Николаем Ефимовым Кушенским вечеринке в доме Залесской (что на углу Воздвиженки и Арбатской площади). Присутствовавший на вечере известный основатель теории народничества писатель «В. В.» (врач Василий Павлович Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту задачу с полным знанием дела...»

И. А. Давыдов отрицает это свое выступление и свое присутствие на этой вечеринке. Либо он забыл о ней, либо агент охранки смешал его с кем-нибудь другим. Но во всяком случае интересен отзыв осведомителя, что В. И. Ленин выступил «с полным знанием дела».

После этого В. И. Ленин поехал в Нижний и там сделал доклад. Вот как вспоминает Григорьев об этом докладе¹:

«Местом прочтения В. И. Ульяновым реферата была выбрана небольшая квартирка Минодоры Егоровны Якубовской.

¹ М. Г. Григорьев — «Марксисты в Нижнем», — «Пролетарская революция», № 9 за 1924 год.

Учительница женского для благородных девиц института, М. Е. Якубовская, имея большое тяготение к народолюбцам, все же проявляла любознательность и к другим видам революционного движения. Слухи о брате Ульянова уже тогда доходили до широкой нижегородской интеллигентной публики, а потому интерес к реферату В. И. Ульянова был необычайный. Ввиду же тесноты помещения и по конспиративным соображениям, публики на реферате было сравнительно немного, и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил и П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели громадное впечатление, и среди присутствовавших не нашлось никого, смелого до возражений».

Несомненно, что эти выступления В. И. Ленина в Москве и Нижнем значительно подкрепили позицию марксистов в этих городах.

По возвращении Ильича из Нижнего в Москву я виделся с ним; мы побывали у Винокуровых на их квартире в Большом Овчинниковском переулке. Рассказали Ильичу о нашей работе.

Он очень внимательно и сочувственно слушал наши сообщения. Особенно настойчиво указывал он на необходимость скорейшего перехода к агитации в массах, говорил, что этот вопрос поставлен им также и в петербургской группе. Побыл он тогда в Москве недолго и скоро уехал в Питер.

После приезда в Москву передо мной встал вопрос, что мне делать с моим врачебным дипломом, где мне искать работу. Найти в Москве медицинскую работу нечего было и думать: тогда для того, чтобы получить место врача в Москве, надо было поработать при больнице сверхштатным ординатором без жалованья несколько лет. Понятно, что только люди состоятельные, преимущественно москвичи, имеющие здесь квартиру у родителей, могли выдержать этот бесплатный стаж в течение нескольких лет. Уехать сейчас из Москвы, когда у нас развертывалась такая большая работа, я решительно не хотел. У меня еще оставалось рублей двести, остаток от моих летних заработков, и я решил жить пока на эти деньги и целиком отдаться нелегальной работе, а там видно будет.

В конце января мы получили сообщение из Вильно, что для нас имеется транспорт литературы. На собрании «шестерки» решено было послать за ним меня, так как я был абсолютно свободен и мог поехать во всякое время. Я не медля выехал в Вильно.

По приезде в Вильно я должен был пойти на явку к зубному врачу Средницкой. Явки и пароли еще не практикова-

лись тогда в Москве; для меня все это было внове и казалось очень интересным и таинственным.

Прямо с вокзала я пошел на явку. Пришел рано утром. У зубного врача не было еще никого на приеме. Она приняла меня сразу. Я сказал пароль, она мне ответила и просила подождать прихода одного человека. Вскоре пришел молодой человек, с большой рыжеватой бородой. Он назвался Александром. Это был, как я узнал потом, Кремер, один из будущих вождей «Бунда». Он взял меня на свое попечение и отвел на окраину города, в полудачную местность, в отдельный домик, стоявший в глубине сада. Этот домик снимали несколько офицеров-холостяков. Александр сказал, что мне здесь придется прожить два-три дня, пока он приготовит для меня литературу.

Офицеры оказались своими людьми, товарищами Спonti, с которыми он участвовал вместе в кружке. Помимо двух офицеров: один был Иван Осипович Клопов, другой — Макар Иванович Ковалевский. Ковалевский перевел с польского те брошюры, которые привез нам в Москву Спonti. Клопов был в 1905—1906 годах видным работником нашей военной организации. О дальнейшей судьбе их я сведений не имею.

Когда я жил у них, была получена январская книжка «Русского богатства» со «знаменитой» статьей Михайловского против марксистов, о которой я уже говорил. Мы вместе читали и возмущались этой статьей. Заходил Александр. С ним вели интересные беседы. Он рассказал, что в Вильно социал-демократическая работа ведется уже несколько лет, главным образом среди еврейских ремесленников, что сколько-нибудь значительных фабрик и заводов в Вильно нет. Работа велась до сих пор чисто кружковая. Кружки многочисленные, они охватили все профессии виленских ремесленников. В кружках ведется и общеобразовательная работа, и изучение марксизма. Занятия проводятся на русском языке. Ремесленники занимаются в кружках по нескольку лет. В результате умственный и культурный уровень участников кружка значительно поднимается; их перестает удовлетворять участь ремесленного подмастерья, работающего тринадцать-четырнадцать часов за пять-восемь рублей в месяц, и они стремятся уйти от этой тяжелой участи: часть становится хозяйчиками, часть сдает экзамены на учителя, часть, и может быть лучшая, эмигрирует в Америку. Получается отрыв участников кружков от массы, и она остается незатронутой. Эта постановка удовлетворяет кружковцев, она соответствует групповым интересам верхушки ремесленных подмастерьев, и они горячо восстают под разными предложениями против перехода к агитации в массе на родном ее языке.

П. И. Винокурова

Е. А. Петрова

П. С. Мокроусова-Карпузи

С. И. Прокофьев

Е. И. Немчинов

Ф. А. Афанасьев

Ф. И. Поляков

Вскоре Александр доставил мне около пуда литературы группы «Освобождение труда», и я благополучно привез ее в Москву в начале февраля.

ГЛАВА XX

МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАЧИНАЕТ ПЕРЕХОДИТЬ
К АГИТАЦИИ. ПЕРВЫЕ ПРОКЛАМАЦИИ. ИХ ВЛИЯНИЕ
НА РАБОЧУЮ МАССУ. НАШИ ПЕРЕДОВЫЕ РАБОЧИЕ.
РУКОВОДИТЕЛИ-ИНТЕЛЛИГЕНТЫ. ЖЕНСКИЙ КРУЖОК

По приезде моем в Москву встал для нас в порядок дня вопрос о переходе к агитации. Эта идея в Москве носилась, так сказать, в воздухе. Здесь не было традиций замкнутой кружковой работы, как в Вильно, да и московские фабрично-заводские рабочие работали в иных условиях, чем ремесленники мелких мастерских Вильно.

Скопление больших масс пролетариата на громадных фабриках Московского района, тяжелые условия труда, особенно на текстильных фабриках, толкали рабочих на борьбу, которая и началась уже стихийно, проявляясь нередко в очень резких формах. Не говоря уже о более ранних стачках в 1880-х годах, из которых особенно известна Морозовская стачка 1885 года, как раз в это время московская промышленность, как и вся русская промышленность, переживала период подъема, и рабочая масса, подвергаясь особенно интенсивной эксплуатации, бурлила, и то там, то здесь стихийно вспыхивали иногда очень бурные стачки, как это было в 1893 году на Хлудовской мануфактуре, на Тверской мануфактуре и на нескольких других фабриках.

Ясно, что при таком настроении рабочей массы трудно было замыкаться в узко кружковую работу, и агитация в массе на почве ее ближайших экономических интересов ставилась сама собой в порядок дня.

Здесь, в Москве, в это как раз время «...встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению соц.-демократии»¹ (курсив мой, — С. М.).

Или, как Ленин в другом месте говорит: «...налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим»².

Итак, мы решили перейти к агитации в массах.

Первый опыт перехода к агитации сделал Спonti: в фев-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 537.

² В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 385.

рале или марте (1894 г.) он написал первые две прокламации, рассчитанные на широкую массу. Он написал их, иллюстрировал, а потом сам оттиснул на гектографе на своей квартире. Они очень характерны и до сих пор нигде не были напечатаны. Когда печаталась книга «Литература Московского рабочего союза» (1930 г.), то они не были еще найдены, а потому в этой книге помещены они только в жандармском изложении. Недавно Институт Ленина мне их любезно представил. Помещаю одну из них здесь, другую—в Приложении.

Разговор двух фабрикантов

— Сколько лет я уже стригу своих баранов, на их счет построил себе палаты каменные, скопил большие капиталы, а они, глупые, все еще величают меня благодетелем.

— Потихе, не так громко. Неравно услышат наши бараны да взаправду захотят сделаться из баранов разумными людьми, тогда прощай, наше беспечальное житье.

— Ну нет, я так думаю, что уж так на роду им написано быть глупыми рабами, жить в непосильных трудах, в постоянной нужде, а нас с тобой их, дураков, стричь да держать их в строгости да повиновении, смотреть в оба, чтобы, неровен час, ему, дураку, и в его глупую голову не втемяшилось чего неподобного. А за это мы с тобой отцами-благодетелями слышем, кормильцами, поильцами народа прозываемся, живем не работая, весело, едим-пьем сладко, горюшка не зная.

— Твоими бы устами да мед пить. Да слышь ты, сказывают, теперь времена уж другие, все пошло навыворот (шепчет на ухо): сказывают, в других странах народ бога совсем забыл, на хозяев своих ополчился, говорит: мы не скоты, чтобы на нас пахали да ездили. Будет, говорит, попили вы, благодетели, довольно нашей кровушки. Будет быть дураками. Довольно нас грабить. Дайте и нам вздохнуть. И мы тоже желаем жить, как подобает людям, а потому на такую плату, какую вы даете нам, не согласны, а желаем вот какую. Мы, говорят, не согласны убивать наше здоровье и жизнь на непосильной работе, а требуем, чтобы рабочий день был не одиннадцать, двенадцать, тринадцать часов, а часов восемь, к примеру; да это все, говорят, только для начала, а вот погодите, придет время, тогда мы фабрики и заводы, железные дороги, корабли, и землю и леса отыдем от вас и будем всем этим владеть всем миром — целый народ, и не будет тогда ни бедности, ни нищеты, а счастье и довольство по всей земле.

— Ну, до этого нашим баранам далеко, и нам с тобой бояться нечего. Наше дело, знай, стриги только почище, а они еще за это нас с тобою в благодетели произведут.

— Ох, твоими бы устами да мед пить. Ох, да мнится мне, что недолго и нам осталось барствовать и что наш русский рабочий не так уж глуп, как ты думаешь.

Эти две первые листовки носят общий характер, они не написаны по какому-либо конкретному поводу, но они агитационны и доступны для понимания самому серому рабочему. Они не ограничиваются узкими экономическими вопросами, но в них, особенно в той, которая помещена в тексте, выясняется в самой общей форме социалистическая программа: рабочие отнимают от капиталистов фабрики и заводы, железные дороги, корабли, землю и леса, и завладевает этим и управляет весь народ.

В конце марта или начале апреля (перед пасхой) появляется листовка уже по конкретному поводу — снижения расценок на заводе Вейхельдта (у Курского вокзала). Листовку эту написал М. Н. Лядов. Ее пока не удалось найти, сохранилась она только в жандармском изложении. Вот она:

«Она представляет собой три четвертушки белой писчей бумаги, склеенных вместе, образуя таким образом нечто вроде небольшой тетради, заполненных (кроме четвертой) текстом, скопированным, повидимому, на гектографе с подлинника, исполненного на пишущей машинке. Текст этот начинается словами: «Товарищи, наши заработки сокращают», и по содержанию своему представляет воззвание к рабочим фабрики Вейхельдта. В воззвании этом рабочие призываются к образованию общего союза и кассы, с тем, чтобы путем стачек общими силами вести борьбу с хозяевами по примеру зарубежных рабочих. Оканчивается воззвание так: «А достигнув этих требований (увеличения заработной платы и точного расценки), мы не остановимся на них и будем бороться за дальнейшее улучшение нашего положения, помня, что только в единении заключается сила и победа».

За этой прокламацией было выпущено еще несколько по разным конкретным поводам на той или другой фабрике.

Эти первые прокламации имели огромный успех среди московских рабочих, о них заговорили на фабриках и заводах, где они были распространены, прошли о них слухи и по другим фабрикам. Кое-где вспыхнули вызванные ими забастовки.

Вот как вспоминают о них рабочие-активисты. М. П. Петров, работавший в то время у Вейхельдта, пишет¹:

«Кружки самообразования нас мало удовлетворяли, необходимо было захватить массы. Для этого решено было расклеивать и распространять листки с небольшим текстом. Помню — был первый листок, на котором были изображены два

¹ «На заре рабочего движения в Москве», стр. 188, 1932 г.

буржуа, под ними текст разговора, сверху заголовок: «Разговор двух фабрикантов». Точно не помню этого текста, но в разговоре один жалуется другому на то, что его рабочие стали очень дерзки, а все это оттого, что появились социалисты. Несколько таких листовок нам удалось расклеить по мастерским, один из них долго продержался в «клубе», то есть в уборной. Эта форма агитации оказалась в высшей степени удачной и имела огромное влияние на рабочих. Вейхельдт при первой же забастовке воспользовался случаем и стал упрекать нас в том, что среди нас появились социалисты. Кто-то из задних рядов крикнул: «Что, Карлуша, или не по носу табак?» Вейхельдт бросился отыскивать крикнувшего. С другой стороны раздался крик: «Карлуша, за что ты социалистов не любишь?» Вейхельдт пришел в неопишемую ярость и заявил, что он закроет завод, потому что мы «своячьи и русская грязная свинья». На эту сцену мы ответили новой прокламацией «Как хозяин защищает свои права». Тут был представлен разговор хозяина с социалистами. Все это давало огромную тему для разговоров среди рабочих. Разумеется, черная рать тоже не дремала, и среди рабочих ходили слухи, что социалисты убили царя за то, что он дал свободу крестьянам, и теперь мутят народ, чтобы вернуть крепостное право. Эту сказку не представляло большого труда опровергнуть, и мы в одной из листовок разъяснили истинный смысл этих слухов. Такие листки так пришлись по вкусу товарищам, что они стали заведующих пугать такими прокламациями». Листки, появившиеся от организации, служили толчком к тому, что стали выступать со своим творчеством и одиночки, порой малограмотные, но уже втягивающиеся в классовую борьбу. Кстати, значение этой сравнительно небольшой забастовки у Вейхельдта, о которой говорилось в этой главе, известный Л. Меньшиков в своей книге «Охрана и революция» совершенно правильно оценивает¹:

«Несмотря на незначительность упомянутого события, я нахожу нужным его отметить, так как это было чуть ли не первый случай в летописи московского рабочего движения, когда осознавший себя пролетариат выступил в ногу со своими друзьями из социалистической интеллигенции. Как выяснилось несколько позднее, забастовка у Вейхельдта была вызвана агитацией, которую вели слесари завода А. Карпузи, Бойе; последние принадлежали к социал-демократической группе Винокурова и Мицкевича, выпустившей воззвание...

С этого момента рост московского рабочего движения шел параллельно, а несколько позднее и в тесной связи с развитием социал-демократических организаций, которые преимущественно и почти непрерывно стали возникать потом в столице».

¹ Меньшиков, «Охрана и революция», т. I, стр. 251.

Итак, наши первые листовки¹ сразу изменили масштаб работы: втягивалась широкая масса в орбиту агитации, легче стало заводить и организационные связи.

Наши передовики-рабочие развивали большую энергию в заведении новых связей. Особенно выдавались следующие товарищи:

С. И. Прокофьев, вошедший в «шестерку». Он скромно пишет о себе в воспоминаниях: «Я исполнял как бы должность почтальона — во все углы разносил литературу, бывал во всех кружках, создававшихся моими товарищами... Ввиду моих прежних обысков, я был очень осторожен, но с рабочими я знакомился смело. У меня насчет этого был хороший нюх. Литературы у нас нехватало. Приходилось хорошие статьи из газет вырезать, наклеивать на тетрадь и пускать в оборот. Работа кипела во-всю. Моя служба отнимала много времени, я не имел возможности совершенствовать себя, каждая минута была на счету. В свободное время я должен был идти то за Москва-реку к Листу, то к Вейхельдту; надо видеть и Сергея Ивановича (то есть автора этой книжки, — С. М.), и Александра Николаевича (Винокурова, — С. М.), достать литературу, разнести ее, да и дома заводились знакомства».

Прокофьев был тесно связан со мной, постоянно заходил за литературой, которой он требовал все больше и больше. Я давал ему и литературу группы «Освобождение труда», и рукописные брошюры и листовки, но ему все казалось мало. Он заводил связи, особенно по линии Брестской железной дороги и по железнодорожным мастерским. Скоро он связал нас с курскими и казанскими железнодорожными мастерскими. Его старый приятель И. А. Семенов, перешедший работать к Листу, а потом к Бромлею, не отличался такой бурной активностью, но систематически заводил связи и организовывал небольшие кружки на заводах, где работал. Зато другой его приятель, Е. И. Немчинов, был очень активен и заводил связи среди самых отсталых рабочих. К ним он особенно умело подходил. Вот как он сам и совершенно верно описывает свою работу²:

«Сама по себе установилась такая форма наших действий: Прокофьев, будучи помощником машиниста, поддерживал связи, доставлял литературу, вел пропаганду по службе движения, а в свободное время раздавал литературу знакомым рабочим в мастерских. Миролюбов вел работу, где работал,

¹ К сожалению, из листовок этого времени найдены до сих пор далеко не все. Всего найдено их двенадцать; напечатаны они в книге «Литература Московского рабочего союза», одна — в книге «На заре рабочего движения в Москве» (1932 г.), и две — в этой книге. Объясняется эта неполнота тем, что в это время у охранки не было еще агентуры на московских фабриках и некоторые листовки не попадали в руки полиции.

² «На заре рабочего движения в Москве», стр. 161.

на заводе Грачева (Расторгуевский переулоч, по Малой Пресне) и по другим заведениям этого переулоча. Я и Баранцевич работали в железнодорожных мастерских, вели пропаганду, раздавали литературу, подбирали товарищей в кружки: Эти товарищи собирались для занятий на квартиру ко мне или к слесарю Рогову, Сергею Ивановичу. Товарищи сравнительно охотно шли в кружки, но очень трудно было найти помещение: все боялись рисковать предоставлением квартиры. Сформировав кружок, приступаешь к его подготовке. Скажу по поводу подготовки несколько слов. Подобрать товарищей на большое количество кружков с такой подготовкой, какую имели члены нашего первого кружка (это не хвостовство), совершенно было невозможно (об этом первом кружке я упоминал уже, — С. М.), даже более того: я прямо утверждаю, что рабочие того времени в своей массе не понимали интеллигентского языка, и только благодаря кадру, так сказать, переводчиков из среды полунинтеллигентных рабочих могла наладиться работа. Итак, приступая к обработке кружка, принимаешь в расчет религиозность его членов, идолопоклонство перед царем и, самое главное, самоунижение, пришибленность духа перед сильными и богатыми. Принимаешь в расчет мастерскую, заработок и все мелкие недочеты мастерской. Вот с этих недочетов и начинаешь; они всегда чувствительнее, потому что напоминают о себе каждый день. Указываешь на скидку сдельных расценков на все работы, сделанную только потому, что рабочие постарались при сдельной работе и заработали вдвое более своей поденной ставки. Указываешь, как на выход из этого, требовать повысить поденную ставку; говоришь, что для этого нам нужно соединиться, действовать сообща, как по команде, что мы требуем только своего, так как все сделано нашими руками. И если даже все сумеем взять в свои руки, в этом греха нет, так как христиане вначале, когда жили по-христиански, имели общее имущество, работали сообща и ни в чем не нуждались. А еще, говорил я, управляют нами неправильно, потому что в евангелии (для большего доказательства я и евангелие с собой носил) сказано: «У язычников цари царствуют, вельможи вельможествуют, между нами да не будет так, но первый да будет слуга всем». Но разве о нас заботится царь, вельможи, все богачи? Нет, а раз нет, то и нам незачем работать на них, а давайте учиться, как скорее и лучше стряхнуть их. И приступаешь к чтению. Таков был мой подход к рабочим, первичный, так сказать, агитационного порядка. Затем к этим рабочим приходил С. И. Мицкевич. Он занимался с ними часа три (политэкономией), а потом выяснил наши мнения по поводу прочитанного и поздно вечером уходил. Раз Мицкевич, видя мою безудержность в деле организации новых кружков, гово-

рит мне: «Нужно повнимательнее присматриваться, а то мы влопаемся скоро и мало произведем работы».

Так вел дело Немчинов. В этом районе (ныне Краснопресненском) у нас была крепкая рабочая группка, состоящая из квалифицированных, энергичных и преданных товарищей.

Другая группка была на заводе Вейхельдта, оттуда члены ее с лета 1894 года рассеялись по другим московским заводам.

Во главе этой группы стоял токарь Константин Федоров Бойе. Это был очень развитой, интеллигентный рабочий, сын железнодорожного рабочего. Он окончил железнодорожное техническое училище; в это время ему было двадцать три года. Он давно вел знакомство со студентами, много читал. По виду он походил скорее на разночинца-интеллигента — с темнорусой бородкой, в шляпе; и на заводе звали его «скубентом», но относились к нему с уважением. У него была библиотека с книгами Писарева, Белинского, Глеба Успенского. Она послужила ядром общественной библиотеки при центральном рабочем кружке. Жил он в Москве целой семьей с младшим братом Федором, тоже токарем, и сестрой Марией, портнихой. Они также принимали активное участие в работе.

Снимали они отдельный мезонинчик на Черногрязской-Садовой, потом переехали на Немецкую улицу (ныне Баумановскую). Мы очень ценили Бойе как самого дельного организатора и руководителя. Около Бойе группировался кружок вейхельдтовских рабочих. Из них выдавался Саша Хозецкий — слесарь, сын псаломщика, окончил железнодорожное училище, талантливый юноша и смелый агитатор.

Упомяну еще о Михаиле Петровиче Петрове, по кличке «Беспальный». Он работал на Тульском патронном заводе. Там он познакомился с высланными из Питера рабочими Буяновым и Руделевым и под их влиянием стал революционером. Перебрался в Москву, здесь попал в 1891 году в кружок рабочего Федора Афанасьева, вызванного из Петербурга Брусиным для работы в Москве. После ареста Афанасьева осенью 1892 года поступил на завод Вейхельдта и познакомился с Бойе. Был очень дельным и инициативным организатором и пропагандистом: таковым остался на всю жизнь. Состоит ныне членом ВКП(б).

Осенью 1893 года в Москву приехал из Таганрога слесарь Андрей Дмитриевич Карпузи. Сын разорившегося таганрогского купца, он учился в городском училище, потом был конторщиком, вступил в народовольческий кружок; с целью сблизиться с рабочими пошел в слесаря. Из Таганрога переехал в Харьков, потом в Москву. Здесь он попал на завод Вейхельдта и познакомился с Бойе и с нами. Быстро встал на наши позиции и начал очень энергично работать. У него были: сестра курсистка и брат железнодорожный служащий. Через

них он завел знакомство среди интеллигенции. В то время рабочие начинали входить в моду у интеллигенции, и его начали водить по вечеринкам и студенческим собраниям. Нам, по правде сказать, это не очень нравилось, так как он от студентов таскал за собой «хвосты», то есть шпиков. Поселившийся с ним Спonti из-за этого перешел на другую квартиру, но, с другой стороны, он своей особой популяризировал, так сказать, рабочих среди интеллигенции. Карпузи и поныне (1939 г.) состоит в рядах коммунистической партии.

Работу среди текстильщиков организовывал Федор Иванович Поляков, так же, как Петров, побывавший в кружке Федора Афаңасьева. Его больше знал М. Н. Лядов, и я приведу здесь его характеристику Полякова:

«Поляков был очень талантливый человек. Он вырос на Раменской мануфактуре, где работали его мать и отец. В детстве его отдали мальчиком на ту же фабрику. Учился он урывками и, кажется, не кончил фабричной школы. У него рано явилась страсть к чтению.

Первое благотворное влияние на него оказал фабричный доктор, который, заинтересовавшись им, поместил его учеником в фабричную аптеку и снабжал его хорошими книжками. В аптеке он проработал недолго. Когда я с ним познакомился, он успел уже побывать чуть ли не на всех фабриках Москвы. Всюду вылетал с треском, потому что, где он ни работал, везде возникал конфликт с мастером или начальством. В этих столкновениях он выступал защитником какого-нибудь обиженного или разоблачал какую-нибудь несправедливость. Ему было тогда года двадцать три, но он уже пользовался широкой популярностью среди московских текстильщиков. Он еще мальчиком начал писать стихи и все мечтал напечатать их. У него было много знакомых среди студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Они считались тогда наиболее передовыми. Когда мы познакомились, Поляков еще насквозь был проникнут традициями старой «Народной воли». Несмотря на свою довольно серьезную начитанность, по всему своему облику он остался типичным мастеровым. О себе самом он не умел заботиться. У него была жена, но он не жил с ней вместе; у него не было своего постоянного жилья. Чаще всего он вселялся в какую-нибудь артель или казарму. В противоположность передовым рабочим того времени, он никогда не обращал внимания на свой костюм...

В работе он проявлял необыкновенную активность. Он проникал на все мануфактуры, у него были связи на Прохоровке, на Балашовской, Даниловской, Раменской мануфактурах, на мелких фабриках. Он всюду проникал, кое-где организовав кружок, передавал его кому-нибудь из нас».

Я лично познакомился с Поляковым уже в 1897 году в Бу-

тырской тюрьме; вместе ехал с ним по этапу до Красноярска. Я очень с ним сблизился. Он был приговорен в ссылку на три года в село Тасеево, Енисейской губернии. Там он сдал экзамен и служил фельдшером. Дейтельно переписывались до его смерти от чахотки в городе Минусинске в 1903 году.

Кроме Полякова, из текстильщиков был еще очень интересный человек — это Осип Васильев. В противоположность остальным нашим передовым рабочим, это был человек уже пожилой, лет пятидесяти. Он работал на шерстяной фабрике Филиппова на Покровке, близ церкви Нового богоявления. Осип участвовал в народнических кружках 70-х годов, знал Петра Алексеева¹, которому приходился дальним родственником. Он любил рассказывать про старину. Это был малообразованный, простой ум, но очень дельный агитатор, умевший подойти к самому серому рабочему. Он пользовался большим авторитетом среди рабочих, с которыми у него были большие связи. Он уже давно потерял связи с интеллигенцией, но постоянно вел самостоятельную устную агитацию среди рабочих и пользовался всяким случаем, чтобы резко порицать фабричную администрацию, попов, богачей, правительство. Хотя сам он был малограмотный, но книгу ценил и много и умело распространял и нелегальную и легальную литературу.

Кроме перечисленных рабочих, было у нас и еще немало дельных и энергичных агитаторов и организаторов. Вспоминаю часовщика Колчина, по прозвищу «Барбасон», слесарей Богомолова, Ананьева, Зиновия Лаврова, Гузакова из мастерских Курской железной дороги, ткача на фабрике Баулиных Василия Комарова.

Это был цвет московского пролетариата того времени. Почти все они до встречи с нами подвергались революционному или культурническому воздействию со стороны народнической интеллигенции, главным образом со стороны московского студенчества.

Надо сказать, что народническая пропаганда среди московских рабочих велась уже давно. Попытки пропаганды были еще в начале 60-х годов через воскресные школы. В 70-х годах пропаганду вели московские чайковцы, потом долгушинцы; за ними — в 1874 году группа пропагандистов, фигурировавшая на «процессе 50-ти», со знаменитой речью на нем ткача Петра Алексеева. В 1879—1883 годах некоторую работу среди рабочих вели народовольцы. В 1884—1885 годах появляются уже среди рабочих отдельные издания группы «Освобождение труда». В последовавший за этим глухой период

---

¹ Рабочий *Петр Алексеев*, известный по своей знаменитой речи, сказанной на «процессе 50-ти» в 1878 году.

реакции — с 1885 по 1892 год — систематической работы среди московских рабочих, повидимому, не велось, однако и в этот период интеллигенция, по преимуществу студенты и отчасти учителя, заводила кое-какие связи революционные и культурнические, преимущественно с более квалифицированными рабочими механического производства.

Слѣды всей этой работы остались: многие из перечисленных рабочих подверглись до встречи с нами революционно-народническим влияниям. Сделать из них марксистов социал-демократов не стоило большого труда. Наш подход к работе и вообще марксистская идеология, выражающая их насущные классовые интересы, быстро завоевывала их симпатии. Осип Васильев говорил Лядову: «Раньше действовали на наше чувство, учили нас ненавидеть. Вы учите нас понимать, что нас окружает. Это сделает нас сильными». Мне один рабочий говорил, что наш подход сравнительно с прежним, народовольческим, скорее приводит к цели развития сознательности у рабочего. «Несколько лет тому назад, — рассказывал он, — жил я в Туле, на оружейном заводе; там один рабочий стал мне говорить, что царя не надо, бога нет. Я слушал, слушал его, да как дал ему по роже — и ушел от него; а вот как я прочел ваши листки, то я понял все правильно и о капитале, и о царе, и о боге».

Вообще занятия в наших кружках были поставлены так, чтобы по возможности теснее связывать теорию с практикой. Когда мы по «Беседам» Круковского проходили основные положения экономической теории Маркса, то это изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни, почерпнутыми из литературы о положении рабочего класса в России и из сведений, полученных от членов кружка об условиях работы на фабриках и заводах, о длине рабочего дня, заработной плате, штрафах, притеснениях мастеров, деятельности фабричной инспекции и т. д. Таким образом теория связывалась с жизнью, с ближайшими и насущными нуждами рабочих. Затем выяснялась конечная цель рабочего движения — социализм — и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, свержение самодержавия. Говорилось много о борьбе зарубежных рабочих как за политические права, так и об их экономической борьбе, причем всегда и прежде всего внушалось рабочим, чтобы все, что они вынесут из занятия в кружках, они передавали бы своим товарищам по работе, чтобы они пользовались для агитации среди массы каждым мелким фактом из их повседневной жизни, чтобы они старались завести связи и на других фабриках и заводах.

Теперь посмотрим, что читали наши передовики-рабочие. Некоторые из них еще до знакомства с нами читали доволь-

но много народнической беллетристики — сочинения Златовратского, Успенского, Левитова, Решетникова, Мордовцева, а также книгу Михайлова «Ассоциации», статьи Шелгунова «О рабочем движении на Западе» и т. п.

Читали рабочие также переводную беллетристику: Беллами «Через сто лет», Золя «Углекопы», Шпильгагена «Один в поле не воин», Джованьоли «Спартак», Войнич «Овод», Швейцера «Эмма». Эту переводную беллетристику мы раздавали сами и рекомендовали приобретать в рабочие библиотеки.

В 1893 и 1894 годах вышло несколько легальных книг по рабочему вопросу — Веббе и Кокс «Восьмичасовой рабочий день», Ланге «Рабочий вопрос», Свидерский «Труд и капитал». Вышла еще серия брошюр Водовозовой «Жизнь европейских народов»; в них говорилось и о рабочем движении в европейских странах. Рекомендовались и распространялись и эти книги.

В это же время вышла замечательная книга Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет», представляющая собой итог статистического обследования фабрик и заводов Московской губернии. В ней отображены условия труда, заработка и быта московских рабочих первой половины 80-х годов. Сделано сопоставление с положением рабочих в Англии и Америке. Вышла эта книга очень своевременно, очень кстати. Она показывала на богатейшем материале, что к этому времени в России уже образовался рабочий класс, оторванный от земли, живущий целиком на заработную плату, многие рабочие работали на фабриках уже во втором и третьем поколениях. Это разбивало народнические предрассудки, что у нас рабочий не отпочковался еще от крестьянина, что не время говорить о самостоятельной партии рабочего класса. Книга вообще давала огромный материал для пропаганды и агитации и была широко нами использована в наших брошюрах и листках. А. И. Елизарова популярно изложила ее в виде небольшой брошюрки, которая распространялась в рукописи, да и сама книга читалась более развитыми рабочими.

Из нелегальной литературы читались те брошюры, о которых я упоминал уже раньше. Наиболее развитые рабочие читали и более капитальные вещи, как-то: «Наши разногласия», «Всероссийское разорение», «Задачи социалистов в борьбе с голодом» Плеханова, «Рабочее движение и социал-демократия» и «Задачи рабочей интеллигенции» Аксельрода; «Манифест коммунистической партии» Маркса. Несколько человек, как Прокофьев, К. Бойе, штудировали с А. Н. Винокуровым первый том «Капитала», главу за главой.

Приведу еще для характеристики чтения передовых рабочих того времени выдержку из показаний Карпузи на допро-

се о его совместном чтении с часовщиком Д. М. Колчиным, по прозвищу «Барбасаном»:

«Познакомившись с Колчиным, я стал бывать у него, и мы вместе прочли Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Карышева «Экономические беседы». Чтения эти не были последовательны. Бывало так, что мы прочтем несколько страниц вместе, а дальше Колчин читает один. Мы тоже вместе прочли брошюру «В знании — сила» Либкнехта; кроме того, я дал прочесть Колчину брошюры «Рабочий день», «Людвиг Фейербах», «Речь Алексева», «Манифест коммунистической партии», «Варлен перед судом исправительной полиции», «Задачи социалистов в борьбе с голодом», «Первобытная культура» (легальная) и «Труд и капитал» (легальная)».

Приведу еще взятый при обыске у Л. Биронт список книг, который представляет собой как бы список пропагандистской библиотеки:

«Всемирный праздник».

«Речь Варлена».

«Речь Алексева».

«За правду» Либкнехта.

«Письмо к рабочей интеллигенции» Аксельрода.

«Рабочее движение на Западе» В. Засулич.

«Русский рабочий в революционном движении» Плеханова.

«Праздник петербургских рабочих 1891 года — 4 речи».

«Кто чем живет» Дикштейна

«Труд и капитал» Свидерского.

«Наемный труд и капитал» Маркса.

«Что должен знать и помнить каждый рабочий» — перевод с польского.

«Катехизис» и другие популярные брошюры издания группы «Освобождение труда».

«Хитрая механика».

«Идея рабочего сословия» Лассалья.

«Эмма», роман Швейцера.

«Манифест коммунистической партии».

Параллельно этому: роман Станюковича «Без исхода», «Отечественные записки», Беллами «Через сто лет», Каронин, Гаршин, Шелгунов, Михайлова «Ассоциации».

Этот список вместе с приведенным показанием Карпузи о его чтении с Колчиным дает хорошее представление о том, что читали передовые рабочие того времени.

Скажу теперь еще о руководящих интеллигентах. Члены руководящего центра — «шестерки» — все свое время отдавали конспиративной работе. Спonti, кроме этой работы, ничем и не занимался, живя на свою шестнадцатирублевую ренту. Жил он хуже, чем жили квалифицированные рабочие,

зарабатывавшие тридцать-сорок рублей в месяц, тем более, что он по характеру своей деятельности должен был снимать отдельную комнату и не имел никакого домашнего хозяйства, что удорожало жизнь. Он был болен еще к тому же туберкулезом, бывали кровохаркания, но он не обращал на это внимания и весь отдавался революционной работе. Он был как бы прообразом типа профессионала-революционера последующего периода.

М. Н. Мандельштам-Лядов служил на постройке клиник. Служба отнимала у него не очень много времени, все остальное время он целиком отдавал нашей работе, проявляя огромную энергию по заведению связей среди рабочих. «Мартын Мандельштам был нашим весь. Он часто бывал у нас. Юный, горячий, честный, он всегда пылал революционным огнем и любовью к нам», — так правильно характеризует его Карпузи в своих воспоминаниях. Кроме того, Лядов много писал. Он написал брошюры «Как крестьянин и кустарь в фабрично-рабочего превратились», «Кое-что о женщине-работнице», переделал брошюру Лафарга «Катехизис рабочего» и написал ряд листовок. Он, по существу, был тоже профессионалом-революционером.

Я первые три месяца 1894 года нигде не служил и мог все свое время отдавать конспиративной работе; поддерживал и развивал связи с рабочими, занимался в кружках, имел значительные связи среди студентов, вел среди них пропаганду марксизма, организовывал работы на гектографе, переписку брошюр и т. п.

С апреля я поступил на работу в земскую управу, но она отнимала время только до трех часов, оставляя в моем распоряжении, кроме того, многочисленные тогда праздники.

А. Н. Винокуров был тогда студентом-медиком пятого курса, а потом сдавал государственный экзамен, но, несмотря на это, он занимался в рабочих кружках, писал брошюры и листки. Так он написал: «Откуда взялись капиталисты и рабочие», «Много ли мы зарабатываем», «Царь Александр III умер» (последнюю совместно со мной) и несколько листовок.

Кроме того, мы трое совместно переработали три вышеупомянутые польские брошюры.

П. И. Винокурова организовала около себя кружок преданных делу курсисток. В него вошли: Софья Ивановна Муралова, Пелагея Сергеевна Мокроусова (потом вышла замуж за А. Д. Карпузи), Анфиса Ивановна Смирнова, Е. А. Петрова, Л. И. Биронт, Н. А. Желвакова и М. Х. Горбачева.

Они заводили связи среди работниц в воскресной школе — среди ткачих, среди модисток. Из работниц, с которыми они познакомились, выделялась одна ткачиха. Она сначала была неграмотной и ей читали брошюры и листки другие,

а она потом почерпнутые таким образом знания несла уже в массу в своей устной передаче. Потом она научилась грамоте. Да и вообще замечалось, что многие неграмотные рабочие и работницы, затронутые агитацией, стали проявлять сильное стремление научиться грамоте и часто учились читать по нелегальным брошюрам. Специально для женщин П. И. Винокурова написала брошюру «Дура-баба», которую пока не удалось найти. Другую брошюру «Кое-что о женщине-работнице» написал Мандельштам-Лядов (она напечатана в книге «Литература Московского рабочего союза»).

Наш женский кружок вообще проявлял большую активность: переписывали литературу, доставали деньги, устраивая разные сборы и лотереи, иногда фиктивные; у него хранилась литература и т. д. Мокроусова откуда-то достала пишущую машинку; тогда они еще только входили в употребление. Это значительно облегчило переписку, тем более, что машинка давала несколько копий. Машинка эта использовалась во-всю. Из этого женского кружка вышло потом несколько большевиков, которые всю жизнь оставались в партии. Так С. И. Муралова умерла в 1932 году коммунисткой; Анфиса Ивановна Петрова была потом активной партийной работницей, умерла раньше; П. С. Мокроусова-Карпузи также работала потом в партийных организациях, умерла до Октябрьской революции.

Говоря о нашем женском кружке, я мимоходом коснулся о сборах денег на организацию. Вообще надо сказать, что с деньгами у нас дело обстояло неважно, а их часто надо было иметь дозарезу. Покупка литературы нелегальной и легальной, покупка пишущей машинки, материалов для гектографа, бумаги, mimeографа, поездки в Вильно и в другие места — на все это требовались деньги, а достать их было нелегко. Иногда надо было бы снять квартиру получше для собраний, для печатания, а средств нехватало. Товарищ Лядов хорошо отметил это в своих воспоминаниях, откуда я приведу соответствующее место¹:

«Большой недостаток испытывали мы в денежных средствах. Хотя все кружки, входящие в организацию, и отчисляли определенный процент на литературу, но это были гроши в сравнении с нашими возросшими потребностями. И очень часто мы эти гроши предпочитали тратить на поддержку забастовщиков, на поддержку уволенных за выступления рабочих. Наши девицы, в особенности Смирнова и Муралова, ухитрялись всякими способами добывать деньги среди студенчества. Печатали фотографии писателей и продавали их, перепродавали нелегальную литературу, устраивали лотереи, собирали в пользу забастовщиков среди радикальной моло-

¹ «На заре рабочего движения в Москве», стр. 82, 1932 г.

дежи, среди учащейся массы в пользу какой-нибудь придуманной умирающей с голоду курсистки, и раз кому-то из них удалось обобрать какого-то заезжего губернатора в пользу фантастической голодающей дворянки.

Смирнова обхаживала с финансовой целью разведенную жену сибирского золотопромышленника Пенневскую, которая обещала, что если ей по суду удастся отвоевать от мужа причитающуюся ей часть имущества, то она пожертвует нам десять процентов своей доли. Смирнова познакомила и меня с ней, кое-что нам удавалось доставать у нее. Квартиру ее мы широко использовали для хранения нелегальщины, но имущества так и не дождались».

ГЛАВА XXI

ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАБОЧЕГО КРУЖКА В АПРЕЛЕ 1894 ГОДА. ЕГО РАБОТА

С увеличением наших связей среди рабочих, с увеличением числа кружков скоро встал перед нами организационный вопрос. Решено было создать центральный рабочий кружок, в который входили бы представители от каждого заводского кружка. Заводской кружок состоял из более сознательных рабочих одного завода, занимающихся в пропагандистских кружках. Этот заводской кружок вел агитацию и пропаганду на своем заводе, подготавливая стачки и всякого рода протесты и заявления заводской администрации,—словом, он в зачаточной форме выполнял ту роль, которую выполняли впоследствии (в 1905—1907 гг.) заводские комитеты.

Центральный рабочий кружок, составленный из представителей всех заводских кружков и пополненный несколькими интеллигентами, ведущими непосредственную пропаганду среди рабочих, по мысли некоторых товарищей, и должен был играть роль коллектива, который руководил бы всем рабочим делом в Москве. Этот центральный кружок должен собирать материал для агитации, для листовок, брошюр, он должен давать «директивы» для всей организации, он же должен заведывать техникой, транспортом и сношениями с другими городами и т. д. Другие возражали против этого и говорили, что рабочие еще недостаточно подготовлены для руководства движением, особенно же неудобно передавать в такой большой кружок конспиративную часть (технику, транспорты, сношения), и даже образования такого центрального кружка они считали неконспиративным, так как это может привести к провалу всей верхушки организации. Всем делом, по мысли этих товарищей, должен руководить центральный кружок из вполне проверенных людей, который будет кооптировать наиболее подготовленных и проверенных рабочих и интеллигентов.

Сторонниками этого взгляда были я и Винокуров. Мы, воспринявшие старые революционные традиции, отстаивали мысль, которую можно формулировать словами Ленина из «Что делать?»: сосредоточение всех конспиративных функций в руках возможно небольшого числа революционеров. Наиболее определенным защитником другой точки зрения, отстаивавшим более широкую, менее оформленную организацию, был Спonti. На одном собрании по этому вопросу было даже резкое столкновение между ним и Винокуровым.

Так у нас в зачатке намечались противоречия, которые в следующий период проявились очень остро, именно по вопросу о методах построения организации в тот период, в условиях глубокого подполья: или сверху, путем кооптации, как организация революционеров (точка зрения Ленина и «Искры»), или путем выборов с низов, как рабочей организации, приближающейся к типу профсоюзной (точка зрения «экономистов»). Но тогда, повторяю, эти противоречия сказывались еще в зачаточной, неразвитой форме.

Тогда у нас обе точки зрения сошлись на компромиссе: центральный рабочий кружок был организован, но остался прежний руководящий кружок-«шестерка». За этим кружком оставлено высшее идейное руководство движением, редактирование изданий и конспиративная часть; центральный рабочий кружок играл роль совещательную, так сказать. Впрочем, взаимоотношения между этими кружками не были оформлены, а сложились сами собой.

Фактически всем делом у нас руководили четверо: Винокуров, Лядов, я и Спonti, причем первые три встречались чаще, так как жили ближе, были давно знакомы и были более, так сказать, спевшимися между собой.

Мы трое часто виделись, обсуждали теоретические вопросы, редактировали все наши издания, ставили технику, в более важных случаях собирались вместе со Спonti. Надо сказать, что Спonti не проявлял большого интереса к теоретическим вопросам; нам казалось, что он как-то застрял на Лассале и мало интересовался теорией Маркса и Энгельса.

«Это был страстный, фанатически убежденный патриот пролетариата: он верил в пролетариат, преклонялся перед ним... но обнаруживал порой прямолинейность и примитивность мышления». Так, в общем правильно, характеризовал его в своих воспоминаниях П. Б. Аксельрод, который познакомился со Спonti во время поездки Спonti за границу весной 1895 года.

Лично я не вошел в центральный рабочий кружок; мне была поручена преимущественно организация техники и конспиративных сношений.

Первое собрание центрального рабочего кружка состоялось в начале апреля 1894 года в квартире Бойе, на Немецкой (ны-

А. Н. Винокуров

С. Н. Мицкевич

М. Н. Лядов

Е. Н. Спonti

СТОЛКОВАЛИСЬ

у фабричного инженера.

Фабр. Инж. Пожалуй, я готов разрешить вам воскресную работу, но само собой разумеется, что за нее, как за сверхурочную вы получите несколько большую плату.

Фабрик. В наше время так нельзя. С какой стати я им буду назначать большую плату, когда и за эту они будут работать и даже с большим удовольствием, потому что, как я раньше обривал им разгильяки, то выходит так или иначе нельзя прожить без того, что

не Баумановской) улице, в доме Труфанова, № 23. Семейство Бойе занимало отдельный мезонинчик, имевший общий ход с пекарней, куда ходило много людей, что представляло свои удобства. В этой квартире центральный рабочий кружок и собирался постоянно, вплоть до провала в середине августа 1895 года. Домик этот сохранился до сих пор.

В этот центральный кружок входили представители от кружков с заводов Вейхельдта, Гужона, Листа, Бромлея, Доброва и Набгольц, Грачева, из Брестской, Курской и Казанской железнодорожных мастерских, с фабрик Михайлова, Филиппова. Современем включены были представители от кружков еще нескольких заводов и фабрик — Гоппера, Иокиша, Лыжина, Даниловской, Баулина, от двух-трех типографий. Представители от кружков включались не путем выборов, а путем кооптации наиболее надежных рабочих данного кружка. Центральный кружок собирал материалы для агитации, передавал связи, собирал сведения о настроениях рабочих на московских заводах и фабриках, узнавал, какая литература где требуется, какая больше идет. На собраниях читались проекты листовок и часто вносились в них изменения по указанию рабочих. Собирались обычно через две недели, иногда каждую неделю. Центральный кружок завел свою кассу. Члены кружков вносили два процента с получки, часть оставляли в своем заводском кружке для его нужд, а часть передавали в центральный кружок. При кружке завели библиотеку легальной литературы, а также и нелегальной, но последняя хранилась отдельно. Одной из важных функций центрального рабочего кружка была переброска рабочих с одного завода на другой для заведения новых связей или укрепления старых. Так, например, Михаил Петров был направлен с завода Вейхельдта на завод Бромлея, и ему оказана была денежная помощь для найма подходящей квартиры для кружковых занятий. Карпузи был направлен на завод Гоппера, потом на завод Гужона; Хозецкий — на завод Доброва и Набгольц, потом в мастерские Высшего технического училища; Поляков перебрасывался несколько раз на разные текстильные фабрики, а когда его перестали принимать на эти фабрики, так как он везде прославился как беспокойный элемент, то он поступил в модельную мастерскую на заводе Гоппера.

Тогда же или несколько позже перед нами встал вопрос, как назвать нашу организацию. Думали было назвать социал-демократическим союзом, но это было отвергнуто, так как незнакомое и непонятное еще широкой массе слово «социал-демократический» могло отпугнуть массы, а потому пока решили воздержаться давать название до упрочения и расширения нашей организации.

Листки выпускались без подписи. Только впоследствии уже,

после моего ареста, в 1895 году, стало упрочиваться название «Рабочий союз». Это название официально было принято на первомайском собрании в 1895 году. После этого уже стали появляться листки с подписью «Рабочий союз».

И это явление, то есть, что социал-демократические организации в России не сразу принимали какое-нибудь название, было общим. Известно, что и петербургская социал-демократическая организация приняла название «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса» только в 1896 году, уже после ареста Ленина и всей группы «стариков», а работа велась с 1893 года, если даже не считать рабочих кружков 80-х и начала 90-х годов. То же было в Нижнем, Вильно, Екатеринославе и других городах.

ГЛАВА XXII

МОЯ ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В ВИЛЬНО. ПРОВАЛ ТРАНСПОРТА. АРЕСТЫ ЧЛЕНОВ «ПАРТИИ НАРОДНОГО ПРАВА». БРОШЮРА «ОБ АГИТАЦИИ»

В апреле было нами получено извещение из Вильно, что для нас приготовлен транспорт литературы. С 1 апреля я служил в санитарном бюро губернского земства, но тут подошла пасха, когда служебные занятия прерывались на пять-шесть дней, и я решил воспользоваться этим перерывом для поездки за литературой. Числа 16—17 апреля (старого стиля) я выехал в Вильно. Там опять остановился у своих офицеров, повидался с Александром. Я ему рассказал о наших успехах в применении агитации на почве ближайших экономических нужд, об образовании центрального рабочего кружка. Он мне рассказал, что у них мысль об агитации тоже начинает пробивать брешь в заскорузлой кружковщине, что начата борьба по проведению в жизнь старого, забытого закона, изданного еще при Екатерине II, который гласил, что рабочий день в ремесленных мастерских должен продолжаться с шести часов утра до шести часов вечера, с двухчасовым перерывом на обед, то есть—чистых рабочих часов должно быть десять, а не двенадцать или тринадцать, как это практиковалось до сих пор. Этот лозунг сокращения рабочего дня втянул в борьбу всю массу ремесленников, и борьба эта проходит успешно. Виленская социал-демократическая организация руководит этой борьбой и пользуется ею для того, чтобы популяризовать в массе идею сплоченной и солидарной борьбы рабочих за свои классовые интересы.

Я привез с собой для пересылки в группу «Освобождение труда» для печати переделанную нами брошюру «Рабочий день». Вернее, она была написана заново, но сохранено только старое заглавие. За границей в ней сделали большую

вставку, о чем я скажу в главе «Наша идеология». Получена она была в печатном виде в Москве уже после моего ареста, в начале 1895 года.

Александр передал мне в рукописи брошюру «Об агитации», написанную в Вильно.

Пробыл я в Вильно тогда два дня. Стояла чудная весна. Я бродил в свободное время по Вильно и окрестностям, вспоминая свое детство и весну 1879 года, когда я, мальчиком, до поступления в военную гимназию, жил в Вильно. Прошло с тех пор пятнадцать лет; я уже окончил и гимназию и университет и вот теперь занят большим делом. Эта мысль наполняла меня чувством большой радости. Транспорт на этот раз я получил большой—больше двух пудов литературы группы «Освобождение труда». Купил для нее новый чемодан. Набитый литературой, он оказался для меня очень тяжелым, так что только с очень большим трудом я его мог переносить. Носильщику я решил не давать его, так как он был подозрительно тяжел, а я недавно прочитал у Степняка-Кравчинского в «Подпольной России», что Гольденберг в Харькове из-за тяжести чемодана с динамитом, который показался подозрительным носильщику, был обыскан и арестован. Я условился в Москве с В. А. Ждановым, что я его извещу нейтральной открыткой без подписи, когда он должен меня встретить на вокзале в Москве и увезти мой чемодан в надежное место. За сутки до моего отъезда я опустил открытку в почтовый вагон в Вильно. В Минске была пересадка, нужно было перетаскать довольно далеко мой чемодан, и я надорвался при этой перетаске. Приехал в Москву. Никто меня не встречает. Сам таскать чемодан не могу. Пришлось-таки взять носильщика. Он кряхтел, но донес мой чемодан до извозчика. Куда теперь ехать с моим чемоданом? На свою квартиру я побоялся из-за тяжести чемодана: с квартиры я уехал без вещей, сказав, что еду на пасху в Рязань к родным. Решил ехать к Жданову, думая, что он еще не успел получить мою открытку. Приехал к нему, оставил извозчика у ворот, пошел с предосторожностями к Жданову. Оказывается, действительно, он моей открытки не получил. Он пошел со мной к извозчику, и мы с ним вместе поехали. Он мне сказал, что чемодан он решил поставить у своей невесты Н. Н. Лебедевой, которая жила на Мещанской, в Ольгинской больнице, где служила фельдшерницей, и у нее можно надежно спрятать транспорт. Когда мы ехали по переулкам, я тщательно следил, нет ли слежки, но ничего не мог заметить. Не досезжая больницы, я сошел с извозчика и пешком пошел на Рязанский вокзал, чтобы съездить на день-два в Рязань с целью замести свои следы. Приехал в Рязань 20 апреля. На другой день вечером пошел к студентам-рязанцам. Они мне сказали, что они только что получили

известие из Москвы, что там идут аресты: арестовали Жданова и Лебедева. Я был поражен: значит, меня проследили и транспорт мой провалился. Я немедленно, в тот же день, поехал в Москву. Захожу на свою квартиру; там все тихо. Пошел по своим: наши не тронуты. Но узнал, что в Москве в ночь на 21 апреля были большие аресты среди народоуправцев, что арестована среди других Л. Н. Лебедева, которая жила вместе с Н. Н. Лебедевой, к которой Жданов отвез мой чемодан.

Как потом выяснилось, 21 апреля была ликвидирована вся верхушка «партии народного права», которая только что организовалась в течение зимы 1893—1894 года. Была поставлена в Смоленске типография, которая выпустила в феврале 1894 года «Манифест партии народного права» и брошюру «Насущный вопрос». Московская охранка через свою внутреннюю и наружную агентуру все время усиленно следила за организацией этой партии и 21 апреля захватила ее типографию, склады и всех ее вожakov, проживавших в Москве, Орле, Смоленске, Рузе, — М. А. Натансона, Н. С. Тютчева, А. М. Манцевича, П. Ф. Николаева, А. В. Гедеевского. Так эта партия, пытавшаяся сорганизовать и объединить либералов и старых радикалов-народников, погибла в самом начале своего образования. Начальник московского охранного отделения Бердяев и помощник Зубатов телеграфировали в Париж своему приятелю Рачковскому, заведующему тогда русской заграничной агентурой, 22 апреля 1894 года: «Вчера взята типография, несколько тысяч изданий и 52 члена партии «народного права». Немного оставлено на разводку». Но и из «разводки» ничего не вышло, и эта партия не возродилась. Оказывается, что у Н. Н. Лебедевой и ее сестры Л. Н. Лебедевой был большой склад и народоуправческой литературы, и за ними давно следили. Вот какое «надежное» место приготовил Жданов для нашего транспорта. Открытку мою нашли у него при обыске. Очевидно, он ее получил уже после моего приезда к нему. Охранка по открытке узнала, повидимому, о моей поездке в Вильно, так как мой почерк ей был известен по предыдущим перлюстрациям моих писем. Но тогда наша организация больше не пострадала: она потеряла только Жданова и мой транспорт. Потерю эту я очень больно переживал: до сих пор мне жалко этих двух пудов марксистской литературы, которая тогда погибла в недрах охранки.

Мой транспорт погиб, но тетрадка с рукописью брошюры «Об агитации» у меня сохранилась. Я ее провез в боковом кармане. Мы ее коллективно прочитали и одобрили ее мысль о необходимости агитации среди рабочих на почве их ближайших экономических нужд, теорию же постепенных стадий вовлечения рабочего класса в политическую борьбу мы на

практике отвергли. Вот что писал я в своих воспоминаниях еще в 1906 году об этой брошюре¹:

«Главная мысль этой брошюры была такая: для того, чтобы развить классовое самосознание в рабочем классе, чтобы поднять его на планомерную экономическую и политическую борьбу, недостаточно вести пропаганду в его среде идей научного социализма; для этого необходимо прежде всего вести агитацию в массе на почве ближайших экономических нужд ее и постараться вовлечь ее в борьбу там, где она еще не начиналась, за эти ближайшие, а потом наиболее для массы понятные и доступные экономические нужды. Раз масса начнет такую борьбу, то она очень скоро придет к сознанию противоположности классовых интересов, она также очень скоро увидит и почувствует, что главным препятствием в этой борьбе является современный политический режим, и таким образом процесс экономической борьбы втянет ее и в борьбу политическую. Роль агитаторов и сознательных рабочих и будет состоять в том, чтобы помогать массе понять эту непосредственную связь экономической и политической борьбы, содействовать развитию в процессе борьбы ее экономического и политического самосознания.

Вот эту-то тактику мы и проводили в своей работе. Главный мотив нашей пропаганды и агитации, главное содержание листовок и брошюр были экономические: говорилось о плохом положении рабочих, об эксплуатации со стороны хозяев, о необходимости борьбы с капиталистами. Но сейчас же указывалось, что у нас эта борьба крайне затруднена: нет ни свободы стачек, ни свободы собраний и союзов. Указывалось, что правительство преследует рабочих за борьбу с хозяевами, что оно всегда защищает интересы капиталистов и что для успехов в экономической борьбе необходимо добиваться изменения политического режима. Приводились примеры из западной жизни, где порядки другие, где рабочие принимают участие в управлении государством, где обеспечен известный минимум свобод, а потому рабочие и добились многих улучшений в своем положении. Доказывалось, что все эти завоевания есть результат борьбы, к каковой и призывались русские рабочие. Эти мысли старались мы провести в каждой листовке, в каждой брошюрке и пользовались для этого каждым представляющимся случаем: отказ в жалобе, поданной фабричному инспектору, отказ в каком-либо ходатайстве рабочих со стороны генерал-губернатора, благодарность фанаторийцам за расстрел рабочих (в Ярославле, в мае 1895 г.) — все это служило поводом для выявления связи экономики с политикой. При подходящем случае писали и на чисто поли-

¹ Сборник «Текущий момент», стр. 11—12, Москва, 1906 г.

тические темы. Так, например, была написана брошюра по поводу смерти Александра III, в которой была изложена политика этого императора и указывалось на ее чисто классовый характер. При случае указывалось и на классовый характер церкви, как, например, в листке по поводу архиерейского молебна на заводе Доброва и Набгольц, деньги за который пробовали взыскивать с рабочих.

Мы усиленно старались также знакомить московских рабочих с рабочим движением в других странах, об этом мы писали почти в каждом нашем листке и в наших брошюрах. Широко использовались нами для этой цели также заграничные корреспонденции в газете «Русские ведомости», особенно статьи о германском социал-демократическом движении. Эти статьи вырезывались, наклеивались в тетрадки и в таком виде распространялись среди рабочих.

В общем следует сказать, что тактика, принятая нами, оказалась в высшей степени успешной. Наши листки всегда встречали горячий интерес и сочувствие в самой серой массе, они были для нее понятны и касались ее наиболее нужд. Благодаря нашей тактике успешно достигалась и цель политического воспитания».

Так мы применяли ценную мысль брошюры о необходимости связать экономические нужды рабочих с политической борьбой, отвергнув, как я уже сказал, на практике ложную теорию брошюры о постепенных фазисах рабочего движения, которая впоследствии легла в основу учения «экономистов».

Теория фазисов, как известно, заключалась в том, что сначала рабочее движение останавливается на первом фазисе борьбы за мелкие требования на своей фабрике, затем постепенно переходит во второй фазис, только тогда, когда собственным опытом рабочий придет к выводу о невозможности успеха в борьбе за частные интересы рабочих отдельной фабрики и по мере вступления в эту вторую фазу рабочее движение станет мало-помалу принимать политическую окраску. И роль партии, взявшей на себя задачу политического воспитания и организации масс, ограничивается тем, чтобы верно определить момент, когда борьба назрела настолько, чтобы перейти в борьбу политическую.

В этих положениях ясно видны основы будущей теории «экономистов» о постепенных стадиях рабочего движения, элементы будущего их хвостизма. Этих элементов оппортунизма было вообще немало в виленской организации, главари которой были потом главарями «Бунда» — организации, занимавшей всегда правый фланг среди оппортунистов российской социал-демократии. Но тогда мы этого отчетливо еще не осознали и брали из этой брошюры те жизненные и действитель-

но «полезные» указания, которые, по выражению Ленина, в ней заключались.

У нас, исходя из этих полезных указаний, получалось, напротив, стремление тесно увязать экономическую и политическую борьбу и выводить вторую из первой по возможности немедленно.

Мне кажется, что мы можем вполне применить к себе характеристику Ленина, которую он дал впоследствии о работе первых социал-демократов. В своей знаменитой брошюре «Что делать?» (1902 г.) он писал¹:

«При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые социал-демократы* этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией* — (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации») — не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности».

Ведь это он писал, зная и о нашей работе, за которой он внимательно следил во время своих приездов в Москву. О том, что эту характеристику мы можем вполне приложить к себе, я еще буду говорить подробнее в главе об идеологии нашей организации.

Итак, исходя из этих установок, московская организация стала систематически выпускать агитационные листовки и агитационно-пропагандистские брошюры, рассчитанные на широкую массу, и в течение 1894 года выпустила ряд листовок и оригинальных и переработанных брошюр. Перепечатка только найденного в архивах заняла целый том — около двадцати печатных листов («Литература Московского рабочего союза»).

Считая мысли об агитации на почве ближайших экономических нужд крайне важными и плодотворными для успехов рабочего движения, мы переписали брошюру «Об агитации» в нескольких экземплярах и разослали ее в города, где у нас были связи. Помню, что я передал один экземпляр студенту-нижегородцу М. А. Сильвину при его проезде через Москву, тогда работавшему уже в петербургской организации.

Сильвин в своих воспоминаниях так описывает свое посещение меня²:

«С С. И. Мицкевичем я был знаком раньше, по Нижнему (мы были земляки), и, бывая в Москве, не пропускал его сту-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 385.

² Журнал «Каторга и ссылка», № 1, 1934 г., стр. 96.

денческой комнаты на Бронной. Иной раз я привозил ему кое-что из литературы, но чаще брал у него главным образом для Нижнего. Памятно мне мое посещение его осенью 1894 года на пути в Петербург. Мицкевич пригласил двух товарищей — не помню, кого именно — для собеседования (мне помнится, Винокурова и Лядова, — С. М.), и после моего сообщения о положении дел в Петербурге и Нижнем они рассказали мне о том новом, что происходило в их революционной работе, о переходе от пропаганды к агитации путем распространения листовок. Две из них, довольно объемистые для листовки, отгектографированные на четвертушках с карикатурными рисунками в тексте, произвели на меня впечатление целесообразностью своего содержания: «Разговор двух фабрикантов» и «Столковались у фабричного инспектора».

Тут же я получил и копию брошюры «Об агитации», которую привез в Петербург. Брошюра, однако, уже и ранее циркулировала в социал-демократических кружках столицы, вызывая много разговоров. *Ее идея отвечала самому острому вопросу нашей деятельности: как перейти от кружковой работы к массовой, как вовлечь в движение эти массы? Вопрос об изучении условий работы и жизни рабочих на каждом заводе был уже поставлен Владимиром Ильичом»* (курсив мой, — С. М.).

Сильвин же упоминает в своих воспоминаниях о выступлении В. И. Ленина на докладе Г. Б. Красина о рынках. Ленин сказал: «Мы должны заботиться не о рынках, а об организации рабочего класса, о том, чтобы вызвать к жизни массовое рабочее движение в России, о рынках же позаботится наша буржуазия».

Как известно, петербургская организация «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» перешла под влиянием и руководством Ленина к агитации в массах, проводила ее широко и блестяще, руководила стачками, стремясь придать им не только экономический, но и политический характер.

Ее работа стала образцом для всех российских социал-демократических организаций.

ГЛАВА XXIII

НА СЛУЖБЕ В САНИТАРНОМ БЮРО МОСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА. ДОКТОР П. Ф. КУДРЯВЦЕВ. ПОСТАНОВКА ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ. ДОКТОР Е. А. ОСИПОВ И ПРОФЕССОР Ф. Ф. ЭРИСМАН. КУЛЬТУРНИЧЕСТВО ИЛИ РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА

У меня был знакомый в Москве — доктор Петр Филиппович Кудрявцев. Он был членом руководящей группы казанской народнической революционной организации, о которой я писал в главе пятой. Оставленный сначала при Казанском уни-

верситете, он по «политической неблагонадежности» в 1890 году был уволен с должности ординатора; служил потом в вятском земстве, а затем в Москве. Я познакомился с ним через А. В. Чекина. Изредка виделся с ним и спорил о народничестве и марксизме. В конце марта 1894 года он сообщил мне, что получил интересное для него место участкового санитарного врача в Херсонской губернии, где теперь обследуются сельскохозяйственные рабочие, в большой массе приходящие туда на лето из других губерний для работы в помещичьих и крупнокулацких имениях. Он предложил мне свое место врача-статистика при санитарном бюро московского губернского земства, сказав, что уже говорил обо мне с руководителем санитарного бюро доктором Е. А. Осиповым и что это место за мной обеспечено. Я согласился и с 1 апреля стал там работать. Кудрявцев перед своим отъездом передал мне интересную связь с одним миссионером, который участвовал в казанской народнической организации, а теперь живет и работает в Москве. О нем я скажу ниже, а теперь еще несколько слов о докторе Кудрявцеве, который является очень характерной фигурой земского санитарного врача, постоянно совмещавшего культурническую работу с активным содействием революционной работе.

Еще в середине 80-х годов он руководил народническими кружками в Казани. В одном из этих кружков принимал участие Алексей Максимович Пешков, когда работал в булочной Деренкова, при которой жил и Кудрявцев. После Москвы Кудрявцев работал в Херсонской губернии. Там он написал ряд работ о сельскохозяйственных рабочих, которые не раз сочувственно цитировал Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России»¹. Вследствие нажима администрации был вскоре принужден уйти из херсонского земства. Перебывал потом заведующим санитарным бюро симбирского, ярославского, вологодского и рязанского губернских земств. Нередко увольнялся по требованию администрации, бывали обыски.

Везде вел культурную работу, насколько только позволяли тогдашние возможности, как правительственные, так и земские. Устраивал питательные пункты для пришлых рабочих или голодающих крестьян, летние ясли в деревнях, сельские библиотеки-читальни, проектировал сеть врачебных участков и всячески продвигал вопрос об осуществлении этой сети, произвел обширные обследования движения населения, водоснабжения и жилищ в ряде губерний.

С этой культурной работой он умел совмещать революци-

---

¹ О П. Ф. Кудрявцеве в Приложении к III тому Соч. В. И. Ленина, стр. 630.

нную работу главным образом организационного характера: он подбирал на места врачей и санитарных статистиков соответствующую публику. Примкнув с начала 900-х годов к партии социалистов-революционеров, он в подборе санитарных статистиков и врачей не проводил узко партийной линии, подбирая людей революционно настроенных, без различия партий; так у него работали статистиками и врачами социал-демократы, в том числе и большевики: Калафати, Стопани, Цурюпа, врачи З. П. Соловьев, Д. И. Ульянов и другие. После Октябрьской революции он порвал с эсерами и безоговорочно стал на советскую платформу. С тех пор он работал по организации советской медицины как сотрудник рязанского губздрава и Московского областного института гигиены и санитарии имени Ф. Ф. Эрисмана. Награжден званием героя труда и представил незадолго до смерти всестороннюю программу обслуживания колхозников в культурном, санитарном и медицинском отношениях¹.

Итак, я по его рекомендации начал работать в качестве врача-статистика. Обязанности мои состояли в медико-статистической работе и в подготовке к печати трудов санитарного бюро. Я приходил на службу ровно к десяти часам утра и уходил в три часа дня; никаких работ на дом не брал. Относился к работе как к заработку, работал добросовестно, но формально, не вкладывая в эту работу души, которую целиком вложил тогда в революционную работу. Но тем не менее постепенно я ознакомился с постановкой земской медицины в Московской губернии по материалам, которые стекались в санитарное бюро, по бюллетеням, которые я готовил к печати, по рассказам земских врачей, которые часто посещали бюро. Несколько раз ездил по поручению бюро для осмотра больниц в губернию и для санитарного осмотра фабрик и заводов, нередко совместно с санитарным врачом Московского уезда В. Г. Богословским. Все это дало мне возможность достаточно ознакомиться с постановкой земской медицины в губернии.

Московская губерния приблизительно совпадала с теперешней Московской областью и представляла собой довольно высоко развитую в промышленном отношении местность. Жителей в губернии было 1 300 тысяч (кроме города Москвы), в пределах губернии проходило десять железнодорожных линий и имелось 1 200 верст шоссежных дорог. Общее число фабрик и заводов было 1 688 с 137 тысячами рабочих, кустарей — 175 тысяч, занятых отхожими промыслами — 100 тысяч. Школ в губернии было 1 019, с 667 тысячами учащихся.

Земская медицина стала быстро развиваться с 1875 года, когда при губернской земской управе было организовано са-

¹ Умер в конце 1935 года.

нитарное бюро для руководства делом здравоохранения, во главе которого был поставлен доктор Евграф Алексеевич Осипов, человек очень энергичный, образованный, с большим кругозором. Рост медицинского дела в губернии был очень значителен по тому времени. Радиус лечебного участка не превышал десяти верст, и одно лечебное заведение обслуживало, в среднем, десять тысяч населения. Самостоятельные фельдшерские участки были ликвидированы.

Кроме сравнительно хорошо поставленной лечебной медицины, в Московской губернии была создана санитарная организация, тогда еще новость в земской России: только три-четыре губернских земства последовали тогда примеру московского земства и тоже начали вводить у себя санитарную организацию. В мое время губерния была разделена на десять санитарных участков, в центре каждого жил санитарный врач. В течение 1879—1885 годов санитарными земскими врачами — Ф. Ф. Эрисманом, Погожевым, Дементьевым и др. — были обследованы все более или менее крупные фабричные заведения в губернии.

В результате этого обследования земство издало обязательные санитарные постановления о содержании фабрик и заводов, внесшие некоторые улучшения в фабрично-заводской быт.

Санитарная организация вела борьбу с эпидемиями, организовала оспопрививание, изучала местности с особо большой смертностью, готовила проекты санитарных постановлений.

При земских управах были организованы коллегиальные врачебно-санитарные советы, в которые входили врачи и гласные земства. Эти советы обсуждали все мероприятия по врачебно-санитарной части и представляли земской управе кандидатов на свободные места врачей, которых она обычно и утверждала. Положение врачей в Московской губернии было сравнительно хорошее: они получали сто рублей в месяц при готовой квартире и отоплении; при доме обычно бывал участок земли для огорода и сада. Через три года давалась прибавка, через девять лет она достигала пятидесяти процентов. Через три года давались три месяца на научные командировки для повышения квалификации. Врачи сидели на участках десятилетиями, нередко всю жизнь.

Вообще врачебно-санитарная организация московского земства была сплоченная, солидарно, дружно и с подъемом работающая группа на платформе общественной постановки медико-санитарного дела. Принципы этой постановки были выработаны самой этой организацией, не имевшей образцов для подражания и традиций ни в России, ни в Западной Европе. Она, организация передового русского земства, являлась образцом для подражания других земств, которые постепенно, в меру своих возможностей, старались равняться по

московскому земству. Московское земство в общем может быть названо буржуазно-прогрессивным земством, к тому же оно было несравненно богаче других земств вследствие наличия развитой промышленности и такого богатого объекта обложения, как город Москва (земство на город Москву ничего не тратило, а с него получало значительные суммы). С врачами московское земство ладило и шло навстречу пожеланиям, вырабатываемым санитарными советами и губернскими съездами врачей, собиравшимися раз в два-три года.

Председателем губернской земской управы был в это время Д. Н. Шипов, известный впоследствии лидер правого крыла земских либералов. Земства тогда вели борьбу с министерством внутренних дел против применения к земским лечебницам устава лечебных заведений министерства внутренних дел, утвержденного в законодательном порядке 10 июня 1893 года.

Согласно этому уставу, управление лечебницами, созданными и содержимыми земствами, переходило к правительственным органам. Воспользовавшись неясностью редакции закона, земства настаивали на том, что этот закон неприменим к земским лечебницам. Эту борьбу возглавлял Шипов, как председатель московской губернской земской управы. Борьба эта волновала и возбуждала тогда всю земскую медицинскую общественность; она окончилась победой земства: закон по отношению к земским лечебницам не был применен¹. Эта победа очень окрылила тогда земцев и земских врачей. Через некоторое время Шипов вел снова, правда, с меньшим успехом, борьбу с губернатором против стеснений и урезок прав губернских съездов врачей.

Мой шеф, доктор Осипов, хотел втянуть меня во всю эту земско-медицинскую работу, намечая выработать из меня полноценного санитарного врача-организатора. У меня с ним было много бесед на эту тему; я иногда бывал у него, где познакомился с профессором Эрисманом и встречался с доктором Погожевым. Я вел с ними оживленные и порой горячие дебаты, противопоставляя их либерально-демократическим взглядам идеи революционного марксизма. Я употребил выражение «либерально-демократические взгляды» потому, что либеральными народниками их нельзя назвать, так как характерных признаков народничества — преклонения перед общиной и отрицания прогрессивной роли капитализма — у них не было. Либералами просто их тоже было бы неверно на-

¹ Ленин впоследствии в своей статье «Гонители земства» так отозвался на этот и подобные инциденты: «Сила созданных земством и принесших значительную (сравнительно с бюрократией, конечно) пользу населению врачебных и статистических учреждений оказывается достаточной, чтобы парализовать сфабрикованные в петербургских канцеляриях уставы» (Соч., т. IV, стр. 141).

звать: они — разночинцы, являлись идеологами не буржуазии в узком смысле этого слова, а «народа», то есть трудовых и мелкобуржуазных элементов. Но просто демократами было бы тоже неправильно их назвать, так как в это понятие входит элемент революционности, чего у них не было. Итак, буду называть их либеральными демократами. Они развивали такую концепцию. Революционное движение в России совершенно разбито и сейчас не имеет никакой почвы. Надо длительно, терпеливо работать на культурной почве, поднимать культуру народа. На этой почве можно добиться немалых результатов. В пример они приводили те данные о развитии медико-санитарного дела в московском земстве и в земствах вообще, которые я привел выше. Эти успехи достигнуты преимущественно в период реакции, несмотря на нее и на многие препоны, чинимые правительством развитию культурной работы земства. Рост медицины, народного образования, земской агрономии и т. д. доказывает, что культурная работа возможна и полезна. Да и само правительство под давлением жизни порой принуждено проводить некоторые прогрессивные меры, как, например, фабричное законодательство (закон 1886 г.), которое внесло некоторое улучшение в положение рабочих. В будущем, конечно, когда культура народа поднимется, когда народ станет более сознательным, возможны и революционные движения, но это музыка более или менее отдаленного будущего, а теперь, засучив рукава, надо вести черную, невидную работу на культурной ниве.

Такова была их установка; я противопоставлял мою. Да, говорил я, конечно, земство имеет достижения в культурной работе, полезно рабочим и фабричное законодательство. Но все это так же полезно, как полезны заплатки на дырявом старом кафтане. Не лучше ли заменить его новым, а это может сделать только революция. Ведь вот и в Московской губернии, несмотря на большие достижения в лечебно-санитарной области, смертность еще выше высокой общероссийской смертности; санитарные условия труда и быта на московских фабриках и заводах еще крайне далеки от идеала: чрезмерно длинный рабочий день и низкая заработная плата очень мало изменяются к лучшему в результате фабричного законодательства; крестьянство в России периодически голодает и разоряется. И что со всем этим может поделать культурничество? Нет, нужна революция и прежде всего свержение самодержавия. После этого и культурная работа примет гораздо более широкий размах. И перспективы революции в России не безнадежны. Вырос рабочий класс, который начал уже, пока еще стихийную, борьбу в виде стачек, но и она уже дала некоторые результаты в виде фабричного законодательства, которое целиком является результатом этой борьбы. Но

эта стихийная борьба скоро примет более организованные формы, поручкой чему появление революционной молодежи, которая все более становится под знамя Маркса, под которым и пойдет русский рабочий класс к победе¹.

Так спорил я неоднократно с земскими либеральными демократами, пока одна сторона не была насильно устранена из спора волею охранного отделения...

Интересно отметить, что политическая установка врачей Осипова и Эрисмана была типичной установкой земских служащих того времени. Эти либеральные демократы находили общий язык с либералами-земцами (со «вторым элементом») и сумели с ними сработаться, толкая их насколько возможно влево.

Шипов в своих воспоминаниях так отзывается об этих взаимоотношениях²: «Однообразное понимание управой и земскими тружениками сущности земской идеи сближало нас в нашей работе и являлось в высшей степени благоприятным для нее условием. Настроение, которое при моем вступлении в губернскую управу я застал господствующим среди земских служащих, сохранилось в значительной мере в течение всего времени моей службы в губернском земстве (то есть до 1904 г.), но за последнее время в настроении этой среды произошло, к сожалению, заметное изменение под влиянием получившей большое распространение вообще в кругах нашей интеллигенции идеологии марксизма».

Значит, все шло хорошо, вот только злокозненные марксисты стали портить музыку; но в то время, которое я описываю, марксисты не могли еще портить настроение Шипова, так как их было ничтожное количество среди земских служащих (только я да А. И. Рязанов, служивший в дорожном отделе) и занимали они невлиятельные места.

¹ Что мои возражения воспроизведены мною не приблизительно, по памяти, видно из всей литературы нашей организации, о чем я буду еще говорить подробнее в главе об идеологии организации. В частности, о фабричном законодательстве, как продукте стачечной борьбы рабочих, мы как раз в это время писали в брошюре на смерть Александра III: «Но не думайте, что и эти (фабричные) законы были добровольной уступкой царя и его правительства. Ряд громадных стачек: в Ярцеве, на Хлудовской мануфактуре, беспорядки на Демидовской мануфактуре, Морозовская стачка, много стачек в Петербурге, Ростове, в Царстве польском заставили правительство умершего царя подумать о рабочем... Но так как эти стачки были мало сознательны, так как требования рабочих не шли дальше недовольства штрафами и расплатой товарами вместо денег, то и уступки рабочим были самые незначительные. Рабочие не требовали сокращения рабочего дня, и тринадцати, пятнадцати и даже восемнадцатичасовой рабочий день господствуют у нас. Нет, рабочим нечего надеяться на царя и его правительство; только дружными собственными усилиями они могут улучшить свое положение». См. «Литература Московского рабочего союза», стр. 174.

² Д. И. Шипов, «Воспоминания и думы о пережитом», Москва, 1918 г.

ГЛАВА XXIV

ЛЕТО 1894 ГОДА. РАБОТА И СВЯЗИ СРЕДИ РАБОЧИХ РАСПИРАЮТСЯ. ЗАВОДЯТСЯ СВЯЗИ С ПОДМОСКОВНЫМИ ФАБРИКАМИ И ДРУГИМИ ГОРОДАМИ

Это лето прошло у нас очень оживленно. Рабочие начали собираться за городом: в Анненгофской роще, Сокольниках, за Даниловской заставой и в других местах. Вот как описывает Лядов такие собрания: «В районе Лефортова излюбленным пунктом собраний стала Анненгофская роща. Каждое воскресенье и каждый праздник там толпился фабричный народ. Всюду были разбросаны отдельные кучки рабочих. В одном месте играли в орлянку или в карты, в другом играли в лапту, кое-где выходили целой семьей с самоваром. В большинстве групп пили водку. Городовые стояли на своих постах. Мы тоже приносили с собой закуску. Мы располагались обыкновенно недалеко от городского, который обращал на нас так же мало внимания, как и на остальные группы. Со стороны казалось, что мы, подобно всем остальным, наслаждаемся воскресным отдыхом за водкой. Иногда к нашей группе подходил городской, но тут Поляков сразу начинал рассказывать такие веселые анекдоты, что блоститель порядка убеждался, что мы самая благонадежная группа. Такие собрания, но более редко, мы устраивали и на гуляниях на Девичьем поле и в Сокольниках».

Связи с рабочими вообще заводились легко и просто. Например, Саша Хозецкий ходил купаться на Москва-реку, где купалось много рабочих, и там вел беседы и заводил знакомства.

Этим летом я часто ходил на собрания к Немчинову, который устраивал их у себя на квартире, иногда у других рабочих. Приглашались рабочие широко, человек по двенадцати-пятнадцати, прочитавшие одну-две брошюры или даже ничего не читавшие, но выявившие в предварительных беседах с нами свой интерес к рабочему делу. На таких собраниях беседа не отличалась систематичностью; говорилось обо всем: об условиях работы в мастерских или на фабриках, о политике, о религии. Беседа велась живо и имела большой успех. Из среды рабочих собеседников отбирались рабочие в кружки для более систематических занятий.

Об этих собраниях у Немчинова полиция пронюхала, и московско-брестское железнодорожное жандармское управление сообщило в московское охранное отделение от 30 июля 1894 года, что у рабочего железнодорожных мастерских Евгения Иванова Немчинова происходят весьма часто собрания рабочих упомянутых мастерских для бесед. В другом донесении, от 14 августа того же года, сообщается, что «у Немчинова

имеется гектограф, с помощью которого он воспроизводит брошюры вредного направления, между прочим «Царская земля» и «Темная вода». Достать эти брошюры не представилось возможным, так как сообщники Немчинова ведут дело осторожно¹. Несмотря на такие донесения, Немчинов не был обыскан и арестован до лета 1896 года. Надо сказать, что хотя охранка, повидимому, уже знала кое-что о работе, которая ведется в рабочей среде, но пока почему-то ничего не предпринимала. У нее не было еще и налаженной агентуры в рабочей среде, и это не давало ей достоверной информации. Это доказывается еще и тем, что не все наши издания попали в ее руки. Как бы то ни было, до летних арестов 1895 года в Москве была фактически такая свобода пропаганды в рабочей среде, какой не было потом уже до 1905 года, и мы пользовались этой сравнительной свободой во-всю. У меня завелись летом новые интересные связи среди рабочих. Я уже говорил, что мой знакомый врач народник Кудрявцев передал мне свое знакомство с одним «единоверческим»² миссионером. Он оказался очень интересным человеком. Живя в Казани, он познакомился с народниками, они его распропагандировали, и он стал революционером. Он не бросил своей службы, которая давала ему возможность ездить по всей России и соприкасаться по своей должности с широкими слоями крестьян и рабочих, и он очень ловко использовал это обстоятельство для пропаганды. Имел он знакомства среди московских рабочих, особенно среди ткачей. Сам он ходил в кафтане, носил большую бороду, стригся по-мужицки «в скобку». Для пропаганды среди крестьян и текстильщиков это была самая подходящая внешность; говорил он простым, хорошим русским языком на «о». Фамилию его я забыл и утерял его из виду с тех пор. Он познакомил меня с модельщиком завода Гоппера (ныне завод Ильича в Ленинском районе Москвы) Тимофеем Тимофеевичем Самохиным.

Самохин был выдающимся по своему развитию рабочим, давно уже интересовался рабочим вопросом, перечитал много книг, изучал эсперанто, чтобы завести переписку с иностранными рабочими, и давно жаждал знакомства с революционной интеллигенцией. Первой книжкой, которую он получил от меня, была «Эрфуртская программа» Каутского, которую он сразу прекрасно усвоил. На заводе Гоппера он не был одинок, там уже существовал кружок, охватывающий почти весь модельный деф во главе с мастером цеха Иваном Семенови-

¹ «На заре рабочего движения в Москве», стр. 229, 1932 г.

² «Единовѣрцами» назывались раскольники-старообрядцы, придерживавшиеся своей обрядности, но признавшие официальную православную церковь и получавшие от нее священников.

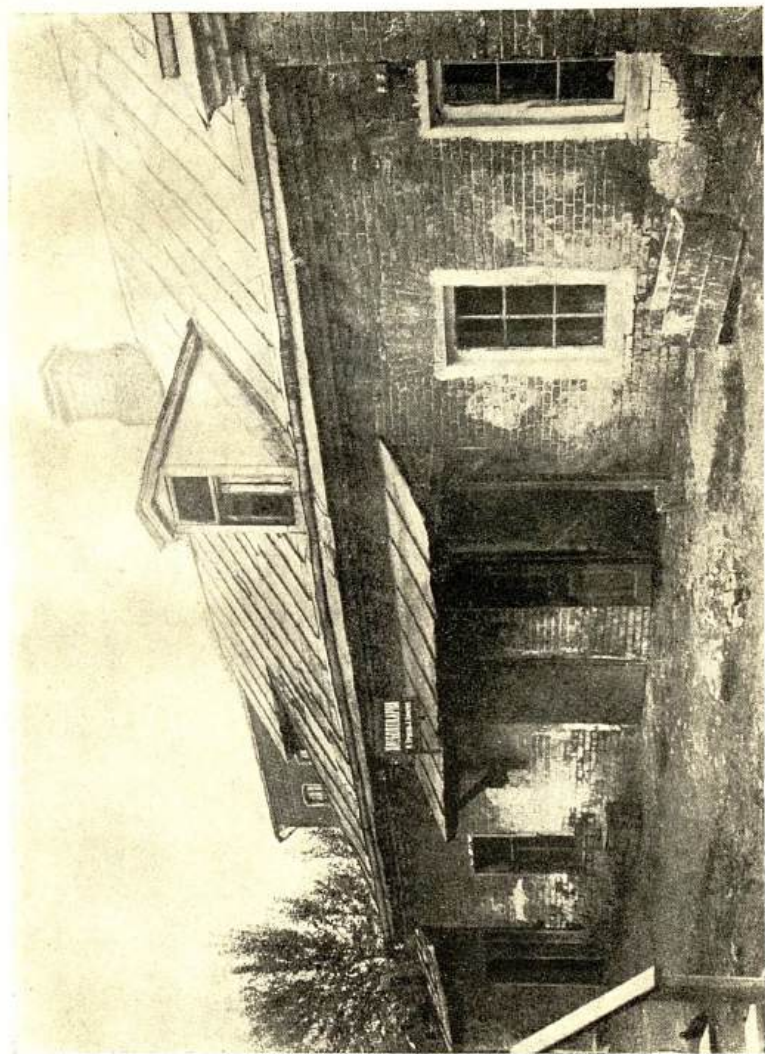
К. Ф. Бойе

А. Д. Карлузи

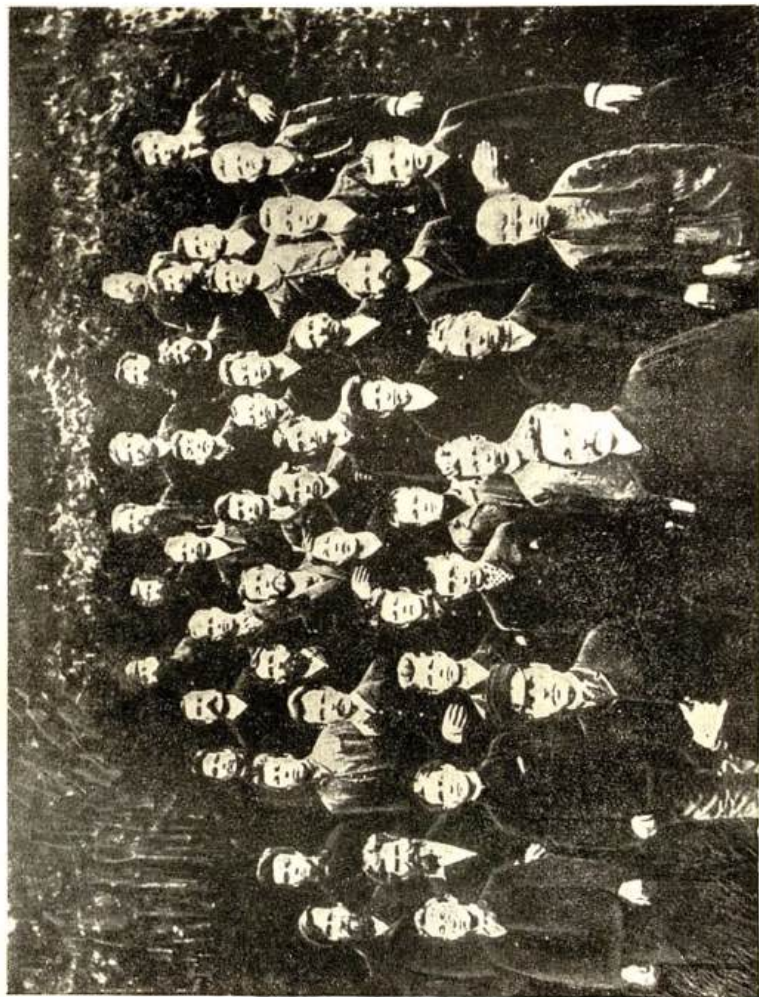

А. Н. Хозецкий

Дом на Немецкой ул. (ныне Баумановской) № 23, в котором собирался
центральный рабочий кружок

*Группа рабочих модельной мастерской механического завода Голлера
(ныне завода им. Ильича) на мавзее в 1894 г.*

Рабочая мазека в лесу
С картины Б. Е. Владмирецкого

чем Малининым и подмастерьем И. А. Приваловым; в него входили модельщики: М. С. Алексеев, Яков Ларионов, С. Ф. Степанов, П. Егоров, А. Н. Кудрин, М. Васильев, Г. С. Малахов, П. А. Старостин, А. П. Сергеев, Циголь, С. П. Шепелев. Они вместе собирались, читали, устраивали загородные прогулки, во время одной из которых снялись. По установлению связей с нашей организацией через Самохина они стали с жадностью поглощать получаемые от нас книги и брошюры. Кружок этот стал вскоре развивать большую активность. В мае 1895 года хозяин завода Гоппер получил анонимное письмо-донос о работе этого кружка. Вот содержание этого письма, которое привожу с сохранением его правописания:

«Москва, Братьям Гоппера, Алану Васильевичу. У Вас мастер модельной Иван Антонов (Иван Антонович Привалов, — С. М.), не признающий бога и высших властей, и всех сбивает мальчиков-модельщиков. Загородная компания собирает молодых людей — Сергея Федотова, Григория Сергеева, Александра Никанорова, Михаила Васильева, Павла Егорова — и собирает много мальчиков с разных заводов, стали стачки делать, собирается их большая компания человек двести—сто пятьдесят и хотят бунт сделать и добираются до инспектора и не признают государя».

Полицейский пристав получил донос сходного содержания:

«Господину приставу. Просим вас покорнейше узнать об мастеровом люде, проживающих у сыновей Гоппера на заводе. Модельщики есть, не признающие бога и высших властей, и ругают непечатными словами его величество, их же модельный мастер Иван Антонов и Сергей Федотов, московский мещанин, разыскали таких студентов, студенты доставляют книги такие, чтобы не повиноваться властям, собираются за город всех заводов человек триста-пятьсот и хотят сделать самоуправство».

Кружок этот не пострадал при летних арестах 1895 года, Самохин и Шепелев уехали в Петербург и там были арестованы в 1896 году и привлечены по одному делу с Лениным. В том же году было арестовано и несколько членов гопперовского кружка в Москве, но большинство было арестовано только в 1897 году, после чего кружок в своем первоначальном составе перестал существовать¹.

С Самохиным я ходил несколько раз по рабочим кружкам; он очень умело вел беседу с рабочими. Его везде принимали за интеллигента, тем более, что он очень франтовато одевался, куда лучше наших интеллигентов, которые совсем не обращали внимания на свой костюм и ходили небрежно и бедно оде-

¹ «На заре рабочего движения в Москве», стр. 221—223, 1932 г.

тыми; особенно этим отличались Лядов и Спonti. Да и вообще квалифицированные рабочие следили за своим костюмом и одевались недурно.

Кроме Самохина, «миссионер» познакомил меня еще с ткачами с Даниловской мануфактуры. С ними я встречался для бесед несколько раз по воскресеньям в рощице за Даниловской заставой. Связи мои с рабочими за это лето значительно увеличились.

Связи наши не ограничивались Москвой, но стали захватывать и подмосковные фабрики. Этим летом среди рабочей массы Москвы и Московской промышленной области шло глухое брожение, по временам проявляющееся в стачках и фабричных бунтах. Так, на фабрике Цинделя в июле рабочие разгромили «спальные корпуса», то есть свои общежития, не предъявив даже определенных требований, только на стенах были сделаны надписи такого рода: «Бунт за дешевое жалование, за штрафы за курение табаку на спальне, 1894 года, июня 27 дня».

У нас тогда не было еще связей на этой фабрике, но после этих волнений мы выпустили листовку о том, как надо устранять стачки и выработать требования.

Мы получили сведения, что неспокойно на Малютинской фабрике в Раменском. Там у нас уже был кружок, организованный Поляковым, ранее работавшим на этой фабрике. Туда поехали Лядов с Поляковым и помогли выработать требования рабочих, которые были предъявлены хозяину и частично удовлетворены. Волновались рабочие на фабрике Хлудовых в Егорьевске, где в прошлом году были две большие стачки. Туда ездил Поляков и собрал интересный материал, который тоже послужил темой для листовки. Я ездил в Орехово, на фабрику Саввы Морозова, получил связь через толстовцев с рабочими-толстовцами. Но толстовцы оказались мало интересным материалом для пропаганды, они крепко стояли на самоусовершенствовании и на непротивлении злу насилеиом; обещали они меня познакомить с социалистами в следующий приезд, но это почему-то не состоялось.

Заведены были связи с Ковровскими железнодорожными мастерскими и с рабочими Тульского оружейного завода. Лядов ездил в Екатеринослав и привез нам сведения, что там его брат Григорий, высланный из Москвы, и А. Н. Винокуров, живший летом там на каникулах, завели связи с рабочими и ведут работу в кружках. Были связи еще с городом Орлом, где образовался марксистский кружок, организованный Г. Мандельштамом, который до Екатеринослава жил в Орле. Была также связь с Иваново-Вознесенском, о чем я еще скажу.

Все это показывало, что движение разрастается и что есть почва для его дальнейшего быстрого роста. Мы с радостью

и гордостью чувствовали, что находимся на гребне волны большого подъема, чреватого великим будущим.

Это чувство подъемной радости усиливалось теми известиями, которые получились из-за границы; везде бурно росло рабочее движение. В Бельгии и Австрии шла в это время борьба за всеобщее избирательное право, сопровождаемая стачками и бурными демонстрациями. В Италии, во Франции, в скандинавских странах — везде социалисты имели большие успехи; во французском парламенте загремел мощный голос молодого народного трибуна социалиста Жана Жореса. В Германии рост социал-демократии был столь значителен, что Энгельс в своих предсмертных статьях предсказывал победу социализма в Германии к концу века, то есть через несколько лет.

ГЛАВА XXV

ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ. ЕГО КНИГА «ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ»

Среди этой напряженной и подъемной работы я часто встречался этим летом с Ильичом. Он проводил лето на даче у Анны Ильиничны близ станции Люблино, Курской железной дороги, в дачном поселке Кузьминки.

Ильич заходил ко мне на Кудринскую-Садовую, в дом Мордвин-Щодро (№ 135), бывал и я несколько раз у него на даче у Елизаровых. Мы гуляли с Ильичом по окрестностям, купались в пруду, много беседовали. Он расспрашивал про нашу работу, говорили о всех вопросах, волновавших тогда русских марксистов. Дал мне прочесть свою работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Это была рукопись в толстой тетради, написанная характерным почерком Ильича и представляющая собой исследование о расслоении крестьянства на юге России, о выделении из крестьянской массы, с одной стороны, экономически мощной кулацкой группы, применявшей в своем хозяйстве машины и наемный труд, с другой, разоряющейся маломощной группы крестьян, постепенно пролетаризирующихся. Статью эту Ильич хотел поместить в легальной прессе и передал в редакцию «Русской мысли», экономической частью которой ведал Н. А. Каблуков¹; статья была сдана ему. Уже после отъезда Ильича из Москвы по его поручению я заходил к Каблукову, чтобы узнать об участи этой статьи. Каблуков вернул ее мне, сказав, что она не будет напечатана, как неподходящая к направле-

¹ В одной из прежних моих статей я писал, что предполагалось поместить статью в «Юридическом вестнике», но я ошибся тогда: я забыл, что «Юридический вестник» был уже в это время закрыт и Каблуков из «Юридического вестника» перешел в «Русскую мысль».

нию журнала. Статья лежала после этого у меня и была взята на обыске 3 декабря 1894 года. В 1923 году, то есть почти через тридцать лет, я нашел ее в архиве, в «вещественных доказательствах» по моему делу, и она была в том же году напечатана в сборнике Истпарта «К 25-летию I съезда партии» и вошла в I том Сочинений Ленина (см. примечание 1-е в этом томе).

После этой статьи Ильич дал мне для прочтения три части своей большой работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Эта работа произвела на меня тогда огромное впечатление. Я уже говорил о том, как мы тяжело переносили то обстоятельство, что кампания в печати, начатая народниками и либералами против марксистов, не встречала отповеди марксистов ни в легальной, ни в нелегальной печати, да и вообще не было теоретической работы, формулирующей марксистские теоретические взгляды на современный момент в России, дающей обоснование основных программных и тактических лозунгов русских марксистов. Книги Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» были посвящены критике старого народничества (Бакунина, Ткачева, Лаврова), идеи которого уже не были тогда актуальны: общественным мнением интеллигенции владели почти целиком их эпигоны, отказавшиеся от идей революционного народничества и распространявшие идеи народничества оппортунистически-мещанского. Чувствовалась среди русских марксистов большая нужда в работе, которая дала бы отповедь нашим пристрастным и яростным критикам-народникам, разоблачила бы их мелкобуржуазную сущность, свела бы в единую систему марксистские философские, экономические и политические идеи применительно к современным российским условиям, ответила бы на запросы практической работы среди рабочих, дала бы указания на решение крестьянского вопроса, вопроса об отношении к другим политическим партиям, дала бы перспективы на будущее.

И вот такая работа появилась. Можно сказать, что эта работа была манифестом революционного марксизма в России, первым программным документом большевизма.

По существу основные программно-теоретические и организационно-тактические вопросы предстоящей в России революции уже поставлены в этой работе Ленина, и уже намечено их решение в духе революционного марксизма.

Ее заключительные абзацы нельзя до сих пор читать без волнения. Вот они:

«Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток

протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу *всего* русского рабочего *класса*, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»¹.

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский *рабочий*, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет *русский пролетариат* (рядом с пролетариатом *всех стран*) *прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции*»².

В этих замечательных строках дана перспектива дальнейшей работы, дана идея гегемонии пролетариата в предстоящей революции, намечены этапы революции и идея перерастания демократической революции в социалистическую. По аграрному вопросу автор набрасывает главнейшие элементы нашей будущей аграрной программы: «...социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения — этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли...»³.

В этой книге Ленин завершил разгром народнической идеологии, начатый Плехановым.

И вот в моих руках была эта замечательная работа, отвечавшая в основном на все наши запросы. Понятно было мое волнение и пришедшая мне тотчас же мысль: надо размножить во что бы то ни стало это произведение.

Чтобы размножить его, я обратился к своим знакомым — братьям А. Н. и В. Н. Масленниковым, студентам Московского высшего технического училища, и к их двоюродному брату А. А. Ганшину, студенту Петербургского технологического института, с которыми я познакомился через Анну Ильиничну, а Ганшина знал и Ильич по петербургской

¹ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 193.

² Там же, стр. 194.

³ Там же, стр. 185.

организации. Я от них слышал прежде, что они налаживают работу на литографском камне. Они с радостью согласились на воспроизведение этого сочинения. Но работа у них что-то долго не налаживалась. Ильич уже уехал в конце августа или в начале сентября в Петербург, а у них все еще ничего не было готово. Однажды пришел ко мне Ганшин и сказал, что из Петербурга приезжал от Ильича человек и забрал весь воспроизведенный материал и подлинник статьи Ильича.

Из воспоминаний М. А. Сильвина¹, принимавшего участие в воспроизведении этой работы в Петербурге, а также и из других источников видно, что первый выпуск был воспроизведен на гектографе не более как в пятидесяти экземплярах в апреле 1894 года; второе издание первого выпуска было повторено той же группой в Петербурге в июне, тоже на гектографе (значит, тоже не более пятидесяти экземпляров). В сентябре группа Сильвина уже оканчивала третье издание первого выпуска, когда Владимир Ильич приехал в Петербург и, убедившись, по словам Сильвина, что «в Москве то же несовершенство техники, медленность печатания и незначительность выхода, он, огорченный всем этим и найдя, что у нас дело подвигается по крайней мере не хуже, сейчас же попросил Малченко отправиться в Москву, взять у Ганшина все, что уже готово, а также и самые рукописи. Ганшин ошибается, говоря, что им были отпечатаны первый и второй выпуски. Им был отпечатан только один первый выпуск... Ильич хотел прежде издать третий выпуск, считая его более важным».

Группа Сильвина и отпечатала третий выпуск, пометив его сентябрем 1894 года, снабдив для конспирации надписью: «Издан провинциальной группой социал-демократов». Этот выпуск в гектографированном виде в желтой обложке доставил мне Ганшин из Петербурга только в ноябре того же года. Повидимому, дело и было так, как пишет Сильвин, отличающийся точностью своих воспоминаний. Таким образом первый выпуск был издан в трех изданиях, причем несомненно только два первых, так как они найдены в архивах, а третий в одном издании. Издание в Черниговской губернии, о котором пишет Могилянский («Былое», № 23), вышло в свет (первый выпуск?) только в двадцати—двадцати пяти экземплярах.

Издание второго выпуска сомнительно, хотя есть полицейские сведения, что он был выпущен в Москве². Во всяком случае он до сих пор не найден.

Больше достоверных сведений об издании этого сочинения нет. Поэтому неудивительно, что оно было мало распростра-

¹ «Каторга и ссылка», № 1 за 1934 год.

² См. донесение петербургского градоначальника от 27 мая 1896 года. «Красный архив», № 62 за 1934 год.

нено. Когда я приехал из ссылки в Москву в 1903 году, о нем никто не помнил. Первое о нем упоминание в литературе сделал я в своей статье в сборнике «Текущий момент» в 1906 году и повторил это упоминание в сборнике «На заре рабочего движения» в Москве в 1919 году. Тогда по моим указаниям начались поиски этой работы, которые увенчались успехом только в 1923 году, когда первый и третий выпуски были найдены в Ленинграде в Публичной библиотеке и почти одновременно в Берлине в социал-демократическом архиве. Тогда же впервые это сочинение было издано в издательстве «Московский рабочий», а затем помещено в первом томе Сочинений Ленина (см. примечание 3-е в первом томе). Так же, как и первая статья Ленина, книга «Что такое «друзья народа»» задержалась печатанием на двадцать девять лет. Но во всяком случае руководящие партийные работники первого призыва почти все читали это гениальное произведение, и оно вошло в железный инвентарь идеологии старых большевиков. Руководящие работники нашей московской организации ознакомились тогда с этой работой по первому и третьему гектографированным выпускам. Третий выпуск был взят при обыске, кроме меня, еще у двух членов нашей группы в июне 1895 года.

Личность Ильича после прочтения его книги очень выросла в моих глазах: я понял, что наше молодое русское марксистское направление нашло в его лице огромную политическую и теоретическую силу.

Образ Ильича глубоко запечатлелся во мне. Всегда жизнерадостный, веселый, с живым юмором, так внимательно вас слушающий и расспрашивающий, как будто он хочет до дна исчерпать своего собеседника, подающий также живые реплики на ваши слова, реплики, которые иногда сразу раскрывают перед вами новые перспективы. Беседы с ним доставляли истинное удовольствие и очень много давали собеседнику. Его авторитет, как мыслителя и вождя, в моих глазах, как и в глазах других моих товарищей сверстников, работавших или встречавшихся с ним, создавался уже тогда; и в последующее время, когда мы встречались с каким-либо новым вопросом теории или практики политической работы, мы всегда живо интересовались, как на этот вопрос смотрит Ильич, каково его мнение, и всегда оказывалось, что его мысли, его директивы бывали самыми мудрыми, самыми правильными, ведущими партию и пролетариат к неуклонному росту, к конечной победе.

Во время его и моей ссылки (1898—1901 гг.) я вел с Ильичом деятельную переписку. Из конспиративных соображений мы не сохраняли тогда никаких писем, и я их все сжигал. Несколько откликов этой переписки имеются в книге «Письма к родным» (изд. 1931 г., стр. 118, 225, 427).

Ильич уехал из Москвы в Петербург в конце августа или начале сентября. Мне не пришлось больше встречаться с ним вплоть до 1906 года.

ГЛАВА XXVI

ОСЕНЬ 1894 ГОДА. ПОЯВЛЕНИЕ КНИГИ СТРУВЕ. СПОСОБЫ РАЗМНОЖЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПОСТАНОВКА РАБОТЫ НА МИМЕОГРАФЕ И НА ПЕЧАТНОМ СТАНКЕ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МОЕЙ РАБОТЫ. АРЕСТ. В СРЕТЕНСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЧАСТИ

Вскоре после отъезда Ильича в Петербург в московских книжных магазинах появилась книга Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Это была первая ласточка так называемого «легального марксизма». Появление ее было своего рода сенсацией: она читалась нарасхват, обсуждалась в студенческих кружках. При всем своем буржуазно-либеральном извращении марксизма книга сыграла свою роль в борьбе с «...устарелым социально-политическим мировоззрением», по выражению Ленина, и способствовала распространению «...вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)»¹. Вообще с этой осени марксизм делает заметные успехи среди студенчества, особенно среди младших курсов, в которые начинают вливаться молодые марксисты из провинциальных питомников. Так из Нижнего приехали и поступили в университет А. И. Пискунов, Фридман, Франк; в техническое училище — Лакур, где он вместе с братьями Масленниковыми образовал первую марксистскую группу. Из Екатеринослава, Орла, Вильно и других городов тоже приехало несколько молодых марксистов.

Через таких же молодых марксистов-студентов у нас установились связи с другими городами. С Киевом нас связал студент-нижегородец Н. А. Вигдорчик, поступивший в Киевский университет, с Петербургом — Сильвин. Через них мы получали информацию, обменивались нелегальной литературой. Завязалась связь с Иваново-Вознесенском через С. П. Шестернина, с которым я познакомился у А. И. Елизаровой. С. П. Шестернин был интересной личностью. Он окончил университет в 1888 году, во время апогея реакции, и пошел служить по судебному ведомству во Владимирской губернии, но сохранил при этом свои революционные симпатии и интересы, образовавшиеся у него еще со времени участия в гимназических кружках во Владимире. В январе 1894 года, назначенный городским судьей в Иваново-Вознесенск, он проводит отпуск в Петербурге, где сходится с кружком петербургских марксистов во главе с Лениным и там определяется как марксист. Этим

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 373, 374.

кружком он снабжается нелегальной литературой для Иванова и с тех пор служит связью между ивановской социал-демократической организацией, образовавшейся там в 1892—1893 годах, и «Петербургским союзом борьбы». С осени 1894 года он устанавливает связь с нами и также получает от нас литературу. Так он проработал в Иванове до 1897 года, написав за это время несколько статей и корреспонденций, напечатанных за границей; он был автором брошюры «Десятилетие Морозовской стачки». В 1897 году был привлечен к жандармскому дознанию по ивановскому делу, но для него это ограничилось только переводом на место городского судьи в глухой городок Ефремов, Тульской губернии.

Между прочим ивановские фабриканты подавали на него жалобу, что он решает дела пристрастно, в пользу рабочих. Из Ефремова он был переведен в Бобров, Воронежской губернии, тоже судьей, и в 1906 году снова привлечен к следствию по делу организации крестьянского союза, после чего был уволен со службы. Стал присяжным поверенным и продолжал связь с партией большевиков до самой революции. Жив и работает до сих пор, оставаясь, так сказать, непартийным большевиком.

В это время у меня была еще одна встреча. Пришел как-то Прокофьев и рассказал, что он через членов одного рабочего кружка познакомился с одним студентом, который тоже ведет пропаганду среди рабочих. Я захотел познакомиться с ним. Он оказался студентом-медиком четвертого или пятого курса, Александром Николаевичем Орловым. Оказывается, он марксист-одиночка и ведет пропаганду среди рабочих, имеет уже довольно много связей. Он сказал, что избегает связываться с какой-либо группой, боясь провала, и надеется так, одиночкой, дольше продержаться и больше сделать. Я порадовался тогда этой встрече: значит, думал я, не мы одни ведем работу среди рабочих, вероятно, есть и еще такие одиночки, а может быть, и группки; очевидно, к этой работе появляется тяга среди интеллигенции.

Орлов после этого проработал еще два года и был арестован в ноябре 1896 года, войдя все-таки в организацию третьего состава «Московского рабочего союза», о чем я еще скажу. Он теперь известный врач-хирург в Вологде, беспартийный.

Перед нашей организацией все время остро стоял вопрос о литературе. Требование на марксистскую литературу как со стороны рабочих, так и со стороны интеллигенции росло чрезвычайно. Мы по мере сил удовлетворяли эту жгучую потребность разными способами.

Первый способ — это рукописное размножение. Переписывались брошюры и целые книги очень усердно как членами

организации, так и сочувствующими студентами, курсистками, рабочими. Рабочими был привлечен к переписке даже один городской. Много переписывал бывший волостной писарь Буканов, владевший прекрасным почерком. Но, конечно, при помощи рукописи копирование шло медленно и давало небольшие результаты.

Второй способ — это пишущая машинка. Добыть такую машинку было тогда не так просто. Нужны были деньги и разрешение, которое давалось учреждениям или особо благонамеренным лицам. Каким-то путем организация все же приобрела машинку. Мокроусова-Карпузи писала на ней очень усердно и подготавливала материал для гектографа, а то и просто переписывала некоторые брошюры в нескольких экземплярах. Но много ли могла дать одна машинка?

Третий способ—это гектографирование. Приходилось этим заниматься как руководящим членам организации (Спonti, Лядов), так и прибегать к помощи сочувствующих студентов и курсисток. Рабочий Е. И. Немчинов имел свой гектограф и на нем размножал свои произведения. Но гектограф давал тридцать-сорок копий и то не всегда хороших, но завести его было сравнительно все же легко и на нем издавались наши листовки и небольшие брошюры. Впоследствии, уже после моего ареста, были изданы на гектографе и более крупные вещи: «Эрфуртская программа», «Беседы», «Ткачи» Гауптмана и отдельные главы из сочинения Бебеля «Женщина и социализм».

Четвертый способ—получение литературы из-за границы и заказ литературы за границей. С этим способом дело обстояло также не очень благополучно. Получить небольшой транспорт пуда в полтора-два через Вильно было очень нелегко. За полтора года наша организация получила три-четыре таких транспорта, но один провалился на следующую ночь после прибытия, о чем я уже рассказывал, в другом оказалась почти сплошь народовольческая литература. Кроме того, надо сказать, что группа «Освобождение труда» издавала очень мало популярных брошюр, годных для широкого распространения среди рабочих. Приходилось посылать свои брошюры для напечатания. Как раз весной этого года мы послали совершенно переделанную с польского, вернее, заново написанную на основании русских материалов, брошюру «Рабочий день»; она вернулась напечатанной через Вильно месяцев через восемь, уже после моего ареста. В феврале 1895 года еще три брошюры — «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочая революция» и «Брюссельский конгресс» — отвез за границу Спonti, но они были получены в Москве только почти через год, уже после провала нашей организации, нашими преемниками.

Так неважно обстояло дело у нас с литературой, нужда в

которой, повторяю, была очень напряженной. Пра этих условиях мы мечтали о постановке хотя бы небольшой типографии и о приобретении только что изобретенного тогда мимеографа. Еще летом Лядов ездил в Нижний и привез оттуда около пуда шрифта. Но для шрифта надо сделать рамку, валик, надо достать типографскую краску. Во всем этом мы были совершенно неопытны. Я обратился к моим знакомым народолюбцам, Ленину и Захлыстову, с которыми познакомился через С. Н. Прокоповича, бывшего тогда не то народолюбцем, не то народоправцем. Они были полуинтеллигенты, пошедшие в народ, держали маленькую слесарную мастерскую, в которой вдвоем работали. Они мне обещали оборудовать маленькую ручную типографию. С этим делом тянули два-три месяца, откладывая под всякими предлогами окончание заказа. Я стал подозревать, что они решили присвоить этот шрифт для своих целей, и, действительно, они в конце октября напечатали нашим шрифтом прокламации на смерть Александра III¹. Узнав об этом, я устроил им большой скандал, в результате которого они отдали мне принадлежности для типографии. Но куда их поставить? Устроить подпольную типографию в Москве при наших возможностях было чрезвычайно трудно. Надо иметь отдельную, хорошо изолированную от соседей квартиру и надежных и «чистых» (в смысле охранного наблюдения) людей. А где их взять? Надо немало средств, которых у нас не было. Вывел из затруднения на первый раз Спonti. Он жил в маленьком мезонине во дворе большого двора на Черногрязской-Садовой, близ Курского вокзала. Он решил поставить эту типографию у себя и самому работать. Конечно, это было неосторожно: у него было много связей с рабочими, и он легко мог попасть под наблюдение, если уже не попал. Но другого выхода тогда не было. Он начал работать.

Появилась у нас тогда же возможность получить мимеограф, через Вильно, где мы его заказали. Он был получен на адрес М. Т. Елизарова или кого-то из его сослуживцев. Где его поставить? Я посоветовался с Винокуровыми, и мы решили, что я перееду к Винокурову, который занимал отдельную квартиру со своей женой и ребенком в Прогонном переулке, близ Новинского бульвара. У него была отдельная, изолированная комнатка, в которой я и поселился 25 октября, чтобы поставить там мимеограф. Надо сказать, что это решение было очень неблагоприятно: ни я, ни Винокуров не могли себя считать сколько-нибудь «чистыми». И мы сознавали рискованность этого предприятия, но другого выхода тогда у нас не было, а литература нужна была дозарезу. Итак, я

¹ Эта прокламация перепечатана в книге «Литература Московского рабочего союза», стр. 175.

поселился у Винокуровых и начал готовиться к работе на миеографе. Надо было достать вошеной бумаги, простой бумаги, краску. Все я решил делать сам, чтобы не впутывать других людей в это дело. Это все я достал через книжный склад Муриновых, которые оказывали всякое содействие революционному делу. Я решил изолироваться от всяких других дел, но это было трудно сразу сделать, надо было передать кому-нибудь кружки, которые я вел, доставлять этим кружкам литературу и т. п. Так что в результате никакой изоляции не получилось.

Между прочим у Винокуровых я вскоре познакомился с известной впоследствии сотрудницей московского охранного отделения Анной Егоровной Серебряковой, с мужем которой, бывшим народоольцем и в то время тоже сотрудником охраны, П. С. Серебряковым, я был знаком по совместной службе в губернской земской управе. С ним меня познакомил А. И. Рязанов, тоже служивший тогда в земской управе.

С Серебряковой я виделся несколько раз. Она производила впечатление очень умной и образованной женщины; ранее она привлекалась по политическому делу. Она живо интересовалась марксистской идеологией, и мы охотно с ней беседовали. У нее были большие знакомства среди московской интеллигенции, которые мы надеялись использовать для сборов денег и других целей. Мы не говорили ей ни о том, что мы работаем среди рабочих, ни тем более о наших конспиративных предприятиях... Но, конечно, близко зная нас, она о многом догадывалась. Знала она и Лядова, и С. И. Муралову, и семью Карпузи, и А. И. Елизарову (с последней она познакомилась, впрочем, несколько позднее). Так что она и ее муж, а значит, и охранка, были достаточно информированы о нашей работе изнутри¹, а снаружи за мной началась усиленная слежка, которую я вскоре заметил. Но работа уже началась и у Спonti и у меня, и мы решили идти на риск. Мы начали лихо-радно работать.

Надо было прежде всего выбрать, что нам сейчас нужнее всего отпечатать. Первой мы выбрали брошюру, написанную Винокуровым вместе со мной на смерть Александра III и на восшествие на престол Николая II. Это была брошюра чисто политического характера, в ней разбирались внутренняя политика умершего царя, доказывалось, что она была целиком направлена в интересах «промышленников, купцов и землевла-

¹ Как известно, А. Е. Серебрякова, хитрая и умная провокаторша, «мачочка» или «святая святых» московской охранки, служила ей с усердием, верой и правдой, и оставалась неразоблаченной в течение около двадцати пяти лет, до 1909 года, когда она была разоблачена Л. П. Меньщиковым. См. о ней: у Меньщикова — «Охрана и революция», все три тома, и книгу И. В. Алексеева — «Провокатор Анна Серебрякова», изд. Политкаторжан, 1932 г.

дельцев» за счет рабочих и крестьян, что это был царь дворян и кулаков. В заключение указывалось, что только борьбой рабочие и крестьяне могут улучшить свое положение; в пример ставились европейские рабочие, которые борьбой добились политической свободы и серьезных уступок от своих правительств и капиталистов. Заканчивается брошюра такими словами: «Пусть борьба наших заграничных собратьев послужит нам примером в долгой и упорной борьбе за наше рабочее дело, и пусть никого не введут в заблуждение слова нового царя, будто он будет отцом всего народа».

Первый опыт оказался очень удачным. Получалась брошюра в восемь больших страниц с печатным шрифтом пишущей машинки. Напечатав ее, я переправил ее в склад студентов И. В. Денисова и Б. А. Келлера (ныне член Академии наук СССР). Она была распространена вся, и ни один экземпляр до 19 июня 1896 года не попал в руки охранки. В этот день она раздавалась на большом рабочем собрании в лесу Николо-Угрешского монастыря, и один экземпляр попал в охранку¹.

После нее я начал печатать сразу две брошюры: «Что должен знать и помнить каждый рабочий» — тоже наша переделка с польского, которая была очень популярна среди рабочих и они ее настоятельно требовали, и брошюру «Об агитации», которая пользовалась большим успехом среди интеллигенции. Но докончить их мне не удалось...

Спonti между тем налаживал работу на типографском станке. Он начал печатать брошюрку, которую написал, помнится, Винокуров и которую отредактировали совместно с ним Лядов, Спonti и я. В ней мы решили в короткой и очень общедоступной для рабочих форме изложить основы нашей тактики. Брошюра была без заглавия и начиналась словами: «Мы живем в такое время, когда мелкое хозяйство и мелкие мастерские гибнут и заменяются крупным хозяйством и огромными мастерскими».

Далее говорится о крайне тяжелом положении русского рабочего, о чрезмерно длинном рабочем дне, о нищенской заработной плате и о бесправном положении русского рабочего, противопоставляется лучшее положение заграничного рабочего, которого он добился путем упорной борьбы. Говорится, что «за границей рабочие поняли, что жизнь их должна быть теперь одной борьбой а мир наступит лишь тогда, когда все фабрики, вся земля перейдут в их руки. И вот рабочие стали стремиться к этому. Они стали соединяться в один общий союз, в одну рабочую партию, которая поставила себе целью овладеть правительственной властью, чтобы самой издавать законы».

¹ «Литература Московского рабочего союза», стр. 170—175.

Заканчивается эта брошюра таким призывом: «Работники и работницы должны протянуть друг другу руки и вместе бороться за освобождение. Только в соединении всех рабочих заключается сила, которая разобьет все, что станет на ее пути».

Спonti начал набор этой брошюры, который подвигался крайне медленно вследствие его неопытности. Я три раза был у него в это время, и в последний раз он мне рассказал, что к нему заходил околоточный надзиратель и расспрашивал, чем он занимается и чем живет. Спonti сказал, что он ищет работу, но не может найти, и попросил надзирателя указать ему какую-нибудь работу. Посещение было весьма подозрительное, и мы решили спешно закончить, работая день и ночь, эту брошюру, а потом перенести типографию куда-нибудь в другое место. В этот раз мы отпечатали первую страницу рукописи (всего должно было получиться шесть страниц); я принес ее домой и с торжеством показал Винокурову первые плоды нашей типографской работы. Наши первые успехи в печатной работе очень нас окрылили, и мы размечтались об издании в скором времени журнала для рабочих или на первое время хотя бы непериодических сборников под заглавием «Рабочее дело».

Беседуя так с Винокуровым, мы проработали на мимеографе почти всю ночь, печатая брошюру «Что должен знать и помнить каждый рабочий». К утру я все сложил в корзину, запер ее и задремал. Не успел я еще, радостный от этих успехов, как следует заснуть, как резкий звонок прервал мою дремоту, а затем ввалилась орава полиции для производства обыска у меня и Винокурова.

Эти последние дни перед обыском у меня были какие-то лихорадочные. Я замечал за собой упорную слезку и принимал все меры, чтобы от нее избавиться, что мне иногда и удавалось. По крайней мере в «Обзоре важнейших дознаний», где говорится о нашем деле, значится: «Мицкевич принимал особые меры предосторожности, лишавшие возможности правильного за ним наблюдения», но и того, что им удалось наблюдать за мной за эти последние дни, было совершенно для них достаточно.

Приведу здесь в несколько сокращенном виде те «сведения по наблюдению за врачом Мицкевичем, проживающим в доме № 10 по Прогонному переулку, в квартире супругов Винокуровых», которые сохранились в деле. Из них видно разнообразие моих связей и отчасти характер работы. В скобках я буду давать свои объяснения, где могу:

Итак:

«19 ноября 1894 г. Мицкевич вышел в 9½ час. утра в Губ. Зем. управу, пробыв там до 3½ час. дня, вернулся домой.

В 6 час. отправился на Мал. Якиманку в д. Гогон, к жив-

шим там С. М. Кафтанову и крестьянину Г. Н. Ковалеву (относил литературу поименованным здесь рабочим завода Листа, у которых на квартире вел кружок). Пробыв с полчаса, отправился к университету, в пивную (назначено было в ней с кем-то свидание). По выходе из пивной встретился со студентом В. С. Елпатьевским, с которым отправился на Бол. Серпуховку в д. Кузнецова, к жившим там В. Ф. Ельчину, З. В. Калиопиной и Б. Ф. и Е. Ф. Масленниковым; пробыв там до 12 час. ночи, вернулся домой (это была школа, в которой жили поименованные городские учительницы, которые оказывали нам разное содействие).

20 ноября в 2 часа дня отправился в книжный магазин Карбасникова, на Плющихе, в доме Орлова, где знаком с хозяином магазина; после вернулся домой. В 5½ час. вторично вышел, отправившись в Скатертный пер., в д. № 39, к студ. Д. П. Калафати; выйдя вместе, Мицкевич и Калафати отправились на Немецкую ул., д. № 7, после по той же улице в д. № 23, где живет слесарь К. Ф. Боие (я водил Калафати, чтобы связать его с рабочими для ведения кружков).

21 ноября М. вышел в 6 час. вечера, отправился в Хамовники, Пуговичный пер., к живущим там В. П. Захлыстову и П. В. Оленину, пробыв ¾ часа, вернулся домой (ходил за получением типографских принадлежностей).

22 ноября. Был на службе. В 5 час. вечера вышел вторично и отправился на Плющиху в магазин Карбасникова, вошел в магазин с заднего хода, откуда вернулся домой в 9½ час. вечера.

23 ноября. М. отправился к Калафати, от него вернулся домой (Калафати занимался переводами популярных марксистских брошюр с немецкого и другими литературными делами в связи с нашей работой). Вторично вышел в 6 час. веч. к Захлыстову и Оленину.

24 ноября. Был на службе. В 6 час. вечера к М. пришел студент Петербургского технологического института А. А. Ганшин. Пробыв у него с полчаса, Ганшин вышел с М. На Поварской Ганшин остался ожидать, а М. прошел к Калафати; по возвращении М. названные лица простились, причем М. передал что-то вроде письма Ганшину (Ганшин приезжал из Петербурга и привез для Москвы несколько гектографированных экземпляров третьей части «Друзей народа», а я ему передал что-то для Петербурга). После этого М. пошел в д. Гонимой на Арбате к быв. студ. И. В. Денисову (отнес к нему на сохранение полученное от Ганшина). Пробыв у него с ¼ часа, отправился на свою старую квартиру в д. Корша на Мал. Молчановке. Пробыв здесь ½ часа, вернулся домой.

25 ноября М. был на службе. 26 ноября М. в 11 час. отправился к Калафати. Пробыв 20 минут, пошел на Садовую к

Спonti, жившему ранее совместно с Карпузи; пробыв $\frac{3}{4}$ часа, наблюдаемый отправился в Яковлевский пер., в д. № 19, к живущим там студенту Д. И. Ульянову и супругам М. Т. и А. И. Елизаровым. Пробыв там $2\frac{1}{2}$ часа, вынес сверток в виде папки, завернутый в газетную бумагу, после заходил в писчебумажный магазин на Воздвиженке, откуда вынес сверток в трубку и со всем этим вернулся домой».

Дальнейшие записи в том же духе.

На записи от 2 декабря дневник наблюдений обрывается, и 3 декабря я был арестован, так же как и Винокуров.

Нас отвезли в Бутырскую тюрьму, где уже находилось в общей комнате много арестованных в эту ночь. Среди них я встретил несколько человек знакомых. Из лиц, с которыми я вел в последнее время дела, там были, кроме Винокурова, студенты Калафати, Денисов, Келлер, Пискунов и Потехин. Большинство остальных, как выяснилось потом, были члены союзного совета землячества, почти целиком арестованного в эту ночь. Арест союзного совета и многих студентов вызван был происходившими тогда в университете волнениями, начавшимися по поводу хвалебной речи Ключевского Александру III, произнесенной им во время лекции. Мы к этим волнениям не имели никакого отношения, так как целиком ушли в работу среди рабочих. Но охранка решила, воспользовавшись студенческими волнениями, очистить Москву от «неблагонадежных» элементов и прихватила кроме лиц, связанных со студенческими организациями, еще ряд лиц, в том числе и нас. Я был доволен, что не видел среди арестованных ни одного рабочего, ни Лядова, ни Спonti. Значит, думал я, полиция не пронохала еще о нашей рабочей организации и нас арестовали только как «неблагонадежных» бывших и настоящих студентов.

Я недолго пробыл в этой компании: часа через два был вызван и отвезен в Сретенскую полицейскую часть, где был заключен в одиночную камеру.

Через некоторое время привезли туда же Денисова и посадили в камере рядом со мной. Начались переговоры через форточку. От Денисова я узнал, что вскоре после того, как меня увезли из Бутырок, остальным объявили о высылке их из Москвы, а его отвезли в часть. Через несколько дней ему тоже объявлено было о высылке его из Москвы; он мне сказал, что поедет в Рязань. Я попросил его известить моих родных в Рязани о моем аресте. Его увезли, и я остался один.

Я знал, что мне грозит тяжелое наказание. За печатание на mimeографе литературы, рассчитанной на широкую рабочую массу, я ожидал от трех до пяти лет одиночки, кроме предварительного заключения.

Таковы были приговоры по аналогичным делам в последние годы. Я не боялся этого наказания: я чувствовал, что я его

вынесу. Думалось мне, что я уже хорошо поработал, что идеи революционного марксизма уже стали глубоко проникать в рабочую массу, что наша организация хотя и потерпела урон в лице Винокурова, меня и Калафати, но остались на свободе Лядов, Спonti, вся рабочая группа, многие наши студенты; они сумеют повести дело дальше. Цела осталась, повидимому, типография¹. Да и Винокуров с Калафати не арестованы, а только высланы, значит, выбыл из строя только я один. Дешево отделалась еще наша организация...

Эти мысли утешали и бодрили меня. С собой я захватил из своей библиотечки десятка полтора книг по истории и медицине, которые и читал запоем в эти первые дни заключения.

Переименую здесь книги, взятые мною с собой (список их у меня сохранился): Липперт «История культуры», Кареев «История Западной Европы», т. III, М. Ковалевский «Общественный строй Англии в средние века», Виноградов «Социальная история Англии в средние века», Лучицкий «Кальвинизм и католическая лига во Франции» и несколько медицинских книг.

Через семь дней меня вызвали на допрос в жандармское управление, которое было уже 6 декабря извещено охранным отделением о моем аресте и о характере моей революционной работы. Вот что писала охранка обо мне:

«Лекарь Сергей Иванович Мицкевич стоял во главе деятельного социал-демократического кружка, который, помимо изданий на mimeографе и других копировальных аппаратах, вел правильную пропаганду и агитацию среди рабочих, сплачивая их в самостоятельную организацию, имевшую связи с иногородними рабочими центрами, находившимися между собою в оживленных сношениях и помогавшими друг другу материальными и иными средствами, а в случае арестов собиравшими по подписке деньги в пользу пострадавших.

Замечая, что рабочие затрудняются пользованием их брошюрами, сработанными на указанных аппаратах, а также циркулировавшими в рукописях, Мицкевич с близкими ему по делу людьми вступил в сношения с польской организацией и с заграничными деятелями и получал от них транспорты социал-демократических и др. групп изданий, как-то, например, имело место весной текущего года, когда только что полученный нераспакованный транспорт революционных изданий был

¹ Спonti удалось после моего ареста докончить начатую брошюрку (6 страниц). После окончания ее он свернул типографию и передал ее Лядову, который спрятал ее в смотровом колоде, в строящейся канализации клиник, где он работал. Потом она много путешествовала: на ней было напечатано несколько листков, и в конце концов она была взята полицией при обыске 10 июня 1895 года у братьев Масленниковых на даче под Москвой, где была зарыта в землю (сыщики проследили, когда ее зарывали).

взят по обыску у Надежды Николаевны Лебедевой, которая ныне арестована и находится под следствием в Петербурге и арестованный жених которой Владимир Жданов все время¹ жил ранее до ареста совместно с Мицкевичем.

Ближайшими сотрудниками Мицкевича были лекарь Александр Николаев Винокуров, студент Московского университета Дмитрий Павлов Калафати, бывший студент Московского университета Иван Васильев Денисов и другие члены рязанского кружка, по преимуществу социал-демократического.

Из числа его знакомых известны студент Московского университета Борис Александров Келлер и Сергей Иванов Потехин.

В настоящее время все означенные выше лица по распоряжению г-на министра внутренних дел удалены из Москвы с воспрещением им на некоторое время жительства в столицах и столичных губерниях и университетских городах. Причем Винокуров выбыл в Екатеринослав, Калафати — в Николаев, Херсонской губернии, Денисов — в Орел, Келлер — в слободу Екатерининскую, Самарской губернии, и Потехин — в Аразамс, Нижегородской губернии.

Ввиду проявленных Мицкевичем в последнее время приемов особой конспирации в своей деятельности, приступлено было на основании п. 21 высочайше утвержденного положения о мерах к охране государственного порядка и спокойствия к обыску в его квартире, причем у него отобраны: мимеограф со всеми принадлежностями, отчет «Красного Креста» и сработанные на мимеографе: 1) «Сочинение гр. Л. Н. Толстого «Царствие божие», 2) Статья «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», Спб., 1894 год, 3) Воззвание к рабочим и др. записки и заметки предосудительного характера. Ввиду таких результатов обыска, Мицкевич арестован и заключен под стражу в Сретенско-полицейский дом, и согласно распоряжения г-на директора департамента полиции, изложенного в телеграмме от 5 сего декабря за № 8536, он должен быть передан в жандармское управление для возбуждения о нем формального дознания».

Оказалось, что охранка очень многое знала обо мне еще до моего ареста. В жандармском управлении на допросе, который вел подполковник Порошин в присутствии товарища прокурора Александрова-Дольника, мне предъявлен был только протокол обыска. Я сказал, что все материалы, которые у меня найдены запертými в корзине, принадлежат не мне, а даны мне на сохранение лицом, назвать которое я не желаю.

Больше никаких показаний я не дал. Меня отправили в Таганскую тюрьму.

¹ На самом деле не все время, а только два месяца — с 4 февраля по 4 апреля 1894 года. У меня сохранился паспорт того времени, в котором отмечалось время переездов с квартиры на квартиру, — С. М.

ГЛАВА XXVII

В ТАГАНСКОЙ ТЮРЬМЕ. ТЮРЕМНЫЕ ПОРЯДКИ. ДОПРОСЫ.
ТЮРЕМНОЕ ЧТЕНИЕ. ОТПРАВКА В КАЛУЖСКУЮ ТЮРЬМУ

Таганская тюрьма была только что отстроена по образцу новейших американских одиночных тюрем. Это — большое пятиэтажное здание со сквозным пролетом посередине, по которому проходят железные лестницы и видны балконы с обеих сторон, проходящие вдоль дверей камер. Внизу стол старшего надзирателя, от него видна вся тюрьма, двери во все камеры пяти этажей. Везде была образцовая чистота. Ввели в камеру и заперли дверь. Осмотрел камеру: комната небольшая, но чистая; кровать поднята и заперта к стене, окно большое, но высоко от пола, около него стол и табуретка, полка на стене, а на ней таз, кувшин и кружка из красной меди. В углу параша, в деревянном судне с крышкой, под крышкой идет вентиляционная вытяжка. Ничего, думаю, жить можно. Выдали одну книгу из моего запаса, остальные остались в конторе. Хорошо, что я захватил с собой порядочно книг: хватит чтения на месяц или даже больше. В книгах было спасение: без них одиночное заключение было бы очень тяжелое.

Потекли дни за днями в строжайшем одиночном заключении.

Надзирателей было двое, Поляков и Хренов, дежурившие по шести часов два раза в сутки. За все время моего сидения в этой тюрьме, два года и три месяца, они никем не подменялись, не имея, очевидно, выходных дней.

Они не говорили со мной ни одного слова, на вопросы отвечали: «Не приказано разговаривать». На прогулку выводили раз в день на полчаса. Прогулка происходила во дворике по кругу; надзиратель Петелин, выводящий на прогулку, стоял в центре круга и наблюдал за гуляющими. Гулял я всегда один. Кровать разрешили не запирать на день. Из окна, если встать на стол, был чудесный вид на Москву, на Москва-реку, на Кремль.

Вставать на стол запрещалось, но я научился различать все шаги и шорохи в коридоре, которые доносились через вентиляционное отверстие над дверью, и я слышал, когда надзиратель подходил к двери, чтобы посмотреть в «глазок», и тогда слезал со стола. Несколько раз он ловил меня на месте преступления, но ограничивался заявлением, что вставать на стол не полагается. Впоследствии, как мне говорили, стол и табуретку прикрепили у боковой стены, так что смотреть в окно было уже нельзя. Но в мое время стол и табуретка были еще свободны, и самое большое развлечение было — смотреть из окна на Москву.

Политических арестантов было в тюрьме первое время очень мало. Я это заключил из времени, отведенного на одиночные прогулки: уголовные гуляли группами, и их громко вызывали на прогулку. Я слышал, как выводили на прогулку одиночных, и насчитывал их пять-шесть человек. Все они сидели, как и я, на пятом этаже, через несколько камер друг от друга, отделенные уголовными. Каких-либо сношений с «политиками» установить не удалось; изоляция получалась полная.

Это был особый период политических репрессий, установившийся во второй половине 80-х годов и продолжавшийся приблизительно до 1897 года. Период, когда царское правительство разгромило главные силы «Народной воли» путем виселиц, долговременных каторжных работ и массовых ссылок. В этот период оно добивало сравнительно малочисленные и разрозненные отряды эпигонов этой когда-то грозной для него партии. Политических процессов в это время не было, за исключением процесса первоапрельцев 1887 года¹. Все политические дела проводились келейно, в порядке жандармского дознания, и решались в административном порядке «по высочайшему повелению». Приговаривались за участие в народовольческих кружках, за пропаганду и распространение литературы на два-четыре года «Крестов», которые в более серьезных случаях дополнялись ссылкой до десяти лет. Административные приговоры к тюремному заключению были новостью этого периода. Это тюремное заключение политические отбывали в это время в Петербурге в особой тюрьме — «Крестах», на Выборгской стороне, построенной по американской системе строжайшей изоляции с обязательными десятичасовыми работами в одиночной камере. Работы были особо однообразными и противогигиеничными, вроде трепания пакли. Политические заключенные очень плохо переносили этот тюремный режим. В предварительном заключении обязательных работ не было, но система строжайшей изоляции проводилась жестко. Обращение с политическими в этот период было в общем внешне «корректное», важливое: об исключениях из этого я расскажу ниже. Такое обращение было завоевано жестокой борьбой. Вспомните наказание розгами в петербургской тюрьме Боголюбова, за которым последовали бурные тюремные беспорядки, и выстрел Веры Засулич, а затем ее процесс, нашумевший на всю Европу, многочисленные тюремные истории периода народовольчества, Якутскую и Карийскую истории 1889 года, тоже нашумевшие на весь мир.

Приблизительно через неделю меня вызвали на свидание с матерью. Ей сообщил о моем аресте Денисов. Она немед-

¹ Процесс по делу о подготовке покушения на царя Александра III. По этому делу было повешено пять человек, в том числе брат В. И. Ленина — А. И. Ульянов.

ленно выехала в Москву. Свидание происходило в полутемном шкафчике, разделенном двумя частыми сетками на две части: в одной части стоял я, а в другой — мать, в сопровождении жандармского поручика Чернопятова. Говорить о чем-либо, касающемся ареста или дела, было нельзя. Свидание продолжалось минут десять-пятнадцать и было тяжело и для меня и для матери. Она, конечно, гораздо тяжелее меня переносила мой арест. Мои взгляды были ей чужды и непонятны: она смотрела на мой арест и заключение, как на разгром всей моей карьеры и жизни, и очень тяжело это переживала. Единственное, о чем я просил ее, — это устроить мне доставку книг и для этого подписаться в Петровскую библиотеку, лучшую в то время частную библиотеку в Москве, помещавшуюся в Петровских линиях. Нужно было еще найти человека, который согласился бы менять эти книги в библиотеке и носить их в жандармское управление для передачи мне. Обращаться к кому-либо, кто имел со мной какую-либо связь на политической почве, я не хотел, чтобы не дать какой-либо нити жандармам. Я решил обратиться к фельдшеру И. Д. Варламову, работавшему в санитарном бюро, с которым у меня были хорошие, но только служебные отношения. Я просил мать попросить его. Он согласился и в течение двух с половиной лет, пока я сидел в Москве, доставлял мне книги из библиотеки. Делал он это совершенно бескорыстно и необыкновенно аккуратно. Я ему бесконечно благодарен: никто не оказал мне такой большой услуги.

Приблизительно через месяц меня вызвали на второй допрос. Товарищ прокурора, присутствовавший на этом допросе, был уже другой — А. А. Лопухин, тогда изящный молодой человек, впоследствии, с 1903 года, директор департамента полиции. Он впервые выдвинулся на нашем деле. В 1908 году он, как известно, выдал Бурцеву во время заграничной поездки тайну департамента о провокаторе Азефе. Это потом раскрылось, и Лопухин был осужден царским судом к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение. Лопухин мне объявил, что я привлечен по 252 статье уголовного уложения, по которой за участие в сообществе, имеющем целью ниспровержение существующего строя в более или менее отдаленном будущем, приговариваются к каторжным работам от четырех до восьми лет.

Я спросил: значит, мне предстоят каторжные работы? Он ответил: ну, каторга не каторга, а несколько лет тюремного заключения и ссылки получите. Потом мне предъявили все взятое у меня. Я повторил свою версию, что все это было доставлено мне на сохранение. Предъявили тетрадку, которая была взята не в корзине. Это был перевод с немецкого брошюры социал-демократа Шиппеля о профессиональных со-

юзах. Я сказал, что в этой брошюре ничего нет нелегального и что перевод предназначался для легальной печати. Спросили, почему она такая засаленная, грязная (она была зачитана рабочими). Я ответил, что, должно быть, завалилась на полу. После этого Лопухин сказал: «Господин Мицкевич ничем не хочет помочь следствию, которое благодаря этому может очень затянуться; дальнейший допрос я считаю бесполезным». Меня увезли опять в тюрьму. Ни о ком из знакомых меня не спрашивали; это меня успокаивало: значит, наши еще целы.

Тогда еще не был дан лозунг отказываться от показаний. Приходилось самому вырабатывать тактику во время следствия. Я усвоил такую: ни в чем не признаваться, отказываться от знакомств, кроме самых очевидных. И эта тактика была самой рациональной при тех условиях. Я знал, что народовольцы во время судебных процессов признавали себя членами партии и старались использовать скамью подсудимых для пропаганды своих идей. Но в это время политические дела не передавались суду, следствие велось келейно и хранилось в тайниках жандармских архивов. Какой же смысл разбивать перед следователями свое кредо: ведь это им только поможет установить наличие организации и усилит наказание для ее участников. Бывали случаи и в нашем деле и в других делах того времени, что некоторые это делали, принимая перед следователем «геройскую» позу, и брали на себя главную вину, старались выгораживать других, но при этом подтверждали факты и признавали знакомства, что только и надо было следователям. В результате такие «геройские» показания объективно мало чем отличались от прямого предательства. Я лично никогда не жалел и не раскаивался, что избрал ту тактику, о которой я говорил. Она фактически мало отличалась от тактики не давать показаний.

После этого второго допроса потянулись для меня бесконечные однообразные дни. Спасало чтение, которым я был обеспечен. Заключение при этом условии переносилось сравнительно легко. Думалось, что бы я стал делать без чтения; можно было бы, кажется, сойти с ума. Вообще, надо сказать, что одиночку особенно плохо переносили люди, или не привыкшие к умственной работе, или почему-либо не имеющие возможности получать книги. Из тюремной библиотеки книги политическим не выдавались, очевидно во избежание сношений через книги.

Итак, я засел за серьезное чтение с конспектированием в тетради. На руки выдавалась одна тетрадь с пронумерованными листами, на ночь она отбиралась. После окончания она сдавалась в контору и заменялась другой. При выходе из тюрьмы тетради, если в них не находили ничего противозаконного, выдавались на руки. У меня накопилось несколько

таких тетрадей, из которых одна с некоторыми дефектами уцелела у меня до сих пор. В этой тетради сохранился комплект нескольких книг и список всех книг, которые я прочитал с 27 марта 1896 года по 10 февраля 1897 года, то есть за десять с половиной месяцев.

Я воспроизвожу этот список, чтобы показать, что читали тогдашние марксисты. Что это не моя индивидуальная особенность такого характера чтения, я потом убедился из разговоров, с моими товарищами по делу и заключению. Это было типичное тюремное чтение марксиста-интеллигента того времени. Некоторые читали и больше и глубже, выполняя в тюрьме свои оригинальные работы. Я не говорю уже о В. И. Ленине, огромная литературная работа которого в тюрьме общеизвестна. Могу еще привести примеры: Федосеева, И. И. Скворцова, А. В. Луначарского, М. Н. Лядова и еще нескольких.

Мой список книг начинается с № 40 и оканчивается № 90, предыдущие 39 номеров помещены в другой тетради, которая не сохранилась. Кроме того, второй список, параллельный, начинается с № 17 и кончается № 32; в нем перечислены прочитанные мною книги по беллетристике.

Вот эти списки, воспроизводимые с буквальной точностью, как они были записаны в то время:

Научные сочинения

40. «Труды общества русских врачей», т. I.
41. «Труды общества русских врачей», т. II.
42. Беляев, «Крестьяне на Руси».
43. Гуган-Барановский, «Промышленные кризисы в Англии».
44. Зибер, «Д. Рикардо и К. Маркс» (600 стр.).
45. Скворцов, «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство».
46. К. Маркс, «Критика политической экономии».
47. Вебер, «Всеобщая история», т. XIV.
48. Каутский, «Очерки и этюды».
49. Бельтов, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».
50. Градовский, «Государственное право западно-европейских государств».
51. Каутский, «Происхождение брака и семьи».
52. Ковалевский, «Очерк происхождения и развития семьи и собственности».
53. Лампрехт, «История германского народа», т. I.
54. Лампрехт, «История германского народа», т. II.
55. Гурвич, «Экономическое положение русской деревни».

56. Милюков, «Очерки по истории русской культуры».
57. Тверской, «Очерки американской жизни».
58. Головин, «Мужик без прогресса».
59. Минье, «История французской революции».
60. Дарвин, т. I, ч. 1.
61. «Сборник правоведения и общественных знаний», т. V.
62. «Промышленность», изд. Водовозовой.
63. Bücher, «Die Entstehung der Volkswirtschaft».
(Бюхер, «Происхождение народного хозяйства».)
64. Дарвин, т. I, ч. 2.
65. Дарвин, т. II.
66. Лампрехт, «История германского народа», т. III.
67. Риль, «Четвертое сословие».
68. Ключевский, «Боярская дума».
69. Ходский, «Основы государственного хозяйства».
70. Ингрэм, «История рабства».
71. Гоббинс, «Английская реформация».
72. Иегер, «Новейшая история».
73. Кулиш, «История воссоединения Руси».
74. Иеринг, «Дух римского права», ч. I.
75. Ковалевский, «Происхождение современной демократии», т. II.
76. Виноградов, «История Греции».
77. Фюстель де Куланж, «Древняя гражданская община».
78. Мэн, «Древнее право».
79. Грегуар, «История Франции», т. II.
80. Ковалевский, «Происхождение современной демократии», т. V.
81. Нордау, «Вырождение».
82. Ковалевский, «Происхождение современной демократии», т. III.
83. «Сборник правоведения и общественных знаний», т. VI.
84. Коркунов, «Русское государственное право», т. I.
85. Брандес, «Главные течения».
86. Грееф, «Общественный прогресс и регресс».
87. Брандес, «Новые веяния».
88. Ходский, «Земля и земледелец».
89. Сергеевич, «Русские исторические древности», т. I.
90. Бобжинский, «Очерк истории Польши», т. II.
91. Ковалевский, «Происхождение современной демократии», т. IV.

Беллетристика

17. Руссо.
18. Байрон.
19. Додэ, «Жак».

20. Успенский, 2 тома.
21. Григорович, тт. I—VIII.
22. Мамин-Сибиряк.
23. Теккерей (биография).
24. Гейне (биография).
25. Шекспир.
26. Ардов, «Руфина Каздоева», ч. 1.
27. Шелгунов, «Очерки русской жизни».
28. Гегель (биография).
29. Классен, «Жизнь Лассала».
30. Ардов, «Руфина Каздоева», ч. 2.
31. Золя, «Рим».
32. Брандес, «Литературные портреты».

Книги в тюрьме прочитывались очень основательно, конспектировались, запоминались в основном на всю жизнь.

Пропускались все книги, разрешенные к выдаче из библиотек, почему-то кроме психиатрии и психологии, повидимому, чтобы не давать материала лицам, решившим симулировать душевное заболевание.

Журналы, даже старые, а тем более газеты, абсолютно не пропускались, и я за все время сидения в Таганской тюрьме не держал в руках ни одного журнала, ни одной газеты, за единственным исключением, о котором скажу позже. Получалась страшная оторванность от текущих событий, от внешнего мира вообще.

За это время произошла китайско-японская война, в России произошел переход на золотую валюту. Были и другие крупные события, но узнал я о них только значительно позже.

Беллетристика действовала на меня в тюрьме необычайно сильно: вследствие полной оторванности от внешнего мира, когда я читал какой-нибудь роман, то целиком сам переносился в ту обстановку, и переживания героев были как бы моими переживаниями, или, как говорится, я вживался в жизнь действующих лиц романа; читал такие вещи не отрываясь, с раннего утра до одиннадцати часов вечера, когда лампа убиралась в висячий фонарь и читать становилось больше невозможно. В результате такого чтения развивалась мигрень, и я после этого, усталый, не мог читать несколько дней и начинал хандрить. Поэтому я избегал много читать беллетристики, как это и видно из списка.

Кроме того, я занимался языками: читал по-немецки Гейне и Гете, по-французски Руссо. Читал еще по медицине.

Такие занятия, такое чтение по истории, экономике, статистике, праву подводили довольно основательную фактическую базу под теорию Маркса, которую мы усвоили еще до тюрь-

мы; это многих из нас сохранило в течение всей жизни в марксистско-ленинских рядах.

Между тем прошла зима, приходило лето, стало тянуть на волю, сидеть стало тяжелее, а меня больше не вызывали никуда, и я сидел, и сидел, не видя конца. За это время приезжала, раза два мать на свидания, но они, кроме огорчения, ничего для меня не приносили; не давали и информации. Наконец, мне стало невтерпеж сидеть без всяких сведений, и я попросил вызвать меня на допрос. Меня вскоре вызвали. Мне показалось, что следователи мои как-то насторожились и заинтересованно ждали, что я скажу. Мне кажется, они думали, что вот человек просидел шесть месяцев, сидеть ему надоело, и он хочет дать показания, чтобы ускорить следствие и облегчить свою участь. Но в этом они были разочарованы: я не дал никаких новых показаний, а только хотел узнать, скоро ли кончится следствие. Они мне несколько таинственно сказали, что следствие затягивается и едва ли очень скоро кончится. Я был этим ответом несколько встревожен: думалось, не напали ли они на след нашей организации.

Было это в начале июня, а в середине июня я по различным признакам — шорохам и шопотам по коридору — догадался, что привезли новую партию «политиков». Их рассадили по разным этажам, возможно дальше друг от друга. Сократили срок прогулок до двадцати минут. Пробовал перестукиваться, переговариваться в окно, но ничего не выходило. Стали новых возить на допросы. Я это тоже узнавал по долетающим из коридора фразам: «Пожалуйста в контору, оденьтесь» и т. п. Я насторожился, но меня пока не вызывали на допрос. В середине августа привезли новую группу политических, прогулки сократились до десяти-двенадцати минут, стали выводить иногда на другой дворик. Стало слышаться характерное выстукивание букв в стены. Пробовал и я, но получал мало результатов, да и относился к этому осторожно, боясь нарваться на шпиона. Но по отрывочным выстукиваниям и по разным признакам я решил, что, вероятно, провалились наши. Жду вызова на допрос. Наконец, в сентябре 1895 года вызывают. Прежде всего предъявляют массу карточек, более пятидесяти, и спрашивают, кого из них я знаю, говоря, что я должен многих из них узнать. Действительно, почти все были мои знакомые: наши интеллигенты-марксисты и рабочие. Тут были Рязанов, Давыдов, Г. Н. Мандельштам, М. Н. Мандельштам-Лядов, Винокуровы — муж и жена, Калафати, братья Масленниковы, Ганшин, еще несколько наших студентов и курсисток, затем наши рабочие-активисты — братья Бойе, Прокофьев и еще несколько. Меня эта фототека очень взволновала: значит, провал всей организации; но я старался не

подать виду, что я волнуясь, и внимательно рассматривал карточки. Не нашел там Спonti, Самохина, Немчинова, Миролубова, Семенова, Елизаровых и еще кое-кого. Отобрал несколько карточек — супругов Винокуровых, Рязанова, Давыдова — и сказал: вот этих я знаю, об остальных не имею понятия. У Винокуровых я жил, с Рязановым служил в губернском земстве, Давыдов — его зять, встречал у него, больше никого не знаю. Следователи сказали, что это невероятно, я должен знать многих из показанных, но я стоял на своем. На этом допрос и закончился.

С тяжелым чувством, совсем разбитый, возвратился я в камеру: разгром организации подействовал на меня сильнее, чем в свое время мой арест. Похандрил немного. Но потом стал соображать: во-первых, повидимому, арестованы все-таки не все, только рабочая верхушка, а периферия, повидимому, не затронута; прошло ведь больше полугода после моего ареста: товарищи, наверное, хорошо поработали за это время, и корни в рабочую среду наша организация пустила, вероятно, глубокие, которые уже не вырвут никакие аресты. Эти мысли утешали, укрепляли.

Скоро обычная жизнь и обычные занятия наладились, и опять пошли месяцы за месяцами. Прошла вторая зима в тюрьме, а за ней вторая весна.

В марте 1896 года объявили мне, что следствие по делу закончилось. Я стал ждать приговора, но увы, еще немало пришлось его прождать.

А между тем в Москве шли какие-то приготовления: по вечерам все церкви Кремля вдруг освещались разноцветными лампочками; это были репетиции иллюминации, которая готовилась, как я соображал, по случаю предстоящей коронации Николая II. Ну, думал я, вероятно, к коронации они объявят приговор и ушлиот куда-нибудь из Москвы. Ведь в Москве во время коронации будут представители многих стран и корреспонденты со всего мира, едва ли захотят показать политических тем из них, которые пожелают посетить тюрьмы. Напряженно ждал какого-нибудь изменения в своей судьбе. Вдруг велят одеться и идти в контору. Ну, думал я, объявят сейчас приговор. Но в конторе ждало меня разочарование: ничего мне не объявили, а сдали меня жандарму, который всегда возил меня на допросы. Повез он меня на Курский вокзал, доехали до Тулы, в Туле пересели на другую дорогу (Московско-Киевской дороги тогда еще не было), а я все не знал, куда везут меня: жандарм был непроницаем. Наконец, поезд остановился у станции Калуга. Со станции жандарм повез меня в калужский тюремный замок и сдал туда. Так увезли нас, политических, из Москвы по разным тюрьмам на время коронации, которая состоялась 15 мая 1896 года.

ГЛАВА XXVIII

В КАЛУЖСКОЙ ТЮРЬМЕ. ТЮРЕМНЫЕ ПОРЯДКИ БОЛЕЕ СВОБОДНЫЕ, ЧЕМ В ТАГАНСКОЙ ТЮРЬМЕ. ОБЩЕНИЕ С ТОВАРИЦАМИ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ. РАБОТА МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЛЕ МОЕГО АРЕСТА ДО АРЕСТОВ В ИЮНЕ 1895 ГОДА. КНИГИ БЕЛЬТОВА И ВОЛГИНА. ОПЯТЬ В ТАГАНСКОЙ ТЮРЬМЕ. ИЗМЕНЕНИЕ ТЮРЕМНОГО РЕЖИМА. ПРИГОВОР

В калужской тюрьме меня поместили в маленькой одиночной камере с низкими сводами под церковью. Из маленького окна видна была только высокая стена тюремной ограды. Камера была много хуже московской. На обед давали пустые щи с несколькими кусочками сала и почти совсем сухую пшеничную кашу. Но все это с лихвой вознаграждалось улучшением общей тюремной обстановки сравнительно с московской.

До нас здесь не сидели еще, по крайней мере за последние годы, политические арестанты, и среди тюремной стражи не была еще выработана по отношению к ним дисциплина наподобие московской. Надзиратели добродушно болтали о чем угодно. Вскоре ко мне в камеру пришел помощник начальника тюрьмы Племянников и просидел целый час; вели с ним беседу. Это был первый свободный разговор, который я вел за полтора года. Понятно, какое впечатление он произвел на меня! Он мне рассказал разные газетные новости за последние месяцы. Сказал также, что за последние дни из Москвы привезли, кроме меня, еще Григория Мандельштама, Александра Масленникова и студента Кирпичникова и что они сидят в одиночных камерах, смежных со мной. Все это были мои старые знакомые по совместной работе в Москве.

Как только ушел помощник начальника, я влез на стол и стал вызывать в окно своих соседей. Мандельштам и Масленников немедленно откликнулись на мой вызов, а Кирпичников упорно молчал. Как я потом узнал, Кирпичников, арестованный в июне 1895 года, в ноябре этого же года дал на допросе откровенные показания. Это, очевидно, на него потом сильно повлияло, и он через некоторое время сделал попытку к самоубийству: бросился, идя на прогулку, в пролет лестницы, сильно разбился, лежал несколько месяцев в больнице, стал проявлять признаки душевного расстройства. Так во все время нашего совместного сидения в калужской тюрьме он ни слова ни с кем не сказал.

Зато с двумя другими моими соседями мы вели нескончаемые беседы. Так как они были арестованы на шесть с лишком месяцев позже меня, а именно в июне 1895 года, то они много могли мне рассказать о том, что произошло после моего ареста.

Вот что рассказал мне Масленников. После арестов в декабре 1894 года началось восстановление прерванных связей; к работе среди рабочих были ближе привлечены молодые студенты братья Масленниковы, А. В. Кирпичников, П. Д. Дурново, курсистки Петрова и Желвакова. Вокруг Лядова образовалась новая руководящая группа, в которую входили и рабочие Бойе, Карпузи, Поляков. Спonti в начале февраля уехал за границу, получив деньги за принадлежавший ему лесок на его хуторе. Он повез с собой для напечатания перделанные нами брошюры¹.

Работа особенно оживилась с весны. Решено было отпраздновать Первое мая. Празднование было назначено накануне, 30 апреля, в воскресенье. Место празднования было выбрано в лесу близ станции Вешняки, Казанской железной дороги. Оно было особенно удобно тем, что туда можно попасть с трех железных дорог. Собрание было организовано очень конспиративно: полиция не смогла его накрыть.

Собралось двести пятьдесят — триста человек с тридцати фабрик и заводов; с некоторых фабрик пришли почти все участники кружков, с других пришли лишь делегаты. При приблизительном подсчете выяснилось, что собравшиеся представляли уже около тысячи затронутых пропагандой рабочих. Масленников присутствовал на этой первой московской рабочей маевке и подробно мне рассказал о ней. То, что рассказал он, подтвердил с еще большими подробностями через год в Бутырской тюрьме Лядов. Этот рассказ свой Лядов потом поместил в своих воспоминаниях. Приведу его здесь²:

«Перед началом митинга мы произвели тщательную проверку всех наличных товарищей. Все разбились по кружкам и друг друга проверяли, нет ли кого лишнего. Ни один кружок не знал про существование другого. Встречались рабочие, работавшие на разных фабриках, хорошо знавшие друг друга, но не подозревавшие, что их хорошие знакомые тоже являются членами организации. В этом отношении я мог отметить, что, несмотря на сравнительно широкий размах работы, условия конспирации соблюдались очень строго. Вначале, для проверки всех собравшихся, каждый кружок уединялся под каким-нибудь деревом, вытаскивалась закуска, и делали вид, что приехали просто на пикник. Только после проверки вся толпа смешалась, и слышались радостные возгласы о том, что вот-де мы все не верили руководителям, когда те говорили, что кружков уже много. Все закрадывалось сомнение, не они

¹ За границей, как я узнал впоследствии, он пробыл шесть месяцев. Брошюры были отпечатаны на его средства (четыреста рублей), и он вернулся в Москву в сентябре 1895 года; 12 декабря того же года он был арестован.

² «На заре рабочего движения в Москве», стр. 84—87, 1932 г.

ли единственно организованные, а вот теперь видят, что движение очень широко развилось, что затронуто уже очень много предприятий.

Мы не успели открыть собрание, как вдруг расставленные патрули сообщили, что прямо к нам подходит человек с ружьем. Оказывается, подходил лесник, услышавший наши голоса. Кто-то из молодых ребят решил его обезвредить. У него оказалась в запасе бутылка водки, и с места в карьер он начал угощать непрошенного гостя, причем плел ему какую-то чушь про земляков, которые собирались отпраздновать свой деревенский храмовой праздник. У кого-то нашлось подкрепление, и мы не успели опомниться, как лесник оказался побежденным водкой, стал сначала горланить песни, а затем заснул мертвецки пьяным сном. Его взяли два товарища на руки и отволокли подальше от нас. К нему приставили караульного. Но так до вечера он и не проснулся. Уж никто больше не помешал нам спокойно провести весь день вместе.

Открыть собрание пришлось мне длинной речью о значении Первого мая, о нашей организации, о борьбе западно-европейских и американских рабочих, о нашей конечной цели. Слушали как-то особенно внимательно и хорошо. После меня говорили Бойе, Поляков, Карпузи, Хозецкий, говорили и еще ряд товарищей вне программы. Говорила Мокроусова о женском движении. Поляков прочел несколько своих и чужих стихотворений, пели песни, пели Поляковым же сочиненные куплеты. Все время на ораторском месте развевался красный кумачевый флаг. Было очень торжественно, очень трогательно и очень задушевно. Чужие, совершенно незнакомые до того времени люди братски целовались. После началась простая душевная беседа, никто не хотел расходиться, хотелось как можно дольше продолжить этот день. Помню, многие подходили ко мне и с какой-то неуверенностью спрашивали, неужели мы не доживем до того дня, когда можно будет, не скрываясь в лесу, а по-настоящему, открыто отпраздновать этот день. Я был всегда оптимистом, но не решался ответить на этот вопрос утвердительно. Мы-то не доживем, это наверное, но наши дети, несомненно, доживут, если мы будем бороться. Всем так хотелось верить в это, но верилось с трудом. Я подробно рассказал, как много пришлось вынести европейским рабочим, прежде чем они добились относительной свободы союзов, собраний и участия в парламенте. Раздались возгласы: «Но немцы и французы — народ ученый, им легко было понять, а мы, русские, — темные, необразованные». Я на это горячо возражал, указывая, что французские крестьяне и рабочие сто лет тому назад, перед французской революцией, были не развитее и не образованнее наших, а вот сумели же свергнуть помещичье-дворянский строй. Нам будет легче бо-

роться, чем им, мы учтем все их ошибки и не допустим, чтобы после свержения самодержавия власть перешла к буржуазии.

По заранее составленному плану, перед уходом должны были раздать заготовленные прокламации, которые каждый из присутствующих должен был снести к себе на предприятие для широкого массового ознакомления. Всего было заготовлено четыре прокламации: две отпечатанные в типографии и две на мимеографе¹. Они все с разных сторон освещали значение Первого мая и проповедывали идею организации «Рабочего союза»², как составной части международного рабочего движения. Одну прокламацию, если память мне не изменяет, написал студент Кирпичников, одну — Карпузи и две — я.

При раздаче прокламаций какой-то неописуемый энтузиазм охватил всех присутствующих: каждый старался захватить как можно больше прокламаций, некоторые, как дети, выклянчивали себе несколько лишних экземпляров, чтобы раздать их по тем или иным фабрикам, представителей которых не было на празднестве. Кто-то предложил всем идти к Рогожской заставе, идти демонстративно, с песнями. Несмотря на все мои и других устроителей возражения, это предложение было всеми подхвачено. Поздно ночью мы правильными рядами двинулись по шоссе, с красным флагом впереди, по направлению к Москве. По дороге нам встретилось всего лишь несколько крестьянских возов. Крестьяне испуганно смотрели на нас, стройно идущих с пением революционных песен. Перед самой Москвой мне удалось убедить разойтись по разным улицам небольшими группами. И я у каждой группы брал слово, что ребята совершенно молча, не разговаривая друг с другом и тщательно избегая каких-нибудь столкновений с «фараонами», разбредутся по домам.

Только отпустив последнюю группу, я сам поплелся на Грузины, где снимал в то время угол у какого-то кондуктора с Брестской дороги. Один старик-рабочий из Курских мастерских, которого я до сих пор не знал, пошел проводить меня и все время шептал, что вот он неграмотный, а несет домой одну прокламацию и дома заставит прочесть ее свою грамотную внучку. Уже после мне рассказывали, что, действительно, старик собрал свою многочисленную семью, всех соседей, заставил свою внучку прочесть эту прокламацию и сказал целую речь о том, что вот-де он помнит, как царь освободил в 1861 году крестьян: они все тогда радовались, читая царский

¹ Одна прокламация напечатана в книге «Литература Московского рабочего союза» (стр. 61—68), другая — в книге «На заре рабочего движения в Москве». Еще две не найдены, — С. М.

² На этом собрании и было принято московской организацией название «Рабочий союз», — С. М.

манифест, которого никто не понял, а вот теперь мы читаем уже не царский манифест, а манифест рабочего люда, который сам себя хочет освободить; это будет посильнее и повернее царского. После чтения старик спрятал прокламацию за икону, на память детям и внукам.

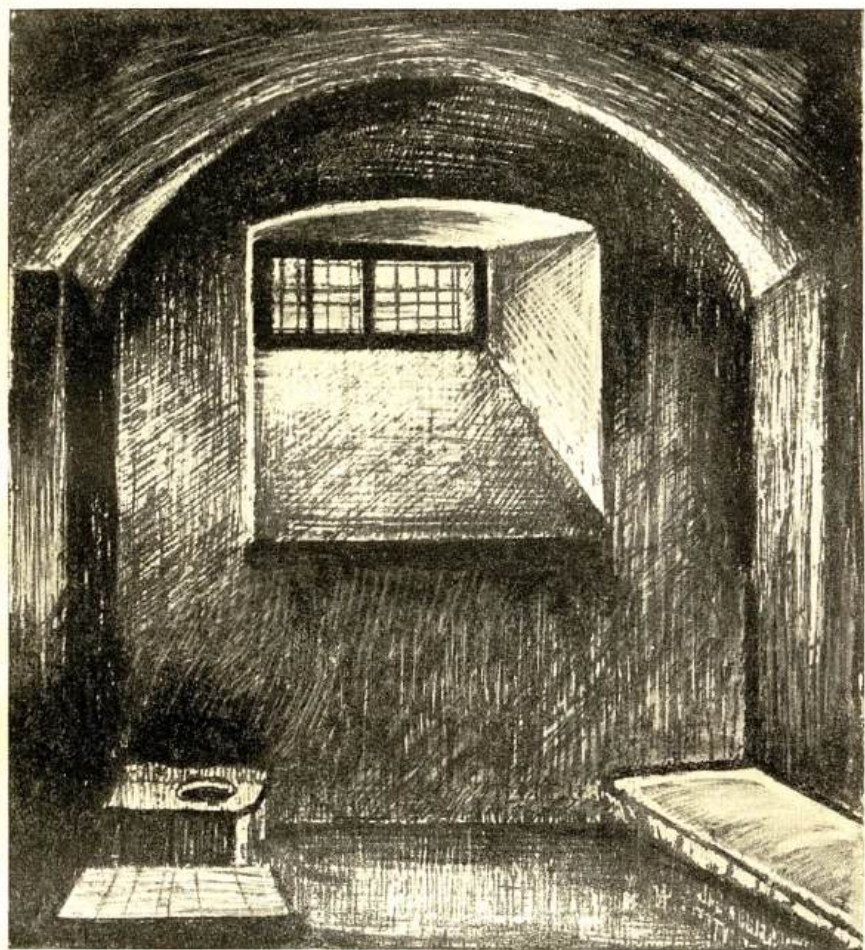
Празднование на этом еще не закончилось. На следующий день, Первого мая, без всякого предварительного уговора, на всех московских традиционных гуляниях — на Ходынке, у Новодевичьего монастыря, в Сокольниках, в Анненгофской роще, куда после обеда (в то время Первое мая шабашили на всех фабриках с обеда) направился массаами рабочий народ, можно было наблюдать отдельные кружки, среди которых один из участников массовой рассказывал про нее и читал вслух прокламации. Разговоры о праздновании распространились по Москве самым широким образом.

После маевки интерес в рабочей массе к революционной пропаганде сильно возрос. В течение мая и начала июня состоялось много собраний в подмосковных рощах; на них обсуждался проект устава «Рабочего союза». Но усилилась и слежка за всеми активными работниками; за нами шпики ходили, что называется, по пятам. Попытки сколько-нибудь основательно поставить типографию не удавались. Слежка за нею шла неотступно. Но все же несколько прокламаций на типографском станке и на вновь приобретенном мимеографе было отпечатано.

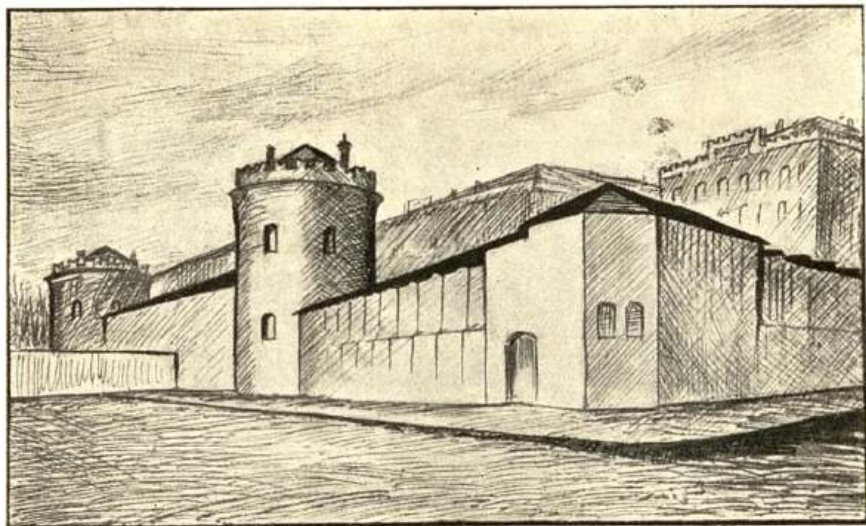
В это время было получено из Ярославля от студента Каверина, поддерживавшего связи с нашей организацией, письмо о стачке на Корзинкинской мануфактуре в Ярославле, сопровождавшейся вызовом войск и стрельбой в толпу рабочих, в результате были убитые и раненые. Войска получили после этого «высочайшую благодарность». Немедленно были командированы организацией в Ярославль Ганшин и А. Масленников. Там они собрали хороший материал о стачке, но было уже поздно...¹

11 июня предположено было устроить большое собрание между станциями Люблино и Люберцами, на котором ожидалось до двух тысяч рабочих, ожидалось представители иногородних организаций — из Тулы, Иваново-Вознесенска, Раменского, Александра, Коврова. На собрании должен был быть принят устав «Рабочего союза». Была заготовлена в большом количестве печатная прокламация за подписью «Рабочий союз». Она была напечатана в квартире Дурново и Петровой. Квартира эта была снята организацией специально для постановки типографин. Но вскоре же замечена была упорная слежка за

¹ По воспоминаниям Лядова, организация успела выпустить листок о Ярославской стачке.

Одиночка калужской тюрьмы

Бутырская тюрьма с Лесной улицы

Н. Е. Федосеев

этой квартирой, и типографию свернули, отвезли на дачу Масленниковых в Мытищи и зарыли там в землю в лесу. Но сыщики все это проследили. Накануне этой сходки, в ночь на 11 июня, были арестованы все руководящие московские марксисты-интеллигенты, в том числе М. Н. Лядов, А. И. Рязанов, И. А. Давыдов, братья Масленниковы, Ганшин, Дурново, Кирпичников, Петрова, Мокроусова-Карпузи и ряд других. Из рабочих был арестован лишь один А. Д. Карпузи. Были взяты типографский станок, два мимеографа, склад нелегальной литературы. Словом, вся интеллигентская марксистская группа и вся техника организации были начисто разгромлены. Разгром распространился и на Екатеринослав, где были арестованы муж и жена Винокуровы, Григорий Мандельштам и ряд рабочих Брянского завода и других мастерских города. Гр. Мандельштам подробно рассказал мне тогда об их работе в Екатеринославе. Винокуровы и Мандельштам были сразу привлечены и по московскому и по екатеринославскому делам.

Рабочая центральная группа почти вся уцелела, из нее был арестован только А. Д. Карпузи. Что происходило в Москве после ареста интеллигентской группы, ни Масленников, ни Мандельштам не знали, хотя об аресте рабочей центральной группы, последовавшей в августе этого же года, Масленников знал по некоторым сведениям, которые ему удалось собрать путем перестукивания в Таганской тюрьме. Во всяком случае для нас было ясно, что хотя и провалился и интеллигентский и рабочий центры, значительная периферия и в той и в другой среде осталась и она сумеет вновь наладить работу¹.

Много радости и бодрости во время сидения в калужской тюрьме дало нам сообщение о грандиозной майской стачке всех текстильных фабрик в Петербурге, организованно продолжавшейся три недели. Об этой стачке мы узнали из правительственного сообщения, которое было напечатано во всех газетах. Газету с этим сообщением принес нам Племянников.

¹ Слухи об этих арестах, равно как и о первой московской рабочей маевке, широко распространились и произвели большое впечатление. Плеханов летом 1895 года в своем письме к Энгельсу незадолго до его смерти писал из Женевы: «В начале мая (старого стиля, на самом деле — в начале июня, — С. М.) была устроена в Москве облава, причем было арестовано до восьмидесяти человек обоего пола. Этот разгром постиг либералов (? С. М.) и социал-демократов. Аресты в рабочем классе были следствием Первого мая, которое праздновалось в Москве собранием ста двадцати шести делегатов от рабочих кружков. Этот праздник был в то же время чем-то вроде местного съезда Москвы и ее окрестностей». Далее Плеханов сообщает Энгельсу о Ярославской стачке в мае этого же года и известия о нарастании общего недовольства в России и заканчивает свою информацию словами: «В России становится жарко. Что-то будет? Что-то будет?» (Группа «Освобождение труда», сборник № 2, стр. 237, Госиздат, 1924 г.)

С радостным волнением прочитал я в газете это сообщение. Оно доказывало, как неудержимо растет рабочее движение в России, несмотря на все препятствия и гонения правительства.

Конечно, мы через окна сейчас же обменялись сведениями об этой стачке и обсуждали ее значение. Таким образом мы устраивали ежедневные регулярные беседы вдвоем и втроем, обменивались информацией, вели также беседы теоретического характера, обсуждая разные вопросы теории и практики. Особенно содержательны были беседы с Мандельштамом. Это был человек с большой эрудицией и оригинальным умом. В тюрьме он много работал. Беседы с ним доставляли большое удовольствие. К концу нашего пребывания в Калуге я стал замечать за ним какие-то странности: он начал высказывать совершенно необоснованные подозрения в шпионстве, проявлять какую-то болезненную мнительность. Как потом оказалось, у него начиналась уже душевная болезнь, которая быстро овладела им, и он умер через несколько лет в психиатрической больнице. Самодержавие поглотило еще одну из своих бесчисленных жертв из наших лучших, талантливейших людей.

Ко мне на свидание приезжала в Калугу один раз моя мать. Свидание было в конторе, «лично», без решеток, в присутствии Племянникова, который то и дело уходил в другую комнату и оставлял нас одних. Можно было говорить спокойно обо всем. Мать мне сказала, что она привезла мне две книги от Анны Ильиничны Елизаровой, которая поручила еще ей передать мне, что у них все благополучно и что дела в Москве идут очень хорошо. Это было как раз время разгара работы «Московского рабочего союза» второго состава, о чем я еще расскажу. Я ее порадовал тем, что в калужской тюрьме живет неплохо, гораздо лучше, чем в Москве. Она ушла со свидания успокоенной. Хорошими вестями, полученными из Москвы, я, конечно, немедленно порадовал товарищей.

Книги, присланные мне Анной Ильиничной, были: Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и Волгин «Обоснование народничества в трудах В. В.». Я запоем прочитал их. Поразительно было появление легальных боевых марксистских книг. Загадочным для меня было, кто авторы этих замечательных книг. Думалось, что такие книги должны оказать сильное влияние на переход интеллигенции к марксизму и что самая возможность появления таких легальных марксистских книг показывает, насколько марксизм становится влиятельным. Много и долго обсуждали мы втроем эти книги.

Так в интересном чтении, беседах, длительных прогулках — часа по два в день по обширному тюремному двору — прохо-

дила наша жизнь в калужской тюрьме. Она казалась нам раем сравнительно с жизнью в Таганской тюрьме.

Надо сказать, что Племянникову нагорело от начальника за либеральное отношение к нам, и он вынужден был изменить его: прекратить беседы с нами и передачу газет.

Просидели мы так в Калуге около двух месяцев. В начале июля нас поодиночке перевели опять в Москву, в опостылевшую Таганскую тюрьму. Меня посадили попрежнему в мой 269 номер на пятом этаже. Опять потекла нудная тюремная жизнь — с молчанием, с короткими прогулками, с полной неизвестностью о будущем. После Калуги эта жизнь стала казаться еще тяжелее. Но я не падал духом и держал себя бодро. Как-то раз при уборке камеры надзиратель Хренов говорит мне: «Вот, господин Мицкевич, я вам удивляюсь: сидите вы уже около двух лет, а все веселый, смеетесь и шутите».

Тюремные надзиратели за последние месяцы заметно изменились: утратили свою непроницаемость и молчаливость, стали понемножку втягиваться в разговоры. Да и вообще тюрьма стала как-то изменяться. Чем же вызвано было это изменение? Дело в том, что число политических заключенных за время моего сидения с единиц перешло за десятки, да и состав «политиков» заметно изменился. Прежде политические были почти исключительно интеллигенты, преимущественно студенты, теперь в числе политических в большом проценте появились рабочие. Этот состав был ближе и понятнее тюремной страже, и она стала подвергаться влиянию этого элемента. Однажды другой мой надзиратель, Поляков, отличавшийся какой-то особой ехидно-злой сыщической повадкой, не сказавший со мной за полтора года ни одного слова, кроме официальных «обед», «ужин», «пожалуйста на прогулку» и т. п., неожиданно заговорил со мной: «Что это, господин Мицкевич, непонятно как-то стало нынче: прежде шли все политические господа, а ныне политический мужик пошел?» Я, конечно, воспользовался этой его репликой и постарался ему возможно понятнее и короче объяснить, что это значит. Поведение его со мной после этого разговора резко изменилось: мы стали вести короткие беседы во время уборки камеры. А Хренов передавал мне даже несколько раз газету «Русские ведомости», которую, оказывается, обертывали посуду с молоком, передаваемым одному из заключенных, а потом он через Хренова давал ее читать другим. Явление это было бы совершенно невероятно всего год назад! Чтение газеты в тюремной обстановке доставляло огромное удовольствие. В тюрьме стало вообще шумнее: пошли перестукивания, разговоры в окна и через парашную вентиляционную трубу.

Вторая половина 1896 года была особенно богата в Москве арестами. Провалы «Московского рабочего союза» следовали один за другим: в июле, ноябре и декабре было три больших провала со многими арестами. В ноябре была большая студенческая демонстрация на Ваганьковском кладбище по случаю полугодщины Ходынской коронационной катастрофы. Группа организаторов этой демонстрации тоже попала в Таганку. Эта демонстрация была очень популярна среди москвичей. Ходынская катастрофа, в которой погибли, благодаря неправильным действиям царской полиции, тысячи рабочего московского люда, и поведение царской клики после этого, продолжавшей, как ни в чем не бывало, свои празднества, глубоко возмутили москвичей, и демонстрация-протест по случаю этих событий была понятна и симпатична для московских жителей. Впервые студенческая демонстрация произошла по поводу, понятному и популярному для широкой массы. Это нашло отклик и среди тюремной стражи, которая подавала нам сочувственные реплики, когда привели в тюрьму арестованных демонстрантов.

А между тем недели шли за неделями, и конца моему сиденью не предвиделось. Пришел новый, 1897 год, а я все в тюрьме, а арестован я был еще в 1894 году. Пошел третий год моего тюремного сидения.

Но всему бывает конец, пришел конец и неопределенности в моей судьбе. 10 февраля 1897 года, то есть через два года и два с лишком месяца после моего ареста, ко мне в камеру входит начальник тюрьмы с какой-то бумагой и с особым торжественным видом. «Пришел объявить вам приговор, — сказал он и прибавил: — Приговор вам тяжелый — пять лет». Я уже говорил, что я ждал приговора на три-пять лет тюремного заключения по примеру приговора последних лет по аналогичным делам. У меня в голове пронеслось: «Очевидно, пять лет тюремного заключения. Ну, вынесу и еще пять лет заключения, по крайней мере срок будет определенный». Сейчас же спросил начальника: «Пять лет тюрьмы?» Он ответил: «Нет, по высочайшему повелению вы приговорены к пяти годам ссылки в Якутскую область». Я чуть не подпрыгнул от радости: пять лет ссылки! Значит, подумал я, конечно мое тюремное заключение, я скоро буду на свободе, хотя бы и в ссылке. Я не знал тогда, что пройдет еще целый год мытарств по тюрьмам и этапам, покуда я не получу ссыльной «свободы»...

Следует отметить, что с 1897 года начался период более мягких приговоров сравнительно с предыдущим периодом и последующим в 1902—1904 годах. Еще в прошлом году Бруснев за пропаганду среди петербургских рабочих, — причем не было обнаружено в его организации ни типографии, ни

mimeографа, ни оригинальных прокламаций и брошюр, — получил три года Петропавловки и десять лет ссылки «в отдаленнейшие места Якутской области». Цыперович и Калашников за пропаганду в Одессе получили по десяти лет тоже «в отдаленнейшие места Якутской области». У нас приговор был значительно мягче: мы только четверо — Лядов, Гр. Мандельштам, Винокуров и я — получили по пяти лет Восточной Сибири, Поляков — три года Восточной Сибири, остальные — по три года и меньше в Архангельскую губернию, некоторые были высланы на место родины, другие по выбору, кроме столиц, университетских городов и больших фабричных центров.

По делу «Петербургского союза борьбы» (приговор состоялся почти одновременно с нашим) получил пять лет один только Запорожец, остальные — по три года и меньше. В. И. Ленин получил три года ссылки в Минусинский округ, Енисейской губернии.

Позже стало известно, что первоначально намечались более суровые приговоры — от восьми до десяти лет ссылки, но в окончательном виде они были смягчены до трех-пяти лет. Это сопровождалось и другими смягчениями условий отправки в ссылку: выпуском на свободу перед ссылкой «для устройства своих дел», разрешением ехать в ссылку на свой счет и т. п., о чем я расскажу еще в следующей главе.

Объяснить это некоторое смягчение репрессий по отношению к марксистам в этот период, может быть, можно тем же, чем объяснял Ленин разрешение цензуры на выпуск в свет марксистской литературы как раз в это время, о чем я тоже буду говорить в следующей главе.

Мне тогда не дали ознакомиться с приговором в целом и с обвинительным актом. Ознакомился я с ним только в архиве после революции. Надо сказать, что жандармы и прокуратура, в общем, правильно разобрались в нашем деле и правильно охарактеризовали работу нашей организации со своей классово-политической точки зрения. Обвинительное заключение подписал министр юстиции Н. В. Муравьев, тот самый, который выступал обвинителем по делу «цареубийства» 1 марта 1881 года. Он имел большой опыт в политических делах. Приведу здесь выдержки из обвинительного заключения (целиком оно помещено в Приложении): министр юстиции находит, что «обстоятельства настоящего дела заключаются в следующем. В конце 1894 года¹ среди фабричного населения города Москвы и ее окрестностей появились многочисленные воззвания социал-демократического и отчасти революционного содержания, подстрекавшие рабочих к образованию союзов и устрой-

¹ На самом деле с начала 1894 года, но вначале листки не попадали в руки полиции, — С. М.

ству касс для организованной борьбы с капиталистами. Эти прокламации и равно распространявшиеся наряду с ними произведения подпольной прессы и устная пропаганда некоторых лиц вызвали на фабриках волнения и беспорядки. Под влиянием означенной агитации рабочие проявили стремление к совместному обсуждению интересовавших их вопросов и стали в окрестностях столицы периодически устраивать многолюдные сходки. На собраниях этих руководители, преимущественно представители интеллигентного класса, раздавали противоправительственные издания и произносили речи, указывая на неудовлетворительность экономического положения трудящегося сословия, а также на необходимость единения и упорной борьбы с существующим общественным строем в видах достижения социалистической свободы и политической власти».

Далее идет перечисление главных обвиняемых в числе семнадцати, после чего идет такой текст:

«Названные лица, стремясь к осуществлению противоправительственных целей, старались возбудить волнения среди фабричного населения на почве мелких нужд и требований, имея в виду приучить рабочих к отстаиванию своих интересов и пробудить в них классовое самосознание, при наличности которого только, по мнению агитаторов, и возможно было бы трудящемуся сословию захватить общественную и политическую власть в свои руки. В этих целях поименованные члены кружка составляли воззвания и переводили с иностранных языков преступного содержания статьи и брошюры, печатали таковые на имевшихся в их распоряжении типографском станке, гектографе и мимеографе, распространяли изготовленные таким образом в большом числе экземпляров подпольные произведения среди фабричного населения, а также в кругу своих единомышленников и знакомых, стараясь заинтересовать наибольшее число лиц вопросами социал-демократического характера, и, наконец, собирали сходки, руководили ими и произносили речи, в которых, порицая современное экономическое положение, призывали рабочих к открытой борьбе с капиталистами для достижения равенства и свободы».

Далее идет выяснение степени виновности отдельных лиц.

После объявления приговора в моем положении ничего не изменилось, и я продолжал сидеть в Таганке, не зная, когда меня переведут в пересыльную для отправки дальше. Я надеялся, что это будет скоро, а дни шли за днями, и мне ничего не объявляли.

Стал думать, что буду делать в ссылке, строил планы жизни там. Якутская область представлялась какой-то обледенелой пустыней. Я задавал себе вопрос, растут ли там деревья, бывают ли цветы на полях летом и т. п.

Достал из библиотеки книгу о России, изданную министерством финансов к всероссийской выставке 1896 года. В ней я нашел описание Якутской области, из которого узнал, что земледелие находится там в зачаточном состоянии, население живет в юртах с ледяными окнами, вместе со скотом; пароходы по Лене делают только два-три рейса в лето.

5 марта, наконец, перевели меня в Бутырскую пересыльную тюрьму.

ГЛАВА XXIX

В БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЕ. ТЮРЕМНЫЕ ВСТРЕЧИ. СОСТАВ ПОЛИТИЧЕСКИХ. РАБОТА «МОСКОВСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА» В 1895—1897 ГОДАХ. УСПЕХИ МАРКСИЗМА. ПЕРЕЛОМ В ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. ОТПРАВКА В СИБИРЬ

Перевод в Бутырскую тюрьму сопровождался переводом нас из ведения жандармского управления в ведение тюремного ведомства. Теперь разрешения на свидания, передача книг и вещей шли только через начальника тюрьмы. Меня направили в «Часовую» башню. При входе в отдельный дворик, прилегающий к башне, меня встретила группа заключенных в этой башне. Среди них оказались мои друзья и товарищи по работе — А. Н. Винокуров и М. Н. Лядов. Прошло два с лишком года, как мы расстались после моего ареста; они после этого, проработав еще шесть месяцев, тоже были арестованы и просидели в тюрьме год и девять месяцев. Теперь мы были опять вместе. Встреча была бурно радостная — расспросы, разговоры...

Сейчас же меня познакомили с Поляковым, который тоже был приговорен к ссылке в Восточную Сибирь на три года и о котором я раньше много слыхал от Лядова, но с ним не приходилось до этого встречаться. Все они трое были тоже только что переведены из Таганской тюрьмы. Начали узнавать об участии остальных товарищей. Скоро мы узнали, что только на-днях отправили из пересыльной партию в Архангельск, в которой пошли Спonti и Петрова на два года, братья Масленниковы, Константин Бойе, Александр Хозецкий, И. А. Давыдов, Андрей и Пелагея Карпузи, Дурново — все на три года. Мы очень жалели, что не удалось их повидать. Об остальных товарищах мы узнали, что они получили меньшие наказания или были совсем освобождены. Просидели они в предварительном заключении тоже меньшие сроки — от двух до восьми месяцев. Всего было привлечено по нашему делу пятьдесят три человека¹. Лядов сообщил еще пе-

¹ Об этом подробнее в Приложении «Приговор». Упомяну здесь в двух словах о дальнейшей судьбе участников нашей организации, о которых я знаю. *Живы* (1939 г.) и состоит в рядах ВКП (б): А. Н. Винокуров, М. Н. Лядов, С. И. Мицкевич, И. А. Давыдов, А. Д. Карпузи, М. П.

чальную весть о своем брате Григории, что он психически заболел и сейчас находится в психиатрической больнице.

Кроме перечисленных лиц, в башне оказались Борис Окольский, идущий в Якутскую область по делу одесской группы народовольцев, два екатеринославских рабочих — Кац и Файн — из кружка Винокурова и несколько польских рабочих из Лодзи.

Мы все быстро перезнакомились, и начались бесконечные разговоры. Первую ночь, помнится, совсем не спали, проговорили до утра. В одиночках за два года мы намолчались досыта, теперь хотелось говорить и говорить без конца, узнавать новости, расспрашивать товарищей из других городов об их делах и рабочем движении в их местностях.

Поляков нам рассказал, как они работали после ареста интеллигентской группы. Центральный рабочий кружок взял все руководство делом в свои руки; сам Поляков написал две прокламации, которые оттиснул в типографии наборщик Наумов; Наумов и сам написал одну прокламацию, очень безграмотную, но зато очень темпераментную¹. Летом устраи-

Петров (впрочем, за последние несколько лет не имею сведений о нем), Б. А. Келлер. Беспартийные: А. Н. и В. Н. Маслениковы, А. А. Ганшин, Е. Э. Лакур (все — инженеры), П. И. Винокурова, А. С. Розанов (персональный пенсионер). Д. П. Калафати был делегатом от николаевского комитета на втором съезде партии. После 1905 года отошел от активной работы. Живет в Одессе.

Умерли, состоя в рядах ВКП(б): А. И. Рязанов (умер в 1931 г.), С. И. Муралова, (умерла в 1932 г.), Е. И. Немчинов (умер в 1932 г.), А. И. Смирнова, И. Прокофьев (умер в 1936 г.). Умерли, будучи беспартийными: Е. И. Спonti (умер в 1931 г.; после возвращения из ссылки не принимал активного участия в революционном движении), К. Ф. Бойе (после возвращения из ссылки работал некоторое время в Англии, потом, возвратясь в Россию, не принимал участия в революционной работе). В. А. Жданов был в ссылке на три года в Вологде, после окончания которой стал присяжным поверенным (адвокатом); в 1905 году вступил в московскую партийную организацию большевиков, в 1907 году был приговорен к каторжным работам на четыре года, затем отбывал ссылку до 1917 года, после Февральской революции отошел от партии. Умер в 1932 году. Давно умерли: А. И. Хозецкий, П. С. Карпузи, Ф. И. Поляков, П. Д. Дурново. Об остальных не имею сведений.

¹ Эти прокламации напечатаны в книге «Литература Московского рабочего союза», стр. 70—72. Приведу здесь прокламацию, написанную Наумовым, как особенно характерную, исправив ее правописание:

«Товарищи, мы спим и не видим, как капиталисты нас грабят. Нашу кровь пить довольно потрудились, пора и честь знать. Итак, товарищи, последуем примеру наших товарищей, братьев по труду, заграничных рабочих. У них такие законы, и они добились своего, а мы, как рабочий скот, работаем по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки, набиваем карманы богатей нашей кровью, нашим трудом. Товарищи, вся трудовая кровь наша у капиталистов. Неужели они сильнее нас? Их горсть, а нас миллионы. Товарищи, ведь мы братья между собой. Забудем ссоры и вздоры, будем соединяться — и сообщая на врага! Берем за руки и будем просить короткого рабочего дня! Товарищи, просыпайтесь! Пора начинать мстить кровь за кровь! Рабочие всех стран, соединитесь!»

вались за городом собрания рабочих, человек по семьдесят-сто, на них выступали Поляков, Бойе, Хозецкий и др. Чувствовалась большая нужда в литературе. Незадолго до ареста они познакомились с интеллигентами Колокольниковым и Кварцевым. Колокольников бывал на последних заседаниях центрального кружка. В рабочей среде шло тогда большое брожение, вспыхнуло несколько стачек, в том числе на Прохоровской мануфактуре (ныне Трехгорной). Были собраны сведения о нескольких стачках и выпущена гектографированная брошюра под заглавием: «Стачки и их значение для рабочего класса». В ней описаны стачки на Прохоровской и Реутовской мануфактурах, в чаеразвесной Попова, стачка в Тейкове и знаменитая Ярославская стачка¹.

В ночь на 16 августа большая часть членов центрального рабочего кружка была арестована², но все же остались на свободе Немчинов, Зиновий Лавров, Семенов, Миловидов и Мария Бойе, принимавшая активное участие в работе центрального кружка и имевшая большие связи среди рабочих; не арестованы также Колокольников и Кварцев и вся обширная рабочая периферия. Так что, говорил Поляков, наше дело не заглохнет: слишком глубокие корни пустило оно в рабочую среду.

Много рассказывал Лядов о своей работе после ареста меня и Винокурова. Он остался после этого фактически единственным руководителем московской рабочей организации,³ так как Спonti вскоре уехал за границу. Молодые студенты, которых он привлек к делу, были еще недостаточно подкованы как в теоретическом, так и в практическом отношении, и ими необходимо было постоянно руководить. Ему пришлось руко-

¹ «Литература Московского рабочего союза», стр. 285.

² Приведу здесь сохранившийся по этому поводу в делах московского охранного отделения документ:

«Начальник Моск. губ. жанд. управления 12-го августа 1895 г. № 6351. Москва. Секретно.

Г. и. д. московского обер-полицмейстера.

По роду производимого при вверенном мне управлении дознания о деле Сергее Иванове Мицкевиче и других (ст. 250 Улож. о наказ.) признано необходимым произвести обыски у следующих, упоминаемых в отношении вашего превосходительства от 13 апреля, 16 июня и 4 июля с. г. лиц: 1) К. Ф. Бойе, 2) Ф. Ф. Бойе, 3) Ф. И. Полякова, 4) С. И. Прокофьева, 5) М. Ф. Бойе, 6) А. И. Хозецкого, 7) Д. М. Гаврилова, 8) Д. Я. Малинова, 9) С. Захарова, 10) Г. Хорпленского, 11) Рудольфа Мейера.

Вследствие изложенного, имею честь покорнейше просить вашего распоряжения о производстве в возможно скором времени одновременных обысков у названных лиц, после чего К. и Ф. Бойе, Полякова и Прокофьева надлежит безусловно арестовать. С остальными же поступить согласно результатов обысков.

Арестованы были К. и Ф. Бойе, Поляков, Прокофьев, Малинов, Хозецкий и Захаров («На заре рабочего движения в Москве», стр. 68—69, 1919 г.).

водить и пропагандой и агитацией среди рабочих, налаживать технику, порой самому набирать и печатать листки в смотровом колодце клиник, приходилось выступать и среди интеллигенции. Он рассказал о своем выступлении на большой вечеринке 19 февраля в Техническом училище, где он выступил с программной речью. В начале речи отношение к нему было очень враждебное, но он его переломил и закончил речь при одобрении части слушателей. Ему многие возражали, особенно резко один учитель И. И. Скворцов и студент Руднев, они оба вскоре стали марксистами.

Среди студенчества появилось много кружков, где изучалась марксистская литература. Образовался такой кружок даже среди студентов духовной академии в Троицко-Сергиевской лавре, куда несколько раз ездил Лядов. Этот кружок завел гектограф и печатал на нем марксистскую литературу.

Кац и Файн рассказали нам о работе среди екатеринославских рабочих, которая пустила большие корни в рабочую среду заводов и мастерских Екатеринослава.

Сами они работали в мелких слесарных мастерских, но имели знакомых и на крупных заводах города. Они шли на три года в Восточную Сибирь, несколько их товарищей по делу, получивших такой же приговор, сидели в это время тоже в Бутырках. Рассказывали они еще о том, как велись допросы рабочих в екатеринославском жандармском управлении. Оказывается, жандармы на допросах их запугивали каторгой, чуть ли не виселицей, были очень грубы с ними, били по лицу, лишали свиданий и передач, с целью вынудить откровенные показания. Многие не выдерживали этих пыток и давали показания... Сами Кац и Файн казались очень стойкими и сознательными товарищами, но Файн после окончания ссылки перешел к эсерам и через некоторое время опять пошел на пять лет в Якутскую область, где я его опять встретил. О таком же обращении на допросах рассказывали и лодзинские рабочие. Вообще обращение жандармов и тюремщиков с рабочими, особенно в провинции, было, как правило, хуже, чем с интеллигентами. Тут они часто теряли всякую «корректность» и выступали как озверелые и неприкрытые классовые враги.

От польских рабочих узнали мы о широкой постановке революционной работы в Польше и, в частности, в Лодзи, где бывают часто стачки, руководимые социал-демократами. Все наши лодзинцы были яркими социал-демократами и очень враждебно относились к польской социалистической партии — ППС, которая тоже вела работу среди рабочих и в некоторых городах Польши, особенно в Варшаве, пользовалась влиянием среди рабочих.

Поляки знали много революционных песен, которым научи-

ли и нас. Пели «Варшавянку», «Червонный штандарт», песню о Первом мае и еще несколько. Пели мы и новые и старые русские революционные песни, которым нас кто-то научил в тюрьме. Особенно понравилась нам новая песня, полная пролетарской бодрости и воинствующей революционности — «Дружно, товарищи, в ногу». Из старых песен пели «Марсельезу» и переведенные с польского сидевшим в это же время в Бутырьках, но только в другой башне, Г. М. Кржижановским «Красное знамя», «Варшавянку» и «Беснуйтесь, тираны». Свободно пели мы в башне, попытки петь на дворике немедленно пересекались тюремной администрацией.

Помещались мы в одиночных камерах башни, но двери их не запирались. Тут было лучше, чем в общей камере: тут можно было изолироваться, когда хочешь почитать или позаняться, но можно и собраться по двое-трое, а то и больше и беседовать. Днем башня не запиралась, и можно было свободно гулять на небольшом дворике при башне хотя бы весь день. На ночь башня запиралась. При нас был один надзиратель, но он ни во что не вмешивался.

Понемногу установились сношения и с другими башнями — «Северной» и «Пугачевской», где в это время сидела почти вся верхушка первого состава «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», так называемые «старики». Тут были Г. М. Кржижановский, П. Н. Лепешинский, Ванев, Юлий Цедербаум (Мартов), Запорожец, Старков.

Только В. И. Ленина и Ляховского не было среди них: они получили разрешение поехать в ссылку на свой счет, «по проходному свидетельству», и были в это время уже в Енисейской губернии. В этом году разрешили ехать на свой счет даже двум приговоренным к шести годам Якутской области. В следующие годы таких разрешений, кажется, не давали.

Упомянутые петербуржцы перед отправкой из Петербурга были даже освобождены на три или четыре дня «для устройства своих дел». Это тоже было неслыханное новшество, кажется, едва ли повторявшееся впоследствии. Они воспользовались, конечно, кратковременной свободой для собраний, передачи связей и своего опыта преемникам и между прочим снялись группой в восемь человек.

Читатель, может быть, спросит, а не могли ли убежать получившие возможность ехать свободно в Сибирь? На это можно ответить, что побег из ссылки имели тоже свою закономерность, и в этот период их вовсе не было. Этот период отсутствия побегов продолжался с конца 80-х до самого конца 90-х годов, около двенадцати лет.

В это время в одной из башен сидел еще Н. Е. Федосеев, отправляемый в третью ссылку. Мне не пришлось тогда повидать его: я познакомился с ним позже, при моем проезде

через Верхолениск, где он отбывал ссылку. Поистине трагична была судьба этого человека, одного из крупнейших представителей русского революционного марксизма в этот ранний его период¹. Пробыв около двух лет в тюрьме по первому своему казанскому делу 1889 года, он поселяется во Владимире. Здесь он тотчас же начинает работу среди владимирских и орехово-зуевских рабочих и вскоре вновь арестовывается. Опять тюрьма, потом ссылка в Сольвычегодск; оттуда он ведет переписку и инструктирует работу во Владимире и Орехово-Зуеве. Снова тюрьма — и новая ссылка из ссылки, теперь уже в Восточную Сибирь, на пять лет. О его работе по истории падения крепостного права в России, написанной в тюрьме, и его письмах к Михайловскому я уже упоминал. В той башне, в которой он сидел, завелась склока, поднятая неким Юхоцким и поддерживаемая Олениным и Захлыстовым, которые теперь тоже сидели в Бутырках. Эти люди, именовавшие себя народовольцами, были, так сказать, отребьями политической ссылки; к ним примкнуло несколько малосознательных рабочих. Они сочиняли всякую клевету про Федосеева, и началась гнусная травля.

Насколько вздорны и нелепы были «обвинения» против Федосеева, видно, например, из того, что первым пунктом такого «обвинения» было то, что Федосеев везет с собой много книг, необходимых для его литературных работ, следовательно, он владеет средствами производства, значит, он представитель буржуазии. Другой пункт гласил, что Федосеев заставил рабочего вычистить его сапоги, значит, он не социал-демократ. Тогда как на самом деле один рабочий, сосед по койке с Федосеевым, однажды от нечего делать, видя, что Федосеев совсем запустил свой костюм, почистил ему сапоги... и т. д. все в том же духе...

Большинство заключенных без различия направлений были против этой группки, но она не унималась. История эта продолжалась и даже разрослась в ссылке и довела расшатанные непрерывными тюрьмами и ссылками нервы Федосеева до крайнего напряжения, и он застрелился летом 1898 года в городе Верхолениске, двадцати восьми лет от роду, из которых девять лет провел в тюрьмах и ссылках. Его невеста

---

¹ Как высоко ценил В. И. Ленин Федосеева, видно из его воспоминаний о нем. Он писал: «...Федосеев пользовался необыкновенной симпатией его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу...»

Во всяком случае, для Поволожья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» (Соч., т. XXVII, стр. 376—377).

М. Г. Гопфенгауз, бывшая в это время в ссылке в Архангельске и только что получившая разрешение поехать к нему, узнав о его самоубийстве, тоже покончила с собой. Так выбыли из передовых марксистских рядов еще две жертвы царизма¹.

Кроме перечисленных лиц, в Бутырках в это время сидело еще несколько польских социал-демократов, положивших начало социал-демократической организации в Царстве польском и Литве. Это были А. Б. Веселовский и Я. Ф. Погожелский. Словом, в Бутырках в эту весну 1897 года перебивал, можно сказать, цвет первого периода революционного марксизма России.

Впервые также значительное большинство среди пересылаемых политических принадлежало марксистам.

В это же время в Бутырках сидели и виднейшие деятели польской социалистической партии (ППС) — Я. Ф. Строжецкий, Казимир Петкевич и Мариан Абрамович.

Связь с внешним миром, или, по арестантскому выражению, с «волей», была в Бутырках гораздо свободнее, чем в Таганке.

Свидания в Бутырках давались нам раза два в неделю, «личные», без решеток, но только с родителями, братьями, сестрами, с женой или «невестой». На свиданиях этих можно было свободно обо всем говорить и передавать записки; при этом присутствовал старший надзиратель Петр Акимович, который относился к нам очень либерально и смотрел сквозь пальцы на нарушения тюремных формальностей. Через него же шли книги и всякие передачи. Он передавал все, не просматривая, просил только не передавать нелегальщину, говоря, что если это откроется, то достанется крепко и ему и тому, кто передал, и условия передачи тогда должны измениться к худшему. Вообще Петр Акимович была оригинальная фигура: высокий, представительный старик, с седой бородой, он пользовался в тюрьме, как самый старый служащий, большим авторитетом и доверием у тюремной администрации; фактически он всем управлял в тюрьме и делал это так умело, что у

¹ Интересен отклик В. И. Ленина на смерть Федосеева в письме к своей сестре Анне Ильиничне от 16 августа 1898 года из села Шушенского, Минусинского уезда:

«Вместе с твоим письмом получил известие из Архангельска, что М. Г. тоже застрелилась (18.VII), получив 16.VII известие о кончине Н. Е. Ужасна эта трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юхоцкого (политический!! ссыльный в Верхотенске) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражен этим и удручен. Из-за этого он решил не брать ни от кого помощи и терпел страшные лишения. Говорят, дня за 2—3 до смерти он получил письмо, в котором повторяли эти клеветы. Чорт знает, что такое!.. Клеветник был открыт и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. берет все это так ужасно близко к сердцу» (сборник «Федосеев», стр. 184, ГИЗ, 1923 г.).

него никогда за много лет не было столкновений или каких-либо историй с арестантами, за это начальство его и ценило. Его очень любили и подчиненные ему младшие надзиратели. К политическим он относился хорошо и допускал всякие послабления для них. Ежедневно он заходил к нам во время проверки и вел беседы. Рассказывал разные тюремные случаи. У него была богатая память: он помнил всех проходящих через Бутырки, рассказывал нам о видных народниках и народовольцах, проходивших через тюрьму.

Современный молодой читатель может спросить, чем объяснить, что среди правительственных агентов попадались такие лица, как, например, помощник начальника калужской тюрьмы Племянников, как Петр Акимович и другие, которые относились к политическому «преступнику» не с враждебностью, а наоборот, с известным сочувствием и даже содействием, как Петр Акимович. Объясняется это тем, что царский режим постепенно стал все более терять свой политический и моральный авторитет среди разных слоев населения, оставалось все меньше веры в его неизбежность и прочность, отсюда растущая симпатия к борцам против этого режима, проникающая порою и в среду самих агентов правительства. И чем далее, тем такие случаи становились все чаще, приняв во время революции 1905—1907 годов широкие размеры, когда, например, бывший кутаисский губернатор Старосельский объявил себя социал-демократом, когда в социал-демократической фракции Государственной думы был один вице-губернатор, когда несколько видных охранников, как Меньшиков, Бакай, перешли на сторону революционеров, а сам директор департамента полиции Лопухин выдал политэмигранту Бурцеву тайну о важнейшем провокаторе Азефе.

А. И. Елизарова в своих воспоминаниях о Федосееве рассказывает, как она не решалась передать Федосееву в тюрьму перед отправкой его в Сибирь просимый им мимеограф и как Федосеев при отъезде рассказал ей: «А знаете, мы везем все-таки тот материал, который вы считали, что нам ни в коем случае не дадут увезти. Мы достали его. Нам это устроил Акимыч».

При этих условиях в Бутырках связь с «волей» установилась у нас хорошая. Самым лучшим источником информации являлся М. Н. Лядов, который имел частые свидания со своей невестой Лидией Павловной Крачихфельд; они в тюрьме и поженились, я был шафером на их свадьбе.

Л. П. Крачихфельд принимала активное участие в московской революционной работе и была в курсе всех революционных новостей, как русских, так и зарубежных. Через нее мы имели богатую информацию и хорошо снабжались новейшей литературой. От нее мы узнали подробности о рабочем

движении в Москве и о всех его перипетиях. Расскажу, что мы узнали¹. Затишье, наступившее после августовских арестов 1895 года, продолжалось недолго. Уже в сентябре возник новый интеллигентский кружок в составе Колокольникова, Кварцева, Величкина, его двух сестер, Бонч-Бруевича, Рума, Солодовникова. Этот кружок восстановил многие связи среди рабочих. Кроме этого кружка, одновременно начал работать другой кружок — М. Ф. Владимирского и Батурина. Эти два кружка в январе слились и образовали ядро нового состава «Московского рабочего союза». Наладилось получение литературы из-за границы; между прочим были получены отвезенные Спonti за границу для печати «Что должен знать и помнить каждый рабочий» и «Рабочая революция». Стали и сами издавать брошюры и прокламации. К концу февраля 1896 года организация настолько разрослась, что явилась возможность послать адрес французским рабочим по случаю двадцатипятилетия Парижской Коммуны, под которым было собрано шестьсот пять подписей рабочих от двадцати восьми московских фабрик и заводов². Летом повторилась картина прошлого лета: под Москвой, в Тюфелевой роще, около Николо-Угрешского монастыря, в роще близ Останкина и в других местах собирались рабочие сходки по сто пятьдесят — триста человек, на которых вырабатывался устав «Московского рабочего союза». К концу июня «Союз» имел уже связи с пятьюдесятью пятью крупными заведениями и распространил только за июнь до тысячи нелегальных изданий. Тогда же был отправлен мандат от тысячи московских организованных рабочих В. И. Засулич для представительства от имени московских рабочих на Лондонском международном социалистическом конгрессе.

Мы узнали также, что в Петербурге рабочее движение под руководством «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», во главе которого стоял В. И. Ленин, сделало за это время гигантские успехи. Под руководством «Союза борьбы» была проведена в мае 1896 года грандиозная стачка на всех текстильных фабриках Петербурга. Правительство вынуждено было опубликовать об этой стачке «правительственное сообщение». По словам этого «сообщения», забастовка дала повод «злонамеренным личностям» попытаться использовать эти стачки и придать им политический и «социальный характер и в этом смысле руководить забастовщиками». Благодаря этой стачке русское рабочее движение вышло из подполья на широкую общественную арену, не только все-российскую, но и мировую, так как эта стачка имела отклик

¹ Сведения о работе «Московского рабочего союза» уточнены мною по литературным данным.

² См. Приложение II.

(приветствия и сбор средств) в европейских странах и на международном социалистическом конгрессе в Лондоне.

Петербургская майская стачка имела отклик и в Москве: «Союзом» был выпущен ряд прокламаций по поводу этой стачки; начались частичные забастовки — забастовали мастерские Курской и Брестской железных дорог, завод Перенуда. Шло брожение на ряде и других фабрик и заводов. Назревала всеобщая стачка, но большие аресты в начале июля всех руководителей «Союза» и многих рабочих приостановили на время забастовочное движение...

По отношению к арестованным в июле была применена совершенно особая тактика. Они не были переданы для формального следствия в жандармское управление с участием прокурорского надзора. Их оставило за собой охранное отделение и повело предварительное дознание, без участия прокуратуры, в особом порядке, не предусмотренном в законе. Начальник охранного отделения Зубатов вызывал арестованных к себе в кабинет, угощал их чаем, папиросами и вел с ними «непринужденные» беседы; некоторых выпускал «под честное слово» на несколько дней в город для устройства своих дел, предлагал и давал деньги арестованным для поддержки их семей и т. п. С интеллигентами он вел беседы на тему о возможностях легализации рабочего движения на основе профессиональных союзов, но без политической окраски, под руководством правительства; давал им читать по этому вопросу книги Рузье и Магайма о профсоюзах, переведенные с немецкого его «мамочкой», провокаторшей Серебряковой, или при ее содействии. Рабочим он говорил, что коварная интеллигенция сбивает их на путь политической борьбы для того, чтобы их руками таскать каштаны из огня, добыть конституцию, при которой управлять всем будет буржуазия и придавит рабочих еще крепче, чем при самодержавии. Рабочие не должны идти за этой коварной интеллигенцией, которая их обманывает и губит, а вот правительство может многое сделать для улучшения их положения, только бы они не увлекались политикой. Оно им разрешит объединяться под своим контролем и поможет в их борьбе с хозяевами. Упорствующим рабочим он избивал, а потом вызывал кого-нибудь из семьи избитого, жену или сестру, предлагал ей деньги и говорил: «Вот твой-то все упорствует, не сознается, сам себе вредит, пусть сознается, мы его освободим, и ничего ему не будет. Вот поговори с ним». После этого он давал ей свидание с арестованным, без свидетелей, чтобы она могла его наедине убедить. О таком случае рассказывал мне между прочим товарищ З. Я. Литвин-Седой, который, по его словам, за несколько дней посидел после избития его Зубатовым (Седому было тогда восемнадцать лет). Сидевший одновременно

с Седым в тюрьме рабочий Зиновий Лавров рассказывал тогда Седому, что Зубатов во время допроса схватил его за грудь, сильно потряс, ударил, а потом сказал: «Ну, давай, мы с тобой помиримся, только сознайся во всем, расскажи нам обо всем, и я тебя выпущу, а жене твоей я дам сто рублей», что и выполнил, а Лаврова вскоре выпустил. На удочку Зубатова попали кое-кто и из интеллигентов, и из рабочих. В-первых, почти все дали откровенные показания, а нескольких человек Зубатов прямо «заагентурил». В их числе — интеллигентов Рума и Кварцева и ряд рабочих, работавших впоследствии над организацией в Москве зубатовских обществ рабочих механического и текстильного производств. Все арестованные после одного-полутора месяцев были выпущены на свободу и оставлены в Москве.

Начиналась эра московской «зубатовщины», вносившей деморализацию и смуту в недостаточно устойчивые и окрепшие элементы, сильно тормозившей долгое время революционное рабочее движение в Москве.

В ноябре тех из выпущенных, которые продолжали работать не в зубатовском духе, вновь арестовали и возбудили против них уже дело в обычном жандармском порядке, а затем сослали на разные сроки. После этого начались провалы за провалами. В ноябре была арестована группа, которая самостоятельно уже несколько лет работала среди московских рабочих. Эта группа возглавлялась врачом А. Н. Орловым, о встрече с которым незадолго до моего ареста я упомянул. Группа выдвинулась, так сказать, на авансцену после июльских арестов деятелей второго состава «Московского рабочего союза», стала работать под тем же названием и выпустила ряд прокламаций. В ноябре эта группа была ликвидирована¹.

В декабре были новые аресты...

Эти сведения, полученные нами о большой работе среди московских рабочих, хотя и прерываемой частыми арестами,

---

¹ Вот, что телеграфировал московский обер-полицеймейстер Трепов по поводу ликвидации этой группы департаменту полиции 10 ноября 1896 года: «Ввиду перехода Орлова к агитации подготовленной на завтра забастовки мастерских Казанской дороги, имеющей осложниться забастовками других дорог, приступаю ночью к ликвидации всего кружка. Трепов».

11 ноября Трепов телеграфировал уже о своих победах: «Результаты ликвидации блестящи: взято несколько мимеографов и гектографов, два пуда «Манифеста коммунистической партии», две пишущих машины, масса краски, желатина, множество нелегальных печатных изданий. Особенно изобличаются означенным Калачевская, рабочий Федоров, Полянский, Корчагин, Синицын, Орлов, Радин, Горяева, Семенов. Кроме того, обыск дал множество улик против второстепенных интеллигентных членов, а также против рабочих. Находятся под стражей пятьдесят один человек: обыскано пятьдесят девять. Подробности курьерскими поездами. Трепов» («На заре рабочего движения в Москве», стр. 80—81, 1919 г.)

являющейся прямым продолжением нашей работы, очень окрыляли нас, поднимали наше настроение. К тому же мы получили сведения, что в Петербурге дело идет еще шире, чем в Москве: там с начала 1897 года идут непрерывные забастовки за сокращение рабочего дня, эти забастовки имеют отклик и в Москве, где завод за заводом выставляют требование о сокращении рабочего дня с одиннадцати — одиннадцати с половиной часов до десяти часов. Фабрики, работающие двенадцать часов в день, требуют одиннадцатичасового рабочего дня. Стачки обычно кончаются удовлетворением требований рабочих¹. Правительство, напуганное этим широким движением, проходящим к тому же под руководством «Петербургского союза борьбы», 2 июня 1897 года издало закон, сокращающий рабочий день на заводах и фабриках до одиннадцати часов для взрослых мужчин и до десяти часов для женщин и подростков до семнадцати лет и запрещающий для женщин и подростков ночные работы.

Несомненно, этот закон, при всем его несовершенстве, был большой политической победой начавшего борьбу русского рабочего класса.

В интеллигенции под влиянием рабочего движения произошел за это время решительный перелом в сторону марксизма².

Появился ряд легальных марксистских книг: Бельтова, Волгина, марксистская газета «Самарский вестник», правда к этому времени уже закрытая, и, наконец, с марта 1897 года стал выходить толстый ежемесячный марксистский журнал «Новое слово», три первые книжки которого мы получили в тюрьме. В нем принимали участие Ленин (под псевдонимом Тулина), Плеханов, Вера Засулич, Струве, Туган-Барановский. С огромным наслаждением читали мы этот журнал, о появлении которого не могли и мечтать два-три года назад.

Вспоминалось при этом, как пять лет назад я мечтал встретить в Москве хотя бы одного марксиста, найти хотя бы одного рабочего, которого можно бы начать пропагандировать. И в какое большое движение как среди интеллигенции, так и в особенности среди рабочих вырос за это время марксизм и какие огромные победы он одержал!

Это было как раз в то время, о котором писал Ленин в «Что делать?»: «Мы говорим о медовом месяце «легального

¹ См. об этом Приложение III.

² Еще 1 сентября 1895 года бывший народоволец В. Я. Яковлев писал из Москвы в Париж: «Года три-четыре тому назад марксистское направление не могло даже считаться сколько-нибудь заметным явлением русской жизни; теперь оно безусловно господствует: к нему пристало весьма значительное количество революционно настроенной молодежи... Трактовать по этим вопросам Бельтова встречен с восторгом и разошелся с необыкновенной быстротой» («Былое», № 2 за 1917 год).

марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самое малейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг»¹.

Вот в какое интересное, незабываемое время жили мы, и понятно было наше подъемное, радостное настроение.

В чтении, беседах, перемежаемых революционными песнями и подвижными играми на дворишке, проводили мы время и не очень жалели, что отправка наша в Сибирь задержалась на три месяца.

Наконец, нам объявили, что 3 июня нас отправляют в Сибирь.

Мы стали готовиться к поездке. Наши родные и политический «Красный Крест» усиленно снаряжали нас в дальнюю поездку. Особенно обильно снабжали всем едущих в Якутскую область, так как предполагалось, что там ничего нельзя достать: нас снабдили чаем, сахаром, чернилами, бумагой, нитками и т. п.

Как я узнал, особенно много хлопотала и заботилась о нашем снаряжении провокаторша А. Е. Серебрякова, которая стала играть видную роль в московском «Красном Кресте». Это давало ей много связей в революционной среде.

3 июня нас, десять человек, — Винокурова, Лядова, Полякова, меня, екатеринославских рабочих Файна, Каца, Мазанова, Смирнова, Афанасьева и народовольца из Одессы Федорова, — отправили на Курский вокзал и поместили в арстантский вагон. Сибирским поездом через Самару мы отбыли в Сибирь.

С легким сердцем и бодрым настроением ехали мы в Си-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 373.

бирь, радостные, что не напрасно поработали, уверенные, что осталось много продолжателей нашего дела и что это великое дело — освобождение рабочего класса и всех трудящихся от самодержавия, а потом от капитализма — восторжествует. А когда мы возвратимся из Сибири, то движение примет уже грандиозные размеры...

ГЛАВА XXX

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИДЕОЛОГИЯ НАШЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В этой заключительной главе я хочу подытожить, уточнить и дополнить разбросанные в разных местах высказывания об идеологии нашей организации.

В области теории наша группа оригинального ничего не дала¹, но мы усердно изучали теорию марксизма, доказательством чего являются те переводы марксистских книг и статей, о которых я упоминал². Что москвичи неплохо и достаточно глубоко усвоили марксизм, доказывается и тем, что большой процент москвичей первого периода остались марксистами на всю жизнь, что не все организации могут сказать о первых своих членах. Это усвоение теории в результате и дало ту популярную марксистскую литературу, которую создала московская организация. Да и ранний переход к агитации в массах тоже зависел от правильного усвоения духа марксизма.

В изданных нами популярных брошюрах не выражена еще ясно идея гегемонии пролетариата в общедемократическом движении. Впервые эта идея была развита Лениным в «Друзьях народа», и влияние Ленина сказывалось, как я это укажу ниже, на литературе московской организации, с которой Ленин поддерживал тесную связь.

В изданной нами брошюре Круковского есть ошибочное положение, именно: вся мелкая буржуазия ставится на одну доску с другими классами, которые все противопоставляются пролетариату, как одна сплошная реакционная масса (лассальянская установка); есть в ней и другое неправильное утверждение, что налоговая политика правительства не затрагивает интересов рабочих, а лишь интересы мелкой буржуазии. По этому вопросу могу сказать, что брошюра Круковского,

¹ В области теории самостоятельно у нас работал только И. А. Давыдов. Он написал две работы: одну — политико-экономическую статью «К вопросу о норме прибыли», другую — публицистическую «Отношение социал-демократов к русской действительности». Вторая статья не найдена, содержания ее я не помню.

² Документы об этом в книге «Литература Московского рабочего союза».

в общем весьма ценная, была прислана из Нижнего Круковского в конце 1893 года или в начале 1894 года.

По вопросу о мелкой буржуазии и, в частности, о крестьянстве, как я уже говорил, тогда еще не было среди русских марксистов единого взгляда, а потому мы и не изменили этого места, но уже в ноябре 1894 года в первой брошюре, изданной нами на mimeографе, а именно в брошюре на смерть Александра III, о которой я говорил уже в главе XXVI, мы останавливаемся подробно на политике этого царя, не только на его политике по отношению к рабочим, но и больше всего на его политике по отношению к крестьянам, везде употребляем выражение — *рабочие и крестьяне*, противопоставляя их классам, в интересах которых велась политика умершего царя, — промышленникам, купцам, землевладельцам-дворянам и кулакам. В этой брошюре говорится и о реакционной земской реформе 1890 года, и о дворянском и крестьянском банках, и о земских начальниках, и о фабричном законодательстве. В брошюре говорится и о налоговой политике правительства, вредной для крестьян и рабочих. Так, по мере сил, мы по прочтении «Друзей народа» в первой же брошюре говорим не об одних рабочих, а о рабочих, крестьянах и кустарях, выдвигаем и общедемократические вопросы.

Теперь выявим отношение москвичей к политической борьбе, к пропаганде необходимости борьбы за политическую свободу.

Стоял ли этот вопрос у нас в качестве ближайшей практической задачи? Несомненно, стоял.

Некоторые утверждают, что у москвичей замечен уже в это время некоторый уклон к экономизму. Как основание этого утверждения, приводится выступление Спonti на совещании в феврале 1895 года в Петербурге, о котором есть воспоминания Копельсона и Спonti.

Товарищ Копельзон в своих воспоминаниях, написанных ровно через тридцать лет после этого совещания, пишет¹: «Насколько мне припоминается, главными спорщиками были Владимир Ильич и Евгений Спonti. Не ручаюсь за точность, но, кажется, Спonti был защитником широкой агитации, почти исключительно экономического характера; Владимир же Ильич горячо защищал необходимость введения в круг агитации, кроме повседневных нужд рабочих, и вопросов политического характера».

Сам Спonti, вспоминая об этом совещании, пишет: «Я не помню, чтобы на этом совещании происходила какая-нибудь дискуссия. Помнится, что со стороны Ленина были реплики,

¹ «Записки Института Ленина», т. III, стр. 72, 1928 г.

возможно в тех местах наших докладов, где указывалось на необходимость при агитации в массах придерживаться главным образом экономической почвы, пока масса не созреет для восприятия политических лозунгов. Но эти реплики не казались нам требующими дискуссии, так как никто из нас в принципе не отрицал необходимости также и политического воспитания масс, в экономическом же подходе мы видели лишь наиболее действительный метод этого политического воспитания. У меня осталось такое впечатление, что Ленин был в общем согласен с тем, что нами говорилось. По крайней мере, кроме указанных реплик, он ничем не обнаруживал своего несогласия».

Из этих двух очень неопределенных и довольно противоречивых воспоминаний, написанных через тридцать и более лет после февральского совещания 1895 года, и делается вывод, что, оспаривая взгляд Ленина на необходимость уже сейчас или в самом ближайшем будущем ставить в порядок дня политическую борьбу, Спonti выражал не только свою личную точку зрения: он отражал будто бы кое-что из настроений, которые вообще имели место между руководителями московской социал-демократической группы.

Такой вывод, сделанный из этих двух неопределенных воспоминаний, совершенно неоснователен.

Обратимся же к совершенно определенным документам того времени.

Спonti вез за границу для напечатания три брошюры, переделанные с польского и во многом заново написанные. Брошюры эти, по его воспоминаниям, были следующие: «Рабочий день», «Что должен знать и помнить каждый рабочий» и «Рабочая революция»¹. Что же это за брошюры, какие взгляды высказываются в них на политическую борьбу?

В брошюре «Рабочий день» говорится²:

«Рабочим остается одно — добиваться низвержения своего врага — самодержавия — и бороться за политическую свободу с всеобщим избирательным правом (курсив подлинника). Русские рабочие поймут, что только тогда они будут в состоянии обсуждать свои нужды в газетах и на собраниях, когда добьются политической свободы и всеобщего избирательного права. Тогда они получат возможность выбирать из своей среды людей, которые смело будут защищать интересы ра-

---

¹ По моим данным, брошюра «Рабочий день» была послана раньше, а Спonti повез две другие из поименованных и третью «Всемирный рабочий конгресс в Брюсселе». Во всяком случае все эти брошюры однородны и дополняют друг друга, а потому их можно рассматривать вместе. Спonti принимал участие в редактировании всех их и не выражал несогласия с их положениями.

² «Литература Московского рабочего союза», стр. 246—247.

бочих в законодательной палате, как этого в настоящее время добились немецкие, бельгийские, французские и другие рабочие в Западной Европе. Только тогда нельзя будет сажать в тюрьму за всякое свободное слово, за стачку. Тогда правительство будет более внимательно к нуждам и требованиям рабочих, так как последние будут сознательной силой, а не темной, покорной массой, которая не знает даже, отчего ей худо. Русскому рабочему нечего бояться борьбы. Рабочим всех стран пришлось низвергнуть самодержавие, низвергнет его и русский рабочий, несмотря на то, что у царя много шпионов, жандармов и солдат. Русские рабочие должны теперь соединяться в тайные кружки, чтобы просвещать своих товарищей, которые еще не понимают, чего им добиваться. Нужно, чтобы эти кружки при каждом удобном случае объясняли рабочим, что они должны бороться с гнетом и произволом самовластного правительства и с эксплуатацией класса капиталистов. С каждым днем будет расти число сознательных рабочих, все больше будет среди них недовольных правительством, шаг за шагом будет расти их сила, пока не наступит час падения самодержавия».

Из этих строк совершенно ясно, что идея борьбы за политическую свободу имела у нас характер ближайшей практической задачи.

В брошюре «Что должен знать и помнить каждый рабочий» говорится¹: «Мы знаем из жизни наших братьев-рабочих других стран, с каким трудом и с какими жертвами приходилось им добиваться этих прав. Часто даже они принуждены были отстаивать и добиваться права бороться за лучшие условия жизни с оружием в руках. Наши капиталисты не менее жадны, чем западные, и наше правительство не лучше правительства других стран, и несомненно, русскому рабочему так же нелегко дадутся эти права, как и его товарищам на Западе. *Ему придется их завоевать.* Но для того, чтобы у рабочих хватило решимости и энергии отстаивать и добиваться их даже крайними средствами, необходимо, чтобы рабочие хорошо понимали значение этих прав, чтобы они действительно почувствовали, как трудно жить без них. А это возможно будет только тогда, когда они начнут вести борьбу с хозяевами. Когда они смиренно сидят, не устраивают стачек, не жалуются, не требуют, тогда они вовсе не чувствуют того, что им запрещено делать все это. Их морят капиталисты, а они умирают молча, не зная, как помочь себе. Но когда они начнут вести самую борьбу, тогда они очень скоро почувствуют неудобства этих запрещений и необходимость политических прав. К тому же мы видели, что уже в наше время, даже при

¹ «Литература Московского рабочего союза, стр. 278—279.

наших порядках, возможно некоторое улучшение положения рабочих. И нам незачем откладывать возможность получения этих улучшений на неопределенный срок. *Мы должны сейчас же взять все, что возможно.* Тем более, что всякое сокращение рабочего дня, как бы мало оно ни было само по себе, всякое увеличение заработной платы и т. д. очень важно и для самих рабочих и для успеха рабочего дела.

Но если русским рабочим надо сейчас же вести борьбу за улучшение своей участи, то они никогда не должны забывать, что *главная цель всех сознательных рабочих (организовавшихся уже в социал-демократических партиях во всех странах) — не частичное улучшение их положения, а коренное изменение всего общественного порядка, и что этого они могут достичь единственно лишь посредством политической борьбы с целью захвата политической власти в свои руки и переустройства при помощи этой власти всего общества согласно интересам рабочего класса, то есть превращение земли, фабрик, заводов и прочего в общую собственность всех трудящихся.*

Из этих строк видно, как мы не противопоставляли друг другу экономическую и политическую борьбу, а теснейшим образом связывали борьбу экономическую с борьбой за политическую свободу и за социализм.

Вот такие брошюры вез Спonti за границу от имени московской организации. Есть ли в них намек на экономизм?

Но совершенно такие же определенные цитаты можно привести и из более ранних брошюр и листовок, изданных в Москве. Так, уже в первой листовке, о которой я писал в главе XX, тот же Спonti не ограничивается лозунгом экономической борьбы, а говорит о необходимости отобрать от капиталистов фабрики, заводы и земли и управлять ими всем народом.

В брошюре на смерть Александра III (ноябрь 1894 г.) есть такое место¹: «Правительство старается лишить рабочих всех средств для успешной борьбы с хозяевами. Стачки наказываются тюремным заключением, на защиту интересов хозяев высылаются войска; нагайки, розги, штыки и пули к их услугам. Правительство запрещает рабочим соединяться в союзы, чтобы совокупными силами бороться с хозяевами, запрещает устраивать стачечные и всякие иные кассы, запрещает собираться потолковать о своих делах, запрещает печатать книги, которые выясняют рабочим их положение и научают их, как вести борьбу».

А «Беседы» Круковского, изданные на гектографе в конце 1894 года или начале 1895 года, заканчиваются так²: «К кол-

¹ «Литература Московского рабочего союза», стр. 173.

² Там же, стр. 140—150.

лективному строю пролетариат должен стремиться как одно неразрывное целое, напирая всем классом на буржуазию, улучшая на ее счет шаг за шагом свое экономическое и умственное положение, увеличивая свое политическое значение, пока он не разовьется материально, политически и духовно до того, что сумеет взять власть в свои руки, для того, чтобы экспроприровать буржуазию, установить коллективную собственность на средства производства, а затем повести организованное производство не для сбыта товаров, а для удовлетворения потребностей всех членов общества».

«Итак, организация, организация и организация — вот политика пролетариата.

Все, что стоит помехой на этом пути, должно быть устранено. У нас, в России, такой помехой является абсолютизм.

Поэтому у нас, в России, программа деятельности передовых борцов пролетариата такова:

Тайная организация пролетариата для достижения политической свободы; политической свободы для беспрепятственной, открытой организации пролетариата» (курсив везде подлинника).

Из приведенных выдержек ясно видно, что пропаганда идей политической свободы стояла у москвичей в качестве ближайшей практической задачи.

Но не было ли у москвичей парламентских иллюзий? Не предполагали ли они, что пролетариат, имея благодаря всеобщему избирательному праву большинство голосов, мирным, парламентским путем возьмет в свои руки власть и экспроприрует буржуазию? Нет, такой иллюзии нельзя найти в наших брошюрах. Напротив: везде проводилась мысль, что пролетариат сможет взять власть в свои руки только путем революции.

Так, в брошюре «Рабочая революция» говорится о рабочей борьбе в Германии, Франции и Англии¹:

«С каждым днем рабочие все более и более приближаются к рабочей революции, к тому времени, когда капиталисты будут лишены собственности и власти. Но никогда еще сильные добровольно не отказывались от своих преимуществ; тем менее можно ожидать этого от капиталистов.

Малейшее увеличение заработной платы, самое незначительное улучшение в условиях работы нам приходится завоевывать себе стачкой, упорным требованием.

А что же будет, когда придется лишать капиталистов их привилегий и богатств, лишать их власти?.. Без сомнения, добровольно они ничего не уступят, и сделать это придется силой (курсив подлинника).

¹ «Литература Московского рабочего союза», стр. 298.

Там, где дело касается счастья человечества, приходится действовать решительно.

От угнетателей и грабителей наших только силой можно будет добиться справедливости. Их реформы и обещания — простой обман, которым они хотят лишь обмануть рабочих и оттянуть окончательную минуту расчета.

Но это им не поможет. Время окончательного переворота приближается.

Чтобы лишить капиталистов награбленных ими богатств и сделать фабрики, заводы и землю общественной собственностью, рабочим придется лишить капиталистов власти и государственную власть захватить в свои руки» (курсив подлинника).

А в брошюре Круковского есть такая фраза¹:

«Капиталистический порядок — это непрерывная борьба. Мир может наступить лишь с совершенным устранением капиталистического строя. А до тех пор лозунгом пролетариата будут слова знаменитой французской писательницы Жорж Занд: Борьба или смерть, кровавая борьба или уничтожение. Так неумолимо поставлен вопрос» (курсив подлинника).

Была ли у москвичей идея необходимости создания партии? Ответ даст следующее место из брошюры «Рабочая революция»²: «Мы должны сделаться такими же сильными, как наши братья на Западе... Словом, мы должны стать *рабочей партией* (курсив подлинника).

Эта рабочая партия станет силой, которая поведет русских рабочих на борьбу за лучшие условия жизни, за их окончательное освобождение».

Есть и в других местах нашей литературы указания на необходимость создания партии; одно я уже привел выше, в этой главе.

Каково же содержание наших агитационных листовок? Прежде всего они задаются целью, исходя из экономического положения рабочих, из ближайших экономических нужд их, разбудить их классовое самосознание и классовую солидарность — необходимые условия для успешной борьбы за улучшение положения рабочего класса и за его конечное освобождение. В каждом листке указывается прежде всего на необходимость объединения рабочих и борьбы с капиталистами за улучшение своего положения. Далее в листках указывается на пример западных рабочих, которые борьбой улучшили свое положение, добились политических прав и ставят себе целью добиться того, чтобы земля, фабрики и заводы сделались общественной собственностью.

¹ «Литература Московского рабочего союза», стр. 132.

² Там же, стр. 299—300.

В частности, в листовках проводится мысль о необходимости рабочих союзов, касс, стачечной борьбы; в одной прокламации рабочие призываются организовать «Рабочий союз».

Провозглашается лозунг борьбы за восьмичасовой рабочий день.

В листовке на Первое мая проводится уже идея всеобщей стачки.

Борьба экономическая связывается с борьбой политической. Например, в листовке на Первое мая читаем: «А дело у них всех одно — борьба с хозяевами и правительством за улучшение своего положения». В листовке «Много ли мы зарабатываем?»: «Правительство русских фабрикантов более ужасно и бесстыдно, чем где бы то ни было».

Рабочие призываются к борьбе до тех пор, пока не свергнут «ига капиталистов, пока вся земля, пока все фабрики и заводы не сделаются общественной собственностью».

В этих листовках проводится уже идея социалистической революции, идея международной солидарности рабочих, говорится о международных рабочих конгрессах «для организации совместной борьбы рабочих всех государств» (листок на Первое мая), и провозглашается лозунг: «Товарищи работники всех стран, соединяйтесь!»

Не была при агитации забыта и работница. В одной листовке читаем:

«Мы не должны отличать работников от работниц. Работницы в России на многих фабриках составляют уже большинство, они еще более эксплуатируются фабрикантами, интересы их не расходятся с интересами работников. Работники и работницы должны протянуть друг другу руки и вместе бороться за освобождение».

Таковы важнейшие идеи, которые проводила в широкую массу агитационная литература первой московской организации.

При оценке содержания этих листовок надо принять во внимание уровень сознательности московских рабочих в первой половине 90-х годов, к широкой массе которых обращалась первая революционно-марксистская литература. Это была в своем подавляющем большинстве еще отсталая масса, с ярко выраженными религиозными, патриархальными и монархическими предрассудками. Насколько еще сильны были последние, можно видеть из того, что прошло после этого еще десять лет, в течение которых революционная агитация и пропаганда деятельно работали, и все-таки 9 января 1905 года петербургские рабочие, которые были выше московских по своему развитию, пошли еще к царю с надеждой получить от него облегчение своего положения. После этого прошел еще почти целый бурно-революционный 1905 год со всеобщей политиче-

ской стачкой. И вот в Москве, в Лефортове, 18 октября 1905 года на собрании уполномоченных текстильных фабрик, когда наш оратор начал говорить о никчемности изданного манифеста и о необходимости борьбы за Учредительное собрание и за демократическую республику, начался ропот многих из среды собравшихся делегатов, заявивших, что их собрали не для политики, а для того, чтобы обсудить их экономические требования.

Так вот за двенадцать лет до революции 1905 года приходилось обращаться к этой, в общем еще очень отсталой рабочей массе и пропагандировать революционно-социалистические идеи. Задача была нелегкая!

Впоследствии Ленин писал¹: «...надо уметь подойти к самым серым, неразвитым, наименее затронутым и нашей наукой и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая наше учение в сухую догму, уча ему не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата».

Думается, что мы работали в духе этих слов Ленина.

Наши листки хорошо принимались самой отсталой массой, они всколыхнули ее до значительной глубины и многих толкнули к дальнейшему политическому развитию. Они пускали в обращение в массы максимум революционных идей, доступных массе в ее тогдашнем состоянии.

Скажу еще о нашем отношении к Плеханову и к группе «Освобождение труда» вообще.

Конечно, мы высоко ценили Плеханова и всю группу, но мы и тогда замечали некоторые их недостатки. Так, нам не понравилась брошюра «Всероссийское разорение» Плеханова: мы увидели в ней внеклассовый, либеральный подход к трактовке вопроса.

Эта брошюра, как известно, вызвала протесты из среды работающих в России революционных социал-демократов. Плеханов ответил на них в своей другой брошюре — «Задачи социалистов в борьбе с голодом».

Уклон к либерализму особенно отмечался нами в статьях Аксельрода.

Не очень одобряли мы также популярные брошюры для рабочих, издаваемые группой. Они нам казались слишком абстрактными, оторванными от русской жизни, а потому мало пригодными для распространения в широкой массе.

Кроме указанных, у Плеханова были в это время и другие

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 308—309.

элементы оппортунизма и ошибки, проявившиеся в критике народничества, анархизма и др., но мы тогда этого не замечали, а брошюра об анархизме к нам и не дошла. Но все-таки Плеханов до 1903 года выступал на международной арене, в общем, в духе революционного марксизма. Ленин уже в 1914 году, обозревая противобольшевистские группки и течения, писал: «Возьмем лучшего из всех, Плеханова. Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников. Но с 1903 года по вопросам тактики и организации Плеханов колеблется самым смешным образом...»¹.

Впрочем, все это общеизвестно.

В заключение, я думаю, что мы, старые московские марксисты первого состава (1893—1895 гг.), можем сказать о себе, что мы работали в тесном контакте с Лениным, руководствовались его советами, его статьями и вели правильную марксистскую линию в своей работе².

Думаю также, что мы можем с полным правом применить к себе следующие слова Ленина о работниках раннего периода русской революционной социал-демократии:

«Большинство руководителей — совсем молодые люди, далеко не достигшие того «тридцатипятилетнего возраста», который казался г. Н. Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными Народной Воле и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба за-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 415—416.

² Как Ленин близко интересовался работой московской организации, видно между прочим из его письма к Аксельроду в Цюрих в ноябре 1895 года, когда он после возвращения из-за границы и ареста меня, Винокурова и Масленникова, с которыми он был тесно связан, искал возобновления своих связей с москвичами. Вот место письма Ленина по этому вопросу:

«Был в Москве. Никого не видал, так как об «учителе жизни» (Е. И. Спонти, — Рад.) ни слуху, ни духу. Цел ли он? (он был арестован 12 декабря 1895 г., — С. М.). Если знаете что о нем и имеете адрес, то напишите ему, чтобы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадные погромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал — описание нескольких стачек... Потом был в Орехове-Зуеве...» (Соч., т. XXVIII, стр. 7). Вскоре после этого письма Ленин был арестован.

ставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия»¹.

Оканчивая, приведу еще характеристику работы марксистских организаций первого периода в ряде городов России, в том числе и в Москве, данную Лениным в 1899 году. Вот что писал он об этом: «Блестящее начало, которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов, завершилось образованием «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (весной 1898 г.)»².

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 499.

² Там же, т. II, стр. 495.

СТОЛКОВАЛИСЬ¹

У фабричного инспектора

Фабричный инспектор. Пожалуй, я готов разрешить вам воскресную работу, но само собой разумеется, что за нее, как за сверхурочную, вы назначите несколько большую плату.

Фабрикант. В нашем деле так нельзя. С какой стати я им буду назначать большую плату, когда и за эту они будут работать и даже с большим удовольствием, потому что, как я теперь обрезал им расценки, то выходит, никак им нельзя прожить без того, чтобы не работать по праздникам. И выходит теперь так, что большей платы класть незачем, потому они и так работают будут.

Фабричный инспектор. Ну, как знаете, а я, по закону, не могу вам разрешить праздничной работы за ту же плату. Если хотите работать в праздники, назначьте плату несколько выше. Вот вам мое решение.

Фабрикант. Эх, несговорчивый какой! Заладил одно да и только. Ну, ин быть по-вашему. Назначим плату повыше. В таком разе разрешите расценки еще малость скосить, — ну, и выйдет, что в праздники платить буду как будто больше, а на самом деле выйдет на одно.

Фабричный инспектор. Ну, это другое дело. Так по закону.

Рабочий (угрожая). Эх, вы, заступники! Видно, мало толку будет от вашей защиты, пока я сам не начну думать о своем положении.

Две причины главным образом угнетают рабочих: 1) *слишком длинный рабочий день* и 2) *слишком малая заработная плата*. Следствием этих причин является: *истощение здоровья и сил, сокращение жизни* рабочего, заболевание рабочего различными *профессиональными болезнями*. Так, например, ткачи от вредной хлопчатобумажной пыли часто болеют чахоткой и

¹ Помещаю здесь одну из самых первых марксистских прокламаций, написанную и отгектографированную Е. И. Спонги в феврале 1894 года. В печати она появляется впервые.

глазами, от металлической же пыли страдают и рабочие металлических заводов, рабочие зеркальных фабрик страдают ртутным отравлением и т. д., плохое питание, жизнь в тесных, часто сырых и нездоровых помещениях, неимение времени для отдыха, неимение ни средств, ни времени для разумных удовольствий, для чтения и для самообразования, а следовательно, невежество и темнота рабочих, непонимание ими своих интересов.

Таково положение рабочих. И до тех пор, пока рабочие не поймут сами своего положения, до тех пор, пока они сами не начнут думать об улучшении его, до тех пор и невозможно ожидать никакого прочного улучшения его. Фабричный инспектор — не рабочий; он не страдает от чрезмерного труда и от нищеты; он служит за жалование, он — слуга поставивших его; и потому, как всякий слуга, боящийся потерять место и жалование, он больше старается угодить своим господам, фабрикантам и начальству, чем защищать рабочих. Вот почему наши старшие братья, рабочие других стран, раньше нас понявшие свое положение, давно провозгласили, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

И пока мы не поймем этого, до тех пор улучшения нашего положения нечего ждать, так как, кроме нас самих, об этом думать никому.

Приложение II

АДРЕС МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ РАБОЧИМ ФРАНЦИИ¹

В памятный для мыслящего пролетариата всех стран день двадцатипятилетия провозглашения Парижской Коммуны московские рабочие шлют сердечный привет своим старшим братьям, рабочим Франции. С именем Франции теснейшим образом связаны все могучие общественные перевороты новейшей мировой истории. Это и понятно. Нет другой страны в истории, в которой борьба классов выражалась бы всегда в таких резких, рельефных чертах, где бы и антагонизм между пролетариатом и буржуазией принимал такой обостренный оборот, как в ней. Париж справедливо может быть назван «матерью городов революции». Но ни великая революция 1789 года, разрушившая феодальный мир и создавшая на его месте буржуазный, ни февральская 1848 года, столь богатая своими последствиями для всей Европы, не оказали влияния на крепостную Россию с ее крепостническим режимом. Более того, на

¹ Перепечатывается из неперидического сборника «Работник», № 1—2, стр. 100—103, изд. «Союз русских социал-демократов», Женева, 1896 г.

долю России, вернее, ее правительства, выпала незавидная роль палача в западно-европейской революции. И Коммуна 1871 года, удивившая геройством весь мир, вызвавшая сочувствие пролетариата всех стран, тем менее могла отразиться в России, только что вступившей на путь капиталистического развития, что пролетариат и других европейских стран, более развитых капиталистически, был еще слаб, да и во Франции Париж стоял одиноким. Теперь не то. «Нет страны, — заявил в 1893 году Энгельс, — нет такого великого государства, где бы социал-демократия не была силой, с которой все должны считаться. Все, что совершается во всем великом мире, совершается при нашем участии. Мы — могучая сила, которой нужно бояться, от которой зависит больше, чем от всех других сил». И Россия с 1861 года все больше и больше вступает в круг европейских стран. Под могучим напором капитализма трещат и разрушаются в ней все ее «вековые» устои. Буржуазия с каждым днем становится все сильнее и сильнее, с ней теперь считается абсолютизм, осыпаящий ее обильным дождем привилегий. Последние вместе с применением новейших усовершенствований делают особенно болезненным непосредственный переход от натурального хозяйства к капитализму. Антагонизм классов становится поэтому все более и более явственным, пролетариат проникается все более и более классовым самосознанием. Многочисленные стачки в различных местах империи, ставшие почти непрерывными, стачки, которых русское правительство не в состоянии ни скрыть от общества, ни подавить силою оружия, являются лучшим доказательством пробуждения молодого русского пролетариата. Из рядов его каждый день вырываются беспощадным деспотизмом лучшие борцы, и за последнее пятилетие русский рабочий класс насчитывает не одну сотню жертв. Но ничто не в силах остановить раз начавшееся движение. Русские рабочие, поднявши старое революционное знамя, обогренное кровью стольких мучеников из их среды и среды интеллигенции, вооружившись идеями научного социализма, стали под общее красное знамя пролетариата всего мира. Они горды сознанием, что передовой бастион европейской реакции, который предстоит взять пролетариату всех стран, — царизм, — должен быть ими разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого немислима победа всего пролетариата, должен быть ими свергнут. Пусть рабочие Франции будут уверены, что в тот момент, когда призыв революции раздастся со стороны рабочих Запада, русские рабочие откликнутся, чтобы принести им посильную помощь.

Мы питаем надежду, что недалеко та минута, когда будут разорваны оковы абсолютизма и русский пролетариат сможет открыто выступить на арену всемирной истории.

Да здравствует рабочая революция, славной предвестницей которой была Коммуна 1871 года!

Да здравствуют рабочие Франции, впервые выступившие в истории как самостоятельный класс, за свои собственные интересы в 1831 году, защищавшие их героически на баррикадах в июне 1848 года, явившиеся могучими пионерами нового общества 18 марта 1871 года!

От 605 рабочих 28 фабрик и заводов¹.

Москва, 29 февраля 1896 года».

К этому адресу было приложено следующее письмо к Полю Лафаргу:

«Прилагая при настоящем письме адрес от имени московских рабочих, мы надеемся, что наш слабый голос не потеряется среди многочисленных приветствий других стран. Не забывайте, что сравнительно недавно родилось рабочее движение в Москве и что собирать подписи приходилось при исключительных даже для России условиях: близость коронации поставила Москву в осадное положение.

.....
Ясно, какому риску мы должны были подвергнуться, если бы захотели увеличить число подписей. Нам кажется, что число их не имеет большого значения для французских рабочих; мы желали бы только выразить им чувство нашей солидарности, и мы будем счастливы, если эта наша цель будет достигнута.

Мы посылаем 50 рублей с просьбой возложить на могилы героев Коммуны венок «от имени московских рабочих».

Просим известить нас о получении настоящего письма».

Приложение III

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В МОСКВЕ²

**От Центрального Комитета Московского Рабочего Союза.
Декабрь 1896 года и январь 1897 года**

Московское рабочее движение за последние месяцы отличается двумя особенностями. Первое — это почти полное от-

¹ По уверениям московских товарищей, число подписей могло быть удвоено, если бы не необходимость спешить с отправкой адреса.

² Перепечатывается здесь глава пятая интереснейшей корреспонденции из Москвы в «Работник» (№ 4—5, 1937 г., Женева) о деятельности «Московского рабочего союза». Из этой главы видно, какой широкий размах получило массовое рабочее движение в Москве к 1897 году и как упорно, сознательно и сравнительно успешно московские рабочие боролись тогда за сокращение рабочего дня. Этот текст перепечатывается впервые.

сутствие вмешательства в него интеллигенции; вызвано оно отчасти тем, что непрерывные аресты не дают ей возможности слиться с движением, отчасти же тем, что, желая держаться старого, узкого способа действий, она оказывается бессильной руководить движением и принуждена постоянно идти в его хвосте. Вторая особенность, о которой мы уже упомянули выше, — это борьба за сокращение рабочего дня, охватившая все московские заводы и переходящая в последнее время на фабрики.

На большинстве московских заводов работа продолжалась одиннадцать — одиннадцать с половиной часов, теперь рабочие настойчиво требуют десятичасового, местами даже девятичасового рабочего дня. Многие хозяева идут навстречу этой назревшей потребности и добровольно сокращают у себя рабочее время. Так, еще прошлой зимой один из крупных литейных и машиностроительных заводчиков, Гоппер (работает около тысячи человек), сократил для модельной мастерской рабочее время с одиннадцати до девяти часов, нововведение понемногу распространилось и на другие мастерские завода. Прошлой осенью было сокращено до десяти часов рабочее время на арматурном заводе Ганенталья (работает человек сто) и до одиннадцати часов на громадном железодельном заводе товарищества «Гужон» (работает около трех тысяч человек). Администрация последнего объясняет эту меру благодарностью за герб, полученный товариществом на Нижегородской выставке; но вернее «благодаяние» хозяина вызвано некоторой заминкой в делах... следствие конкуренции с новым гвоздильным заводом в Рязани. Но как бы то ни было, приведенные случаи показывают, что хозяева, без всякого ущерба для себя, могут сократить рабочее время; если они противятся этому, то только из-за-того, чтобы не делать уступок рабочим и не дать им почувствовать свою силу. Поэтому рабочим в большинстве случаев с трудом приходилось добиваться желанного нововведения. Так, на механическом заводе Дангауэра (работает до четырехсот человек) рабочие только после долгих переговоров и волнений и с помощью союза, выпустившего к ним воззвание, добились десятичасового дня. Заметим кстати, что этот завод еще прошлой зимой пытался поднятьсь, выставляя между прочим и требование о сокращении рабочего дня, и тогда дело кончилось ничем.

Вслед за этой историей началась стачка на котельном и машиностроительном заводе «Старый Бромлей», насчитывающем до восьмисот человек рабочих. Стачка эта произвела в Москве сильное впечатление как на рабочих, так и на хозяев, так как завод этот всегда отличался неподвижностью и отсталостью работающего на нем народа. Теперь и он не выдержал и дружно, как один человек, потребовал десятичасо-

вого рабочего дня. Хозяин обещал им уступить сначала с па-
схи, затем с нового года; но забастовщики, зная хорошо не-
надежность подобных обещаний, настаивали на немедленном
сокращении. Добились ли бы своего рабочие, неизвестно, так
как в стачку вмешалась правительственная власть: с одной
стороны, было арестовано двадцать один человек из среды
забастовщиков¹, с другой — оберполицеймейстер вывесил на
заводе объявление, в котором ручался, что с 1 января хозяин
исполнит свое обещание, что и действительно было испол-
нено. После четырехдневного перерыва работы возобновились.
Другие требования рабочих были: двухнедельный срок найма
и, стало быть, двухнедельная получка. С нового года все эти
требования были удовлетворены. После этой стачки хозяева,
увидевшие, как дружно умеют рабочие отстаивать свои инте-
ресы, стали уступчивее. Когда после выпущенных «Рабочим
союзом» воззваний началось брожение на котельном и медно-
литейном заводе Фугельзанга (число рабочих четыреста пять-
десят человек), хозяин обещал с 1 января сократить рабочий
день с одиннадцати до девяти с половиной часов, что в на-
стоящее время уже и исполнено.

Начало нового, 1897, года ознаменовалось сокращением
рабочего времени на двух наиболее крупных, дающих тон мел-
коте², машиностроительных заводах — Густава Листа (рабо-
тает около восьмисот человек) и Доброва и Набольца (число
рабочих — тысяча с лишним человек). Введение новых
порядков на этих заводах произошло под напором рабочих. Де-
ло было так. В прошлом году, когда вышеупомянутый завод-
чик Гоппер сократил рабочее время, то и Густав Лист, желая
узнать настроение рабочих, приказал опросить наиболее вид-
ных из них, что они думают о сокращении рабочего дня. Но
опрос не пошел дальше монтеров; те же, лично в этом не за-
интересованные, высказались против. В минувшем декабре, во
время стачки у Бромлея, пошли толки и среди листовских ра-
бочих о желательности более короткого дня. Толки эти при-
вели к неофициальным переговорам через мастеров с хозяи-
ном, который неофициально же обещал удовлетворить рабочих
с 1 января. Но прежде приказал произвести вторичный опрос.
На этот раз монтеры, под давлением молодежи, не решились
высказаться против сокращения. В результате рабочее время
с 1 января сокращено. Но этим дело не кончилось. По новым

---

¹ Уже по написании этого отчета дело о бромлеевских стачечниках, на-
правленное через Особое совещание, закончилось высылкой арестованных
из Москвы административным порядком.

² Характерно заявление одного небольшого заводчика, предприятие ко-
торого находится рядом с заводом Доброва. Когда рабочие у него тоже
заволновались и просили сократить рабочее время, он ответил: «Как толь-
ко сократит Добров, так сейчас сокращу и я».

правилам, работа начинается с семи часов утра вместо прежних шести часов и кончается в половине седьмого вместо семи; перерыв на обед остался попрежнему — полтора часа, но получасовой перерыв на завтрак (чай) был уничтожен. Такое распределение времени было рабочим не по сердцу; они еще раньше, при опросе, высказались за рабочий день с половины восьмого утра до семи часов вечера, с полуторачасовым перерывом на обед и получасовым на чай; теперь они снова заявили хозяину о желаемом распределении времени. Тот соглашался дать им время на чай, но с тем только, чтобы они приходили на полчаса раньше, причем обещал выдавать от себя чай и сахар. Но это вызвало смех среди рабочих. В конце концов им пришлось отказаться от своих требований; хотя чай они все-таки пьют, правда, без разрешения.

Волнения на заводе Доброва были вызваны требованием рабочих сократить рабочий день не до десяти, а до девяти часов. На заводе по этому поводу несколько раз расклеивались воззвания; одно из них, написанное самими рабочими, кончалось следующими энергичными словами: «Кто из вас пойдет на работу, тот будет от Рабочего союза анафема-проклят!» Такой нравственной силой в глазах московских рабочих успел стать Рабочий союз!

На помощь хозяину поспешило охранное отделение, арестовавшее в два приема десять человек¹. С 13 января у Доброва введен десятичасовой день. Остальные требования рабочих — двухнедельный срок найма и выдача денег два раза в месяц — исполнены не были.

В то же самое время происходила стачка на шелковой фабрике Сапожникова. Рабочие требовали сокращения дня до одиннадцати часов и соответствующего повышения расценок. Стачка кончилась удачно: рабочие добились сокращения рабочего дня и обещания от хозяина «повысить в самом непродолжительном времени расценку», хотя время введения повышенной расценки хозяином не указано.

Кроме того, происходил целый ряд более мелких забастовок — на парфюмерной фабрике Келлера (женщины), на литейном заводе Кудлина, в экипажном заведении Иванова и др., и сейчас происходит стачка на чугунолитейном заводе Мейера. Везде главным и почти единственным требованием выставляется сокращение рабочего дня, и почти везде рабочие добились его. Из упомянутых лишь на заводе Кудлина хозяин не исполнил обещания сократить рабочий день с 1 января.

В заключение упомянем о беспорядках на большой хлопча-

¹ Вот имена их: Григорий Малахов, Александр Воронцов, Дмитрий Хламеев, Поляков, Николай Кириллов, Михаил Моргунов, Алексей Мешков.

тобумажной фабрике Коншина (работает около семи тысяч человек) в Серпухове. Рабочие требуют сокращения рабочего времени, повышения расценок и ослабления штрафной системы. К сожалению, буйное поведение забастовщиков вызвало вмешательство казаков, в результате которого оказалось около семидесяти раненых. Произведены по обыкновению аресты. По ходящим по Москве слухам, рабочие выиграют стачку, если продержатся неделю-другую.

Приложение IV

ДОКЛАД МИНИСТРА ЮСТИЦИИ МУРАВЬЕВА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ТАЙНОМ СООБЩЕСТВЕ МОСКОВСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ¹

Д. 314, т. 111, 1897 г. Секретно.

Господину министру внутренних дел.

Министр юстиции препровождает министру внутренних дел дознание в 3-х томах по обвинению врача С. Мицкевича и других, в числе 53-х лиц, составленное по такому дознанию заключение, вещественные доказательства к делу, — просит о возвращении этого дела по заключении. Причем министр юстиции находит, «что обстоятельства настоящего дела заключаются в следующем: В конце 1894 года среди фабричного населения города Москвы и ее окрестностей появились многочисленные воззвания социал-демократического и отчасти революционного содержания, подстрекавшие рабочих к образованию союзов и устройству касс для организованной борьбы с капиталистами. Эти прокламации, а равно распространенные наряду с ними произведения подпольной прессы и устная пропаганда некоторых лиц вызвали на фабриках волнения и беспорядки. Под влиянием означенной агитации рабочие проявили стремление к совместному обсуждению интересовавших их вопросов и стали в окрестностях столицы периодически устраивать многолюдные сходки. На собраниях этих руководители — преимущественно представители интеллигентного класса — раздавали противоправительственные издания и произносили речи, указывая на неудовлетворительность экономического положения трудящегося сословия, а также на необходимость единения и упорной борьбы с существующим общественным строем

¹ Доклад этот и приговор были напечатаны в книгах «Литература Московского рабочего союза», 1930 г., и «На заре рабочего движения в Москве», 1932 г.

в видах достижения социалистической свободы и политической власти.

Негласным наблюдением, а затем и всесторонним формальным расследованием, возбужденным при Московском губернском жандармском управлении, установлено, что описанное движение было вызвано деятельностью организовавшегося в городе Москве тайного революционного кружка «социал-демократов», который своей конечной целью поставил ниспровержение установленного в России порядка управления. Главными руководителями этого сообщества были: 1) Мартын Мандельштам (Лядов), 2) Сергей Иванович Мицкевич, 3) А. Н. Винокуров, 4) А. Н. Масленников, 5) В. Н. Масленников, 6) П. Д. Дурново, 7) А. В. Кирпичников, 8) Ф. И. Поляков, 9) К. Ф. Бойе, 10) Ф. Ф. Бойе, 11) А. И. Хозецкий, 12) Е. И. Спonti, 13) Андрей Дмитриевич Карпузи, 14) П. С. Карпузи, 15) Ар. Иван. Рязанов, 16) Е. А. Петрова, 17) Д. М. Колчин.

Названные лица, стремясь к осуществлению противоправительственных целей, старались возбудить волнения среди фабричного населения на почве мелких нужд и требований, имея в виду приучить рабочих к отстаиванию их интересов и пробудить в них классовое самосознание, при наличии которого только, по мнению агитаторов, и возможно было бы трудящемуся сословию захватить общественную и политическую власть в свои руки. В этих целях поименованные члены кружка составляли воззвания и переводили с иностранных языков преступного содержания статьи и брошюры, печатали таковые на имевшихся в их распоряжении типографском станке, гектографе и мимеографе, распространяли изготовленные таким образом в большом числе экземпляров подпольные произведения среди фабричного населения, а также в кругу своих единомышленников и знакомых, стараясь заинтересовать наибольшее число лиц вопросами социал-демократического характера, и, наконец, собирали сходки, руководили ими и произносили речи, в которых, порицая современное экономическое положение, призывали рабочих к открытой борьбе с капиталистами для достижения равенства и свободы.

Степень виновности отдельных лиц:

Мартын Мандельштам и Мицкевич, объединяя и направляя преступную деятельность организованного ими кружка и озабочиваясь привлечением новых членов, приобрели, кроме того, в общее пользование необходимые для воспроизведения нелегальных изданий аппараты и, вступив в непосредственные сношения с революционными деятелями за границей, получали через посредство их противоправительственные сочинения, положившие основание дальнейшей пропаганде. Независимо от сего, дознанием выяснено, что текст большинства воззваний к рабочим составлен М. Мандельштамом и Федором Ивановым

Поляковым и что эти обвиняемые, а равно Мицкевич и Винокуров, проявили особую энергию в деле преступной агитации.

При обыске у перечисленных лиц, за исключением Полякова, Колчина, Рязанова и братьев Бойе, обнаружено значительное количество социал-демократического и революционного содержания книг, брошюр заграничных изданий, рукописных сочинений, статей и заметок, указывающих на противоправительственную их деятельность.

Допрошенные на дознании вышепоименованные семнадцать обвиняемых безусловно отрицали принадлежность свою к какому-либо тайному сообществу, но к сему М. Мандельштам, Поляков, Кирпичников, Ф. Бойе, Колчин, Петрова, Андрей и П. Карпузи присовокупили, что, задавшись целью улучшения экономического положения рабочих, они в видах этих старались заинтересовать последних вопросами социалистического характера путем широкого распространения в среде их произведений подпольной прессы и совместных бесед на устраивавшихся собраниях.

Александр Винокуров и Рязанов признали лишь факт переписки нелегальных изданий, остальные же обвиняемые дали уклончивые и отчасти противоречивые объяснения, ни в чем, однако, не опровергнувшие достоверности добытых против них улик.

(Дальше идет перечисление следующих участников, с указанием лет, звания, должности): 18) Е. Э. Лакур, 19) А. И. Косарев, 20) А. М. Богомоллов, 21) Н. И. Блинов, 22) Р. Г. Наумов, 23) А. Н. Гузаков, 24) В. А. Комаров, 25) С. В. Королев, 26) А. Ф. Маклаков — распространяли среди рабочих противоправительственные издания, в видах преступной агитации, причем дознанием установлено, что Лакур, Богомоллов, Наумов и Королев находились в непосредственных отношениях с главными руководителями кружка. Отрицая на допросе принадлежность свою к тайному сообществу, названные лица, за исключением Комарова и Маклакова, признали указанную революционную деятельность, и лишь Богомоллов заявил, что он не знал о противозаконном содержании раздаваемых им брошюр.

При обыске у 27-го — А. А. Ганшина — обнаружено около сорока запрещенных изданий, преимущественно народофильского направления, в том числе двадцать восемь номеров «Летучего листка» от 1 апреля 1895 года, тождественного с отобранным у Кирпичникова.

Ганшин, признавая свои социал-демократические убеждения, показал, что найденные у него революционные сочинения он получил в С.-Петербурге от одного знакомого (назвать которого отказался) для вручения в Москве другому неизвестному лицу.

Номер «Летучего листка», по словам Ганшина, был им передан Кирпичникову ввиду выраженного последним желанием ознакомиться с содержанием статьи, озаглавленной: «В каких эпигонов выродились представители народовольческого движения», каковое обстоятельство подтвердил и Кирпичников.

Наконец, 28) Г. Н. Мандельштам, 29) Д. П. Калафати, 30) М. Е. Цейтлин, 31) И. А. Давыдов, 32) П. И. Винокурова, 33) М. X. Горбачева, 34) Д. М. Буканов являются виновными в том, что они, хотя и не принадлежали к составу кружка социал-демократов и не принимали непосредственного участия в агитаторской деятельности его членов, тем не менее, находясь в близких отношениях с большинством последних и сочувствуя их стремлениям, по поручению Мицкевича, Мартына Мандельштама и других, переводили с иностранных языков и переписывали с оригиналов противоправительственные сочинения, направленные к порицанию установленного в России образа правления.

При допросе названные обвиняемые признали лишь факт изготовления произведений подпольной прессы, за исключением Цейтлина, Давыдова и Буканова, которые, отрицая это обстоятельство, однако, не отвергали своего знакомства многими членами кружка.

Привлеченные к сему делу 35) Анф. Смирнова, 36) Н. Желвакова, 37) М. Левит, 38) Леонтия Биронт, 39) Д. Малинов, 40) С. Прокофьев, 41) М. Добрынин, 42) М. Маслов данными расследованиями изобличаются лишь в хранении запрещенных изданий, каковое деяние влечет за собой наказание, не соединенное с лишением или ограничением прав, а относительно 43) Якова Гинзбурга, 44) Келлер, 45) Чекеруль-Куш, 46) А. Козловского, 47) И. Денисова, 48) В. Каверина, 49) А. Козлова, 50) М. Петрова и 52) И. Попова дознанием не добыто достаточных оснований к обвинению их в совершении какого-либо государственного преступления. Наконец, 53) В. Ананьев привлечен, ввиду показания Ф. Бойе о том, что Ананьев давал ему для чтения нелегальные издания.

При производстве расследования Ананьев скрылся и до сего времени остался не разысканным.

Из числа привлеченных по сему дознанию лиц содержатся под стражей: Мицкевич с 3 декабря 1894 года, Дурново А. и П. Карпузи, Кирпичников, М. Мандельштам, А. и В. Масленниковы — с 10 июня 1895 года, Винокуров и Г. Мандельштам — с 24 июня, К. Бойе, Поляков и Хозецкий — с 16 августа; Наумов и Спonti — с 12 декабря и Королев — с 16 декабря того же 1895 года, Лакур — с 15 января 1896 года.

Во время производства расследования находились в предварительном заключении: Левит и Ганшин — около 8½ месяцев, Петрова и Калафати — около 8-ми, Цейтлин, Рязанов и

Давыдов — почти 6½ месяцев, Биронт и Прокофьев — около полугода; Ф. Бойе и П. Винокурова — почти 5½ месяцев, Косарев, Козлов, Комаров и Маклаков — около 5-ти, Буканов, Гузаков и Козловский — около 4-х месяцев, Горбачева — почти 3 месяца, Петрова, Богомолов и Колчин — немного более 2-х месяцев, Келлер, Гинзбург и Смирнова — около 2-х месяцев, Каверин и Желвакова — более месяца, Денисов, Черуль-Куш и Блинов — около месяца, и Попов — 10 дней.

На основании изложенного и приняв во внимание степень откровенности представленных обвиняемыми показаний, продолжительность предварительного их заключения и несовершеннолетие Богомолова, Ф. Бойе, Косарева, Гузакова и Наумова, а равно имея в виду, что более восьмимесячным содержанием под стражею Ганшин в достаточной мере понес наказание за совершенное им деяние, я, разделяя мнение военного министра относительно подведомственных ему лиц, полагал бы разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы по вменении в наказание вышеназванным обвиняемым предварительного содержания под стражей, сверх того (следует приговор):

Министерство Юстиции
Февраля 5 дня 1897 г.

№ 301

С.-Петербург.

ПРИГОВОР

По высочайшему повелению господину прокурору
московской судебной палаты

Государь император по всеподданнейшему докладу моему обстоятельств дела о враче Сергее Мицкевиче и других обвиняемых в государственном преступлении в 5-й день февраля 1897 года высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы, по вменении обвиняемым в наказание предварительного содержания под стражей:

I. Запасного унтер-офицера Мартына Мандельштама выслать под гласный надзор полиции в Якутскую область на пять лет, исключив его, кроме того, из запаса армии.

II. Выслать под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь Сергея Мицкевича, Александра Винокурова и Григория Мандельштама, на 5 лет каждого, а Федора Иванова, по прозвищу Полякова, на три года, причем принятием означенных мер взыскания в отношении Александра Винокурова и Григория Мандельштама, разрешить и другое, приостановлен-

ное о них дознание, производившееся в городе Екатеринославе, а равно оставить без дальнейшего исполнения относительно Григория Мандельштама высочайшее повеление 15 декабря 1893 года.

III. Выслать под гласный надзор полиции в Вятскую губернию Алексея Ганшина на три года и в Архангельскую губернию: Петра Дурново, Александра Масленникова, Владимира Масленникова, Константина Бойе, Александра Хозецкого, Андрея Карпузи, Пелагею Карпузи и Иосифа Давыдова — на три года, а Евгения Спonti и Евдокию Петрову — на два года, оставив при этом в отношении Иосифа Давыдова без исполнения высочайшее повеление, воспоследовавшее 12 июля 1895 года.

IV. Подчинить гласному надзору полиции в избранных местах жительства, за исключением столиц, столичных губерний, университетских городов и города Ярославля, Пелагею Винокурову, Дмитрия Калафати, Менделя Цейтлина, Аркадия Рязанова — на три года, а Евгения Лакур и Александра Кирпичникова — на два года.

V. Подвергнуть гласному надзору полиции в местах родины Федора Бойе, Александра Косарева, Романа Наумова (он же Быканов) и Семена Королева (он же Баулин) — на три года, Марию Горбачеву, Николая Блинова, Александра Гузакова, Василия Алексеева, по прозвищу Богомолова, и Дмитрия Буканова — на один год.

VI. Рядового 9-го драгунского Елисаветградского полка Дмитрия Колчина подчинить на все время состояния на действительной службе строгому надзору военного начальства, а в случае увольнения его в запас до истечения трех лет подвергнуть на остальное время гласному надзору в месте родины.

О таковой монаршей воле мною одновременно с сим сообщенной к исполнению министру внутренних дел относительно высылки обвиняемых и учреждения за ними гласного надзора полиции и военному министру в отношении применения к Колчину определенной для него меры взыскания, а также исключения Мартына Мандельштама из запаса армии, поставлю ваше превосходительство в известность, вследствие рапорта от 25 мая 1896 года за № 1060, для надлежащих с вашей стороны распоряжений о вменении помянутому в высочайшем повелении лицам в наказание предварительного содержания под стражею. К сему считаю нужным присовокупить, что, по состоявшемуся с министерством внутренних дел соглашению, настоящее дознание о высылке Ананьева приостановлено впредь до явки его или задержки, и прекращено: в отношении Якова Гинзбурга, Бориса Келлера, Николая Чекеруль-Куша, Альфон-

са Козловского, Ивана Денисова, Василия Каверина, Александра Козлова, Василия Леднева, Михаила Петрова и Ивана Попова за недоказанностью обвинения, а относительно Анфисы Смирновой, Надежды Желваковой, Леонтии Биронт, Мовши Левит, Давида Малинова, Сергея Прокофьева, Михаила Добрынина и Михаила Маслова на основании I п. ст. XIII и XXIII всемилостивейшего манифеста 14 мая 1896 года.

Подлинное дознание с относящимися к нему приложениями и вещественными доказательствами при сем возвращается.

Министр юстиции Статс-секретарь *Муравьев*.

Завед. канцелярией *Стремоухов*.

КНИГА ВТОРАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ

1905

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА I

ПРИЕЗД В МОСКВУ ИЗ ССЫЛКИ. ОСОБЫЙ МОСКОВСКИЙ РЕЖИМ. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛИКЕ МОСКВЫ И В МОСКОВСКОМ БЫТУ ЗА ВРЕМЯ МОЕЙ ССЫЛКИ

Прошло шесть лет моей жизни в ссылке. Большую часть этого времени я провел на крайнем северо-востоке Якутии, в Колымском округе; там я исполнял обязанности колымского участкового врача. Мою ссылную жизнь я описываю в отдельной книге.

С большим волнением въезжал я в октябре 1903 года в Европейскую Россию. Как-то она меня встретит? Чем порадует? Как-то она изменилась за эти шесть лет, как я выбыл из Москвы? Я знал по газетам и журналам, легальным и нелегальным, что жизнь за эти годы далеко ушла вперед, что многое изменилось в России в том направлении, в каком мы и предполагали: выросло рабочее движение, создалась и укрепилась рабочая социал-демократическая партия, растет крестьянское революционное движение, усилилось оппозиционное движение во всех слоях общества. Революция становилась все ближе, все осязательнее... Такое представление составилось у меня по литературе, по рассказам и настроениям ссылных, которых я видел последние месяцы в Сибири. Хотелось поскорее посмотреть на это своими глазами, почувствовать самому, принять вновь участие в партийной революционной работе... Скорей, скорей бы шел поезд!

С такими мыслями я подъезжал к городу Рязани. Здесь у моей матери жила моя жена с двумя детьми, которых я отправил из Колымска в Россию два года назад. Жена познакомилась в Рязани с местными политиками, познакомила и меня с ними: все больше учащиеся старших классов среднеучебных заведений; одни из них тяготели к социал-демократам, другие к эсерам.

Я решил не оставаться долго в Рязани и через несколько дней поехал в Москву, куда мне был разрешен въезд «для

научных занятий», как колымскому врачу, поехавшему в четырехмесячный отпуск. Вообще же въезд в Москву возвращавшимся из ссылки был тогда совершенно прегражден. Легче было получить разрешение на въезд и жительство в столицу — Петербург, чем в Москву, где полновластным сатрапом был генерал-губернатор, дядя царя, великий князь Сергей Александрович, обер-полицмейстером был Трепов — крайний реакционер, прославившийся впоследствии, во время всеобщей октябрьской забастовки 1905 года, своим приказом: «патронов не жалеть — холостых залпов не давать», начальником московского охранного отделения был известный Зубатов. Эта тройка установила в Москве порядки, которые казались особо суровыми даже на фоне общего российского режима Плеве, назначенного в 1902 году, после убийства его предшественника Сипягина, министром внутренних дел с категорическим заданием подавить революционное движение во что бы то ни стало.

Этот московский режим выражался в широком развитии шпионажа и провокации, охватывающих рабочее движение, студенчество, интеллигенцию. По отношению к рабочим применялась еще особая система социальной демагогии, что в совокупности обозначалось обыкновенно словом «зубатовщина».

Особенно тяжело отзывался этот режим на евреях, по отношению к которым московский генерал-губернатор провел новые ограничения в праве жительства в Москве и губернии сравнительно с общероссийскими нормами. В результате тысячи еврейских семейств, по преимуществу ремесленники и мелкие торговцы, были высланы из Москвы; оставшиеся жили под постоянной угрозой высылки, обильно снабжая взятками московскую полицию. Этот особый режим чувствовался сразу, как только вы приезжали в Москву. Немедленное требование предъявить паспорт, подозрительное осматривание вас со стороны прислуги гостиницы, осмотр ваших вещей в ваше отсутствие, подозрительные вопросы дворников, дежурящих у ворот, и т. д. Все это создавало тяжелую атмосферу сыска.

По внешности Москва за эти девять лет, прошедших со дня моего ареста в декабре 1894 года, заметно изменилась. Ведь как раз за это время промышленное развитие страны сделало большой шаг вперед. Капитализм развивался быстро, осваивая естественные богатства Урала — железо, уголь, в Баку — нефть. В Средней Азии широко ставилось московскими фабрикантами разведение хлопка. Быстро росла железнодорожная сеть, развивался речной и морской транспорт. В промышленность привлечено было много иностранных капиталов, упрочилось золотое обращение.

Сельское хозяйство тоже шло по пути капитализации: многие помещики, особенно на юге и западе России, переходили к методам хозяйства с наемными рабочими, с употреблением сельскохозяйственных машин, сокращалась поэтому сдаваемая в аренду крестьянам площадь, поднимались арендные цены, что обостряло классовые противоречия в деревне.

Все эти изменения в экономической сфере влекли за собой изменения и в психологии всех классов общества. Старозаветный купец Кит Китыч превращался в образованного коммерсанта европейского типа, часто оппозиционного по отношению «к петербургской бюрократии»; росла численность рабочего класса, его психология становилась более боевой; рабочий, высылаемый в глухие места или на родину в деревню, революционизировал крестьянство, борьба которого за землю стала принимать все более широкие размеры.

Промышленное развитие России за эти годы отразилось и в быту, особенно в больших городах, и, прежде всего, в Москве. Богатейшие московские промышленники и купцы построили много красивых особняков в модном тогда декадентском стиле; в буржуазных и интеллигентских квартирах появилось электрическое освещение, телефоны, граммофоны, водопровод, канализация, центральное отопление, кое-где лифты. На улицах появились автомобили, впрочем еще как редкая новинка; стали открываться кинематографы. Только тяжеловесная и тихоходная московская конка еще продолжала громыхать по улицам Москвы, правда, доживая свои последние годы: с 1904 года началась замена ее более современными трамваями, — эта замена была окончена к 1911 году.

ГЛАВА II

ВСТРЕЧА С М. Х. СВЕНТИЦКОЙ. ЗНАКОМСТВА НА ЖУРФИКСАХ У НЕЕ. ЛИТЕРАТОРЫ: В. В. ВЕРЕСАЕВ, Е. Н. ЧИРИКОВ, А. А. ВЕРВИЦКАЯ, Н. Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. А. РОЖКОВ, В. М. ФРИЧЕ, А. А. БОГДАНОВ. «НЕЛЕГАЛЬНЫЕ» РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ — БОГДАН (КНУНЬЯЦ), В. П. НОГИН, ИНЕСА АРМАНД. «ОСВОБОЖДЕНЦЫ» — Н. К. МУРАВЬЕВ, Н. В. ТЕСЛЕНКО, А. Ф. СТААЛЬ

В Москве я не имел никаких явок, не знал, к кому обратиться по партийной линии. Было у меня только старое личное знакомство, поддержанное перепиской из ссылки, с Марией Хрисанфовной Свентицкой, о которой я писал в книге «На грани двух эпох». Напомню в двух словах. Зимой в 1891—1892 году в Москве образовался кружок либерально-народнической интеллигенции, который посещала и учащаяся молодежь, в том числе и я. Там я в ту зиму впервые выступил

с изложением марксистских взглядов; началась оживленная дискуссия, продолжавшаяся потом на ряде следующих собраний кружка. Дискуссия не осталась бесплодной, и у некоторых членов кружка, в том числе у М. Х. Свентицкой, появились тяготения и симпатии к марксизму; из молодежи же вышло потом несколько активных работников нашей партии. У Свентицкой за эти годы симпатии к марксизму упрочились, и она стала оказывать марксистам активное содействие.

Вот я и пошел прежде всего к М. Х. Свентицкой. Семья Свентицких занимала большую квартиру в пять-шесть комнат с мезонином, в котором жили дочь и два сына Свентицких. Муж Свентицкой, инженер, занимал в это время крупную должность помощника начальника Ярославской железной дороги. Свентицкая приняла меня очень радушно и пригласила бывать у нее на журфиксах по субботам, где, сказала она, можно будет встретить много интересных людей.

Я стал посещать эти журфиксы. Собиралось человек двадцать-двадцать пять. Состав посетителей не был постоянным: некоторые приходили чаще, другие реже, иные бывали только один-два раза.

Вечера не имели определенной программы: велась непринужденная беседа о текущих политических событиях, сообщалась информация о партийных делах в России и за границей; иногда читалась какая-нибудь статья из «Искры» или «Освобождения» (органа «Союза освобождения», выходящего за границей под редакцией П. Б. Струве), иногда какой-нибудь литератор читал свои новые произведения. Сделал и я доклад о моей жизни в ссылке.

Опишу наиболее интересных лиц, которых я там встретил. Остановлюсь прежде всего на группе литераторов.

Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович) был уже тогда известным писателем, как автор повестей «Без дороги», «Поветрие», «На повороте», в которых он изобразил искания тогдашней интеллигенции, перелом в ней от народничества к марксизму, течения в марксизме. Вересаева можно было назвать сочувствующим марксизму, но без определенного партийного оформления.

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский — инженер, один из строителей Великого сибирского пути, известен был больше как писатель по своим произведениям «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры». Необыкновенно жизнерадостный, всегда веселый, интересный собеседник, Гарин своим присутствием очень оживлял беседы. В 1905 году он давал средства на издания большевистских газет и на боевую работу. В 1906 году он внезапно умер от паралича сердца на редакционном совещании большевистского журнала «Вестник жизни».

Анастасия Алексеевна Вербицкая, очень популярная тогда в средних интеллигентских слоях писательница, проводившая в своих романах и повестях идеи равноправия женщин, их право на самостоятельный труд, свободу чувства. Она была вместе со Свентицкой активной участницей разных легальных обществ, как-то «Общества взаимопомощи лиц интеллигентских профессий», «Общества содействия устройству народных развлечений», «Курсов для рабочих», «Народных библиотек».

Общества эти были на плохом счету у полиции и закрывались одно за другим. Вербицкая охотно выступала на концертах и вечерах, устраиваемых в пользу студенческих организаций, причем она выражала сочувствие революционному движению и готовность ему содействовать независимо от направлений. В то время это было не единичным явлением среди интеллигенции. В 1905 году она мне говорила, что больше всего сочувствует большевикам за их решительность в революционной борьбе. Она собиралась вывести в своих произведениях тип большевика, что она и сделала в романе «Дух времени», где она изобразила Московское вооруженное восстание, во время которого на ее квартире собирался большевистский центр, руководивший восстанием. В эпоху реакции ее травил ренегатская печать и объявила «вне литературы»; тогда в 1911 году товарищ Ольминский выступил в ее защиту в газете «Звезда»; второй раз он дал благоприятный отзыв о ней уже в советском журнале, в 1926 году¹.

Скажу теперь о марксистах, с которыми я познакомился тогда у Свентицкой. Это были: Н. А. Рожков, В. М. Фриче и А. А. Богданов.

Но, прежде чем говорить о них, надо сказать об общем положении марксизма в России в это время. В книге «На грани двух эпох» я писал о том увлечении марксизмом, которое охватило широкие круги молодой интеллигенции к 1897 году. Повторю здесь характеристику В. И. Ленина этого периода: «...в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг»². Имело место «...громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)»³. Но это было—«...кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы...»⁴, да и марксизм этот (вульгаризированный) был со значительным уклоном в

¹ Эти статьи Ольминского перепечатаны в сборнике — Ольминский «По литературным вопросам», ГИХЛ, 1932 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 373.

³ Там же, стр. 374.

⁴ Там же, стр. 373—374.

струвизм, так как и с марксизмом-то многие знакомились по книге П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», представляющей из себя буржуазное извращение марксизма.

Буржуазная ревизия марксизма приняла в 1898—1899 годах широкие размеры. Материал для этой ревизии давала также книга немецкого социал-демократа Бернштейна «Проблемы социализма», вышедшая в 1898 году и получившая большую популярность в России.

В этой книге Бернштейн пересматривает в оппортунистическом духе все учение Маркса, его политическую экономию, социальный прогноз и вопросы тактики. Он провозглашает лозунг «Цель (то есть социализм) — ничто, движение (то есть социальные реформы в рамках буржуазного общества) — это все». Книга тотчас же вышла в России в нескольких издательствах. Характерно, что начальник московского охранного отделения Зубатов очень ее одобрил и способствовал через провокаторшу Серебрякову изданию этой книги.

В. И. Ленин в «Что делать?» (1902 г.) писал об этом периоде: «Это — период разброда, распадения, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью... Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед»¹.

В 1900—1902 годах это засилие ревизионизма как в легальной печати, так и в значительной части нелегальной (в заграничном социал-демократическом журнале «Рабочее дело», в нелегальной газете «экономистов» «Рабочая мысль») было настолько велико, что многим казалось, что ортодоксальный марксизм является каким-то устарелым сектантством, утеревшим свое широкое влияние. Это мнение нашло свой отклик и в официальных кругах правительственной цензуры²; в 1903 году цензурный комитет так характеризовал журнал «Мир божий», имевший одно время марксистскообразную, как тогда выражались, окраску, с течением времени все более выцветавшую: «Теперь, когда марксизм, как теория, почти совершенно потерял кредит у молодежи, в «Мире божьем» только изредка слышны слабые отзвуки этой теории»³, а редактор «Научного

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 499—500.

² Говоря о засилии ревизионизма в легальной литературе того времени и среди широких кругов интеллигенции, следует отметить, что активные революционеры и партийные организации, группировавшиеся вокруг ленинской «Искры», в большинстве твердо держались идей ортодоксального марксизма, выразительницей которых и была «Искра», горячо борющаяся с ревизионизмом во всех его видах, до перехода ее к меньшевикам осенью 1903 года.

³ «Красный архив», т. XVIII, стр. 179.

обозрения» Филиппов, считавшийся также марксистом, сам о себе писал около этого времени в цензурное ведомство, что он теперь — не марксист, что «одно время в журнале отводилось слишком много места спорам о так называемом «марксизме». Как известно, однако, это направление в 1899 году раскололось на много толков, а в 1900 году пришло к окончательному кризису, так что даже от так называемой «критической струи» в марксизме нельзя ждать многого»¹.

Вот в такое-то время я познакомился с вышеназванными марксистами², на которых период разброда и шатаний оказал в той или иной мере свое влияние. Что же они из себя представляли каждый в отдельности?

Николай Александрович Рожков — был тогда приват-доцентом Московского университета, написал ряд работ по русской истории, кладя в основу объяснения исторических явлений экономику. Поэтому он считал себя и другие его считали марксистом. Но его «марксизм» являлся эклектикой³ из Маркса, Канта, Спенсера, Милля, Риккерта, Шапова, и еще не знаю кого. С одной стороны, он признавал, что первопричина общественных и исторических фактов — это хозяйственные, экономические явления. На этом основании он называет себя *экономическим материалистом*, но исторический материализм — диалектический материализм — он считает давно устаревшими терминами, их надо заменить понятиями «экономическое обоснование», «эволюция» (см. его книгу «Основы научной философии»).

В понятие «экономическое обоснование» он вносит много путаницы: то у него «распределение хозяйственных благ оказывает главное влияние на социальный строй», то главное значение в истории имеет отношение пространства страны к ее населению, то первенствующее значение имеет то, чем занимается большинство населения — охотой, земледелием или промышленностью и т. п. В итоге мы никак не можем признать Рожкова марксистом в области исторической науки, но его исследования по экономической истории России, провозглашение принципа, что экономические, хозяйственные условия являются первоосновой истории, отсутствие в его исторических работах великодержавного шовинизма, — все это заставляет признать, что исторические работы Рожкова были для своего времени прогрессивным явлением, и они ставят Рожкова значительно выше современных ему буржуазных историков.

В политическом отношении он тогда стоял довольно далеко

¹ «Красный архив», т. XVIII, стр. 175.

² Само собой разумеется, что этих лиц в то время можно было назвать марксистами только со всеми теми оговорками, которые мною приводятся.

³ *Эклектика* — механическое соединение разнородных теорий.

от революционного движения, был, так сказать, кабинетным ученым. Его полевание и активизация в области политики началась позже — в 1904 году, когда он начал сближаться с большевиками; с начала 1905 года это сближение становилось все более тесным, в середине этого года он вступил в партию и играл значительную роль в общественной и революционной жизни Москвы в 1905—1906 годах, о чем я буду еще не раз говорить.

Владимир Максимович Фриче. Был тогда преподавателем литературы в средних школах и лектором на Пречистенских курсах для рабочих. С 1904 года начал в качестве приват-доцента читать лекции в Московском университете. Лекции его по литературе и искусству были очень красивы по форме и политически злободневны по содержанию. Они пользовались большим успехом. Впоследствии ему было запрещено преподавание как в школах, так и в университете.

Фриче вслед за Плехановым был пионером в области марксистского литературо- и искусствоведения. Он связывал литературу и искусство с классово-борьбой, вскрывал подоплеку литературных течений. В то время он знакомил русскую публику с передовой литературой Запада (Золя, Ада Негри, Верхарн), разоблачал модное тогда декадентство, выявляя его упадочнический характер и ставя это в связь с разложением буржуазного мировоззрения. В его методологии были, конечно, ошибки, некоторая вульгаризация, упрощенчество, то, что мы называем теперь примитивным социологизмом, но при всем том его работы, конечно, стояли много выше в научном отношении идеалистического и формалистического буржуазного литературо- и искусствоведения.

Свои статьи Фриче помещал в московской газете «Курьер», недавно основанной группой молодых литераторов, в противовес умеренно-либеральным, профессорски тяжеловесным «Русским ведомостям». Газета стремилась стать более живой и более острой в политических вопросах, хотя без определенного партийного направления, что, впрочем, и невозможно было при тогдашних цензурных условиях, особенно московских.

Но и в таком виде газета не смогла долго просуществовать и вскоре была закрыта. Из ее сотрудников я познакомился тогда у Свентицких еще с В. П. Потемкиным, тогда учителем истории в московских среднеучебных заведениях, ныне Нарком Просвещения РСФСР, и с покойным В. Я. Канелем—московским врачом, дисавшим по вопросам социальной гигиены и по рабочему вопросу.

Александр Александрович Богданов был, конечно, самой выдающейся личностью из тех, с которыми я познакомился у Свентицких. Он тогда окончил свою ссылку в Вологде и был

проездом в Москве после окончания ссылки. Видел я его тогда у Свентицких один-два раза; впоследствии, в 1904 году, я ближе сошелся с ним, когда мы одновременно жили в Твери. Он тогда уже был широко известен и популярен в марксистских кругах благодаря своей книге «Краткий курс экономической науки», вышедшей в 1897 году, широко использовавшейся при занятиях в пропагандистских кружках интеллигентских и рабочих. Как известно, Ленин в 1898 году в рецензии, помещенной в журнале «Мир божий»¹, дал, в общем, положительную оценку этой книги, хотя и указал на имеющиеся в ней ошибки и недостатки.

Богданов написал также ряд философских работ: в 1899 году вышла его книга: «Основные элементы исторического взгляда на природу»; в дальнейших своих работах он все более отходил от диалектического и исторического материализма.

Широкая публика в это время мало интересовалась чисто философскими вопросами; вопросы текущей политики отменяли философские вопросы на задний план. Мало кто понимал все эти заумные «всеобщие подстановки», эмпириокритицизмы и эмпириомонизмы. Но на группу теоретиков-марксистов, особенно москвичей, Богданов оказал большое идеологическое влияние: Рожков, Фриче, Покровский, Шулятиков и отчасти Скворцов-Степанов² — все в большей или меньшей мере подверглись влиянию этого «философа». В вопросах политики Богданов стоял на позициях старой «Искры» и был вообще активен.

Летом 1904 года он поехал за границу и там сблизился с Лениным, о чем подробно я расскажу потом. При личном знакомстве Богданов не производил яркого впечатления — был очень скромен и как бы застенчив; неохотно публично выступал, говорил не блестяще.

Скажу о моей позиции по отношению к модной тогда ревизии марксизма.

Впервые я познакомился с марксизмом в 1890 году, когда прочел книгу Плеханова «Наши разногласия», потом я прочитал «Манифест коммунистической партии», а затем первый том «Капитала» Маркса, работы Энгельса «Развитие научного социализма» и «Анти-Дюринг», после в 1894 году, работу Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами»; встречался и много беседовал с Лениным в 1894 году; в 1896 году прочитал книгу Плеханова «К вопросу о монистическом взгляде на историю». С книгой Струве я познакомился, когда я был уже сложившимся марксистом,

¹ Статья перепечатана в Соч. В. И. Ленина, т. II, стр. 371.

² С М. Н. Покровским я познакомился в конце 1904 года; Скворцов-Степанов в то время был в ссылке, возвратился в Москву в конце 1904 года; Шулятиков возвратился из ссылки после октября 1905 года.

и отнесся к ней критически¹. Книгу Бернштейна «Проблемы социализма» я прочитал в ссылке; в нашем кружке ссыльных мы много о ней дискуссировали и осудили ее ревизионистский характер. Благодаря такому марксистскому фундаменту я отрицательно отнесся к ревизионизму всех оттенков. Но я не был теоретиком-ученым, а только рядовым практиком, и не мог противопоставить свои взгляды таким эрудитам, каковыми были, скажем, Богданов или Рожков. Дело ограничивалось дискуссиями в частных беседах.

Кроме легальных марксистов, я встречал у Свентицких и нелегальных революционеров-профессионалов. Они находили приют и ночевки при своих поездках через Москву у Свентицких или их знакомых. Познакомился тогда с «Богданом» (Кнуныянцом); в 1905 году он был руководителем фракции большевиков в Петербургском Совете рабочих депутатов; с «Макаром» (В. П. Ногиным) и Инессой Арманд.

Это были люди совсем иного склада: боевые, решительные, целеустремленные, они резко выделялись среди остальной публики «салона». Знакомство с ними у меня было в то время мимолетным, и о своих знакомствах с революционной публикой я буду говорить в другой связи.

Отмечу еще среди посетителей журфиксов группу молодых, но уже видных московских адвокатов (присяжных поверенных) — Н. К. Муравьева, Н. В. Тесленко, А. Ф. Стаала. Они выдвинулись как защитники в политических процессах. Все они кончили университет в середине 90-х годов, отдали дань тому увлечению марксизмом, которое охватило в эти годы передовую студенческую молодежь, но марксизмом, как я уже сказал, с уклоном в струвизм. Они принимали тогда участие в «марксистских» кружках, но постепенно все больше уходили в ревизионизм, а с начала 1900-х годов, когда начал оформляться русский либерализм, они вошли в политическую организацию «Союза освобождения» под руководством того же Струве и в это время они назывались «освобожденцами». На журфиксах нередко вспыхивали у марксистов дискуссии с ними.

Вот с какой разнообразной и интересной публикой я познакомился у Свентицкой. Пришло на ум сравнение этого круга с кружком московской либерально-народнической интеллигенции в 1892 — 1893 году, описанным мною в книге «На грани двух эпох». Какая громадная разница! Насколько многочисленнее и вместе с тем более политически расслоенной была теперь, через десять лет, передовая московская интеллигенция, насколько выше ее политический уровень, насколько шире ее кругозор! И на этом малом участке видно было, как далеко ушла русская общественность за эти десять лет!

¹ Подробно — в книге «На грани двух эпох».

ГЛАВА III

СТУДЕНЧЕСКИЙ МАРКСИСТСКИЙ КРУЖОК, ЧЛЕН МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА В. А. ОБУХ, ЕГО ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В ПАРТИИ И В МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Но этим не ограничились мои связи и знакомства, полученные через Свентицкую. У М. Х. Свентицкой была дочь — Наташа Свентицкая, курсистка высших женских курсов профессора Герье. Через нее я познакомился со студенческим марксистским кружком. Возглавлял этот кружок жених Наташи (потом ее муж), студент Московского университета. Л. Жбанков, сын доктора Д. Н. Жбанкова; через него кружок был связан с Московским комитетом. Л. Жбанков после второго съезда партии примкнул к большевикам и увлек за собой весь кружок. В кружок входило человек восемь-десять, все студенты университета; из них помню: Валериана Яхонтова, впоследствии видного большевика, он умер в 1926 году на посту члена коллегии Наркомюста; Всеволода Михайлова, расстрелянного во время декабрьского восстания; Терехова и Григория Лунца, в 1905 году активных участников московской большевистской организации. Они изучали тогда «Капитал» Маркса, «Анти-Дюринг» Энгельса, читали «Что делать?» Ленина, «Искру» и «Зарю». Жбанков и еще некоторые занимались с рабочими. Кружок этот выпустил несколько прокламаций на гектографе к студентам, призывая их примкнуть к борьбе рабочего класса. Я узнал, что такой же марксистский кружок существовал и среди студентов Петровской сельскохозяйственной академии, а также среди курсисток высших женских курсов Герье. Сын Свентицкой — Алеша, ученик старших классов седьмой гимназии, рассказал мне, что он принимает участие в гимназическом кружке, имеющем тяготение к марксизму.

Через Жбанкова я познакомился с членом Московского комитета В. А. Обухом. Он был тогда врачом в одной из московских городских больниц. В середине 90-х годов, будучи петербургским студентом, примыкал к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1896 году Обух был выслан из Питера и поехал в Киев, окончил там университет, потом перебрался в Москву, где примкнул к местной социал-демократической организации. Обух познакомил меня с положением дел в партии вообще и, в частности, в московской организации. До сих пор мне никто толково не мог рассказать, из-за чего произошел раскол на втором съезде и как сложились дела в партии после съезда. От Обуха я узнал, что разногласия произошли по пункту первому устава партии, в котором определялось, кого считать членом партии. Большинство (большевики) стояло

за более узкий, строго оформленный состав партии, а меньшинство (меньшевики) хотело широко раскрыть доступ в партию, что привело бы к засорению партии мелкобуржуазными колеблющимися элементами. После съезда меньшевики, имевшие за собой большинство в интеллигентской эмигрантской социал-демократической «Заграничной лиге», повели бешеную атаку против большевистского Центрального комитета и центрального органа партии «Искра», против Ленина и Плеханова, бойкотировали ЦК и «Искру». Плеханов скоро изменил большевикам и перешел на позицию меньшевиков, потребовав кооптации в редакцию «Искры» Мартова, Аксельрода, Засулич, Потресова, что отдавало редакцию целиком в руки меньшевикам. Ленин принужден был уйти из редакции «Искры» и Совета партии (первого ноября н. ст. 1903 года); редакция очутилась целиком в руках меньшевиков. Получилось невозможное положение: ЦК был большевистским, а центральный орган — меньшевистским, бойкотирующим ЦК, который был лишен таким образом своего литературного органа. Большинство заграничных групп поддерживало меньшевиков, в России же, наоборот, большинство комитетов поддерживало большевиков. Московский комитет стал определенно на сторону Ленина и послал протест против дезорганизаторской деятельности меньшевиков, тормозящей всю работу в России; такие же протесты послали петербургский, нижегородский, тверской и еще ряд комитетов.

В частности, в Москве партийные дела, по словам Обуха, шли неважно; чрезвычайно трудно было добраться до рабочих: провокация в верхах и низах организации проваливает попытки организовать рабочие кружки, их члены арестовываются после одного-двух собраний, так что рабочие боятся идти в кружки; зубатовщина захватила широкие толщи рабочих и тормозит проникновение революционных элементов в рабочие массы, а вырастающие изнутри быстро изымаются отсюда. В нелегальной литературе крайняя нужда, нет листовок, так как не удается поставить, не говоря уже о типографии, mimeографа и даже трудно поставить гектограф: все проваливается. Из-за границы, благодаря бойкоту заграничных групп и некоторых местных организаций по отношению к ЦК, доставка литературы идет плохо. Да и что привозить? Большевики не имеют своего органа, а доставлять меньшевистскую «Искру» не имеет смысла.

Среди интеллигентской молодежи в последнее время ожилилась тяга к революционному марксизму: в Москве в настоящее время несколько марксистских кружков, подрастают новые работники. Что сказать о массовом движении в России за последние годы? Конечно, оно сделало громадный шаг вперед: Обуховская стачка 1901 года в Петербурге и столкнове-

ние рабочих с полицией и войсками во время этой стачки; первомайские демонстрации 1902 года в Сормове, Баку, Харькове, Саратове; бурная стачка в 1902 году в Батуме на заводе Ротшильда. Ростовская стачка в ноябре 1902 года, первомайские демонстрации 1903 года в Томске, Тифлисе, Костроме; стачки летом 1903 года, охватившие все промышленные центры юга России и Кавказа, с революционными лозунгами: «Долой самодержавие!» Такова картина роста массового рабочего движения. Крестьянство начало волноваться, и в 1902 году массовые крестьянские волнения охватили Полтавскую, Харьковскую и отчасти Саратовскую губернии. Но Москва все это время резко отставала от общего движения. Правда, во время студенческих волнений в феврале 1901 года много рабочих приняли участие в демонстрациях, но это выступление было стихийным, и Московскому комитету не удалось с ним связаться и им руководить, не удалось выпустить даже прокламацию во время этих волнений, а 19 февраля 1902 года зубатовцы сумели организовать «патриотическую» рабочую манифестацию в Кремле при открытии памятника царю Александру II.

Позор для Москвы! А правительство? Оно не уступает революционному напору: арестует, разгоняет, убивает, насаждает шпионаж, провокацию, а в последнее время начало прибегать при помощи полиции, натравливая отребья городских низов (люмпенпролетариат), к страшному средству — к массовым еврейским погромам, которые всей тяжестью ложатся на еврейскую бедноту. Таких погромов в 1903 году было устроено два — в Кишиневе — в апреле и в Гомеле — в августе. Сотни убитых и раненых евреев, тысячи разгромленных квартир!

В последнее время правительство задумало, повидимому, войну с Японией и хочет при помощи войны отвлечь народ от внутренних вопросов — поднять в нем патриотическое воодушевление.

В последние месяцы, после летних стачек на юге России, вообще какое-то затишье, но это — затишье перед бурей...

Таково приблизительно было содержание рассказа В. А. Обуха в ноябре-декабре 1903 года. Рассказывая о тяжелом положении дел в партии, в частности, в Москве, он не проявлял ни тени упадочности, пессимизма. Каким-то здоровым, крепким оптимизмом веяло от его жизнерадостной фигуры. Он глубоко любил В. И. Ленина, верил ему и говорил, что В. И. Ленин сумеет вывести партию из кризиса, массовое движение растет, а это — главное, и Москва раскачается и с зубатовщиной мы справимся. Все это оправдалось впоследствии на деле, и не дольше — как через год с небольшим.

ГЛАВА IV

ПРОВОКАТОР А. Е. СЕРЕБРЯКОВА. НЕЛЕГАЛЬНЫЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ ТИПОГРАФИКОВ

Еще об одной встрече со старой своей знакомой я хочу рассказать. Это встреча с А. Е. Серебряковой.

Я познакомился с ней незадолго до моего ареста в 1894 году у Винокуровых¹. Она производила впечатление умной, образованной женщины, интересующейся вопросами революционного движения и готовой оказать ему посильную помощь. Муж ее служил в губернской земской управе статистиком, привлекался раньше по делу о нелегальном журнале «Самоуправление». Во время наших тогдашних бесед Серебрякова выражала интерес к марксистскому движению, охотно разговаривала на эти темы, но не расспрашивала о подробностях работы, о связях. В общем, впечатление оставалось о ней хорошее. Она работала в «Красном Кресте — помощи политическим заключенным и ссыльным», познакомилась с моей матерью, когда она приезжала в Москву на свидания со мной в тюрьме, и проявляла «трогательную заботу» обо мне, когда я сидел в тюрьме, а потом был в ссылке, доставала для меня книги, медицинские инструменты.

За последние годы она очень развернулась, вела большую работу в «Красном Кресте». Здесь ей приходилось сталкиваться с массой лиц разных политических направлений, и не только знакомиться и оказывать услуги по линии «Красного Креста», но и помогать в революционной работе: предоставляла свою квартиру для явок и собраний, для ночевки нелегальным, хранила и доставала нелегальную литературу, доставала адреса для заграничной переписки, оказывала помощь в постановке нелегальной техники и т. д. и т. п.

Ни в какую партию она не вступала, говоря, что беспартийность охраняет ее от провалов, а на работу ее в «Красном Кресте» полиция, повидимому, смотрит сквозь пальцы, и эта «беспартийность» помогала ей заводить связи со всеми революционными и оппозиционными организациями.

Но, как потом оказалось, она все это время была агентом охранки, состояла крупнейшим осведомителем и провокаторм при начальнике московской охранки Зубатове. Чтобы дать понятие читателю о ее работе в охранке, приведу здесь отзыв о ней Зубатова от 26 марта 1907 года, приложенный к ее ходатайству о пособии. Вот, что писал Зубатов:

«Сов. секретно.

В нынешнем году истекает двадцать пять лет служебной деятельности г-жи Субботиной (псевдоним Серебряковой, —

¹ См. «На грани двух эпох».

С. М.), честно и доблестно оказывавшей за этот долгий срок секретные услуги Московской администрации и департаменту полиции в их борьбе с революционными происками крамолы.

Окончив свое образование на высших женских курсах Герье, будучи превосходно осведомлена с теориями, идеалами, нравами и бытом деятелей русской революции (всех направлений), посвящая свободное от семейных занятий время переводам научных сочинений (она — замужем за человеком с высшим образованием и имеет трех детей, оканчивающих курс наук в высших учебных заведениях), г-жа Субботина пользовалась неизменно за все это время уважением и расположением различных лидеров революционных организаций.

Крупнейшие дела московского охранного отделения, всех периодов его деятельности, обязаны успехом ее инициативе (и в других она принимала то или иное участие). Мало того, убедившись на деле в наличии связи провинциальной преступной деятельности с Москвой, г-жа Субботина намеренно расширила свои кружковые связи за пределы столицы, создала возможность отделению увеличить объем своей деятельности, и тем оказала большую помощь департаменту полиции. Образовался летучий отряд при департаменте, осветивший ему — запад и северо-запад. Честь первого раскрытия деятельности «Бунда» принадлежит именно ей. Киев, Екатеринослав, Кременчуг были серьезно освещены также ею. Но все перечислить трудно.

Для должностных лиц отделения она являлась не только глубоко преданным агентурным источником, но и компетентным советчиком, а иногда и опытным учителем в охранном деле.

Как имевший удовольствие пользоваться ее интеллигентными услугами наиболее продолжительное время, я от души присоединяюсь к ее почтительному ходатайству — о выдаче ей единовременного пособия в размере десяти тысяч.

Отставной надворный советник С. Зубатов».

Другой соратник Зубатова, начальник московской охранки в 1907 году полковник фон-Котен, добавляет к этой характеристике:

«С о в. с е к р е т н о

Несмотря на долговременную службу г-жи Субботиной, позволившую нанести революционному движению немало серьезных ударов, сотруднице, благодаря ее исключительным способностям — находчивости и осторожности, до самого последнего времени удалось сохранить свое выгодное положение

в течение двадцати пяти лет, дающее возможность и в дальнейшем оказывать розыску весьма полезное и важное содействие. Особенно ценны услуги г-жи Субботиной в деле освещения различных профессиональных организаций (учительского союза, лиги образования, организации безработных, союзов текстильного, металлургического, графического и иных производств и т. д.), играющих столь видную роль в экономической и политической жизни страны за последнее время. Независимо от этого, г-жа Субботина прекрасно освещает детали жизни и чисто революционных организаций, разработкой ее агентурных указаний за один последний год удалось обнаружить несколько подпольных типографий, как социал-демократических, так и социал-революционных.

Полковник фон-Котен»¹.

Раскрыта Серебрякова была только в конце 1909 года Меньшиковым, бывшим охранником, эмигрировавшим за границу в 1909 году². Это Серебрякова провалила бесконечное число московских, и не только московских, революционных организаций и групп за двадцать пять лет и в значительной степени парализовала их работу. Она же консультировала и вдохновляла Зубатова в его «рабочей политике».

Не без ее помощи проваливалась и наша группа 1894—1895 года, и вот я, до некоторой степени ее жертва, после девяти лет тюрьмы и ссылки опять пошел к ней с открытой душой благодарить за помощь, которую она мне оказывала за это время. Встретила она меня очень радушно, даже, можно сказать, радостно. Стала рассказывать о московских новостях, познакомила с тремя своими детьми, подростками за мое отсутствие и теперь уже студентами. Они принимали деятельное участие в студенческом движении и, конечно, ничего не скрывали от матери, столь почтенной в их глазах общественной и даже революционной деятельницы; через них таким образом она хорошо была информирована о студенческом движении. Старший ее сын работал уже, как пропагандист и организатор, среди рабочих-типографчиков.

Дело в том, что типографчики в массе не входили в зубатовские организации, и в Москве не было зубатовского союза типографов, так что охранка не была так хорошо осведомлена о революционной работе среди них. Взялся за их организацию меньшевик Шер, выученик Серебряковой; с ним я, тогда же познакомился у Серебряковой. Он мне рассказал, что с начала

¹ Из книги — И. В. Алексеев, «Провокатор Анна Серебрякова», стр. 62—63, 66, изд. Политкаторжан, 1932 г.

² Меньшиков, «Охрана и революция», изд. Политкаторжан, Москва, 1930 г.

1903 года ему удалось завести хорошие связи среди типографщиков и организовать среди них нелегальный профессиональный союз. В сентябре этого года союз организовал стачку во всех московских типографиях, на несколько дней прекратился выпуск всех московских газет. Союз добился сокращения рабочего дня на один час и значительного увеличения расценок. Надо сказать, что эта стачка явилась ярким пятном на сером фоне «московского рабочего движения и произвела сильное впечатление во всей стране. Ведь вдруг перестали получаться наиболее распространенные московские газеты, доходящие до самых глухих углов. Всякий догадывался, что в Москве происходят какие-то крупные события. Во время и после стачки были произведены большие аресты среди типографщиков и союз был разгромлен, осталась только небольшая группка руководящих лиц; уцелели и Шер, и Серебряков. Можно предположить, что охранка допустила образование союза через Шера и Серебрякова, чтобы выловить потом активные элементы среди типографских рабочих и завести среди них охранную агентуру, запутав или подкупив часть арестованных. Стачка не входила, конечно, в план охранки, но, как известно, рабочее движение нередко перехлестывало через полицейские рамки, даже в союзах, непосредственно руководимых охранкой, как это случилось в Одессе во время всеобщей забастовки летом 1903 года и как это было потом, 9 января 1905 года, с союзами, руководимыми агентом охранки, попом Гапоном.

Шер и Серебряков были оставлены на свободе, чтобы путем наблюдения за ними и путем сведений, получаемых от Серебряковой, вылавливать лица и группы, которые будут с ними иметь дело. Это был один из методов Зубатова—не проваливать лиц, тесно связанных с Серебряковой, чтобы отводить подозрения от Серебряковой. И Зубатов всегда держал около Серебряковой группу лиц, долго их не арестовывая, но зорко следя за ними через Серебрякову и через наружное наблюдение, выявляя все их связи и всю их работу. Эту группу он называл своим «святая святых». Некоторые из этой группы, оставшиеся долго на свободе, тогда как их соучастники в работе арестовывались, заподозривались в сношениях с охранкой и принуждены были отходить от движения, что тоже было на руку охранке и вместе с тем опять-таки отводило подозрения от Серебряковой. В это время Шер и Серебряков были, очевидно, в числе этого «святая святых».

Но тогда я, конечно, ничего этого не подозревал и с интересом и доверием слушал рассказы Серебряковой и лиц, ее окружающих.

Был я у нее тогда раз или два, а потом вскоре я получил предупреждение о небезопасности посещений ее квартиры, о чем я скажу ниже, и я перестал ее посещать.

ГЛАВА V

У МОСКОВСКИХ ЗЕМСКИХ ВРАЧЕЙ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ БАНКЕТЫ. ЗАНЯТИЯ В СТАРОЕКАТЕРИНИНСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

Побывал я еще в санитарном бюро московского губернского земства, в котором я служил до своего ареста в 1894 году. В книге «На грани двух эпох» я рассказал о своих спорах с руководителями тогдашнего санитарного бюро — Е. А. Осиповым и профессором Ф. Ф. Эрисманом — о революционном или легальном пути. Тогда они, как и большинство земских врачей, отрицали возможность и плодотворность революционной работы в России и верили только в легальные пути. С тех пор прошло девять лет, и многое изменилось. В бюро уже не было ни Осипова, ни Эрисмана, заведывал бюро доктор И. В. Попов, который в мое время был помощником Осипова, он-то остался таким же, как был, — аполитичным культурником, но другие врачи, которых я встретил в бюро, сильно полевели, интересовались политикой, получали зарубежный нелегальный журнал «Освобождение», некоторые читали эсеровскую «Революционную Россию», были знакомы и с «Искрой», не прочь были оказать содействие революционным организациям. Во время революционных 1905—1907 годов земский медицинский персонал и земские больницы Московской губернии были широко использованы революционными организациями для работы в губернии, о чем мне еще придется говорить. Я установил с этого времени прочную связь с доктором П. И. Куркиным, заведывавшим в бюро санитарной статистикой; он был хорошим организатором, знал всех земских врачей в губернии и был во главе общественной организации земского медицинского персонала и в курсе общественных начинаний земцев и земских служащих.

О том, как изменилось настроение московских интеллигентских кругов за последние годы, можно было судить и по тем двум банкетам, на которых я был в это время. Банкетная кампания широко развернулась позже, в конце 1904 года, в период политической «весны». В конце же 1903 года в Москве были только слабые предвестники этой кампании. Один банкет состоялся по поводу чествования писателя В. Г. Короленко в день его пятидесятилетия. Собралось человек сто пятьдесят—двести в большом зале гостиницы «Эрмитаж» (на Трубной площади, где теперь «Дом колхозника»). В этом зале, по традиции, в день годовщины Московского университета, в так называемый «Татьянин день», 12 января, устраивались студенческие пирушки с участием профессоров. Говорились речи. Я был один раз, в 1889 году, в период реакции Александра III, на таком студенческом празднике. Речи, которые произно-

сились тогда, были куда скромнее, чем на банкетах 1903 года. Особенно ярко по тому времени прошел второй, более многолюдный банкет, на котором выступал ряд московских адвокатов, возвратившихся с процесса по делу о кишиневском еврейском погроме. В своих речах они клеймили работу полиции по подготовке погрома, поведение полиции и казаков, не защищавших совсем евреев от громил, но разгонявших дружинников, которые пытались защищаться от погромщиков. Речи ораторов казались необычайно резкими по форме для легального собрания, но все же по своему содержанию они были довольно скромны, возбуждалось, правда, недоверие, а порой и ненависть к правительству, но не было даже выдвинуто требования созыва народных представителей, ни, тем более лозунга «Долой самодержавие!» Это стало уже делом будущего, хотя и очень близкого...

Так за два месяца я довольно широко ознакомился с общественной жизнью Москвы и ее революционным подпольем. Теперь передо мной вставал вопрос: что мне делать дальше? В середине января кончился мой отпуск и вместе с ним и материальные ресурсы; да и право жительства в Москве мне было дано ведь только на время отпуска. Надо было искать работу. Хотелось получить место врача в каком-нибудь большом городе или на фабрике, но это было очень трудно: обыкновенно на места городских и фабричных врачей было множество кандидатов, такие места получались по протекции, а у меня ее не было; в земство, в деревню забиваться очень не хотелось; да и утвердит ли администрация на земской службе бывшего ссыльного, только что вернувшегося из ссылки. Вообще перспективы мои были тогда не блестящие. Для поднятия квалификации, говоря современным языком, я стал работать в качестве практиканта в Староекатерининской больнице, в хирургическом ее отделении. Там работали в это время три молодых, но уже очень выдвинувшихся хирурга, будущие московские знаменитости: В. Н. Розанов, ныне покойный, П. А. Герцен и Минц (уехал после революции в Латвию). Под их компетентным руководством я получил возможность поработать, правда, недолго.

В середине декабря я сделал доклад в обществе невропатологов и психиатров о полярной истерии. В докладе я обрисовал тяжелые и своеобразные формы истерии приполярного населения¹. После доклада меня приветствовали, как врача, вернувшегося из политической ссылки и привезшего оттуда научные материалы.

¹ См. мою книгу «Мэнэрик и эмирячене — формы истории Колымского края», изд. Академии наук СССР, 1929 г.

После окончания заседания, ко мне подошел известный московский психиатр профессор Н. Н. Баженов и предложил мне место в частной психиатрической лечебнице, в которой он состоял консультантом. Я предупредил его, что меня могут выслать из Москвы после окончания моего отпуска. Он сказал, что раз разрешили жить, может быть—и не вышлют. Я принял его предложение, однако оговорив, что предварительно съезжу на Пироговский съезд врачей, который должен был состояться в Петербурге в начале января. Предложенное мне место очень меня устраивало: я оставался в Москве, о чем не мог, казалось, и мечтать.

ГЛАВА VI

НА ДЕВЯТОМ ПИРОГОВСКОМ СЪЕЗДЕ ВРАЧЕЙ. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПЕТЕРБУРГА

В первых числах января 1904 года я поехал в Петербург на девятый Пироговский съезд врачей. Мне раньше не приходилось бывать на этих съездах, которые являлись довольно значительным явлением в русской общественной жизни за последние двадцать лет (1883—1903 гг.). Я уже упоминал о них¹, здесь сделаю некоторые добавления. Общественное настроение на этих съездах поднималось все выше с каждым съездом в связи с общим подъемом общественного и революционного настроения в России в это время.

Восьмой съезд, собравшийся в 1902 году в Москве, прошел особенно оживленно, что дало повод реакционной газете «Гражданин» писать, что это не медицинский съезд, а какое-то Учредительное собрание, хотя вопросы, поднимаемые на этом съезде, и были довольно невинными в политическом отношении; например, вопрос об отмене телесных наказаний, о введении всеобщего народного образования, о сокращении рабочего дня в опасных производствах и установлении законом нормального рабочего дня на всех производствах, о введении бесплатной медицинской помощи для всего населения и т. п. Но время было глухое; другие съезды, кроме врачебных и съездов естествоиспытателей, не разрешались, а потому и общественные вопросы, поднимавшиеся на Пироговских съездах, выходили из рамок обыденности и привлекали к себе внимание прессы и общества. Девятый съезд созывался после бурного 1903 года, с его всеобщей стачкой на юге и Кишиневским погромом, а потому надо было ожидать, что этот съезд будет более боевым, более политически заостренным. Так оно и вышло. Перед этим только что закончился съезд по

¹ «На грани двух эпох».

техническому образованию. На этом съезде участвовало до трех тысяч человек. Было много учителей. Руководящую роль играла секция по рабочему образованию, сместившая своего официального председателя и затем, при большом стечении публики, начавшая свои заседания, больше походившие на митинги. Выступавшие ораторы требовали свободы слова, печати, собраний, восьмичасового рабочего дня, отмены религиозных и национальных ограничений и созыва народных представителей. Съезд изгнал из зала при криках: «Вон! убийцы!» — членов кишиневской ремесленной управы Пронина и Степанова, принимавших участие в еврейском погроме, после чего съезд был закрыт, а несколько его руководителей арестовано и выслано.

Пироговский съезд открылся непосредственно после закрытия технического. На съезде участвовало две тысячи пятсот членов. Членом съезда мог быть каждый врач, внесший членский взнос в Пироговское общество (десять рублей). Самой влиятельной группой на съезде были земские врачи, задававшие тон на всех Пироговских съездах и выступавшие всегда сплоченной группой. Перед открытием съезда собралось правление съезда совместно с активистами, как мы теперь сказали бы, и наметило состав «распорядительного собрания», которое играло важную роль на съезде: оно ведало организационными вопросами съезда, занималось окончательным редактированием резолюций, принятых на съездах, и вообще направляло и вело весь съезд. Список этого распорядительного собрания, намеченный правлением с активистами, оглашался на первом общем собрании и обычно принимался почти целиком с некоторыми дополнениями. На этом съезде в распорядительное собрание вошли все видные земские и городские врачи-общественники: Жбанков, Куркин, Шингарев, Тезяков, Дорф, Мольков, Левицкий, Френкель, Диатропов, Долгополов, Елпатьевский, Кащенко, Богомолец и др. Введен был и я в состав этого собрания. На первом же заседании его поднялись вопросы об общем направлении съезда, и выявились группы с разными политическими настроениями. Правое крыло составляли главным образом профессора Военно-Медицинской академии; они были за то, чтобы съезд держался преимущественно специально научных и узко профессиональных рамок, возбуждал бы ходатайства перед правительством в лояльных и корректных формах. Центр представляли старые солидные земские врачи, руководители губернских санитарных бюро, вроде курского В. И. Долженкова или московского И. В. Попова. Они не были против постановки общественно-медицинских вопросов, но в рамках умеренности и «корректности» — в будущем это члены кадетской партии. Левое крыло было представлено преимущественно рядовыми земскими и город-

скими врачами, в него включались—Д. Я. Дорф, С. Н. Корженевский, В. Е. Зайцев, П. Ф. Кудрявцев, Н. И. Долгополов, впоследствии член второй Государственной думы, член фракции эсеров, С. Я. Елпатьевский, известный писатель, и др. В будущем это—эсерствующие или беспартийные радикалы «левее кадетов». Они были за внесение большой остроты в прения и в резолюции, в придании им политического характера. Но они все же высказывались за то, что съезд и Пироговское общество надо беречь и не переходить в прениях и резолюциях известной границы. На крайнем левом крыле была небольшая группа социал-демократов в составе: М. А. Богомольца (родственника нынешнего президента Украинской Академии наук А. А. Богомольца), М. А. Хесина, Б. А. Юрковского, Краснухи и меня. Наша группа стремилась во все резолюции внести крайние формулировки, какие только возможны были при данном составе съезда; нередко нам удавалось увлечь за собой левое крыло и часть центра, чтобы проводить наши формулировки. Мы созывали нередко частные совещания левого крыла и на них сговаривались о тактике на предстоящих официальных заседаниях. После окончания заседаний левые элементы съезда шли ужинать в ресторан «Малый Ярославец» и там, в отдельном кабинете, договаривались о характере наших будущих выступлений в разных секциях. В результате такой предварительной договоренности выступления и проекты резолюций имели общий характер по целому ряду вопросов: о борьбе с малярией, сифилисом и туберкулезом, о борьбе с детской смертностью; всюду проводилась мысль, что борьба со всеми этими болезнями может быть плодотворной только при коренном изменении политических условий, при осуществлении политических свобод: свободы слова, печати, собраний, союзов и т. п. Наша группа пыталась провести резолюцию о созыве народных представителей, но это еще казалось неслышанно революционным выступлением на легальном съезде врачей и не встретило поддержки даже среди левых земцев.

Для примера приведу некоторые резолюции: *«Успешная борьба с заболеваемостью и охрана здоровья рабочих вообще возможны только при условии широкого общественного контроля над условиями производства, в котором рабочие участвовали бы полноправными членами, а также путем упорядочения фабричного законодательства при участии в выработке законопроектов представителей от рабочих, нормирования рабочего дня до восьми часов и допущения рабочих организаций и союзов».*

«Высшей формой обеспечения трудящихся на случай болезни, старости и инвалидности служит государственное, обязательное для всех, страхование рабочих...»

«Правильная и целесообразная борьба с детской смерт-

ностью, алкоголизмом, туберкулезом, сифилисом и другими народными болезнями, представляющими собой в России общественное бедствие огромной важности, возможна только при условиях, обеспечивающих широкое распространение сведений об истинных причинах их развития и способах борьбы с ними, для чего необходимы: полная свобода личности, слова, печати и собраний»¹.

Эти резолюции проходили с боем: председатели секций, назначенные по обычаю организационным бюро съезда, в которое входили видные профессора и врачи того города, где собирался съезд, часто протестовали против ораторов, особенно резко выступавших, пытались лишать их слова, не хотели ставить резких резолюций на голосование, но общее настроение большинства съезда пересиливало противодействие председателей. На распорядительном заседании петербургские профессора, среди которых были и лейб-медики (придворные врачи), протестовали против направления, которое принял съезд, страшали, что это может вызвать закрытие и съезда и Общества, намекали, что в верхах («в сферах») поговаривают уже об этом, но их выступления поддерживались ничтожным меньшинством съезда, хотя центр тоже был не очень доволен направлением съезда, но открыто выступать «против» не решался и смущенно молчал.

В последнем распорядительном заседании все резолюции были сведены и проредактированы; кроме того, решено было не возбуждать никаких ходатайств перед правительством, ввиду их полной безрезультатности, а ограничиться только принятием постановлений. В результате все эти постановления-резолюции носили характер резко оппозиционный, необычайный для легальных съездов.

На другой день (11 января 1904 г.) состоялось заключительное торжественное общее собрание в большом зале дворянского («благородного») собрания. Председатель съезда, известный хирург В. И. Разумовский, открывая собрание, заявил, что постановления съезда на этом общем собрании «целиком оглашены быть не могут». После этих слов председателя военный оркестр заиграл на хорах какой-то бравурный, оглушительный марш; после одного марша заиграл другой... И на этом торжественное заседание закончилось...

Правительство, повидимому, не хотело закрыть насильственно Пироговский съезд непосредственно вслед за Техническим, и ограничилось тем, что не дало огласить постановления съезда и выпроводило врачей с громкой музыкой.

Во время съезда хотелось, чтобы петербургский комитет партии как-нибудь отозвался на съезд, выпустил бы какую-

¹ «Труды девятого Пироговского съезда», Москва, 1904 г.

нибудь прокламацию по поводу него, хотелось, чтобы врачи почувствовали, что существует комитет социал-демократической партии. Я обратился с этим к доктору Краснухе, который был, повидимому, или членом петербургского комитета или во всяком случае связан с ним. Он хотел поставить этот вопрос в комитете, но, вероятно, комитет не смог этого сделать. Краснуха принес несколько листовок, отпечатанных на mimeографе и выпущенных по какому-то другому поводу, и мы их пустили по аудитории.

Подводя итоги Пирового съезда, я пришел к следующему заключению:

1) Работа социал-демократической партии очень мало известна среди широких кругов интеллигенции, не говоря этого о студенческой молодежи.

2) Социал-демократы недостаточно выполняют указания Ленина о том, чтобы идти с агитацией и пропагандой во все классы общества, и интеллигенция очень мало обслуживается ими; объясняется это, повидимому, недостатком сил: весь активный партийный персонал направляется в первую очередь на работу среди рабочих, что, конечно, правильно, но по возможности надо идти и в другие классы.

3) Пришло время, когда явилась возможность использовать легальные съезды и общества для открытой политической агитации.

Петербург произвел на меня тогда гнетущее впечатление: эти монументальные городские, стоящие на перекрестках, эти дворники, дежурящие день и ночь у каждого ворот, эти гвардейские офицеры, разгуливающие по Невскому с видом завоевателей, эта грузная фигура памятника Александру III, торчащая на площади перед вокзалом, — все подчеркивало царствовавший тогда гнетущий полицейско-самодержавный режим. Казался он тогда еще прочным и грозным. Не поверил бы я тогда, если бы кто сказал, что только через год вся рабочая масса Петербурга пойдет ко дворцу с требованием Учредительного собрания, а через полтора года будет заседать в Петербурге Совет рабочих депутатов — орган новой народной власти.

ГЛАВА VII

НАЧАЛО РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. ПАТРИОТИЧЕСКИЕ МАНИФЕСТАЦИИ. МОЯ РАБОТА В ЧАСТНОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ

Из Петербурга я поехал на несколько дней в Рязань повидать свою семью, а оттуда — в Москву на службу в психиатрическую лечебницу. Все предвещало близкую войну, вок-

залы были заполнены военными, отправляющимися на Дальний Восток.

Одним из мотивов правительства начать войну с Японией была надежда, что победоносная война укрепит его положение, ослабив революционное движение. В своих «Воспоминаниях» Витте¹ рассказывает, что министр внутренних дел Плеве в разговоре с военным министром А. Н. Куропаткиным заявил: «Алексей Николаевич, вы внутреннее положение России не знаете: чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Само правительство было уверено в том, что это так и будет. И мы имели некоторое преувеличенное мнение о силах правительства и преуменьшенное понятие о силах Японии, — и боялись, чтобы предстоящая война действительно не укрепила правительство.

С такими мыслями ехал я из Рязани в Москву 27 января 1904 года. По дороге на какой-то станции слышу крики газетчиков: «Вероломное нападение японцев на наш флот!» Покупаю газету и читаю, что без объявления войны японские миноноски вошли ночью в бухту Порт-Артура, где стоял почти весь русский дальневосточный флот, и взорвали минами наши три лучших броненосца. Ну, подумал я, начало недурное: еще до объявления войны наше правительство имело уже тяжелое поражение. Но, конечно, дело решится на суше, где наша старая армия, вероятно, разобьет японские войска, не встречавшиеся еще никогда с европейскими армиями. И таково было общее мнение.

Первые дни после приезда в Москву были тяжелые: по улицам ходили патриотические манифестации с хоругвями, царскими портретами, с пением гимна «Боже, царя храни» и молитвы «Спаси, господи, люди твоя», в шествиях принимало участие немало и рабочих. Но манифестации скоро прекратились, начались мобилизации, а вместе с ними пришло в упадок и патриотическое воодушевление. Выяснилось вскоре, что война эта не популярна ни в обществе, ни тем более в народе. Никто не понимал, из-за чего мы ввязались в войну, какие такие насущные интересы государства требовали ее, ходили слухи о придворной клике безответственных проходимцев, которые ради своих корыстных интересов втянули Россию в войну.

Рабочие вскоре почувствовали тяжесть мобилизаций, безработицы и сокращения производства; крестьяне чувствовали не менее остро тяготы войны, отрывавшие отцов и сыновей, кормильцев, от своих семей. Настроение масс было подавленное и выжидательное. Как-то все притихло, но это было за тишь перед грозой...

---

¹ Граф С. Ю. Витте, «Воспоминания», т. I, ГИЗ, 1922 г.

Да и та, скоро схлынувшая волна манифестаций, которая прошла по Москве в самом начале войны, была, как теперь выяснилось по архивным материалам, в значительной степени сфабрикована в полицейских участках, где заготавливались царские портреты и формировалось ядро шествия. Скоро во время этих манифестаций стали прорываться элементы буйства и протеста, были случаи избияния полицейских чинов. Уже через четыре дня после первых шествий один полицейский пристав доносит по начальству, что массовые манифестации приводят его «к безошибочному выводу, что чернь настолько облюбовала процесс хождения с криками по улицам, что выражение патриотизма час от часу становится предлогом, из-за коего все ярче и ярче начинают просвечиваться признаки дикой распущенности и стадных инстинктов, не безопасных для общественного спокойствия...»¹.

Приехав в Москву, я приступил к своей новой службе — в частной психиатрической лечебнице доктора П. П. Стрельцова. Эта лечебница помещалась на Красносельской улице и имела два отделения, расположенные в разных концах этой улицы. Она предназначалась для людей богатых, могущих платить за содержание больного от ста пятидесяти до пятисот рублей в месяц — большие деньги для того времени.

За эти деньги больные имели сносное помещение, для вышеоплачиваемых категорий отдельную комнату и отдельную прислугу, хороший стол и медицинский уход.

Лечебница эта вошла в историю психиатрии: в ней профессор С. С. Корсаков, основоположник русской психиатрии, вырабатывал новые методы по лечению и уходу за душевно-больными, известные под названием «метода нестеснения».

В то время, которое я описываю, Корсаков уже умер (в 1900 г.), и лечебница переживала период упадка. Новый владелец и директор этой лечебницы доктор П. П. Стрельцов мало или почти совсем не занимался больными. Его жизнь складывалась так: спал он до двенадцати часов, в первом часу дня он уезжал завтракать в ресторан «Эрмитаж» (на Трубной площади), там же он обедал и ужинал, в промежутках там же и спал. Ужин его в «Эрмитаже», а потом у цыган, кончался поздно, часа в три-четыре ночи. Видеть его больным и их родственникам, да и врачам-ординаторам, удавалось с большим трудом и только в промежутке между его вставанием и поездкой в «Эрмитаж». Вся работа по уходу за больными и их медицинскому обслуживанию лежала на врачах-ординаторах, которых было два, по одному на отделение.

¹ «Накануне первой революции в Москве», стр. 35, изд. «Московский рабочий», 1926 г.

В помощь врачу было еще по одной сестре на отделение, главным образом для обслуживания больных женщин. У меня в отделении было тридцать-тридцать пять душевнобольных. Я должен был целый день проводить с ними, вести беседы, давать лекарства, делать им ванны и т. п., вместе с ними я и завтракал, обедал и ужинал. У меня была отдельная комнатка типа врачебного кабинета, но туда удавалось мне уединиться только на ночь, да и ночью нередко будили, если что-нибудь случалось с больными. Выходить из лечебницы я имел право только после обеда в воскресенье. Так что у меня было непрерывное дежурство в течение ста шестидесяти часов в неделю, потом «выходные часы» — часов восемь, а затем опять стошестидесятичасовое дежурство. За эту работу я получал сто рублей в месяц при готовом содержании. Семья должна была жить отдельно, так как в Москве нельзя было прожить с семьей на эти деньги, и семью пришлось поэтому оставить в Рязани.

Я сразу почувствовал, что попал в очень тяжелые условия: даже читать почти не удавалось, а постоянное общение с душевнобольными было очень тяжело. Но что было делать? На земскую или городскую службу поступить не было надежды, получить другое какое-либо частное место я тоже не имел возможности. Решил потерпеть пока до подыскания чего-нибудь более подходящего.

ГЛАВА VIII

АРЕСТ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА И МАРКСИСТСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО КРУЖКА. Н. Э. БАУМАН

Вскоре, в начале февраля, узнал об аресте моих знакомых: доктора Обуха, Жбанкова, Наташи Свентицкой и всего их студенческого кружка. Это был очередной провал московской партийной организации, столь частый и столь обычный в то время в Москве.

Связи мои с партийной публикой порвались, и я проводил все время среди своих душевнобольных.

В середине февраля меня вызвали в приемную. Вижу незнакомого человека, очень интеллигентного вида, лет тридцати. Он рекомендовался Николаем Ивановичем, пришедшим ко мне от Екатерины Николаевны Лосевой (по мужу Ванеевой), ныне (1939 г.) директор Центрального детского театра в Москве. Я понял, что ко мне он пришел по нелегальному делу и пригласил его в свою комнату. Здесь он мне напрямик сказал, что он Николай Бауман, бывший делегат на втором партийном съезде от московской организации, вновь приехал для

работы в Москву, как представитель Центрального комитета, и поселился здесь нелегально. Сказал, что меня знает, как участника первой московской социал-демократической организации и что он упомянул обо мне и о работе нашей организации в своем докладе на съезде¹. Рассказал о положении партийных дел, подтвердив и дополнив то, что я узнал уже от Обуха.

В партии тогда создалась сложная обстановка. Центральный орган «Искра» перешел всецело в руки меньшевиков. Состав же Центрального комитета — большевистский. Большевики не имеют своего органа, своей печати. Положение осложняется тем, что внутри ЦК нет полного единomyслия. Так, когда Ленин предложил в Совете партии резолюцию за созыв третьего съезда, то большинство членов ЦК выразило свое несогласие с Лениным, считая созыв съезда несвоевременным, и вообще среди членов ЦК есть примиренцы, которые стоят за соглашение с меньшевиками и за кооптацию их в ЦК.

Ленин чувствует себя за границей очень одиноким и ничего не может печатать. Между тем в России большинство организаций поддерживают большевиков, а все издательства литературы в руках меньшевиков, и из центра нечем снабжать большевистски настроенные организации. Создалось очень трудное положение. Владимир Ильич видит выход в одном — в созыве нового съезда, на котором, он уверен, большевики будут иметь значительное большинство.

Беседа с Бауманом меня взволновала: появление этого представителя большевистского центра в моей обстановке было так неожиданно и необычно. Он произвел на меня прекрасное впечатление: живой, с широким кругозором, энергичный; он целиком стоял за линию Ленина и был твердокаменным большевиком, как тогда говорили.

После этого Бауман заходил ко мне еще несколько раз. Рассказал, что в Москве он работает уже второй раз: в первый раз он приехал в Москву в конце 1901 года, как агент «Искры», и проработал здесь январь 1902 года. В конце января Бауман поехал в Киев на совещание искровцев. Это совещание полиция проследила. Выехав из Киева, Бауман направился в Воронеж. Заметив по дороге, что за ним следят, он на ходу выскочил из вагона. Соскочив, Бауман очутился в незнакомой местности, пошел пешком наугад. Дошел до села, здесь он решил обратиться за помощью к земскому врачу. Явившись к нему, он рассказал, в каком затруднительном положении он находится. Врач выразил удивление, что к не-

¹ «Доклады социал-демократических комитетов второму съезду партии», стр. 106—108 и 111—112, Госиздат, 1930 г.

му обращаются с такими просьбами, и просил его немедленно оставить его дом и, очевидно, донес об этом полиции, и как только Бауман вышел из села, его арестовали, отвезли в Воронеж, там его опознали и направили в киевскую тюрьму.

Правительство готовило в Киеве процесс против искровцев и свозило туда всех арестованных, которых оно собиралось привлечь к процессу, но организовать ему процесс так и не удалось: все одиннадцать человек, привлеченных по этому делу, 18 августа 1902 года бежали из киевской тюрьмы и все благополучно перебрались через границу. В числе бежавших был и Бауман.

Бауман жаловался на трудности работы в Москве, на вездесущую провокацию, на зубатовщину, на отсутствие литературы: из-за границы почти ничего не получается, а что получалось, то все в меньшевистском духе; в Москве не удается поставить свою нелегальную типографию из-за недостатка сил.

Бауман и задался целью организовать типографию в Москве; после нескольких неудачных попыток пришлось ему поставить типографию на своей квартире, что было, конечно, крайне неконспиративно и объясняется большой бедностью партийных сил и связей в то время. Типография помещалась на той же Красносельской улице, где и я жил тогда, через несколько домов от нашей лечебницы. Все это я узнал уже после революции из книжки «Товарищ Бауман» (изд. «Московский рабочий», 1930 г.).

Бауман тогда первый предупредил меня об опасности посещений Серебряковой, говоря, что все посещающие ее неизменно проваливаются, но это он объяснял тем, что охранка усиленно следит за ее квартирой и пользуется ею, как ловушкой, но никакого подозрения относительно самой Серебряковой он не высказал.

Зубатовщине и борьбе с нею он придавал особенно важное значение и много говорил об этом. Более подробно о зубатовщине я говорю в следующей главе.

ГЛАВА IX

ЗУБАТОВЩИНА

В истории русского революционного движения вообще и московского, в особенности, своеобразную роль сыграла так называемая «зубатовщина».

Зубатов был видным охранником царского самодержавия. Начав свою охранную карьеру в середине 80-х годов, втираясь в студенческие кружки и затем проваливая их, он вско-

ре перешел на службу чиновником в московское охранное отделение и в середине 90-х годов сделался начальником его.

Увидев, какой большой успех среди рабочих имели пропаганда и агитация, начатые московскими марксистами в 1893—1895 годах, он понял, что растущее рабочее движение является серьезной угрозой самодержавию.

«Рабочий класс коллектив такой мощности, каким в качестве боевого средства революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в моменты массовых студенческих выступлений. Будучи разъярен социалистической пропагандой и революционной агитацией в направлении уничтожения современного государственного и общественного строя, коллектив этот неминуемо может оказаться серьезнейшей угрозой для существующего порядка вещей», — писал Зубатов («Былое», № 4, 1917 г.).

Так, верно оценивая силу рабочего класса, он понял, что путем голых репрессий невозможно справиться с растущим рабочим движением, а надо постараться примирить рабочий класс с самодержавием путем удовлетворения его мелких экономических нужд и разрешения его чисто экономических организаций под бдительным полицейским надзором. Этим он надеялся вырвать почву для политической агитации у революционеров и легко справиться с ними.

«Едва ли подлежит сомнению, — писал он, — что экономика для рабочего человека гораздо существеннее всяких «основ» (политики). Удовлетворите их потребности в этом отношении, и они не только не пойдут в политику, но выдадут вам всех интеллигентов поголовно; революционеры без массы — генералы без армии» (из писем Зубатова к Мане Вильбушевич, «Былое», № 9, 1917 г.).

Став на такую точку зрения, наш «просвещенный» охранник и начал свою работу.

В 1896 году, летом, произведя большие аресты среди московских социал-демократов, он на допросах начал проводить свою тактику, о которой я уже рассказал в книге «На грани двух эпох». Завербовав благодаря этой тактике ряд своих агентов среди интеллигентов и рабочих, Зубатов пустил их в работу.

С того времени новая зубатовская тактика в Москве начинает приносить свои плоды и приводить, с одной стороны, к постоянным провалам революционных организаций, а с другой — попыткам организовать рабочих под опекой охранки.

Был образован в Москве сначала «Совет рабочих в механическом производстве», во главе которого были поставлены убежденные рабочие-зубатовцы — Слепов, Афанасьев, Жилкин и др. Снабженные открытыми листами от «Совета рабо-

чих», скрепленными подписью московского обер-полицмейстера, эти зубатовские агенты ходили по фабрикам, принимали жалобы от рабочих на фабричные порядки, вели переговоры с фабрикантами, вступаясь за рабочих. На фабрике французского гражданина Гужона агенты эти предъявили, например, к заводууправлению от имени рабочих иск в десять тысяч рублей, недополученных рабочими с фабрики за сверхурочные работы. Когда фабричная администрация отказала, то на фабрике началась забастовка, во время которой рабочие получали пособие от «Совета рабочих», а владельцу фабрики полиция стала угрожать арестом и высылкой, и только заступничество французского посла и министра финансов спасло его от репрессий. Агенты требовали от фабрикантов помещений для собраний рабочих, а рабочий-зубатовец Янченков, арестованный за агитацию на одной из фабрик Московского уезда, заявил: «Рабочие об отводе им помещений для собраний не станут спрашивать разрешений ни в конторе, ни у хозяев, ни у исправника, а сами выберут подходящее место и будут там собираться. Прошло время, когда были рабовладельцы и рабы и когда рабы уподоблялись пчелам и кормили своих господ задарма».

Привезенный в Москву Янченков был немедленно освобожден. Такой факт, конечно, не мог не производить сильного впечатления на рабочих. А некоторые зубатовские агенты открыто проповедывали, что скоро хозяев скрутят в веревку, и тогда надо посмотреть, как они станут выколачивать с рабочих дивиденды, а потом и фабрики у хозяев отберут в казну, «чтобы тесноты не было, а была воля во всем». Так далеко заходила социальная демагогия у зубатовцев.

С весны 1901 года стали устраиваться большие рабочие собрания в Историческом музее и по районам в Народных домах, в разных частях города. На этих собраниях выступали те же зубатовские ораторы и внушали рабочим, что их враги— фабриканты и политические агитаторы. Рабочие выкладывали здесь свои жалобы на фабричные порядки, на злоупотребления и притеснения. Социал-демократы, интеллигенты и рабочие пробовали выступать на этих собраниях, связывая экономику с политикой, но таких ораторов сейчас же обрывали, за ними устраивали слежку и скоро арестовывали.

Этими собраниями дело не ограничивалось. Были приглашены либеральные доценты университета для чтения лекций о профессиональных союзах и о рабочем движении на Западе.

Весной 1902 года были утверждены уставы «Общества взаимопомощи рабочих механического производства», а за ним такие же общества ткачей, кондитеров, парфюмеров, табачников.

Апогеем этого движения была патриотическая манифестация пятидесяти тысяч рабочих 19 февраля 1902 года у памятника Александру II в Кремле.

Зубатов торжествовал; его политика имела видимый успех: он на совещании с московскими фабрикантами в июле 1902 года хвалился, что благодаря таким порядкам Москва весной и летом этого года была избавлена от многих приготавливавшихся беспорядков, тогда как в Петербурге беспорядки не прекращались все лето.

Эти успехи зубатовщины в Москве, сопутствуемые, благодаря широко поставленной сети провокации в рабочих и интеллигентских кругах, постоянными провалами всех революционных начинаний, производили очень тяжелое впечатление на местных работников, и Бауман, работавший в Москве как раз в начале 1902 года, на втором съезде партии в своем докладе о московской работе заявил: «Мы считаем своим долгом сказать теперь голую правду, как бы прискорбна она ни была: в Москве революционная социал-демократия спасовала перед полицейским социализмом»¹.

Но прозорливый ум В. И. Ленина не так оценивал зубатовщину: в том же 1902 году, когда зубатовщина, казалось, торжествовала победу, он в «Что делать?» писал: «...в конце концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым... Действительным шагом вперед может быть только действительное, хотя бы миниатюрное, расширение простора для рабочих. А всякое такое расширение послужит на пользу нам и ускорит появление таких легальных обществ, в которых не провокаторы будут ловить социалистов, а социалисты будут ловить себе адептов»². Действительность вполне оправдала предвидение Ленина. Правительство изменило бы своей классовой сущности, если бы оно далеко пошло по пути социальной демагогии Зубатова. Всполошились прежде всего московские фабриканты, подавшие правительству записку, в которой заявляли: «Объединение принадлежащих к различным фабрикам рабочих представляется крайне опасным... и если в предоставлении им известной организации имеется в виду отвлечение их от антиправительственной политической деятельности, то не менее опасным оказывается их допущение к деятельности антикапиталистической, которая, несомненно, имеет одинаковое политическое значение, тем более, что справиться с массами, увлеченными какими-либо успехами в этом отношении, может впоследствии оказаться чрезвычайно трудным, если даже совершенно невозможным».

¹ «Доклады социал-демократических комитетов второму съезду партии», стр. 125, ГИЗ, 1930 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 449—450.

Фабрикантов поддерживал министр финансов Витте, и московской администрации было дано понять, что она зашла слишком далеко в демагогии. Зубатов был переведен осенью 1902 года в Петербург. Собрания в Историческом музее были прекращены, лекции либеральных лекторов были заменены беседами московских попов на богословские темы, небольшие экономические уступки рабочим и те были отобраны. Среди рабочих началось отрезвление и разочарование в зубатовщине.

Но этим дело еще не кончилось. Зубатов, переведенный в Петербург, был назначен начальником особого отдела департамента полиции, и министр внутренних дел Плеве, видя успехи зубатовщины в Москве, решил этот опыт распространить и на другие города, и прежде всего на Петербург. Ленин опять писал по этому поводу: «... посредством *своих* газет, *своих* листков и *своих* собраний мы можем и должны добиться того, что новый зубатовский поход весь пойдет на пользу социализму»¹. Действительность ближайших месяцев оправдала прогноз Ленина.

Между прочим Зубатовым в западной и южной России, в так называемой «черте еврейской оседлости», где действовал нелегальный «Союз еврейских рабочих» («Бунд»), была в противовес этому союзу организована полулегальная «Независимая партия еврейских рабочих», которая распространила свою деятельность на ряд городов; в особенности она имела успех в Минске и Одессе.

Эти рабочие-«независимцы» скоро вышли из рамок, поставленных им полицией, и устраивали стачки сначала на экономической основе, но эти экономические стачки скоро стали перерастать в политические. В Одессе в июне 1903 года «независимцы» организовали стачку на заводе Рестеля, которая приняла упорный и затяжной характер, волновавший рабочих Одессы. Вслед за заводом Рестеля уже по призыву социал-демократического комитета забастовали железнодорожные мастерские, а за ними и все другие предприятия Одессы; стачка приняла всеобщий и притом политический характер, с уличными демонстрациями, с лозунгами: «Долой самодержавие!» Стачка охватила тогда все крупные промышленные центры юга России и Кавказа, были столкновения с войсками, убитые и раненые. Зубатовские рабочие организации везде приняли деятельное участие в стачках. Правительство поняло опасность зубатовщины.

Зубатов был уволен в отставку и выслан под надзор полиции во Владимир, его доверенное лицо, одесский агент доктор Шаевич, сослан.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 224.

«... зубатовская эпопея кончилась жалким крахом, сделав гораздо больше на пользу социал-демократии, чем на пользу самодержавия: одесские события не оставили и тени сомнения на этот счет»¹.

Но и на этом дело с экспериментами полицейского социализма все же не окончилось совершенно: зубатовские организации были закрыты в провинции, а в Москве и Петербурге они остались. Плеве, очевидно, думал, что в провинции, далеко от глаз центральной власти, местные власти не сумели руководить движением и выпустили его из своих рук, а в столицах, на глазах у Плеве в Петербурге и у Трепова в Москве, они будут безопасны и будут попрежнему служить для уловления рядовой рабочей массы путем демагогии и ничтожных экономических уступок в сети политического влияния и провокации. В Петербурге в 1903 году начал свою деятельность под руководством охранки поп Гапон, возглавивший образованное в начале 1904 года «Петербургское общество фабричных и заводских рабочих» с его одиннадцатью отделами. Финал деятельности этого общества известен: это — шествие, организованное этим обществом, полутораста тысяч рабочих 9 января 1905 года с политической петицией к Зимнему дворцу. С этого события, как известно, началась первая русская революция.

Крах московской зубатовщины не был так грандиозен и эффектен: она постепенно разложилась — и сошла на-нет в течение революционного пятого года.

ГЛАВА X

ЖУРНАЛ «ПРАВДА»

С января 1904 года в Москве начал выходить марксистский журнал искусства, литературы и общественной жизни «Правда». Редактором-издателем его был В. А. Кожевников, инженер, человек, имевший средства, сочувствовавший марксизму. Сотрудниками журнала были московские литераторы-марксисты Н. А. Рожков, В. М. Фриче, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, А. А. Богданов, М. Г. Лунц. С нетерпением ждали мы выхода первой книжки. Но, помнится, первая и следующие книжки журнала разочаровали публику: они были довольно бесцветны, теоретические статьи, за некоторыми исключениями, схематичны, далеки от жизни, статьи о текущей политике, внутреннее и иностранное обозрение — не яркие. В общем, журнал не сыграл такой роли, как марксистские журналы 90-х годов: «Новое слово», «Начало» и даже «Жизнь».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 349.

Это объясняется прежде всего тем, что журнал «Правда» выходил с предварительной, да еще московской, цензурой. Московский генерал-губернатор решительно возражал против разрешения в Москве журнала без предварительной цензуры. Дело в том, что тогда в России часть журналов с особого разрешения выходила без предварительной цензуры: книжка такого журнала должна была за три дня представляться в цензуру, которая могла или разрешить выпустить журнал, или целиком задержать ее. Когда книга задерживалась, то у редакции начинались переговоры с цензурой; тогда цензура требовала изъятия той или другой статьи и под этим условием разрешала выход книги. Дело сводилось в конце концов к той же предварительной цензуре, но все же получалась известная разница в положении журналов без предварительной цензуры: они могли выражаться несколько свободнее, чем подцензурные журналы. Итак, «Правда» выходила под особым надзором московской цензуры. В журнале «Красный архив» (за 1926 г., тт. IX и XVIII) помещена статья товарища Лебедева-Полянского — «Марксистская периодическая печать 1896 — 1906 гг.», составленная на основании разработки документов Главного управления по делам печати; там находим и статью о «Правде». Приведу оттуда некоторые выдержки для характеристики этого журнала и отношения к нему цензуры. Уже первая книжка «Правды» возбудила ужас у московского цензора Венкстерна, и он пишет в Главное управление: «Несмотря на кратковременное существование, физиономия нового журнала уже настолько выяснилась, что я считаю долгом обратить на него внимание цензурного комитета. Задавшись, очевидно, целью создать журнал ярко либерально-оппозиционного характера, редакция обратилась за сотрудничеством в давно уже известный цензуре лагерь так называемых «молодых литераторов», работающих в либеральных органах. Четыре статьи из числа перечисленных пришлось устранить совершенно. Из напечатанных же большинство подвергнуты частным исключениям. Материал, представленный для второй книги, обрисовывает стремления редакции еще ярче. По моим докладом запрещены три статьи». После выхода второй книги он же пишет: «Усматривая, что представление таких статей с достаточной ясностью свидетельствует о нежелании редакции подчиниться неоднократно делавшимся ему указаниям цензуры и что тенденциозное направление журнала «Правда», невзирая на сугубую строгость цензуры, осталось неизменным, московский цензурный комитет представляет на благоусмотрение Главного управления о предосудительном направлении, настойчиво проводимом редакцией «Правды». Главное управление, повидимому, не вполне разделило страхи московской цензуры и ничего не

ответило на эти донесения. В докладе Главному управлению по поводу донесений московского цензурного комитета член этого Управления Никольский между прочим заявляет: «Прямо бросается в глаза, что большое и, пожалуй, центральное место в книге предоставлено статьям философского характера, принадлежащим авторам определенного философского направления, каковы А. В. Луначарский, В. Ивановский, Н. Рожков и А. Богданов, мне неизвестный. Все это так называемые «позитивисты» на философской и исторической почве, противники метафизического направления, представляемого школой Грота и Лопатина и выразившегося в известном сборнике «Проблемы идеализма». Из всего можно вывести заключение, что направление журнала предполагается «реалистическое» или «позитивное». *Такое направление далеко не тождественно с историческим материализмом и марксизмом*» (курсив мой, — С. М.). А ведь недурно разобрался цензор Никольский в марксизме, признав тогдашнее направление Луначарского, Рожкова и Богданова *далеко не тождественными с марксизмом*. Не получив ни ответа, ни привета от Главного управления («перестраховалось»), московский цензурный комитет сам решил расправиться с «Правдой» и жестоко ее урезал. На вторичные просьбы «Правды» освободить ее от предварительной цензуры неизменно получался отказ. В апреле 1905 года, когда цензурный зажим под давлением растущего революционного движения ослабел, а московский генерал-губернатор уже погиб от бомбы Каляева, московская цензура все же не пропустила статьи М. Г. Лунца «Внутреннее обозрение», то редактор подал жалобу на цензора в Главное управление, надеясь, что там веяния времени будут все же либеральнее московских, но тот же «знаток марксизма» цензор Никольский докладывал Главному управлению, что статья Лунца «написана в чистом и не прикрытом социал-демократическом духе». В ней выражена мысль, что «в деле освобождения России русский пролетариат имеет доминирующее значение перед остальными общественными классами. Наряду с рабочим движением автор придает столь же важное значение крестьянскому движению и, основываясь на крестьянских петициях, находит, что крестьяне выставляют программу шире и прогрессивнее, чем программа наших либералов. Мне кажется, что статья эта, как сплошь проникнутая социал-демократическими тенденциями, не должна быть дозволена в журнале».

Статья не была пропущена.

В дальнейшем, во второй половине 1905 года, когда условия печати стали свободнее, в редакции журнала получили преобразование меньшевики, и большевики вышли из ее состава.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕАТРЕ ВОЙНЫ. ЗАТИШЬЕ В РОССИИ.
 АРЕСТ БАУМАНА И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА. ВЫСЫЛКА
 МЕНЯ ИЗ МОСКВЫ. В РЯЗАНИ

Шел май месяц 1904 года. Я попрежнему сидел со своими больными.

Известия, приходившие с Дальнего Востока, были все более неблагоприятными для русского правительства: русские войска при встречах с японцами неизменно терпели поражения; были проиграны битвы у Тюренчена, у Кинчоу и в других местах. Броненосец «Петропавловск» при выходе из гавани Порт-Артур наткнулся на мину и погиб вместе с адмиралом Макаровым, командующим дальневосточным флотом: на «Петропавловске» погиб и знаменитый русский художник — баталист В. В. Верещагин. Эти поражения ясно показали, что война не будет «маленькой» войной и едва ли будет победоносной, во всяком случае все более рассеивалось опасение, что она укрепит правительство, — напротив: все более росла надежда на поражение его в этой войне и на то, что в результате этого поражения последует новый и более сильный подъем революционной волны.

Надо сказать, что пораженческие настроения во время японской войны были распространены в русском обществе шире, чем во время последней империалистической войны. Даже в умеренно-либеральных «Русских ведомостях» военный обзор велся совсем не в «урапатриотическом» духе, там открыто писалось о поражениях русских войск, и дальнейшие перспективы рисовались совсем не в розовом свете, так что правые газеты даже обвиняли «Русские ведомости» в пораженчестве. Но вполне открыто и определенно в этом отношении высказывались только большевики. Ленин писал: «Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха...»¹.

В это время меньшевики ограничивались пошлыми рассуждениями о том, что неуместно спекулировать на победе японской буржуазии и что война есть бедствие, независимо от того, кончится ли она победой или поражением самодержавия.

А между тем затишье в стране продолжалось. Промышленность переживала тяжелый кризис, — число стачек и количество участников в них в 1904 году резко упало по сравнению с 1903 годом и предыдущими годами: по официальным сведениям, в 1903 году было 550 стачек с 87 тысячами участников, а в 1904 году всего 68 стачек с 13 тысячами участников. В

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 49.

первой половине года не было слышно ни о волнениях, ни о демонстрациях; в студенчестве и в обществе тоже было тихо. Партийная работа, особенно в Москве, как я уже говорил, также не отличалась большим размахом. Недовольство, несомненно, росло во всех слоях населения, но оно накапливалось где-то в глубинах и не выливалось пока наружу. Если судить по этим наружным проявлениям, то Плеве, пожалуй, мог бы тогда сказать, что он был прав: что война, хотя и не маленькая и пока не победоносная, но что все же она отвлекла общественное внимание от внутренних вопросов и внесла известное успокоение. Во всяком случае его система и его положение держались, казалось, пока прочно.

В последнее время, в течение около месяца (мая), Бауман не заходил ко мне, как потом я узнал, потому, что он стал замечать за собой слежку. Я начал беспокоиться, почему он исчез. Скоро я узнал, что в Москве идут большие аресты, что Бауман и вся верхушка московской организации арестована (19 июня). Это был новый очередной провал через четыре месяца после февральского. Вскоре я получил предписание московского обер-полицмейстера — в двадцать четыре часа выехать из Москвы. Причину высылки узнал впоследствии, уже после Октябрьской революции, просматривая свое «дело» в архиве. Формулировка была такая: «За сношения с лицами, явно неблагонадежными». Как я уже упоминал, у меня имелось разрешение на жительство в Москве на время моего отпуска, как колымского участкового врача; отпуск мой кончился в середине января 1904 года, а полиция, как будто забыв обо мне, не высылала меня из Москвы, но, обнаружив мои сношения «с явно неблагонадежными лицами», вспомнила и выслала меня.

Московская охранка после июньских арестов известила департамент полиции, что Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии перестал существовать¹. Бауман был посажен в Таганскую тюрьму и просидел там до начала октября 1905 года, когда он был выпущен на поруки до суда. Но, как известно, 18 октября 1905 года он был убит черносотенцем на улице во время демонстрации. Больше уже никогда мне не пришлось увидеть Баумана живым: увидел я его только в гробу в день похорон.

Я выехал из Москвы в Рязань.

В Рязани передо мной сразу же остро встал вопрос о приискании работы. Я просил М. Х. Свентицкую, у которой были

¹ Перестал существовать в этом составе, но работа немедленно же была восстановлена и продолжалась. См. об этом в книге «Накануне первой революции в Москве», стр. 63—64, изд. «Московский рабочий», 1926 г.

связи среди либеральной буржуазии, поискать для меня место на какой-либо фабрике, так как места фабричных врачей считались частными и для занятий их не требовалось утверждения администрации.

А тем временем я ознакомился несколько с рязанским подпольем. Здесь довольно оживленно работали кружки учащихся среднеучебных заведений, еще не оформившихся в партийном отношении: в одном и том же кружке были лица, сочувствовавшие социал-демократам и социалистам-революционерам. Между ними шла горячая дискуссия. В одном кружке, в котором я бывал, выступал Н. Н. Гусев, склонявшийся к толстовству, впоследствии известный секретарь Л. Н. Толстого.

Молодые социал-демократы не разбирались еще в вопросах большевизма и меньшевизма. Но среди взрослых уже сказывалась дифференциация. Искровец А. Н. Покровский, высланный из Москвы и поставивший в Рязани мимеограф, на котором перепечатывал номера «Искры», определился уже, как меньшевик. Большевиками были — В. А. Восходов, помощник присяжного поверенного, и студент Н. И. Шукаев. У них были связи с рабочими местного завода сельскохозяйственных машин. В одном кружке рабочих я провел две-три беседы. Через тридцать с лишком лет я лежал в больнице вместе со старым большевиком Ореховым; он сказал мне, что он помнит меня, как я бывал в Рязани в кружке, в котором он участвовал, будучи тогда рабочим рязанского завода земледельческих машин. Пробыл я в Рязани недолго. В начале июля получил от М. Х. Свентицкой сообщение, что она нашла для меня место врача на Тверской мануфактуре Морозовых через свою знакомую, известную тогда в Москве либеральную меценатку Варвару Морозову, главную пайщицу этой мануфактуры. Я немедленно собрался и уехал в Тверь.

ГЛАВА XII

НА ТВЕРСКОЙ МАНУФАКТУРЕ. РАЗГРОМ ТВЕРСКОГО ЗЕМСТВА. КРУЖОК ФАБРИЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ «ВЕСНА»

Я был очень доволен, что получил место на большой фабрике в промышленном центре, где, кроме Морозовской фабрики, были еще вагоностроительный и машиностроительный заводы и фабрики Берга и Залогина. Кроме того, преимуществом Твери было ее близость к Москве—всего четыре часа езды. Представился случай близко наблюдать условия работы и жизни текстильных рабочих, надеялся здесь наладить и свою партийную работу. Морозовская фабрика («Тверская мануфак-

тура») была одной из крупнейших русских текстильных фабрик, на ней было тысяч восемь рабочих. Принадлежала она семье Морозовых, во главе с Варварой Алексеевной Морозовой, у которой было несколько сыновей, совладельцев фабрики. Один из этих сыновей, Михаил Абрамович Морозов, был директором-распорядителем всего предприятия. В. А. была либералкой; в Москве она поддерживала связи с либеральной общественностью, была крупной пайщицей газеты «Русские ведомости»; главный редактор их Соболевский был ее мужем. На фабрике она устроила хорошую библиотеку, вечерние курсы для рабочих, театр, в котором давались спектакли местной любительской труппы из служащих и рабочих; устраивались танцевальные вечера, отдельно для служащих и отдельно для рабочих; на святках (рождественских праздниках) устраивались на тех же началах елки. При фабрике было «общество трезвости», которое открыло близ фабрики чайную, где можно было почитать газеты. При постройке новых спален (казарм) для рабочих вводились некоторые улучшения: отдельные этажи для холостых рабочих и для одиноких женщин; нары были только одноэтажные, а не двухэтажные, как в старых корпусах; семейным давались отдельные каморки для каждой семьи и самое большое для двух семей, а не для четырех семей с двухэтажными полатами для спанья, как прежде. Все эти новшества, проводимые Варварой Алексеевной, встречали противодействие у ее сына, директора-распорядителя Михаила Абрамовича. Я это знал из рассказов старых служащих, нашло это отражение также в пьесе Сумбатово-Южина «Джентльмен», в которой выведен был М. А. Морозов. В этой пьесе герой ее, — фабрикант Ларион Денисович, в котором все узнавали М. А., — говорит своей матери: «Я первым делом отменю ваши затеи — чайные там, театры ваши, фонари, казармы... Каждый человек должен быть своей партии: либо капиталист, либо рабочий». Так резко и определенно ставил вопрос директор, а мать его Варвара Морозова старалась несколько подсластить эксплуатацию рабочих и примирить их с их хозяевами. Пока одерживала верх политика матери, но пришел октябрь, а затем декабрь 1905 года — со всеобщими стачками, митингами и баррикадами, в чем приняли деятельное участие и морозовские рабочие; классовые противоречия резко обострились, и мечты о социальном мире пришлось оставить; тогда линия сына победила, и все эти либеральные затеи были прекращены. Это столкновение двух линий выразилось и в деле о вечерних курсах для рабочих. В 1902 году открылись эти курсы. Для заведывания их был приглашен известный педагог Вахтеров, уволенный незадолго перед этим за либеральное направление с должности московского инспектора народных училищ. Одним из учителей был

приглашен социал-демократ Кирик Левин. Варвара Алексеевна давала ежегодно по двадцать пять тысяч рублей на содержание торговой школы и вечерних классов, министерство финансов приняло их в свое ведение. Число посетителей классов быстро дошло до четырехсот. Классы эти тотчас же подверглись бдительному надзору охранки и фабричной администрации. Получилась странная картина: главная пайщица фабрики дает деньги на курсы, инспектор учебных заведений министерства финансов находит постановку дела на курсах образцовой, рекомендует, кроме лекций, ввести собеседования, а директор фабрики увольняет рабочих за посещение классов, а тверская жандармерия находит собеседования преступными митингами. Дело вскоре кончается арестом Вахтерова и Кирика Левина, высылкой их в Новгородскую губернию на три года и закрытием вечерних классов.

Директором фабрики был некто Сахаров, отношения которого к рабочим были уже чужды всякой сентиментальности, и из-за его грубого обращения с рабочими и отказа удовлетворить какое-то мелкое требование относительно кипятка в феврале 1904 года на фабрике вспыхнула стачка, продолжавшаяся два-три дня.

Работа на фабрике была двухсменная, по девяти часов; с десяти часов вечера до четырех часов утра работы прекращались. Это объясняется тем, что в эти часы были запрещены работы женщин и подростков до семнадцати лет, а ввиду большого процента женщин-работниц, все распределение рабочего дня приравнивалось к ним. Заработная плата была низкая, как и на всех русских текстильных фабриках того времени.

Больница и амбулатория на фабрике были для своего времени недурно поставлены. Были три врача, несколько фельдшеров и акушерка.

Я старался познакомиться поближе с бытом рабочих, расспрашивая об условиях работы и быта во время приемов больных, а также посещая цеха фабрики для санитарного осмотра помещений.

Но для политической работы условия у меня были неподходящие: врач был слишком на виду, за каждым шагом его следили.

По приезде в Тверь я стал искать связи с местной партийной организацией. Обыкновенно, если не было явок, это удавалось легче через местную либеральную интеллигенцию, которая обычно поддерживала связь с отдельными социал-демократами, занимавшими легальное положение. У меня раньше были знакомства среди тверских врачей, еще со времени Пироговского съезда, был еще более старый мой знакомый — земский врач С. Н. Корженевский, в участке которого я при-

вивал оспу в 1892 году. Ко времени Пироговского съезда он работал как специалист-глазник в Твери, в больнице губернского земства, занимая среди тверской интеллигенции очень левую позицию. Его сын и дочь были московскими студентами и примыкали к социал-демократам. Но ко времени моего приезда в Тверь тверской земский «третий элемент» (земские служащие) подвергся разгрому, и никого из моих знакомых врачей в Твери уже не было. Разгром этот произошел по такому поводу. Тверское земство издавна, с 60-х годов, было самым либеральным из русских земств. В числе тверских земцев были такие столпы российского земского либерализма, как Петрункевичи, Бакунины, Родичев, Дьяков и ряд других. В это время многие из них входили в «Союз освобождения» и являлись вождями земской оппозиции. На земскую службу в качестве врачей, статистиков, учителей, агрономов привлекались наиболее левые элементы из числа разночинной интеллигенции, которые не ограничивались чисто культурной работой, но вели, насколько это удавалось, и политическую пропаганду; вообще являлись элементом, с точки зрения правительства, совершенно «неблагонадежным». Тогдашний министр внутренних дел всеильный Плеве решил нанести удар в сердце земского либерализма — по тверскому земству. В феврале 1904 года была назначена ревизия тверского земства правительственной комиссией во главе с гофмейстером Штюрмером, впоследствии (в 1915—1916 гг.) премьер-министр.

В результате ревизии, «по высочайшему повелению», была смещена выборная губернская земская управа во главе с известным земским либералом И. И. Петрункевичем и назначена временно новая управа, из чиновников, возглавляемая Ширинским-Шахматовым, будущим обер-прокурором синода¹. Было уволено и выслано также несколько земских служащих. Тогда основная масса земских служащих — врачей, статистиков, агрономов — в виде протеста против этой расправы подала в отставку и ушла со службы тверского земства. Это, надо сказать, был акт довольно высокого гражданского мужества: приходилось бросать любимое дело, насиженные места и подвергаться всем невзгодам безработного, которому трудно найти место, так как администрация обычно не утверждала таких лиц на земской или городской службе. Служащие, не ушедшие в отставку, подвергались общественному бойкоту. Я был свидетелем такой сцены в ресторане в Твери. К одному лицу, приехавшему по делам в Тверь, подошел его знакомый врач, продолжавший работать на службе губернского земства, в то время как его коллеги оставили эту службу. Его знакомый громко, во всеуслышание, заявил, что он подлецам не

¹ Синод — высшее учреждение, ведавшее делами православной церкви.

подает руки и знать их не желает. Врач, как побитый, отошел от него.

Вследствие этой своеобразной стачки в Твери того времени осталось мало радикальной земской интеллигенции, и я первое время не имел там знакомых. Познакомился постепенно с фабричной интеллигенцией и прежде всего с заведующей фабричной библиотекой А. В. Троицкой, молодой, энергичной особой, очень любящей свое дело¹. Ей удавалось получать у В. А. Морозовой средства на библиотеку, и она хорошо поставила дело. Троицкая рассказывала, что среди молодых рабочих наблюдалась большая тяга к чтению, к знанию; любимыми авторами были Лев Толстой, Горький, Вербицкая. Последней зачитывалась особенно женская молодежь. Пожилые рабочие читали мало, среди них было много неграмотных, особенно среди женщин. Пожилые рабочие были настроены консервативно и группировались вокруг «общества трезвости», председателем которого был обычно священник; рабочая же молодежь тяготела к театру, к библиотеке, к вечерним курсам (до их закрытия). Через Троицкую я познакомился с двумя ее сестрами-учительницами, а также с другими учительницами фабричной школы. Образовался у нас кружок, в котором мы читали книжку Зомбарта «Научный социализм». По поводу прочитанного велись беседы.

В стране тем временем по мере нарастания наших неудач в Манчжурии поднималось и революционное и оппозиционное движение. 15 июля 1904 года в Петербурге, на улице, среди белого дня, от бомбы Сазонова погиб вдохновитель ультра-реакционной политики Плеве. Гадали, кто будет назначен его преемником, продолжится ли его курс, или правительство под напором общественного движения и под влиянием больших неудач на войне пойдет на уступки. Правительство, видимо, колебалось, какой курс ему взять, выжидало результатов большого сражения, которое готовилось под Ляояном: оно надеялось здесь на победу. Но вот в середине августа сражение это состоялось, русские войска потерпели решительное поражение и в беспорядке отступили, оставив в руках неприятеля большое количество артиллерии и другого военного снаряжения. Поражение под Ляояном произвело огромное впечатление: престиж правительства и вера в его силу в широких кругах общества и народа заметно пошатнулись. Чтоб успокоить общественное возбуждение, правительство, впрямь до ожидаемого перелома на фронте, решило попробовать взять, хотя бы для видимости, более либеральный курс. Был назначен министром внутренних дел либеральный генерал князь Святополк-Мирский, который на приеме чинов мини-

¹ Ныне (1939 г.) она работает в Музее Революции в Москве.

стерства заявил, что управление Россией должно зиждиться на доверии к обществу, к общественным учреждениям и населению вообще. Это были непривычные, прямо-таки неслыханные слова в устах руководителя внутренней политики русского самодержавия. В другой своей речи, обращаясь к представителям печати, министр сказал, что он придает большое значение печати, особенно провинциальной, и призывал печать к содействию в его деле управления. Либеральная печать немедленно воспользовалась этими словами и вышла, как говорили тогда, «явочным порядком» далеко за прежние рамки, поставленные цензурой. Появились газеты более левого радикального направления — «Наша жизнь» и «Сын отечества». Язык печати заметно изменился, стал более резким и определенным в критике правительства и установившихся порядков, появились требования политических свобод и созыва народных представителей. В этом же духе стали высказываться городские думы и земские собрания.

Начался период, как тогда говорили, политической «весны», которая совпала с поздней осенью природы — октябрем-декабром 1904 года. В ноябре полулегально состоялся съезд земских деятелей, который принял резолюцию о необходимости обеспечения свободы совести, слова, печати, собраний и созыва народных представителей «для осуществления законодательной власти». Пошла полоса банкетов, которые принимали более радикальные резолюции, вплоть до требования созыва Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. На этих банкетах бывали выступления и представителей социал-демократической партии, интеллигентов и рабочих. Эта политическая «весна» проявилась и в Твери.

ГЛАВА XIII

РАБОТА В ТВЕРСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. А. А. БОГДАНОВ. ОЖИВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ. ПОЕЗДКА В МОСКВУ. ЗНАКОМСТВО С М. Н. ПОКРОВСКИМ И И. И. СКВОРЦОВЫМ-СТЕПАНОВЫМ

За это время я связался с местной партийной организацией — с тверским комитетом. В состав его входили А. А. Богданов, Панов — тверяк-интеллигент — и двое-трое рабочих.

Богданов недавно приехал в Тверь из-за границы, куда он уехал вскоре после окончания ссылки в Вологде. За границей он жил в Женеве и сошелся там с Лениным, принял большевистскую установку по вопросам политики и написал несколько статей, подписанных псевдонимом «Рядовой». В статьях этих он вел полемику с меньшевиками. Эти статьи

были выпущены вместе со статьями Ольминского брошюрой, под заглавием: «Наши недоразумения».

В. И. Ленин в письме к Горькому писал о Богданове: «Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как беки (то есть большевики, — С. М.), и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социалдемократии (-большевизма)... Философией заниматься в горячке революции приходилось мало»¹. Богданов вошел тогда во вновь созданный большевистский центр — «Бюро комитетов большинства», и уехал на работу в Россию; поселился он тогда, не имея права жительства в столицах, в Твери, расположенной между Москвой и Петербургом, откуда было удобно время от времени наезжать в тот и другой город. Фактически Богданов являлся в это время руководителем большевистского центра в России, конечно, под общим руководством Ленина.

Вот в это время мне и привелось поработать некоторое время в Твери с Богдановым, но он вскоре, в ноябре или начале декабря, воспользовавшись ослаблениями политической «весны», перебрался в Петербург.

Богданов мне рассказал тогда, что летом примиренческий ЦК кооптировал в свой состав трех меньшевиков, заменил Ленина в Совете партии Любимовым («Марк») и занял определенно меньшевистскую позицию. Тогда Ленин, опираясь на сочувствие большинства комитетов в России, порвал с ЦК и решил создать свой большевистский центр, созвал в Женеве конференцию большевиков, живущих за границей; на этой конференции решено было создать «Бюро комитетов большинства» для руководства движением и для борьбы за созыв третьего съезда партии. Несколько человек из числа членов конференции поехали в Россию и там созвали три областные конференции большевиков — южную, северную и кавказскую, на которых провели выборы в «Бюро». Был создан большевистский центр, который повел борьбу за новый съезд партии.

Через некоторое время в Тверь приехал еще один агент «Бюро комитетов большинства» для местной работы. Это был Иван Григорьевич Наумов, интеллигент, юрист по образованию. Он приехал с конференции большевистских комитетов, которая состоялась в одном из южных городов.

Вокруг тверского комитета группировался ряд большевиков, интеллигентов и рабочих, высланных из других городов

¹ «Ленинский сборник», т. I, «Письма Ленина к Горькому», стр. 99.

и местных, они составляли, как тогда говорилось, периферию комитета. Из них помню Сергея Васильевича Модестова, тогда неокончившего семинариста, работавшего пропагандистом в рабочих кружках. В 1905—1906 годах он работал в Москве (партийная кличка «Данило»), был одним из деятельнейших работников московской окружной организации; осенью 1906 года был избран в московское областное бюро; после ареста был осужден на каторгу, там заболел туберкулезом и умер в Москве в 1918 году. Помню еще Александру Валерьяновну Мечникову, которая заведывала тогда техникой тверского комитета, то есть печатанием, хранением и распространением литературы. Работала потом в Москве; по процессу Московского комитета в 1908 году была приговорена к лишению всех прав и к ссылке на поселение в Сибирь. Живет в настоящее время (1939 г.) в Москве, беспартийная. Приехали в Тверь мои московские знакомые — молодой Жбанков и Наташа Свентицкая, выпущенные до решения дела из тюрьмы, в которой они просидели с февраля по октябрь. Они сейчас же вошли в местную работу. Тверской комитет, да и большинство тверской социал-демократической периферии, были в это время определенно большевистскими, только член комитета Панов колебался между большевиками и меньшевиками, представляя из себя, как тогда говорилось, «болото». Я присутствовал два раза на заседании комитета. Обсуждались проекты прокламаций, проекты представляли Богданов и я. Несколько прокламаций, написанных мною, были одобрены и изданы.

Помню, что на одном заседании комитета была принята резолюция о скорейшем созыве третьего съезда и о поддержке литературной группы во главе с Лениным, возникшей за границей для издания большевистских брошюр. Было очень приятно увидеть эту резолюцию напечатанной уже после Октябрьской революции¹.

Партийная работа в Твери в это время очень оживилась: возник ряд кружков среди местной учащейся молодежи, на всех крупных фабриках и заводах были рабочие кружки, стали появляться прокламации как местного характера, так и общероссийского. Прокламации печатались в подпольной типографии в городе Ржеве. Эта типография была организована двумя ржевскими жителями — товарищами Тепиным и Комаровым. Они поставили ее по своей инициативе, потом связались с тверским комитетом, а затем с московской автономной социал-демократической группой, издававшей газету «Голос труда», которую они и печатали главным образом; газета потом стала органом Московского комитета. Но, кроме газеты,

¹ «Вперед» и «Пролетарий», выпуск I, стр. 141, Госиздат, 1925 г.

они выполняли заказы тверского комитета на листовки и брошюры. Типография эта, работавшая в условиях тихого уездного городка и не связанная с местной работой, просуществовала около пяти лет; была свернута в конце 1905 года и зарыта в сарае. Через полтора года в сарае случился пожар и во время тушения его она была обнаружена; следствие выяснило, кто работал в этой типографии, и они подверглись репрессиям.

Из отчета группы «Голоса труда», напечатанного в «Пролетарии» (№ 21), видно, что за восемь месяцев, конца 1904 и начала 1905 года, когда эта типография обслуживала группу, в ней было напечатано семь номеров «Голоса труда», в количестве сорока тысяч листов, и восемьдесят пять тысяч прокламаций, на что было затрачено две тысячи пятьсот рублей. Для подпольной типографии это очень большая производительность труда. Но обо всем этом я узнал уже значительно позже, после революции, а тогда я знал только, что существует где-то вблизи от Твери подпольная типография.

В это время, кроме кружка на фабрике Морозовых, о котором я говорил, я вел кружок рабочих вагоностроительного завода. Проходили политическую экономию по книжке Богданова «Краткий курс экономической науки», но часто отвлекались на обсуждение, как говорилось, «текущего момента». Особенно интересовались войной, а также тем оживлением общественной жизни, отклики которого были в тогдашней легальной печати и в ходивших по рукам резолюциях земского съезда и некоторых банкетов.

Я выступал еще несколько раз на собраниях в «обществе трезвости». Там происходили по воскресеньям чтения на «духовно-нравственные» темы; на них ходили консервативные элементы рабочих и мелких служащих, но в последнее время стали читать и на темы исторические и географические с волшебным фонарем. Публика на чтениях стала и более многочисленной, и более разнообразной. После чтений происходила беседа. Вот во время этих бесед я и выступал, причем иногда, без всякой связи с прочитанным, переходил к вопросам современности, главным образом к положению на фронте войны. Последние вопросы особенно интересовали и волновали публику; говорил о позорных поражениях наших войск, что они обусловлены неподготовленностью и неспособностью нашего командования, злоупотреблениями наших интендантов, о том, что и война-то эта совсем нам не нужна, и дальнейшие поражения при наших порядках неизбежны и т. п. Публика напряженно слушала, а председатель как-то терялся: такие выступления были совершенно необычны в этом благонамереннейшем собрании, на которое и полиция-то никогда не ходила, зная обычный характер этих собраний. Я с каждым

разом выступал все определеннее, публики стало ходить на эти собрания все больше. До меня доходили слухи, что на эти выступления обратила уже внимание фабричная администрация. Не знаю, чем бы это кончилось, но я скоро уехал из Твери.

В самой Твери в то время не было таких торжественных многолюдных банкетов или собраний, как это было в других городах, по причине того разгрома земства и «третьего элемента», о котором я упоминал. Состоялось только в середине декабря дворянское собрание. В прежние годы этими дворянскими собраниями никто не интересовался, они занимались своими узко сословными делами и проходили при полном равнодушии широкой публики. Но в это время общественного оживления ожидалось, что и тверское дворянство выскажется по злободневным вопросам, и публика заполнила доотказа хоры дворянского собрания. На собрании было несколько довольно ярких выступлений дворян-либералов Петрункевича и Родичева; большинство собрания, а особенно публика на хорах, горячо им аплодировала. Дворянское собрание приняло постановление о возбуждении ходатайства об отмене указа о роспуске тверской земской управы и о восстановлении нормальной работы тверского земства. В своей резолюции собрание признало, что «разрешение жизненных задач, поставленных в указе 12 декабря¹, и плодотворные законодательные работы возможны лишь при деятельном участии свободно избранных представителей населения». Часть дворян, в состав которых входили два губернатора, земские начальники, городские судьи и другие представители чиновничества, отказались от баллотировки этого постановления и заявили, что они считают этот вопрос не подлежащим обсуждению. Им усиленно шикали с хор².

¹ Указ 12 декабря обещал ряд реформ, как-то: расширение прав и объема ведения органов самоуправления, уравнивания гражданских прав крестьян с остальными сословиями, облегчения для «иноверцев» и «инородцев» и т. д. В проекте указа, составленного председателем комитета министров Витте, имелось в виду привлечение к законодательству выборных представителей населения, но царь вычеркнул этот пункт. Вместе с этим указом, обещавшим ряд реформ, хотя и в очень расплывчатой и неопределенной форме, было опубликовано правительственное сообщение, запрещающее, под угрозой разгона «всеми законными средствами», всякие «сборища и скопища», а также обсуждения в земских и городских собраниях вопросов, выходящих из сферы их компетенции, запрещалось касаться «незыблемых основ исконного государственного строя». После кратковременной «весны» возобновились усиленные репрессии, вновь подул холодный ветер реакции.

² В это время в заграничной прессе шла полемика между большевиками и меньшевиками о тактике. В меньшевистской «Искре» было опубликовано письмо к партийным организациям, в котором рекомендовалось сделать центром движения выступления социал-демократических ораторов на банкетах, земских собраниях и т. п. В. И. Ленин в брошюре «Зем-

Кроме этого легального собрания, в квартирах некоторых либеральных адвокатов происходили большие собрания интеллигенции и передовых рабочих, делались доклады социал-демократами, эсерами, «освобожденцами», шла горячая дискуссия между представителями этих направлений. Помню приезд одного из лидеров эсеров — Бунакова-Фундаминского, награжденного эсерами кличкой «Непобедимый». Большая квартира адвоката Шейдмана была плотно набита публикой. В это время Тверь была переполнена студентами и курсистками, приехавшими в Тверь вследствие забастовки высших учебных заведений; они вносили много оживления в эти собрания. Бунаков с апломбом выступил против марксизма и против русских социал-демократов, повторяя плоские старые аргументы Михайловского, Кареева, Воронцова («В. В.»). Наумов и я резко выступили против него. Страсти разгорелись до того, что у нескольких курсисток начались истерические припадки. Для успокоения пришлось выступить с примирительной речью и призвать революционные партии, если и «итти врозь», то «бить вместе» общего врага — самодержавие.

В течение этих «весенних» месяцев оживилось также и студенческое движение. В Петербургском, Московском и в других университетах и высших учебных заведениях происходили сходки, иногда переходившие в уличные демонстрации. В Москве руководящую роль среди студенчества играл комитет социал-демократической студенческой фракции. Фракция насчитывала в университете до шестисот членов, да в других высших учебных заведениях Москвы до двухсот членов. Внутри фракции происходила борьба большевиков с меньшевиками, но против других партий те и другие выступали объединенно. С социал-демократами пытались конкурировать эсеры, создавали среди молодежи свои организации, шла горячая борьба за овладение студенчеством. Приведу образец полемики социал-демократов с эсерами из социал-демократической прокламации, помеченной «24 сентября 1904 г., типография Моск. комитета РС-ДР партии».

«Социалисты-революционеры — захудалый отпрыск вечной памяти народовольчества.

С печатью недомыслия на челе, разбитый наголову в своих теоретических построениях, но с развязностью авантюриста, он отважно вступает в героическое единоборство с деспота-

---

ская кампания и план «Искры» критиковал этот план, указывая на опасность превращения на этом пути революционного рабочего движения в придаток к либеральному движению, и писал о «...желательном высшем типе массовых демонстраций...» рабочих против правительства (В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 19). Но у нас, в Твери, тогда не было еще ни банкетной или земской кампании, ни массового рабочего движения.

ми-правителями и... получает в награду благодарный взгляд буржуазии. В своем стремлении повернуть колесо истории, оторванный от реальной почвы, апологет личности разрушает Гордиев узел социальных отношений и творит структуру общества. И этот несвежий плод своей мечтательности, своего интеллектуального банкротства, он предлагает учащейся молодежи и зовет ее под знамя революционной авантюры, зовет ее спекулировать на стихийности масс, затемняя их самознание буржуазной идеологией. Но призыв социалистов-революционеров не найдет отклика в студенчестве. Бесследно тонет он в море звучных, мощных голосов; идет великая сила. Сковал ее гигантский молот исторической необходимости, росла она на поле кровавой борьбы классов, сквозь пули и штыки грудью пробивала дорогу. Идет пролетариат — борец за светлый социалистический строй»¹.

5 и 6 декабря в Москве произошли студенческие демонстрации на Тверской улице. Демонстрации были зверски разогнаны полицией. Было много раненых и избитых. Приехавшие в Тверь московские студенты, из которых были и потерпевшие, рассказывали подробно об этих демонстрациях, делали доклады на собраниях.

Высшие учебные заведения забастовали, студенты разъехались по домам, земские и городские собрания, в знак протеста против запрещения касаться насущных вопросов, всех волновавших, перестали собираться. Царило какое-то общее возбуждение, напряженное состояние ожидания каких-то крупных событий. В это время пришло известие о новой крупной неудаче на войне — о падении нашей крепости Порт-Артур после трехмесячной осады. Это подлило масла в огонь общего возбуждения.

В рабочем классе шло глухое брожение, но пока оно не выливалось наружу: не было ни стачек, ни рабочих демонстраций. Казалось странным, что рабочий класс, бывший застрельщиком, гегемоном движения, — после того, как по всей России в течение 1901—1903 годов прошла мощная волна стачек и рабочих демонстраций, а теперь на общественную арену выступали широкие слои интеллигенции, буржуазии и даже дворянства со своими либеральными требованиями, рабочий класс ничем как будто не проявляет себя, как-то загадочно молчит. Несомненно, в глубине его идет брожение, массы как-то насторожились, чего-то ждут...

В середине декабря мне удалось на несколько дней съездить в Москву. Во время «весеннего» периода некоторые ограничения были смягчены: возвращена из ссылки часть административно-ссылных, преимущественно из либеральной оппозиции,

¹ «Накануне первой революции в Москве», стр. 85.

Н. Э. Бауман

В. Л. Шанцер

И. И. Скворцов-Степанов

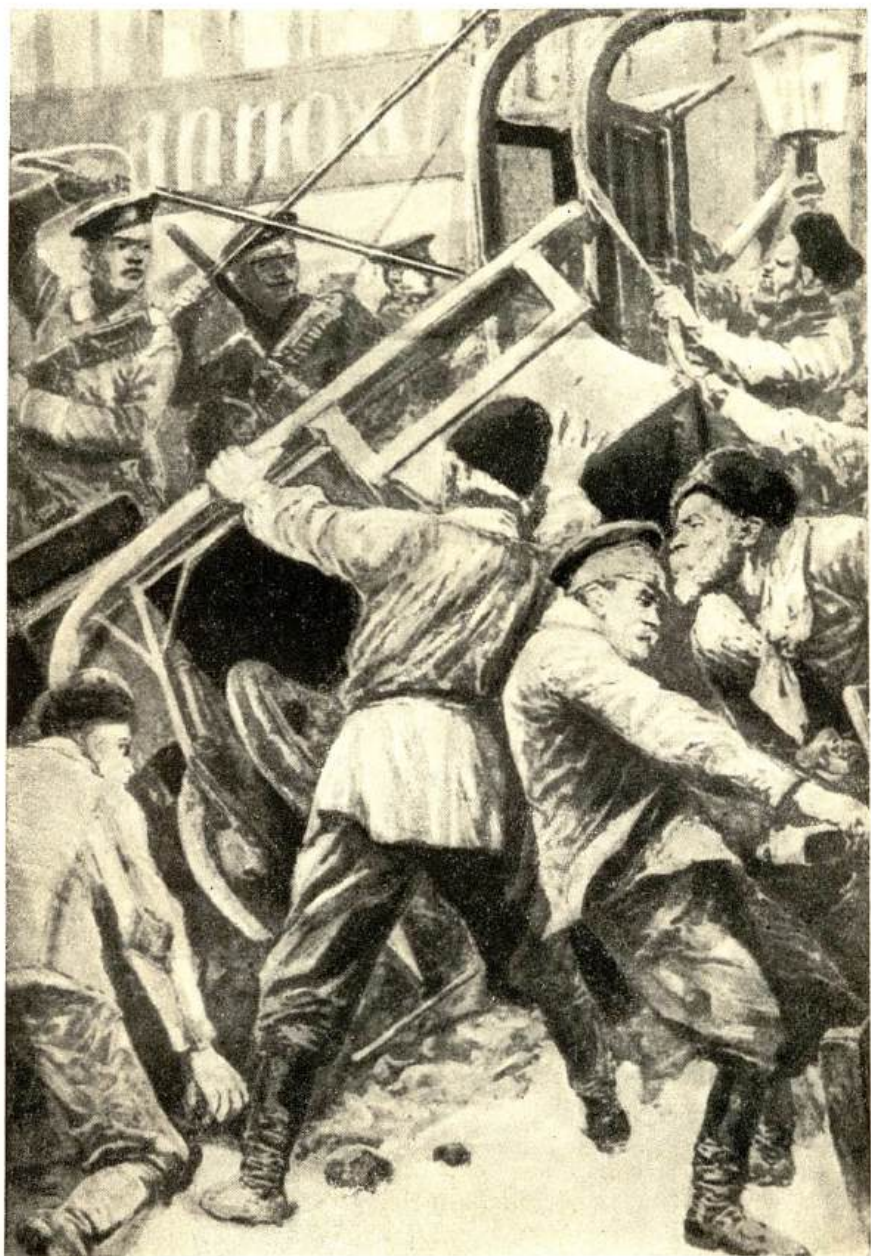
М. Н. Покровский

Н. А. Рожков

9-го января 1905 года у Зимнего дворца
С картины И. А. Владыкина

Баррикады на Васильевском острове 9-го января 1905 г.

и отменено было запрещение въезда в столицы для бывших ссыльных и поднадзорных. Я воспользовался этим и поехал в Москву. Там я повидал нашу партийную публику. Я узнал, что, воспользовавшись отменой некоторых ограничений, в Москву приехали новые партийные работники, что работа среди рабочих очень оживилась, образовалось много рабочих кружков, так что нехватало пропагандистов. Вышел печатный номер нелегальной популярной газеты «Голос труда». Узнал, что наши ораторы стали выступать на зубатовских рабочих собраниях и имеют там успех. Рассказали мне о банкетной кампании, о выступлениях большевиков на этих банкетах.

В этот же приезд я попал на совещание представителей оппозиционных и революционных организаций, которое было организовано либеральным адвокатом В. А. Маклаковым, одним из лидеров «освобожденцев», а потом кадетов. Совещание собралось на его квартире на Новинском бульваре. Было человек тридцать—тридцать пять — «освобожденцы», эсеры, социал-демократы. Маклакова я знал еще со студенческих времен; на этом собрании я познакомился с М. Н. Покровским и И. И. Скворцовым-Степановым. Целью собрания было, видимо, желание либералов создать блок либералов и революционеров с фактической гегемонией либералов, на что им давали надежду так шумно прошедшая кампания банкетов, земских съездов, выступления городских дум и земских собраний. А рабочий класс должен, по их мнению, поддерживать эти либеральные выступления и требования. В таком духе и говорил В. А. Маклаков, Тесленко и еще кто-то из либералов. Против этой позиции резко выступил И. И. Степанов-Скворцов. Он говорил, что рабочий класс имеет самостоятельные задачи и никогда в хвосте либеральной буржуазии не пойдет, что он до сих пор шел во главе революционного движения, теперь собирает свои силы и скоро выступит со всей мощью на арену борьбы. Наши ораторы не отказывались от соглашений в каждом отдельном случае с другими партиями, но отстаивали необходимость самостоятельной и независимой тактики пролетариата. Они нападали также на дряблость и нерешительность либералов, на половинчатость их лозунгов. Скворцова поддерживали М. Н. Покровский и Н. А. Рожков. Покровский был членом «Союза освобождения», но все более расходился с ним, приближаясь к точке зрения большевиков. Помнится, что на этом собрании он заявил, что порывает свои отношения с «освобожденцами». Рожков тоже все ближе подходил к нам в последнее время, поддерживая связи с А. А. Богдановым и Скворцовым-Степановым, который незадолго перед этим тоже возвратился в Москву из ссылки, воспользовавшись «весенними» веяниями.

Возвращаясь к совещанию, скажу, что оно окончилось про-

валом попытки либералов заключить блок с социал-демократами большевиками. Выступлений меньшевиков и эсеров на этом собрании я не помню.

Подышав московским воздухом, я почувствовал большое желание перебраться в Москву: здесь представлялось большее поле для работы. И к моей радости, эту возможность я вскоре получил, так как мне вновь предложили занять место в той лечебнице, где я работал раньше, но уже на других, лучших условиях.

Дело в том, что владелец лечебницы доктор Стрельцов запутался в долгах и сбежал из Москвы. Лечебница переходила в ведение профессора Баженова, который и предложил мне вновь работать в этой лечебнице, при условии дежурства через день и представления мне с семьей квартиры. Я дал согласие взять это место, и Баженов обещал меня немедленно известить, как только переход лечебницы в его ведение окончательно оформится. Я поехал в Тверь с надеждой перебраться вскоре в Москву.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ
1905 ГОД

МАССЫ ПРИХОДЯТ В ДВИЖЕНИЕ
ЯНВАРЬ — АПРЕЛЬ 1905 ГОДА

ГЛАВА I

«КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ» 9 ЯНВАРЯ. ОТКЛИКИ В ТВЕРИ

Наступил 1905 год — великий год давно ожидаемой, столь желанной революции. Уже в первых числах января дошли до нас слухи, что в Петербурге неспокойно: забастовал Путиловский завод, к нему присоединились постепенно все большие заводы столицы. 8 января возвратилась из Питера моя жена, уехавшая в конце декабря сначала в Ржев, чтобы, получив там из подпольной типографии транспорт литературы, отвезти его в Питер, что она и выполнила успешно после ряда приключений, которые чуть не довели ее до ареста. Она рассказала, что в Петербурге во всех отделах Гапоновского «Собрания фабрично-заводских рабочих» идут с утра до поздней ночи собрания, на которых вырабатывается петиция царю, которую рабочие в воскресенье 9 января хотят понести к Зимнему дворцу, чтобы вручить ее царю лично. С волнением ждали мы, что произойдет 9 января. И вот пришло оно — «Кровавое воскресенье». Как известно, в этот день было организовано шествие рабочих со всех окраин Петербурга к Зимнему дворцу. Рабочие шли с женами и детьми, несли царские портреты и церковные хоругви. Социал-демократы выступали на собраниях и отговаривали рабочих от шествия к царю, убеждая их, что из этого ничего не выйдет, что не от царя рабочие получают свои права, а только от революции, но рабочие остались глухи к этим убеждениям. Тогда наши агитаторы постарались внести в вырабатываемую петицию возможно более радикальные требования. Это в значительной мере удалось. В петицию были включены требования: свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний, союзов, свободы совести, восьмичасового рабочего дня, нормальной заработной

платы, передачи земли народу, Учредительного собрания, избираемого равным, прямым и тайным голосованием. С такой петицией и пошли рабочие к царю. В шествии принимало участие до ста пятидесяти тысяч человек. Шествие колонн рабочих, идущих с окраин, было встречено в разных пунктах города войсками, которые стали стрелять в эти колонны залпами, часто без всякого предупреждения. Было убито больше тысячи человек и ранено более двух тысяч.

Ужас и возмущение охватили рабочих и жителей Петербурга. Большевики, которые принимали участие в шествии, тут же стали агитировать за восстание, за постройку баррикад для защиты против разгоняющих шествие солдат и полицейских. В официальном сообщении о событиях 9 января говорится: «На 4-ой линии Васильевского острова толпа устроила из досок и проволок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, причем из окон соседних домов в войска были брошены камни и произведены выстрелы. У городских толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разгромила оружейную фабрику Шаффа». Так мирное шествие превратилось в попытку восстания. Вера петербургских рабочих в царя была в этот день окончательно убита.

Бойня 9 января вызвала взрыв возмущения и протеста в виде стачек и демонстраций во многих городах России; особенно единодушно забастовали рабочие Риги, Варшавы, Лодзи, Тифлиса, Батума, Саратова. Всего за январь 1905 года в России бастовало, по официальным неполным подсчетам, четыреста сорок тысяч, более чем в целом, в самом до этого года богатом забастовками 1903 году.

В Твери 12 января было вывешено на улицах и на фабриках правительственное сообщение о событиях 9 января, передававших их в очень извращенном виде, причем число жертв было сильно преуменьшено. Около этого сообщения толпился народ, громко выражая свое возмущение. На фабриках шло глухое брожение.

Социал-демократический комитет выпустил листовку к рабочим, призывая их к забастовке. Но в Твери она так и не состоялась ни на одной фабрике. Тверские рабочие раскатались лишь к концу 1905 года...

Интеллигенция и организованные рабочие собирались на квартирах и обсуждали события. Приезжали докладчики из Питера, рассказывали подробности событий.

В эти дни я получил телеграмму от профессора Баженова, приглашавшего меня занять место врача в его лечебнице. Я быстро собрался и поехал в Москву.

ГЛАВА II

ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ. ОТКЛИКИ НА 9 ЯНВАРЯ В МОСКВЕ. ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРЕЖНИХ СВЯЗЕЙ. В. Л. ШАНЦЕР И ДРУГИЕ. АРЕСТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РС-ДРП. ОБРАЗОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА ПО СОЗЫВУ ТРЕТЬЕГО СЪЕЗДА ПАРТИИ. НАЧАЛО МОЕЙ РАБОТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ МОСКОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ ПАРТИИ

В Москву я приехал в двадцатых числах января. Как резко изменилась Москва с тех пор, как я был выслан из нее шесть-семь месяцев тому назад! Тогда было глухое затишье, очень слабая партийная организация. Рабочий класс глухо молчал, зубатовцы еще не встречали отпора на мирно проходящих рабочих собраниях в чайных и Народных домах; студенчество уже давно ничем себя не проявляло; легальные общества мирно и скучно обсуждали свои текущие дела.

Не то было теперь. Уже события второй половины 1904 года вызвали заметное оживление московской революционной и общественной жизни, что я уже отметил, описывая свое посещение Москвы в декабре. Но теперь волна движения поднялась еще выше. 9 января, всколыхнувшее всю Россию, имело и в Москве значительный отклик. Между 10 и 20 января бастовало до ста наиболее крупных московских фабрик и заводов. Забастовавшие рабочие какой-нибудь фабрики шли толпой к соседним фабрикам и снимали там рабочих с работы. Требования были выставлены везде преимущественно экономические: восьмичасовой рабочий день, увеличение заработной платы на пятьдесят процентов, отмена сдельной работы. К этим требованиям почти везде присоединялись требования профессионально-политического характера, как-то: образование на фабрике комиссии из рабочих депутатов по приему и увольнению рабочих и по установлению заработной платы, разрешение депутатам созывать общие собрания рабочих, отмена обысков, вежливое обращение.

Московский комитет за эти дни выпустил несколько прокламаций, стремясь придать экономической забастовке политический характер, используя события 9 января для политической агитации. Стачки держались дня по три, по шести. Непосредственные результаты забастовок были невелики, но встряску московские рабочие получили значительную. Для Москвы, которая после забастовочного движения конца 90-х годов почти не знала стачек в течение лет пяти, это было недурное начало нового революционного подъема.

Либералы, которым казалось в конце 1904 года, что они являются гегемоном освободительного движения, значительно сбавили тон: теперь было для всех ясно, что гегемоном революционного движения является рабочий класс. Авторитет социал-демократии значительно вырос.

Студенчество в это время съехалось в Москву после зимних каникул. Среди него шло большое брожение; происходили непрерывные митинги. Велась агитация за то, чтобы объявить забастовку всех высших учебных заведений на все полугодие, как протест против убийства 9 января. Этот лозунг встретил горячий отклик среди студенчества, и одно заведение закрывалось за другим после принятия резких политических резолюций. В этих резолюциях выражался протест «против кровавых событий, имевших место за последнее время на улицах Петербурга, Баку, Риги, Варшавы». Выставлялось требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Заканчивались такие резолюции призывом к студенчеству «вступить на путь активной борьбы вместе с действующими революционными партиями, на знамени которых давно уже было написано: «Долой самодержавие!» Занятия во всех высших учебных заведениях Москвы и в других городах России прекратились до осени. Студенчество в значительном количестве отдалось революционной работе, подкрепив революционные кадры в столицах и в провинции.

И не только рабочие и студенты Москвы отозвались на 9 января, откликнулись и старые общества — педагогическое, техническое, сельское хозяйства. Особенно выразительна была резолюция — «императорского московского общества сельского хозяйства». Приведу ее целиком:

«1) Выразить глубокое негодование по поводу бесчеловечного произвола, сказавшегося в избииении безоружной толпы рабочих, желавших заявить мирным путем о своих человеческих правах и о своих насущных нуждах.

2) Признать, что единственным выходом из современного положения может быть лишь немедленный созыв Учредительного собрания на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

3) Настоящее постановление сообщить всем губернским и уездным земским управам, всем городским думам, волостным правлениям и всем сельскохозяйственным обществам».

За такое «дерзкое» постановление общество было лишено права называться «императорским», а общие собрания всех названных обществ были запрещены.

Даже архибуржуазная московская городская дума откликнулась на 9 января постановлением обратиться к администрации с требованием не применять против забастовавших вооруженной силы; кроме того, решено обратиться с ходатайством о праве стачек для рабочих и о праве свободных собраний рабочих союзов. Московское губернское земское собрание демонстративно прервало свою сессию, в знак протеста против убийств 9 января.

Раскачались и московские зубатовцы: чтобы не отстать от своих петербургских собратьев — гапоновцев, они тоже решили выработать петицию и послать ее в Петербург. Начались во всех Народных домах многолюдные рабочие собрания, со званные зубатовцами, на них выступали наши ораторы и смело высказывались в революционном духе, развивая целиком нашу программу. Под влиянием этих выступлений в петицию было включено и требование восьмичасового рабочего дня и политических свобод.

Таковы были московские настроения к концу января.

5 февраля в Кремле был убит бомбой Каляева московский генерал-губернатор, дядя царя великий князь Сергей Александрович. Революционная и оппозиционная Москва открыто выражала свою радость по поводу смерти этого ненавистного сатрапа.

По приезде в Москву я связался с Московским комитетом через своего знакомого по ссылке Виргилия Леоновича Шанцера (партийная кличка «Марат»), который уже месяца два как возвратился в Москву и был членом Московского комитета; после третьего съезда партии он был представителем ЦК партии в Москве и руководителем московской партийной работы в течение всего 1905 года, впредь до его ареста в декабре. Я лично за все это время был тесно с ним связан.

Шанцер познакомил меня с той борьбой, которую вело в это время «Бюро комитетов большинства» за созыв третьего партийного съезда. Против созыва съезда был ЦК партии, состоящий в это время из примиренцев и меньшевиков.

9 февраля был назначен пленум этого ЦК в Москве, на квартире писателя Леонида Андреева. Уже в самом начале заседания пленума полиция нагрянула на квартиру Леонида Андреева и арестовала собравшихся. Опоздали притти на заседание только два члена ЦК — Л. Б. Красин и А. И. Любимов (партийная кличка «Марк») ¹, и тем избегли ареста. После ареста остальных членов они оба примкнули к «Бюро комитетов большинства» и образовали вместе с ним организационное бюро по созыву съезда. Это облегчило работу по организации съезда, и он, как известно, собрался в Лондоне в середине апреля (ст. стилия).

Кроме Шанцера, я возобновил свои знакомства с рядом лиц, которых я знал по ссылке или по своей прежней жизни в Москве: с Обухом, с Восходовым, которого я знал по Рязани, с М. Н. Покровским, Н. А. Рожковым, В. М. Фриче, В. П. Потемкиным, с И. И. Скворцовым-Степановым и др.

У меня создалось такое впечатление, что интеллигенция, сочувствующая нашей партии, недостаточно используется, не-

¹ Умер в 1920-х годах, был давно вне партии.

достаточно привлекается к работе. Многие хотели бы работать, но не знают, за что взяться; многие даже не связаны с партийной организацией; некоторые не определились еще вполне и недостаточно разбираются в разногласиях между большевиками и меньшевиками. Были значительные слои интеллигенции, которые совсем не разбирались в партийных разногласиях и даже не интересовались ими: они сочувствовали революционному движению «вообще» и готовы были помогать любой революционной партии. Очень важно было использовать этот слой для содействия в работе партии: для явок, ночевок, для квартир под собрания, для складов литературы, оружия, для добывания средств и т. п.

Но использовать их широко можно было только организовано. А как это сделать? Я решил попытаться приложить свои силы для организации партийной, околопартийной и беспартийной интеллигенции с целью ее всемерного использования для целей партии. Я обдумывал, какую создать для этого организацию. Решил привлечь к этому делу следующих лиц: В. А. Обуха, имевшего связи среди городских врачей и вообще среди московской интеллигенции; к тому же он в 1903 году был сам членом МК — Московского комитета¹. Привлек еще В. А. Восходова, помощника присяжного поверенного (то есть молодого адвоката); он имел связи среди адвокатуры и еще со студенческих времен был известен, как организатор всяких студенческих предприятий: благотворительных концертов, спектаклей, часть выручки с которых он умел всегда оставлять для нужд революционного движения; кроме связей среди адвокатов, он имел по этой своей деятельности много связей среди московских артистов. Обратился я еще к своей старой знакомой по первой московской социал-демократической организации — А. П. Смирновой (партийная кличка «Нина»); она служила в губернской земской управе и имела связи среди «третьего земского элемента».

Мы собрались вчетвером и выработали такой проект организации: создать из литераторов и лекторов-марксистов или склоняющихся к марксизму литературно-лекторскую группу и организовывать при помощи ее легальные и нелегальные лекции по вопросам марксизма; использовать отдельных членов этой группы для пропагандистской работы в интеллигентских и рабочих кружках, передавая потом таких пропагандистов в ведение ответственного пропагандиста МК; организовать при помощи этой группы всякого рода литературные

---

¹ В дальнейшем я буду Московский комитет социал-демократов большевиков именовать МК, как было принято в партийных кругах того времени.

предприятия — издательство, сборники, журналы или газеты, легальные или нелегальные, насколько представляется к этому возможности. Членам группы, пока они не втянутся в работу и не подойдут ближе к партии, не объявлять, что это группа при МК, а объявить эту группу вначале автономной, содействующей социал-демократам большевикам.

Вторую группу назвать финансовой комиссией, собирающей средства для московской большевистской организации, — поручить организацию ее Восходову; третью группу создать для всякого рода технической помощи МК, — поручить эту организацию Смирновой. Для обеих этих целей, то есть финансовой и технической, широко использовать тот слой интеллигенции, который хочет помогать вообще революционному движению. Выработав вчетвером этот проект, я с Обухом пошли к Шанцеру. Он очень одобрил наши предложения и советовал нам сразу же приступить к этой работе. Это было, помнится, в начале марта 1905 года. Мы, то есть Обух, Восходов и я, вплотную взялись за дело. Смирнова как-то не втянулась в работу и скоро от нее совсем отошла, работая в партии по другим линиям. Ее функции взяла на себя финансовая комиссия. О работе этих групп я буду еще подробно говорить.

ГЛАВА III

**УСЛОВИЯ МОЕЙ РАБОТЫ В ЛЕЧЕБНИЦЕ. БЛАГОПРИЯТНЫЕ
КОНСПИРАТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ЛЕЧЕБНИЦЫ И МОЕЙ КВАР-
ТИРЫ. ПРИЕЗД ИЗ ЖЕНЕВЫ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА. ОЖИВ-
ЛЕНИЕ СВЯЗИ С В. И. ЛЕНИНЫМ, С ГАЗЕТОЙ «ВПЕРЕД»**

В главе VII первой части этой книги я описал условия моей службы в частной психиатрической лечебнице доктора Стрельцова и показал, что эту службу было почти невозможно совместить с какой-либо общественной работой, так как служба отнимала почти все время. Теперь условия были совсем другие. Директором лечебницы был профессор Николай Николаевич Баженов, человек очень образованный, долго живший во Франции. По своим политическим воззрениям он принадлежал тогда к «Союзу освобождения», а потом, с образованием конституционно-демократической партии, вошел в нее и был в числе ее активных членов. По своим социальным симпатиям он принадлежал к правому крылу своей партии, но по тактическим вопросам он стоял за более решительную тактику и очень хотел наиболее высокого подъема революционной волны, полагая, что все успехи революционных партий пойдут на пользу либералов, приблизят их к власти.

Зная, что я социал-демократ большевик, зная о моей рево-

люционной работе, он относился к ней с сочувствием и не был против того, чтобы я использовал его лечебницу для революционных целей.

Я дежурил посуточно по очереди с моим товарищем по работе доктором С. Л. Цетлиным, который, не принадлежа сам к определенной партии, тоже сочувствовал и содействовал революционному движению и всегда был готов мне помочь в моих делах. Если мне в мое дежурство надо было куда-либо пойти вечером, то он охотно меня заменял, чем я, признаюсь, достаточно злоупотреблял. Так что времени для моей общественно-революционной работы я имел достаточно. Кроме того, лечебница давала мне много других преимуществ для работы. Помещалась она на Красносельской улице, в доме, где теперь Сокольнический Совет; кроме того, она занимала ряд флигелей в соседних домовладениях; к дому примыкал тогда большой парк, ныне вырубленный и занятый в большей части железнодорожными путями. Владение выходило на две улицы и имело четыре выхода; кроме того, из парка можно было через низкий забор перелезть на железнодорожный путь. В одном из флигелей помещалась моя квартира с ходом со двора; в этом флигеле я занимал весь нижний этаж, где жил теперь вместе с семьей — с женой и двумя маленькими детьми. Дворники у нас были свои, то есть не от домохозяйна, а от лечебницы. Полицейские чины — пристав и околоточные — получали ежемесячно и к праздникам положенную мзду и на многое смотрели сквозь пальцы.

Все эти подробности я привожу, чтобы объяснить возможность широкого использования моей квартиры и всей лечебницы для собраний, ночевок, для склада литературы и оружия.

Мне вскоре же привелось использовать удобства моей квартиры для конспиративных целей.

В феврале ко мне явился приехавший из-за границы Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Я знал его еще по периоду моей работы в Москве в 1894 году; встречал ли я его или только слышал о нем от общих знакомых, не помню точно; знал и он тогда обо мне. Во всяком случае мы встретились с ним, как давние знакомые. Он приехал нелегально из Женевы от В. И. Ленина для агитации за третий съезд и с целью сбора денег для большевистской заграничной работы. Он жил в эмиграции с 1896 года, после второго съезда примкнул к большевикам, организовал в 1904 году большевистское издательство и издание газет «Вперед», ведал также нелегальным транспортом литературы в Россию. Побывал уже в Петербурге, виделся там с Богдановым и другими членами «Бюро комитетов большинства», теперь собирался обосноваться на некоторое время в Москве, чтобы отсюда объездить ряд городов. Просил помочь ему устроиться в Москве, чтобы жить

без прописки. Учтя благоприятные условия моей квартиры, я предложил ему поселиться у меня. Он охотно согласился. Как приятно было увидеть посланца от Ильича, почувствовать через него близкую связь с ним и с нашим заграничным центром!

Он наладил быстро получение газеты «Вперед», и все время его жизни в Москве мы имели регулярно, без большого опоздания, наш еженедельный центральный орган. Какую радость и волнение возбуждало получение каждого номера газеты! Замечательные боевые статьи Ленина, открывающие новые, широкие горизонты разворачивающейся революции! Особенно сильное впечатление произвели статьи: «Две тактики», «Пролетариат и крестьянство», «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»¹. В высокой степени приятно было видеть на страницах газеты корреспонденции о московских делах. Бонч-Бруевич за свое трехмесячное пребывание в России усердно посылал свои корреспонденции в газету «Вперед», довольно много из этих корреспонденций появились в газете. К сожалению, не всегда была налажена такая связь российских организаций с заграничным центром, но об этом после.

Я связал Бонч-Бруевича с московской партийной организацией и с лекторской группой. Надо сказать, что все время пребывания в Москве он жил, как говорилось тогда, в глубоком подпольи и старался ограничить свои знакомства и посещения разных собраний, особенно публичных. Заставляло его так поступать прежде всего сугубая ответственность и конспиративность его поручений, а кроме того, в Москве жили его отец, мать, родственники, товарищи и знакомые его детства и юности; они могли легко встретить его на улице или на собрании и узнать, тогда пропала бы вся его конспирация, пошла бы болтовня по Москве, крайне опасная в его положении; и так он прожил у меня, за вычетом всех поездок, около месяца, не возбудив ничьих подозрений и вопросов: случай исключительный для Москвы того времени.

ГЛАВА IV

ЛЕКТОРСКАЯ ГРУППА ПРИ МОСКОВСКОМ КОМИТЕТЕ.
ЕЕ СОСТАВ. ЕЕ РАБОТА. ФИНАНСОВАЯ КОМИССИЯ

В середине февраля началось на равнинах Манчжурии генеральное сражение. Численность русской армии в Манчжурии была в это время доведена до четырехсот тысяч человек, у японцев было меньше. Несмотря на это, русские войска потерпели в решительном сражении под Мукденом в феврале

¹ Статьи под этими заглавиями см. в VII томе Соч. В. И. Ленина.

1904 года большое поражение. Потери были велики: оставлено было множество пушек, обозов и много пленных. Известие об этом поражении произвело громадное впечатление. Правительство, видимо, растерялось, и 19 февраля было издано сразу три акта: рескрипт о привлечении «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений», то есть о созыве совещательной Государственной думы. Второй акт — указ сенату, которым возлагалось на совет министров «рассмотрение и обсуждение поступающих от разных лиц и учреждений видов и предложений, касающихся вопросов государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». И, наконец, манифест о борьбе с крамолой. Акты явно противоречили один другому, но общественные учреждения и печать энергично использовали разрешение представлять свои соображения об улучшении государственного порядка. Возобновился опять поток резолюций земских собраний, городских дум, обществ. Но движение пошло теперь и вглубь, в крестьянские низы. Начали появляться приговоры волостных собраний и сельских обществ, где, конечно, ставился прежде всего вопрос о земле.

В Москве вторая половина февраля и начало марта характеризовались усиленною деятельностью просветительных обществ, которые возобновили свои собрания, недавно запрещенные. Покровский называет этот период «бунтом просветительных обществ». К этому времени руководство в этих обществах перешло к левым элементам. Председателем педагогического общества был избран Н. А. Рожков, его заместителем М. Н. Покровский; председателем Технического общества примыкавший к социал-демократам присяжный поверенный Н. К. Муравьев. На заседаниях этих обществ ставились доклады, имеющие самое отдаленное отношение к программе деятельности этих обществ; в прениях ораторы еще меньше стеснялись программой общества и произносили революционные речи. Собрания бывали очень многолюдные, никто не спрашивал никаких входных повесток; собрания посещало немало рабочих. Для примера приведу два своих выступления на этих собраниях. Историк С. П. Мельгунов на заседании какого-то общества в здании университета делал доклад о русском сектантстве, отмечая его прогрессивные политические тенденции. Я взял слово и развил мысль, что в настоящее время сектантство стоит в стороне от широкой дороги политической борьбы, что теперь гегемоном в этой борьбе является рабочий класс. В другой раз я выступил на докладе профессора С. А. Котляревского по поводу вышедшего тогда сборника «О проблемах идеализма». В прениях я выступил с речью, не имеющею никакого отношения к проблемам

идеализма. Я говорил о текущем политическом моменте, о неизбежности вооруженной борьбы с самодержавием, о необходимости готовиться к вооруженному восстанию. Председательствовал Н. А. Рожков, и он меня ни разу не остановил. На этих собраниях выступало много наших ораторов.

Через некоторое время собрания этих обществ были вновь запрещены. Тогда советы обществ на объединенном заседании составили резкий протест против репрессий, постигших эти общества, и разослали этот протест по провинциальным обществам и общественным учреждениям (городским думам, земским управам и т. п.). Заканчивается этот протест заявлением, что объединенное собрание советов решило, вопреки распоряжению администрации, продолжать деятельность обществ в прежнем направлении и выразило уверенность, что все общественные учреждения и организации в России будут неустанно работать над делом политического освобождения страны.

В этот период я и начал работать по созданию лекторской группы. Я обратился с предложением организовать автономную марксистскую лекторскую группу к Рожкову, Покровскому, Скворцову-Степанову, Фриче. Все они охотно дали свое согласие. На первом же собрании выяснилось, как назрела потребность марксистов-литераторов сплотиться, чтобы внести большую организованность и, так сказать, плановость в свои выступления, бывшие до сих пор случайными и разрозненными. Решено было впредь регулярно собираться, чтобы распределять свои выступления и доклады и обсуждать на собраниях темы докладов и лекций. Поставили вопрос, кого бы еще можно было привлечь в нашу группу. Нашлось еще несколько литераторов и лекторов, которые зарекомендовали себя, как марксисты; стали их привлекать в нашу лекторскую группу. Постепенно группа разрасталась. До осени 1905 года в нее входили нижепоименованные лица.

Иван Иванович Скворцов, писавший под псевдонимом Степанова и более известный под двойной фамилией Скворцова-Степанова. Он определился как марксист в 1896 году, живя в ссылке в Туле и занимаясь там пропагандой в рабочих кружках; потом был два раза в ссылке и возвратился в Москву в конце 1904 года, специализировался на политической экономии с историческим направлением. Как известно, он написал впоследствии совместно с А. А. Богдановым большую работу в пяти книгах «Курс политической экономии». Не будучи специалистом по политической экономии, я не могу судить о теоретической ценности этой работы, тем более, что мне не попадалось и критических статей о ней; не могу и судить, насколько велико было отрицательное влияние Богданова на

эту и другие его работы, но в чисто политическом отношении он был тогда крепким, выдержанным, как говорили тогда, твердокаменным большевиком. Он был одним из самых деятельных членов лекторской группы, читал лекции и выступал в прениях и на митингах несчетное число раз. Лекции его по истории, экономике, текущему моменту пользовались большим успехом, особенно славилась его выступления против либералов, эсеров, меньшевиков, которых он подвергал сокрушительной критике. Он был также неутомимым литературным работником — много писал, редактировал, переводил. Ему принадлежат переводы: Блоса «Германская революция», Баха «Революция в Австрии», Маркса «Собрание исторических работ» и др.¹

Михаил Николаевич Покровский — работал в качестве преподавателя в московских среднеучебных заведениях и уже тогда был видным историком; ряд его статей по западной и русской истории был напечатан в разных исторических сборниках. Но основные его работы по русской истории появились позже (в 1907—1916 гг.). Свои взгляды на методологию истории он изложил в своей статье «Идеализм и «законы истории», помещенной в журнале «Правда» в 1904 году (февраль и март). Статья эта, так сказать, насквозь махистско-богдановская². Эти свои установки М. Н. Покровский в известной мере сохранил до конца. Впрочем, в мою задачу совершенно не входит критика Покровского, как историка. Что касается его политических взглядов, то в 1902—1903 годах он входил в либеральный «Союз освобождения», но в 1904 году порвал с ним и все ближе подходил к большевикам; весной 1905 года он формально вступил в партию. В лекторской группе, да и вообще в московской партийной организации в 1905—1907 годах играл значительную роль³; он был неутомимым лектором по истории революционного движения, по вопросам партийной программы и тактики; выступал на множестве собраний и митингов; особенно следует отметить его остроумно-язвительную критику либералов (кадетов), которых он знал вдоль и поперек и по своему прежнему участию в «Союзе освобождения». Он был неизменным активным сотрудником и входил в редакции всех большевистских изданий 1905—1907 годов, легальных и нелегальных.

Николай Александрович Рожков — о нем, как об историке,

¹ Умер в 1928 году на посту редактора «Известий ЦИК СССР».

² Перепечатана без изменений и примечаний в сборнике — М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов», т. II, 1938 г. Сборник вышел уже после смерти М. Н. Покровского.

³ Летом 1906 года он был избран членом Московского комитета, в 1907 году был делегирован на пятый, Лондонский съезд партии, где был выбран членом большевистского центра.

я уже говорил¹. Он, так же как и Покровский, с конца 1904 года все ближе подходил к большевикам и тоже весной 1905 года формально вступил в партию и играл в ней значительную роль в течение 1905—1908 годов². Как член лекторской группы, прочитал множество лекций, пожалуй наибольшее число из всех членов группы, как в Москве, так и в ряде других городов: по истории, по аграрному вопросу, по текущему моменту. Активно работал среди учителей и пользовался у них большим авторитетом и популярностью, нередко выступал и среди студентов, а также в рабочих аудиториях и на митингах. Был тоже участником и редактором всех московских большевистских изданий того времени.

Владимир Максимович Фриче. Как о литераторе и искусствоведе, я уже писал о нем выше³. В 1905 году примкнул к большевикам и вступил формально в партию. Много читал лекций по вопросам западной и русской литературы. Как оратор и полемист, выступал редко; был участником московских большевистских газет и сборников.

Михаил Григорьевич Лунц — литератор по вопросам рабочего движения, фабричного законодательства, внутренней политики. Начал свою литературную деятельность в конце 1890-х годов в «Русских ведомостях», в «Русском богатстве», постепенно определился как марксист. В московском журнале «Правда» вел внутреннее обозрение, которое жестоко урезывалось цензурой. Выступал в 1905 году с боевыми докладами и лекциями в «Музее труда» и на других собраниях. Был деятельным сотрудником большевистских газет и журналов в 1905—1907 годах⁴.

Соломон Яковлевич Цейтлин — юрист по образованию, был в ссылке в Восточной Сибири, возвратился в конце 1904 года и поселился в Москве, занимаясь литературной работой. Участвовал во всех московских большевистских газетах, журналах, сборниках в 1905—1907 годах, писал по вопросам государственного права (о Государственной думе) и профессионального движения, выступал с лекциями по этим вопросам, работал по организации профессиональных союзов⁵.

¹ См. главу II первой части этой книги.

² Весной 1906 года был выбран в МК, был участником пятого, Лондонского съезда партии, где был выбран в ЦК. Арестован весной 1908 года, судим и сослан в Сибирь на поселение. В Сибири перешел к меньшевикам-ликвидаторам. Умер в 1927 году беспартийным.

³ См. главу II первой части этой книги.

⁴ В 1907 году был избран секретарем Центрального бюро профессиональных союзов, на этом посту преждевременно (тридцати пяти лет), в разгаре работы, в этом же году, умер от болезни сердца. Уже после его смерти, в 1909 году вышел его «Сборник статей по вопросам рабочего движения» с предисловием И. И. Скворцова-Степанова.

⁵ В 1908 году заболел психически и умер в 1913 году в возрасте тридцати трех лет в психиатрической лечебнице.

Вениамин Яковлевич Канель — врач, писал и читал лекции по вопросам фабричного законодательства, фабричной и социальной гигиены, страхования рабочих, с широким политико-социальным обоснованием этих вопросов¹.

Кирик Никитич Левин — сын крестьянина, народный учитель, был преподавателем на вечерних курсах для рабочих на Тверской мануфактуре, о которых я писал в первой части этой книги, там был арестован и потом сослан. В 1905 году возвратился в Москву, писал и читал лекции по вопросам образования и на общеполитические темы по истории, умея особенно хорошо популяризировать все эти темы перед малоподготовленной аудиторией; работал среди учителей по организации учительского союза, входя в большевистскую фракцию этого союза до выхода большевиков из него².

Иван Григорьевич Наумов — юрист по образованию, был агентом «Бюро комитетов большинства», о чем я упоминал выше. Писал и выступал по аграрному и по общеполитическим вопросам³.

Владимир Александрович Обух — по профессии врач, работал главным образом как организатор. Нередко выступал в дискуссиях на заседаниях группы.

Автор этих строк работал в группе как организатор и долгое время как секретарь группы. Выступал нередко на лекциях и митингах в прениях; читал ряд докладов и лекций по истории революционного движения, преимущественно перед рабочей аудиторией.

Техническим секретарем, в высокой степени усердным и аккуратным, состояла жена В. М. Фриче — Л. А. Фриче.

Вот в таком составе работала лекторская группа с марта до осени 1905 года, когда в нее вступили новые члены. На заседаниях группы бывал иногда Шанцер, который очень интересовался работой группы. Сначала группа работала как автономная организация, только идейно примыкающая к Московскому комитету, но постепенно все члены вплотную втянулись в партийную работу, получали отдельные задания по пропаганде, по составлению прокламаций и т. п. непосредственно от МК, и группа летом 1905 года установила формальную связь с комитетом, стала называться лекторской группой при МК, представитель которого вошел в группу.

Группа поставила себе задачей прежде всего устраивать легальные и полулегальные лекции.

¹ Умер весной 1918 года.

² В 1917 году примкнул к интернационалистам; после Великой Октябрьской социалистической революции работал в Наркомпросе, в отделе подготовки учителей. Умер в 1922 году.

³ После 1917 года отошел от партии. Ныне (1939 г.) — лектор в вузах по диалектическому материализму.

Первое время, в марте—августе, легальных лекций не удавалось устраивать, они устраивались нелегально и полулегально, большею частью в домах у либеральной буржуазии, иногда в некоторых школах и на вечерних курсах для рабочих при фабриках.

В это время буржуазия была настроена оппозиционно: она надеялась, что поднимающаяся волна революции заставит правительство пойти на сделку с ней и дать ей участие во власти. Отсюда вытекало известное сочувствие к революционному движению передовых представителей буржуазии. Как бы то ни было, но в этот период многие московские либеральные буржуа охотно предоставляли свои квартиры для устройства лекций и собраний. Лекции устраивались в особняке В. А. Морозовой (ныне улица Коминтерна, в доме, где помещается Аграрный институт); у Маргариты Морозовой (особняк на Смоленском бульваре, где теперь Киевский райком ВКП(б), на Неглинной в доме Фирсановой, владелицы Сандуновских бань; в доме княгини Чегодаевой; в доме крупного домовладельца Комиссарова, в будущем видного кадета; в особняке чаепрогонцев Высоцких, где теперь Дом пионеров; в квартире у писателя-инженера Гарина-Михайловского; в психиатрической лечебнице доктора Териана у Девичьего монастыря; в некоторых начальных школах, например — в Домниковском народном училище, в училище на Миусской площади, в училище в Замоскворечьи (заведывал учитель Насимович), в реальном училище Фидлера в Мыльниковом переулке, в реальном училище Воскресенского. Перечисляю только те квартиры, в которых я бывал сам.

Лекции и доклады бывали обыкновенно платные, в пользу партийной кассы; определенное число билетов раздавалось организованным рабочим-активистам. Билеты брали всегда нарасхват. Смотря по величине зала, число билетов было двести-триста. Доклады и лекции были на темы: по текущему политическому моменту, по программе партии, по рабочему вопросу и движению, по аграрному вопросу и крестьянскому движению, о демократическом государстве (проекты конституций), по истории революционного движения, о великой французской революции, о Парижской Коммуне, о декабристах, об экономическом материализме. Самыми популярными лекторами, особенно часто выступающими, были: И. И. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, В. М. Фриче. Кроме того, они выезжали с докладами в другие города — Тверь, Тулу, Орел, Серпухов, Коломну, Ярославль, Смоленск. Кроме них, выступали с лекциями Фриче, Лунц, Канель, Наумов, Левин и я. В. П. Потемкин, хотя не входил в группу, но поддерживал с ней контакт и славился как выдающийся лектор, читал о французской революции, о Парижской Коммуне

и пр. После лекций обыкновенно открывались прения, выступали оппоненты от других партий, чаще всего от эсеров; либералы («освобожденцы», потом кадеты) редко решались выступать на наших докладах и не любили, когда мы выступали на их докладах. С меньшевиками, с которыми мы были тогда формально в одной партии, обычно не велись дискуссии на открытых собраниях. Кроме своих докладов и лекций, члены нашей группы выступали на докладах и лекциях, устраиваемых другими партиями — «освобожденцами», эсерами, бундовцами. Так мы выступали оппонентами на лекциях эсеров Бунакова-Фундаминского (кличка «Непобедимый»), Авксентьева («Солнце»), бундовца Абрамовича, адвоката Кальмановича, либералов — Милокова, Струве, Кокошкина, Белоруссова (Белевского) и др. Из наших оппонентов особенно выдавались Скворцов-Степанов и Покровский — оба блестящие, остроумные, широко образованные полемисты: их сокрушающей критики особенно боялись либералы.

Лекторская группа собиралась обычно раз в две недели на квартирах Рожкова, Жданова, Канеля, Гарина-Михайловского, у П. Г. Дауге (члена группы), у меня. Для маскировки во время собраний устраивалась закуска или ужин. Обсуждались темы предстоящих лекций, критиковались прошлые лекции и выступления отдельных товарищей. Обсуждались вопросы текущего момента, отношение наше к тем или иным событиям и явлениям политической жизни. События в это время развертывались с необыкновенной быстротой, ситуация часто быстро менялась. Готовых решений не было. Связь с зарубежным центром, с Лениным, была нелегка, директивы оттуда приходили часто с запаздыванием. Приведу как пример дискуссию по вопросу о наших отношениях к профессионально-политическим союзам, о которых я буду говорить ниже: вопрос этот особенно остро волновал нас в марте и апреле. По этому вопросу Бонч-Бруевич написал в наш зарубежный орган «Вперед» в марте; корреспонденция эта где-то задержалась и была напечатана 4 июля в № 8 «Пролетария», который стал выходить после третьего съезда вместо «Вперед», а ответ Покровского на эту корреспонденцию с послесловием Ленина появился в № 13 от 9 августа. К этому времени вопрос уже потерял в значительной степени свою остроту и вообще отходил уже в область истории.

Наш российский центр возглавлял тогда А. А. Богданов, живший в это время в Петербурге. Его директивы были не всегда достаточно авторитетны и имели некоторый, как бы теперь сказали, левацкий загиб.

На трудность сношения с российским центром и на трудность руководства из-за границы, как известно, неоднократно жаловался и Ленин в 1905 году, в своих письмах А. А. Бог-

данову, С. И. Гусеву и после третьего съезда Центральному комитету, членом которого в России был тот же А. А. Богданов¹. Так что конкретную директиву в каждом отдельном случае приходилось вырабатывать часто на месте. Отсюда горячие дискуссии по разным вопросам на нашей лекторской группе, на этих дискуссиях присутствовал обычно Шанцер или другой член Московского комитета. Вообще МК прислушивался внимательно к этим дебатам, так как здесь ведь собирались квалифицированные работники — писатели, лекторы, часто имевшие и значительный опыт практической партийной работы. Горячие дебаты шли у нас и об отношении к профессионально-политическим союзам, и к профессиональным союзам рабочих, позже об отношениях к Советам рабочих депутатов.

На собраниях лекторской группы всегда присутствовали представители финансовой комиссии. Эта комиссия возглавлялась В. А. Восходовым; в нее входили еще адвокат Миловидов, О. Н. Мицкевич, В. П. Обух, Л. А. Фриче и другие.

Комиссия эта развила большую активность: собирала деньги для партийной организации у либералов, среди слушателей на лекциях, позже на митингах, устраивала платные концерты, привлекая к участию на них виднейших артистов того времени, как, например, Качалова и др. Эта же комиссия доставала для МК квартиры для явок, ночевок, собраний, складов литературы, оружия и т. д. Техническое устройство лекций лекторской группы — добывание квартиры, распространение билетов, информация о лекциях и докладах, устраиваемых другими партиями — целиком лежала также на финансовой комиссии, для чего и бывали представители ее на каждом заседании лекторской группы.

В заключение этой главы приведу еще свидетельство М. Н. Покровского о лекциях этого периода. В статье в «Известиях ЦИК СССР», в № от 25 декабря 1925 года, он пишет, что уже в конце весны этого года мы могли устраивать наши лекции в некоторых школах и что одну из таких лекций он сам читал в Миусском училище 13 мая. Он пишет далее: «На этом моем докладе было человек 250 — 300, обычные средние размеры аудитории для публичной лекции лектора средней популярности. Билеты продавались; я помню, что устроители этой стороной остались довольны, и говорили, что МК имел недурной доход. Тема была совершенно нелегальна — история революционного движения в России и перспективы начинавшейся революции. Очень хоро-

¹ Соч. В. И. Ленина, тт. VII и VIII, и «Ленинский сборник», т. V, «Письма А. А. Богданову и С. И. Гусеву» и «Письма Центральному комитету».

шо помню, как я там доказывал, что революция должна привести не только к свержению самодержавия, — это принималось всеми без возражения, — но и к падению царизма вообще, и что страхи перед «монархическими чувствами», якобы одушевляющими крестьян, ни на чем не основаны. Это было встречено аудиторией очень скептически, что я мог видеть из подававшихся мне записок.

Мой доклад не был единственным в аудитории Миусского училища. С другим, не состоявшимся, связан известный анекдот, вызывавший в наших кругах много смеха. На этот раз полиции удалось появиться во-время, и публика не могла собраться. Подъезжает к училищу покойный писатель Гарин (Михайловский), носивший «генеральскую» форму инженера путей сообщения. Стоявший у дверей околоточный вытягивается в струнку и, почтительно взяв «под козырек», докладывает «его превосходительству», что «лекция сегодня не состоится». Много было смеха.

Так открыто велась пропаганда не только в Москве, — то же было повсюду, по крайней мере в Центрально-Промышленном районе. Я объехал со своим докладом несколько городов, — повторял его в Рязани, во Владимире, в Туле. Все это было в начале лета. В Туле, например, я выступал в троицын день, что отчасти помешало успеху лекции: стояла страшная жара, и вся молодежь была за городом. Во Владимире из-за той же жары мне пришлось читать под открытым небом, в саду того дома, где был назначен доклад. Разыскивая этот дом, я попросту обратился за справкой к стоявшему на углу городовому, и характерно, что не только я, но и другие не оценили всей нелепости этого поступка. Излишне говорить, что полиция не предприняла никаких шагов, чтобы помешать этой «лекции», и не сделала ни малейшей попытки арестовать «лектора» на вокзале, куда меня провожало порядочно народа. Приблизительно то же было и в Рязани, только там товарищи имели любезность меня встретить и проводить до места назначения, так что к услугам городского мне не было надобности обращаться. Лишь в Туле, как пролетарском центре, где полиция была более на чеку, мне пришлось соблюдать несколько большую конспирацию».

ГЛАВА V

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ

Во второй половине марта и в апреле в русской политической жизни возникло новое явление — организация профессионально-политических союзов интеллигенции — адвокатов, инженеров, агрономов, учителей, врачей, железнодорожных служащих, почтово-телеграфных и др. Это движение охвати-

ло самые широкие слои интеллигенции и служащих. В № 17 «Вперед» от 26 апреля помещена корреспонденция из Москвы Бонч-Бруевича, написанная по нашей информации.

Вот, что он писал: «С головокружительной стремительностью несутся события, увлекая на своем пути даже такие элементы, которые еще недавно были совершенно чужды всякой общественной жизни; революционный поток гонит эти элементы все дальше. Сила сопротивления правительства только способствует увеличению силы давления на одряхлевшее, доживающее последние дни самодержавие. И на всех многочисленных съездах последнего времени — адвокатов, инженеров, докторов, профессоров, педагогов, агрономов и других лиц либеральных профессий — ведется усиленная агитация, выносятся резолюции с резкой критикой самодержавия. Характернее всего то, что все эти съезды совершаются не только без разрешения, но даже без всякого заявления. Просто съезжаются люди, объединенные интересами одной и той же профессии, в числе двухсот-трехсот человек, и обсуждают свои нужды. Полиция иногда пытается мешать, но ей обыкновенно не подчиняются и продолжают вести свои дела. И всегда центр тяжести всех дебатов тотчас переносится на вопросы общественной жизни, на необходимость свержения бюрократии и самодержавия. При этом льются страстные речи, сталкиваются различные направления. Участники съезда нередко публичным голосованием как бы нравственно обязуются пропагандировать в провинции те взгляды, которые проведены в резолюциях».

Наша лекторская группа приняла деятельное участие в этой съездовской кампании, хотя среди некоторых московских руководящих товарищей и было скептическое отношение к этому. Они говорили, что не стоит тратить сил для этой работы. Тем приятнее было нам, сторонникам участия в этой кампании, что Ленин прислал директиву обратить внимание на это съездовское движение. Бонч-Бруевич, который тогда возвратился в Москву из своей поездки на юг, пишет об этом в своей книге «Нелегальная поездка в Россию» (стр. 276):

«В Москве я нашел у А. Н. Коншина присланное для меня письмо из Женевы, где мне указывалось, по поручению Владимира Ильича, обратить особое внимание на съездовскую кампанию, обязательно вмешаться в нее нашим московским социал-демократическим силам и дать отчеты о съездах в нашей прессе.

Наши московские товарищи изо всех сил уже готовились к этой кампании, сговаривались, сталкивались, выдвигали ораторов, проводили всеми мерами наших товарищей в действительные члены съездов, подготавливали тезисы. Наша литературная группа (лекторская, — С. М.) при комитете писала, а

нелегальная техника подготовляла прокламации, которые должны были быть раздаваемы членам съезда. Это совпадение желания нашего женевского центра с деятельностью московских товарищей особенно подчеркивало солидарность наших взглядов, и мы все с утроенной энергией брались за дело.

«Освобожденцы» рвали и метали на наше непрошенное вмешательство. Они считали эти участки фронта в борьбе с самодержавием своим неотъемлемым достоянием и были крайне недовольны, что эти неуживчивые, вечно ничем недовольные «большевики», множившиеся повсюду, просто не дают им житья, везде и всюду вносят свой совершенно особенный привкус явного разложения и откола. Из либерально-демократической среды наиболее радикальные элементы нередко присоединялись к нашим голосам и тем самым до крайности раздражали освобожденческих дел мастеров».

Я упомянул, что не все товарищи одобряли наше участие в этом движении, но они недооценивали роль интеллигенции в революционном движении, не различали в ней разных прослоек, беря за одну скобку всю пеструю компанию от либеральных буржуа и дворян-земцев до какого-нибудь сельского учителя или железнодорожного служащего. Мы же, когда шли в эту среду, ставили себе задачей расслоить ее, оторвать более радикальные слои различной интеллигенции от союза с умеренными либералами, повернуть их лицом к революции, к народу, а часть этих элементов и целиком повести за собой, завербовав их в нашу партию. И нам удавалось добиться в этом отношении заметных результатов, о чем я ниже расскажу подробнее.

Итак, мы приняли деятельное участие на этих съездах интеллигенции и вошли на первое время в образовавшиеся профессионально-политические союзы. В союз учителей вошли Скворцов-Степанов, Покровский, Рожков, Кирик. Левин; в союз адвокатов — Жданов, Восходов, Миловидов и примыкавшая к ним группа нам сочувствующих адвокатов; в союз приказчиков — Лунц, Цейтлин; в союз врачей вошел я.

Мы придавали особенное значение работе в союзе учителей: учителя были настроены левее, чем профессора, инженеры, адвокаты или врачи; да к тому они ближе соприкасались в городах и на фабриках с рабочими, в деревнях с крестьянами.

В начале апреля в Москве состоялся нелегальный всероссийский учительский съезд, организованный Московским педагогическим обществом совместно с Петербургским. Заседания съезда происходили в доме В. А. Морозовой, в Земледельческом училище на Смоленском бульваре и в Миусском училище; всего было, кажется, четыре заседания. Председателем съезда был единогласно выбран Н. А. Рожков. На

съезде шла борьба между социал-демократами и эсерами, влияние которых было значительно среди учителей, особенно сельских, но и речи социал-демократов имели большой отклик; съезд особенно горячо аплодировал одной учительнице, социал-демократке из Западного края. Первый съезд был подготовительный, наспех созванный и не особенно многолюдный. Решено было созвать лучше подготовленный учредительный съезд в мае в Петербурге. На этот съезд от Москвы были выбраны делегаты — частью социал-демократы, частью эсеры; от нас прошли Скворцов-Степанов, Покровский, Рожков и несколько рядовых учителей. Съезд, ввиду неблагоприятных полицейских условий в Петербурге, был перенесен в Финляндию. На этом съезде была принята эсеровская платформа учительского союза, и социал-демократическая делегация покинула съезд, отказавшись войти в союз. Но наши связи с московскими учителями продолжались, — среди них были основаны группы сочувствующих социал-демократии, часть учителей вошла тогда формально в партию.

ГЛАВА VI

РАБОТА СРЕДИ ВРАЧЕЙ. ПИРОГОВСКИЙ СЪЕЗД ПО БОРЬБЕ С ХОЛЕРОЙ. ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИ ДЕМОНСТРАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР. ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА

Скажу несколько подробнее о работе среди врачей, в которой я принимал активное участие, так как у меня было и раньше много связей среди них.

Еще в 1904 году среди московских земских врачей (московского губернского и уездных земств) образовалась группа содействия революционному движению. Организатором этой группы был доктор Петр Иванович Куркин. Группа эта не примкнула к какой-либо определенной партии, считала себя внепартийной; средства, собираемые ею, она распределяла на три части: между «Союзом освобождения», эсерами и социал-демократами; оказывала и всякое другое содействие, тоже безразлично, этим партиям. В 1905 году она занялась и сама агитационно-пропагандистской работой, распространяя нелегальную и легальную литературу этих партий, да и сама выпускала листовки и брошюры в революционном демократическом духе¹.

¹ Эта организация оказалась, несмотря на свою политическую аморфность, очень прочной: она просуществовала до 1913 года под видом касс страхования для помощи своим членам, пострадавшим от политических репрессий; расцвет ее деятельности относится к 1906—1907 годам, когда она включила в свой состав не только врачей, но и других земских служащих; число членов ее доходило до шестисот. Всего за девять лет своего существования она собрала около пятидесяти тысяч рублей — сумма очень значительная по тому времени.

Когда я вскоре после приезда в Москву в начале 1905 года встретился с П. И. Куркиным, то он мне сказал об образовании этой группы содействия и добавил: используйте нас в интересах революционного движения. Я принял это к сведению, и мы использовали, как могли, эту организацию в нашей работе в Московской губернии, о чем я подробнее скажу, когда буду говорить о работе московской окружной организации нашей партии.

Я со своей стороны начал тогда же организовывать группу содействия революционному движению среди московских врачей, не определившихся еще вполне в партийном отношении. Постепенно в эту группу вошло человек двадцать пять—тридцать. Сначала мы использовали их квартиры для явок небольших собраний; затем некоторые из них, втягиваясь в работу, становились в партийном отношении более определенными и вошли в нашу партию; другие определились как меньшевики или эсеры и ушли из нашей группы, да и сама группа, по мере распределения ее членов по разным партийным функциям, стала ненужной и распалась.

Когда в марте началась в Москве кампания по организации профессионально-политических союзов интеллигенции и служащих, то и врачи стали поговаривать об организации союза врачей. Решено было приурочить эту организацию к чрезвычайному Пироговскому съезду по борьбе с грозившей тогда России холерой; съезд должен был открыться в Москве в двадцатых числах марта.

Опишу подробнее съезд, чтобы дать конкретное представление о той политической обстановке, в которой возникла организация профессионально-политических союзов интеллигенции этого времени.

Правление Пироговского общества было тогда в руках левых элементов. Председателем его был профессор бактериологии Габричевский, секретарем его состоял вышеупомянутый П. И. Куркин, членами — А. В. Мольков (ныне член ВКП(б)), В. И. Яковенко, К. И. Шидловский. Они были сторонниками того, чтобы использовать съезд для политической демонстрации и для организации союза врачей. Наша группа врачей решила принять активное участие в работах съезда и придать ему возможно левое политическое направление. Съезд был назначен на 21 марта. Уже дня за два до съезда выявился большой наплыв врачей из провинции. Вечером 19 марта московский градоначальник объявил, что министерством внутренних дел, «ввиду полученных у него сведений о том, что организаторы съезда врачей намереваются им воспользоваться для политических демонстраций и произнесения ряда речей

недопустимого содержания, означенный съезд разрешен быть не может». Правление немедленно послало телеграмму министру, в которой писало, что «отмена съезда, кроме справедливого негодования со стороны съехавшихся врачей и командировавших их общественных учреждений, вызовет крайне опасные последствия, ввиду надвигающейся холеры. Ждем безотлагательной отмены запрещения». Запрещение было отменено, и съезд разрешен при условии отсутствия всякой публичности (то есть без посторонней публики) и недопущения возбуждения каких-либо вопросов политического характера. Конечно, это условие не было соблюдено, и съезд был сугубо публичным и политическим. Во всех докладах, даже самых специальных, проводилась идея, что борьба с холерой, как равно и со всеми болезнями, может быть успешной только после коренного изменения политического строя. Сделал и я доклад «Об условиях деятельности врача по борьбе с эпидемиями», в котором я говорил: «Народ беден и невежествен, органы самоуправления бессильны, врачи бесправны и преследуемы, да к тому же против них натравливается народ. При таких условиях может ли быть у врачей настроение, благоприятное для борьбы с эпидемией?» В докладе я коснулся злободневных политических событий, как-то: еврейских погромов и армянского погрома на Кавказе... «Вспомним, наконец, ужасные варфоломеевские ночи, организованные полицией в Баку. Полиция хотела эту резню устроить по всему Кавказу, но ее план разбился, благодаря организации самозащиты революционными комитетами. Уже в Эривани громилы были рассеяны выстрелами и ручными бомбами». В заключение я призывал организовать пропаганду и агитацию демократических идей в народе и «содействовать организации масс для устранения теперешнего режима и для созыва Учредительного собрания»¹.

Надо было подготовить общую резолюцию съезда. Для этой цели было созвано распорядительное заседание съезда. Я внес проект резолюции, в которой была включена в основном программа-минимум социал-демократической партии, в том числе «демократическая республика». Против внесения в резолюцию «республики» протестовал председатель съезда — известный писатель С. Я. Елпатьевский, но не по существу, а так сказать, по тактическим соображениям: если ввести «республику» в резолюцию, то это будет иметь последствием роспуск съезда, закрытие самого Пироговского общества и арест правления общества. Решено было выбросить слово — «республика», заменив ее словами: «Верховная власть должна

¹ Цитирую по книге «Пироговский съезд по борьбе с холерой», выпуск II, стр. 157—162, Москва, 1905 г.

быть сосредоточена в руках однопалатного законодательного собрания, избранного на основах четыреххвостки и назначающего и увольняющего министров, перед ним ответственных». А ведь это и есть демократическая республика!

Другие пункты проекта не возбудили разногласий, и он прошел целиком на распорядительном заседании. Приведу выдержки из этой резолюции:

«Пироговский съезд заявляет о необходимости организовать для энергичной борьбы рука об руку с трудящимися массами против самодержавно-бюрократического строя, для полного его устранения, и за созыв Учредительного собрания. Мы должны бороться, чтобы в первом же Учредительном собрании был проведен минимум политических и социальных реформ. К числу таковых относится: утверждение вышеперечисленных свобод; гарантия равенства всех перед законом; равноправие национальностей, языков, религий; всеобщее бесплатное обучение; отделение церкви от государства; широкое, свободное самоуправление на тех же началах; коренная реформа налоговой системы: введение прогрессивного подоходного налога, уничтожение выкупных и оброчных платежей и отмена крестьянских недоимок; обеспечение земель трудящихся за счет государственных, удельных, монастырских и частновладельческих земель. Для наемных рабочих всех сфер труда устанавливаются: восьмичасовой рабочий день, минимум заработной платы, государственное страхование от болезней, старости, инвалидности и безработицы и вообще широкое фабрично-санитарное законодательство для охраны интересов труда. Лишь при осуществлении этих предварительных условий можно организовать плодотворную и планомерную борьбу с народными бедствиями и эпидемиями; только тогда не будут страшны для нашей страны ни чума, ни холера, ни какие-либо другие эпидемии»¹.

Этот проект резолюции должен был быть оглашен и прогослован на заключительном заседании съезда, 23 марта, в большом зале консерватории, в котором происходили занятия съезда, ввиду огромного наплыва членов съезда и публики. Заключительное заседание было особенно многолюдно. На нем была единогласно, с большим энтузиазмом, поднятием рук, принята вышеупомянутая резолюция. Затем так же единогласно съездом была одобрена мысль о необходимости распространения принятой резолюции в популярной форме среди широких слоев населения, и было решено организовать на основе принятой резолюции Всероссийский союз медицинского персонала.

¹ Цитирую по книге «Пироговский съезд по борьбе с холерой», выпуск II, стр. 209—213, Москва, 1905 г.

В заключение принято было следующее постановление, выразившее отношение съезда к судьбе Максима Горького: «С глубокой скорбью узнавши о тяжком недуге, поразившем Максима Горького, недуге, в силу которого заключение его в Петропавловской крепости являлось покушением на убийство, и имея в виду возможность в будущем аналогичного наказания, которое явится уже для него смертной казнью, мы, врачи Пироговского съезда, заявляем, что мы не можем равнодушно смотреть, как на наших глазах погибает лучший сын нашей родины, давно сделавшийся великим гражданином всего мира, и требуем немедленного прекращения дела М. Горького и немедленного освобождения его от всякого преследования».

После оглашения этой резолюции и приветствий от многих общественных организаций, съезд был объявлен закрытым, но немедленно после него было открыто первое общее собрание союза медицинского персонала.

Съезд произвел большое впечатление среди медицинских работников и среди интеллигенции вообще. В заграничном органе «Вперед» (№ 15) появились две корреспонденции о съезде (авторы их не выявлены). Приведу выдержки из этих корреспонденций, написанных под свежим впечатлением от съезда. «Вы представляете себе: больше трех тысяч человек, часть которых, то есть врачи, собрались для того, чтобы обсуждать меры против холерной эпидемии, и которые единогласно принимают революционную программу. Вообще надо было видеть этот митинг: народу видимо-невидимо, стоят все так тесно, что яблоку упасть негде, воодушевление необыкновенное... Приветствие от студентов Пироговскому съезду заканчивалось возгласом: «Долой самодержавие!» Этот возглас был подхвачен единодушно всем собранием. Все встали, подняли руки, и долго величественный зал консерватории оглашался громкими, одушевленными криками: «Долой самодержавие!» Потом несколько человек крикнуло: «Да здравствует республика!» Собрание, хотя и не очень единодушно, поддержало этот возглас. После этого председатель Елпатьевский заявил, что съезд кончил свои работы и закрывается, но вместе с тем открывается собрание союза врачей. Один из врачей кратко развил программу эсеров и пригласил вступать в ряды этой партии для борьбы за демократическую республику, за землю и волю. Собрание наградило оратора рукоплесканиями. После него выступил врач социал-демократ (это был автор этой книги, — С. М.) и сказал приблизительно следующее: «В настоящее время на Кавказе, в Польше и в Прибалтийском крае идет сильное аграрное движение под знаменем социал-демократии. Городской пролетариат, как это показали события последних месяцев, принимает программу

социал-демократии. Движение растет с каждым днем и скоро разрастется в грозную силу, которая свергнет современный порядок. Свержение это ведь только и возможно путем организованного вооруженного натиска масс. Граждане врачи! Вы работаете среди народа, боретесь за его здоровье. Вы ясно убедились, что только широкие политические и социальные реформы могут способствовать улучшению этого здоровья.

В резолюции вы заявили себя убежденными демократами. Поэтому вполне естественны с вашей стороны сочувствие и поддержка социал-демократической партии. Наиболее сознательные из вас, конечно, станут всецело в ряды борцов за социал-демократические идеалы, за демократическую республику, за социализм. Приглашаю вас, товарищи, выразить сочувствие и приветствие Российской социал-демократической рабочей партии в ее упорной и стойкой борьбе за лучшее будущее».

Собрание сочувственно встретило слова оратора, все встали и дружно аплодировали. Было еще несколько речей. Собрание закрылось при криках: «Долой самодержавие!» и пении революционных песен. Одушевление публики трудно описать. В 1902 году в этом же зале восьмой Пироговский съезд закончился при звуках органа, исполнявшего «Боже, царя храни!» Недурной прогресс за три года! За время съезда усиленно распространялись прокламации. Многие говорили, что не верят, что это происходит на яву, что это не волшебный сон. Это говорили старики, горячо приветствуя ораторов».

К этому надо прибавить, что год тому назад девятому Пироговскому съезду не дали огласить публично свои скромные резолюции, где не было даже требования созыва народных представителей, а теперь принимается радикальная резолюция с определенно республиканским содержанием, раздаются возгласы — «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!» Социал-демократ призывает к вооруженному восстанию, и все это происходит на легальном съезде, и полиция не вмешивается.

После съезда были запросы со стороны администрации правлению о съезде, была сделана попытка привлечь виновников издания трудов съезда с вышеприведенной резолюцией, но все это было покрыто манифестом об амнистии в октябре 1905 года. Явно выявилась здесь растерянность и известная дезорганизация в действиях полиции под влиянием нараставшей революционной волны. Мы остались довольны результатом Пироговского съезда. Принята была резолюция, содержащая в основном нашу программу-минимум. Мы, конечно, не обманывали себя иллюзией, что все врачи стали социал-демократами, но все же принятие этой резолюции зна-

меновало значительный сдвиг влево в рядах интеллигенции и, кроме того, имело агитационное значение: резолюция была напечатана в общей прессе, обсуждалась в организациях медицинских работников, распространялась и комментировалась ими в деревнях. После съезда новые слои врачей стали оказывать нам содействие в работе.

Этот съезд был высшей точкой проявления радикализма среди врачей. Впоследствии, после манифеста 17 октября, началось более определенное размежевание по различным партиям, что особенно ясно выявилось через два года, на десятом Пироговском съезде весной 1907 года. На этом съезде в своем выступлении я употребил выражение — «кадетско-черносотенное большинство второй Государственной думы». Какой шум поднялся на собрании! Мне не давали говорить, эсер доктор Н. И. Долгополов, член Государственной думы, тащил меня за полы с кафедры. Расслоение зашло уже тогда далеко. Чем дальше, тем больше правели Пироговское общество и его съезды. Во время войны они были ярко оборонческими; в период от февраля до октября 1917 года они горячо поддерживали Временное правительство. После Октября правление Пироговского общества приняло резолюцию против Октябрьской революции, клеймило и помещало на черную доску фамилии врачей-большевиков. Общество влачило еще свое существование до 1925 года, когда оно было закрыто. Но в описываемое время Пироговское общество врачей переживало свою политическую весну и внесло известную лепту в революционное движение.

ГЛАВА VII

РЕШЕНИЕ ПАРТИЙНОГО ЦЕНТРА О ВЫХОДЕ БОЛЬШЕВИКОВ ИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЮЗОВ И ИЗ «СОЮЗА СОЮЗОВ». ВЫХОД НАШ ИЗ ЭТИХ СОЮЗОВ. ДАЛЬНЕЙШЕЕ НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ЭТИМ СОЮЗАМ

В конце апреля, когда большинство профессионально-политических союзов интеллигенции и служащих уже организовались и подготавливался съезд и организация «Союза союзов», состоялось постановление нашего российского партийного центра о том, что социал-демократам нельзя состоять членами этих союзов, так как эти союзы имеют свою политическую платформу, не во всем совпадающую с программой нашей партии, а потому участие в политических организациях, имеющих разные политические платформы, означало как бы участие в двух партиях, а это недопустимо. Это, конечно, было правильно; мы сделали свое дело: толкнули эти союзы по возможности влево, популяризировали свою программу и тактику

в новых, еще мало затронутых политикой слоях, завербовали в свою партию ряд членов и сочувствующих. Политические организации интеллигенции и служащих сформировались, но по своему классовому составу они не могли целиком встать в ряды передового пролетариата; они образовали промежуточные организации, колеблющиеся между либералами и эсерами; мы должны были отсюда уйти, чтобы сохранить ясность и четкость своих партийных установок. Но это постановление вызвало все же много дебатов в нашей лекторской группе. Все признавали принципиальную правильность постановления, но не все были согласны, что именно теперь настал момент выхода, находя, что наше участие в данный момент еще полезно и что без нас союзы отшатнутся вправо и подвергнутся большому влиянию либералов и эсеров. Разногласия по этому вопросу, подобные нашим, были и в других местах, о чем появились отклики в №№ 15 и 17 «Пролетария» (в сентябре). Руководящая статья Ленина и Воровского о недопустимости участия социал-демократов в профессионально-политических союзах появилась только в сентябре, в № 18 «Пролетария»¹, когда вопрос был уже давно решен. в этом духе и мы еще в начале мая по директиве Московского комитета решили выйти из союзов и объявить об этом декларативно на предстоящем учредительном съезде «Союза союзов».

Съезд состоялся в Москве 8—9 мая в доме В. А. Морозовой, на Воздвиженке. Собралось двести — двести пятьдесят представителей четырнадцати профессионально-политических союзов. Я был на этом съезде в числе представителей союза медицинских работников. Председателем съезда был выбран матерый либерал профессор П. Н. Милюков, в будущем лидер конституционно-демократической (кадетской) партии. Выборы председателя и ознакомление наше с настроениями более правых союзов, как-то союза профессоров, инженеров, адвокатов, воочию показало нам, что участвовать нам с ними в одной политической организации невозможно, и наша социал-демократическая фракция единодушно примкнула к проекту декларации, подготовленному лекторской группой и одобренному МК. Мы огласили ее и не вошли в образовавшийся на этом съезде «Союз союзов».

Но наша работа среди интеллигенции на этом не окончилась; мы продолжали выступать на собраниях интеллигенции, нас приглашали иногда на съезды союзов, как гостей; мы пользовались этими съездами, чтобы выступать от имени партии, агитировать за нашу программу и тактику. Кроме того, мы организовывали группы сочувствующих в разных слоях интеллигенции.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 230—231.

ГЛАВА VIII

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ В ФЕВРАЛЕ—АПРЕЛЕ. СТРУКТУРА МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УСЛОВИЯ ЕЕ РАБОТЫ

Я более подробно остановился на работе среди интеллигенции не потому, чтобы я считал ее особо важной, а потому, что она мало освещена в мемуарной литературе и потому что я принимал в ней по поручению партии ближайшее участие.

Но, конечно, главная работа нашей партии сосредоточивалась на работе среди пролетарских масс. В этот период МК развивал в этом направлении огромную энергию. Наша лекторская группа принимала посильное участие в этой работе. Некоторые члены группы работали в коллегии пропагандистов, подготавливая пропагандистов-студентов для работы среди рабочих; некоторые вели более квалифицированные рабочие кружки; другие принимали участие в организации профессиональных союзов; литераторы писали прокламации или статьи для нелегальной газеты «Голос труда». Я работал в этот период преимущественно по организации профсоюзов в «Музее содействия труду», но я был в курсе работы МК. Я часто виделся с Шанцером, который мне говорил об успехах в работе и ее размахе, знал я и других членов МК; один из них «Семен Петрович», ответственный организатор Пресненско-Хамовнического района, жил у меня нелегально в марте и апреле; он мне рассказывал о своих связях среди рабочих, об их настроениях. У меня на квартире МК собирался несколько раз; в лекторской группе представитель МК делал время от времени доклады о ходе работы.

Московский комитет был в этот период организован на основах, изложенных в знаменитой работе Ленина «Что делать?» Он строился сверху: ядро комитета подбиралось Центральным комитетом, оно расширялось и пополнялось путем кооптации; не было никаких выборов, совершенно невозможных в условиях подполья и строгой конспирации. Принцип этот вполне оправдал себя в работе МК в 1905 году; ему удалось развернуть огромную работу, а за весь 1905 год не было ни одного провала МК, как целого; отдельные члены арестовывались только по случайным поводам и затем скоро освобождались; в его ряды не смог проникнуть ни один провокатор, и состав МК за 1905 год был, в общем, очень постоянен и только расширялся путем кооптации, в связи с увеличением размаха работы, появлением новых функций. В марте—апреле МК состоял из девяти-десяти человек: секретарь, ответственный пропагандист и ответственные организаторы районов, которых было семь: Пресненский, Замоскворецкий, Рогожско-Лефортовский, Бутырский, Железнодорожный, из

которого в апреле выделился Сокольнический, и Окружной. Впоследствии выделились Городской и Лефортовский районы. Летом Окружной район выделился из МК; образовался особый Московский окружной комитет. Летом же, ввиду усиления агитационной работы, был введен в комитет ответственный агитатор, который ведал постановкой агитации; позже, с организацией боевых дружин и работы среди войск, были введены в комитет боевой и военный организаторы, так что состав комитета все расширялся, и в период октября — декабря в состав его входило более двадцати человек.

Секретарь МК ведал всей технической частью работы комитета: он созывал комитет, подготавливал для этого квартиры, ведал финансами организации и «техникой» комитета, то есть нелегальными типографиями, складами и распространением литературы; в его руках были связи и сношения с другими городами и организациями. В распоряжении секретаря был небольшой аппарат: два-три помощника, большей частью студенты, и финансовая комиссия, с которой он был тесно связан через своих помощников. С лекторской группой он обычно поддерживал связь лично. «Техникой» секретарь ведал через ответственного техника, который уже непосредственно заведывал ею. Сношения с «техником» были особенно конспиративны и происходили на особых явках. Секретарь ежедневно вел прием посетителей на явках, квартира для которых каждый день менялась. Явки устраивались на квартирах врачей, адвокатов и особенно часто зубных врачей. Сочувствующий адвокат или врач предоставлял на известные дни и часы свои кабинеты и приемные для этих явок. В период большого размаха работы, летом и осенью пятого года, явки кишмя кишели посетителями — местными, приезжими и проезжими. Организация цепи явок, по которым добирался посетитель до секретаря, являлась делом сложным и требовала от секретаря и его помощников большой и четкой работы.

Ответственный организатор района отвечал за работу своего района; назначался, смещался и перемещался комитетом. Он подбирал районный комитет, руководителем которого он и являлся; кроме него, районный комитет состоял из секретаря, исполнявшего главным образом технические функции, пропагандиста, возглавлявшего пропагандистский коллектив, и организаторов подрайонов, которых было в районе от двух до пяти. Впоследствии, с лета, когда начали организовываться в районах боевые дружины, в комитет входил еще боевой организатор.

Низовой ячейкой организации являлся фабрично-заводской комитет, который формировался организатором подрайона или района из наиболее сознательных и преданных рабочих данного предприятия. Он состоял из трех-пяти, иногда несколько

большого числа членов. Вокруг него группировались рабочие члены партии, входившие в пропагандистские кружки или в боевую дружину района или данного предприятия. Их было до лета немного — от трех до двадцати человек на предприятии; с лета, а особенно с сентября, число организованных рабочих стало расти, но все же они составляли небольшое меньшинство фабрики или завода, преимущественно молодежь. Вокруг организованных рабочих группировалось в свою очередь уже более значительное количество сочувствующих — «наших парней», как их тогда называли. Они-то, возглавляемые членами партии, и составляли ядро — во время забастовок, демонстраций, фабричных митингов.

МК до третьего съезда, то есть когда большевики и меньшевики формально входили в одну партийную организацию, был большевистским. Меньшевики не играли в Москве в это время сколько-нибудь значительной роли. Они и до съезда фактически группировались отдельно, но не имели оформленной организации, использовывались иногда в качестве пропагандистов в наших кружках, иногда они создавали свои рабочие кружки, но своих заводских комитетов не организовывали; больше работали они в профессиональных и в студенческих организациях. После третьего съезда, в начале мая, меньшевики образовали свою отдельную общемосковскую организацию и приняли название «Московская группа РС-ДРП», но и после этого их влияние среди московских рабочих было значительно слабее, чем влияние большевиков.

Эсеры в течение всего 1905 года не имели сколько-нибудь значительных связей среди московских рабочих. Они работали преимущественно среди студенчества и в профессионально-политических союзах — интеллигенции и служащих.

Повторяю: огромную работу развил наш большевистский Московский комитет в 1905 году. В этот период (февраль — апрель) он ставил своей задачей завести связи на каждом заводе, в каждой фабрике, мастерской; иметь на каждом сколько-нибудь значительном предприятии заводский комитет, который должен был руководить экономической борьбой пролетариата, стараясь связать ее с политической.

В Москве, после январской волны стачек, подъем в рабочей массе не прекращался: на всех предприятиях шло брожение, вырабатывались требования, подготавливались новые забастовки. Интерес рабочих к политике сильно возрос, наплыв рабочих в кружки увеличился.

Этот подъем сказался тотчас же на зубатовских собраниях, где посылались совсем другие речи. Московский комитет обратил внимание на использование зубатовских собраний для революционной агитации. Такие попытки делались и раньше; так, еще в начале возникновения зубатовских организаций

революционно настроенные рабочие пытались выступать на них, но всякая попытка к такому выступлению встречала резкий отпор со стороны руководства и влекла за собой арест выступавшего, так что тогда эти попытки были оставлены. Возобновились они с большим успехом во время общего оживления — политической «весны» конца 1904 года. Но тогда эти выступления были случайны, несистематичны. После январской забастовки эти собрания стали систематически использоваться, туда направлялись лучшие агитаторы; особым успехом пользовались там молодые рабочие агитаторы, подготовленные заранее к таким выступлениям в кружках. В январе—феврале 1905 года зубатовским руководителям становилось все труднее удерживать свою аудиторию в прежних рамках. Редкое собрание зубатовцев обходилось теперь без скандала; в чайных и Народных домах летели стулья, шли стычки, изгонялись шпики и ораторы-зубатовцы. Около наших ораторов группировалась сочувствующая рабочая молодежь, из среды ее организовывались новые пропагандистские кружки, число которых стало сильно расти.

Требования на нелегальную литературу тоже сильно повышались, а ее вначале было очень мало: из-за границы почти ничего не получалось, да и внутреннее производство в России было слабо.

Еще в конце 1904 года в Москве образовалась автономная группа для издания рабочей газеты «Голос труда». Автономной она была потому, что не хотела организационно тесно связаться с Московским комитетом ввиду частых его провалов в прошлом. Эта группа использовала для печатания газеты подпольную типографию в Ржеве, о которой я уже говорил в первой части. Впоследствии «Голос труда» стал официальным органом МК; он пользовался большой популярностью среди рабочих.

Для печатания листовок в феврале была поставлена комитетом типография в Москве. В последующие месяцы нелегальное издательское дело комитета расширялось: стали печатать не только листовки, но и брошюры. Интересно отметить, что за 1905 год не провалилась в Москве, кажется, ни одна типография, тогда как раньше не могла быть поставлена не только типография, но проваливалась быстро и работа на mimeографах и гектографах. Изменились полицейские условия.

В чем же причина этого изменения? Когда в революционном движении участвовали десятки лиц, то за ними было легко следить и организовать среди них провокацию, но когда в движение вовлечены тысячи, то уследить за ними гораздо труднее. Да и обыватель был раньше индифферентен или даже враждебен к революции; теперь сочувствие к революции стало охватывать широкие массы интеллигенции, служа-

щих, обывателей. Легче стало находить квартиры для собраний, явок, складов, типографий. Сочувствие к революции стало проникать даже в среду дворников, швейцаров и даже полицейских. Они уже не так усердно следили и доносили, а иногда и оказывали содействие. Полиция растерялась.

Начальник московского охранного отделения Петерсон подал в феврале 1905 года в департамент полиции докладную записку, в которой он пишет: «Оппозиционное и революционное движение охватило все слои общества: земство, дворянство, учащуюся молодежь, рабочих; среди крестьян революционеры намерены также повести усиленную агитацию с целью поджога помещичьих усадеб и уничтожения их владельцев, и даже «мелкая буржуазия» и так называемый «черный народ», находившиеся до сих пор в состоянии безразличном к явлениям государственной жизни, в настоящее время тревожно прислушиваются к охватившему всех возбуждению: повсюду — в лавках, трактирах, на базарах — только и разговору, что о забастовках, политических убийствах, демонстрациях и т. п.

Наличность всего вышеизложенного заставляет признать данный момент безусловно опасным с точки зрения охранения существующего государственного порядка и общественного спокойствия, и те исключительно полицейские средства, каковы в настоящее время существуют для борьбы с ежечасно растущим революционным движением, — безусловно недостаточны. И охранник считает необходимым для парализования революционного движения привлечь умеренные общественные элементы к участию в законодательной работе, то есть высказывается за конституцию, а чтобы «отнять из рук революционеров рабочую и крестьянскую массу, надо принять меры к обсуждению их насущных потребностей и к немедленному проведению в жизнь выработанных положений по улучшению их быта»¹. Предложения для охранника недурные! Далеко, значит, зашло революционное движение!

ГЛАВА IX

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ФЕВРАЛЕ—АПРЕЛЕ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАЧКА В ФЕВРАЛЕ. ТЯГА РАБОЧИХ В ПРОФСОЮЗЫ. МОЯ РАБОТА В «МУЗЕЕ СОДЕЙСТВИЯ ТРУДУ». СТАЧКА БУЛОЧНИКОВ

После стачечной волны в январе в Москве идет стачечное движение, то вспыхивающее на отдельной фабрике, то охватывающее группу предприятий.

¹ Доклад Петерсона см. в книге Меньшикова «Охрана и революция», ч. III, стр. 171—172.

В начале февраля вспыхнули частичные забастовки на Московском железнодорожном узле. Забастовали телеграфисты на Казанской дороге, к ним присоединились служащие Управления и машинисты. Прекратилось регулярное движение поездов на несколько дней. Были частичные забастовки, и шло брожение и на других дорогах, но общей, дружной забастовки не вышло. Организация была еще слаба, и все же предъявленные требования были частично удовлетворены. МК принял деятельное участие в организации этой забастовки. В результате ее созданся нелегальный «Союз железнодорожных служащих Московского узла» при МК партии. Союз этот существовал и действовал независимо от профессионально-политического железнодорожного союза, о котором я выше упоминал, но входил в деловые соглашения с ним во время стачек.

По окончании февральской забастовки МК выпустил прокламацию, которая оканчивалась так:

«Наши требования не могут быть удовлетворены до тех пор, пока самодержавие не будет уничтожено и заменено другим социально-политическим порядком, наиболее соответствующим нашим интересам. Присоединяясь, однако, к общей современной борьбе против самодержавия, мы должны примыкать к определенной революционной партии. Для нас выбор партии не может быть трудным. Железнодорожные служащие по своему социально-экономическому положению принадлежат к великой семье пролетариата, они не имеют собственности и добывают средства к существованию продажей своей рабочей силы капиталу, хозяевам железнодорожных предприятий. А если так, то российская социал-демократическая партия, партия пролетариата, есть наша партия, и мы должны присоединиться к ее программе и организации. В единении с этой партией мы, железнодорожные служащие, можем оказать огромную поддержку делу освобождения народа. В момент восстания забастовка на железных дорогах парализует действия правительства. Подавляя народные волнения, оно захочет рассылать повсюду войска, а богатые помещики поспешат сдавать на железные дороги свой награбленный хлеб, спасая его от народного захвата и раздела между голодными.

Будем же готовить свои силы — к такой забастовке, будем готовиться к восстанию, и тогда общими силами низвергнем проклятое иго убийц и грабителей, с коронованным злодеем Николаем кровавым во главе. На развалинах самодержавия мы поможем пролетарской партии создать демократическую республику на основе всеобщего, прямого, тайного и равного голосования. Только такая республика обеспечит нам возможность дальнейшей борьбы за полное освобождение труда от эксплуатации капиталом — за социализм.

За дело, товарищи! Примыкая к партии, организуйте свои силы, и под ее знаменем мы будем непобедимы. Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!

Союз железнодорожных служащих Московского узла при Московском комитете Российской социал-демократической рабочей партии.

Железнодорожная забастовка произвела в Москве сильное впечатление и послужила толчком к дальнейшему брожению среди московских рабочих. Все новые и новые пролетарские слои втягивались в движение. Вот, что писал об этом в газете «Вперед» (№ 10 от 2 марта 1905 г.) Бонч-Бруевич под свежим впечатлением:

«Самые отсталые, неподвижные слои пролетариата почувствовали непреодолимое стремление к организации своих сил. Несмотря на все запрещения, они устраивают повсюду свои заседания, свои совещания, вырабатывают свои требования, подают заявления хозяевам и прибавляют неизменно: «Ежели не удовлетворите — забастуем». И бастуют... И их удовлетворяют, несмотря на затишье в торговле, на полный кризис денежного рынка, на огромный застой на фабриках и заводах.

Но почему так легко удовлетворяют теперь требования даже самого отсталого и неорганизованного пролетариата все наши отечественные Кит Китычи, правительственные и другие учреждения? Почему не слышно окрика: «Пока не станете на работу, с вами и говорить не хотим!» По той простой причине, что под этими якобы «чисто экономическими требованиями», — само собой разумеется, вполне законными и вполне желательными, — кроется огромная политическая угроза. Обратили ли вы внимание, что в очень многих заявлениях чисто экономического содержания сказано, что просят удовлетворить ходатайство как можно скорее, «ввиду возбужденного состояния умов». И ходатайства удовлетворяются «как можно скорее», ибо и наши отечественные головотяпы различных министерств поняли, что Россия вознесена на кратер вулкана, который может начать могуче действовать каждую минуту, и что сегодня совершенно нельзя сказать, что будет завтра».

Легальным подсобным центром этого забастовочного и профессионального движения являлся «Музей содействия труду» при Техническом обществе. Это общество снимало помещение в доме Хлудова, на углу Рождественки и Театрального проезда. Это здание теперь занимает Народный комиссариат коммунального хозяйства. Собственно говоря, никакого музея там не было, а была особая комиссия содействия труду, которая занималась изучением условий труда в москво-

ских промышленных заведений и оказывала юридическую помощь рабочим, потерпевшим увечия. При ней была особая санитарно-гигиеническая секция, которая изучала гигиенические условия труда и давала медицинскую экспертизу увечным.

Председателем «Музея» был «внефракционный» социал-демократ, присяжный поверенный (адвокат) Н. К. Муравьев, а его заместителем — наш товарищ, член лекторской группы М. Г. Лунц. Председателем санитарной секции был беспартийный врач Павел Иванович Кедров. В этот «Музей содействия труду» ходили много рабочих за юридическим советом или для получения медицинской экспертизы, их принимали молодые адвокаты (помощники присяжных поверенных), а по медицинской линии там бесменно сидел доктор Кедров; труд этих работников был бесплатный, так сказать в порядке общественной работы.

После январских событий усилился наплыв рабочих в «Музей», у них появились более широкие запросы: помочь им выработать и формулировать требования, которые они хотят предъявить хозяину; помочь им организовать профессиональные союзы, выработать устав союза. Этим сейчас же воспользовались партийные организации в целях своего воздействия на обращающихся в «Музей» рабочих. Появились там большевики, меньшевики, эсеры. Последние являлись спорадически, на большие собрания, и мало участвовали в повседневной организационной работе. Меньшевики же довольно упорно занялись этой работой. Был такой правый меньшевик «экономист», по кличке «Андрей Андреевич» (Евдокимов): он бывал там ежедневно, бывали там и другие меньшевики. Из большевиков бывали там Лунц, Скворцов-Степанов, доктор Геллер, С. Я. Цейтлин, я и еще некоторые.

В это время у рабочих проявилась большая тяга к организации профсоюзов. Многие московские рабочие участвовали до сих пор в зубатовских профессиональных организациях, но к этому времени престиж зубатовских союзов стал резко падать, рабочие стали стремиться к организации классовых союзов. Интересно отметить, что приходили иногда прежние активные зубатовцы, имевшие уже опыт по организации союзов и понявшие ложь зубатовщины, теперь искренне раскаившиеся и желающие работать в свободных рабочих союзах. Они стыдились своего участия в зубатовских организациях, и не все охотно в этом сознавались.

Мы, большевики, старались при организации профсоюзов связать их возможно ближе с нашей партийной организацией, против чего возражали меньшевики, настаивая на «нейтральности» профсоюзов. Я остановлюсь более подробно на этих разногласиях, когда буду говорить о профдвижении в период его большого подъема в сентябре—декабре, а теперь расска-

жу вкратце о технике нашей работы в «Музее». Обычно приходила небольшая группа рабочих, скажем, булочников. Хотим, говорят, образовать союз, выработать его устав и предъявить хозяевам требования об улучшении нашего положения. Начинаем расспрашивать об условиях труда, продолжительности рабочего дня, о заработной плате и т. д. Записываем. При беседе говорим: чтобы достигнуть прочных результатов в борьбе с хозяевами, надо добиться полной легальности союза, свободы пропаганды, а при самодержавном режиме этого сделать нельзя; значит, надо не ограничиваться только борьбой с хозяевами, но надо готовиться к борьбе с правительством, под руководством партии пролетариата. Конечно, все это говорилось не сразу, не в первой беседе, а постепенно, в течение ряда бесед. Расспрашиваем их, кого из рабочих они еще знают из других заведений, к которым бы можно обратиться, чтобы и их привлечь в союз. Они называют нескольких знакомых. Посылаем им повестки от «Музея», чтобы явились в назначенный день «для выяснения санитарных условий труда». Они являются, с ними ведется подобная же беседа, они называют еще товарищей из других предприятий; таким образом заводится связь со многими предприятиями. На известной ступени развития организации вырабатываются и предъявляются хозяевам требования; они хозяевами частично удовлетворяются, или получается отказ; тогда начинается забастовка. В течение марта—апреля приходили булочники, официанты, приказчики, рабочие и служащие предприятий, находящихся в ведении московской городской думы (конки, трамвая, водопровода, освещения и т. п.), ломовые извозчики, текстильщики и др.

Особенно большое движение возникло в марте среди булочников, которые работали в очень тяжелых условиях и теперь впервые вступали в организацию и борьбу.

Весь март шли подготовительные собрания в «Музее», сначала в узком составе инициативной группы; для более широкого слоя рабочих в это время читались доклады. Помню один доклад Лунца о фабричном законодательстве в России, прочитанном им в середине марта в аудитории «Музея». Небольшая аудитория была набита доотказа, было человек до четырехсот. Скворцов-Степанов, бывший тоже на этом докладе, пишет в своих воспоминаниях: «Кто был на этом заседании, у того никогда не изгладятся воспоминания о нем: сплошная масса слушателей, нельзя поднять руку, чтобы вытереть пот, нечем дышать. Но все жадно слушают, не пропускают ни одного слова лектора, который ясно, просто и глубоко вскрывает основные пружины фабричного законодательства и замысла «полицейского социализма». Докладчик закончил свою речь возгласом: «Да здравствует рабочая демократия!»

После доклада были прения, выступало много рабочих, говоривших об условиях своего труда; выступал Скворцов-Степанов с речью о профессиональном движении на Западе, выступал я, говорил о необходимости свержения самодержавия. Подъем настроения у слушателей был большой. На следующих собраниях, также очень многолюдных, были выработаны требования булочников—о введении восьмичасового рабочего дня, об увеличении заработной платы, об отмене обысков и пр.

Московским комитетом партии была отпечатана прокламация с этими требованиями; прокламация заканчивалась такими словами:

«Хозяева должны устроить общее собрание булочников 8 и 9 апреля и этому собранию представить свой ответ на выставленные требования. Если же они оставят нас без ответа или ответят отказом удовлетворить наши требования, то мы объявляем всеобщую стачку булочников города Москвы 9 апреля.

Союз московских булочников».

В делах московского охранного отделения имеется любопытное донесение пристава второго участка Тверской части от 14 апреля о подготовке к этой стачке, написанное со слов одного рабочего, участника этой подготовки, очевидно полицейского информатора: «Около месяца тому назад в доме Хлудова, на Рождественке, были собрания булочников. Музей содействия труду разослал повестки булочникам, где написано: «Приглашают булочников для выяснения гигиенических условий их жизни...» За столом сидели три доктора. Доктора и техники предлагали вопросы, в каких условиях живут булочники, какие у них спальни, какая чистота, есть ли вентиляция, сколько получают жалования, не работают ли на посторонних работах и т. п. Хлебники говорили свое, булочники свое, также бараночники и калашники, вообще все разбилась на группы, и каждая группа говорила о своем быте и нуждах докторам. Все это доктора записывали. На втором собрании в этом же доме говорилось исключительно о жаловании, но на этом собрании еще ничего не было выработано определенного. На третьем собрании доктора прочитали результат заявлений об улучшении быта по группам, и рабочие стали требовать, чтобы выработанные правила предъявить хозяевам немедленно перед пасхой, на что все согласилось. Через шесть дней по спальням обильно раздавались прокламации, в которых подробно были изложены те требования, которые были выработаны на этих собраниях»¹.

¹ Документ заимствую из книги «Московское профессиональное движение в годы первой революции», стр. 194, изд. МГСПС, 1926 г.

Эти требования были предъявлены хозяевам перед пасхой, хозяева согласились сделать лишь мелкие уступки, которые не удовлетворили рабочих, и 8 апреля забастовали булочники в самой крупной московской пекарне Филиппова, а за ними 9 апреля забастовка охватила все булочные и пекарни (около ста) Москвы. Забастовка эта хорошо описана Бонч-Бруевичем в его корреспонденции, помещенной в № 17 «Вперед». Приведу здесь выдержки из нее:

«Провозглашенная местным комитетом Российской социал-демократической рабочей партии всеобщая стачка булочников неудержимым сильным потоком, с небывалым воодушевлением разлилась вчера (9 апреля) по Москве. Булочные закрывались одна за другой. Рабочие высыпали на улицу. Горожане бросились закупать хлеб. Булочные осаждались народом. Рабочие в разных направлениях двинулись по городу, закрывая те булочные, которые еще продолжали работать. Некоторые булочные не хотели добровольно закрыться, — их разбили. Пройдя значительной толпой по Тверскому бульвару, булочники переулками проникли на Кузнецкий мост, этот центр движения Москвы, и весело и лихо прошли по нему, в такт притоptyвая ногами. От этой смелой поступи вышедшего на улицы пролетариата в страхе и трепете бежала во все стороны «чистая публика». Магазины спешно закрывались. Полиция выставила усиленные наряды и патрули.

Сегодня с раннего утра я отправился в обход центра Москвы. Все эти Савостьяновы, Филипповы и Виноградовы были закрыты, двери заперты, а у ворот везде толпятся рабочие-булочники. Выйдя массами на улицы, они вдруг показали всем свою ужасную нищету. Сегодня воскресенье, и они резко выделяются своими лохмотьями. Землистого, мертвенно-серого цвета, их лица носят тяжелую печать подвальной жизни, жестокой эксплуатации, нужды и невзгоды. Но теперь на этих серых лицах ясно видны решимость и твердость. Им нужно бороться, так как им нужно жить.

Москва перепугана. Точно из-под земли выросло бесконечное количество полиции, дворников, пожарных, жандармов и казаков; конные разъезды грохочут по городу, но впечатления не производят. Повсюду видны кучки рабочих по пятьдесят-сто человек. Среди них выделяются свои ораторы, которые ободряют товарищей, разъясняют им их положение. Все объединились. Товарищами стали и стар и млад, и пекаря и ученики. Полиция разгоняет рабочих, но нельзя же разогнать всю Москву! Разогнали здесь — через сто шагов собрались вновь.

Молодежь с отвагой и пылкостью увлекает, зовет всех рабочих, и с каждым часом улицы Москвы становятся оживленней. Булочников окружают другие рабочие и расспрашивают

об их положении, об их требованиях. Десятки тысяч народа появились на улицах. Заметно сильное возбуждение. Стачка булочников ударила по нервам всех москвичей. Все слои общества всколыхнулись. Момент выбран очень удачно. Капиталисты жмутся и терпят громадные убытки. Некоторые пошли уже на уступки. Филиппов предложил увеличить заработную плату в полтора раза. Рабочие отказались, требуя исполнения всех предъявленных требований.

Значение Московского комитета нашей партии сильно возросло. Всех поразила точность исполнения данного предостережения: никто не верил, что стачка состоится. Она грянула сразу, дружно и организованно, грянула, как и было заявлено, 9 апреля. Забастовало пятнадцать тысяч человек».

Забастовка продолжалась всего два дня и окончилась большой победой рабочих. Заработная плата в отдельных булочных была повышена на тридцать-пятьдесят процентов, рабочий день сокращен до девяти часов, сделан был еще ряд уступок.

Профессиональные союзы организовывались в этот период в ряде профессий. Но при условиях нелегальности они не приобрели прочности и устойчивости, не имели массы членов. Это были скорее стачечные комитеты, инициативные группы, в которые входили наиболее активные работники. Эти группы руководили забастовками и послужили ядром, вокруг которого сорганизовались в период октября — декабря, в так называемые «дни свободы», и в период 1906—1907 годов уже настоящие профессиональные союзы, с выбранным правлением, с массой членов, платящих взносы, со своей квартирой для работы правления или бюро.

Среди некоторых руководящих работников и среди некоторых рабочих встречалась в то время недооценка работы в профсоюзах. Говорили, что это отвлекает от революционной работы в узком смысле этого слова, от подготовки к вооруженному восстанию. Но, конечно, это совершенно неправильно. Ленин неоднократно указывал на неправильность противопоставления задачи восстания задаче руководства профессиональной борьбой. Он писал, что «Надо не сторониться (от работы в профессиональных союзах, — С. М.)... а стремиться участвовать, влиять и т. д. Ведь есть особый слой рабочих, пожилых, семейных, которые страшно мало дают в политической борьбе теперь, но очень много в профессиональной. Надо этот слой использовать, направляя лишь его шаги в этой области»¹. Тем, что большевики в то время не всегда уделяли достаточно внимания черновой работе по организации профсоюзов, пользовались меньшевики, усердно ра-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 287.

ботавшие в это время в профессиональных союзах: они-то как раз и отвлекали рабочих, подпадавших под их влияние, от подлинной революционной борьбы.

Подводя итог этому периоду — от января до мая 1905 года — следует отметить очень большие успехи революционного движения. 9 января дало сильнейший толчок, разбудило массы, революционное брожение охватило самые широкие слои народа — от самых отсталых слоев рабочих и мелкой буржуазии до высших слоев интеллигенции; проявилось неудержимое стремление организовать в политические партии, в интеллигентские профессионально-политические союзы, в рабочие профессиональные союзы. Наша московская партийная организация за это время очень выросла, окрепла, завела обширные связи в рабочей массе и среди разнообразных интеллигентских прослоек; ее авторитет и влияние чрезвычайно выросли.

Третий партийный съезд, состоявшийся в Лондоне (12—27 апреля ст. стиля), дал четкие политические установки, тактические директивы и оформленную большевистскую партийную организацию.

Эти месяцы все мы жили в очень приподнятом настроении, кипели в лихорадочной работе; видя успехи революционного движения, мы были окрылены надеждой на близкую и победоносную революцию.

ГЛАВА X

ТРЕТИЙ СЪЕЗД ПАРТИИ И ЕГО ОТКЛИКИ В МОСКВЕ

Я уже упоминал, что в феврале, после провала примиренческо-меньшевистского Центрального комитета социал-демократической партии, образовался из «Бюро комитетов большинства» и двух оставшихся на свободе членов ЦК организационный комитет для созыва третьего партийного съезда. От середины февраля до начала апреля шла подготовка к съезду. Большевики были против созыва съезда, и в тех городах, где они имели преобладающее влияние, с ними приходилось вести борьбу по этому вопросу.

В Москве, где меньшевики в это время не имели значительного влияния, не было и особой борьбы за съезд. Большевистский по составу комитет выбрал делегата и послал его на съезд, как это тогда делалось, ввиду необходимости особой конспиративности в этом деле. Периферия организации не знала имени делегата.

Идеологическая подготовка к съезду велась нашим большевистским органом «Вперед», руководимым Лениным. В ряде

статей Ленина, Воровского, Ольминского были даны тактические установки в нарастающей революции. Вопрос о вооруженном восстании, временном правительстве, об отношении к крестьянству, об отношении к другим партиям — все это было освещено в ряде статей. Мы в наших выступлениях и докладах проводили его установки и директивы. С большим волнением ждали мы результатов съезда.

В начале мая в Москве в народном училище на Миусской площади состоялся доклад для партийного актива. Присутствовало человек сто пятьдесят. Доклад произвел большое впечатление (не помню, кто был докладчиком). Мы узнали, что двадцать девять комитетов послали на съезд делегатов. Почти все делегаты прибыли за границу, что показывает большую конспиративность выборов и хорошую организацию съезда. Делегаты от двадцати комитетов отправились в Лондон на съезд, а от девяти — поехали в Женеву и там приняли участие в конференции меньшевиков, организованной меньшевистской «Искрой». Таким образом съезд оказался целиком большевистским. Наученный опытом второго съезда, этот съезд создал единый центр — Центральный комитет, которому подчинен центральный орган партии. Съезд вынес ряд важнейших резолюций по вопросам стратегии и тактики революции. Съезд постановил, что, несмотря на буржуазный характер происходящей революции, в ее полной победе заинтересован прежде всего пролетариат, потому что она дала бы пролетариату возможность организовать и перейти от революции буржуазной к революции социалистической. Эту тактику пролетариата может поддержать только крестьянство, которому только победоносная демократическая революция поможет разделаться с помещиками и получить помещичьи земли.

Либеральная буржуазия боится полной победы революции, она стремится к сделке с царской властью, которая ей нужна для обуздания рабочих. Революция может одержать полную победу только в том случае, если ее возглавит пролетариат, поддерживая связь с крестьянством и изолируя буржуазию. Если в результате победы революции будет создано временное революционное правительство, то социал-демократия не откажется при известных условиях войти в него, чтобы довести революцию до конца. Съезд взял определенный курс на вооруженное восстание и на организационную его подготовку, решено было «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым...»¹.

Съезд постановил, что, наряду с сохранением и развитием своего конспиративного аппарата, партия должна использовать

¹ Из резолюций третьего съезда партии.

все легальные и полуполегалыные рабочие общества, союзы и другие организации для превращения их в опорные пункты для будущей открытой пролетарской партии и для открытых публичных выступлений, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства.

По отношению к крестьянству съезд постановил, что социал-демократическая партия должна оказывать самую энергичную поддержку всем революционным мероприятиям крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, монастырских и удельных земель и организации на местах революционных комитетов. Словом, съезд взял решительный курс на борьбу за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

Окрыленные расходились мы с этого собрания, с сознанием, что отныне мы имеем оформленную большевистскую партию со своим Центральным комитетом и центральным органом «Пролетарий», с твердой и определенной платформой в грядущей революции.

Меньшевики на Женевской конференции организовались отдельно, но сохранили тоже название партии. В городах, где уже были большевистские комитеты, они решили организовывать «группы РС-ДРП», таковая группа вскоре после съезда образовалась и в Москве. Меньшевики на своей конференции в Женеве приняли резолюцию, смысл которой в том, что революция наша буржуазная и вождем революции может быть только либеральная буржуазия, на союз с которой и надо держать курс, а не на союз с крестьянством, при этом не надо пугать буржуазию революционностью своих требований, иначе она может испугаться и отшатнуться от революции, а это ослабит революцию.

Вот основное различие тактики большевиков и меньшевиков во время первой революции. Вокруг этого вопроса и шли дискуссии между большевиками и меньшевиками в течение 1905 года.

Резолюции меньшевистской конференции были подвергнуты разбору и критике Лениным в его знаменитой брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции»¹.

Состав выбранного на съезде ЦК остался для нас тогда неизвестен. Мы знали только, что постоянное его пребывание — в Петербурге, что Ленин остался за границей в качестве ответственного редактора центрального органа партии «Пролетарий», заменившего досъездовский орган «Вперед». Мы знали также, что представителем нового ЦК в Москве назначен Шанцер.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 27—126.

НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ МАЙ—АВГУСТ 1905 ГОДА

ГЛАВА XI

ПЕРВОЕ МАЯ. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ЛЕТА. МАС-
СОВКИ. ОБЩЕГОРОДСКАЯ ПАРТИННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. ЛЕТУ-
ЧЕЕ МИТИНГИ. АГИТАЦИЯ ЗА БОЙКОТ
БУЛЫГИНСКОЙ ДУМЫ

В этом году Первое мая совпало с воскресеньем, так что работ на фабриках и заводах не было. Работали только предприятия, в которых работа не прерывалась по праздникам, как-то: булочные, типографии, железные дороги и т. п. Московский комитет партии решил призвать рабочих этих заведений бросить работы в этот день и звал всех рабочих на загородные массовки. От призыва к уличной демонстрации, во избежание массовых расстрелов, решено было отказаться.

Перед Первым мая было выпущено комитетом несколько печатных прокламаций в большом количестве экземпляров. Были случаи расклейки их на улицах. Две из этих прокламаций лежат сейчас передо мной. Они сохранились у меня из моего склада того времени. Когда я уезжал из Москвы осенью 1906 года, я передал на хранение остатки склада доктору Апирьяну, и он сохранил их до революции и возвратил их мне. Обе прокламации подписаны «Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии» — «Типография Московского комитета». Под одной после этих слов значится еще — «Отпечатано 20 тысяч экземпляров». Приведу выдержку из одной прокламации:

«Заявлять даже самых скромных требований мы не имеем права. Стоит рабочему выразить хоть чем-нибудь свое недовольство, и на него бросаются царские опричники: полиция и жандармы, на него направляют войска и расстреливают без всякого сожаления. Собираться, обсуждать свои нужды на словах и в печати, предъявлять сообща свои требования — мы права не имеем. Наша свобода, наша личность в полном распоряжении полицейских и чиновников. Нам предстоит еще добиться тех прав, которые признаны за всеми нашими братьями в других государствах, нам приходится еще бороться с самодержавием, свергнуть его и передать власть в руки всего народа, избирающего на основаниях всеобщего, равного, прямого и тайного голосования своих представителей сначала в Учредительное, а затем и в законодательное собрание.

Добиться этого мы можем лишь с оружием в руках.

Только *силою* можем мы *заставить* правящие классы признать наши права, только *силою* можем мы свергнуть царскую власть и учредить демократическую республику.

Готовьтесь же, товарищи, к восстанию по зову комитетов нашей социал-демократической рабочей партии. А пока в день Первого мая и мы присоединимся к нашим товарищам в других странах, бросим работы на этот день и тем заявим свою солидарность, свое братское согласие с пролетариатом всей России, с пролетариатом всего мира! Пока безоружным нам не место на улице, на демонстрациях, но наш долг бросить работы и сходиться на собрания и массовки для того, чтобы отпраздновать достойно свой рабочий праздник.

Пусть те из нас, кто работает в это воскресенье, бросят работы. Пусть булочники, типографы и железнодорожные линейные служащие и рабочие, все, кто не имеет отдыха в этот день, бросят свои работы; пусть, сплотившись с другими товарищами, в одну семью идут на массовки и празднуют наш светлый майский праздник!

Да здравствует забастовка Первого мая!

Долой самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует социализм!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!»

Ввиду подъема рабочего движения в течение последних недель, в Москве ждали большого размаха празднования Первого мая. Мы знали уже, что в русской части Польши, так называвшемся «Царстве польском», которое жило по новому стилю, Первое мая (18 апреля по ст. стилю) прошло очень дружно и бурно: в Варшаве, Лодзи, Сосновицах и других промышленных городах были в этот день всеобщие забастовки, демонстрации, стрельба на улицах, много убитых и раненых.

Либеральные московские газеты впервые открыто писали об ожидаемом первомайском празднике, и «Русские ведомости» обратились с увещанием к администрации, чтобы она «заявила себя спокойным и корректным отношением, избегая излишнего вмешательства, и чтобы со стороны охранителей порядка не было вызывающего и раздражающего образа действий.

Но действительность на этот раз оказалась более скромной, чем ожидалось. Имели место обычные, не очень многолюдные массовки за городом по районам. Состоялся митинг в Грузинском Народном доме, где обычно собирались зубатовцы; в зубатовском духе уж никто не посмел на нем выступать. Предприятия, работавшие по воскресеньям, работы не прекратили, и вообще ничего грандиозного и необычного, что сколько-нибудь можно было бы сравнить с майскими событиями в

Польше, не произошло. Не произошло ничего особенно выдающегося в этот день и в Петербурге и других русских городах. Празднование Первого мая 1905 года прошло в России не ярко. Не всегда удается вызвать то или другое проявление движения — стачку, демонстрацию, вооруженное выступление масс по заранее выработанному плану или по лозунгу, данному организацией. Нужно, чтобы массы созрели для таких выступлений, чтобы в них накопились внутренняя энергия и организованность. Значит, к этому моменту этого еще не было в достаточной степени.

После Первого мая работа в массах продолжалась с усиленной энергией, в массе нарастала революционная энергия, и росли сознательность и организованность.

Все лето по воскресеньям и праздникам шли массовки в окрестностях Москвы, по лесам, по оврагам; они становились все многолюднее, привлекали все новых и новых участников.

Мне приходилось бывать и выступать на этих массовках, которые особенно часты бывали в Сокольниках и Богородском лесу. Они были обставлены конспиративно; назначалось место где-нибудь на поляне в лесу и подробный путь к нему; на пути стояли патрули, держа в руках ветку или газету; им говорили пароль, они отвечали. Бывали массовки и без этих предосторожностей: к ним присоединялись многие из гуляющей в лесу публики.

Иногда массовки разгонялись полицией или казаками. Мне не пришлось ни разу подвергнуться такому разгону. Опишу его со слов одного гужоновского рабочего, вспоминавшего о таком разгоне:

«Идем к назначенному месту в одиночку, по двое. Так собралось человек шестьдесят. Появился докладчик. Говорил о значении Первого мая и о восьмичасовом рабочем дне; кроме того, говорил о всеобщем избирательном праве, но едва он успел в заключение сказать: «Сначала собьем корону, потом будем бить мошну», как раздались крики: «Казаки!» Началась паника. Большинство успело разбежаться; осталась небольшая кучка. Нас окружили казаки, офицер кричит: «Что вы тут делаете? Маевку справляете? Подать оратора!» Мы ответили: «Нет у нас оратора, мы просто гуляем», — и, чтобы это доказать, вынимаем из корзинки косушки и начинаем тянуть из горлышка. Офицеру совсем не по носу комедия, и он крикнул: «Хватит гулянки, разойдись!» Тут кто-то не вытерпел и крикнул: «Кровопийцы!» Ну и пошли гулять нагайки по нашим спинам»¹. Разгон обычно сопровождался арестами.

¹ Терехов, «История пролетарской большевистской организации» (быв. Рогожско-Симоновской), стр. 69, изд. «Московский рабочий», 1931 г.

Особенно любимыми ораторами были Седой, Станислав Вольский и рабочий Клюев. Седой выступал с успехом среди самых отсталых, серых слоев.

Вести, приходившие отовсюду о событиях с театра продолжавшейся еще русско-японской войны (гибель русской эскадры при Цусиме) и о массовых революционных выступлениях, столь обильных и столь громких в течение этого лета, волновали и поднимали настроение: восстание на броненосце «Потемкин» и всеобщая стачка в Одессе, восстание матросов в Либаве, волнения в Кронштадте, всеобщая стачка в Тифлисе, Батуме, Екатеринославе, стачки и демонстрации, с расстрелами в ряде городов, баррикады в Лодзи и Белостоке, все расширяющееся крестьянское движение, особенно яркое и организованное в Закавказье (в Гурии) и в Прибалтийском крае (нынешней Латвии). События стремительно следовали одно за другим, как бы нагромождаясь друг на друга...

Сильное впечатление производила забастовка всех текстильных фабрик в Иванове, начавшаяся 14 мая и продолжавшаяся семьдесят два дня, руководимая Советом депутатов от рабочих всех фабрик. Московский комитет послал в Иваново для работы своего агитатора—Станислава. Эта стачка послужила толчком к ряду стачек на текстильных фабриках Владимирской и Московской губерний. Московские рабочие волновались, поднят был вопрос о поддержке ивановцев всеобщей забастовкой в Москве.

МК решил этот вопрос провести на конференции представителей московских фабрик и заводов. Такие конференции были еще новостью, и едва ли это была не первая московская городская партийная конференция. Она состоялась за Сокольниками, в Богородском лесу, в июне. Я был на этой конференции, как представитель лекторской группы. Собрались человек двести: МК, районные комитеты, представители фабрик и заводов. Настроение было приподнятое: самый факт собрания такой конференции показывал большой рост и размах организации. Представители нескольких фабрик выступали и выражали уверенность, что их фабрики забастуют по призыву своего заводского комитета, некоторые представители и некоторые члены районных комитетов выражали сомнение в успехе призыва к забастовке. Оптимистическое настроение было преобладающим, и решено было призвать московских рабочих к забастовке для поддержки ивановцев, выставить также и свои требования; были намечены заводы, которые должны выступить первыми и пойти снимать остальные. Разошлись в приподнятом боевом настроении. Была выпущена прокламация с призывом к забастовке: «Мы не можем только смотреть на их борьбу (то есть ивановских рабочих,—С. М.)

как посторонние да сочувствовать им в их борьбе. Мы должны помочь им делом, мы должны поддержать их, доказать, что весь рабочий класс России — единое целое», говорилось в прокламации. Началась горячая агитация, было организовано несколько открытых митингов перед фабриками, при выходе рабочих с работы.

В назначенный день забастовало несколько фабрик в Сокольническом районе и, кажется, одна-две фабрики в Рогожском районе; на других фабриках забастовка не состоялась, и забастовавшие фабрики, не встретив общей поддержки, на другой день возобновили работу. Так во второй раз надежды на общее выступление московских рабочих рушились. Прошло еще три месяца, прежде чем московский пролетариат всей своей массой дружно вошел в борьбу и занял центральное и ведущее место в первой русской революции.

Меньшевики, образовавшие к этому времени «Московскую группу РС-ДРП», при подготовке этой стачки заняли, как обычно, предательскую позицию. Они заявили, что момент не оправдывает выставленных экономических требований, а на политические события масса еще реагирует недостаточно сильно, а поэтому надо признать стачку несвоевременной, но если она состоится, то примкнуть к ней. Они злорадно торжествовали, когда стачка не удалась, а на некоторых колеблющихся интеллигентов, примыкавших к большевикам, эта неудача так подействовала, что они перешли к меньшевикам, которые-де ведут более трезвую политику.

Но неудавшаяся общая стачка не остановила частичных экономических стачек, которые вспыхивали летом в Москве то в одном, то в другом предприятии, то захватывая целые отрасли промышленности. Бастовали химики, кондитеры, чаеразвесочники, кожевники, портные, официанты и даже такая отсталая группа, как ломовые извозчики. Предъявили требования и волновались городские служащие и рабочие, приказчики. Требовали сокращения рабочего дня до восьми-девяти часов, повышения заработной платы, установления праздничного отдыха (приказчики, извозчики), разных более мелких улучшений, отмены обысков, вежливого обращения, улучшения медицинской помощи, устройства библиотек-читален и т. п. Забастовки этого периода характерны высоким процентом удовлетворения требований рабочих.

Продолжается организация профессиональных союзов. В «Музее содействия труду» кипит работа, он всегда заполнен народом. Стачки и подготовительная организационная работа этого лета явились школой и закалкой для осенних выступлений.

Следует отметить новую форму агитации, возникшую в этот период. Это внезапные летучие митинги, которые стали

устраиваться все чаще к концу лета перед воротами фабрик или во время загородных народных гуляний.

Устраивались они так: группа организованных рабочих при выходе рабочих из калитки фабрики устраивала небольшой затор, тут уже ожидал пришедший от комитета агитатор; постепенно образовывалась при выходе небольшая толпа. Оратор вставал на тумбу около тротуара и начинал речь; толпа рабочих и прохожих, заинтересованная происходящим, все увеличивалась, оратор говорил и говорил. Ближайший полицейский прибегал, но толпа его не пропускала к оратору и награждала иногда тумачами; он убегал, свистел; толпа все росла, оратор говорил; проходило минут пятнадцать, оратор кончил и скрылся в толпе. Подошедший полицейский наряд заставлял уже расходящуюся толпу. Приблизительно так же устраивались летучие митинги во время народных гуляний. Толпа сначала боязливо относилась к таким выступлениям, разбегалась при первом появлении полицейского, но скоро привыкли к ним; все многолюднее делались такие митинги, все менее стали бояться полиции, при случае давали ей отпор; бывали случаи, что арестованных во время разгона такого митинга отбивали от полиции.

По фабрикам и заводам или при районных комитетах начали формироваться небольшие боевые дружины, вооруженные револьверами. Московский комитет стал все более заниматься вопросом формирования боевых дружин и добывания оружия. Был выделен особый боевой организатор, член комитета Кудрявцев; помощником его, начальником боевых дружин был Д. Д. Гимер, которого я тогда близко знал. Дело это особенно развернулось в сентябре и октябре.

6 августа был опубликован указ о созыве совещательной Государственной думы по проекту, составленному комиссией под председательством министра Булыгина, и потому названной Булыгинской думой. Рабочие совсем не получали избирательных прав согласно этому положению. Наша партия объявила этой думе активный бойкот, был провозглашен лозунг:

«Долой Булыгинскую думу!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования!», «Да здравствует всеобщая стачка!»

Началась горячая агитация в этом духе. На всех массовках и митингах говорились речи на эту тему, провозглашались эти лозунги.

ГЛАВА XII

РАБОТА ЛЕКТОРСКОЙ ГРУППЫ ЛЕТОМ 1905 ГОДА. ОЖИВЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НЕЛЕГАЛЬНОЙ И ЛЕГАЛЬНОЙ.
Моя работа. У МАКСИМА ГОРЬКОГО. ПОЕЗДКА
М. Н. ПОКРОВСКОГО ЗА ГРАНИЦУ

Члены лекторской группы в течение лета выступали на митингах, работали в профсоюзах. Лекции летом в Москве устраивались редко, но лектора часто вызывались в провинцию. Им удавалось иногда прочесть небольшой цикл лекций на летних учительских курсах. Но главным делом нашей группы этим летом была литературно-редакторская работа, которая к этому времени сильно развернулась.

В связи с подъемом революционного движения летом 1905 года, необычайно сильно, сравнительно с недавним временем, оживилась и выросла нелегальная печать. В Москве стала выпускаться масса листовок, чаще стала выходить газета «Голос труда», орган Московского комитета большевиков, а к концу лета появилась нелегальная газета «Рабочий» — орган ЦК, после выхода которого «Голос труда» перестал издаваться.

МК поставил к концу лета несколько типографий, — пять, как узнали мы уже после революции¹. Кроме того, окружная организация имела свою типографию. Хорошо поставленная типография ЦК тоже к концу лета начала работать и выпускала газету и листовки. Она помещалась в подполье на Лесной улице и имела выход в магазин кавказских фруктов. Об этом, впрочем, мы тоже узнали только после революции. Эта типография реставрирована и является филиалом Музея Революции СССР. Посетитель ее может познакомиться с тем, в каких невероятно тяжелых условиях приходилось работать в нелегальных типографиях. Кроме большевистских нелегальных изданий, в Москве выходили издания и других партий — меньшевиков, эсеров. Выпускали листовки и внепартийные группы; например, вышеупомянутая группа земских служащих выпустила весной и летом 1905 года девять листовок и одну брошюру революционно-демократического направления с такими заглавиями: «Из-за чего бунтуют крестьяне», «Чего добивались петербургские рабочие 9 января», «Народ и война», «О Государственной думе» и т. д.

Под напором революционного движения стали значительно ослабевать цензурные препоны, и на книжном рынке появилась масса брошюр революционного содержания, которые еще недавно было немислимо издавать легально; часть из них изда-

¹ См. книгу «Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области», стр. 16—17, ГИЗ, 1923 г.

валась раньше нелегально или транспортировалась из-за границы, но сравнительно в очень небольших количествах.

Появилось много новых издательств, да и старые издательства приступили к изданию революционных брошюр, и они буквально заполнили книжный рынок. Были изданы произведения Маркса, Энгельса, Каутского (тогда еще революционного марксиста), Гэда, Лафарга, Бебеля, Либкнехта, Лассалья, Плеханова. Вышло и несколько брошюр Ленина; так, в моем собрании книг сохранилась брошюра Ленина «Аграрный вопрос и «критики» Маркса», изд. «Буревестник», Одесса, 1905 г. (есть пометка: «дозволено цензурой 23 июля 1905 г.»)¹.

Был написан и издан к текущему моменту ряд оригинальных брошюр, издавались также беллетристические произведения революционного содержания. С целью обойти цензурные рогатки, изменялись заглавия брошюр: например, «Манифест коммунистической партии» был в одном издании озаглавлен: «Капитализм и коммунизм», в другом издании: «О коммунизме», в третьем: «Буржуазия и пролетариат». Брошюра Каутского «Социальные реформы или социальная революция» была озаглавлена просто: «Общественные реформы» и т. п.

Иногда цензура делала в брошюрах некоторые купюры, но, несмотря на это, все же эти брошюры имели огромное пропагандистское влияние на широкие круги читающих. Ничего подобного по широте захвата не смогла бы сделать нелегальная печать.

Благодаря дешевизне брошюры расходились в огромных количествах; распространению их способствовали разные общества и организации, например: «Общество распространения технических знаний» широко снабжало этими брошюрами провинциальные книжные склады, библиотеки, рассылало их по волостным и сельским управлениям, обществам грамотности и т. п.

Периодическая печать тоже оживилась: появилось несколько новых газет левого направления, усилилась критика правительства, и, что было особенно важно, в газетах стала появляться обильная информация о стачках, волнениях, демонстрациях, выносимых на собраниях резолюциях, что раньше не допускалось. Это способствовало тому, что революционное движение все больше выходило из подполья, широко популяризировалось, а это вело к дальнейшему распространению революционных настроений вглубь и вширь. Печатали такую информацию не только либеральные и радикальные газеты, но принуждены были это делать из-за конкуренции даже консервативные органы; проникая в самые отсталые слои, они тем также лили воду на мельницу революции.

¹ Позже, после октября 1905 года, вышел легально ряд статей Ленина.

В Москве большой популярностью и распространением пользовалась в это время бойкая бульварная газета «Вечерняя почта». Она следила за рабочим и, в частности, за профессиональным движением и печатала обильную информацию о стачках, организации профсоюзов, резолюции рабочих и интеллигентских союзов. Легальной большевистской газеты, благодаря недостатку средств и существовавшим еще цензурным рогаткам, поставить в то время еще не удалось; эта возможность явилась только позже — в ноябре, в «дни свободы».

Наша лекторская группа с этого времени стала уделять много внимания литературной работе. Почти все члены группы приняли активное участие в работе издательств. В это время в Москве возникли новые издательства, для издания книг революционного содержания.

Наиболее крупным было книгоиздательство Е. Д. Мягкова «Колокол». Оно возникло в мае 1905 года. Основатель его Е. Д. Мягков был крупным владельцем мукомольных мельниц в Тамбовской губернии и в Сибири. В молодости он принимал некоторое участие в революционном движении; очевидно, подъем движения оживил его старые революционные настроения, и он решил создать издательство, специально для издания книг и брошюр революционного содержания; дал на это дело пятьдесят тысяч рублей и обещал еще сто тысяч, большие деньги по тому времени. Организацию всего дела поручил своему родственнику — М. Н. Кузнецову, человеку интеллигентному, организатору публичной библиотеки в городе Борисоглебске. Кузнецов взял себе помощником — секретарем издательства — одного нашего товарища большевика, которого он знал по его ссылке в Борисоглебск; по желанию владельца в издательстве были организованы два самостоятельных отделения, — две «библиотеки», как они были названы: «первая библиотека» — марксистских изданий, «вторая библиотека» — народнических.

Для редактирования изданий были образованы редакционные коллегии. Коллегию первой «библиотеки» составили члены нашей группы—Рожков, Покровский, Скворцов-Степанов и Лунц. Закипела лихорадочная работа по переводам, по редактированию брошюр и книг; ряд брошюр был написан членами нашей группы: Рожковым, Наумовым, Кириком Левиным, Д. И. Курским (вошел в нашу группу позже). Вокруг издательства сгруппировалось много партийных товарищей (Е. П. Херсонская, И. П. Гольденберг, Л. Д. Жбанков и др.). Издана была брошюра Ленина «К пересмотру аграрной программы» (в начале 1906 года), Луначарского «Критические и полемические этюды», несколько брошюр Дивильковского и др. Вследствие проявленной редакционной коллегией энер-

гии и наличия более значительных сил у марксистов, «первая библиотека» издала значительно больше книг, чем вторая. За время с мая 1905 года по март 1906 года, когда издательство было перенесено в Петербург, «первая библиотека» выпустила около ста названий, среди которых много классиков марксизма, а вторая — только около двадцати.

Было много возни с цензурой, несколько брошюр подверглись конфискации. В период после Московского вооруженного восстания издательство подверглось ряду репрессий: Кузнецов и секретарь были преданы суду за издание брошюр и приговорены были к тюремному заключению и ссылке; склад издания — несколько сот пудов книг и брошюр — был конфискован.

Но это — в последующий период, а летом 1905 года работа в издательстве кипела: книги широко рассылались в кредит по провинциальным магазинам и партийным организациям.

Кроме «Колокола», наша группа приняла тоже участие во вновь возникшем издательстве Скирмунта; им был также открыт большой книжный магазин «Труд», на Тверской (ныне ул. Горького). Заведующим издательством и магазином был назначен наш товарищ — Н. Ф. Петлин. В редакционную коллегию вошли: Скворцов-Степанов, Фриче, Канель; в качестве сотрудников работали еще несколько членов группы. Скирмунтом был издан ряд больших книг, как-то: переводы произведений немецкого социал-демократа Блоса — «История французской революции» и его же «История германской революции», Баха «Австрия в первую половину XIX века» (история австрийской революции), Маркса «Собрание исторических работ», Зомбарта «Современный капитализм», Олара «История французской революции», Богданова «Краткий курс политической экономии» и ряд других. В этом же издательстве выходила популярная серия. В этой серии была издана и моя брошюра «Профессиональное движение за границей» под псевдонимом С. Иванов.

Старые московские издательства — «Гранат» и «Дороватовского и Чарушникова» — также приступили к изданию марксистских книг; в этих издательствах тоже приняли участие некоторые члены лекторской группы (С. Я. Цейтлин, В. Я. Канель, Кирик Левин и др.).

Кроме участия в легальной печати, члены группы писали прокламации и статьи в нелегальных газетах — «Голосе труда» и «Рабочем».

Лично этим летом я выступал несколько раз на массовках, часто бывал в «Музее содействия труду», принимая участие в организации профессиональных союзов, оказывал содействие

в работе окружной организации. Квартира моя и лечебница, об удобствах которых в конспиративном отношении я уже упоминал, использовались во-всю с согласия директора лечебницы профессора Баженова и старшего врача доктора С. Л. Цейтлина. В шкафах приемной лечебницы у меня был склад нелегальной литературы, а потом и оружия. В течение лета у меня устраивались несколько раз заседания МК, часто ночевали нелегальные. О Бонч-Бруевиче я уже говорил; одновременно с ним в течение марта и апреля у меня жил другой нелегальный член МК, ответственный организатор Пресненского района — «Семен Петрович», настоящей фамилии которого я не знал. После Первого мая он вдруг исчез. Позже я узнал, что после маевки он очень устал, ко мне идти было далеко (конки рано прекращали движение), и он заночевал у какого-то студента, у которого в эту же ночь был обыск, там забрали и его, и он просидел в тюрьме до освобождения арестованных в октябре. После «Семена Петровича» почти все лето жил у меня секретарь МК «Сергей Иванович» (Шнеерсон), ушедший потом к меньшевикам. Через него я знал многое о работе МК. Случалось, ночевал у меня Седой. Нередко ночевал агитатор Андрей со своей женой, пропагандисткой в каком-то районе: оба были нелегальные и не имели хороших паспортов. Фамилии этого Андрея я не знал и больше никогда его не встречал. Был он очень интересный человек, живой, горячий, весь как-то пламенел. Он часто выступал на летучих митингах, приходил после них в очень приподнятом настроении. Таких ночевщиков нередко скоплялось у меня по два, по три сразу; один раз уже осенью их скопилось до шести человек. Кое-как размещал их в четырех комнатах своей квартиры; иные спали прямо на полу.

Нелегальных в Москве тогда было много, получали они в лучшем случае тридцать—тридцать пять рублей в месяц от МК, да и этих денег не всегда бывало в кассе МК. Поневоле они жили и ночевали, где придется; да и осторожнее было не прописывать свой фальшивый паспорт. Конечно, такие ночевки стали возможны в Москве только при том ослаблении полицейского режима, о котором я уже говорил. Да и моя квартира представляла особые удобства в этом отношении, к тому же прислуга наша (по-теперешнему — домашняя работница) Настасья Тихоновна Гуськова была свой человек; живет она у нас и до сих пор (1939 г.). Она оказывала мне и жене много услуг по хранению и переносу разной нелегальщины, в этом помогала ей ее родственница, сиделка больницы. Они дружили со старшим дворником, от которого много зависело, и он смотрел сквозь пальцы на все мои дела, а потом и сам стал ходить по митингам.

В течение этого лета я бывал несколько раз у Максима

Горького, которого я знал еще в Нижнем-Новгороде в 1889—1891 годах¹. Он жил на углу Моховой и Воздвиженки, в доме, где теперь приемная М. И. Калинина. Алексей Максимович был на вершине своей славы и очень популярен в широких слоях общества. Я обратился поэтому однажды к нему с просьбой выступить на одном концерте, устраиваемом финансовой комиссией МК в дачной местности под Москвой (в Малаховке), но он сказал мне, что он выступает только по указаниям ЦК большевиков. Впоследствии я узнал, что ЦК его очень охранял — и в отношении полиции, и в отношении его здоровья, которое было тогда в плохом состоянии. Он оказывал большое содействие ЦК в другом направлении: используя свою популярность в широких кругах, Горький доставал значительные средства для партийной работы, через него и М. Ф. Андрееву давали деньги для партии крупный фабрикант Савва Морозов (фабрика в Орехово-Зуеве), московский фабрикант Н. П. Шмидт, литератор Гарин-Михайловский и помещик Скирумунт, организовавший при участии Горького большое издательство марксистских книг и брошюр. Горькому удавалось добывать для нужд партии также оружие, типографские принадлежности, кроме того — он сам писал прокламации и пр.

Вспоминается еще один эпизод этого лета — это поездка М. Н. Покровского за границу. Было это в конце июня или начале июля². На моей квартире состоялось небольшое совещание: был Шанцер, кажется, еще кто-то из комитета и Покровский. Последнему Шанцер дал поручение повидаться в Женеве с Лениным и информировать его о работе московской организации, а также привезти возможно больше литературы. Покровский побывал у Ленина, ознакомил его с положением дел в Москве, в частности с работой лекторской группы, скоро возвратился благополучно, привез в чемодане с двойным дном довольно много свежей большевистской литературы, которую он и доставил на мою квартиру. Помню, с какой жадностью набросились мы на свежие большевистские литературные новинки: на номера газеты «Пролетарий» и на новую брошюру Ленина «Две тактики социал-демократии в буржуазной революции», только что тогда вышедшую. Читание этой брошюры произвело на меня сильнейшее впечатление: она разгромила тактическую установку меньшевиков и дала ясную перспективу развертывающейся буржуазно-демократи-

¹ См. об этом в книге «На грани двух эпох».

² Воспоминания М. Н. Покровского об этой поездке — в «Известиях ЦИК СССР», в номере от 25 декабря 1925 года.

ческой революции, указала на необходимость перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую. По поводу этой брошюры немало было у нас дискуссий в лекторской группе.

Ныне, оценивая ретроспективно, так сказать, эту работу Ленина, мы понимаем, что ее значение состоит еще в том, что она является новой теорией революции и ею заложены основания той тактики, благодаря которой русский пролетариат победоносно совершил под руководством большевистской партии социалистическую революцию в 1917 году.

ГЛАВА XIII

МОСКОВСКАЯ ОКРУЖНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Летом у меня установились тесные связи с окружной партийной организацией, которая охватывала тогдашнюю Московскую губернию и некоторые прилегавшие к ней пункты других губерний, как-то: Орехово-Зуево, в то время входившее в состав Владимирской губернии, и промышленный Егорьевский уезд, Рязанской губернии. Летом приехал в Москву мой знакомый по Твери Сергей Васильевич Модестов (партийная кличка «Данило»), бывший семинарист, а тогда партийный профессионал; он остановился и после этого долго жил у меня. Он стал работать в окружной организации, вошел с осени в состав окружного комитета¹. В этой же организации, сначала в качестве технического секретаря, работал брат моего товарища по первой московской организации 1894 — 1895 годов А. Н. Масленникова — М. Н. Масленников. Он меня познакомил со своим родственником С. В. Ганшиным, который был владельцем технической мастерской недалеко от моей квартиры.

Ганшин работал также в окружной организации, был секретарем ее. Заходил ко мне иногда и сам ответственный окружной организатор—Андрей Васильевич Шестаков (партийная кличка «Никодим»²). Шестаков, рабочий из Архангельска, в конце 1890-х годов участвовал в кружке, организованном высланными из Москвы членами первой московской социал-демократической организации («Рабочего союза»); вскоре же

¹ Должен сказать, что мои сношения с Московской окружной организацией были оживленными в течение лета 1905 и лета 1906 года. В моей памяти оба эти лета сливаются как бы в один период, так что возможно, что некоторые факты и встречи с некоторыми лицами могли иметь место не летом 1905 года, а летом 1906 года, но это не меняет общей картины.

² Ныне — известный профессор истории, автор премированного учебника русской истории.

он уехал в центральную Россию и здесь, уже как профессионал-революционер, работал в разных городах (Воронеже, Твери), был несколько раз арестован, сидел в тюрьмах; в начале 1905 года переехал в Москву; здесь был кооптирован в состав МК, был сначала организатором Железнодорожного района, а с весны стал организатором Окружного района, который к концу лета был выделен как самостоятельная организация во главе со своим окружным комитетом, ответственным организатором которого и стал А. В. Шестаков. В этой работе он проявил исключительную энергию и организаторские способности. Окружной комитет под его руководством развил в 1905—1906 годах большую работу на фабриках и заводах Московской губернии, велась также работа и среди крестьян.

Через названных лиц я был в курсе работы «Московской окружки», которой я оказывал посильное содействие. Оно выражалось прежде всего в добывании связей среди медицинского персонала в губернии, для явок и ночевок работников организации. Обычно Модестов или Ганшин, наметив какую-нибудь местность для работы, заведя там связи среди рабочих или крестьян, обращались ко мне с запросами, нет ли там надежных людей из среды медицинского персонала, которых можно было бы использовать для явок, ночевок, для складов литературы и т. п. Если у меня там не было личных связей, я обращался к доктору Куркину, в руках которого сосредоточивались связи среди медицинского персонала Московской губернии, и он помогал мне устанавливать связь с тем или другим пунктом. Некоторые из этих связей оказались очень полезными; бывали случаи, что врачи и фельдшерицы, с которыми устанавливались отношения, не только оказывали содействие, но и сами включались в активную работу.

Могу указать ряд земских врачей, оказывавших большую помощь в работе окружной организации. Доктор И. В. Русаков, тогда второй врач Ростокинской больницы: он был членом нашей партии, но и старший врач доктор Е. Ф. Печоркин, настроенный народнически, не отказывал никогда нам в содействии. Очень использовались для собраний, явок, ночевок Благушинская больница, где была фельдшерица-большевичка (забыл ее фамилию), и доктор А. С. Буткевич, с народническими симпатиями. В Мытищах оказывал нам большое содействие доктор Латухин и кое-кто из фельдшерского персонала; в Подольске доктор В. А. Левицкий; в Волоколамске доктор Юрковский (большевик); доктор А. Ф. Михайлов в Ховрине, женщина-врач С. И. Теумин (большевичка) в Ромашковской больнице; доктор И. И. Орлов в Черногрязской; у Орлова были два сына студента, оба активно работали в окружной организации; один из них, В. И. Орлов, стал впоследствии чле-

ном окружного комитета. В городе Богородске (ныне Ногинске) активно работал в организации ветеринарный врач Попов; оказывал содействие также богородский санитарный врач С. М. Богословский. Была хорошая связь в Подольске, в Мещерской земской психиатрической больнице, а также и в других местностях. Имелись связи и среди учителей, агрономов.

Вобщем надо сказать, что так называемый «третий земский элемент» принял значительное участие в революционном движении в годы первой революции. По данным московской губернской земской кассы политического страхования, о которой я выше упоминал, подвергались репрессиям за эти годы сто сорок членов этой кассы из пятисот семидесяти общего числа их.

В результате работы окружного комитета летом и осенью 1905 года были созданы партийные группы и организации в важнейших промышленных центрах Московской губернии и прилегающих к ней местностях, как-то: в Орехово-Зуеве, Богородске (Ногинске), Мытищах, Пушкине, Серпухове, Подольске, Коломне, Дмитрове, Сергиевом Посаде (ныне Загорске) и в ряде других мест. К концу лета число членов окружной организации доходило до пятисот по подсчету товарища Шестакова.

Кроме работы среди промышленного пролетариата, «окружка» вела работу и среди крестьян, с которыми подмосковные рабочие были тесно связаны.

Надо сказать, что среди крестьян работу вела не только наша партия, но и другие партии, в особенности же эсеры и вообще народнические элементы из сельской интеллигенции— учителя, врачи, агрономы, статистики. Они с весны 1905 года начали организовывать крестьянский союз. Первый съезд московского отдела союза состоялся в мае; он происходил нелегально в Никольской земской больнице, в десяти километрах от Москвы, по Ленинградскому шоссе, а в конце июля на молочной ферме Бутырского хутора Петровской сельскохозяйственной академии (ныне Тимирязевской) состоялся учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза. На обоих съездах представителем от нашей партии был А. В. Шестаков. В своих выступлениях он старался усилить политический элемент в резолюциях съезда и, в частности, внести туда лозунг «демократической республики», но этого ему, вследствие противодействия руководящей на съездах народнической интеллигенции, сделать не удалось.

Наша лекторская группа очень живо интересовалась аграрным вопросом и крестьянским движением, и Шестаков делал нам доклад о своих выступлениях на крестьянских съездах и о своих установках по аграрному вопросу.

Надо признать, что в партийных кругах по этому вопросу были некоторые разногласия. Третий съезд партии внес в резолюцию поддержку крестьянского движения вплоть до конфискации помещичьих земель, но не все товарищи правильно поняли эту резолюцию.

У нас в Москве — и в МК, и в лекторской группе — были горячие дискуссии по этому вопросу. Выявились разные мнения: одни, как Рожков, стояли за передачу крестьянам только земли, находящейся в аренде у крестьян; другие отстаивали принцип национализации земли при демократической республике. Эти разные мнения нашли свое отражение в дебатах на четвертом партийном съезде.

Среди группы «окружников» были тоже разногласия по аграрной резолюции третьего съезда. Окружной организатор (то есть А. В. Шестаков) выразил это в открытом письме Центральному комитету, которое было отгектографировано и разослано в ЦК, в центральный орган «Пролетарий» и в другие местные партийные органы. Ленин ответил на это письмо статьей: «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», помещенной в № 16 «Пролетария»¹. В этой статье Ленин разъяснил москвичам, сколь неправильно понимали они резолюцию III съезда по аграрному вопросу.

Подводя итоги работы московской окружной организации, можно вполне согласиться с товарищем Шестаковым, что «уроки 1905 года и продолжавшаяся после него работа в «окружке» создали в Московском округе ту атмосферу сочувствия большевикам широких масс рабочих и крестьян, которая дала возможность в революции 1917 года быть нам спокойными за этот район в самые критические моменты революционной борьбы».

НА ГРЕБНЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ. СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1905 ГОДА

ГЛАВА XIV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И НАСТРОЕНИЯ В МОСКВЕ К СЕНТЯБРЮ 1905 ГОДА

В сентябре революционное движение в Москве вступило в новую фазу — выступления на открытую арену борьбы широких масс.

Москва в течение 1905 года до сентября была центром буржуазно-либерального движения (земско-городские съезды)

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 181—188.

и центром радикально-интеллигентского движения, приведшего к организации «Союза союзов», но рабочее движение в Москве отставало сравнительно с движением во многих других центрах тогдашней России. Ничего подобного ни выступлению петербургского пролетариата 9 января, всеобщим стачкам в Риге, Варшаве, Лодзи, во многих городах Закавказья, в Одессе, в Иваново-Вознесенске и в ряде других городов — в Москве до сентября не было. Попытки вызвать здесь всеобщую стачку Первого мая и в конце июня окончились неудачей: шло большое брожение в рабочем классе, было много частичных забастовок, проявилась тяга к организации профессиональных союзов, но общего боевого выступления все же не удавалось вызвать.

Это положение решительно изменилось со второй половины сентября, когда московский пролетариат сразу выступает на передовые позиции российской революции и в декабре поднимает вооруженное восстание. Об этом знаменательном периоде я и хочу сейчас говорить.

Но прежде, чем описывать события этого нового периода, подведу еще раз (см. главу VIII) некоторые итоги организационной работы МК за предыдущий период. К этому времени МК представлял из себя крепко сплоченную и спешную группу, состоявшую из двенадцати-пятнадцати человек. Было в Москве в это время семь или восемь партийных районов, во главе которых стояли районные комитеты, опиравшиеся на заводские комитеты, которые были на большинстве сколько-нибудь крупных московских предприятий. Кроме рабочей «периферии», у МК и районных комитетов была еще довольно значительная интеллигентская периферия, состоявшая преимущественно из студенческой молодежи и работавшая в качестве пропагандистов и технических работников всякого рода — секретарей, типографских работников и т. п. Общее число членов партии в Москве, по подсчетам некоторых товарищей, было к сентябрю около двух тысяч. Эта цифра кажется нам теперь необычайно малой, но по тому времени она была значительной. Ведь эти две тысячи имели влияние среди многих тысяч рабочих, — «...тысячи, — по словам Ленина, — стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев»¹ (во всероссийском масштабе). При комитете состояли агитационная и пропагандистская группы, боевая организация, начавшая за лето организацию боевых дружин; но эти дружины были еще малочисленны и плохо вооружены. Военная организация имела задачей установление связей среди московского гарнизона, но связи эти к этому времени были еще невелики. Работу лекторской группы при МК я подробно описал

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 345.

выше: группа в то время была уже не только лекторской, но в значительной степени и литературно-издательской.

Финансовая группа энергично добывала средства для МК, и ее доход вырос с семисот рублей в марте до, помнится, четырех тысяч в сентябре.

По меньшей мере пять подпольных типографий, не считая типографии ЦК, было в распоряжении МК.

В Московской губернии работала окружная организация во главе с окружным комитетом. Она имела связи в большинстве крупных промышленных центров Московской губернии, велась агитация и имелись некоторые связи и среди крестьян губернии. С такими силами вступила московская большевистская организация в новый период революционного подъема.

Кроме большевистской организации, имелись в Москве и другие нелегальные и полуполигальные организации. Меньшевистская организация — «Московская группа РС-ДРП» — после формального отделения от большевиков в мае опиралась на работу среди интеллигенции, студенчества, служащих, отчасти на работу в профессиональных союзах, особенно в союзе городских служащих и рабочих и в союзе типографов.

Эсеры пользовались влиянием преимущественно среди интеллигентских профессионально-политических союзов, среди части студенчества и служащих. Пытались проникать и в рабочую среду, в профсоюзы, но им не удавалось в то время создать сколько-нибудь значительную организацию в рабочих кругах.

Либералы-«освобожденцы», которые в октябре сконструировались в «конституционно-демократическую» (кадетскую) партию, оспаривали у эсеров влияние в интеллигентских союзах, особенно в академическом, адвокатском и некоторых других. Они же руководили либеральным движением цензовых земско-городских элементов.

На крайне правом, открыто контрреволюционном, фланге находилось высшее дворянство, чиновничество, стараясь создать при помощи полиции и духовенства себе опору в низах в виде так называемой «черной сотни» — «Союза русского народа», «Союза Михаила-архангела». В эти союзы завлекались отсталые слои мелкой буржуазии (домовладельцы, трактирщики, лавочники), а также опустившиеся босяцкие элементы (люмпенпролетариат). Но и среди рабочих, в особенности мелких ремесленных заведений, связанных еще во многих случаях с деревней, оставался небольшой слой, настроенный черносотенно и готовый громить интеллигенцию, студентов, революционеров. Задавленные вековым гнетом, они ненавидели барина, которым считали всякого, одетого в европейское платье; их наивно-монархические взгляды, воспитанные этим вековым гнетом, заставляли возлагать надежды на избавление

только на бога и его представителя на земле — «царя-батюшку», против которого бунтуют «господа». Полиции путем демагогии легко было завлечь этот слой в погромные организации. Только широкая агитация в «дни свободы» в значительной степени просветила эти отсталые слои, нейтрализовала их или даже частью сделала активно сочувствующими революции и тем к декабрю выбила почву у черносотенных организаций. Но пока эти «черные сотни» не проявляли себя в Москве сколько-нибудь активно.

Узловым вопросом того момента было отношение к выборам в законосовещательную Булыгинскую думу, в которую совсем не было доступа для рабочего класса. Большевики с самого начала заняли определенную позицию: бойкот Булыгинской думы, всеобщая политическая стачка, переход стачки к вооруженному восстанию.

Москва глухо бурлила и волновалась. Скоро это брожение прорвалось наружу — на открытые митинги, а затем и на улицу. Этому содействовали некоторые благоприятные обстоятельства.

ГЛАВА XV

ОТКРЫТИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ АУДИТОРИИ ДЛЯ ВСЕНАРОДНЫХ МИТИНГОВ

В конце августа происходил съезд академического союза, то есть союза профессоров и преподавателей высшей школы. Он постановил после полугодовой забастовки с 1 сентября постараться открыть занятия в высших школах, но предупредил, что без академической автономии, свободы слова, собраний и печати нельзя ручаться за правильный ход занятий. Правительство решило частично удовлетворить требования профессоров, и 27 августа был опубликован закон об академической автономии высших учебных заведений. По этому закону профессора получили право пополнения своей коллегии путем выборов и право выбора ректоров и деканов; студентам дана была свобода собраний в стенах высших учебных заведений и свобода студенческих организаций. Повидимому, правительство хотело этим внести раскол в единый противоправительственный фронт, выделив из него профессуру и студенчество; и действительно: профессура с этого времени переходит в лагерь порядка и решает открыть спокойно занятия, ограничить рамки студенческих собраний академическими вопросами и препятствовать проникновению политики в учебные заведения. Первым выбранным ректором Московского университета стал профессор князь С. Н. Трубецкой, правый либерал, который решительно и открыто занял с этого време-

ни позицию противодействия дальнейшему разворачиванию революционного движения среди студенчества.

Ну, а как отнесется студенчество к дарованной академической свободе? Как оно ее использует? Вот вопрос, который стоял на обсуждении в лекторской группе. На этом заседании присутствовал Шанцер, как представитель ЦК и МК. Мы быстро нашли формулу, объединившую всех присутствовавших на заседании: забастовку прекратить, но, не приступая к правильным академическим занятиям, открыть аудитории высших учебных заведений для всенародных митингов, сделать аудитории высших учебных заведений базами для широкой всенародной агитации. Такова была и позиция нашего Центрального комитета. Я не помню точно, знали ли мы об этой позиции до нашего заседания, или мы вынесли нашу резолюцию самостоятельно, до того, как нам стало известно решение ЦК. По моим воспоминаниям, совпадающим с воспоминаниями Рожкова¹, мы вынесли это решение самостоятельно и только потом узнали, что оно целиком совпадает с решением ЦК. Но это в конце концов и неважно, кто первый сказал А; важно, что это было единодушное решение партии. Вскоре появилась и прокламация ЦК, перепечатанная в типографии МК. У меня она сохранилась, в ней читаем: «Нет, не заниматься, согласно уставу и «применительно к подлости», то есть программам и данным официальной науки, будете вы, а свободно изучать и выяснять свое отношение ко всем волнующим Россию вопросам... Вы используете аудитории и все те удобства, которые доставляют учебные заведения, чтобы совместно с пролетариатом немедленно же начать подготовку к вооруженному восстанию — этому единственному исходу русской революции...

Долой самодержавие!

Долой Государственную думу!

Да здравствует народное восстание!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!»

Чтобы провести нашу резолюцию на студенческом митинге, на котором решался вопрос о позиции студенчества, были командированы от нашей группы Н. А. Рожков, приват-доцент университета, и И. Г. Наумов. На митинге была проведена целиком наша резолюция.

Интересно описание этого митинга в воспоминаниях Рожкова:

«Помню, как нельзя более ясно, ту минуту, когда я вошел в

---

¹ Н. Рожков, А. Соколов, «О 1905 годе». Воспоминания, изд. «Московский рабочий», 1925 г.

большую аудиторию нового здания университета, где происходила главная студенческая сходка, решавшая, что делать в создавшихся обстоятельствах. Студенчество собралось в огромном количестве. С трудом удалось протиснуться к председательской и ораторской трибуне. Председательствовал студент-большевик. Он предложил мне выпустить меня на трибуну для выступления тотчас же, вне очереди. Но я хотел сначала ориентироваться в настроении студенчества и просил несколько задержать мое выступление.

Из слов нескольких ораторов и из того, как на них реагировала масса, я понял, что настроение клонится вовсе не в сторону бойкота, а в направлении академической позиции профессоров, то есть студенчество было расположено к мирному пользованию академической свободой и к отказу от политики в стенах высших учебных заведений. Говорили в этом смысле студенты, несомненно, инспирированные ректором князем С. Н. Трубецким.

Выслушав двух ораторов, я попросил слова и вышел на трибуну...

Мое выступление имело успех, превзошедший мои ожидания. Я вовсе не считаю себя сколько-нибудь выдающимся большим оратором, но я говорил тогда с большим подъемом и с глубоким и горячим убеждением. Я указывал на то, что автономия — средство временно подкупить студенчество, что после победы реакции она будет отнята, смеялся над теми, кто думает, что островок академической свободы может уцелеть среди моря реакции, напоминал о ходе студенческого движения, указывая и на интересы и на общественные и гражданские обязанности студенчества, на необходимость открыть залы и все помещения высших учебных заведений для свободных всенародных собраний, с целью бойкота обманной Булыгинской думы и продолжения и развития революционной борьбы до полной победы над старым порядком.

Когда я кончил, аудитория была неузнаваема. Я понял, что победа одержана: все были охвачены горячим энтузиазмом к продолжению революционной борьбы».

Итак, с начала сентября во всех высших учебных заведениях начались народные митинги, не только в Москве, но и во всей России. В Москве в это время было четыре высших учебных заведения (не считая Петровской сельскохозяйственной академии за городом): университет, Высшее техническое училище в Лефортове, Институт инженеров путей сообщения на Бахметьевской и Межевой институт в Гороховском переулке. Все они открыли свои двери для широких масс. Начались в аудиториях лекции, доклады, речи, выступления ораторов разных партий, собрания профессиональных союзов, партийные конференции и совещания. Партийные организации

делали то или другое учебное заведение своей штабквартирой. Большевики обосновались в Высшем техническом училище.

Наша лекторская группа старалась быть в курсе всех более крупных открытых митингов в учебных заведениях, посылала на них оппонентов, если там выступали представители других партий, если выступали большевики, то посылала содокладчиков или просто на случай выступлений. Много докладов и лекций прочитали на этих митингах члены нашей группы. Приведу для примера одну газетную телеграмму среди многих других из Москвы, приведенных в книге Виктора Обнинского «Летопись революции», выпуск I (стр. 5):

«Москва. 6. X. В зданиях высших учебных заведений происходят митинги, собирающие массу публики.

Вчера в Межевом институте и Инженерном училище состоялось три митинга. В первом митинг открылся докладом г-на Покровского «О Государственной думе». Было до тысячи человек. В одной из смежных зал происходил другой митинг рабочих, — были прочитаны рефераты по поводу смерти ректора университета князя С. Н. Трубецкого, затем «О задачах пролетариата».

В Инженерном училище митинг открылся рефератом г-на Рожкова: «Научное основание социализма и социал-демократии». Было около тысячи человек разной публики. Митинги прошли беспрепятственно».

Надо сказать, что либеральная профессура была очень встревожена тем размахом и характером, которые приняли митинги в учебных заведениях. Вероятно, правительство оказывало давление на профессуру. Во всяком случае в начале двадцатых чисел сентября появилось распоряжение ректора Московского университета о временном закрытии университета; ректор С. Н. Трубецкой был вызван, повидимому, для объяснений и внушений в Петербург, в министерство. После приема у министра с ним сделался сердечный припадок, и он умер 28 сентября в приемной министра. Ленин писал по этому поводу:

«Бедный Трубецкой! Стремиться к народной свободе и умереть от «сцены» в передней царского министра... Мы готовы допустить, что это слишком жестокая казнь даже для русского либерала. Но только, господа, не лучше ли, не достойнее ли для сторонников народной свободы отказаться от всяких сношений с правительством палачей и шпионов? Не лучше ли умирать в прямой, честной, открытой, просвещающей и воспитывающей народ, уличной борьбе с этими гадами, без уничтожения которых невозможна действительная свобода, чем умирать от «сцен» при беседах с Треповыми и его презренными лакеями?»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 310.

Похороны Трубецкого обратились в большую демонстрацию московского либерального общества и студенчества. Было много венков, и даже Николай II прислал венок с надписью: «Доблестному гражданину». С этим венком не знали, что делать, но подошла группа студентов и демонстративно его разорвала на мелкие куски. В шествии принимало участие до десяти тысяч человек. На обратном пути с Донского кладбища к шествию присоединились группы рабочих и запели революционные песни, налетели казаки и нагайками разгоняли публику.

После смерти Трубецкого университет был открыт, и уже на следующий день там состоялись грандиозные митинги, на которых выступали наши товарищи.

Кроме общеполитических митингов, в учебных заведениях происходило много митингов профессиональных союзов. Разные слои московского пролетариата вырабатывали на них свои экономические требования и готовили свои забастовки, которые в это время постоянно вспыхивали то на том, то на другом предприятии.

ГЛАВА XVI

ЗАБАСТОВОЧНАЯ ВОЛНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ СЕНТЯБРЯ

С середины сентября забастовочное движение в Москве получает грандиозный размах. 19 сентября забастовала большая типография Сытина в Замоскворечьи. К ней одна за другой стали примыкать другие типографии. Забастовщики ходят толпами по улицам и снимают еще работающие типографии; так снимаются типографии реакционных газет «Русского листка» и «Московских ведомостей». В типографии «Московских ведомостей» на Страстном бульваре выбиваются камнями стекла. Останавливаются все крупные типо-литографии Москвы; 24 сентября не вышла уже ни одна московская газета.

На бульварах Страстном, Тверском, на Бронной и Патриарших прудах 22—24 сентября собираются толпы забастовавших, происходят летучие митинги, которые разгоняются конными жандармами, казаками и драгунами, толпа оказывает сопротивление; на Тверском бульваре возникают баррикады из скамеек, раздаются кое-где револьверные выстрелы. Толпы, вытесняемые с одного места, собираются в другом.

25 сентября начинают забастовку филипповские булочники на Тверской. Собираются против булочной большой толпой и намереваются идти снимать другие булочные и пекарни. На них наступает отряд городских и загоняет на двор; булочники заняли здания пекарни, забаррикадировались, и с верх-

них этажей в полицию летят камни, бутылки, стекла. Полиция подвергает осаде забастовавших, обстреливает окна и берет здание приступом; взятых в плен булочников избивают и вводят в охранное отделение в Гнездииковском переулке, где подвергают их вновь жестокому избиению. В результате несколько избитых умерло, а раненых никто не считал. На другой день градоначальник опубликовал приказ о запрещении всяких сборищ с угрозой их разгона, опубликовал и потери полиции за время демонстраций последних дней: «пострадали 16 полицейских, 10 казаков, из которых один умер, 4 драгуна и 4 жандарма, в том числе 1 офицер».

Эти стачки и демонстрации вызвали большое возбуждение в Москве: начались забастовки в ряде других предприятий.

Останавливалась одна фабрика, рабочие этой фабрики шли снимать ряд соседних. Около фабрик происходят митинги, которые разгоняются полицией: ей все чаще оказывается толпой сопротивление; кое-где выступают уже боевые дружины и стреляют в полицию.

К концу сентября в Москве бастовали все типо-литографии, многие булочные, несколько механических заводов, мебельные фабрики, табачники, некоторые железнодорожные мастерские.

Идут огромные митинги во всех учебных заведениях, куда собираются тысячи забастовавших рабочих, их там «обрабатывают» партийные агитаторы. Типографщики же получают разрешение от градоначальника собираться легально в Капцовском училище, в Леонтьевском переулке, на Тверской. Там организуется Совет депутатов типографских рабочих, к нему примыкают депутаты еще четырех профессий: столяров, табачников, металлистов и рабочих железнодорожных мастерских. Требования всюду — восьмичасовой рабочий день, увеличение заработной платы на тридцать-пятьдесят процентов, легализация рабочих депутатов, прием и увольнение рабочих через депутатов и др. Кое-где выдвигаются требования Учредительного собрания и свобод. Предприниматели идут на частичные уступки, там забастовки прекращаются. Газеты не выходят, но выпускается масса прокламаций, бюллетени типографского союза и т. п.

Московский комитет воздерживается пока от призыва к немедленному объявлению всеобщей стачки, потерпев два раза неудачу в этих призывах — в мае и июне.

Да и надо признаться: мы здесь, в Москве, на месте, недооценили всего значения этой сентябрьской забастовочной волны: она казалась еще обычной, хотя и принявшей большие размеры, стачечной волной, каких в России было уже немало в 1905 году.

Но иначе оценил ее Ленин из далекой Швейцарии, получив известия о московских стачечных событиях. В газете «Про-

летарий», в № 21 от 4 октября, появляется его статья: «Политическая стачка и уличная борьба в Москве». Ленин писал: «Революционные события в Москве, это — первая молния грозы, осветившая новое поле сражения... движение... в несколько дней поднимается от простой стачки к гигантскому революционному взрыву... Московская стачка показывает нам распространение борьбы на «истиннорусскую область», устойчивость которой так долго радовала реакционеров. Революционное выступление в этом районе имеет гигантское значение уже потому, что боевое крещение получают массы пролетариата, наименее подвижного и в то же время сосредоточенного на сравнительно небольшой области, в количестве, не имеющем себе равного нигде в России. Движение началось с Питера, обошло по окраинам всю Россию, мобилизовало Ригу, Польшу, Одессу, Кавказ, и теперь пожар перекинулся на самое «сердце России»¹.

Да, с этого времени Москва становится действительно революционным сердцем России.

События дальше развивались следующим образом: 4 октября прекратилась стачка типографщиков, закончившаяся частичным успехом. Стаечное движение, казалось, пошло на убыль, хотя еще и бастовало немало предприятий. Но 7 октября началась забастовка на Московско-Казанской железной дороге, а за нею и на других. В Москве начиналась знаменитая всеобщая политическая Октябрьская стачка, ставшая скоро всероссийской.

ГЛАВА XVII

ОКтябрьская всероссийская политическая стачка

Московские сентябрьские стачки и демонстрации имели большой отклик по всей России и вызвали революционный подъем и воодушевление, захватившие широкие слои рабочих, служащих и интеллигенции. Захватило это возбуждение и железнодорожников, среди которых еще в начале года (см. глава IX) вспыхивали стачки. Но тогда это были разрозненные, слабо организованные попытки, на которые правительство ответило объявлением военного положения на всех железных дорогах, действовавшее все это время. Но железнодорожники не успокоились. В апреле на съезде в Москве они организовали всероссийский профессионально-политический железнодорожный союз, который вошел в «Союз союзов». Союз железнодорожников отличался от других интеллигентских союзов

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 289, 290, 293.

тем, что в него входили не только служащие, но и железнодорожные рабочие, и, кроме того, он обладал большой мощью, поскольку он мог приостановить все железнодорожное движение. Ввиду общего постановления ЦК нашей партии о выходе партийцев из профессионально-политических союзов, наши товарищи вышли и из этого союза, но надо сказать, что все же в центральное бюро союза вошло два лица, сочувствующие большевикам. Это были: товарищ председателя Романов и член бюро товарищ Наймитниченко; потом был еще кооптирован Г. Б. Красин. Они не принадлежали формально к партии, но во всяком случае мы считали их своими людьми.

Лично я хорошо знал председателя союза, инженера В. Н. Переверзева, беспартийного демократа, очень энергичного и инициативного человека. Мне с ним часто приходилось встречаться в «Музее содействия труду» при организации профсоюзов, а также на разных митингах. Знал я и ряд других активных деятелей союза, в том числе Романова, Наймитниченко и Красина.

Наши партийцы, выйдя из союза, организовали партийные ячейки среди железнодорожных рабочих и служащих; московские железнодорожные мастерские были под значительным влиянием нашей организации: они входили в наш Железнодорожный район, ответственным организатором которого был в то время «Михаил Миронович» (Н. Н. Мандельштам).

Второй съезд железнодорожного союза в июле (на съезде были представители двадцати двух дорог) поручил центральному бюро объявить общую железнодорожную забастовку, когда оно найдет для этого подходящий момент.

Этот момент настал теперь, в начале октября, когда революционный подъем так ярко обозначился в Москве и во всей России.

Это совпало еще со съездом пенсионных железнодорожных касс: съезд этот был созван правительством в Петербурге для пересмотра устава этих касс, деятельность которых возбуждала общее неудовольствие среди железнодорожников. Съезд сразу вышел из предначертанных правительством рамок и предъявил политические требования. Перед съездом встала угроза разгона и репрессий, и он вошел в контакт с железнодорожным союзом, который и решил немедленно объявить забастовку на всех железных дорогах России.

Забастовка была объявлена на 7 октября. Начали ее машинисты Казанской дороги, во главе с машинистом Ухтомским, впоследствии расстрелянным во время подавления декабрьского восстания. Движение на дороге приостановилось. К стачке присоединилось в тот же день Управление дороги; служащие пошли снимать Управление Ярославской дороги, которое тоже присоединилось к стачке. На другой день, 8 октября, слу-

жащие этих дорог собрались на Чистых прудах и оттуда направились снимать другие дороги.

Железнодорожники, одни за другими, дружно присоединились к стачке, упорствовала пока только Николаевская железная дорога (ныне Октябрьская). Военские отряды, занявшие вокзалы, вели себя пассивно и не мешали «съемке». Наш Железнодорожный район энергично поддерживал забастовку, присоединив к ней железнодорожные мастерские.

Московский комитет спешно созвал общемосковскую партийную конференцию, которая и собралась 9 октября в Инженерном училище на Бахметьевской. Я был на этой конференции. Присутствовало триста-четырееста человек, а может и больше: аудитория была сплошь заполнена представителями заводских комитетов и районными комитетчиками. Заслушано было сообщение организатора Железнодорожного района «Михаила Мироныча» о ходе железнодорожной забастовки, о том, что не присоединилась пока лишь Николаевская дорога и что завтра намереваются ее энергично снимать.

Делегаты с мест настаивали на объявлении всеобщей забастовки, утверждая, что настроение рабочих везде боевое и что они обязательно примкнут к забастовке. Чувствовался большой подъем настроения. Единодушно решено было завтра в двенадцать часов дня объявить всеобщую политическую забастовку, выдвинуть лозунги: «Долой царское правительство!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует всенародное восстание!» Поручено было комитету срочно выпустить прокламации. Назначен был на завтра митинг в двенадцать часов дня на Каланчевской площади; после митинга решено снимать Николаевскую дорогу, а оттуда пойти снимать другие фабрики и заводы. Энтузиазм охватил присутствующих; с пением рабочей «Марсельезы» закончилась конференция.

С конференции, уже поздно вечером, отправилась группа участников ее в университет, где заседал железнодорожный стачечный комитет; пошел и я с этой группой. В стачечном комитете шло заседание с участием представителей партий. Наше сообщение, что московская большевистская конференция решила объявить на завтра всеобщую политическую забастовку, выслушано было с большой радостью. Представители меньшевиков, эсеров, «Союза союзов» объявили, что их организации тоже готовы присоединиться ко всеобщей стачке.

Еще не окончились митинги в разных аудиториях университета; мы рассеялись по митингам и везде объявляли о решении большевистской организации, к которой присоединились все другие — объявить всеобщую забастовку. Везде сообщение это встречалось с восторгом. Воодушевление было огромное.

10 октября на Каланчевской, ныне Комсомольской, площади собралась большая толпа, сняла Николаевскую дорогу и пошла по направлению к Красным воротам и дальше по Садовой к Курскому вокзалу, везде снимаемая расположенные по пути фабрики, заводы, конторы, учреждения. То же происходило и в других районах. Много предприятий и учреждений забастовало уже в этот день.

На другой день рано утром, когда я еще спал, вдруг слышу — перед моими окнами на Красносельской улице шум, крики и звон разбиваемых стекол. Вижу в окно — на улице большая толпа рабочих против обойной фабрики, которая расположена прямо напротив моей квартиры (она существует и поныне). Рабочие пришли с других фабрик и пытаются снять рабочих обойной фабрики; те что-то медлят выходить, туча булыжников из мостовой несется в окна фабрики, и их выбивают чуть ли не всех до единого. Через некоторое время ворота фабрики открываются, оттуда идет толпа рабочих, их встречают приветственными криками «ура!!», они присоединяются к толпе и отправляются дальше к соседней конфектной фабрике Абрикосова (ныне им. Бабаева); там повторяется та же история. Оттуда все увеличивающееся шествие направляется к макаронной фабрике Динга и т. д.

Полиции не было видно; она вообще эти дни держалась пассивно, хотя и были отдельные аресты; так, в первые же дни стачки был арестован председатель железнодорожного союза В. Н. Переверзев и часть членов правления союза, но они сейчас же были заменены другими, и эти аресты не внесли дезорганизации в работу союза.

Московский комитет выпустил в эти дни ряд прокламаций. Приведу выдержки из одной из них:

«Борьба разгорается. Всеобщая стачка, точно пожар, разливается по всей России... Она растет в своем могучем движении, захватывая город за городом. Быть может, эта волна и будет тем девятым валом, который захлестнет насквозь прогнившее здание царизма и снесет с лица земли позор и проклятие нашей родины — царское самодержавие. В бой за свободу, товарищи!

Москва — это сердце России — должна стать и становится сердцем всенародного восстания. В этот торжественный момент пусть вся масса рабочих двинется в бой. Прежде всего бросайте работу! Останавливайте фабрики, заводы, мастерские, трамваи, освещение... Все останавливайте! Идите вперед на борьбу за общие всему рабочему классу политические и экономические требования...

Выбирайте депутатов для руководства стачкой... Пусть депутаты всех фабрик и заводов объединяются в общий Совет депутатов всей Москвы.

Итак, товарищи, готовьтесь! Настают последние минуты старого строя, но старый строй не сдастся без кровавого боя. Нужно знать это, нужно готовиться к этому. Нужно вооружаться. *Только всенародным вооруженным восстанием можно покончить со строем виселицы и штыка...*

*Да здравствует всеобщая стачка!
Да здравствует всенародное восстание!»¹.*

Стачка между тем все расширялась.

12 октября к забастовке присоединяются городские коммунальные рабочие, останавливаются трамваи, конки, электрическое освещение, телефоны, но водопровод еще действует. Закрываются аптеки, конторы промышленных обществ, банки, в том числе государственный банк; охватываются забастовкой служащие городской и земской управ. Закрываются даже окружной суд и судебная палата, и все огромное здание «судебных установлений» в Кремле (ныне «здание рабоче-крестьянского правительства») пустеет. Закрываются большие магазины; булочные еще торгуют; но есть слухи, что завтра закроются пекарни и булочные, и население спешно раскупает хлеб. Прекращаются занятия в среднеучебных заведениях, и даже духовная семинария забастовала. Встает вопрос о забастовке больниц. Вопрос сложный. Как отказать в помощи заболевшим больным?! Врачебная этика этого не позволяет ни при каких условиях. Союз врачей колеблется; я вхожу с предложением, что больницы примыкают к забастовке, выбирают стачечный комитет, который берет на себя на время стачки управление больницами и организацию помощи в экстренных случаях, подобно тому, как железнодорожный союз решил во время забастовки беспрепятственно пропускать поезда с демобилизованными солдатами Манчжурской армии и перевозить хлеб в голодающие местности².

Мое предложение принимается, и несколько врачей из центрального бюро союза медицинских работников отправляются по больницам проводить в жизнь решение союза. Я отправляюсь в новую большую больницу в Сокольниках (кажется, называлась она тогда Бахрушинской). Созываем общее собрание и ставим вопрос о присоединении ко всеобщей стачке и о

¹ Теперь мы знаем, что автором этой прокламации был Васильев-Южин (умер в 1937 г.), см. его книгу «В огне первой революции», стр. 187, изд. «Старый большевик», 1934 г.

² В августе правительство успешно заключило мир с Японией, чтобы сосредоточить свои силы на борьбу с внутренними врагами — с революцией. В это время происходила демобилизация русской армии в Манчжурии и демобилизованные солдаты неудержимо стремились возвратиться домой.

выборе стачечного комитета. Администрация больницы и почти все врачи против этого и очень враждебно настроены против меня, поднявшего этот вопрос, но средний и младший медицинский персонал горячо меня поддерживает. Общее собрание решает присоединиться к стачке и выбирает стачечный комитет, а меня делегирует в центральный стачечный комитет, который в это время организовался для руководства стачкой. В него входили делегаты забастовавших предприятий, профсоюзов, «Союза союзов» и политических партий. Он был очень пестрым по своему составу, в нем получили преобладание представители интеллигентских союзов. Большевики вели в нем все время борьбу с либеральными и колеблющимися элементами. Я был на заседаниях этого стачечного комитета несколько раз в помещении «Музея содействия труду».

Во время октябрьской стачки шли непрерывные митинги днем и вечером. Кроме высших учебных заведений, для митингов открыли свои залы и классы некоторые среднеучебные заведения и начальные школы; уже с этого времени частное реальное училище Фидлера (в Мыльниковом переулке¹, близ Чистых прудов) становится большим центром собраний, заседаний и боевых дружин, которые в это время начали везде лихорадочно создаваться.

Митинги стали еще многолюднее, так как десятки тысяч бастовавших рабочих были теперь свободны и мощным потоком хлынули на митинги.

Я помню, как огромное стройное шествие рабочих заправило всю Моховую улицу перед университетом: это пришли на митинг рабочие Прохоровской мануфактуры (ныне Трехгорной). Они заполнили все аудитории, но не всем удалось попасть в стены университета: большая толпа осталась на дворе, и там открылся митинг, — ораторы говорили с крыльца.

Многие впервые слышали на этих митингах свободное политическое слово. Слушали внимательно, боясь проронить хотя бы одно слово. Подъем был необычайный. Наибольший успех имели не ораторы лекторско-пропагандистского типа, а горячие агитаторы, кидавшие в толпу зажигательные лозунги. Особенное воодушевление вызывали известия, что стачка распространяется по всей России, стали все железные дороги, в Петербурге и во всех больших городах всеобщая стачка, везде идут митинги, демонстрации; в Петербурге избран Совет рабочих депутатов, который руководит стачкой. Вся Россия до отдаленнейших ее углов находилась в революционном кипении. Чувствовалось, что мы переживаем великие события.

¹ Теперь улица Жуковского.

Помню, как на одном огромном митинге, в каком-то театре или клубе, ко мне подошла товарищ Землячка, которая была в это время секретарем Московского комитета, и сказала: «Что мы переживаем?! Ведь это и есть уже настоящая революция, ее решающий момент!»

ГЛАВА XVIII

НАИВЫСШИЙ ПОДЪЕМ СТАЧЕЧНОЙ ВОЛНЫ. ОСТАНОВКА ВОДОПРОВОДА. УЛИЦЫ МОСКВЫ ВО ВРЕМЯ СТАЧКИ. ЧЕРНОСОТЕННАЯ АГИТАЦИЯ. СОБРАНИЕ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ. ОСАДА УНИВЕРСИТЕТА. ПОГРОМЫ

14 и 15 октября были днями наивысшего подъема стачечной волны: в эти дни не работал в Москве водопровод. Остановка водоснабжения являлась очень серьезным моментом в жизни большого города. Отсутствие воды ощущалось остро всеми жителями города. Помню, что нам для личного потребления и для питания больных в лечебнице, где я работал, приходилось доставать воду из заброшенного колодца на дворе: вода была зеленая и воюющая; неприятно было смотреть на нее, не то что пить.

Москва в эти дни представляла собой жуткую и грозную картину, особенно вечером. Город как бы вымер — полная тьма на улицах, темно в домах, закрыты магазины, рестораны, прохожих почти не видать, только в высших учебных заведениях идут митинги при слабом свете свечей. С одной стороны — чувствуется мощь рабочего класса, приостановившего всю жизнь города; но с другой стороны — не видно еще активных попыток перейти в наступление, к взятию власти в свои руки.

Воспользовавшись затруднениями, которые создала всеобщая стачка для обывателя, оживилась в эти дни черносотенная агитация. В реакционных газетах «Московские ведомости» и «Русский листок»¹ были напечатаны воззвания «Союза русского народа», призывающие к погромам «забастовщиков и их подстрекателей».

Черносотенцы стали вообще называть «забастовщиками» революционеров; это слово заменило с этого времени слово «студент», употреблявшееся в этом смысле ранее, начиная с 60-х годов. Вся эта черносотенная агитация и организация велась по инициативе и при деятельном участии полиции и духовенства. В эти дни было напечатано в правых газетах и рас-

¹ Газетные типографии, в которых стачка закончилась 4 октября, не все приняли участие в октябрьской стачке, и некоторые правые газеты нерегулярно выходили в эти дни.

клеено воззвание, призывающее всех «благомыслящих» жителей столицы собраться 16 октября в воскресенье в церквях и после обедни записываться «в дружины порядка», которые должны начать активную борьбу «с крамольниками и забастовщиками». В Москве явно готовился черносотенный погром, ходили слухи, потом подтвердившиеся, что полиция в участках раздавала в эти дни оружие черносотенцам. Революционеры в эти же дни усиленно организовывали боевые дружины, на митингах шли сборы «на оружие». В университете, в других высших учебных заведениях и в некоторых средних организовались студенческие дружины самообороны.

Московская городская дума, встревоженная положением, которое создалось в Москве благодаря всеобщей стачке и настойчивым слухам о предполагаемом черносотенном погроме, решила собраться 15 октября вместе с московскими общественными организациями.

Я, как член стачечного комитета, пошел в этот день в думу. Она помещалась в том здании, где теперь Музей Ленина. Часам к одиннадцати утра большой зал заседаний думы был полон. Присутствовал цвет московской либеральной интеллигенции: профессора университета, адвокаты Маклаков, Тесленко, Шаховской, представители интеллигентских союзов, представители партий «освобожденцев», эсеров, меньшевиков. Большевицкая организация была представлена С. И. Черномордиком («Ларионов») и Л. Н. Сталь («Людмила»). Рабочие организации были представлены очень слабо: были, помнится, представители только от союза городских служащих и рабочих и от меньшевистского типографского союза. Перед открытием официального заседания городской думы состоялось частное совещание общественных представителей, на котором они должны были столковаться, чего им требовать от думы. На этом совещании большевики выдвинули требования к думе: 1) сложить свои полномочия, 2) функции городской думы передать временному совету из представителей демократических организаций и революционных партий, 3) временный совет должен организовать выборы в новую демократическую думу на основах всеобщего избирательного права, 4) упразднение полиции и замена ее милицией, находящейся в ведении временного совета. Эти требования показали совершенно неприемлемыми для всего собрания; большевики оказались в одиночестве. Все другие партии объединились на очень умеренных требованиях к думе: обновить ее введением в ее состав представителей общественных организаций с совещательным голосом и организовать городскую милицию для охраны против погромов.

Затем открылось другое заседание, уже с участием гласных

думы, в торжественной обстановке, при переполненном зале. Все сознавали важность переживаемого момента. При открытии заседания городской голова князь Голицын объявил, что это собрание не представляет собой официального заседания думы, а только частное совещание думы с представителями общественных организаций; дума заслушает здесь мнение представителей общественных организаций, а потом состоится закрытое заседание думы, и там дума сделает свои постановления. Против такого решения выступил товарищ Черномордик с речью, которую он закончил такими словами: «От имени московского революционного пролетариата я заявляю решительный протест против попыток думы обсуждать положение тайно, укрывшись от народного контроля. Заседание думы должно происходить на глазах всего народа, при участии его истинных представителей»¹.

Потом выступали с речами московские либеральные и «революционные» златоусты. Слушая этих «блестящих» ораторов, мне показалось, что наша большевистская организация довольно слабо представлена в этом многочисленном собрании, и я решил пойти в Техническое училище в Лефортове, в МК, просить подкрепления. Там было установлено на время забастовки дежурство Исполнительной комиссии, которую выделил из своей среды МК для руководства всей работой организации во время забастовки. В эту комиссию входило трое членов МК — Шанцер, Васильев-Южин и Владимирский. Выйдя из городской думы, я был удивлен полным безлюдием на площади перед Думой (ныне Площадь Революции) и на Театральной площади. Оказалось, что на площадь к думе пытались проникнуть демонстрации, но они были разогнаны, и проходы к площадям охранялись воинскими отрядами, но отдельных прохожих пропускали.

Улицы до Лефортова тоже были безлюдны, не было даже извозчиков, и мне пришлось дальний путь до Технического училища проделать пешком. Там я застал товарища Владимирского и увлек его с собой в городскую думу. Мы пришли в то время, когда дума уже вела свое закрытое заседание, а общественные представители ожидали ее решений в другом зале, — был уже вечер, зал скудно освещен лампами. Узнаем здесь, что в университете забаррикадировались студенты, и он осажден войсками, что в городе произошел ряд нападений черносотенцев на студентов и рабочих, были раненые и избитые, был разгон нескольких демонстраций. Момент был очень тревожный, к тому же мы узнали, что городская управа ведет сепаратные переговоры с представителями городского во-

¹ См. воспоминания товарища Черномордика в сборнике «Декабрьское восстание», стр. 53, ГИЗ, 1920 г.

допровода, уговаривая их приступить к работам и идя для этого на уступки всем их экономическим требованиям. Между тем в зале продолжались речи. Выступил товарищ Владимирский: он пытался разбить соглашательский блок и увлечь более левые элементы собрания пойти за нашими лозунгами, но это не удалось: блок всех направлений от либералов-«освобожденцев» до эсеров и меньшевиков включительно оказался прочным.

Поздно ночью мы узнали, что водопроводчики решили с утра следующего дня пустить водопровод. Думцы, окрыленные своей победой, вносящей частичный раскол в среду забастовавших, решили отклонить все требования общественных организаций и только образовать под своим управлением городскую милицию (она никогда не была организована).

Об этом в два часа ночи дума и объявила общественным представителям. Это заявление было встречено с негодованием всеми присутствующими. Товарищ Владимирский сказал короткую, но сильную речь, в которой он выражал твердую уверенность, что близко уже время, когда пролетариат выступит еще более организованно, решительно и победоносно и тогда поведет уже другой разговор с представителями крупного капитала, каковыми являются гласные думы. Закончил он речь возгласами: «Да здравствует пролетарская революция!» Ровно через двенадцать лет, в октябре 1917 года, М. Ф. Владимирский вошел в это самое здание городской думы, как представитель революционного пролетариата, после победы его на выборах в московские районные думы: председателем Совета районных дум, заменившего собой старую городскую думу, был выбран товарищ Владимирский.

Следующий день, воскресенье 16 октября, был особенно тревожным. Мы узнали, что студенты университета сдались, хотя и на почетных условиях: они были выпущены организованно, без обыска, боевая дружина сохранила и вынесла все свое вооружение. Университет был занят войсками.

В церквах в этот день были произнесены черносотенные проповеди, призывающие к погрому революционеров. Проповедь была заранее заготовлена и одобрена московским митрополитом. Некоторые священники отказались произнести эту проповедь, в нескольких церквах раздалась протесты; протестанты были избиты молящимися. После обедни «верующие» выходили группами из церквей и избивали встречающихся студентов; избивали их в этот день и казаки, занявшие университет и Манеж.

Вот описание этих избиений, сделанное одним свидетелем и помещенное в «Русских ведомостях»: «Считаю своим долгом довести до сведения редакции о том, что имел несчастье целый день наблюдать из своего окна. Казаки, сконцентриро-

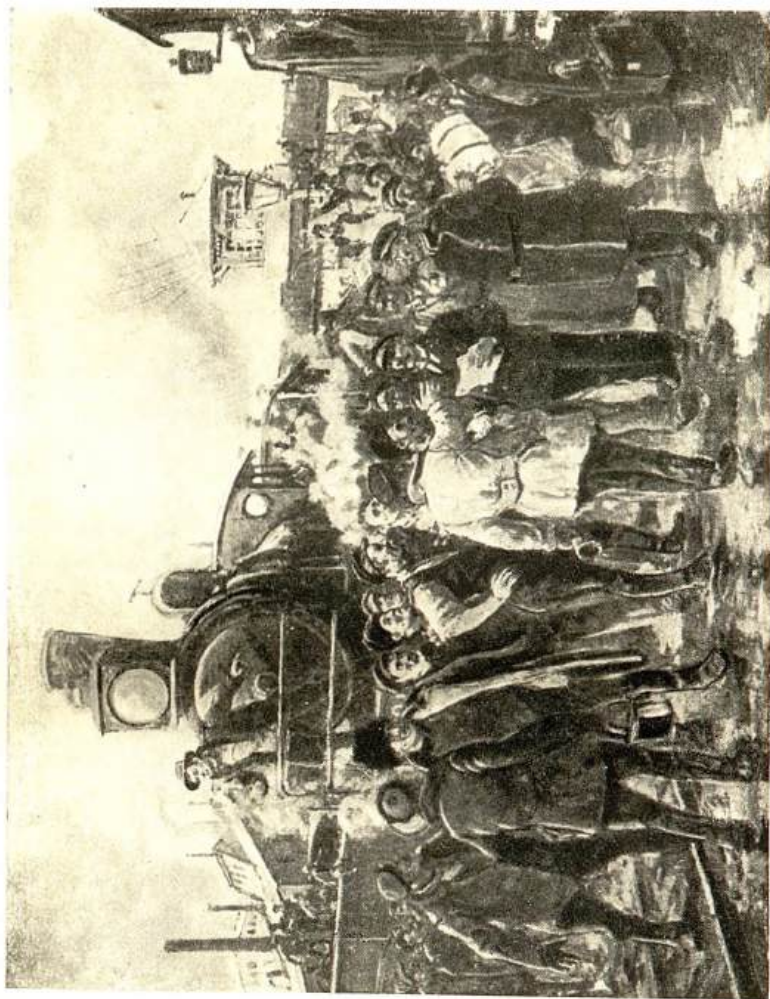
ванные в Манеже, целый день 16 октября с девяти часов утра до шести часов вечера развлекались избиением проходившей мимо Манежа вдоль Александровского сада публики, и в особенности студентов и других учащихся. Мною насчитано шестьдесят четыре единичных избиения. Казаки, наметив среди проходивших жертву, набрасывались и начинали хлестать нагайками по лицу и голове. Люди падали в грязь, кричали, их продолжали, лежащих, бить. Между прочим в кровь избит был мальчик лет тринадцати-четырнадцати. Полиция присутствовала безмолвно. Офицеры смеялись, а толпа казаков при каждом ударе поощряла сочувственными криками. Избиваемые лица ничем не вызывали казаков на подобное избиение. — *Леонид Надеждин*».

Так наметилось в эти дни наступление контрреволюции. Уверенности в близкой, хотя бы частичной, победе не чувствовалось в этот день. По крайней мере могу это сказать о себе.

ГЛАВА XIX

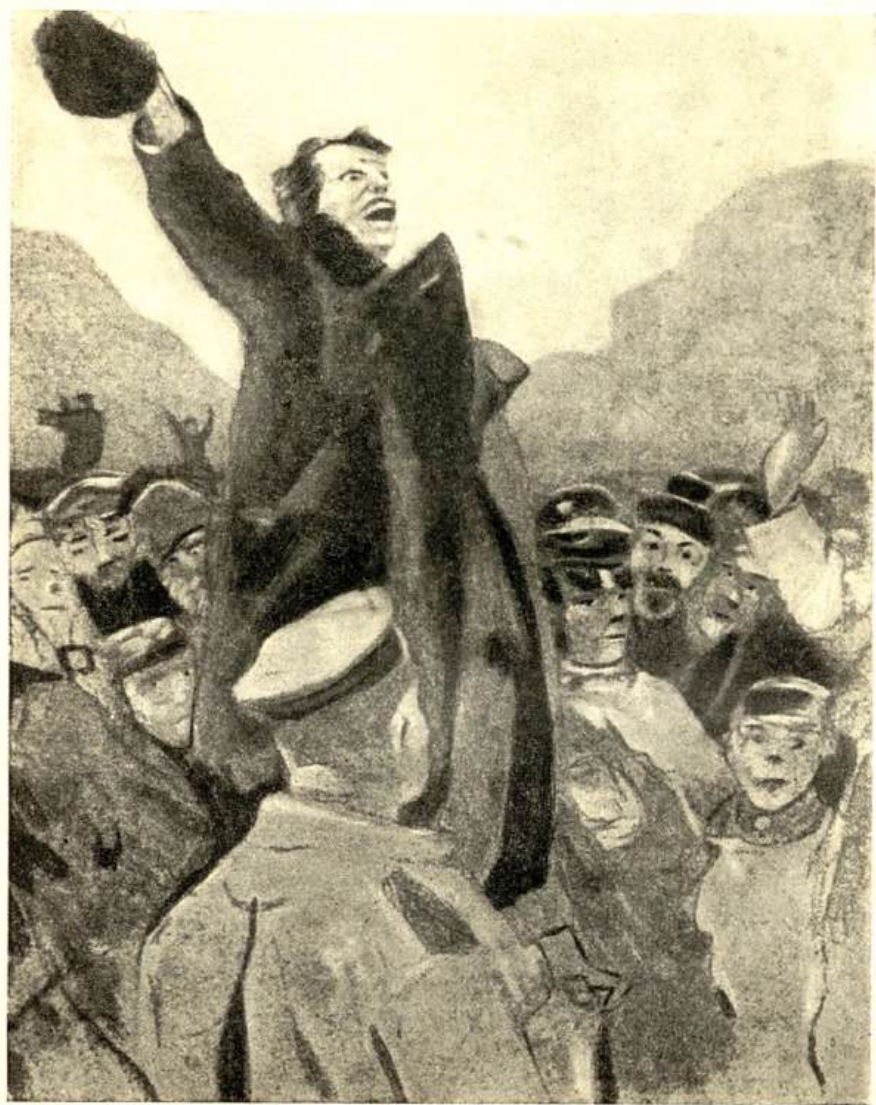
МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ

На другой день после описанных в предыдущей главе событий, 17 октября, вечером, состоялось заседание стачечного комитета, на котором я присутствовал. Были заслушаны доклады с мест, из которых выяснилось, что всеобщая стачка отзывается тяжело и на самом рабочем населении города: чувствуются большие затруднения в продовольствии, особенно в хлебе, не говоря уже о других продуктах. В некоторых слоях стачечников, в частности среди железнодорожников, заметны колебания. Ставился некоторыми вопрос, доколе мы сможем продолжать стачку. Во время заседания вошли в зал приехавшие в Москву представители Петербургского Совета рабочих депутатов, образовавшегося там 13 октября. О деятельности его, об его растущем авторитете среди петербургских рабочих мы уже слышали, и мы горячо приветствовали петербургских гостей. Они сделали доклад о всеобщей стачке в Петербурге, о твердом настроении петербургских рабочих, об их решимости бороться до конца. Они сообщили также о том, что по улицам Петербурга расклеены объявления о запрещении митингов и всяких собраний, что высшие учебные заведения оцеплены войсками, что по улицам Петербурга расклеены приказы генерал-губернатора Трепова по войскам: «холостых залпов не давать — патронов не жалеть», но, несмотря на столь грозный приказ, везде идут митинги и настроение рабочих приподнятое, боевое. Ходят упорные слухи,

*Всеобщая железнодорожная забастовка в октябре 1905 г.
С картины Г. К. Савицкого*

Митинг 18 октября 1905 г.

С рисунка С. В. Иванова

Студенческая демонстрация в Петербурге после манифеста 17-го октября 1905 г.

Убитый студент на тротуаре и удаляющаяся толпа черносотенных громил
(Из журнала „Зритель“, 1905 г., № 18)

что в правительстве большая растерянность, внутри его идет борьба двух течений: одно — за объявление военной диктатуры, другое — за уступки, за объявление конституции.

Теперь-то мы знаем и из воспоминаний графа Витте и из других источников, что царь Николай был в эти дни в паническом состоянии, был приготовлен пароход для отъезда царского семейства за границу, что дядя царя великий князь Николай Николаевич, командовавший войсками Петербургского военного округа, считая, что войска у него слишком мало для подавления революции и что оно недостаточно надежно, пришел к царю и умолял его подписать манифест и программу, предложенную Витте, угрожая в случае отказа тут же пустить себе пулю в лоб. Петербургский генерал-губернатор Трепов, который имел больше всех влияния на царя, тоже растерялся и ступешался в этот момент. Витте пишет в своих воспоминаниях:

«В Петербурге все ждали, чем это все кончится. Знали, что ведутся какие-то переговоры со мной и с другими лицами, что идет какая-то борьба, и ждали, чья сторона возьмет верх: граф Витте, что представляло синоним либеральных реформ, или появится последний приступ мракобесия, который на этот раз, как того с нетерпением ожидали все революционеры, совсем свалит царствующий дом. Надежды эти были весьма основательны, так как царь возбуждал или чувство отвращения, злобы, или чувство жалостного равнодушия, если не презрения; великие князья были или совсем скомпрометированы, или безавторитетны; правительство, не имея ни войска, ни денег и не имея способности справиться с общим неудовольствием и бунтами, окончательно растерялось»¹.

В этот момент, о котором я пишу, обо всем этом ходили в Петербурге только неопределенные слухи.

После доклада делегатов Петербургского Совета стачечный комитет постановил продолжать стачку до последних возможностей. Собрание приходило к концу или уже было закрыто, некоторые разошлись, было около двенадцати часов ночи. Вдруг в зал вбегают адвокат Тесленко. Он был участником учредительного съезда конституционно-демократической партии, который происходил в эти дни (12—18 октября), и только что заседал в одном из залов того же Технического общества, в помещении которого заседал и стачечный комитет. Тесленко, очень взволнованный, объявил, что только что получено извещение по телефону из Петербурга, что сегодня вечером Николай подписал манифест о свободах и кон-

---

¹ *Граф Витте*, «Воспоминания», т. II, стр. 41—42, ГИЗ, 1923 г. Эти «Воспоминания» написаны в 1907 году. Витте умер в 1915 году.

ституции, и он тут же зачитал этот манифест, дословно переданный по телефону.

Приведу выдержки из этого манифеста 17 октября: «Мы (то есть «Николай второй», — С. М.) признали необходимым объединить деятельность высшего правительства¹.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. ...привлечь теперь же к участию в думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному государственному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей...»

Документ произвел на присутствующих большое впечатление: ничего подобного не ожидали; никогда самодержавное правительство не говорило таким языком, некоторые выражения (особенно см. пункт 1-й) взяты были прямо из требований, печатавшихся в подпольных прокламациях. Победная радость охватила присутствующих, хотя сейчас же явилось у многих сомнение в искренности заявлений Николая, но, как бы то ни было, революция властно заставила его заговорить на своем языке, и уже это значило многое. Первая победа была одержана, ее надо закрепить и расширить.

В первые же часы после появления в Женеве известий о манифесте 17 октября Ленин писал: «Мы имеем полное право торжествовать. Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать. Оно только отступило...»².

---

¹ До этого в России не было объединенного министерства, каждый министр действовал самостоятельно, подготовлял законопроекты в рамках своего министерства, и потом царь или непосредственно их утверждал и они издавались в виде «высочайших указов», или проекты вносились от имени данного министерства в Государственный совет и затем уже утверждались царем. Комитет министров был учреждением без всякого влияния, и его председатель не играл роли первого министра, объединяющего деятельность правительства.

² В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 352.

ДЕМОНСТРАЦИИ 18 ОКТЯБРЯ. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ. УБИЙСТВО БАУМАНА

Утром 18 октября во всех газетах был напечатан манифест о свободах и о законодательной думе.

Я пошел узнать в центр о наших партийных установках в связи с появлением манифеста.

Улицы были полны народа. Все дома были увешаны национальными трехцветными флагами. До сих пор я никогда не видал на улицах Москвы такой оживленной толпы: шли разговоры о манифесте, кое-кто из черносотенцев ругал «красных» и «забастовщиков», другие им горячо возражали; попадавшихся полицейских встречали криками: «Поцарствовали, попили нашей крови! Теперь баста!»

Все шли к центру — к Театральной площади, к Тверской. Это было стихийное движение, никем не руководимое. Подошли к Театральной площади (ныне Свердловской), она была запружена народом. Кое-где виднелись красные знамена, одно из них было водружено на фонтане в центре площади. С фонтана говорили ораторы; с того места, где я остановился, — у угла «Метрополя» и площади, — было плохо слышно. Иногда долетали слова: «Да здравствует свобода!» Толпа подхватывала этот лозунг, и крики «Да здравствует свобода!» широко оглашали площадь. Потом, повидимому, говорили об освобождении политических ссыльных и заключенных, раздались крики: «Амнистия! Амнистия!» Около оратора запели:

Вы жертвою пали
В борьбе роковой...

Это пение было нестройно подхвачено по всей площади: тогда еще масса не умела петь революционные песни, не знала слов.

Вдруг раздался клич — итти к тюрьмам освобождать политических. Стали срывать флаги с домов, обрывать с флагов синие и белые полосы, оставляя одни красные. Получались узкие красные знамена-пики.

Образовались колонны, вооруженные этими пиками. Пошли по направлению к Таганке, по дороге везде срывали флаги и делали из них красные знамена; некоторые делали из красных полос банты и украшали ими себя.

Колонны по мере продвижения росли и росли; когда подошли к Таганке, уже начало смеркаться. Заполнились переулки около тюрьмы. Ворота тюрьмы были заперты, стали в них колотить древками знамен; впустили несколько человек во внутрь двора для переговоров с администрацией тюрьмы. Сре-

дн вошедших в тюремный двор был наш партийный товарищ из боевой организации — инженер Виноградов, с красной лентой через плечо. Демонстранты остались на улицах ждать.

В этой тюрьме я сидел два с лишком года — с конца 1894 года до весны 1897 года. Рабочее движение было в зародыше, и я тогда даже не мечтал, что пройдет восемь лет и революционный народ придет освобождать заключенных.

Через некоторое время вышел из ворот кто-то из наших делегатов и объявил, что идут переговоры по телефону с генерал-губернатором и что, вероятно, скоро начнут освобождать заключенных. Мы терпеливо ждали. Там и сям нестройно запели революционные песни: «Отречемся от старого мира» и «Вы жертвою пали». Вдруг — близкий ружейный залп. Колонны демонстрантов дрогнули. За первым залпом, через некоторое время, второй. Началась паника, многие побежали вдоль улицы в сторону противоположную, откуда слышались залпы. Через некоторое время — третий залп; потом все стихло. Мало-помалу порядок в колоннах восстановился. Впоследствии мы узнали, что со стороны Таганки подъехал к месту демонстрации казачий отряд, дал три залпа и уехал. Были ли залпы холостые, или казаки стреляли поверх толпы, неизвестно, но убитых или раненых среди демонстрантов не оказалось.

Демонстранты занимали прежние места. Вскоре подъехал к тюрьме московский губернатор Джунковский и объявил, что он будет сейчас разбирать дела и выпускать, кого можно. Раздались крики: «Выпускайте всех, иначе не уйдем!»

В Таганке в это время сидело довольно много политических: во-первых, почти весь ЦК прежнего состава, арестованный в феврале на квартире писателя Леонида Андреева (см. главу II); во-вторых, ряд ответственных работников московской большевистской организации, арестованных в последнее время, особенно во время сентябрьских забастовок. Среди заключенных были член МК Шестаков, агитатор Седой и ряд других товарищей. Вдруг мы слышим громкий голос Седого из большого коридорного окна третьего этажа: он призывает толпу к спокойствию, говорит, что идет освобождение политических заключенных и скоро они все выйдут. Восторг охватил демонстрантов, кричали: «Ура! Да здравствует свобода! Долой царских опричников!» После Седого говорили из окна агитационные речи еще несколько товарищей. Через некоторое время ворота тюрьмы раскрылись, и со двора вышла толпа освобожденных узников. Энтузиазм был неописуемый! Освобожденных целовали, обнимали, качали. Я с радостью приветствовал Седого, Шестакова, Сильвина, Семена Петровича. Демонстранты с пением и криками пошли от тюрьмы, во главе шла группа освобожденных.

Потом мы узнали, что в то время, как наша демонстрация

собиралась на Театральной площади, делегация от стачечного комитета вела переговоры с генерал-губернатором Дурново об освобождении политических заключенных, обуславливая этим прекращение всеобщей забастовки. Во время этих переговоров к дому генерал-губернатора (где ныне Моссовет) подошла огромная демонстрация с красными знаменами и потребовала выхода генерал-губернатора к демонстрантам. Он вышел на балкон с непокрытой головой, держа фуражку в руках; по обеим сторонам его стояли два адъютанта, держа руку под козырек, как бы отдавая честь красным знаменам. Дурново что-то говорил, демонстранты закричали: «Амнистия! Амнистия!» Конечно, внушительная демонстрация сделала генерала более уступчивым в переговорах, и освобождение политических заключенных было решено.

Такая же, как у Таганской тюрьмы, демонстрация состоялась в этот день и у Бутырской тюрьмы, и там тоже произошло освобождение заключенных.

Демонстранты с освобожденными направились частью к университету, частью к Техническому училищу и влились в публику, собравшуюся на митинги. Появление освобожденных революционным народом политических узников вызвало огромный энтузиазм. Многие от волнения и умиления плакали...

Но тут же узнали мы печальную вест: днем, во время шествия колонны демонстрантов, направлявшейся от Технического училища к Таганской тюрьме, черносотенцем был убит Николай Бауман. За несколько дней перед этим он был выпущен из Таганской тюрьмы, где сидел с июня 1904 года (см. часть первая, глава XI) в ожидании суда; суд был, «ввиду тревожного времени», отложен, и все обвиняемые были освобождены до суда. Бауман немедленно после выхода на свободу принялся за революционную работу; был кооптирован в МК. 18 октября с утра МК заседал в Техническом училище, обсуждая положение, сложившееся после опубликования манифеста. Резолюция МК была вполне определенной: относиться с полным недоверием к искренности обещания правительством свобод и конституции, использовать все новые возможности для расширения агитации и пропаганды и для подготовки нового, более сильного натиска на самодержавие, с целью его окончательного свержения; под этим лозунгом развернуть широкую агитацию в печати и на митингах. Бауманом было тут же написано горячее воззвание в этом духе.

После окончания заседания МК было решено организовать демонстрацию из собравшихся на митинг в Техническом училище и идти к Таганской тюрьме освобождать политических заключенных. Колонна демонстрантов во главе с членами МК в полном составе двинулась. Во время шествия Бауман заметил вдали толпу рабочих, собравшихся около одной фабрики;

он сел на извозчика, взял в руки знамя и поехал к этой толпе рабочих, с целью звать их присоединиться к демонстрации. Когда он проезжал мимо полицейского участка, из группы стоявших тут полицейских выбежал, очевидно, направленный полицией, дворник с ломом в руке, подбежал к пролетке, на которой ехал Бауман, и ударил его ломом по голове. Смерть наступила моментально. Был выбит из строя один из лучших наших товарищей¹. Весть об этом преступлении быстро разнеслась среди собравшихся на митинг и вызвала бурю негодования; это убийство было яркой иллюстрацией того, чего стоили обещания царского манифеста, и напоминало о необходимости и неизбежности дальнейшей борьбы.

Тут же на митингах выносились постановления поддержать всемерно лозунг МК об организации всенародной процессии во время похорон Баумана.

ГЛАВА XXI

ПОХОРОНЫ БАУМАНА

Хоронить Баумана решено было 20 октября. Весь день 19 октября прошел в подготовке этих похорон: шли непрерывные митинги в высших учебных заведениях и по фабрикам и заводам. Стаечный комитет постановил прекратить всеобщую забастовку с 19 октября, но МК не согласился с этим и объявил, что работы должны возобновиться только после похорон Баумана. Часть учреждений и предприятий начала работать, а большинство крупных фабрик и заводов продолжало бастовать, но в день похорон были приостановлены работы повсюду.

К администрации было предъявлено требование, во избежание кровопролития, убрать полицию с улиц, по которым пойдет шествие, за порядок ручались организаторы похорон. Не знаю, кто вел эти переговоры: не то «Союз союзов», не то союз адвокатов, но с ответом явился полицейский пристав в Техническое училище, где стоял гроб Баумана, и объявил официально представителю МК Шанцеру о согласии генерал-губернатора убрать полицию с маршрута процессии, если она не пойдет по главным улицам.

Шанцер ответил, что никаких обещаний он давать не будет, что наши боевики справятся со всяким, кто помешает нам пройти.

¹ В память большевика *Баумана* Лефортовский район Москвы, где он работал, где он погиб и где стоял его гроб, был назван при советской власти *Баумановским* районом. Там, в Баумановском саду, поставлен памятник Бауману.

Утром 20-го я пошел в Техническое училище. Там уже стояли колонны с красными знаменами, прибывшие с фабрик и заводов; при каждой колонне была боевая дружина, вооруженная револьверами. Колонны все прибывали. Пришла университетская студенческая дружина, — это на случай нападения черносотенцев на шествие.

Гроб Баумана был покрыт алым бархатом, около него стояло большое бархатное знамя, на котором было вышито золотыми буквами: «Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Вокруг гроба стояли члены МК с широкими красными шелковыми лентами через плечо. Стояли члены районных комитетов и нашей лекторской группы.

Шествие двинулось часов в одиннадцать утра. Гроб несли на руках, впереди несли множество знамен, венков. Процессия пошла от Технического училища по Покровке, свернула по Земляному валу к Красным воротам, оттуда по Мясницкой (ныне Кировской) к Театральной площади, потом по Никитской (ныне улица Герцена) к Ваганьковскому кладбищу. Зрелище было грандиозное. По мере шествия в процессию вливались все новые колонны, и она далеко растянулась. Исчисляю число участников около ста пятидесяти — двухсот тысяч человек; тротуары были заполнены любопытствующей или сочувствующей толпой. Во многих местах окна и балконы были украшены красной материей. По бокам процессии шли цепи людей, державших за руки друг друга и ограждавших процессию от остальной публики; за ними шли цепи дружинников. Гроб несли попеременно члены Московского комитета. В процессии, кроме рабочих, принимали участие и интеллигентские профессионально-политические союзы, союз «равноправия женщин» и другие. Шла также группа солдат-вольноопределяющихся и группа офицеров. Все время раздавалось торжественное пение похоронного марша «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и боевой песни «Отречемся от старого мира». Это было поистине всенародное шествие, отдающее честь погибшему бойцу за дело пролетариата и всего народа. Когда проходили мимо консерватории, оттуда вышли два оркестра, которые попеременно играли похоронные марши, вплоть до кладбища. Порядок все время был полный. Черносотенцы не решились напасть, зная, что процессия охраняется вооруженными дружинами; только в самом начале шествия я слышал где-то отдаленный ружейный или револьверный залп, но, что это было там, я так и не узнал.

Таких похорон Москва не видала никогда. Они выявили огромную организованную силу пролетариата, чествующего своего павшего героя-вождя. Они же показали всему населению Москвы, что гегемоном революционного движения является пролетариат, борющийся под руководством Москов-

ского большевистского комитета. Авторитет МК после этих похорон необыкновенно поднялся. Во время шествия я шел одно время рядом с товарищем Мартыном Лядовым, и мы обменялись впечатлениями: думали ли мы, когда двенадцать лет тому назад с ним организовывали первые марксистские рабочие кружки, что мы так скоро доживем до такого грандиозного размаха?!

Когда шествие достигло кладбища, то стало уже темно, зажгли факелы; при свете факелов на могиле было произнесено несколько речей: говорили Шанцер, Васильев-Южин, Седой; все призывали к мщению и к подготовке вооруженного восстания. Страстную речь произнесла жена Баумана, призывавшая присутствующих дать клятву на могиле Баумана бороться с самодержавием и капитализмом до полной победы, и если нужно будет, то погибнуть в этой борьбе. Все, подняв руки, поклялись. Незабываемый торжественный момент!

После похорон шествие в полном порядке повернуло обратно в город, но по дороге стало таять: поодиночке и группами стали расходиться по домам. Я, дойдя до Кудринской площади (ныне площадь Восстания), повернул по Садовой, по направлению к Красным воротам, и пошел домой. Знаменосцы решили отнести знамена в университет и пошли по Никитской. Я шел домой под сильным впечатлением столь грандиозной демонстрации.

Утром разбудил меня телефонный звонок. Не помню: кто-то тревожным голосом сообщил мне печальную весть, что группа знаменосцев, подойдя к университету, была обстреляна казаками, которые занимали в эти дни Манеж. Было восемь человек убитых и много раненых. Темные элементы реакции все же решили дать какой-нибудь реванш за события 20 октября.

ГЛАВА XXII

ЧЕРНОСОТЕННЫЕ УБИЙСТВА И ПОГРОМЫ

Но этим дело не ограничилось. Следующие за днем похорон Баумана два дня — 21 и 22 октября — были, по выражению одной газеты, «днями ужаса и позора для Москвы». По улицам ходили небольшие, вооруженные толстыми палками и револьверами, группы черносотенцев с царским портретом и с пением «Боже, царя храни» и «Спаси, господи, люди твоя», избивая и убивая встречающихся студентов. Одного студента, Лопатина, избили и сбросили с Каменного моста в Москва-реку. Нашего товарища, члена боевой организации, Грождана, за то, что он отказался снять шапку перед манифестацией, вытащили из вагона конки и убили, он опознан был

только через четыре дня. Заступавшихся за избиваемых тоже избивали, иногда убивали.

Злоба против революционеров была излита и на здании Московского университета. После казацкой засады в Манеже, 20 октября, в одной из аудиторий, выходивших на Никитскую, был устроен лазарет, где оказывалась первая помощь раненым; на двери был вывешен знак «Красного Креста». Против этого-то лазарета и направилась ненависть черносотенцев.

«В третьем часу утра на 22 октября группа «черных» стала бросать в новое здание университета камни, попавшие в окна аудитории, которая была превращена в перевязочный пункт. По счастью, никто не пострадал. Однако, в целях безопасности для раненых и медицинского персонала, было постановлено перевести лазарет из университета в помещение Высших женских курсов».

В этом помещении курсов находилось также общежитие курсисток; туда явился какой-то человек и заявил, что он пришел предупредить, что общежитие будет разгромлено. Курсистки обратились за помощью к студентам, и в прихожей была поставлена для охраны вооруженная студенческая дружина. Вероятно, поэтому предполагавший разгром не состоялся.

В этот же день, 22 октября, большая черносотенная толпа, вооруженная кольями, неся впереди царские портреты и трехцветные флаги, подходила по Бахметьевской улице, к Инженерному училищу, где шли многочисленные митинги. Когда дали знать о приближении толпы, из училища вышла навстречу ей наша боевая дружина, охранявшая митинги, которой руководил товарищ Седой, агитатор, который, когда надо было, выступал и боевиком. Сначала попытались уговорить толпу не подходить к училищу, возвратиться назад. Для переговоров послан был делегат от дружины, которая между тем преградила улицу и приготовилась к бою. Делегата ударили палкой, и он упал; толпа продолжала идти вперед. Тогда дружина дала по толпе один за другим два залпа из браунингов и маузеров; толпа дрогнула и обратилась в бегство, побросав портреты и флаги. Остались лежать один убитый и несколько раненых. Наш делегат оказался живым, только избитым и помятым. Рассказал мне об этом сам товарищ Седой.

После этого отпора организованных выступлений черносотенцев в Москве в это время больше не было.

По газетным сведениям, в эти два дня в Москве было убито восемь студентов и двое рабочих и доставлено раненых и избитых в больницы восемнадцать человек, но не все сведения об убитых попали в газеты и не все раненые поступили в больницы.

С 23 октября убийства и избиения прекратились. Они начались и кончились, как по чьей-то указке, организованно.

Такие убийства не были только местным московским событием. Наоборот: в Москве убийств было значительно меньше, чем во многих других российских городах. В Москве не состоялся общий погром, о подготовке которого ходили упорные слухи, но, повидимому, грандиозная демонстрация, показавшая организованность московского пролетариата и наличие вооруженных дружин, заставила отменить предполагавшийся погром. Не то было в других городах. Неделя от объявления манифеста 18 октября до 23 октября включительно была в России поистине кровавой неделей. С одной стороны, везде происходили демонстрации, огромные митинги, часто на площадях. Митинги эти во многих городах были обстреляны войсками, после чего в ряде мест происходили погромы евреев, интеллигенции, рабочих. Особенно большие расстрелы и погромы были в Минске, Одессе, Киеве, Баку, Кишиневе, Томске и во многих других городах. Всего расстрелы и погромы имели место в девяноста-ста городах и местечках. Таковыми оказались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и союзов», возведенные в манифесте Николая кровавого, или Николая Обманова, как его стали называть.

Эти расстрелы и погромы вызвали среди рабочих и в общественных кругах взрыв негодования. Петербургский Совет рабочих депутатов в своем заседании 22 октября постановил: «Производимые по всей России полчищами черной сотни при содействии явной и тайной полиции еврейские погромы и избияния рабочих и интеллигенции являются новой формой борьбы с общественными группами, завоевавшими для России свободу, а потому Совет депутатов рабочих решительно заявляет, что русский пролетариат будет бороться всеми доступными ему средствами со всякими попытками черносотенных шаек и их вдохновителей путем насилия, убийств и грабежей остановить великое и грозное шествие его к истинной свободе». Московский комитет большевиков тоже принял резкую резолюцию и поставил вопрос о возобновлении всеобщей стачки. К протесту присоединился «Союз союзов» и другие союзы; решительно протестовала и вся пресса. Кроме того, европейское общественное мнение было возмущено этими погромами. Еврейские банкиры, перед которыми правительство заискивало, собираясь вести переговоры о займе, по слухам, дали понять русскому правительству, что, пока оно не прекратит еврейских погромов, о займе не может быть и разговора. Да и в самом «объединенном министерстве» под главенством Витте на деле, повидимому, не было полного единения; по крайней мере Витте пишет в своих воспоминаниях: «Государем владеет Трепов. — он, Трепов, а не государь, пи-

шет мне резолюции. Государь мне не доверяет... Немедленно после 17 октября во многих местах местные администраторы совсем спасовали, а потому допустили беспорядки и погромы вследствие трусости и растерянности. Так было в Москве, в Киеве и в некоторых других пунктах, и особенно в Одессе, где градоначальником был Нейдгарт, мною уволенный... Еще при Трепове и Рачковском завели при департаменте полиции типографию для фабрикации погромных прокламаций, то есть для науськивания темных сил преимущественно против евреев. Эта деятельность мне была открыта Лопухиным (бывшим директором департаamenta полиции) и мною ликвидирована. Но на местах она продолжалась...»¹.

Сомнительна искренность этой «борьбы» Витте с погромами, да особенно действительной она и не могла быть, так как царь открыто сочувствовал этим погромам: принимая делегации от погромщиков из «Союза русского народа», называл их своей опорой. О манифесте 17 октября он говорил, что этот манифест у него вырвали.

Как бы то ни было, но погромы и разгоны собраний после 23 октября (в Москве после 22-го) повсеместно прекратились и не повторялись, за исключением единичных, повидимому, чисто местных случаев, вплоть до начала декабря.

ГЛАВА XXIII

«ДНИ СВОБОДЫ». АМНИСТИЯ

С 23—24 октября начался в Москве, да и по всей России, знаменательный период, вошедший в историю под названием «дней свободы» или «дней свобод». Продолжался он до 3 декабря, когда начались повсеместные аресты, когда был арестован Исполком Петербургского Совета рабочих депутатов и закрыто много газет. Таким образом этот период свобод продолжался ровно сорок дней. Несмотря на свою краткость, он сыграл большую роль в нашей истории. Никогда за все трехсотлетие романовской монархии, ни до этого, ни после, вплоть до ее падения в феврале 1917 года, народ не пользовался такой широкой свободой слова, печати, собраний и союзов. Конечно, были отдельные наскоки полиции, были одиночные аресты, попытки наложить цензурную узду на печать, были подавления аграрных «беспорядков», а также солдатских и матросских бунтов, но все это были отдельные случаи на фоне свобод, захваченных и осуществляемых народом.

Надо еще сказать, что 22 октября был опубликован указ об

¹ Граф Витте, «Воспоминания», т. II, стр. 38 и 110.

амнистии за политические «преступления», тоже вырванный революцией.

Были освобождены все привлекавшиеся и получившие приговор в административном порядке; осужденные по суду тоже освобождались, кроме осужденных за прикосновенность к террористическим актам; последней категории сроки заключения уменьшались вдвое, а если прошло более десяти лет со времени «преступления», то оставшийся срок каторги заменялся четырехлетней ссылкой на поселение. Осужденные за военные бунты и крестьяне-«аграрники» не подпали под действие этой амнистии, но во всяком случае некоторое число «политиков» было выпущено из тюрем, из которых не успел их освободить сам народ, некоторые возвратились из ссылки и эмиграции и умножили ряды активных революционеров.

Воспользовался этой амнистией и Ленин; 7 (или 8-го) ноября он приехал из-за границы в Петербург и немедленно принялся за деятельное руководство движением и партийной работой. 9 ноября появилась его первая статья в легальной большевистской газете «Новая жизнь», начавшей выходить в Петербурге с 27 октября. Вот как он характеризовал в этой статье текущий момент: «Захвачена свобода собраний, союзов, печати. Конечно, эти права до последней степени непрочны, и полагаться на теперешние свободы было бы безумием, если не преступлением. Решительная борьба еще впереди, и подготовка к этой борьбе должна стоять на первом плане... Но вместе с тем безусловно необходимо использовать самым широким образом теперешний, сравнительно более широкий простор»¹. Мы и действовали в этом духе и направлении. Партийная организация проявляла в этот период лихорадочную работу: организовывала митинги, лекции, издавала через свои подсобные организации — лекторскую группу и издательства — массу пропагандистской литературы, подготовляла, а в конце этого периода и издавала две ежедневные легальные газеты; нелегальные типографии продолжали выпускать массу прокламаций. Партия решительно подготовляла также вооруженное восстание: укрепляла, увеличивала боевые дружины, усиленно их вооружала, вела работу в войсках московского гарнизона, работала по организации профессиональных союзов и Московского Совета рабочих депутатов. Росло число членов партии, росли численно и укреплялись заводские партийные комитеты, районные комитеты. Московский комитет никогда ранее не был так многочислен: число членов его доходило в это время до двадцати трех — двадцати пяти; все они были до последней степени загружены работой; финансы комитета никогда не были в столь блестя-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 373.

щем состоянии: еще за сентябрь приход МК составлял около четырех тысяч рублей, в ноябре он дошел до тридцати пяти тысяч, сумма по тому времени значительная. Кроме того, московское бюро ЦК имело свой бюджет; военная и боевая организации тоже имели свои подсобные доходы, а также и районные комитеты. В эти итоги не входят бюджеты околопартийных издательств и газеты «Борьба».

Опишу отдельные формы работы за эти дни.

ГЛАВА XXIV

МИТИНГИ, ЛЕКЦИИ В «ДНИ СВОБОДЫ»

Митинги происходили в эти дни по всему городу — и дневные, и вечерние.

Митинговым центром, так сказать, в этот период являлись два летних театра — «Аквариум» и «Олимпия», помещавшиеся оба смежно на Триумфальной площади (ныне площадь Маяковского). В этих театрах было несколько помещений, фойе, ресторан; все они занимались под митинги. Иногда в обоих театрах шло сразу до шести митингов. Осень в этот год стояла на редкость теплая; снег выпал, и начались холода только в середине декабря, так что летние помещения театров могли быть вполне использованы для митингов.

Другим центром служило реальное училище Фидлера. В этом училище был также центр боевых дружин, большевистских и эсеровских. Для митингов использовались помещения и в других школах, особенно в Миусском и Домниковском цародных училищах, а также помещения фабричных школ и вечерних курсов, некоторых клубов — например, «Литературно-художественного кружка» в доме на Большой Дмитровке (ныне Пушкинской), где помещаются теперь Верховный суд и прокуратура. Использовались также аудитория Политехнического музея и ряд других.

Митинги бывали общенародные и профессиональные. Обычно выступали докладчики от разных партий, с изложением программы партии или по какому-либо вопросу, особенно часто по аграрному вопросу. После докладчика выступали оппоненты от других партий. Развертывались горячие прения. Чаще всего в это время шли словесные бои между большевиками и эсерами. Большевики сравнительно редко выступали на общенародных митингах: они выступали преимущественно на митингах и собраниях профсоюзов, да и вообще мы избегали тогда полемики между большевиками и меньшевиками перед случайной аудиторией. Тогда был курс на объединение обеих частей партии, и был образован в Москве, как и в других

городах, «федеративный совет», в который входили представители комитета большевиков и «группы» меньшевиков для координации выступлений. Кадеты очень редко выступали на митингах и не пользовались там никаким успехом. Poleмика с ними была тогда очень легким делом.

На митинги ходила самая разнообразная публика, в том числе: мелкие ремесленники, кустари, приказчики мясной торговли, служащие пивных, половые трактиров, ломовики, домашняя прислуга, дворники, солдаты, казаки, даже полицейские.

Черносотенно-монархическое настроение, которое недавно еще было нередким среди мелкой буржуазии и некоторых категорий отсталых слоев пролетариата, испарялось быстро под политически-просветительным влиянием этих митингов.

На одном митинге охотнорядских приказчиков мясных лавок выступал наш оратор — Седой. Эти приказчики славились как традиционные громилы студенческих сходок, начиная с 70-х годов, из них многие участвовали еще в октябрьских избиениях студентов и рабочих. Теперь они пришли на собрание, чтобы организовать профсоюз.

Скворцов-Степанов, присутствовавший на этом митинге, так его описывает: «Вы хотите избивать бунтовщиков, — так приблизительно начал свою речь наш агитатор. — Смотрите: я как раз такой бунтовщик»... Крики — «Долой!», «Вон!», адский шум... «Потом убивайте меня, если хотите, но сначала выслушайте». Перерывы, яростные возгласы не смущали оратора; уже скоро протесты стали смолкать, потом сменялись одобрительными возгласами, а закончилась речь — социал-демократическая речь — бурными аплодисментами. Начало союзу было положено»¹.

Подобную же картину я наблюдал на одном митинге текстильщиков. Иногда на митинге появлялась группа казаков-донцов, тоже традиционных разгонителей собраний; их встречали всегда овацией и уступали места в передних рядах.

Насколько широко развернулась в это время в Москве митинговая кампания, показывает, что одних только профессиональных митингов, назначенных на воскресенье 27 ноября, зарегистрировано в хронике московского профессионального движения девять².

Упомяну еще о митинге дворников и о движении среди полицейских. Даже эти слои не остались незатронутыми. Среди дворников движение началось во второй половине ноября: было несколько сходок и забастовок по районам; появилась прокламация от «группы дворников, борцов за свободный труд».

¹ «Текущий момент», сборник, Москва, 1906 г.

² «Московское профессиональное движение в годы первой революции», стр. 210, 1926 г.

В этой прокламации дворники пишут: «И вот, когда рабочий народ поднялся на борьбу за улучшение своего быта, что делали мы, дворники? Мы примкнули к врагам рабочих — нашим врагам. Мы, как темные рабы, по наущению полиции и сыщиков стали избивать рабочих, стали проливать кровь наших братьев. Да будет нам стыдно! Нам нужно также сплотиться, организовать и предъявить свои требования полиции и хозяевам». В числе требований их стоит: «Полиция не имеет права заставлять дворников исполнять полицейские обязанности». Митинг дворников был назначен в «Аквариуме», но полиция, не трогавшая в это время другие митинги, этот митинг разогнала. Брожение проникло и в ряды самой полиции: группа московских городских прислала Московскому комитету проект прокламации, которую он и отпечатал и распространил. В число требований городских входило требование освобождения их от политического сыска и арестов.

Подобная митинговая кампания развернулась в это время не только в Москве, но и по всей России; кроме городских митингов, по деревням шли крестьянские митинги, в казармах — солдатские. Всколыхнулась вся народная стихия до самых глубин.

Кроме агитационных митингов, широко была поставлена и более углубленная пропагандистская работа в виде лекций. Наша лекторская группа организовала за это время множество лекций по Москве и в других городах.

Оценивая влияние на народные массы этого периода митингов, левый кадет Виктор Обнинский в вышеупомянутой мною книге писал: «Принесенные этими митингами плоды унесены в глубь народных масс и там будут использованы в нужный момент в размерах, о которых мы сейчас и представлять иметь не можем».

Да, Виктор Обнинский оказался прав: и плоды, принесенные этими митингами, превзошли ожидания (или, вернее, опасения) наших либералов. Ленин писал про это время: «Руководимый пролетариатом, народ мужает политически не по дням, а по часам, — или, если хотите, не по годам, а по неделям»¹.

ГЛАВА XXV

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И ЗАБАСТОВКИ В ЭТИ ДНИ

В этот период «дней свобод» профессиональные союзы стали оформляться как легальные организации — с большим количеством членов, с правильными членскими взносами, имели

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 368.

в некоторых случаях свои отдельные помещения с вывесками. В конце октября организовалось Московское центральное бюро профессиональных союзов. Центром профсоюзной работы продолжал быть «Музей содействия труду», но там становилось уже тесно: образовалось в Москве в это время уже около сорока профсоюзов, и в ноябре было снято помещение для центрального бюро и правлений отдельных союзов на Мясницкой; союз печатников снял отдельное помещение в переулке около Остоженки.

Я попрежнему принимал участие в работе в «Музее содействия труду» и был в курсе общего хода профессионального движения в Москве.

Профессиональные союзы были ареной, где наиболее открыто сталкивались противоречия тактики большевиков и меньшевиков. Меньшевики стояли за беспартийность, «нейтральность» профсоюзов, за придание им узко профессионального характера. Большевики же отстаивали боевой политический характер профсоюзов. Эсеры сравнительно мало работали в профсоюзах, и их тактика в этом вопросе сближалась с тактикой меньшевиков.

Благодаря влиянию большевиков, московскому профсоюзному движению удалось придать боевой характер: профсоюзы приняли участие в подготовке к вооруженному восстанию, образовали боевые дружины, активно участвовали в Совете рабочих депутатов, участвовали в проведении декабрьской забастовки и в вооруженном восстании.

Работа по организации профессиональных союзов в этот период заложила прочные основы российского профессионального движения, которое не смогла сломить реакция последующих лет. Уже в этот период Московское центральное бюро профсоюзов готовило всероссийскую конференцию союзов, которая и состоялась в феврале 1906 года в Петербурге и положила основание всероссийскому их центру — зародышу будущего ВЦСПС.

В Москве за этот период не было таких общих демонстративных политических стачек, какие происходили за это время в Петербурге по постановлению Петербургского Совета рабочих депутатов.

Революционная Москва в то время целеустремленно и деятельно готовилась к вооруженному восстанию под руководством большевиков. Она считала, напротив, такие стачки несвоевременными, отвлекающими силы пролетариата от подготовки к восстанию.

Московский Совет рабочих депутатов постановил, что стачки в данный момент допустимы лишь при посягательстве хозяев на завоеванные права и в тех предприятиях, где условия труда хуже, чем в однородных. И Московский Совет был

Похороны Гаумана

В деревне
С картины Попова

прав: к решительному бою в декабре петербургский пролетариат истощил в значительной степени свои силы и не смог оказать московскому решительной поддержки в роковые дни декабря.

Частичные забастовки на экономической почве шли в это время главным образом в мелких предприятиях, мало затронутых стачечным движением в предыдущие месяцы. Из более крупных забастовок этого периода можно отметить довольно упорную забастовку служащих в ресторанах и трактирах, окончившуюся их победой.

Обособленно от этих частичных экономических забастовок вспыхнула в середине ноября стачка почтово-телеграфных служащих. Постановление начать эту стачку было вынесено на всероссийском съезде почтово-телеграфного союза в Москве; стачка эта имела всероссийский характер и большое политическое значение. Она вырывала у правительства его сильнейшее орудие борьбы с революцией — связь. Поэтому правительство, относившееся в это время пассивно к другим стачкам, вступило в активную борьбу с этой стачкой; пошли аресты руководителей, угрозы. Путем репрессий и расслоения, которое правительство сумело внести в ряды почтовиков, оно разбило в значительной степени эту стачку в начале декабря, как раз к кануну восстания. В этой стачке принял активное участие член нашей группы врачей Е. Я. Столкин; на его квартире происходили собрания стачечного комитета, он организовывал столовые для стачечников и их детей. Он был арестован в конце ноября и в обвинительном акте отмечен, как главный организатор стачки.

ГЛАВА XXVI

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕЧАТЬ

Немедленно же после издания манифеста 17 октября о свободах началась борьба за осуществление полной свободы печати.

Уже 19 октября Петербургский Совет рабочих депутатов постановил, что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих номеров в цензуру. В Москве союз печатников сделал аналогичное постановление: потребовать от владельцев типографий печатать все без цензуры и бойкотировать тех из них, которые не выполняют этого требования; потребовать от рабочих не печатать цензурированный материал; обратиться к обществу и литераторам с предложением бойкотировать подцензурные издания. Союз книжников, председателем которого был член нашей лекторской группы С. Я. Цейтлин, постано-

вил не продавать в книжных магазинах цензурированные издания. Под давлением рабочих владельцы типографий постановили, что впредь они будут печатать только издания нецензурированные.

И вся прогрессивная печать начала выходить с конца октября без цензуры, стала обо всем говорить полным голосом. Наша партия приняла меры, чтобы использовать новые условия и поставить свою партийную легальную газету. Это было тогда не так-то легко сделать. Надо было иметь для этого значительные средства. Центральному комитету при содействии Максима Горького и Красина удалось получить эти средства, и 27 октября в Петербурге вышел первый номер социал-демократической большевистской газеты «Новая жизнь».

Велика была моя радость, когда я 28 октября утром купил за пять копеек первый номер «Новой жизни» у газетчика, который кричал на всю улицу: «Вышел первый номер социал-демократической газеты «Новая жизнь»! К газете была приложена отпечатанная на вкладном листе программа Российской социал-демократической рабочей партии. Подумать только: несколько дней тому назад за нахождение программы партии при обыске грозила тюрьма, а вот теперь открыто покупаем и социал-демократическую большевистскую газету, и программу! С гордостью читали мы, что газета издается при ближайшем участии Максима Горького, что в числе сотрудников значится наш вождь В. И. Ленин и другие члены ЦК партии, члены МК — В. Шанцер, К. Платонов (С. И. Черномордик), наши большевистские литераторы А. Луначарский, М. Ольминский, члены нашей лекторской группы — И. Скворцов-Степанов, М. Покровский, Н. Рожков, М. Луцк.

Ленин не принимал непосредственного участия в первых номерах газеты, так как еще не возвратился тогда из эмиграции, но, приехав в Петербург 7 или 8 ноября, он уже с 10 ноября начинает регулярно писать в газете и становится ее фактическим редактором. Его статьи сразу вносят большую определенность и четкость в вопросы большевистской тактики: о значении Советов рабочих депутатов, об участии в беспартийных организациях, об отношении к другим партиям, в частности к крестьянскому союзу, реорганизации партии при новых условиях. По всем этим вопросам даются в статьях Ленина решения, которые принимаются к руководству всей партией, вследствие их явной целесообразности и политической мудрости.

С 27 октября по 3 декабря регулярно выходила «Новая жизнь»; всего вышло двадцать восемь номеров (не выходила после воскресных и праздничных дней и в дни всеобщих стачек в Петербурге). Тираж ее был восемьдесят тысяч — по тому времени очень значительный, в особенности для новой га-

зеты; требования на газету были еще большие, но не было технической возможности увеличить тираж. С 21 ноября газета стала выходить под заголовком: «Рос. соц.-дем. рабочая партия» и с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Газета велась в боевом большевистском духе — открыто писалось о свержении самодержавия путем восстания, велась пропаганда идей социализма.

Царская администрация делала ряд наскоков на газету, конфисковывала отдельные номера, привлекла официального редактора поэта Минского и издательницу М. Ф. Андрееву (жену М. Горького) к суду, но до 3 декабря не решалась покончить с газетой. В дни реакции Минский и Андреева были приговорены царским судом к заключению в крепость (точно приговора не помню).

Интересно отметить участие поэтов-декадентов Минского, Бальмонта, Теффи в большевистской газете. Подъем революционного движения и роль в нем пролетариата были настолько велики, что произвели сильнейшее впечатление на широкие круги интеллигенции, и многие из ее среды, стоявшие еще недавно совсем в стороне от революции, от пролетариата, стали на короткое, правда, время нашими попутчиками.

Бальмонт писал в «Новой жизни»:

Рабочий, только на тебя
Надежда всей России.
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты крепостные,
Тот молот твой — пою тебя —
Во имя всей России...

Теффи поместила в газете прекрасное стихотворение «Пчелки». Приведу некоторые выдержки из него:

Мы — бедные пчелки, работницы-пчелки,
И ночью и днем все мелькают иголки
В измученных наших руках...
.
.
.
Мы сшили кровавое знамя свободы,
Мы будем танць его долгие годы,
Но не расстанемся с ним...

Минский написал «Рабочий гимн» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Но прошли дни реакции, и большинство декадентов вернулись под свое старое знамя¹.

¹ С приездом В. И. Ленина в Петербург он стал фактическим редактором «Новой жизни», с восьмого или девятого номера, и все декаденты были удалены из газеты, только Минский остался официальным редактором.

Ввиду большого требования на социал-демократические большевистские газеты, решено было создать и в Москве такую газету. Наша лекторская группа взяла на себя выполнение этой нелегкой задачи: надо было найти официального редактора, которому угрожали всякие репрессии; нужно было найти средства, бумагу, типографию, которая согласилась бы печатать революционную газету. Не сразу удалось все это наладить, и только 27 ноября, уже незадолго до восстания, вышел первый номер газеты «Борьба». Официальным редактором стал Скирмунт, он же дал и основные средства; Гарин-Михайловский внес также пятнадцать тысяч рублей. Скирмунт был арестован 3 декабря, после выхода шестого номера, так что последние три номера (всего вышло девять номеров) вышли уже без него, хотя его подпись и значилась в газете. Скирмунт был привлечен за газету к суду и приговорен к трем годам крепости. Не знаю, состоял ли он формально членом нашей партии, но во всяком случае он активно ей содействовал. Умер он несколько лет назад. Кроме Скирмунта, в редакционную коллегию входили Скворцов-Степанов, Покровский, Рожков и, как представитель ЦК, В. А. Десницкий. Фактически газета была органом ЦК и МК. В числе сотрудников значились: Ленин, В. Шанцер, А. Луначарский, Ю. Адамович (Воровский), М. Ольминский, П. Румянцев, И. Гольденберг и все пишущие члены лекторской группы. Это была большая политическая газета, она велась в строго большевистском боевом духе и идеологически подготавливала вооруженное восстание. В ней помещались статьи по основным вопросам революции, текущего момента, тактики и организации партии, резолюции и сообщения о собраниях Совета рабочих депутатов и других организациях, хроника революционных событий и партийной жизни.

В эти боевые революционные дни сотни лиц толпились в конторе редакции (у Никитских ворот), приносили статьи, корреспонденции, известия, приходили узнать новости: здесь был центр революционной информации. Последний, девятый, номер вышел 7 декабря. В этом номере было целиком помещено воззвание Московского Совета рабочих депутатов и других организаций с призывом ко всеобщей стачке и вооруженному восстанию. После этого газета прекратила свой выход согласно постановлению Совета рабочих депутатов о закрытии на время всеобщей стачки всех газет, кроме «Известий» Совета. Да к этому же времени подоспело и закрытие ее администрацией и привлечение к суду редактора-издателя.

Кроме «Борьбы», Московский комитет стал выпускать со 2 декабря газету «Вперед», как руководящий свой орган. Эта газета носила популярный характер и была рассчитана на широкое распространение среди рабочих. Выходила она с лозун-

гами: «Российская социал-демократическая рабочая партия» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Формально редактором-издателем числился А. П. Голубков, а издателем — В. Н. Соколов (оба до сих пор, 1939 год, состоят в рядах ВКП(б)). Вышло всего четыре номера этой газеты, последний — 6 декабря.

И другие партии в это время также обзавелись своими газетами. Меньшевики издавали в Петербурге «Начало», в Москве «Московскую газету»; эсеры в Петербурге — «Сын отечества»; кадеты — «Свободную Россию».

Кроме газет, большим потоком хлынули на рынок брошюры всех направлений, продолжая и усиливая тот поток, который начался еще летом. В Москве ускоренно издавалась марксистская библиотека «Колокола», работало издательство Скирмунта; возникло много новых издательств по всей России; старые издательства тоже стали выпускать брошюры и книги в новом духе. Выходили огромными тиражами во многих издательствах брошюры Маркса, Энгельса, Каутского (тогда еще революционного марксиста), Ленина, Плеханова, уже без всяких цензурных купюр, под их полными заглавиями. Революционная брошюра стала самым ходовым товаром. Ленин писал об этом: «Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России... Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала *базарным* продуктом»¹.

Особо следует отметить сатирические политические журналы. До «дней свобод» выходил с лета 1905 года лишь один сатирический журнал с политическим направлением — «Зритель». Цензура его преследовала и пропускала лишь самые невинные карикатуры и статьи, а в начале октября его и совсем приостановила, но в «дни свобод», в конце октября, он возродился, и на первой странице его ярко алели красные знамена в руках демонстрантов — в стороне стоит полицейский и отдает честь революционным знаменам. Вслед за «Зрителем» стали выходить в Петербурге, Москве и других городах еще более яркие, политически заостренные журналы: «Пулемет» Шебуева, «Сигнал» К. Чуковского, «Жупел», «Стрелы», «Адская почта», «Жало», «Бурелом», «Яд», «Девятый вал» и пр., и пр.

«Пулемет» вышел с изображением на первой странице рабочего на фоне заводов, с надписью: «Его величество пролетарий Всероссийский», а на другой обложке был напечатан целиком манифест 17 октября с отпечатком кровавых паль-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 132.

цев и с надписью: «К сему листу свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил». За этот номер Шебуев получил впоследствии год крепости. «Стрелы» вышли с подзаголовком: «Журнал беспощадный, сотрудникам велено патронов не жалеть, холостых залпов не давать».

В этих журналах правительство, начиная с самого царя, подвергалось жестокому политическому обстрелу. Царя изображали в виде безобразного мальчика с шишкой на голове, — намек на рану, которую ему нанес японский полицейский во время его посещения Японии еще в качестве наследника.

Про него писали:

Надменный царь, судьбы страшись!
Беги от нас! В твой темный стан
Ударит гром неотвратимо!

или:

Важный дворянин,
большой семьянин,
в тереме гуляет,
столом гадает:
стол мой, столишко,
один сынишко,
семь дочерей,
бабка да мать,
Куда бежать?

или еще:

Однажды на митинге собрались лягушки.
Нам — квакали — жить невозможно.
Долой из пруда кровопийцу-колюшку,
Что колет нас всех так безбожно!

Представить только: имя царское считалось священным: в России в тысячах церквей всех религий во время всех церковных служб перед десятками миллионов верующих попы молились «за здравие благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего, императора Николая Александровича», за малейшее неуважительное слово о нем виновный привлекался к суду «за оскорбление величества», а тут вдруг пишется в легальном журнале, который за гривенник продается на улице: «Долой кровопийцу-колюшку!» Явное «дерзостное потрясение основ»!

Доставалось и семье Колюшки:

Две сучки (*царица-мать и царица-жена, — С. М.*) —
заморские штучки,
за морем — цена им грош,
а у нас — голой рукой не возьмешь.

Не оставляли в покое и царских дядьев — Владимира и Алексея, морского министра.

Царская бюрократия — Витте, Дурново, Победоносцев и другие — критиковалась и осмеивалась смело и беспощадно.

В этих журналах приняли участие лучшие писатели того времени: Максим Горький, Соллогуб, Брюсов, Блок, Чапыгин и др.

Иллюстрировали эти журналы лучшие художники: Серов, Билибин, Кустодиев, Лансере, Поленов, Чехонин, Бродский, Добужинский, Сергей Иванов, Кардовский, Шестопалов, Сварог.

Журналы эти пользовались огромною популярностью. У газетчиков брались они нарасхват. Полиция пыталась конфисковать наиболее острые номера, но не успевала: в течение буквально нескольких минут они расхватывались покупателем.

Газетчики выкрикивали их названия с прибавлением прибауток, — например: «Стрелы — патронов не жалеть», «Виттова пляска — Трепову встряска», и т. д.

Сатирические журналы сыграли большую роль в подрыве авторитета царя и его бюрократии, и прав один обозреватель этой сатирической литературы, когда он пишет: «И сейчас, отойдя на значительную от того времени дистанцию, придется признать, что гротескные кошмарные фигуры столпов павшего самодержавного строя запечатлелись в памяти гораздо более ярко, нежели самые злые характеристики, написанные публицистами». После наступления реакции, в декабре 1905 года, все эти журналы были закрыты, но они тотчас же возобновлялись под другими названиями. Подсчитано, что в течение двух месяцев, конца 1905 и начала 1906 года, только в Петербурге и Москве вышло восемьдесят четыре журнала; кроме того, они выходили и в провинциальных городах — Киеве, Одессе, Саратове, Ярославле и др. А за все время первой революции 1905—1907 годов их вышло во всей России более четырехсот названий, и еще вопрос, все ли они подсчитаны! Только реакции, последовавшей за третьиюньским (1907 г.) контрреволюционным переворотом, удалось в значительной мере обезвредить для себя яд острого жала политической сатиры, но дело свое он уже сделал: в достаточной мере отравил организм самодержавия и подорвал силу его сопротивления.

Подпольная печать за это время не играла уже той роли, как раньше, ввиду того, что многое можно было сказать открыто. Но так как уверенности в прочности «свобод» не было, подпольный издательский аппарат в Москве не свертывался, он сохранялся на запас и использовался время от времени: выпускались листки ко всем гражданам и рабочим, к солдатам, к дворникам, к полицейским; в особенности это практиковалось до начала выхода московских большевистских газет.

За время «дней свобод» в Москве происходило много съездов. Из них важнейшие: съезд крестьянского союза, съезд земских и городских деятелей и почтово-телеграфного союза. Происходило спешное размежевание и самоопределение классов и их партий.

6 ноября в один день открылось два съезда: земских и городских деятелей и крестьянского союза. На первом съезде ясно обозначился поворот либералов вправо, их стремление отмежеваться от революционных партий, отказ от Учредительного собрания; характерна резолюция съезда: конституция, выработанная Государственной думой, вступает в силу после утверждения ее царем.

Но и это не удовлетворяет правого крыла съезда: оно выходит из кадетской партии и образует более правую организацию — «партию 17 октября», во главе с А. И. Гучковым и Д. Н. Шиповым. Эта партия высказывается открыто за поддержку правительства и за борьбу с революцией.

Представители нашей партии, конечно, и не пытались принять участие в земско-городском съезде, но все же выразили свое отношение к нему, послав через особую депутацию следующее заявление, зачитанное на заключительном заседании съезда: «Московский федеративный совет социал-демократической партии¹, обсудив свое отношение к настоящему съезду, заявляет, что единственным возможным выходом из современного положения он считает низвержение путем вооруженного восстания царского правительства и созыв Учредительного собрания с провозглашением демократической республики; всякий другой выход Ф. С. признает попыткой буржуазии обмануть народ. Социал-демократическая рабочая партия относится к настоящему съезду, который торгуется с правительством, как к изменникам народных интересов». Эта резолюция была напечатана в «Новой жизни» и в других газетах.

Любопытно отметить, что это поправление буржуазии ясно отразилось и на личных отношениях либеральных буржуа к нам; еще недавно они предоставляли свои квартиры для наших собраний и лекций, не отказывали в известной финансовой помощи; все это теперь прекратилось.

---

¹ В это время, как я уже упоминал, для координации действий создан Федеративный совет социал-демократической партии, в который входили два представителя от МК большевиков и два от московской группы меньшевиков. Руководящую роль в нем играли большевики. Меньшевики под давлением своих рабочих низов шли в это время за большевиками.

Отношение к крестьянскому съезду, конечно, было у нас иное. Крестьянство под влиянием событий 1905 года тоже сильно всколыхнулось. Исконное стремление крестьянства расширить свое землевладение, захватить частновладельческие и государственные земли выразилось в аграрных волнениях, которые все шире разливались по русской земле. Особенно ярко и широко они поднялись в «дни свободы»; эта волна крестьянского движения продолжалась до весны 1906 года. За время от октября 1905 года до апреля 1906 года крестьянские волнения охватили триста уездов, оставив незатронутыми лишь малонаселенные уезды или уезды со слабо развитым земледелием или с незначительной площадью частновладельческих земель. Вот как описывает эту волну крестьянского движения по свежим следам В. Обнинский в апреле 1906 года:

«Беспорядки происходили при всяком удобном случае: проезжал ли какой-нибудь мифический «генерал» с «золотой грамотой от царя», появлялся ли высланный на родину «студент», повышал ли арендную цену помещик, загонял ли крестьянский скот его управляющий, — все это служило искрой, одинаково хорошо воспламеняющей давно скопившийся горючий материал на местах, и одна за другой вставали картины, нарисованные страшной рукой мщения и нищеты.

Горели помещичьи усадьбы, вырубались парки, уводился, а то и убивался породистый скот, камня на камне не оставлялось в стоявших века «дворянских гнездах» и баронских замках, и зарево пожаров светило, можно сказать, зимой этого года на всю Россию. Разорялись свеклосахарные, водочные, крахмальные и вообще все те заводы и фабрики, где производство соприкасалось с сельскохозяйственной промышленностью, где заведения эти жили трудом людей, работающих на земле. Уничтожались или увозились запасы хлеба и сена, вырубались и жглись леса, разбирались хлебные магазины по селам и деревням; в последнем случае зерно делилось в присутствии сельских властей сообразно с правом каждого на свою долю. К чисто экономическим причинам не замедлили присоединиться и политические, и «свобода» скоро сделалась таким же лозунгом, каким доселе была одна «земля»; под влиянием этого разносились волостные правления, снимались с работ прислуга помещиков и сельскохозяйственные рабочие, причем им выдавались иногда крестьянами суточные деньги за время забастовок, менялись сельские и волостные власти, требовались продовольственные капиталы, которые и выдавались всеми благоразумными уездными съездами полностью, несмотря на запрещение министра внутренних дел и отдачу под суд состава этих учреждений, громилась станция железных дорог, где лежали хлебные грузы, и нападали на поезда, таковые везшие.

Ко всему этому прибавлялись отказы от платежа повинностей. Призрак аграрной революции принимал все более ярко очерченные формы. Помещики бежали в города и за границу, увозя с собой свои капиталы и организуя на местах вооруженную стражу, с наемными офицерами во главе; многие власти, особенно земские начальники, начали массами выходить в отставку¹.

В это стихийное и мало организованное движение пытался внести организованность и планомерность крестьянский союз, образовавшийся летом, о чем я уже упомянул.

В организации этого союза принимала участие группа московской радикальной интеллигенции: адвокат А. Ф. Стааль, статистик Блеклов, кооператор Левицкий, Курнин. Это были люди типа трудовиков будущей Государственной думы. Они тянули союз к мирному разрешению крестьянского вопроса через Государственную думу, стояли за умеренный выкуп, не ставили на своем знамени «демократической республики».

6 ноября открылся в Москве второй крестьянский съезд под их руководством. На съезде собралось около трехсот делегатов с мест. Съезд происходил в Земледельческом училище на Смоленском бульваре.

Настроение рядовых крестьянских депутатов было боевое. Делегаты говорили, что у всех крестьян было и есть одно желание — передать в собственность народа всю землю, взяв ее у помещиков и у казны; говорили, что если нынешней зимой не отдадут им земли, то весной они сами ее возьмут. Белорусский крестьянин заявил: «Белоруссия ждет призыва с оружием в руках». Но были и речи в пользу мирного разрешения вопроса — не надо-де помещиков до конца разорять и т. п. Такие речи раздавались большею частью делегатами не из рядового крестьянства, а из среды учителей, статистиков и т. п.; даже несколько попов попали в число крестьянских делегатов. В общем, чувствовалась еще незрелость крестьянского движения, его пестрота и недостаточная политическая заостренность.

Но все же резолюции, принятые съездом, были достаточно радикальны для данной стадии крестьянского движения. Было выставлено требование передачи всей земли народу через Учредительное собрание, которое должно быть создано не позже февраля 1906 года, требование демократизации всего государственного строя — от низовых ячеек до органов власти; было заявлено, что народ не признает действительности государственных займов, которые произведет правительство без согласия народа, и народ не будет по ним платить. В за-

¹ В. Обнинский, «Полгода русской революции», вып. 1, стр. 52.

ключение съезд заявил, что на основании сведений, полученных со всех концов России, «неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась».

12 ноября съезд закрылся, назначив следующий на январь 1906 года. В тот же день в «Новой жизни» появилась статья Ленина «Пролетариат и крестьянство»; в этой статье Ленин дал оценку этого съезда. В ней он писал: «Пошлем же горячий привет крестьянскому союзу, принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний, за полную волю и за всю землю. Эти крестьяне—настоящие демократы. Их ошибки в понимании задач демократизма и социализма мы должны разъяснить терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединяет общая великая борьба»¹.

Наша московская организация решила принять также участие на крестьянском съезде: послала свою делегацию на съезд во главе с Васильевым-Южиным. Но делегация не была удовлетворена теми условиями, которые съезд установил для ее выступления (получать право голоса, когда захочет съезд выслушать ее), и демонстративно ушла со съезда. Об этом подробно рассказал Васильев-Южин в своих воспоминаниях². Многие из нас и тогда считали ошибкой этот уход и оценку съезда, которую дала наша делегация. Но эту ошибку в то время возможно было еще объяснить, но совершенно непонятно, что Васильев-Южин в своих воспоминаниях без всякой оговорки повторяет свою оценку резолюций съезда, столь резко расходящуюся с вышеприведенной оценкой Ленина. Васильев пишет: настроение съезда «вылилось в убогую, позорную, вредную резолюцию о тактике крестьянского союза».

В воспоминаниях товарища Лядова есть очень интересное место, где он рассказывает о впечатлении, которое произвело на московских большевиков появление статьи Ленина по поводу этого съезда. Приведу это место:

«Помню еще один приезд в Питер. На этот раз поехали вместе с Маратом (с Шанцером) по поручению МК. Дело было в том, что нас всех сильно смутил лозунг Ильича, только что выброшенный им в «Новой жизни» — «земля и воля», «национализация земли». Помню, на одном митинге, на котором выступал Станислав Вольский, какой-то видный эсер вдруг выступил с заявлением, что большевики у них украли лозунг «земля и воля». Станислав Вольский поставил вопрос в комитете. Здесь разгорелись большие прения по этому поводу. Наконец, было решено, чтобы мы с Маратом сейчас

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 384—385.

² Васильев-Южин, «В огне первой революции», стр. 171, изд. «Старый большевик», Москва, 1934 г.

же поехали в Питер, поговорили бы с Ильичом и у него лично выяснили, в чем дело. Когда мы увидели Ильича, Марат начал с самым мрачным видом отчеканивать обвинения против Ильича: «Этот поворот к национализации ставит нас в самое нелепое положение, нам стыдно теперь спорить с эсерами». Ильич внимательно выслушал Марата и затем рассмеялся: «А вы читали мою статью?» Речь шла о статье от 12 ноября: «Пролетариат и крестьянство». Мы ответили, что читали. Но вот Ильич взял статью и прочел ее с нами вместе, останавливаясь на тех местах, которые нас смущали. Не знаю, то ли действовала на меня интонация голоса Ильича, умевшего особенно подчеркнуть важные места, но уже во время этого чтения я все более и более убеждался, что ни чорта мы все в Москве не понимали, что дело совершенно ясно. Затем Ильич в нескольких словах объяснил нам, почему именно этот лозунг так необходим нам сейчас: что это не есть лозунг эсеров, что мы должны вложить в него совершенно иное содержание. «Земля и воля» в устах эсеров — это социализация, это фактическое затушевывание разницы между демократической и социалистической борьбой. Для нас «земля и воля» — это борьба за демократические требования крестьянства. Именно осуществляя этот лозунг, мы осуществим наш основной лозунг — «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Я не помню точных выражений Ильича, но смысл его слов был именно такой. И по мере того, как говорил Ильич, мне все больше и больше становилось стыдно за свое непонимание такого ясного и простого вопроса. Судя по выражению лица Марата, и он переживал то же, что и я. Наконец, его лицо прояснилось совсем, он вскочил и говорит: «Ну, Владимир Ильич, выругайте нас хорошенько теперь за нашу бестолковость. Мы, действительно, ни чорта не пожимали. Теперь все ясно». Ильич рассмеялся добродушно и лукаво посмотрел на нас: «Ну, это хорошо, а то как пришли, да начали волками смотреть на меня, ну думаю, сейчас загрызут. Очень хорошо, что так скоро договорились. И впредь давайте так условимся. Будет что неясно в моем писании, вы сразу не ерепеньтесь, приезжайте, потолкуем по-хорошему. Авось договоримся». И Ильич уже начал нас подробно расспрашивать про нашу московскую работу. Он ею был очень доволен; особенно тем, что москвичам удалось так тесно связаться с массами, тем, что в наши руководящие аппараты, в наш актив втянуто так много рабочих; хвалил Ильич москвичей и за то, что они сумели создать и сохранить руководство всем движением в руках партийной организации. «В Питере не то, совсем не то, здесь партийная организация затерта Советом. А в Совете все в говорильню, в рабочий парламент стараются превратить».

Когда мы уходили от Ильича, мы были в восторге. «Ну, и свалили мы дурака со своими претензиями! — прокричал Марат. — А все-таки одной такой беседы с Ильичом достаточно, чтобы надолго вперед наметить правильную линию. Ну, и голова же у него! Я, знаете, себя перед ним гимназистом чувствовал». Я должен был признаться, что и я испытывал то же самое»¹.

Правительство было очень обеспокоено крестьянскими волнениями и попытками крестьянского союза внести организованность в это движение.

Витте в своих «Воспоминаниях» пишет, что он узнал о предстоящем открытии съезда из газет, запросил министра внутренних дел Дурново об этом; тот жаловался только на то, что вообще секретная полиция находится в полном расстройстве и что он о Москве мало осведомлен; тогда Витте запросил по телеграфу о предстоящем съезде московского генерал-губернатора, тоже Дурново, но другого, и никакого ответа не получил. Съезд открылся. «Судя по газетам, — пишет Витте, — там происходили выступления (так в подлиннике, — С. М.) революционного характера, а через некоторое время съезд сам по себе закрылся, когда достаточно протрубили революционные мотивы. Только после закрытия съезда я получил от генерал-губернатора телеграмму, что съезд закрылся»².

Витте распорядился тогда о немедленном аресте бюро крестьянского союза, избранного на съезде. 14 ноября это бюро в составе восьми человек было арестовано. Это были первые аресты в Москве в «дни свободы».

Из этих воспоминаний видно, с одной стороны, дезорганизованность и растерянность правительства в первые дни после 17 октября, но, с другой стороны, видно, что оно начинает переходить в наступление против революции. Со второй половины ноября симптомов этого контрнаступления стало появляться все больше и больше.

ГЛАВА XXVIII

ПОДГОТОВКА К ВОССТАНИЮ. БОЕВЫЕ ДРУЖИНЫ. РАБОТА СРЕДИ ВОЙСК

Московский комитет воспользовался «днями свободы» для всемерной подготовки к вооруженному восстанию. С одной стороны, усиленно организовывались боевые дружины и всеми способами доставалось вооружение для них; с другой сто-

¹ Лядов, «Из жизни партии», Москва, 1926 г.

² Граф Витте, «Воспоминания», т. II, стр. 136—138.

роны, велась пропагандистская и организационная работа среди войск московского гарнизона.

На всех митингах наша финансовая комиссия производила открыто сборы на оружие. Револьверы, по преимуществу браунинги и маузеры, закупались в оружейных магазинах и в розницу. Наш Центральный комитет наладил транспорт оружия из-за границы; часть его была доставлена в Москву; где-то добывалось оружие также через посредство Максима Горького и члена лекторской группы В. А. Жданова. Ведал всем организованным добыванием оружия помощник Шанцера — М. А. Михайлов («дядя Миша»). Начальником всех большевистских боевых дружин был Д. Д. Гимер; одним из его помощников — инженер Виноградов. Обоих их я хорошо знал и был поэтому в курсе общего хода боевой подготовки. Штаб боевых дружин находился в реальном училище Фидлера, где происходило и обучение дружинников стрельбе. Число организованных в большевистские дружины было около пятисот. Кроме того, имелись автономные дружины у профсоюзов булочников, типографщиков, фармацевтов и других. На некоторых фабриках и предприятиях, — например: на фабрике Шмидта (члена большевистской организации), в типографиях Сытина и Кушнарёва, — были дружины, вооруженные за счет хозяев — для охраны фабрик от погромов; в декабрьские дни они целиком приняли участие в восстании. Были также студенческие дружины, из которых особенно славилась своим вооружением и боевым духом кавказская студенческая дружина; существовали и небольшие дружины из учащихся некоторых средне-учебных заведений, — например, реального училища Фидлера. Были еще эсеровские дружины, но их численности я не знаю. Считают, что общее число дружинников в Москве к моменту восстания доходило до двух тысяч. Незадолго до восстания был создан коалиционный совет дружин для согласования их действий.

Кроме вооружения револьверами, наша боевая организация старалась поставить производство ручных гранат. Начал это дело ставить товарищ Грожан, но 22 октября он был убит на улице черносотенцами; после его смерти за это взялись другие, но количество этих гранат было сделано к моменту восстания что-то очень небольшое.

Работа наша среди войск велась и до октябрьской всеобщей забастовки, но особенно усилилась и расширилась в «дни свобод». Во главе большевистской военной организации стоял военный организатор, член МК, товарищ Васильев («Андрей»). Были ustanовлены связи почти во всех частях московского гарнизона. В ноябре состоялись несколько собраний представителей воинских частей. Вспоминаю о военной конференции

в помещении Литературно-художественного клуба. О другом собрании военных доложил московскому градоначальнику 13 ноября пристав первого участка Мещанской части: «Сего числа в 1 час дня в незанимаемый никем флигель во дворе Московского Художественного общества по Юшкову переулку стали собираться нижние чины всех частей, расположенных в городе Москве. В воротах стояли двое штатских лиц, которые встречали подходящих к воротам группами по три-четыре человека солдат, провожали во двор и указывали помещение. Вместе с солдатами приходили иногда барышни. Около шести часов вечера все стали расходиться: всего было человек около четырехсот, большинство солдат».

На этом рапорте градоначальник написал две резолюции: «Охранному отделению. Обратит особое внимание и наблюдение», и: «Сообщить военному начальству»¹.

На общих митингах также нередкими посетителями были группы солдат, вольноопределяющихся, казаков.

К концу этого периода во многих московских воинских частях шло брожение, о чем я еще буду говорить в главе «Накануне восстания».

ГЛАВА XXIX

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

В качестве боевого органа восстания в двадцатых числах ноября был организован в Москве Совет рабочих депутатов. Как известно, в Петербурге Совет рабочих депутатов начал действовать с 13 октября. Москва же с этим делом запоздала, и только 21 ноября состоялось первое заседание Московского Совета.

Известно, что в начале, при возникновении Советов рабочих депутатов, в партии велась дискуссия о роли их в революции, о том, должна ли партия брать на себя инициативу в их организации, нужны ли они вообще. По этому вопросу в семи первых номерах «Новой жизни», до приезда Ленина, было помещено несколько дискуссионных статей, в которых некоторые (например, коллегия агитаторов Петербургского района) договаривались до того, что, если Совет рабочих депутатов не примет немедленно программы социал-демократической партии, то надо выйти из него, а если признает, то он не нужен и его надо немедленно распустить. В том же приблизительно духе высказался даже петербургский Федеративный совет, в который входили представители большевиков и меньшевиков. Редакция (фактически Румянцев и Богданов) делала к этим статьям двусмысленные и противоречивые примечания,

¹ Приведено в книге С. Черномордика «Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года», изд. «Московский рабочий», 1926 г.

не помещая руководящих статей. Смысл некоторых примечаний редакции можно формулировать так: надо поставить перед Советами, в которые входят непартийные рабочие, *ультиматум*: или признать немедленно целиком нашу программу, или *уйти* из них и бороться с ними. Это был в зачатке прообраз *ультиматума* и *отзовизма* богдановской группы «Вперед» в 1908—1910 годах.

Ленин, приехав в Россию 8 ноября, быстро и четко выявил свою линию по отношению к Советам: он поместил в «Новой жизни» несколько статей, в которых он дал оценку роли Советов рабочих депутатов, назвав их органами восстания и боевыми органами народной власти¹.

Он указал на необходимость добиваться руководящего участия партии в Советах.

Московский комитет долго воздерживался от организации Совета рабочих депутатов, полагая, что партийная организация достаточно сильна и авторитетна, чтобы от своего имени и своими силами руководить движением. Но вскоре после приезда Ленина, после его разъяснений роли Советов, начались спешные приготовления к организации Московского Совета рабочих депутатов, и 21 ноября состоялось его первое заседание.

Руководящее влияние имели в нем с самого начала большевики; виднейшие роли в нем принадлежали Шанцеру и Васильеву-Южину².

Ввиду краткости существования Московского Совета, он не приобрел такой громкой известности, как Петербургский Совет, но сыграл важную роль в Московском вооруженном восстании, объединив всю рабочую Москву. Он поставил своей ближайшей целью организацию восстания, подчинив этой основной цели все остальное. Это видно и из резолюции, принятой на первом его заседании.

Приведу ее здесь целиком:

«Московский Совет рабочих депутатов шлет горячий привет своему старшему петербургскому брату.

Московский пролетариат спешно и энергично готовится к предстоящему решительному бою со своими заклятыми врагами.

Царское правительство и капиталисты заключили союз, выбрасывая рабочих с казенных и частных фабрик и заводов, они хотят разбить пролетариат в отдельных схватках.

Этому преступному союзу самодержавия и капиталистов рабочий класс всей России должен противопоставить свой гроз-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 405—408.

² Васильев-Южин написал очень ценные воспоминания о работе Московского Совета рабочих депутатов. См. его книгу «В огне первой революции», изд. «Старый большевик», 1934 г.

ный союз. Наша сила — в организованности и взаимной поддержке.

Поэтому Московский СРД будет содействовать всеми силами объединению рабочих всей России и поручает своему Исполнительному комитету письменно и через делегатов связаться с рабочими организациями других городов.

МСРД не сомневается, что в решительном бою со своими врагами пролетариат не будет одиноким, революционное крестьянство и проснувшаяся армия будут его верными союзниками.

Выражая горячее сочувствие петербургским товарищам, нагло выброшенным на улицу правительством и капиталистами, МСРД призывает московских рабочих и всех граждан, дорожащих делом свободы, оказать посильную материальную помощь голодающим петербургским рабочим.

По примеру петербургских товарищей рабочие некоторых московских фабрик и заводов начали вводить революционным путем восьмичасовой рабочий день. Московский Совет рабочих депутатов полагает, что такое важное завоевание может быть достигнуто не разрозненной борьбой рабочих отдельных фабрик и даже городов, но лишь объединенными силами всего российского пролетариата. Поэтому СРД рекомендует приостановить на время эту борьбу, с тем, чтобы, организовавшись, возобновить ее сразу по всей России.

Что касается отдельных забастовок, то СРД, в интересах сбережения сил и укрепления организации для предстоящей решительной борьбы, рекомендует бастовать лишь в следующих случаях:

1) Когда хозяева отнимают уже отвоеванные права, в особенности право иметь свободно избранных депутатов и право устраивать собрания на заводах и фабриках.

2) Когда условия труда на данной фабрике или заводе хуже, чем в других однородных предприятиях.

Желающие бастовать должны спрашивать согласия на то Совета рабочих депутатов.

Московский Совет Рабочих Депутатов.

21 ноября 1905 года»¹.

Эта резолюция своей деловитостью и целеустремленностью резко отличается от проникнутых пафосом и декламацией резолюций Петербургского Совета, руководимого Троцким. Она определенно подчиняет второстепенные для данного момента цели основной — подготовке к восстанию.

Этим духом проникнута и вся деятельность Московского

¹ Черномордик, «Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года», изд. «Московский рабочий», 1926 г.

Совета, твердо руководимого московскими большевиками. В Петербургском же Совете, как известно, руководящую роль приобрели меньшевики — Хрусталеv-Носарь, Троцкий и др., воспользовавшиеся отсутствием Ленина в Петербурге при создании Совета рабочих депутатов и левацкими ошибками Богданова. Меньшевики болтали в Совете и о вооруженном восстании, но на деле не принимали для его подготовки действительных мер: не вооружали рабочих, не заводили связей среди войск, вместо этого требуя их удаления из Петербурга, растрчивали силы рабочих в частых стачках. В результате всего этого петербургский пролетариат не смог оказать решительную помощь московскому в дни декабрьского восстания. Заявление Троцкого на суде: «Мы не готовили восстание, мы только готовились к восстанию», имеет что-то общее с его провокаторским заявлением во время брестских переговоров в 1918 году: «Мира не заключаем, войны не ведем».

Московский Совет вследствие краткости своего существования собирался всего пять раз. Он не имел своего постоянно-го пребывания и собирался в разных помещениях. Первое заседание было на углу Поварской (ныне улица Воровского) и Мерзляковского переулка, в доме б. Гирша, в помещении театра; второе и третье заседания были в «Музее содействия труду», на углу Рождественки и Театрального проезда, в доме б. Хлудова; четвертое—на Мясницкой улице, в доме Варваринского общества; пятое и последнее—во время восстания, в столовой фабрики Цинделя, в Замоскворечьи. Эта перемена места собраний с конспиративной точки зрения имела свои положительные стороны, так как охранка не знала о заседаниях Совета, кроме как из отчетов, печатавшихся в легальных газетах.

В № 1 «Известий Московского Совета рабочих депутатов», вышедшем 7 декабря, сообщается следующее об организации Совета:

«134 фабрики и завода — около ста тысяч рабочих — представлены теперь в совете 204 депутатами. На всех крупных фабриках они выбирались всеобщим и прямым голосованием, и с полной уверенностью можно сказать, что это лучшие представители московских рабочих. Они близко знают рабочие нужды, они умеют разобраться, куда нужно идти рабочему. Их решения есть голос всей рабочей Москвы, и Московский Совет рабочих депутатов внимательно и серьезно, с полным сознанием огромной ответственности, которая лежит на нем, принимает каждое постановление, и во всех своих решениях он дружно идет вместе с революционными социалистическими партиями, лишней раз показывая, где его друзья, и прямой дорогой идет к социализму».

Московский Совет был все время под влиянием и руковод-

ством большевиков. В него входили по два представителя от большевиков, меньшевиков и эсеров. Большевики и меньшевики, объединявшие тогда свои выступления в Федеративном совете, о котором я уже упоминал, входили в Совет депутатов с предложениями, согласованными предварительно в Федеративном совете; руководящую роль в нем играли в это время большевики, и все их предложения принимались в Федеративном совете, а потом уже вносились в Совет депутатов, где они также всегда принимались. Эсеры имели очень небольшое влияние в Совете, что видно, например, из такого факта. Федеративный совет внес предложение допустить на третье заседание Совета депутатов в качестве гостей с совещательным голосом по двадцати человек от большевиков, от меньшевиков и от эсеров. Эсеры предложили пригласить гостей — двадцать от социал-демократов и двадцать от эсеров. Это предложение их было поддержано всего семью голосами.

Большевики руководили все время Советом, как органом восстания и как органом народной власти.

Кроме общемосковского Совета, были в Москве и районные Советы, которые начали организовываться по районам несколько раньше общемосковского.

Отмечены в воспоминаниях и материалах Советы в следующих районах: в Городском, Замоскворецком, Пресненском, Рогожско-Симоновском и Лефортовском.

В этих Советах большевики имели также преобладающее влияние, пожалуй даже более значительное, чем в центральном, но, в общем, пока собрано мало данных о работе районных Советов, и они еще ждут своего историка.

ГЛАВА XXX

МОСКОВСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В 1905 ГОДУ. ЧЛЕНЫ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА И ДРУГИЕ

В этой главе я хочу рассказать о большевиках, игравших руководящую роль в Москве в течение 1905 года. Более подробно скажу о тех, кого я лично знал в это время.

Прежде всего упомяну о Николае Эрнстовиче Баумане. Я уже говорил о его работе в Москве в 1902 и 1904 годах, о представительстве его от Москвы на втором съезде партии, об его аресте в июне 1904 года. В октябре 1905 года он был выпущен из тюрьмы за несколько дней до всеобщей стачки, был немедленно кооптирован в МК и погиб от руки черносотенца 18 октября.

Он своей смертью запечатлел первую победу революции над самодержавием; на его похоронах выявилась мощь и организованность московского пролетариата.

Важнейшую роль в Москве в 1905 году сыграл, несомненно, Виргилий Леонович Шанцер (партийная кличка «Марат»). Я был с ним в постоянном контакте, как секретарь лекторской группы, хорошо знал его и видел все многообразие его работы. Он был неизменным руководителем МК, представителем ЦК в Москве в течение почти всего 1905 года, вплоть до его ареста 7 декабря. Он руководил всей работой московской организации; он председательствовал в МК, заведывал бюро ЦК, входил представителем от МК в Федеративный совет социал-демократической партии, входил в исполнительную тройку МК, бывал на заседаниях лекторской группы, редактировал орган МК «Голос труда», а потом орган ЦК «Рабочий»; он руководил боевой работой — организацией дружин через Д. Д. Гимера. Когда образовался Совет рабочих депутатов, он входил в него как представитель партии большевиков и занимал в нем руководящую роль. Когда нужно было, он выступал, как агитатор. Он давал тон всей идеологической и пропагандистской работе московской организации. Шанцер пользовался большим авторитетом среди московских большевиков. Он был уже старым членом марксистских организаций, одним из первых русских марксистов — с начала 1890-х годов (в 1905 году ему было тридцать восемь лет — самый старший по возрасту среди членов МК), был несколько раз арестован, побывал в ссылке. Он вел всю работу, в общем, в твердом большевистском направлении и духе, выполняя директивы, которые давались Лениным в газетах «Вперед», потом в «Пролетарии». Благодаря, в общем, правильному руководству, московская большевистская организация достигла в 1905 году таких больших результатов и стала руководящей российской организацией; она начала всеобщую стачку в октябре, которая разрослась во всероссийскую и привела к первой большой победе над самодержавием, а потом начала вторую всеобщую стачку — в декабре, превратив ее в вооруженное восстание. В эмиграции, в 1909 году, Шанцер примкнул к богдановской группе «Вперед»; он умер в 1911 году от тяжелой болезни мозга.

Вторым виднейшим членом московской организации был Михаил Иванович Васильев-Южин. По образованию юрист, он был лет на девять моложе Шанцера, но все же уже лет десять принимал участие в марксистских организациях; жил некоторое время, в начале 1905 года, за границей, познакомился там с Лениным; сотрудничал в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий». В июне 1905 года, во время восстания на броненосце «Потемкин», поехал, по предложению Ленина, в Одессу, чтобы объединить революционное движение на юге и вызвать там восстание, но при приезде его в Одессу восстание во флоте было уже ликвидировано, и Ва-

силев направляется в Москву; здесь он вскоре кооптируется в МК и работает в Москве до своего ареста — 7 декабря 1905 года.

О своей работе в 1905 году он написал воспоминания («В огне первой революции»), о которых я уже не раз упоминал. Он там так описывает свою «нагрузку» в Москве в это время: «Каждый из немногочисленных ответственных партийцев нагружался бесконечным рядом обязанностей и поручений. Припоминаю для примера о своих обязанностях. Я был членом МК, членом его Исполнительной комиссии, членом Федеративного совета, членом Исполнительного комитета и президиума Совета рабочих депутатов, заведывал агитацией, был ответственным редактором газеты Московского комитета «Вперед», входил в состав редакции газеты «Борьба», представлял от имени МК в ответственных собраниях (например, на ноябрьском съезде крестьянского союза), писал или редактировал прокламации, выступал в качестве агитатора на рабочих собраниях, и т. д. и т. п. В таком же положении были и все ответственные партийные работники. Разумеется, справляться со всей массой этой работы было свыше человеческих сил, и мы частенько работали круглые сутки в условиях нелегального существования, постоянной смены ночевки и т. п.»¹.

Васильев во многом походил на Шанцера, но был еще стремительнее его².

Очень видную роль в работе московской организации играл Михаил Федорович Владимирский, санитарный врач по профессии; приехал он в Москву из Нижнего-Новгорода летом 1905 года и был кооптирован в МК, был командирован одно время для работы в профсоюзы; хороший оратор, часто выступал на митингах³.

¹ *Васильев-Южин*, «В огне первой революции», стр. 198.

² После ареста его, 7 декабря 1905 года, он был приговорен на три года ссылки, которая была заменена высылкой за границу; отсюда он вскоре вернулся нелегально в Россию и продолжал работать в революционном движении; всего был арестован одиннадцать раз и просидел в тюрьме три года. Во время Февральской и Великой Октябрьской социалистической революции был одним из руководителей саратовской организации; в 1918 году одно время примыкал к «левым коммунистам», но скоро отошел от них; потом все время был на ответственной советской работе. С 1924 года был назначен заместителем председателя Верховного суда СССР; этот пост он занимал почти до самой смерти — в декабре 1937 года.

³ В 1906 году был арестован, но вскоре был выпущен на поруки до суда; эмигрировал за границу, где и работал в большевистской организации до 1917 года. Когда возвратился в Москву, принимал активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, был избран председателем Совета районных дум, который заменил собой Московскую городскую думу. Потом был Наркомздравом, в настоящее время (1939 г.) состоит председателем ревизионной комиссии ЦК ВКП(б).

Землячка, Розалия Самойловна — профессионалка-революционерка с конца 1890-х годов. Осенью 1905 года она была послана Центральным комитетом из Петербурга на работу в Москву; активнейший организатор и агитатор; была членом МК и его секретарем в октябре и ноябре 1905 года, была потом организатором московской военной организации, в марте 1906 года была арестована на всероссийской военной конференции в Москве, но вскоре бежала из-под ареста и эмигрировала за границу¹.

Андрей Васильевич Шестаков — рабочий-слесарь из Архангельска, участвовал в кружках с 1897 года, с 1902 года — профессионал-революционер. В 1905 году сыграл большую роль, как организатор Московской окружной организации, о чем я уже говорил выше. Во время восстания был одним из руководителей восстания на Казанской железной дороге².

Мартын Николаевич Лядов (Мандельштам) — один из самых первых марксистов в Москве, был одним из организаторов первой московской марксистской организации в 1893 — 1895 годах (об этом в книге «На грани двух эпох»). После полуторагодичного тюремного заключения и пятилетней ссылки в город Верхоянск, Якутской области, возвратился в Россию и стал профессионалом-революционером. После второго съезда партии работал в качестве разъездного агента большевистского центра, а после третьего съезда агентом большевистского ЦК.

Был членом МК с октября 1904 г. по январь 1905 года и членом исполнительной тройки МК во время восстания. Был участником второго, третьего, четвертого и пятого партийных съездов³.

Его брат Николай Николаевич Мандельштам («Михаил Миронович») был в 1905 году членом МК, организатором Железнодорожного района.

Под его руководством началась октябрьская всеобщая забастовка. Умер в 1932 году, состоя членом Московского комитета партии.

¹ Там училась и окончила Парижский университет. В марте 1917 года она работает опять в московской партийной организации, состоя в 1917 году и часть 1918 года секретарем МК. С тех пор и до сего времени — на активной партийной и советской работе. В 1937 году в декабре была выбрана в Верховный Совет СССР, член ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совнаркома СССР.

² Потом, в 1906—1907 годах руководил вместе с М. Г. Луицем работой в московских профсоюзах. В советский период окончил Институт красной профессуры. Ныне — профессор, автор известного учебника по истории СССР.

³ В 1909 году примкнул в эмиграции к группе «Вперед». В 1917 году работал в Баку, был председателем Бакинского Совета рабочих депутатов. С 1920 года работает в Москве, был ректором Свердловского университета, занимал и другие ответственные посты.

Другой брат — Александр Владимирович Мандельштам («Одиссей») был в 1905 году членом окружного комитета. Умер в 1929 году, состоя членом ВКП(б).

Были членами МК в 1905 году еще:

Соломон Исаевич Черномордик — профессионал-партиец с 1902 года, секретарь МК с августа по октябрь 1905 года, был одно время представителем МК в лекторской группе¹.

Первухин, Евгений Порфирьевич — по профессии врач, был в 1905 году ответственным пропагандистом МК. Ныне (1939 г.) член ВКП(б).

Станислав Вольский, А. Ф. Войткевич, В. М. Савков («Тимофей»), П. Г. Терехов, О. П. Иваницкая («Елена») были членами МК в 1905 году, ныне беспартийные.

Кудрявцев Леонид Николаевич ведал в 1905 году боевой организацией. Умер в 1909 году.

Был в 1905 году в Москве замечательный агитатор — Се-
д о й (Зиновий Яковлевич Литвин). Рабочий, участник первых социал-демократических кружков в Москве. Из него выработался прекрасный оратор, особенно умевший подходить к широким массам. Выступал бесчисленное количество раз среди отсталых слоев рабочих: мясников, извозчиков, текстилей, на собраниях зубатовцев. Был руководителем вооруженного восстания на Пресне, участвовал потом в Свеаборгском военном восстании, после которого эмигрировал за границу. Поныне член ВКП(б), на советской и партийной работе.

Из членов ЦК в 1905 году приезжали в Москву и бывали в лекторской группе — Десницкий и Саммер.

Десницкий, Василий Алексеевич («Строев», «Лопата»), был командирован ЦК для руководства редакторской коллегией газеты «Борьба»; ныне — беспартийный, профессор литературы в Ленинграде.

Иван Адамович Саммер («Любич») был посылаем Лениным неоднократно в Москву для руководства делом подготовки к восстанию и по другим делам. Он умер на советской работе в 1921 году, состоя членом ВКП(б).

Все эти виднейшие большевики в Москве в 1905 году были тогда еще сравнительно молодыми людьми, в возрасте двадцати пяти — тридцати восьми лет, но все они до 1905 года имели уже стаж нескольких лет (некоторые до десяти-двенадцати) подпольной революционной работы. Почти все они были профессионалы-революционеры, многие из них остались в рядах нашей партии до смерти, или, если они еще живы, то и до сего дня.

---

¹ Ныне член ВКП(б) — лектор по истории партии. Несколько лет заведывал Московским истпартом, написал ряд работ по истории московской партийной организации.

В число переименованных в этой главе партийцев не входят члены лекторской группы, о которых я уже писал. Здесь упомяну только о новых членах лекторской группы, вошедших в нее в «дни свободы» по возвращении из ссылки или из эмиграции.

Шулятиков, Владимир Михайлович — литератор и лектор по вопросам литературы и философии, с уклоном в примитивный социологизм. Умер в 1912 году. В «Большевике» за 1937 год опубликованы критические заметки Ленина о его книге «Оправдание капитализма в западно-европейской философии».

Никольский Николай Михайлович — историк, лектор на темы по истории религии и сектантства. Впоследствии поместил ряд статей по истории раскола и сектантства в России в курсе М. Н. Покровского «Русская история с древнейших времен». Ныне — академик Белорусской Академии наук.

Сильвин, Михаил Александрович — участник первого состава Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», потом был членом примиренческо-меньшевистского ЦК, арестованного в феврале 1905 года на квартире Леонида Андреева. Освобожден из Таганской тюрьмы во время демонстрации 18 октября. После освобождения примкнул к большевистской лекторской группе. Выступал как лектор и агитатор. Был сотрудником всех большевистских сборников и газет в 1905—1907 годах, где писал под псевдонимами: «М. Таганский» или «М. Т.». Ныне — беспартийный.

Михайлов, Лев Михайлович, приехал из эмиграции, выступал как агитатор и как лектор и литератор по вопросам международной политики и рабочего движения. Впоследствии, в 1910—1914 годах, сотрудничал в «Звезде» и «Правде» под псевдонимом «Политикус». Умер, состоя секретарем «Общества старых большевиков».

Курский, Дмитрий Иванович — юрист и литератор, преимущественно по вопросам профессионального и рабочего движения. В советское время был с 1918 по 1928 год Наркомюстом и потом полпредом в Италии. Умер в 1932 году.

Никифоров, Лев Львович — член МК в 1901 году, был сослан в Якутскую область, там принял участие в так называемом «Романовском» вооруженном сопротивлении ссыльных в Якутске. После амнистии в октябре 1905 года возвратился в Москву, был принят в лекторскую группу; потом был членом окружного комитета, сотрудничал в большевистской печати. Скоропостижно умер в 1907 году, тридцати пяти лет.

На собраниях лекторской группы в «дни свободы» бывало до двадцати пяти человек. Собрания проходили очень оживленно в информациях о текущих событиях и в живых дискуссиях по вопросам момента: о роли Советов рабочих депута-

В. М. Фриче

В. А. Обух

С. Н. Мицкевич

М. И. Васильев-Южин

З. Я. Литвин-Седой

Р. С. Землячка

А. В. Шестаков

Е. П. Первухин

Баррикады в Оружейном переулке в Москве в декабре 1905 г.

Баррикады на Малой Бронной в Москве в декабре 1905 г.

тов, об аграрном вопросе (разделе между крестьянами или национализации конфискованных у помещиков земель)¹, об отношении к меньшевикам, эсерам, крестьянскому союзу, о тактике в профсоюзах. Все это было предметом живейшей и горячей дискуссии на заседаниях группы, на которых нередко присутствовали приезжавшие в Москву члены и агенты ЦК (Десницкий, Саммер); они информировали нас о позиции Ленина и ЦК по этим вопросам и прислушивались к высказываниям членов группы.

Один раз, но уже только в марте 1906 года, посетил заседание нашей лекторской группы В. И. Ленин в свой единственный приезд в Москву за время первой революции. На этом заседании, которое происходило на квартире В. А. Жданова на Большой Никитской, в б. доме Элькинд, В. И. Ленин сделал доклад о предстоящем тогда четвертом объединительном съезде партии и о проекте платформы большевистской фракции на этом съезде, но это событие выходит уже за хронологические рамки этой книги.

ГЛАВА XXXI

КАПУН ВОССТАНИЯ. ВОЛНЕНИЯ В ВОЙСКАХ

К концу ноября положение в Москве, как и во всей России, стало особенно напряженным. С одной стороны, революционная волна поднималась все выше: по всей стране шли митинги рабочие, крестьянские, солдатские; крестьянское движение в виде разгромов помещичьих имений, захватов земель распространялось на новые и новые районы; особенно остро и организованно оно шло на Кавказе и в Прибалтийском крае; солдатские и матросские бунты захватили ряд городов: Кронштадт, Севастополь, Киев, Тифлис, Ташкент, Воронеж, Бобруйск, Екатеринодар и др.

С другой стороны, по всему стало видно, что правительство начинало переходить все определеннее в контрнаступление: арест бюро крестьянского и почтово-телеграфного союзов в Москве, арест председателя Петербургского Совета рабочих депутатов Хрусталева-Носаря 26 ноября, грозные циркуляры, рассылаемые министром внутренних дел Дурново, которые были перехвачены революционерами, — все это были явные признаки начавшегося контрреволюционного наступления.

В Москве конец ноября и начало декабря ознаменовались

---

¹ Надо признаться, что большинство членов лекторской группы, во главе с Рожковым, были яркими «разделистами» и отстаивающих необходимость борьбы при известных условиях за национализацию земли называли эсерствующими.

значительным брожением в полках московского гарнизона. Движение началось 26 ноября в третьем саперном батальоне и в Троице-Сергиевском полку в Сокольнических казармах. Были митинги в казармах, на них выработаны требования, предъявленные затем начальству. 27 ноября московский градоначальник сообщает генерал-губернатору об этих митингах и заканчивает сообщение такой характеристикой положения в гарнизоне: «Вообще настроение среди нижних чинов московского гарнизона становится тревожным, и весьма вероятно, что требования, предъявленные третьим резервным батальоном, могут найти поддержку и в других воинских частях, тем более, что нижние чины, не сочувствующие возникшему в частях брожению, терроризованы сплоченным меньшинством».

К этому движению присоединился Ростовский гренадерский полк, расположенный в Спасских казармах на Садовой. Солдаты арестовывают офицеров, выбирают своих начальников и ставят своих дежурных у ворот своих казарм.

2 декабря московский градоначальник дает такую телеграмму министру внутренних дел: «Обязываюсь доложить вам, что Ростовский полк в полном восстании, в Несвижском и саперном батальонах сильное брожение, остальные войсковые части готовы на случай военного бунта, так что столичный порядок поддерживаю двумя тысячами измученных полицейских чинов и жандармским дивизионом. Столичные невзгоды осложняются пятьюстами бастующими почталыонами, пытающимися разбивать почтовые ящики и творить насилие над пожарными, развозящими почту».

2 или 3 декабря состоялось в Москве первое (и последнее) заседание Совета солдатских депутатов, о котором был напечатан отчет в № 3 (от 4 декабря) газеты «Вперед», органа Московского комитета. Приведу выдержки из этого отчета: «Вчера состоялось заседание Совета солдатских депутатов. На заседание явились представители Екатеринославского, Ростовского, Несвижского, Троице-Сергиевского полков, первого, третьего и пятого саперных батальонов, казачьего полка и московского военно-аптечного магазина. Были также представители военных организаций обеих фракций РС-ДРП, от партии С. Р. и начальники боевых дружин. Из речей депутатов-солдат было выяснено, что настроение во всех полках приподнятое, что все сочувствуют революционному движению, могут присоединиться к народному восстанию и во всяком случае стрелять в своих братьев не будут. Особенно повышенное настроение — у солдат Екатеринославского полка, где сегодня должен состояться митинг, у солдат Несвижского полка и у саперов».

Депутат Ростовского полка сделал доклад о положении дел в своем полку, в котором он сообщил о двух митингах,

состоявшихся в полку; на этих митингах присутствовали депутаты от Екатеринославского, Самогитского, Астраханского и некоторых других полков, почтово-телеграфные служащие, депутаты от революционных партий и Совета рабочих депутатов. Речь каждого оратора принималась восторженно и покрывалась шумными и долгими аплодисментами. На митингах пришли к решению все время быть в боевой готовности на случай уличного выступления и войти как можно скорее в соглашение с другими полками.

К сожалению, движение в Ростовском полку было скоро подавлено, и уже 4 декабря градоначальник телеграфировал, что в Ростовском полку порядок восстановлен.

Начальство во время волнения в полках приняло меры, которые очень способствовали ослаблению движения; это был отпуск всех мобилизованных запасных, которые были настроены вообще более революционно и вместе с тем стремились домой. Это сильно повлияло на «успокоение» солдатской массы. Московский комитет делал попытки овладеть движением в войсках, объединить его и соединить с выступлением пролетариата, но связи наши и влияние в полках были все же еще недостаточно сильны да и настроение солдат не было достаточно стойко революционным. В результате волнения прошли разрозненно и не вылились в мощное революционное выступление.

В эти дни вся Москва была сильно возбуждена волнениями в полках: в редакциях наших газет — «Борьбы» и «Вперед» — толпилось масса народу, каждый час приносились новые информации об этом движении, о его успехах и неудачах. Помню, с каким энтузиазмом было встречено известие, что все пулеметы, бывшие тогда в Москве (это были первые пулеметы, появившиеся тогда в русской армии; помещались они в Спасских казармах), были захвачены восставшими ростовцами. Но увы! — вскоре же пришло известие, что ростовцы сдались на милость начальства.

В эти же дни, начала декабря, произошли еще крайне важные события: Петербургский Совет рабочих депутатов после ареста своего председателя вынес резкий протест против этого акта и выпустил «манифест» о финансовом бойкоте правительства.

В этом манифесте население России призывалось:

«Отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалования уплаты золотом.

Брать вклады из сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом. Не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которое царское прави-

тельство заключило, когда явно и открыто вело войну со своим народом».

Под манифестом, кроме подписи Совета рабочих депутатов, стояла подпись Главного комитета Всероссийского крестьянского союза, Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии и других революционных организаций.

2 декабря манифест был полностью напечатан в восьми петербургских газетах.

Этот манифест всполошил правительство. Витте в своих «Воспоминаниях» пишет, что это «воззвание имело решительный успех; так, в самое короткое время было взято из сберегательных касс более, чем сто пятьдесят миллионов рублей золотом. Такая паника после несчастной войны, стоившей около двух миллиардов пятисот миллионов рублей, конечно, поставила наши финансы и денежное обращение в самое трудное, скажу, отчаянное положение».

И правительство ответило на манифест конфискацией и закрытием восьми петербургских газет, напечатавших манифест, и арестом 3 декабря Петербургского Совета рабочих депутатов в количестве около двухсот человек.

4 декабря обо всех этих событиях стало известно в Москве. Ясно было для всех, что на это наступление правительства необходимо реагировать. Мы много писали и говорили о вооруженном восстании, — теперь стало очевидным, что этот грозный момент наступает. Если не ответить теперь же на наступление правительства, то оно по очереди разгромит революционные организации по всей стране; надо теперь же попытаться поднять всю страну на восстание и привлечь на свою сторону войска, на что, ввиду брожения среди войск, была надежда.

Таково было общее мнение в большевистских кругах; такова же была директива и нашего Центрального комитета. 3 или 4 декабря приехал в Москву от ЦК товарищ Саммер с предложением начать в Москве всеобщую забастовку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание, а ЦК примет все меры, чтобы забастовка и восстание нашли поддержку по всей России.

Саммера я хорошо знал: он бывал при своих приездах в Москву на заседаниях лекторской группы, несколько раз ночевал у меня. Я с ним близко сошелся. Он был особо доверенным лицом Ильича и всегда горячо отстаивал его директивы; несомненно, что и в этот приезд он выражал точку зрения Ленина.

Экстренно собрался Московский комитет и принял соответствующие решения, которые были затем поставлены на обсуж-

дение Московского Совета рабочих депутатов, собравшегося 4 декабря. Об этом заседании Совета появился отчет в нашей газете «Вперед» от 6 декабря. Приведу выдержки из него:

«Прочитан и обсужден манифест революционных организаций. Постановлено единогласно присоединить к данному манифесту подпись Московского Совета рабочих депутатов, издать манифест в достаточном количестве для распространения среди населения¹. Обсужден факт ареста Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов, и в связи с этим рассмотрен вопрос о необходимости, ввиду надвигающейся реакции, перехода к активным действиям — ко всеобщей забастовке и вооруженному восстанию. Большинство депутатов высказалось в том смысле, что дальше ждать нечего. Довольно копить силы. Необходимо с завтрашнего же дня объявить всеобщую забастовку в Москве. Ряд депутатов указывал, что эта стачка уже не репетиция, а генеральный бой с самодержавием. Эта стачка должна перейти во всенародное вооруженное восстание. Надо взвесить всю важность нашего решения и потому, прежде чем объявлять забастовку, надо разъяснить всем нашим избирателям важность данной забастовки и той ответственности перед рабочим классом России, которую берет на себя МСРД, *бросая первый лозунг всеобщего восстания.*

После продолжительного обсуждения было постановлено: завтра (в понедельник) утром поставить этот вопрос на обсуждение рабочих всех фабрик и заводов Москвы и на следующем собрании МСРД принять, в зависимости от решения пролетариата города Москвы, то или иное решение относительно призыва от имени МСРД ко всеобщей забастовке».

День 5 декабря прошел в митингах, которые состоялись на большинстве московских фабрик и заводов. На этих митингах обсуждался вопрос о всеобщей забастовке и переводе ее в вооруженное восстание. Настроение везде было решительное и боевое.

В тот же день заседала конференция представителей двадцати девяти железных дорог. Там тоже был поставлен вопрос о всеобщей забастовке. Представителями от большевиков на этой конференции были Саммер и Лядов. Настроение по отношению к забастовке сначала было колеблющееся, но наши представители твердо заявили, что если конференция не выскажется определенно за стачку, то большевики все равно призовут железнодорожных рабочих к стачке и тогда поневоле служащим придется к ним примкнуть. После этого заявле-

---

¹ Манифест был напечатан в нескольких московских газетах.

ния настроение конференции стало все более склоняться к объявлению забастовки на всех железных дорогах, и к вечеру была вынесена соответствующая резолюция.

Вечером в реальном училище Фидлера собралась многочисленная партийная конференция большевиков. Я был на этой конференции.

Собралось человек до восьмисот. Проходили по билетам, которые были двух видов — красные и белые. Красные билеты получили члены МК, районных комитетов и делегаты заводских комитетов, только они имели право голоса, то есть могли говорить и решать. Сделано это было для того, чтобы говорили только люди, непосредственно связанные с рабочей массой.

Председательствовал Шанцер. Настроение у собравшихся было серьезное, торжественное. Все чувствовали важность и ответственность момента.

Председатель открыл собрание краткой речью, в которой указал, что конференция собралась для решения вопроса о второй всеобщей забастовке и о переводе ее в вооруженное восстание. Вопрос чрезвычайно серьезный. Надо всесторонне обдумать его, взвесить все обстоятельства «за» и «против» и только тогда принять решение. Он предложил высказаться прежде всего представителям с мест, каково настроение рабочих, как они по этому вопросу высказывались на последних митингах. После него выступил с докладом от ЦК товарищ Саммер, после чего начались короткие, но решительные высказывания делегатов с мест. Один за другим говорили они, что на местах у рабочих настроение вполне определенное — надо дать отпор обнаглевшему царскому правительству, надо начать восстание против него, рабочие готовятся к бою, достают оружие, куют пики и кинжалы, надеются на присоединение войск. Все речи были в одном духе; я не помню ни одной речи представителей с мест, в которой выразилось бы иное настроение.

После ряда речей представителей заводских комитетов выступил наш военный организатор товарищ Васильев («Андрей»). Его речь не отличалась определенностью; уверенности в том, что войска активно выступят, у него не было; во всяком случае он выразил надежду, что многие части останутся пассивными и откажутся стрелять в народ. После него высказался боевой организатор товарищ Кудрявцев («Евгений»). Он указал на слабость наших дружин, на плохое их вооружение, преимущественно револьверами, которые мало действительны против дальнобойных винтовок и пушек. Тогда выступил один член комитета и сказал, что мы не подготовлены к восстанию, что войска едва ли выступят за нас, что дружины наши слабы, а с голыми руками нельзя поднимать восстание, надо луч-

ше подготовиться и тогда только выступить. Ему кто-то возразил (Васильев-Южин?), что если мы теперь не выступим, то все равно правительство поодиночке разобьет революционные организации, а если мы начнем восстание, то нас смогут поддержать другие города, крестьянство и в некоторых местах войска; настроение масс дошло до точки кипения, и, если мы теперь не выступим, то потеряем авторитет в массах. Этот оратор был дружно и горячо поддержан всей конференцией.

Приступили к голосованию. За забастовку и за перевод ее в вооруженное восстание была поднята вся масса красных билетиков, «против» — ни одного. Результат голосования был встречен с горячим энтузиазмом. После голосования было объявлено, что заседавшая в это же время в Москве конференция двадцати девяти железных дорог решила присоединиться к забастовке, если она будет объявлена Советом рабочих депутатов.

После этого была сказана еще одна горячая речь, и собрание закончилось поздно ночью пением рабочей «Марсельезы».

Одновременно происходила и меньшевистская конференция; она не решалась вынести определенное решение о забастовке, не узнав решения нашей конференции, и послала двух делегатов, чтобы узнать о нашем постановлении. Делегаты ожидали в передней конца конференции. Узнав о нашей резолюции, конференция меньшевиков под давлением рабочих тоже к ней присоединилась на словах, а на деле во все время восстания меньшевики колебались и вносили неуверенность и разложение в рабочие ряды.

Следующий день, 6 декабря, был праздник (Николин день), фабрики и заводы не работали. В этот день собрался Московский Совет рабочих депутатов и после коротких прений единодушно, с большим подъемом, принял такое решение:

«Московский Совет рабочих депутатов, комитет и группа Российской социал-демократической рабочей партии и комитет социалистов-революционеров постановили: объявить в Москве со среды 7 декабря, с 12 часов дня, всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание».

Был принят текст прокламации «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам». Прокламация заканчивалась такими лозунгами: «Смело в бой, товарищи рабочие, солдаты и граждане!

Долой преступное царское правительство!

Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!»

Под прокламацией были подписи тех же организаций и партий, от имени которых состоялось и вышеприведенное постановление о стачке.

В первом номере «Известий Московского Совета рабочих депутатов», вышедшем 7 декабря, было объявлено: «В 12 часов сегодняшнего дня, по постановлению Московского Совета рабочих депутатов, все рабочие города Москвы должны прекратить работу. Лишь на водопроводе работы не прекращаются. Ни одна из редакций газет не имеет права выпустить газету. В дни революции пролетариат создает свои революционные газеты.

В определенные часы дня с разрешения Московского Совета рабочих депутатов будет производиться торговля в отдельных булочных, мясных и колониальных лавках, при условии продажи по обычным ценам... Все попытки разгромов и воровства должны быть подавляемы в самом начале».

Всероссийская конференция железных дорог дала приказ в ночь на 7 декабря остановить движение по всем железным дорогам.

К решению Московского Совета присоединился и почтово-телеграфный съезд и постановил продолжать забастовку наравне со всем пролетариатом.

Так начал московский пролетариат вторую политическую стачку которая и перешла действительно в вооруженное восстание.

Правительство знало о подготовке в Москве вооруженного восстания и стало готовить отпор ему. Прежде всего оно сменило московского генерал-губернатора Дурново, которым оно было недовольно, считая, что он слишком пассивен и дает потачку революционерам. Он был заменен адмиралом Дубасовым, уже прославившимся жестоким подавлением крестьянских волнений в Курской губернии. Он прибыл в Москву и вступил в должность как раз 5 декабря.

6 декабря был царский день (именины царя). Полиция решила использовать этот день для мобилизации «черной сотни», которая должна была утратить революционеров своим выступлением. Было назначено торжественное молебствие митрополита на Красной площади, а после него манифестация. Но план этот потерпел крушение. «Дни свободы» основательно разложили и разрешили «черную сотню». На молебен собралось гораздо меньше народу, чем ожидалось. Нашим дружинникам было дано задание вмешаться в толпу и разлагать ее. Во время молебствия раздались крики: «Дружинники идут!»; возникло замешательство, многие ушли с молебна. Манифестация после молебна вышла немногочисленной, а главное, не

чувствовалось в ней боевого настроения и той звериной злобы, которая была характерна при выступлениях «черной сотни» в октябре. МанIFESTация с трехцветными флагами направилась по Тверской, к дому генерал-губернатора. Дубасов вышел к манифестантам, призывая их к борьбе с революционерами. Жидкое «ура» было ответом на его речь. Наши парни после речи крикнули: «Айда в Аквариум на митинг!» — и туда направилась значительная группа, остальные разбрелись. Получилось не устрашение революционеров, а конфуз.

ГЛАВА XXXII

МОСКОВСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Наступили незабываемые двенадцать дней (7—19 декабря) московской всеобщей стачки и вооруженного восстания, этой высшей точки революции 1905 года.

7 декабря рабочие вышли с утра на работу. В двенадцать часов дня раздались тревожные гудки на всех московских фабриках и заводах. Работа везде остановилась. Начались митинги на предприятиях. Забастовка была еще более дружной и организованной, чем в октябре, снимать приходилось мало. Забастовали конки, прекратилась работа в банках, в общественных и многих правительственных учреждениях.

В этот день Дубасов объявил Москву на положении «чрезвычайной охраны»; были расклеены грозные объявления о запрещении митингов и всяких собраний, но никого они не устрашали, на них не обращали внимания.

8 декабря не вышла ни одна газета, кроме «Известий Московского Совета рабочих депутатов»; 8-го же закрылось большинство магазинов. Остановились все железные дороги, кроме одной, самой важной, — Николаевской (ныне Октябрьской).

Вокзал этой дороги был занят с утра 7 декабря отрядом пехоты с артиллерией. Попытки снять персонал дороги начались с первых же дней забастовки; в последующие дни разыгрался ряд стычек на Каланчевской (ныне Комсомольской) площади, с целью овладеть Николаевским вокзалом, но попытки эти не привели к цели, и дорога эта работала во все время стачки.

Здесь надо сказать о ходе движения в Петербурге в эти дни. Я уже говорил о неправильном троцкистско-меньшевистском руководстве Петербургским Советом рабочих депутатов, вследствие чего в Петербурге не было действительной подготовки к восстанию, а силы рабочих растрачивались в частых стачках. Петербургский Совет, узнав о начале всеобщей стачки в Москве, призвал петербургский пролетариат к стачке

8 декабря, но и тут не дал прямого лозунга к восстанию. Петербургская администрация, узнав о готовящейся забастовке в Москве и Петербурге, с утра 7 декабря заняла вокзалы Петербурга. Стачка в Питере на этот раз не была столь единодушной и полной, как в Москве, а главное — не забастовал весь петербургский железнодорожный узел, а это поддерживало движение на всей Николаевской дороге до Москвы. Это событие имело роковое влияние на Московское восстание: по этой дороге прибывали в Москву свежие войска для подавления восстания, сначала драгуны и артиллерия из Твери и Ржева, а потом Семеновский гвардейский полк с артиллерией из Петербурга и Ладужский полк из Варшавского военного округа.

Частично работали почта и телеграф, где правительству удалось до некоторой степени сломить забастовку, начавшуюся еще 15 ноября. Это тоже ослабляло силу революционного натиска.

В первый день, 7 декабря вечером, происходили в Москве многочисленные митинги. Я был на митингах в «Аквариуме», на Триумфальной-Садовой. Митинги шли во всех помещениях «Аквариума» и соседней «Олимпии». Они были исключительно многолюдными, насчитывали до десяти тысяч собравшихся¹.

Во время митинга распространилось известие, что мы окружены войсками. Сначала вышло некоторое замешательство, но вскоре публика успокоилась. Была выбрана делегация для переговоров с осаждающими, и митинг продолжался. Через некоторое время делегация возвратилась и объявила, что солдаты не войдут в помещение, требуется только, чтобы публика постепенно выходила. Все поняли, что будут обыскивать и отбирать оружие, а может быть — и арестовывать. После обсуждения решено было подчиниться. Митинг был закрыт. Электричество, которое монтеры как-то пустили для митинга, потухло, и стало очень темно. Все вышли в сад и стали ждать очереди пропуска. Вдруг откуда-то стали раздаваться револьверные выстрелы, очевидно провокационные. Стали бояться, что войска в ответ на эти выстрелы начнут стрелять в толпу. Но, к счастью, этого не случилось, несмотря на то, что револьверные выстрелы все время продолжались. Было довольно жуткое ощущение от неизвестности, откуда и кто стреляет. Убитых или раненых не оказалось.

Между тем дружинники, присутствовавшие на митинге в довольно большом количестве, совещались, что им делать и как сохранить оружие. Решено было пробраться в соседний

---

¹ Некоторые источники относят события в «Аквариуме» к 8 декабря. Но по официальным сообщениям того времени, по дневнику Кирика Левина, напечатанному в сборнике «Текущий момент» (1906 г.), и по моим воспоминаниям — эти события происходили 7 декабря.

двор Комиссаровского технического училища. Так и сделали. Отодрали доску в заборе, и через образовавшуюся щель пролезло на двор училища более ста дружинников с оружием. Хотели выйти со двора в переулок, но в переулке стояли воинские патрули. Отступление было отрезано.

Дружинники обратились тогда к директору училища, прося разрешения переночевать в мастерских училища. Директором училища был А. И. Яшнов, сочувствовавший революционерам. Его жена, Зинаида Ивановна Яшнова, состояла членом финансовой комиссии при МК; в их квартире часто бывали наши партийные собрания и явки. Многие большевики знали Яшновых. Яшнов укрыл дружинников до утра в мастерских училища. Часов в шесть утра разведка обнаружила, что патрули сняты, и дружинники поодиночке выбрались из гостеприимного убежища.

В донесении по начальству полковника, командовавшего отрядом, окружившим «Аквариум», об этом инциденте сообщалось следующее: «К сожалению, ушедшая через задний ход боевая дружина, засевшая вслед за сим в соседнем здании Комиссаровского училища, не была обложена вследствие непонятной нерешительности со стороны агентов охранного отделения, руководивших обыском».

В то время, как дружина пробиралась в соседнее помещение и там искала убежища, из сада продолжался выпуск публики. Я долго ждал очереди, так как выпускали поодиночке, обыскивая при этом. Дошла очередь и до меня. Обыскали, ничего не нашли, отпустили. На прощание какой-то солдат ткнул меня прикладом в спину, но довольно «деликатно» — не было больно, но было очень унижительно. Я протестовал перед тут же стоящим офицером против такого обращения с гражданами; офицер смущенно молчал и что-то сказал солдату: мне показалось, что он запретил ему бить пропускаемых.

Следующий день, 8 декабря, на улицах Москвы было большое оживление: всюду толпился народ, возникали летучие митинги на улицах, шли митинги в Политехническом музее и на предприятиях. Инженер Виноградов, который командовал дружиной Миусского трамвайного парка, позвал меня в этот день на митинг в парке. Было очень много народа. Настроение было повышенное. От ораторов требовали указаний, что делать дальше. Те отвечали, что скоро приступим к восстанию, но надо ждать указания партии и Совета рабочих депутатов. Чувствовалось, что надо что-то делать, но что делать, как приступать к восстанию, никто не знал, директив никаких не было; а митинги и демонстрации уже не удовлетворяли.

Дружина Миусского парка через несколько дней прославилась себя героической защитой парка и окружающих переулков против натиска артиллерии и пехоты. 8 декабря войска, пре-

имущественно драгуны, пытались в разных местах разгонять толпы, но действовали вяло, нерешительно, выстрелов почти не было.

9 декабря в городе было слышно несколько ружейных залпов и какая-то странная трескотня: это москвичи впервые услышали стрельбу из пулемета. Оказывается, что на Тверской драгуны дали несколько залпов по демонстрации, а с колокольни Страстного монастыря стрелял вдоль по Тверской пулемет. Были убитые и раненые.

Вечером в городе стояла жуткая темь и тишина. Вдруг начались выстрелы из орудий, совсем недалеко от нас, от Красносельской. Всего с довольно большими промежутками было сделано десять-двенадцать выстрелов. В промежутках были слышны ружейная перестрелка и залпы. Орудийной стрельбы на улицах Москвы не было, вероятно, с самого основания города. Она произвела потрясающее впечатление на всех жителей Москвы. Но где и почему стреляют из пушек, никто не знал. Эта неизвестность действовала угнетающе.

Поздно ночью пришел Семен Петрович, который жил опять у меня со дня его освобождения из Таганки 18 октября. Он рассказал о стрельбе на Тверской, о том, что там стихийно началась постройка баррикад, хотя директивы о постройке баррикад еще не было. Из пушек стреляли по училищу Фидлера, в котором четыре дня тому назад происходила партийная конференция.

Как потом я узнал, в этот день в училище Фидлера собралась часть эсеровской дружины и дружины учащихся средне-учебных заведений; они предполагали пойти по городу с целью разоружения полицейских постов. Кроме того, часть публики пришла в училище, предполагая, что там будет очередной митинг. Собравшиеся были окружены воинской частью, им предложено было сдать. Они ответили отказом. Тогда училище было обстреляно ружейными залпами и шрапнелью. Осажденные отвечали выстрелами и бросили с крыши пять бомб. Лишь после двенадцатого орудийного выстрела из училища раздались крики: «Сдаемся». После этого осажденные сдались. Всего было арестовано сто восемнадцать человек, в том числе директор училища И. И. Фидлер. Трое было убито и несколько человек ранено. Со стороны войск был убит один офицер и ранено несколько солдат. В помещении найдено было двенадцать бомб и много оружия (винчестеров, браунингов, револьверов). Наши дружины ушли от Фидлера тотчас после конференции, считая этот приют уже ненадежным.

Семен Петрович рассказал мне еще об аресте Федеративного комитета вечером 7 декабря.

Этот комитет только что образовался для взаимной инфор-

мации и координации действий революционных организаций¹. В него входили два представителя от большевиков, два — от меньшевиков, два — от эсеров, два — от Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов и два — от железнодорожного союза. Нашими представителями там были Шанцер и Васильев-Южин, и оба они оказались арестованными в первый же день забастовки. Это был большой удар для московской организации в столь ответственный момент. Равных им по авторитету, по широте кругозора, по революционной энергии и решительности в московской организации тогда не было. После их ареста в исполнительную тройку МК были избраны: Лядов, Семен Петрович и «Тимофей».

Утром Семен Петрович ушел от меня, и я его больше не видел до 18 декабря.

Я уже говорил об особенностях участка, на котором расположена была наша психиатрическая лечебница. Напомню: участок был обширный, с большим парком (ныне вырубленным), выходил на две улицы: Красносельскую и какой-то переулок, третьей стороной — на соединительную ветку Казанской дороги, от которой наш густой парк был отделен низеньким заборчиком. Напротив моей квартиры был проходной дровяной двор, соприкасающийся с Ярославской железной дорогой, а через нее — с Николаевской. Участок находился в центре той части Сокольнического района, которая расположена влево от Краснопрудной улицы, если идти из центра города. Указанные условия нашего участка решил использовать Сокольнический районный центр восстания совместно с Железнодорожным и сделать его базой и центром этих районов, откуда было легко наладить связь с тремя железными дорогами. Мне была дана директива не отлучаться из моего участка и способствовать его обращению в центральную базу восстания нашего района.

Но враг наш тоже был хитер и оценил стратегическое значение этого участка.

10 декабря фабрика Абрикосова (ныне им. Бабаева), расположенная по соседству с нами, была занята полуэскадрой Московского драгунского полка; один взвод этого отряда был поставлен на нашем дворе, где находились пустые конюшни. Такой же пикет был поставлен в Алексеевском монастыре, по соседству с нами. Все эти дни, вплоть до 17—18 декабря, драгуны ездили или ходили по Красносельской улице и прилегающим переулкам, стреляя вдоль улицы, обыскивали и избивали некоторых, казавшихся им подозрительными,

---

¹ В некоторых источниках эта неудавшаяся организация именуется «Информационным комитетом». Не смешивать его с Федеративным советом, в который входили только социал-демократы — большевики и меньшевики и о котором я неоднократно говорил.

прохожих. Было несколько стычек с дружинниками; одну из них, более крупную, описывает начальник полуэскадрона корнет Золотарев в своем рапорте по начальству. Приведу это донесение: «В девять часов утра полуэскадрон был вызван из фабрики Абрикосова на Красносельскую улицу, где многочисленная вооруженная толпа мятежников возводила баррикаду. Спешенный полуэскадрон в закрытом месте дал залп по ним — толпа рассеялась, и в это время был ранен рядовой Лузин. После чего революционная банда вновь собралась, опять открыли огонь из штуцеров и револьверов, в это время было ранено двое рядовых; но ответный троекратный залп полуэскадрона вновь рассыпал мятежную толпу, уложив многих на месте, отступивших в большом беспорядке. Затем полуэскадрон отступил во второй полицейский участок Мещанской части, заняв его спешенным отрядом. Вскоре засевшие в соседних домах мятежники тесным кольцом окружили полицейский участок, открыв с особым упорством по нем штуцерный огонь, продолжавшийся до шести часов вечера, но с приходом двух рот и взвода артиллерии, на основании моего донесения начальнику всей охраны, мятежники были выбиты и дома разгромлены»¹.

Таким образом наш район в результате боя 12 декабря, продолжавшегося целый день, оказался во власти врага. На Красносельской и в переулках не удалось построить баррикады, но они были построены на Краснопрудной и на выходах с Каланчевской площади, где все эти дни шли стычки за овладение Николаевским вокзалом. В результате мы в нашем Сокольническом районе оказались совсем отрезанными от центра.

Жена моя ушла с самого начала стачки в город и работала там все дни восстания по связи центрального штаба с окраинами, но к нам в район ей так и не удалось пробраться до 16 декабря.

Итак, мне пришлось отсиживаться у себя и по мере сил выполнять подсобные функции под надзором драгунского отряда. Драгуны заходили иногда погреться в нашей кухне, с ними вела беседу наша прислуга (домработница), как я уже говорил, свой человек, и снабжала их газетами «Вперед» и «Борьба», вышедшими за последние дни перед стачкой. Но старшой пригрозил ее арестовать за это, и печатную пропаганду пришлось прекратить.

Раз у меня за эти дни было небольшое собрание не то Сокольнического райкома, не то товарищей из железнодорож-

¹ Приведено в книге «Из истории Московского вооруженного восстания 1905 года», стр. 34, ОГИЗ, «Московский рабочий», 1930 г.

ной организации; несколько драгун сидело как раз в это время на кухне, но они не подозревали, что за совещание происходит у меня, и благодушно пили чай.

Ко мне приходили за это время трое-четверо легко раненых дружинников с Краснопрудной улицы. Я делал перевязку и давал им у себя приют. Непосредственно после восстания у меня на квартире работало партийное бюро по выдаче паспортов, одежды и денег уезжающим из Москвы участникам восстания.

Все эти дни, начиная с 10 по 18 декабря, гул орудийных, пулеметных и ружейных выстрелов не смолкал до позднего вечера. Вечером горизонт озарялся заревом пожаров; особенно большой пожар был в ночь на 12 декабря в Замоскворечьи, на Пятницкой улице, где была обстреляна пушками, а потом подожжена Сытинская типография. Но как идет восстание, каковы его перспективы в Москве и во всей России, ничего не было нам известно. Изредка заходившие ко мне товарищи из Сокольнического района сообщали только отрывочные и непроверенные сведения.

Здесь для полноты картины я дам краткое описание хода всеобщей стачки и вооруженного восстания в Москве по имеющимся в моем распоряжении материалам.

О первых трех днях я уже рассказал. Скажу еще несколько подробнее о дне 9 декабря. В этот день забастовка стала уже всеобщей; только с разрешения районных Советов некоторые пекарни выпекают черный хлеб и некоторые булочные им торгуют. Всюду на больших фабриках и заводах происходят многолюдные митинги рабочих. На митингах везде раздаются лозунги: «За вооруженное восстание!» Во многих случаях рабочие тотчас после прекращения работ, а иногда и раньше, приступили к изготовлению холодного оружия — пик, кинжалов. Но рабочие хорошо понимают, что трудно с таким оружием бороться с войсками, и с напряженным вниманием прислушиваются к каждому известию, указывающему на сочувственное или хотя бы только пассивное отношение солдат к восстанию. На митинге в Сытинской типографии было сообщено, что из Александровских казарм по Большой Серпуховской улице идут солдаты с оркестром, играющим «Марсельезу». Все думали, что они шли соединиться с рабочими. От митинга была послана делегация к солдатам с призывом присоединиться. Но она опоздала — до солдат уже нельзя было добраться. Приехал генерал Малахов, окружил пехотинцев казаками и драгунами, вернул их обратно на плац перед казармами и здесь им сказал, что «государь император надеется на их верность присяге», обещал раздать мыло и по стакану водки. Солдаты вернулись в казармы, после этого их уже оттуда не выпускали.

Дружинники, до этого дня лишь кое-где разоружавшие городских и убивавшие их в редких случаях, с вечера этого дня, по постановлению коалиционного совета дружин, стали систематически разоружать городских и встречающихся офицеров, отбирать у них оружие.

К вечеру произошло событие, послужившее толчком к постройке баррикад и к началу вооруженной уличной борьбы.

Местом этого события была Страстная (ныне Пушкинская) площадь, которая вообще в истории революционного уличного движения в Москве за годы революции играла выдающуюся роль. Все уличное движение 1905 года прошло мимо памятника великого русского писателя.

К вечеру на площади собралась толпа в триста-четырееста человек. Начались речи. Вдруг с двух сторон появились драгуны. Из толпы им кричали: «Братья, не трогайте нас, переходите к нам!» Драгуны проехали мимо, никого не тронув; но через четверть часа они появились в большем количестве и атаковали толпу. Толпа рассеялась, часть ее (человек пятьдесят) нашла приют в павильоне трамвая на той же площади. Драгуны требовали, чтобы они сдались, и, получив отказ, направили внутрь несколько залпов и ускакали. В результате «молодецкой» атаки оказался убитым один ученик Комиссаровского училища и несколько человек ранены. Это до крайности возмутило собравшихся. Раздались проклятия по адресу драгун: «Убийцы!», «Негодяи!» Кем-то было предложено зажечь павильон, сыгравший роль ловушки: облили стены керосином и подожгли. Страстная площадь, погруженная до сих пор в глубокий мрак, осветилась отблеском пожара. Вскоре приехали пожарные и быстро залили горевшее строение. Им не препятствовали тушить. Собравшаяся публика отхлынула к Триумфальным воротам. Там возникло какое-то препятствие. Послышались выстрелы. Тогда началась на Тверской постройка баррикады. Откуда-то притащили несколько бочек, досок, разный деревянный и металлический лом. Баррикада была крайне несовершенна, но это была первая баррикада. На Триумфальной площади приступили к сокрушению телеграфных столбов и стали перегораживать и переплетать улицу проволокою. Это происходило около восьми-девяти часов вечера.

К одиннадцати часам вечера войска начали брать баррикады. Брали их следующим образом: вдоль по улице ехала карета с прожектором, направленным на баррикады. Позади нее ехали драгуны и стреляли в предполагаемых защитников баррикад. Кроме того, с несомненностью был установлен тот факт, что по дружинникам и просто по толпе, стоявшей на площади у Триумфальных ворот, стреляли из некоторых близлежащих домов засевшие там драгуны и переодетые городовые.

Разрушив баррикады, драгуны разъезжали по улицам и беспорядочно стреляли во все стороны. Между двенадцатью и двумя часами ночи шла почти непрерывная пальба по Тверской и Садовой от Триумфальных ворот. Затем стихло.

Вечером этого же числа, 9 декабря, на другом конце Москвы, в районе Чистых прудов, шел разгром реального училища Фидлера при помощи пушек и пулеметов, о чем я уже писал выше.

После этих событий ночью у Дубасова состоялось совещание членов полиции и начальников войсковых частей, с участием председателя «Союза русского народа» князя Щербатова. На этом совещании решено было «принять самые крайние меры» для подавления восстания.

День 10 декабря

С утра на улицах масса народа. Целые толпы ходят по городу и осматривают места, где в эту ночь происходили стычки. У трамвайного павильона на Страстной площади толпится народ, рассматривая следы ночных происшествий. Горячо обсуждается происшествие в доме Фидлера. Разносится слух о том, что утром двумя молодыми людьми, проезжавшими на извозчике по Гнездиновскому переулку, было взорвано охранное отделение (действительно, была брошена бомба в окно охранного отделения). Направленная в эту сторону фантазия обывателя быстро подхватывает и дополняет всякие относящиеся сюда слухи. Говорят, например, что взорвано также жандармское управление. Скоро выясняется, что это неверно.

Кое-где на улицах можно видеть небольшие митинги. Вот у типографии «Вечерней почты», на Тверском бульваре, собралась группа людей. В центре ее на извозничьих санях стоит молодой человек и произносит речь. Говорит кратко, но сильно. «Итак, товарищи, не повинуйтесь начальству, слушайте социал-демократов», — заканчивает он свою речь и выезжает из толпы. Та провожает его бурными криками одобрения.

На Каретной-Садовой в один день разоружили среди бела дня трех, потом опять трех и еще двух городских. Кроме того, тогда же разоружили пристава и офицера.

У дома градоначальника с самого утра выстроена полиция, драгуны и казаки. По всему Тверскому бульвару расхаживает масса полиции. Драгуны ведут себя пока сдержанно, как будто чего-то выжидают.

В двенадцать часов дня картина меняется.

Драгуны, обосновавшись в центре Тверской, оттесняют публику из всех переулков близ дома генерал-губернатора. Часть Тверской, заключенная между Страстной площадью и Газетным переулком (ныне улица Огарева), занята войсками. Поли-

ция оттесняет публику в переулки и оттуда на Тверскую уже не пускает.

У Страстного монастыря показывается эскадрон драгун и располагается на площади. На перекрестке ее и верхней части Тверской сплошной стеной стоит огромная толпа. По команде офицера драгуны двинулись рысью прямо на нее. Толпа не шелохнулась. «Меня поразило, — говорит очевидец, — это спокойствие толпы: в нем было что-то особенное, грозное». Драгуны, подъехав вплотную к толпе, круто повернули назад. Из толпы, вслед драгунам, поднялась частая револьверная пальба. Драгуны спешили, начали стрелять залпами по трем направлениям: вдоль обоих бульваров и вниз по Тверской.

Всюду, как сказано, толпились кучки людей. Внезапные залпы, направленные в них, заставили их шарахаться и прятаться во дворы и подъезды. Не успевшие укрыться падали на месте убитыми или ранеными.

Тут с Большой Бронной выскочили дружинники и открыли огонь по драгунам; те сначала отстреливались, но, потеряв двоих ранеными, не выдержали и поскакали.

У Богословского переулка их встретили выстрелами, и на месте остался труп драгунской лошади.

На углу Садовой и Тверской на прежнем месте с утра восстанавливается разрушенная вчера баррикада.

Около часу дня на Страстную площадь были привезены четыре орудия, и вся Москва была потрясена раздавшимися пушечными выстрелами. Стреляли вверх по Тверской и вдоль бульваров Страстного и Тверского. У церкви в Палашовском переулке поставили пулемет и стали обстреливать переулок. Стоявшая на углу у лавки толпа шарахнулась во все стороны, но семь человек, как подкошенные, упали на снег. На другом конце переулка, где он выходит на Тверскую, разорвавшейся шрапнелью убито десять человек. Грохот пушек перемежался дробью ружейных залпов, и количество жертв стали считать уже многими десятками.

Разрывается шрапнель у Новоекатерининской больницы, и на месте падают десять человек убитыми и ранеными.

Трещат ружейные залпы, рвется шрапнель, осыпая осколками все кругом, но кучки и даже толпы народа стоят везде, где только можно считать себя сколько-нибудь защищенными от расстрела, — и здесь, под грохот орудий, треск пулеметов и ружейных выстрелов, созревает великий гнев народа.

Вскоре, и, очевидно, под влиянием первых пушечных выстрелов, началась лихорадочная постройка баррикад.

Все население от мала до велика — на улицах.

Своеобразную картину представляла в два часа дня Триумфальная площадь. Стоит толпа в несколько тысяч человек.

Проходящих офицеров разоружают. Делается это добродушно, со смехом, без побоев. Всего тут разоружили человек шесть офицеров. Толпа хотела было обезоружить проезжавшего мимо на рысаке полицмейстера, но он успел скрыться. Кто-то крикнул: «Товарищи! Давай строить баррикады!» Откуда-то появилась пила, и началось подпиливание столбов.

На Малой Бронной баррикады растут одна за другой.

По Козихинскому переулку скачет казак. Из толпы раздаётся одинокий выстрел. Казак, убитый наповал, кувыркнулся. Его труп взвалили поперек седла и повели лошадь под уздцы. Лавочники, стоящие тут, толкуют по этому поводу: «Ишь, герой! Думал: пролечу. Вот тебе и пролетел!» Бывший здесь санитарный отряд направился по Тверскому бульвару и хотел устроиться у церкви Дмитрия Солунского. Но по нем уже начали стрелять, и ему пришлось уйти.

У Никитских ворот толпится масса народа и с тревогой прислушивается к грохоту орудий. Встречаются бегущие с Тверского бульвара. «Проклятые! Мерзавцы!» — тоном бессильной злобы говорят они и спасаются от осколков шрапнели и от града пуль, летящих с Тверской.

В районе Кудринской площади (площадь Восстания) спешно строят баррикады. Вся Садовая от Кудринской до Тверской усеяна ими, с промежутками в сто—сто двадцать шагов. Кроме того, поперек улицы протянута проволока.

Особенно быстро строились баррикады и другие заграждения по Сухаревской-Садовой. Там их воздвигали с баснословной быстротой. Для сооружения баррикад достаточно было пятнадцати минут. Основанием баррикады служили обыкновенно подпиленные и поваленные попарно телеграфные столбы. Затем сверху валили все, что попадет под руку: ограду садилов, бочки, ворота и просто доски. Как меланхолически сообщали потом реакционные газеты, «вопреки распоряжению полиции—держать ворота на запоре, ворота вовсе сняты с петель и употреблены на постройку баррикад!» В постройке принимала участие дельно разношерстная толпа — «охочая публика из окружающих домов», как выразился один очевидец. Постройкой руководили несколько человек, со щипцами для перерезывания проволоки и одноручными пилами.

Дружно шла постройка и на Долгоруковской (ныне Каляевской). Там пользовались всем, что могло бы послужить для постройки заграждений; особенно досталось линии трамвая: в дело шла толстая медная проволока, кронштейны, пытались даже валить столбы, но unsuccessfully. Работа идет весело, дружно.

Часов около трех с половиной пальба из пушек у Страстного монастыря стала реже и затем на время совсем затихла.

Только раскаты ружейных залпов не прекращались почти весь день.

Итак, в центре города уже лилась кровь и жертвы считались десятками убитых и сотнями раненых. На окраинах, где сосредоточено преимущественно фабрично-заводское население, утро этого дня протекало так же, как и в предшествовавшие дни.

Там продолжались митинги, причем соединялись иногда рабочие нескольких фабрик. Происходили демонстративные шествия, привлекавшие до десяти тысяч участников.

В этот день еще продолжались общие митинги рабочих в Народном доме на Введенской площади.

Собралось всего человек восемьсот-девятьсот. Было много женщин-работниц. Сходились группами по заводам с красными знаменами и пением «Марсельезы». Все принесенные знамена, их было около десяти, поставили на сцене полукругом, позади ораторской трибуны. В центре эстрады был укреплен большой плакат с надписью: «Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!»

В других местах тоже происходили митинги. На Таганской площади собралась около киоска толпа человек в двести: были тут рабочие, дворники, приказчики, мелкие торговцы. Толпа с митинга пошла было к Таганской тюрьме освободить членов крестьянского съезда и других политических. Но там стояли два пулемета и крепкие патрули. Толпа разошлась. Стрельбы не было.

Особенно выделялась Пресня.

Утром был громадный митинг на Прохоровской фабрике. К концу митинга пришли рабочие Даниловского сахарного завода с красным знаменем и были встречены криками «ура». Настроение было очень приподнятое. На митинге было решено, согласно постановлению районного Совета рабочих депутатов, устроить демонстративное шествие по улицам.

Толпа перешла на двор, разделилась на десятки, и с флагами и песнями вышли на улицу. Тут к ней присоединились рабочие заводов Мамонтова, Миллера и других с красным знаменем социал-демократической партии.

Вся эта масса в десять тысяч человек со знаменами и пением рабочей «Марсельезы» двинулась к Пресненской заставе, а оттуда повернула по Большой Пресне. Когда прошли некоторое расстояние, задние ряды вдруг заволновались, — произошла паника. Передние ряды, оглянувшись, увидели казаков. В этот момент общего смтения выступили из толпы две девушки-работницы Прохоровской фабрики с красным знаменем в руках и бросились навстречу казакам со словами:

— Стреляйте в нас, убейте нас, а живыми мы знамя не отдадим!

Офицер попробовал двинуться с казаками вперед и несколько раз наезжал на женщин, но они выставляли знамя навстречу лошадям.

Момент был решительный. Казаки были удивлены и смущены. Толпа скоро оправилась, волнение в ней улеглось, она расступилась по обе стороны к тротуарам, чтобы пропустить казаков вперед.

— Казаки, неужели вы будете в нас стрелять? Неужели вы будете преступниками? — раздалось из толпы, когда казаки проезжали мимо.

— Не стреляйте в нас, и мы в вас стрелять не будем, — отвечали казаки.

Видя это, молодой казачий офицер стал ругать казаков площадными словами, но ругань его была заглушена негодующими криками из толпы: «Сволочь! Мерзавец!», «Да здравствуют товарищи и братья-казаки!» Один из товарищей обратился к казакам с речью. Он говорил, что они тоже угнетаются царским правительством, как и рабочие. «Мы идем к вам с пустыми руками, неужели же вы будете стрелять в нас?»

Вдруг задние ряды казаков стали повертывать коней назад; передние, глядя на них, заколебались; наконец, закинув винтовки за плечи, они решительно повернули назад и ускакали при восторженных криках толпы: «Ура!», «Да здравствуют казаки!»

Толпа пошла дальше и, обойдя кругом по Трехгорному переулку, вернулась обратно к столовой Прохоровской фабрики. Здесь двумя товарищами были сказаны речи. Один из них говорил, что это только начало, и спрашивал рабочих, что, если будет более серьезное выступление, будут они разбегаться или нет?

— Нет! — отвечала толпа.

В это время в соседнем Хамовническом районе происходило следующее. В два с половиной часа, во исполнение директивы Федеративного совета социал-демократической партии, рабочие Губнера и соседних фабрик толпой в пять тысяч человек с красными знаменами и оркестром рабочих третьего винного склада, игравшим «Марсельезу», двинулись к Хамовническим казармам, где расположены Сумской драгунский, а также Несвижский и Перновский пехотные гренадерские полки. Демонстранты выстроились на площади перед казармами и отправили к несвижцам депутатов. Начальство распорядилось выкатить против них пулеметы. Толпа, однако, не тронулась. В эту минуту к воротам Несвижских казарм подошел драгунский офицер и предложил убрать пулеметы:

«Я с одними драгунами с ними расправлюсь».

Драгуны выскочили из своих казарм и с шашками наголо врубались в толпу. За ними вслед выбежали, накинув шинь-

ли, несколько десятков драгун без оружия и избивали кулаками разбегающихся рабочих.

За эти дни отмечено еще несколько попыток проникнуть в казармы и увлечь солдат примкнуть к восстанию, но все эти попытки оканчивались неудачей: ненадежные части, как, например, саперы в Сокольниках, были разоружены и охранялись частями надежными, которые и отражали дружинников, пытавшихся проникнуть в казармы.

К вечеру этого дня вся Пресня была покрыта баррикадами. Вот как это началось.

В три часа дня, рассказывает одна из участниц, состоялся второй митинг на Прохоровской фабрике, и на этот раз масса уже требовала от депутатов чего-нибудь более решительного. Надо заметить, что авторитет депутатов в глазах массы был высок. Митинги ее уже больше не удовлетворяли, а чего-нибудь более решительного депутаты тогда еще предложить не могли.

Со всех сторон раздался настойчивый вопрос: «Что делать?» Многие хотели уже идти в город, и немногие, правда, уже отправились туда. Там в это время строились баррикады и происходила стрельба.

Положение депутатов было очень затруднительное: нужно было не упускать момента, а если б запоздали хотя на час—два с постройкой баррикад и не сказали решительно, что делать, то настроение упало бы и ничего не вышло бы.

Но, наконец, в четыре часа дня была получена директива из центра строить баррикады. Настроение массы в один миг изменилось, лица сразу оживились. Разделились на десятки, выбрали начальников и вооружились чем попало — ломami, лопатами, топорами; высыпали на улицу. Боевая дружина тоже была распределена по местам для охраны строящихся баррикады.

Улицы были переполнены народом. Много было тут любопытных, но большая часть обывателей сама принимала участие в постройках баррикад. Например, женщины тащили сани, кровати, дворники — ворота, дрова. По всей Пресне раздавался гул и треск — это рубили топорами телеграфные и фонарные столбы. Было впечатление, словно рубят лес. Рабочие подходили к каждому дому, отпирали ворота, снимали их и несли на баррикады. Кое-где хозяева и дворники пробовали препятствовать, но после угроз со стороны дружины они удалялись, оставляя свое добро в распоряжении рабочих.

В то время, когда на Страстной (Пушкинской) площади воцарилась тишина и для обитателей ее явилась возможность хотя несколько передохнуть от прежних ужасов, в районе Садовой-Сухаревской часы ужаса только начинались.

На веранду Сухаревой башни втащили мелкокалиберные пушки, а шестидюймовые орудия поставили на площади. В десять часов вечера были пущены сигнальные ракеты, загрохотали орудия: начали обстреливать Садовую, освещая ее с башни прожектором.

В этот вечер на углу Садовой и четвертой Мещанской буквально была снесена шрапнелью группа людей. Лужи крови и мозги с волосами, прилипшие к вывескам, видны были в течение нескольких дней. Вся Сухаревская площадь (ныне Колхозная) была занята пехотой, которая стреляла из ружей залпами.

Местами войска с пожарными уже в этот вечер пытались разрушать баррикады. На Кудринскую площадь около девяти часов вечера приехали драгуны и пожарные с факелами и принялись было растаскивать баррикады. Делали они это лениво и неохотно, и вообще видно было, что они чувствуют себя очень скверно. В газетном киоске засели дружинники и открыли оттуда огонь по пожарным и драгунам. Последние пробовали выбить дружинников из засады, но безуспешно: лошади запутались в проволоке, и драгуны удрали.

Кругом всей Бутырской тюрьмы устроены заграждения. Там вечером было столкновение боевой дружины с восемью казаками; из них часть была убита, часть ранена, винтовки отобраны. После этого патрули не решаются разъезжать, городские тоже попрятались.

Войска и полиция вымещали свою злость на пленных. Что во всех участках били, об этом и говорить не приходится, а в некоторых случаях они просто истязали свои жертвы. Так уже 10 декабря в участке издевались над двумя забранными санитарями: фельдшером и сестрой милосердия. Их били чем попало и по чем попало. При этом двое городских держали у виска и у груди своих жертв револьверы, а другие били их до потери сознания.

«На легковых извозчиках и в каретах «скорой помощи» перевозили массу раненых, как нижних чинов, так и дружинников и лиц из публики. Особенно заполнена Новоекатерининская больница и частные лечебницы в районе Тверской. Многие из раненых уже умерли.

Точного подсчета пострадавших сейчас произвести нельзя, но говорят, что раненые исчисляются сотнями», сообщает газетный корреспондент.

В этот вечер было разобрано оружие в двух магазинах. «В пять часов вечера к оружейному магазину Торбек, на Театральной (Свердловской) площади, подъехали на извозчике несколько человек и, разбив стекла, увезли из магазина оружие. От неосторожности с огнем произошел взрыв, и запасы патронов погибли в огне. Многие обожжены. Прибывшие дра-

гуны рассеяли собравшуюся толпу выстрелами. Есть убитые и раненые.

В девять часов вечера разграблен большой оружейный магазин Тарнопольского, находящийся на Большой Лубянке. Взято все оружие» (телеграмма Российского агентства).

Добыты были еще солдатские винтовки из товарного вагона с оружием, который захватила боевая дружина на путях Казанской железной дороги.

В этот день Исполнительная комиссия Московского комитета заседала с утра с участием еще нескольких членов комитета. Она собиралась регулярно и во все предыдущие дни, начиная с 7 декабря. Первые дни связь с районами была хорошо налажена при помощи курьеров, работниц и студентов. «Всего нужно сказать, вспоминает товарищ Лядов, что за все время товарищи, выполнявшие обязанности курьеров и технических секретарей, проявили громадную работоспособность, а часто и самопожертвование». Но чем дальше, тем связь центра с местами становилась затруднительнее. Да, надо сказать, что у самого комитета не было определенного плана руководства восстанием. Правда, еще 8 декабря Исполнительная комиссия утвердила внесенный боевой организацией проект инструкции — «Советы восставшим рабочим». Здесь были изложены основы партизанской борьбы: действовать небольшими отрядами — двойками, тройками, не занимать укрепленных мест, «пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти... Из дворов стреляйте, бросайте камнями в казаков, потом перелезайте на соседний двор и уходите... Запрещайте закрывать ворота...» и т. д.

Характерен заключительный абзац инструкции: «Наша ближайшая задача, товарищи, передать город в руки народа. Мы начнем с окраин, будем захватывать одну часть за другой. В захваченной части мы сейчас же установим свое, выборное управление, введем свои порядки, восьмичасовой рабочий день, подоходный налог и т. д. Мы докажем, что при нашем управлении общественная жизнь потечет правильной, жизнь, свобода и право каждого будут ограждены более, чем теперь.

Поэтому, воюя и разрушая, вы помните о своей будущей роли и учитесь быть управителями».

Под документом стоит подпись: «Боевая организация при Мос. Ком. Р.С.Д.Р.П.»

Эти «Советы» были изданы в виде листка, а затем напечатаны в № 5 «Известий Московского Совета рабочих депутатов» от 11 декабря 1905 года. Советы оказались очень практичными, и в партизанской уличной борьбе в Москве были везде принимаемы к руководству.

Итак, 10 декабря с утра заседала Исполнительная комиссия. Были получены сведения, что в Москве стихийно строятся баррикады, что сношения с районами делаются все затруднительнее; с часу дня начался обстрел улиц Москвы артиллерией.

Решено было дать директиву — строить повсеместно баррикады, районным Советам брать власть в районах и руководить восстанием на местах, всем членам МК разойтись по своим районам, чтобы там лично руководить движением, насколько это окажется возможным, в центре же встречаться в определенный час для взаимной информации. Но и это последнее становилось все затруднительней. Товарищ Лядов вспоминает:

«Работа нашего штаба делалась все тяжелей и тяжелей. Рассеянные бои по всем районам все более и более затрудняли сношения с районами. Вначале мы решили, что центральный штаб обязательно должен находиться ближе к центру от всех районов. Мы пользовались преимущественно для штабных квартир районом Арбата, Поварской и прилегающих переулков. Мы предполагали вначале, что основная борьба сосредоточится в рабочих районах, в центральных улицах будет спокойней, и оттуда будет легче сноситься со всей территорией Москвы. Но уже 11-го стало ясно, что бои на центральных улицах были отнюдь не меньше, чем в рабочих кварталах. Я помню один вечер, когда я возвращался с Лешим и с женой, работавшей техническим секретарем центрального штаба, на этот раз расположенного где-то в переулке возле Поварской, то мы никак не могли выбраться из этого переулка. Совершенно безлюдные, темные улицы, а на всех перекрестках стоят драгунские разъезды и непрерывно палят в темноту вдоль улицы. И очень долго продолжалась эта бессмысленная, нелепая стрельба пьяных драгун. Другой раз, когда мы проходили к квартире, которая должна была служить штабом в этот день, где-то близко от Смоленского рынка мы увидели, что дом обстреливается артиллерией и туда никоим образом войти нельзя. Для того, чтобы сноситься с районами, приходилось иногда путешествовать целый день. Поразительное геройство проявляли большинство наших курьеров. Иногда они шли буквально под обстрелом».

С 11 декабря руководство движением фактически перешло почти целиком в руки районных Советов и местных боевых штабов.

11 декабря

День 11 декабря хорошо описан в последнем, шестом, номере «Известий Московского Совета рабочих депутатов» от 12 декабря, откуда я привожу описание этого дня.

Еще предыдущий день 10 декабря был богат митингами, которые во множестве и в массовом масштабе происходили во всех районах. День 11 декабря носил иной характер. Ряд кровопролитных стычек, начавшихся еще с полудня 10 декабря, с большой силой продолжался весь день 11 числа. Поле деятельности и борьбы перенеслось из мастерских на улицы. С раннего утра закипела с удесятеренной силой работа по постройке баррикад; все улицы и переулки в окрестностях Садовой, начиная от Кудринской и до Трубной площади, покрыты десятками всевозможных заграждений, начиная с протянутой простой проволоки или сваленных друг на друга телеграфных столбов и кончая довольно прочными баррикадами из дерева, дров, кулей с углем, всякого рода железных и чугушных частей.

Около Миусского парка и у Бутырской заставы баррикады из трамвайных вагонов, где-то еще нагромождены в кучу извозчицы пролетки. У типографии громадные тюки с бумагой. Днем и к вечеру баррикадами стали покрываться другие части города: Замоскворечье, окрестности Смоленского рынка, Арбата и т. д.

Борьба развертывалась все шире и становилась все ожесточеннее. Стрельба около Садовой не умолкает ни на минуту. Пехотные и конные отряды разрушают здесь баррикады, разгоняют толпы, и на каждом шагу тех и других стережет пуля дружинника.

Отряды пехотинцев сначала жестоким огнем пачками обстреливают улицу и баррикаду, а затем уже начинают ее разбирать; во многих местах материалы сваливаются в кучу и жгут. На лицах солдат утомление и досада; движения медленны и вялы: возьмет какую-нибудь доску и еле-еле тащит. А тем временем дружинники ведут непрестанную и жестокую партизанскую войну, особенно по отношению к драгунам: с углов, из-под ворот, из-за всяких прикрытий, нет-нет, да и раздастся револьверный выстрел и часто попадает в цель...

Стоит солдатам разрушить одну баррикаду, сейчас же находят люди, наносят материалы, и на ее месте вырастает несколько новых... Настроение у всех радостное, праздничное, бодрое, — совсем не похоже на то, что идет война; слышатся всюду шутки и смех; ни раны, ни стоны, ни кровь как-то никого не пугают, как будто все это в порядке вещей.

Очевидно, народ уверен, что это уже последние жертвы, и исполнен счастьем грядущей близкой победы; нечего же оплакивать умерших: они умерли за великое дело, умерли героями, как дай бог умереть всякому; они купили своей кровью освобождение России.

А крови много, бесконечно много. Трудно считать даже приблизительно, каким числом исчисляются жертвы.

Сейчас двенадцать часов ночи; где-то за Москва-рекой огромный пожар, заревом которого покрыто все небо; грохочут пушки, один за другим слышатся пять выстрелов. Что-то будет завтра?..

Огромный пожар, о котором писали «Известия», был пожар Сытинской типографии на Пятницкой улице.

В этот день ряд улиц Замоскворечья был забаррикадирован: Пятницкая улица, вся Шаболовка и Донская, Калужская площадь, спуск к Крымскому мосту. Войска пытались разрушить большую баррикаду на Пятницкой улице, около Сытинской типографии; эта баррикада, а также типография усиленно обстреливались из ружей и пулеметов. Когда ответные выстрелы дружинников замолкли, солдаты начали разбирать баррикаду, проникли в типографию и стали ее систематически поджигать факелами, разливая предварительно керосин. Приехавшим пожарным не давали тушить. Типография сгорела до тла. Сожгли ее потому, что там печатались «Известия Совета рабочих депутатов» и она служила также базой для дружин. В эту ночь «Известия» печатались в типографии Кушиерева, на Пименовской улице. 12 декабря вышел последний, шестой, номер. После этого уже не выходила ни одна газета за время восстания.

12—16 декабря

Начиная с 12 декабря все последующие дни, вплоть до приезда семеновцев и начала разгрома Пресни 17 декабря, по существу ничем не отличаются друг от друга. Все это время внешняя картина города мало меняется. Значительная часть города сплошь покрыта баррикадами. Местами они разрушаются, но быстро сооружаются вновь. В центре магазины открыты. Кроме того, лавки со съестными припасами торгуют по утрам и в других частях города до десяти часов утра. По утрам выстрелов не слышно, не видно и войск. Но с десяти-одиннадцати часов утра уже грохочут пушки и расстреливают баррикады и дома, из окон которых были выстрелы. Достаточно одного выстрела из какого-либо дома, чтобы к этому дому была немедленно доставлена артиллерия и начался орудийный разгром.

13 декабря одновременно началась орудийная пальба на Садовой, в Кудрине, на Самотеке, на Арбате и на Бронной. Это срывали баррикады, которые тут же жгли пожарные, или преследовали «забастовщиков», которые постреляют из браунингов и перескочат на другую улицу; за ними перевозят орудия, а они переходят на третью улицу, и так без конца целый день. Арбат обстреливался артиллерией на всем протяжении от Арбатской площади до Смоленского рынка. Здесь

было очень много жертв. Войска, особенно драгуны, страшно ожесточены и немилосердно расправляются.

До 13 числа стрельба продолжалась только до наступления темноты, то есть до пятого часа, но с 13 декабря артиллерийская, пулеметная и оружейная стрельба продолжалась далеко за полночь. Очевидно, возможность поддерживать бой до позднего времени явилась следствием прибытия в Москву новых войск в виде резервного полка, артиллерии и драгун (из Твери и Ржева).

Но, несмотря на все старания, несмотря на то, что в ночь с 11-го на 12-ое были сожжены все баррикады по Садовой от Тверской до Сухаревой и в Кудрине, они возобновлялись вновь очень быстро. Баррикадами были покрыты 13 декабря следующие части города: район Бронных улиц, Садовая от Цветного бульвара до Кудрина, одна из Тверских-Ямских, переулки между Плющихой, Москва-рекой и Смоленским рынком, часть Сокольников, выходы на Каланчевскую площадь.

Кроме того, были целые укрепленные районы: район Пресни, район Каретной-Садовой и улиц Пименовской, Долгоруковской (ныне Каляевской), Новослободской, Миусского парка и Лесной улицы; район Дорогомиллова и местность около Симонова монастыря.

12 и 13 декабря на занятых войсками улицах расклеивается распоряжение Дубасова, в котором объявляется запрещение выходить из домов после шести часов вечера: «После этого срока все находящиеся на улице лица будут обыскиваться. Против всякой образовавшейся на улице кучки более трех человек полиции и войскам предписано употреблять оружие. Медицинские отряды, действующие в соучастии с мятежом, именующие себя отрядами «Красного Креста», будут задерживаемы, а если будут смешиваться с местной толпой, то будут обстреливаемы войсками». С этого времени медицинские отряды стали безжалостно обстреливаться, санитары, попавшие в руки войск, расстреливаться, а дома, где были вывешены флаги «Красного Креста», громились пушками.

14 декабря улицы Москвы представляли собой арену той же борьбы. Наряду с разрушением одних баррикад появляются новые. Так, на Большой Царицынской около университетских клиник, баррикады появились только 14 декабря: это были самые поздние баррикады. В некоторых местах баррикады разрушались, некоторые пока совсем не трогались. К числу последних нужно отнести район Бронных и Грузины. Систематически разрушать их стали только под конец востания, когда дружинники уже перестали защищать их.

В течение целых пяти дней войска и военное начальство не успели освоиться с приемами дружинников, не сумели найти

способ справляться с баррикадами и, никогда не зная ни сил, ни расположения противника, обнаружили необычайную растерянность и бестолковость в своих действиях. Характерно в этом отношении сражение 14 декабря на Миусской площади.

Миусский вагонный парк и прилегающие к нему мастерские подстанции трамвая были отгорожены четырьмя баррикадами: две были поставлены на Лесной улице и две в соседних переулках. Минаевский проезд, который ведет к соединительной ветке Брестской и Николаевской железных дорог, остался почему-то не забаррикадированным.

Дружине городских служащих (тридцать восемь человек: тридцать четыре винчестера, четыре маузера и у некоторых, кроме того, браунинги) был дан приказ собраться к десяти часам утра 14 декабря в вагонном парке. Дружинники стали понемногу собираться, начальник дружины еще не приходил. В девять часов утра парк неожиданно оказался оцепленным войсками. Главная масса пехоты и драгун с тремя орудиями и двумя пулеметами расположилась на Миусской площади фронтом к Торгово-Промышленному училищу. Два небольших отряда драгун были посланы к баррикадам на Лесную улицу — очевидно, чтобы отрезать дружинникам путь к отступлению. Со стороны пересыльной тюрьмы к сторожевому отряду присоединилась и конвойная команда.

В осаде очутились всего тринадцать дружинников, без командира. У каждого был обычный дневной запас боевых патронов. О том, где хранятся ящики с запасными патронами, они не знали. На их глазомер войска пришло человек пятьсот — шестьсот. Однако они решили дать им отпор.

Оба пулемета навели на фасад Торгово-Промышленного училища и открыли стрельбу. Было выпущено с промежутками до двухсот пуль. Дружинники, отрядив троих на охрану баррикад на Лесной, засели во втором этаже, над мастерскими. Как только затрещали пулеметы, дружинники дали залп по отряду осаждавших. Двое солдат упали, остальные отскочили от пулеметов, но потом, оправившись, продолжали обстрел училища. Разобравши, наконец, что стреляют со стороны парка, войска навели орудия и пулеметы в эту сторону и начали бомбардировать вагонный парк. Снаряды ложились на большом пространстве — досталось тут и дымовой трубе мастерских. Всего было сделано по парку до сорока орудийных выстрелов. Дружинники продолжали из окон осыпать солдат пулями с дистанции в двести пятьдесят шагов. Они подметили, что из орудий стреляют не залпами, а по очереди, наводя их то в одно, то в другое место. Как только они завидят, что орудие наведено на правый угол здания, они перебегают на левую сторону. Раздается выстрел, снаряд влетает в окно, с треском разрываясь в зале, или пробивает сквозную брешь

в стене. Дружинники сейчас же бегут к образовавшейся брешне и, пользуясь ею или разбитым окном, как амбразурой, продолжают стрелять. Все это время на задах три дружинника вели перестрелку с конвойной командой.

Истратив после четырехчасовой перестрелки все патроны, дружинники спрятали во дворе винтовки и все ушли по Минаевскому проезду, оставив двоих, которые должны были как можно дольше отвлекать внимание войск. В это время орудия обвезли кругом и еще часа полтора обстреливали Лесную улицу от Тверской заставы. Тут было сделано выстрелов двенадцать-пятнадцать.

Наконец, около четырех часов дня, видя, что гарнизон «крепости» давно не отвечает на выстрелы, войска решились перейти за черту баррикад и, осторожно подвигаясь вперед с ружьями наперевес, принялись обшаривать всю местность. Не встретив нигде ни души, солдаты вошли, наконец, в вагонный сарай.

На Каланчевской площади, у вокзалов Николаевской, Ярославской и Казанской железных дорог несколько дней подряд (с 11 по 14 декабря) происходили серьезные стычки между войсками и железнодорожными рабочими и служащими. По приблизительному подсчету, в этих перестрелках участвовало до ста пятидесяти вооруженных железнодорожников. Там все время стреляли из орудий.

Мелкие стычки происходили непрерывно: у Каменного моста, на Малой Бронной, в Трубниковском переулке, у Кудрина. В районе Кудрина за три дня было убито тринадцать драгун и казаков и один офицер.

Стычки и пушечная борьба все эти дни происходили и в районе Пресни, но все попытки войск проникнуть в этот прочно укрепленный район были отбиты. В этом районе господствовало полное революционно-народное самоуправление.

Районный Совет рабочих депутатов устанавливал часы торговли булочных и продовольственных лавок и цены на товары; к депутатам обращались жители за разрешением конфликтов и всяких текущих вопросов. За это время отмечено отсутствие краж и полная безопасность для жителей в районе. Полицейский участок района был занят дружинниками, в нем взяты деньги, документы и оружие; был арестован начальник московского сыскового отделения Войлошников и околоточный надзиратель Сахаров: последнего знало и ненавидело все население Пресни; оба они были расстреляны по приговору революционного суда. Было за это время взято дружинниками в плен несколько солдат; с ними провели беседу, накормили и отпустили.

Дни 13 и 14 декабря были критическими днями восстания: решался вопрос, кто победит, чья возьмет.

С одной стороны, Дубасов констатировал ненадежность части войск и крайнее утомление войсковых частей, непрерывно ведущих тяжелую и опасную уличную борьбу, и настоятельно просил в течение последних дней присылки подкрепления из Петербурга. Оттуда отвечали, что часть петербургского гарнизона отправлена в Прибалтийский край, охваченный восстанием, часть ненадежна, а остальная нужна для охраны Петербурга и царя. Тогда Дубасов добился по телефону переговора с самим царем, притаившимся в это время в Царском Селе (ныне город Пушкин). Дубасов заявил царю, что, если ему не пришлют подкреплений, то он не ручается за «целость самодержавия». В результате этих переговоров царь велел послать ему подкрепления: из Петербурга был послан гвардейский Семеновский полк с артиллерией, а из Варшавского военного округа Ладожский полк.

14 декабря удалось собраться Московскому комитету, хотя не в полном составе. Комитет, опираясь на сведения о разрастающемся движении в других местах России, о расширяющейся железнодорожной забастовке, постановил продолжать забастовку в Москве и не прекращать вооруженной борьбы дружин.

Но в это же время меньшевики стали усиленно проявлять свои капитулянтские настроения. Меньшевистская «группа», собравшаяся в ночь на 14 декабря, констатировала ослабление настроения масс, невозможность при этом условии перехода войск на сторону народа, и постановила забастовку прекратить, это решение провести через Совет рабочих депутатов, который созвать для этого 15 декабря.

15 декабря Совет рабочих депутатов собрался в столовой фабрики Цинделя, в Замоскворечье, не в полном составе: отсутствовали представители Лефортовского и Сокольнического районов, а из других районов нехватало представителей многих предприятий — было всего восемьдесят пять — девяносто человек вместо двухсот.

Настроение докладчиков было боевое, хотя некоторые депутаты сообщали, что местами настроение падает, замечается «неуверенность», но за прекращение забастовки не говорил никто, даже представитель меньшевиков не решился здесь высказаться за прекращение забастовки. Особенно горячо стояли за продолжение забастовки и восстания представители железнодорожников, которые указывали на то, что в провинции железнодорожная забастовка только еще разгорается, повсюду растет движение рабочих.

Представитель Московского комитета огласил и поддержал решение комитета от 14 декабря о продолжении забастовки и восстания. Решено было борьбу продолжать, но, ввиду неполного состава Совета, вопрос передать на окончательное

разрешение районных Советов, а в случае невозможности им всем собраться, предоставить окончательное решение Исполнительному комитету Совета рабочих депутатов.

Насколько предательски было поведение меньшевиков, видно из того, что на собрании своей группы вечером этого же дня они категорически постановили, что забастовка должна быть окончена не позже 17-го, и решили выпустить об этом прокламацию, даже если Московский комитет большевиков выскажется против.

Так предательски вели себя меньшевики, сеяли неуверенность и колебания среди рабочих и тем тормозили движение, а после окончания восстания они горько каялись, что их вовлекли в это дело, и в меньшевистской брошюре, вышедшей вскоре после восстания и подводившей его итоги, вопреки всем фактам, изложенным в той же брошюре, они писали: «Буржуазная пресса утверждает, что в Москве подавлено восстание. Мы же скажем, что в Москве его совсем не было... Стремление перевести всеобщую забастовку в восстание не могло увенчаться успехом и должно быть признано исторической ошибкой»¹.

Их лидер Плеханов писал также, что не надо было братья за оружие.

Скажу здесь еще несколько слов об эсерах.

Эсеры много кричали до восстания о своих силах, об имеющихся у них бомбах, оружии... А на деле в дни восстания они почти не чувствовались: лучшая часть их дружин дала себя вовлечь в ловушку в первые дни восстания 9 декабря в доме Фидлера: там они и были захвачены вместе с оружием и небольшим количеством бомб. Во время восстания не оказалось в распоряжении эсеров ни бомб, ни ручных гранат.

На Пресне эсеровские дружинники со своим начальником Медведем (Соколов) сражались в общих рядах под начальством товарища Седого.

Положение на улицах Москвы 15 числа так описывает корреспондент радикальной газеты «Молва»:

«В общем, замечается сравнительное затишье. Забастовка все еще держится твердо, хотя на некоторых улицах магазины открылись, не снимая однако ставень. Торгует и Охотный ряд. При редких орудийных раскатах торговцы поспешно закрывают лавки.

Движение на улицах несколько оживилось. Появились и извозчики. В центральных частях города утром, повидимому, было некоторое затишье, так как имеется известие, что с десяти до двенадцати часов дня были открыты некоторые банки, но затем закрылись.

¹ «Москва в декабре 1905 года», стр. 245—246, изд. П. В. Кохманского.

В городе всюду следы разрушительного действия войск. На Тверской целый ряд домов с разбитыми стеклами, отбитыми карнизами, брешами. Окна наскоро забиты коврами, одеялами, шторами.

На Миусской площади целые улицы с изуродованными артиллерией домами. Несчастное население и паническом ужасе металось по кварталу. Женщины теряли своих детей. Очень много раненых и убитых. На Миусской же, у Пыховского проезда, тлеет огромное пожарище — догорает дом Громова, подожженный вчера артиллерией.

В редакции «Русского слова» большая часть оконных стекол пробита пулями.

* Офицерские и нижние чины второго Арбатского полицейского участка переехали сегодня в частный дом из боязни нападения боевой дружины.

Продолжаются многочисленные аресты.

Провода телефонные между Петербургом и Москвой в ночь на 15 декабря прерваны¹.

К утру 16-го положение резко изменилось: прибыли Семёновский и Ладожский полки с артиллерией. С их прибытием активные силы московского гарнизона, по свидетельству Дубасова, удвоились. Прибывшие части заняли все вокзалы, по железным дорогам были отправлены в тот же день карательные отряды для расправы с бастовавшими железнодорожниками и рабочими. Переход войск на сторону восставших, с прибытием свежих войск, не затронутых пропагандой, был на данный момент исключен. Борьба малочисленных дружин, притом плохо вооруженных револьверами, браунингами и в лучшем случае маузерами², против превосходящего числом противника, вооруженного скорострельными и дальнобойными винтовками, пулеметами, трех- и шестидюймовыми пушками, стала явно безнадежной; притом же в этой борьбе сильно страдало «мирное население», жилища которого громились ар-

---

¹ Этот перерыв телефонных проводов был в связи с рядом попыток прервать сообщение по Николаевской дороге и тем прекратить доставку войск в Москву. Была неудавшаяся попытка большевистской боевой дружины в Петербурге взорвать мост по Николаевской железной дороге. В Твери рабочие Тверской мануфактуры пытались разрушить железнодорожные пути, но были отогнаны охраной, которая для усмирения рабочих этой фабрики принуждена была пустить в дело пушки. В ночь на 17 декабря министр внутренних дел отправил телефонограмму в Москву, на имя генерала, командовавшего войсками: «Станция Куницкая близ Твери разграблена мятежными рабочими, которые повредили пути и разрушили телеграф; необходимо снарядить небольшой отряд и уничтожить мятежников, ибо иначе сообщение с Петербургом может быть прервано. Если возможно, сделайте это».

² Только на Пресне да еще в некоторых укрепленных районах дружинники были вооружены небольшим количеством винтовок, отобранных у городских и у солдат.

тиллерией и сжигались; убитые и раненые из числа его насчитывались сотнями, в том числе женщины и дети.

Давало знать себя к тому же утомление и истощение рабочих затянувшейся стачкой и плохим питанием.

Ввиду всех этих обстоятельств, Московский комитет большевиков и Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов утром 16 декабря постановили прекратить вооруженное сопротивление с сегодняшнего дня, а забастовку — с понедельника, 19 декабря.

Московским комитетом была выпущена по этому поводу листовка.

Приведу здесь эту замечательную листовку, полную бодрости и уверенности в скорое возобновление борьбы, которая должна привести к окончательной победе.

*«Российская социал-демократическая рабочая партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Выходите на работу, товарищи!»*

Скоро мы снова приступим к упорной борьбе. Новая схватка с проклятым врагом неизбежна, близок решительный день!

Опыт боевых дней многому нас научил, этот опыт послужит нам на пользу в ближайшем будущем.

Славные борцы за свободу и счастье рабочего класса, бессмертные защитники баррикад доказали и нам, и рабочим всей страны, что мы можем бороться не только с ружьями и нагайками, но и с пушками и пулеметами. И теперь, как и в первые дни, гордо развевается красное знамя на наших баррикадах, — разрушали их ночью царские холопы, к утру они вырастали снова. Исчезали в одном районе — быстро появлялись в другом.

Наши дружины наводили ужас не только на московских холопов царя. Выстрелы из наших винтовок и револьверов заставляли бледнеть и царскосельского палача, и всю свору грабителей и насильников страны.

Еще позавчера, как в первые дни, наши герои-борцы стояли за баррикадами, всегда готовые метким огнем встретить царских опричников. Ряды героев не поредели: на место погибших становились новые. Только призыв организации прекратить на время борьбу дал возможность войскам разобрать баррикады. Мы не побеждены. Каждый выстрел из пушки дает нам новых друзей.

Но держать без работы всех рабочих Москвы дольше невозможно. Голод вступил в свои права, и мы прекращаем стачку с понедельника.

Становитесь на работу, товарищи, до следующей, последней битвы.

Она неизбежна. Она близка!..

Поганое правительство из пушек расстреливало безоружных, оно не простит рабочему классу своего страха и потерь. К борьбе беспощадной, упорной, последней борьбе будем готовиться. И снова, как в эти славные дни, пусть со свежими силами рабочие всей Москвы бросят работу. Ждите призыва! Запасайтесь оружием, товарищи! Еще один могучий удар — и рухнет окончательно проклятый строй, всей стране ненавистный.

Вечная слава погибшим героям-борцам, вечная слава живым! В понедельник, в двенадцать часов дня, все рабочие Москвы становитесь, как один человек, на работу».

Дружинникам было объявлено о прекращении борьбы, и они 16 декабря стали покидать баррикады; часть их ушла на Пресню, которая решила продолжать борьбу до 18 декабря. В этот день на улицах Москвы было сравнительное затишье; войска и пожарные, не встречая уже организованного сопротивления, разбирали баррикады, кое-где слышались одиночные выстрелы; редкая орудийная стрельба раздавалась лишь в районе Пресни. Войска окружали Пресню со всех сторон.

16 декабря моя жена, все эти дни несшая работу по связи при центральном штабе, проникла с большим трудом к нам, в Сокольнический район, для установления связи с сокольнической организацией, оторванной за все время восстания от центра. Она рассказала, с какими трудностями и риском пришлось нести работу по связи с районами, как ей сегодня пришлось пробираться по улицам Москвы: везде стоят вооруженные патрули, обыскивают всех прохожих, у кого находят оружие, а то и просто, кто покажется подозрительным, тех тут же расстреливают; ей пришлось наткнуться на трупы, валяющиеся на улицах. Она передала нам о постановлении комитета прекратить вооруженное сопротивление и начать работы с 19 числа. По ее словам, настроение в комитете бодрое: там полагают, что мы не проиграли восстания, мы его только откладываем, чтобы лучше подготовиться к новому выступлению.

Мы думали, что в Москве восстание уже закончено. Вечером слышались только редкие одиночные ружейные выстрелы. Но предстояли еще самые трагические моменты восстания — разгром Пресни и Казанской железной дороги.

Как я уже сказал, Пресня не разоружилась 16 декабря, решила продержаться до 18-го утром.

И вот 17 декабря с семи часов утра началась ужасающая канонада, достигшая напряжения, небывалого за все время восстания; продолжалась она целый день; к вечеру огромное зарево занялось над Пресней: это громили последний оплот восстания — героическую Пресню.

18-го, в воскресенье, утром, ко мне приходит Семен Петрович, похудевший, побледневший и сбросивший бороду; я не сразу узнал его, хотя не видел всего каких-нибудь восемь дней.

Вот что он мне рассказал: уже 10 декабря на заседании комитета выяснилось, что он не в состоянии из центра руководить движением; районы отрезаны от центра и между собой, связь с ними крайне затруднена, сведения из районов доходят с большим опозданием и часто недостаточно проверенными; доходят ли до районов директивы центра, тоже было неизвестно, да и, кроме того, у комитета не было определенного плана восстания и были неясны ближайшие его цели. Ввиду этого, решено было: членам комитета разойтись по районам и там, на месте, руководить движением, стараясь все же поддерживать связь с центром и время от времени собираться.

Семен Петрович пошел на Пресню и там засел безвыходно до утра 18 числа. Пресня была вся забаррикадирована и почти отрезана от города. Центром восстания была Прохоровская мануфактура (ныне Трехгорная); главным руководителем был товарищ Седой, пользовавшийся на Пресне в эти дни огромным авторитетом.

Дружины отбивали до 16 декабря все попытки казаков, драгун и пехоты проникнуть на Пресню. Подвозились пушки, но артиллеристы обстреливались дружинниками и повертывали обратно, оставляя без прикрытия пушки; но достигнутый успех не удавалось использовать: подоспевшими резервами пушки были отбиты обратно.

16 декабря разведка установила, что вся Пресня окружается войсками с артиллерией. Ночью было закончено окружение Пресни, и еще перед рассветом семеновцы двинулись от Александровского (ныне Западного) вокзала, смяли дружину, оборонявшую баррикады на этой улице, и заняли часть Пресни — до Большой Пресненской улицы, обыскивая по пути каждый дом.

Около семи часов утра 17 декабря начался обстрел Пресни со всех сторон интенсивным артиллерийским огнем: в минуту делалось до пяти выстрелов. Загорелось много домов. Войска продвигались вперед, все теснее сжимая кольцо вокруг Трехгорной мануфактуры, но еще не решаясь проникнуть на площадь, примыкающую к фабрике. Дружинники продолжали оказывать упорное сопротивление, обстреливая войска из-за баррикад, из дворов и из домов. Среди наступавших было несколько убитых и раненых. Особенно сильное сопротивление было оказано около фабрики Шмидта. После артиллерийского обстрела войска приступом взяли эту фабрику, сожгли ее, находившиеся вблизи бани и ряд домов. Солдаты обыскивали на занятой территории дома, дворы, поджигали их и беспощадно

обстреливали пытавшихся найти спасение, перебираясь через Москва-реку или через переулки. К вечеру выяснилось, что о дальнейшем сопротивлении, ввиду превосходных сил врага, не может быть и речи, и решено было спрятать оружие, а дружинникам по возможности уходить, но вся Пресня была окружена тесным кольцом, пробираться через которое не было возможности. Руководители восстания и часть дружинников ночевали в незанятой еще части Пресни в одной школе и ждали утром неминуемого конца. Но утро принесло неожиданную радость — известие, что Малая Грузинская улица не охраняется патрулями и свободна для движения. Первым делом переодели и изменили, насколько возможно, наружность Седого и сплывили его; за ним поспешили и другие дружинники. Некоторые рискнули даже пронести с собой оружие.

Выбравшись с Пресни, Семен Петрович зашел в первую же парикмахерскую остричь волосы и сбрить бороду, чтобы изменить свою наружность.

Но оказалось, что не все дружинники выполнили распоряжение прекратить сопротивление. Из донесений начальников частей, громивших Пресню, мы узнаем, что и в ночь на 18 декабря одиночная редкая стрельба со стороны дружинников продолжалась; а 18-го, в два часа дня, сообщает донесение: «неожиданно раздались залпы из домов, расположенных с левой стороны улицы, около Пресненского моста; артиллерия и рота ответили несколькими залпами. С наступлением темноты из разрушенных и сгоревших уже домов, из развалин снова раздались залпы мятежников, по которым пулеметы сейчас же открыли огонь»¹. В этот же день генерал Шейдеман написал собственноручно приказ:

«Полковнику Мину.

1) 19-го декабря надлежит пройти колоннами Пресню с тем, чтобы убедиться в том, что сопротивления не оказывают. Осмотру подлежит как сама Пресня, так и прилегающие фабрики.

2) Если будет оказано вооруженное сопротивление, то истреблять всех, не арестовывая никого.

3) К концу осмотра Пресни надлежит выслать к стороне сахарного завода и соседним с ним фабрикам кавалерию с конными орудиями для разведки, а затем, если на этих фабриках окажется присутствие людей, которые окажут сопротивление, то ввести отряд и громить эти фабрики, подобно тому как было со Шмидтом.

¹ «Из истории Московского вооруженного восстания 1905 года», стр. 48, ОГИЗ, «Московский рабочий», 1930 г.

Примечание: Сахарный завод был занят 18 декабря боевой дружиной от Прохорова»¹.

И только 19 декабря сводный отряд с четырьмя пушками вступил на сахарный завод, а две роты Семеновского полка заняли Прохоровскую фабрику. Производились обыски, расправа, расстрелы.

Приведу здесь описание расправы на Пресне, написанное под свежим впечатлением²:

«После нашествия на Пресню, последняя представляла картину полного разрушения. Во многих местах пылали дома, подожженные артиллерийским огнем. Дым окутывал всю местность. Ружейная пальба не стихала. Спасаящиеся от пожара жители то и дело натывались на ружейные залпы солдат, охотившихся за людьми, как за зайцами. Стреляют по группам и одиночкам.

Вот выходит из дома какой-то человек и просит разрешения пройти. Ему разрешают. Но тут же стреляют по нем. Тот падает, раненный, собирает последние силы и ползком направляется к дому. «Ну, ползи, ползи, может быть, и доползешь», — смеются семеновцы и несколькими новыми выстрелами добивают его. Или еще случай. По улице едут два пассажира, натываются на патруль. Последний обыскивает их. У одного находят револьвер.

«Иди, да не шибко, все равно далеко не уйдешь». Тот, действительно, через несколько шагов падает, сраженный пулей в спину.

Тут же на Пресне показывается толпа обезумевших от ужаса обывателей. Они спасаются от удушливого дыма. Из одного дома раздается выстрел, и стоящие тут солдаты открывают огонь по толпе растерявшихся и стоящих с поднятыми вверх руками людей. Из-за угла показывается студент без шапки, в расстегнутом пальто и форменной тужурке. По нем открывают стрельбу. Он зашатался и прислонился к стене дома, выронив револьвер. К нему подбегает пожарный и каким-то железным орудием ударяет его по голове. Студент падает, обливаясь кровью. Пожарный еще раз ударяет его по голове. После этого подсакивают казаки и добивают его шашками и прикладами.

В то же время на дворе Прохоровской фабрики полковник Мин расправляется с забранными в спальнях рабочими и дружинниками; находившихся здесь сестер милосердия пропускают сквозь строй казачьих нагаек: некоторые из них тут же падают. Шестнадцать человек по мановению бравого полков-

---

¹ «Декабрьское восстание в Москве 1905 года», стр. 139. Госиздат, 1920 г.

² «Москва в декабре 1905 года», изд. Кохманского, 1906 г.

ника отводят «налево» — к расстрелу. После этого славного подвига полковник Мин троскратно лобызается со стрелявшими солдатами и благодарит их словами: «Спасибо, братцы, поддержали Россию».

Потом сюда сводили задержанных и здесь чинили «скорый суд». По указаниям городских и пожарных, задержанных делили «направо и налево». Последних отводили на Москва-реку для расстрела.

Широко практиковались в это время также избиения и порки в участках.

Кроме Пресни, особенно зверская расправа была произведена на Казанской железной дороге. Эта расправа описана в книге В. Владимирова, корреспондента газеты «Русь»: «Карательная экспедиция отряда Семеновского полка на Московско-Казанской железной дороге». Факты, оглашенные Владимировым, произвели тогда сильнейшее впечатление. Книга была конфискована, но успела разойтись в большом количестве. Приведу здесь общее описание событий из этой книги:

«16 декабря 1905 года выехал из Москвы отряд лейбгвардии Семеновского полка в составе шести рот при двух орудиях и двух пулеметах. Он ознаменовал свой путь по Московско-Казанской железной дороге, на протяжении ста с лишком верст, кровавыми деяниями, которые будут отнесены к ярким моментам революционного движения в России и занесены на страницы истории.

Весь этот путь со станции Москва и до станции Голутвино обильно полит человеческой кровью.

Карательная экспедиция Семеновского полка задалась целью отомстить народу за все его стремления к свободе, к свету, к улучшению своего экономического быта, отомстить за нераспорядительность, бессилие и преступность правительства и достойно наказать народ за все его попытки... для устрашения населения в настоящем и для примера ему в будущем. Она решила оставить в памяти местного населения неизгладимый след кровавой вакханалии с безумными жестокостями, жупиваясь ими в своей дикой злобе.

Карательной экспедиции нужно было отомстить народу, безразлично, в лице кого. Отомстить — сильно, жестоко; несущественно только — отомстить в лице ли истинных виновников революционного движения, или в лице случайно встретившихся, невинных людей; те и другие одинаково дороги народу, одинаково им любимы, а потому месть в том или другом виде свое дело сделает. Важна для экспедиции была быстрота действий, которая порождала ужас, решительность и неуклонность военачальников, не останавливавшихся хотя бы на одну минуту раздумья перед совершением величайших преступлений.

И эта роль была выполнена составом экспедиции из восемнадцати офицеров под командой полковника Римана и отряда солдат. Было убито ими более ста пятидесяти человек, без суда и следствия, без права сказать свое последнее слово, без возможности знать за минуту до смерти, что будут убиты, без последнего «прости» своим детям, женам, родным. Все это было исполнено!.. И все это вселило ужас, который кровавым призраком гнался вслед за уходящим поездом, где жестокие мстители праздновали свою кровавую победу под стоны умирающих, избитых, израненных людей, заглушаемые грохотом и лязганием несущегося поезда и звоном бокалов «веселого пира».

Перед отъездом карательной экспедиции из Москвы 15 декабря был получен начальником экспедиции полковником Риманом приказ от командующего полком флигель-адъютанта Мина, в котором были преподаны те руководящие начала, которые легли в основу карательных действий экспедиции и от которых военачальники мало чем отступали в действительности.

«Цель и назначение отряда захватить станцию Перово, обыскать мастерские и строения по указанию станového пристава князя Вадбольского и жандармского подполковника Смирницкого.

Отыскать главарей Ухтомского, Котляренко, Татаринского, Иванова и других, по указанию князя Вадбольского и подполковника Смирницкого. Уничтожить боевую дружину. Исполнив задачу, оставить на станции Перово одну роту, поручив ей охрану станции и окрестного района.

Оказывать содействие правительственным железнодорожным агентам для восстановления движения. Затем следовать в Люберцы, где занять станцию, произвести обыски у населения завода, в остальном действовать так же, как в Перове.

Общие указания: *арестованных не иметь и действовать беспощадно*. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем или артиллерией.

На станции «Сортировочная» оставить одну роту, назначение которой — не допускать движения поездов в Москву, заграждая путь шпалами, выбрасывая сигнал «остановка», и в случае неповиновения — открыть огонь.

Далее отряду двинуться на станцию Коломна, где произвести обыск и осмотр и остаться впредь до особого распоряжения.

О действиях отряда и о результатах его начальнику отряда полковнику Риману I-му представить мне подробное донесение.

Подлинное подписал:

Командующий полком флигель-адъютант полковник *Мин*».

Согласно этому приказу, руководствуясь общими указаниями: «*Действовать беспощадно, арестованных не иметь*», пол-

Декабрьское восстание в Москве
С картины Г. К. Савицкого

Расстрел на фабрике
С картины И. А. Владимирова

На Пресне. После разгрома в декабре 1905 г.

Фабрика Шмидта на Пресне, сожженная в декабре 1905 г.

ковник Римаи в точности исполнил его и, действительно, никого не арестовывал: он или убивал людей сейчас же, немедленно, или отпускал их на свободу, причем даже старался не оставлять раненых; в случае, если оказывались недобитые, пристреливал их из револьвера.

Ни одна статья наших военных законоположений не позволяла отдавать полковнику Мину таких «общих указаний». Никакое право, ни при каких обстоятельствах не могло выразиться в такой форме полного бесправия, анархии со стороны военачальников, действовавших по приказу правительства».

Так Владимиров по свежим следам описал «подвиги» карательной экспедиции.

За все подвиги, которые проявил гвардейский Семеновский полк в Москве и по Казанской железной дороге — расстрелы, избиения, поджоги — ему объявлена и опубликована «высочайшая благодарность», его начальники, полковник Мин и Римаи и другие офицеры, получили награды — чины и ордена¹.

Считают, что всего за дни восстания в Москве убито и умерло от ран до тысячи человек, в том числе детей около ста, раненых же никто не считал. Сколько расстреляно после восстания, тоже не выяснено.

Расстрелами и избиениями в Москве дело не ограничивалось. Обыскивалось много частных квартир и даже учреждений, как земская управа, сельскохозяйственный институт.

При обысках было несколько случаев убийств обыскиваемых: так был убит при обыске приставом Ермоловым доктор Воробьев, оказывавший медицинскую помощь раненым в дни восстания.

Происходили массовые аресты и увольнения на всех железных дорогах. Увольнялись как служащие в управлении, так и рабочие. Из состава управления Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железных дорог уволено до шестидесяти человек, из состава Московско-Архангельской дороги — до ста шестидесяти человек. Одних машинистов и их помощников при железнодорожных станциях Московского узла арестовано больше ста человек. Такие же повальные аресты и увольнения происходили по всем железнодорожным линиям, и не только по линиям, — по селам, деревням. Все это —

---

¹ Приведу здесь выдержку из речи царя на смотре Семеновского полка в Петергофе 25 июля 1906 года:

«Благодаря доблести и верности семеновцев крамола в Москве была сломлена. Россия и я искренне благодарим вас за вашу службу.

Семеновцы, дорогие мои! От всей души выражаю вам мою горячую благодарность!»

Эта речь была опубликована во всех газетах и служила материалом для агитации против самодержавия, особенно доходчивым до широкой массы, которая знала о кровавой расправе семеновцев с рабочими Москвы.

учителя, врачи и другие земские служащие. Аресты среди последних были так многочисленны, что земская управа даже заявила администрации, что если это будет продолжаться дальше, то земскому хозяйству грозит серьезное расстройство.

На фабриках шло массовое увольнение рабочих, особенно тех, кто ярко проявил себя в революционные дни: был депутатом, выступал оратором на митингах в данном предприятии, вел переговоры с хозяевами и т. п.

И все же все эти репрессии шли в известной мере вслепую. Разведывательный аппарат был все же дезорганизован за революционные дни, и многие наиболее активные деятели избегли репрессий.

Живших нелегально эти аресты совсем не коснулись и вообще мало заделали руководящие круги нашей большевистской организации, кроме ареста, еще до восстания, 7 декабря, Шандера и Васильева-Южина. Дубасов признал тогда в одной из своих речей, что руководители восстания находятся за «пределами досягаемости». Он этим хотел сказать, что они сбежали куда-то далеко, но они почти все, за немногими исключениями, остались на своих местах, но для полиции тогда, действительно, были «за пределами досягаемости».

20 или 21 декабря я был в городе. Стачка окончилась: все заводы, фабрики, учреждения работали, но слышны были еще кое-где выстрелы.

Москва представляла собой жуткую картину.

Телеграфные столбы и фонари повалены, масса разбитых окон, в некоторых домах, в стенах, сквозные отверстия, пробитые артиллерийскими снарядами. В районе Бронных стоят еще неразобранные баррикады. Этот район почти не подвергался обстрелу, так как кривые и узкие переулки мешали действию артиллерии и конницы, но зато были очень удобны для партизанских действий. На улицах на всех перекрестках стояли по три городских, вооруженных ружьями. Как известно, с самого начала стачки и восстания полицейские на улицах разоружались и часто убивались, и уже с 10 декабря полицейские посты совершенно исчезли с улиц Москвы; с 18 или 19 декабря они вновь появились, но уже утроенными и вооруженными ружьями, со штыками.

На Пресне ездили конные разъезды; дымились развалины сгоревших домов, уныло торчали печи с трубами; около некоторых развалин бродили лишившиеся крова жители.

Как известно, восстание имело место не только в Москве. «Революционными восстаниями был охвачен также ряд других городов и районов. Вооруженные восстания были в Красноярске, Мотовилихе (Пермь), Новороссийске, Сормове, Севастополе, Кронштадте.

На вооруженную борьбу поднялись и угнетенные народы

России. Почти вся Грузия была охвачена восстанием. Крупное восстание произошло на Украине, в Донбассе: Горловке, Александровске, Луганске (Ворошиловград). Упорный характер носила борьба в Латвии. В Финляндии рабочие создали свою Красную гвардию и подняли восстание.

Но все эти восстания, так же, как и Московское, были с бесчеловечной жестокостью подавлены царизмом»¹.

Итак, победа осталась на этот раз за царским правительством.

Правительство и крупная буржуазия торжествовали. Представитель московской буржуазии, городской голова Н. И. Гучков, при встрече нового года у Дубасова, чокаясь с ним бокалом шампанского и поздравляя его с победой, сказал: «В нашем содействии вы не должны сомневаться: всякий из нас готов положить на это дело (то есть на борьбу с революцией, — С. М.) все свое разумение и все свои силы. Но вместе с тем велико и то значение, которое выпало на вашу долю в данном деле, как нашего руководителя. Да поможет вам бог!»

Это говорил глава той думы, которая еще за два месяца перед тем приглашала представителей общественных и революционных организаций для обсуждения положения и выражала свое сочувствие идеям свободы и народного представительства. Так резок был поворот вправо крупной буржуазии.

Одна из представительниц ее, «либеральная» и «культурная» предпринимательница Варвара Морозова, которая на своей тверской фабрике устраивала для рабочих библиотеки, вечерние курсы и театры-клубы, после декабрьской стачки на ее фабрике в Твери, где рабочие построили баррикады и отправились прерывать сообщение Москвы с Петербургом, крепко за них рассердилась и немедленно закрыла свои благотворительные и просветительные учреждения и разогнала их персонал.

ГЛАВА XXXIII

СОБРАНИЕ ЛЕКТОРСКОЙ ГРУППЫ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ. ДОКЛАД СЕКРЕТАРЯ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА. СБОРНИК «ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ». ИТОГИ

Вскоре после 19 декабря собралась лекторская группа. Поделились впечатлениями за время восстания. Многие члены группы выступали в это время на фабричных и заводских митингах. М. Н. Покровский, изучавший за время революции военно-технические вопросы, консультировал по этим вопросам в боевом центре.

¹ «История всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Краткий курс», стр. 79—80.

На собрании группы присутствовал секретарь Московского комитета товарищ «Виктор», который сделал доклад о положении дел в московской организации после восстания.

Организация, по его словам, провела отступление в полном порядке: ее ряды и ее техника сравнительно мало пострадали. Правда, в первый еще день стачки арестованы виднейшие члены комитета: «Марат» (Шанцер) и «Южин» (Васильев-Южин). Кое-кому пришлось уехать, кое-кого перебросили в другие районы, но комитет переконструировался и продолжает работу. Среди дружинников убитых и раненых мало, но многим пришлось покинуть Москву; склады оружия целы, невредимы также все девять типографий Московского комитета. Организация собирает свои ряды, чтобы начать подготовку к следующему выступлению, которое, несомненно, произойдет весной, когда должна подняться и волна крестьянского движения. Выборы в Государственную думу решено бойкотировать, используя избирательные собрания для агитации за всеобщее восстание. Так бодро и оптимистически закончил свой доклад товарищ «Виктор».

Лекторская группа обсуждала затем план своей дальнейшей работы. О митингах и даже о лекциях в атмосфере чрезвычайной охраны, арестов, обысков и всяких репрессий в ближайшее время нечего было и думать. Газеты наши все закрыты, и пытаться поставить их теперь было безнадежно. Решено было сосредоточить пока свою работу на литературно-издательском поприще, и прежде всего издать сборник, в котором подвести итоги 1905 года. Этот сборник мы назвали «Текущий момент» и распределили тут же статьи между собой. Статьи были быстро написаны. Сборник издало издательство «Колокол».

Ввиду характера получившихся статей, нечего было и думать провести сборник легальным путем: надо было его издать полулегально. Для этого он печатался в нескольких типографиях в виде отдельных листов, каждая статья имела свою нумерацию страниц. На сборнике не было выставлено ни названия издательства, ни названия типографии, как это полагалось. Всего получилось около тринадцати листов. Когда все было готово, книга не была представлена в цензуру, срочное разослана в провинцию и пущена в продажу. В очень короткое время разошелся весь тираж в десять тысяч экземпляров — тираж очень большой по тому времени.

Когда администрация постановила конфисковать издание, то оно уже почти все разошлось. Привлечь издательство или типографию к ответу за несоблюдение правил издания и за содержание сборника нельзя было, так как не были известны ни издательство, ни типография. Решено было привлечь авторов статей, но из этого как-то тоже ничего не вышло. Следова-

тельский и карательный аппараты не сразу были палажены после всех расстройств, которые им нанесла революция. Сборник получился очень боевой и произвел в свое время большое впечатление. Чтобы дать представление о его характере, приведу выдержку из передовой статьи, где говорится об итогах Московского восстания:

«Вооруженное восстание в Москве кончилось формальной победой правительства. Правда, оно не было прекращено силой, не было подавлено, — его прекратили сами восставшие, разобравшие баррикады, скрывшие оружие и исчезнувшие «за пределы досягаемости», но все-таки формально «все благополучно», и органы правительственной власти уцелели. Они даже снова пытаются произвести выборы в думу, в которую призываются массы мелкой буржуазии, долженствующей потопить в своей стихии немногочисленных выборщиков от рабочих, нагло, но по обыкновению весьма неискусно обманываемых и новым избирательным законом. К счастью для народа, Булыгинская дума даже и с виттевскими заплатами оказывается настолько неповоротливым и несуразным чудовищем, что привести его в движение нельзя никак раньше, чем в четыре месяца. Ну, а до того времени много воды утечет...

И, несмотря на формальную победу, несмотря на то, что на минуту задушены свободная печать и свободные собрания, разве действительный плюс не на стороне революции? Судите сами.

Тактические планы и проекты открытой революционной борьбы встречали скептическую усмешку со стороны людей, преисполненных житейской мудрости: помилуйте! Разве это — реальная политика? Это — утопия! — восклицали они. Жизнь, которая в последний год, казалось бы, не раз уже должна была отрезвить разных псевдореальных политиков, и на этот раз показала всю несостоятельность их скептицизма: то, что считалось невозможным, осуществилось в действительности с блестящим успехом. Вот первая великая реальная победа революционного народа.

Она, конечно, не единственная. Другая, не менее великая победа — это уяснение классовых противоречий. Реакционный характер правительства выставлен во всей его неприглядной наготе. Дело тут не только в положениях об усиленной и чрезвычайной охране, не в военных судах, не в арестах и избиениях, а в расстрелах и убийствах без суда, не дозволяемых никакими военными положениями и чрезвычайными охранами. Дальше идти окончательно некуда. Реакция исчерпала себя до конца.

Есть — далее — третий шаг вперед: события показали и подчеркнули недостатки революционной техники и организации. Это не пройдет бесследно для будущего. Получен гро-

мадный и ценный опыт, который будет использован в полной мере.

А родственники, друзья и знакомые невинно убитых, а разоренные и поруганные бедняки и рабочие, выкинутые на улицу без куска хлеба, а люди, близкие к арестованным, высланным, преследуемым, лишенным прав, расстрелянным, а члены разных профессиональных организаций, выгнанные со службы за участие в них, а железнодорожные служащие, поставленные вне закона? Достаточно этого, далеко неполного, перечня различных общественных групп, которые правительство в безумном ослеплении вооружило против себя и революционизировало, чтобы понять, как сильно пополнились кадры великой освободительной армии.

Изумительна та энергия, с какою русский народ и его авангард — пролетариат — ведет титаническую борьбу с теми, кто против его давно и ясно выраженной воли незаконно удерживает в своих руках власть. Слишком дороги те интересы, ради которых ведется беспримерная по своей напряженности борьба. Удовлетворены ли эти интересы? Нет! Может ли прекратиться борьба? О, конечно, нет! Есть ли признаки конечного торжества? Мы видели это сейчас: если каждый акт великой драмы ознаменовывается только внешними победами правительства и внутренними успехами революции, то сомневаться в конечном триумфе может только тот, кто не понимает общественной жизни и великих законов, ею движущих. Сомнений нет: каждое новое формальное поражение только удваивает силы революции»¹.

Так же бодро и оптимистически оценивает результаты восстания и Скворцов-Степанов в своей статье, направленной против «дневника» Плеханова и его заключения, что «не надо было браться за оружие».

Степанов же, отвечая ему, пишет: «Если оценивать последние события со стратегической точки зрения, со стороны тех перспектив, которые открывает декабрьский опыт, они заставляют смело глядеть на будущее. Наконец, если посмотреть на их общественное значение, то придется признать, что это — 9 января 1905 года, но только подготовляющее еще более высокую и грозную волну»².

В том же духе высказывается и Кирик Левин в статье «Вооруженное восстание в Москве».

Но, конечно, никто не сумел так полно, так гениально подытожить «уроки Московского восстания», как сделал это Ленин в своей статье под этим заглавием»³.

¹ Сборник «Текущий момент», стр. 4—6.

² В статье «Издаেকে», стр. 22.

³ В. И. Ленин, Соч., т. X, статья «Уроки Московского восстания», стр. 48—53.

В этой статье Ленин на слова Плеханова «не надо было браться за оружие» отвечает: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснить массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы». Далее в этой статье Ленин указывает на недостатки в организации и ведении восстания в Москве, и прежде всего, что не было достаточно усвоено положение Маркса: «...что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное *наступление*». Не велась достаточная борьба за колеблющееся войско. Далее, одобряя, что Москва выдвинула «новую баррикадную тактику», он говорит: «Москва выдвинула ее, но далеко не развила, далеко не развернула в сколько-нибудь широких, действительно массовых размерах. Дружинников было мало, рабочая масса не получила лозунга смелых нападений и не применила его, характер партизанских отрядов был слишком разнообразен, их оружие и их приемы недостаточны, их умение руководить толпой почти не развито. Мы должны наверстать все это и мы наверстаем, учась из опыта Москвы... победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании!»

В другой своей статье, написанной уже после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1920 году, Ленин, вспоминая о декабрьском восстании, писал: «До вооруженного восстания в декабре 1905 г. народ в России оказывался неспособным на массовую, вооруженную борьбу с эксплуататорами.

*После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 г...*¹ (курсив мой, — С. М.)

Итак, закончился великий революционный 1905 год. Это — репетиция, без которой была бы невозможна такая полная и скорая победа буржуазно-демократической революции в феврале 1917 года и так быстро за ней последовавшей Великой Октябрьской социалистической революции.

Я счастлив, что мне пришлось так близко наблюдать весь ход первой революции в Москве, и горд, что я принимал в ней посильное участие.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 60.

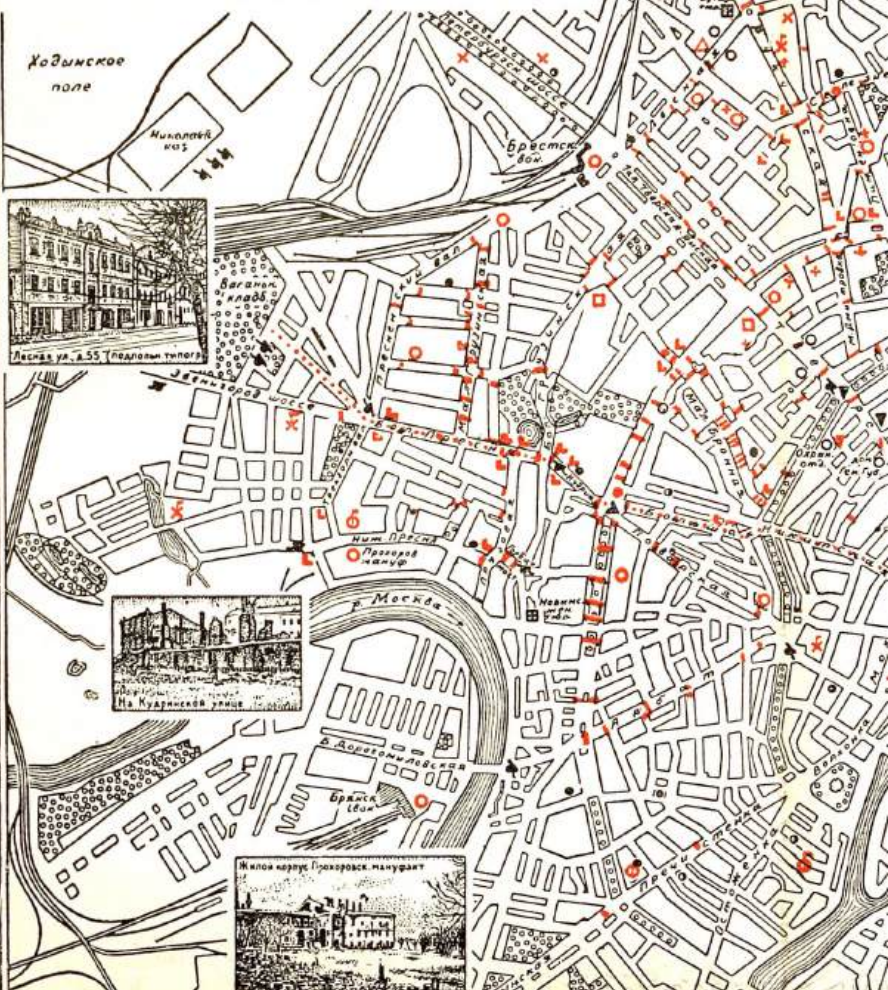

1905

ПЛАН РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В МОСКВЕ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- Массовые революционные собрания
- × Забастовки экипажам
- ✕ Забастовки политич
- Огненные пункты революц. влияния
- ⊕ Революц. заседания (кружки, комитеты, советы и проч.)
- ⊗ Руководящие революц. органы (райсоветы, райкомы, ревкомы и пр.)

Ходынский поле

Николаевский мост

Брестский вокзал

Савельевский мост

Бутырский мост

Лесной ул., д. 55 (Людские типы)

Земляной вал

Варшавский мост

Митинский мост

Митинский мост

Пролетарский мост

Москва

Дорогомиловская

Брестский вокзал

Брестский вокзал

Брестский вокзал

Брестский вокзал

Брестский вокзал

Брестский вокзал

Брестский вокзал

Новый корпус Пролетарского машиностроения

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
------------------------------	---

КНИГА ПЕРВАЯ НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ

От народничества к марксизму

<i>Глава I.</i> Детство	11
<i>Глава II.</i> В военной гимназии — кадетском корпусе. В младших классах	14
<i>Глава III.</i> В старших классах кадетского корпуса. Перелом мировоззрения. Разрыв с военщиной	21
<i>Глава IV.</i> Подготовка к «аттестату зрелости». Под знаком народничества	30
<i>Глава V.</i> Новые люди. Видимость оживления революционного подполья	48
<i>Глава VI.</i> В Московском университете. На первом курсе. Апогей реакции. Встречи с Заичневским	52
<i>Глава VII.</i> Академические занятия на первых двух курсах медицинского факультета	61
<i>Глава VIII.</i> Лето 1889 года в Нижнем — от революционного народничества к народничеству либеральному. Встречи с А. М. Пешковым — Максимом Горьким. На допросе	64
<i>Глава IX.</i> На втором курсе. Начало общественного подъема. Студенческие волнения весной 1890 года. В Бутырской тюрьме	75
<i>Глава X.</i> Лето 1890 года в Нижнем. Чтение книги «Наши разногласия» Плеханова. Я становлюсь марксистом. На третьем курсе	83

<i>Глава XI.</i> Академические занятия на трех старших кли- нических курсах	87
<i>Глава XII.</i> Лето 1891 года. Знакомство в Нижнем с первыми марксистами — П. Н. Скворцовым и М. Г. Григорьевым. Поездка в Вятскую губернию	92
<i>Глава XIII.</i> На четвертом курсе (1891—1892 гг.). Голод в России. Оживление общественной жизни. Марк- систы в Нижнем — интеллигенты и рабочие. Первое знакомство с марксистами в Москве. Либерально- народнический кружок московской интеллигенции. Доктор Д. Н. Жбанков и другие. Мое выступле- ние среди них. Другие встречи. Знакомство с рабо- чими	101
<i>Глава XIV.</i> На оспопрививании в Тверской губернии. Земский врач С. Н. Корженевский. Земская меди- цина в 90-х годах	117
<i>Глава XV.</i> На холере.	123
<i>Глава XVI.</i> На пятом курсе. Зима 1892—1893 года. Пер- вые московские марксисты. Расширение связей с рабочими	127
<i>Глава XVII.</i> Лето 1893 года. Опять на холере. Встреча с В. И. Ульяновым-Лениным	143
<i>Глава XVIII.</i> Осень 1893 года. Новые связи: Елизаровы, Е. И. Спонтки. Образование первой московской марк- систской группы для пропаганды и агитации среди рабочих. Поездка в Нижний. Работа нижегородской организации в 1894—1896 годы	145
<i>Глава XIX.</i> Выступления В. И. Ленина в Москве и Нижнем. Моя поездка в Вильно. Виленская органи- зация.	157
<i>Глава XX.</i> Московская организация начинает переходить к агитации. Первые прокламации. Их влияние на рабочую массу. Наши передовые рабочие. Рабо- водители-интеллигенты. Женский кружок	161
<i>Глава XXI.</i> Образование центрального рабочего кружка в апреле 1894 года. Его работа	175
<i>Глава XXII.</i> Моя вторая поездка в Вильно. Провал транспорта. Аресты членов «Партии народного пра- ва». Брошюра «Об агитации»	178
<i>Глава XXIII.</i> На службе в санитарном бюро моск- овского губернского земства. Доктор П. Ф. Кудряв- цев. Постановка земской медицины в Московской губернии. Доктор Е. А. Осипов и профессор Ф. Ф. Эрисман. Культурничество или революционная работа	184

<i>Глава XXIV.</i> Лето 1894 года. Работа и связи среди рабочих расширяются. Заводятся связи с подмосковными фабриками и с другими городами	191
<i>Глава XXV.</i> Встречи с В. И. Лениным. Его книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов»	195
<i>Глава XXVI.</i> Осень 1894 года. Появление книги Струве. Способы размножения литературы. Постановка работы на мимеографе и на печатном станке. Последние дни моей работы. Арест. В Сретенской полицейской части	209
<i>Глава XXVII.</i> В Таганской тюрьме. Тюремные порядки. Допросы. Тюремное чтение. Отправка в калужскую тюрьму.	211
<i>Глава XXVIII.</i> В калужской тюрьме. Тюремные порядки более свободные, чем в Таганской тюрьме. Общение с товарищами по заключению. Работа московской организации после моего ареста до арестов в июне 1895 года. Книжки Бельтова и Волгина. Опять в Таганской тюрьме. Изменение тюремного режима. Приговор	220
<i>Глава XXIX.</i> В Бутырской тюрьме. Тюремные встречи. Состав политических. Работа «Московского Рабочего Союза» в 1895—1897 годах. Успехи марксизма. Перелом в интеллигенции. Отправка в Сибирь	231
<i>Глава XXX.</i> Заключение. Идеология нашей организации.	244
Приложения:	
I. Столковались. У фабричного инспектора	255
II. Адрес московских рабочих рабочим Франции.	256
III. Рабочее движение в Москве. От Центрального Комитета Московского Рабочего Союза. Декабрь 1896 года и январь 1897 года	258
IV. Доклад министра юстиции Муравьева министру внутренних дел о тайном сообществе московских социал-демократов	262

КНИГА ВТОРАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ 1905

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Канун революции

<i>Глава I.</i> Приезд в Москву из ссылки. Особый московский режим. Изменения в облике Москвы и в московском быту за время моей ссылки.	271
---	-----

<i>Глава II.</i> Встреча с М. Х. Свентицкой. Знакомства на журфиксах у нее. Литераторы: В. В. Вересаев, Е. Н. Чириков, А. А. Вербицкая, Н. Г. Гарин-Михайловский, Н. А. Рожков, В. М. Фриче, А. А. Богданов. «Нелегальные революционеры» — Богдан (Кнувьянец), В. П. Ногин, Инесса Арманд. «Освобожденцы» — Н. К. Муравьев, Н. В. Тесленко, А. Ф. Стааль	273
<i>Глава III.</i> Студенческий марксистский кружок. Член Московского комитета В. А. Обух. Его оценка положения дел в партии и в московской организации.	281
<i>Глава IV.</i> Провокатор А. Е. Серебрякова. Нелегальный профессиональный союз типографщиков	284
<i>Глава V.</i> У московских земских врачей. Политические банкеты. Занятия в Староекатерининской больнице	288
<i>Глава VI.</i> Ча девятом Пироговском съезде врачей. Впечатления от Петербурга	290
<i>Глава VII.</i> Начало русско-японской войны. Патриотические манифестации. Моя работа в частной психиатрической лечебнице	294
<i>Глава VIII.</i> Арест Московского комитета и марксистского студенческого кружка. Н. Э. Бауман	297
<i>Глава IX.</i> Зубатовщина	299
<i>Глава X.</i> Журнал «Правда»	304
<i>Глава XI.</i> Положение на театре войны. Затяжье в России. Арест Баумана и Московского комитета. Высылка меня из Москвы. В Рязани	307
<i>Глава XII.</i> На Тверской мануфактуре. Разгром тверского земства. Кружок фабричной интеллигенции. Политическая «весна»	309
<i>Глава XIII.</i> Работа в тверской партийной организации. А. А. Богданов. Оживление общественной жизни. Студенческие волнения. Поездка в Москву. Знакомство с М. Н. Покровским и И. И. Скворцовым-Степановым	314

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В огне революции. 1905 год

Массы приходят в движение. Январь—апрель 1905 года

<i>Глава I.</i> «Кровавое воскресенье» 9 января. Отклики в Твери	323
<i>Глава II.</i> Переезд в Москву. Отклики на 9 января в Москве. Возобновление прежних связей. В. Л. Шанцер и другие. Арест Центрального комитета	

РС-ДРП. Образование организационного комитета по созыву третьего съезда партии. Начало моей работы по организации московской интеллигенции для содействия партии	325
<i>Глава III.</i> Условия моей работы в лечебнице. Благоприятные конспиративные условия лечебницы и моей квартиры. Приезд из Женевы В. Д. Бонч-Бруевича. Оживление связи с В. И. Лениным, с газетой «Вперед»	329
<i>Глава IV.</i> Лекторская группа при Московском комитете. Ее состав. Ее работа. Финансовая комиссия	331
<i>Глава V.</i> Профессионально-политические союзы	340
<i>Глава VI.</i> Работа среди врачей. Пироговский съезд по борьбе с холерой. Его политически демонстративный характер. Организация союза медицинского персонала	343
<i>Глава VII.</i> Решение партийного центра о выходе большевиков из профессионально-политических союзов и из «Союза союзов». Выход наш из этих союзов. Дальнейшее наше отношение к этим союзам	349
<i>Глава VIII.</i> Московский комитет в феврале—апреле. Структура московской организации и условия ее работы	351
<i>Глава IX.</i> Рабочее движение в феврале—апреле. Железнодорожная стачка в феврале. Тяга рабочих в профсоюзы. Моя работа в «Музее содействия труду». Стачка булочников	355
<i>Глава X.</i> Третий съезд партии и его отклики в Москве	363
Нарастание революционной волны. Май—август 1905 года	
<i>Глава XI.</i> Первое мая. Рабочее движение в течение лета. Массовки. Общегородская партийная конференция. Летучие митинги. Агитация за бойкот Булыгинской думы	366
<i>Глава XII.</i> Работа лекторской группы летом 1905 года. Оживление издательской деятельности, нелегальной и легальной. Моя работа. У Максима Горького. Поездка М. Н. Покровского за границу	372
<i>Глава XIII.</i> Московская окружная организация	378
Нарастание революционной волны. Сентябрь—декабрь 1905 года	
<i>Глава XIV.</i> Политические организации и настроения в Москве к сентябрю 1905 года	381

<i>Глава XV.</i> Открытие университетских аудиторий для всенародных митингов	384
<i>Глава XVI.</i> Забастовочная волна во второй половине сентября	388
<i>Глава XVII.</i> Октябрьская всероссийская политическая стачка	390
<i>Глава XVIII.</i> Наивысший подъем стачечной волны. Остановка водопровода. Улицы Москвы во время стачки. Черносотенная агитация. Собрание городской думы с общественными представителями. Осада университета. Погромы	396
<i>Глава XIX.</i> Манифест 17 октября	400
<i>Глава XX.</i> Демонстрации 18 октября. Освобождение политических заключенных. Убийство Баумана	403
<i>Глава XXI.</i> Похороны Баумана	406
<i>Глава XXII.</i> Черносотенные убийства и погромы	408
<i>Глава XXIII.</i> «Дни свободы». Амнистия	411
<i>Глава XXIV.</i> Митинги, лекции в «дни свободы».	413
<i>Глава XXV.</i> Профессиональные союзы и забастовки в эти дни	415
<i>Глава XXVI.</i> Революционная печать	417
<i>Глава XXVII.</i> Съезды в эти дни	424
<i>Глава XXVIII.</i> Подготовка к восстанию. Боевые дружины. Работа среди войск	429
<i>Глава XXIX.</i> Московский Совет рабочих депутатов	431
<i>Глава XXX.</i> Московские большевики в 1905 году. Члены Московского комитета и другие	435
<i>Глава XXXI.</i> Канун восстания. Волнения в войсках	441
<i>Глава XXXII.</i> Московское вооруженное восстание	449
<i>Глава XXXIII.</i> Собрание лекторской группы после восстания. Доклад секретаря Московского комитета. Сборник «Текущий момент». Итоги	483

Редактор А. Курская
Переплет и титула
Г. Мануйлова
Технический редактор

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
27	18 сверху	Бывали	Были
160	16 "	Помимо	Помню
180	2 "	Лебедева	Лебедеву
236	6 снизу	Поволжья	Поволжья
289	2 "	истории	истерии
390	7 сверху	„истиннорусскую область“	„истиннорусскую“ область
483	2 "	на Украине, в Донбассе:	на Украине в Донбассе:
493	4 снизу	Нарастание	На гребне

<i>Глава XV.</i> Открытие университетских аудиторий для всенародных митингов	384
<i>Глава XVI.</i> Забастовочная волна во второй половине сентября	388
<i>Глава XVII.</i> Октябрьская всероссийская политическая стачка	390
<i>Глава XVIII.</i> Наивысший подъем стачечной волны, Остановка водопровода, Улицы Москвы во время стачки. Черносотенная агитация. Собрание городской думы с общественными представителями. Осада университета. Погромы	396
<i>Глава XIX.</i> Манифест 17 октября	400
<i>Глава XX.</i> Демонстрации 18 октября. Освобождение политических заключенных. Убийство Баумана	403
<i>Глава XXI.</i> Похороны Баумана	406
<i>Глава XXII.</i> Черносотенные убийства и погромы	408

Редактор А. Курская
Переплет и титула
Г. Мануйлова
Технический редактор
А. Цыппо
Корректор М. Зевин

* * *

Сдано в набор 4/X 1939 г.
Подписано к печати 4/X
1-40 г. А14552. Зак. изд.
№ 151. Тираж 10 000 экз.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆
31 печ. лист 30,6 авт.
лист. Зак. 1592

* * *

Тип. Гослитиздата.
Москва, 1-й Самотечный
пер., 17.